

Э. Карр

11

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

ОСНОВЫ
ПЛАНОВОЙ
ЭКОНОМИКИ
1926-1929

Том 2

Э. КАРР

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

11

ОСНОВЫ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ

1926 — 1929

Том 2

E. H. CARR
A HISTORY OF SOVIET RUSSIA

11

FOUNDATIONS OF A PLANNED ECONOMY
1926—1929

Volume two

London
Macmillan
1971

*На правах рукописи
Для служебного пользования*

3

№ _____

Э. КАРР

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

11

ОСНОВЫ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ 1926 — 1929

Том 2

Перевод с английского

**Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»**

1989

«ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ» Э. КАРРА

включает в себя 14 книг

(4 работы):

Книга первая: «Большевицкая революция. 1917—1923». Том 1

Книга вторая: «Большевицкая революция. 1917—1923». Том 2

Книга третья: «Большевицкая революция. 1917—1923». Том 3

Книга четвертая: «Междуцарствие. 1923—1924».

Книга пятая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 1

Книга шестая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 2

Книга седьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 3, часть 1

Книга восьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 3, часть 2

Книга девятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 1, часть 1

Книга десятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 1, часть 2

Книга одиннадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 2

Книга двенадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 1

Книга тринадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 2

Книга четырнадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 3

Редактор В. А. СУРОВОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие	7
-----------------------	---

Часть II

ПРАВЯЩАЯ ПАРТИЯ

Глава 39. Объединенная оппозиция	11
Глава 40. Перегруппировка сил, 1928 год	45
Глава 41. Правый уклон	59
Глава 42. Структура партии	76
а) Членство	76
б) Партийная машина	85
в) Партия и правительство	90
Глава 43. Партийная дисциплина	96
Глава 44. Партийное образование	106
Глава 45. Комсомол	114
Глава 46. Партия в деревне	126

Часть III

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Глава 47. Союз и республики	135
а) Конституционная структура	135
б) Законодательная власть	138
в) Союзные и республиканские органы	142
Глава 48. Районирование	148
Глава 49. Местные органы власти	152
а) Низовые Советы	152
б) Земельное общество и сход	163

	<i>Стр.</i>
в) Волостные Советы	172
г) Городские Советы	180
<i>Глава 50. Избирательная процедура . . . . .</i>	<i>187</i>
а) Выборы в Советы, 1927 год	187
б) Выборы в Советы, 1929 год	192
<i>Глава 51. Советская бюрократия . . . . .</i>	<i>198</i>
<i>Глава 52. Красная Армия . . . . .</i>	<i>213</i>
а) Боеготовность	213
б) Армия и партия	218
в) Армия и население	225
<i>Глава 53. Власть закона . . . . .</i>	<i>230</i>
а) Суды и прокуратура	230
б) Уголовный кодекс	237
в) Закручивание гаек	243
г) Гражданское право	257
<i>Глава 54. Религия . . . . .</i>	<i>262</i>
<i>Глава 55. Политика в области литературы . . . . .</i>	<i>274</i>
<i>Глава 56. Новое советское общество . . . . .</i>	<i>286</i>
а) Структура населения	286
б) Классовый подход	290
в) Индустриальная революция	297
<i>Приложение «Е». Академия наук . . . . .</i>	<i>310</i>
<i>Приложение «Ж». Крестьянские Комитеты взаимной помощи . . . . .</i>	<i>313</i>
<i>Приложение «З». Группы крестьянской бедноты . . . . .</i>	<i>316</i>
<i>Приложение «И». Самообложение . . . . .</i>	<i>320</i>
<i>Приложение «К». Женщины на советской работе . . . . .</i>	<i>324</i>
<i>Приложение «Л». Товарищеские суды . . . . .</i>	<i>326</i>
<i>Таблицы 52—70 . . . . .</i>	<i>328-339</i>
<i>Примечания . . . . .</i>	<i>340-428</i>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том книги «Основы плановой экономики, 1926—1929 гг.», содержащий политическую характеристику рассматриваемого периода, задуман как продолжение и дополнение к ее первому тому, посвященному экономической истории и написанному совместно профессором Р. У. Дэвисом и мной. Основная задача настоящего тома заключалась в том, чтобы показать, как переход от НЭПа к полномасштабному планированию и в особенности внутренние трудности процесса ускоренной индустриализации распространились на структуру партии, государственной власти и общества и придали им новые формы, которых не предвидели те, кто делал революцию.

В определенном смысле можно сказать, что первый том «Основ плановой экономики» — это исследование того, что было достигнуто, а второй — какою ценой. Напрашивается, конечно, гипотетический вопрос: возможно ли было добиться тех же результатов меньшей ценой или — рассуждая еще более нереалистично — были бы достигнуты эти результаты и пытались бы вообще их достичь, если бы предвидели ту цену, которую придется за них заплатить? Однако же сама концепция такого подсчета, некоего социального или общенационального сводного баланса достижений и их цены представляется неправильной и дезориентирующей. Основные выгоды от того или иного исторического процесса редко достаются или даже никогда не достаются тем, кому приходится оплачивать эти выгоды, а модель сводного баланса распадается, выливаясь в непримиримый конфликт интересов и целей различных групп и опрокидывая тем самым иллюзию, будто для каждой проблемы можно найти недвусмысленное решение, которое не несло бы с собой страданий, несправедливости и трагедии. Лучшее, что может сделать историк, — представить картину во всех ее аспектах как единое целое и, отдавая себе ясный отчет в том, что она с неизбежностью будет отражать его собственное, ограниченное временем мнение, отложить окончательное суждение на более далекую перспективу, предоставив его будущим поколениям.

Ни один историк не может надеяться на то, что ему удастся охватить все сферы общественной и политической жизни обширной страны даже за самый краткий ее период. Большинство про-

блем, рассматриваемых в этом томе, таковы, что без них нельзя было обойтись; некоторые включены сюда по моему выбору — быть может, несколько пристрастному. Перед критиками книги открыта возможность указать на все ее упущения. Самое серьезное из них, в котором я сам отдаю себе отчет, состоит в том, что мне не удалось сколько-нибудь подробно осветить так называемый национальный вопрос, который по сути дела представляет собой целую серию различных вопросов, ибо проблемы, скажем, украинского или армянского национализма имеют мало общего с проблемами узбекского или бурятского национализма, не говоря уже о еще более отдаленных и менее развитых регионах. На сегодня эта тематика остается недостижимой для обычного историка из-за языкового барьера и ограниченного доступа к местным материалам. Почти все книги и статьи, опубликованные по ней до настоящего времени, отмечены не только слабостью источниковой базы, но и некритическим отношением к источникам. Их авторы либо заведомо согласны с тем, что СССР оказал благотворное влияние на те национальности, которые входят в его состав, либо также некритично принимают претензии и сетования представителей этих национальностей, что заставляет видеть в этих работах орудие пропаганды, а не продукт научного исследования. Возможно, пройдет еще много лет, прежде чем эти вопросы можно будет освещать сколько-нибудь адекватно и беспристрастно.

Так же, как и прежде, я считаю себя обязанным моим многим друзьям и ряду учреждений за неоценимую помощь в работе при подготовке этого тома. Мера моей признательности как отдельным лицам, так и библиотекам, великодушно шедшим мне навстречу, возрастает с каждым томом, но здесь, я надеюсь, нет необходимости повторно называть всех тех, кого я перечислил в предисловии к первому тому. Мне хотелось бы лишь добавить к этому списку некоторые новые имена и выразить мою благодарность Тамаре Дойчер, которая позволила мне ознакомиться с письмом Макса Истмена ее мужу; профессору Т. Г. Ригби из Австралийского Национального университета, разрешившему мне позаимствовать таблицу 53 из его работы о членстве в Коммунистической партии в СССР и давшего также ряд других ценных указаний в отношении партийной статистики; г-же Наркевич, чье исследование смоленских архивов помогло мне разобраться в перипетиях «смоленского скандала»; и, наконец, последним по очередности, но не по значению, профессору Юзури Таниучи из университета Токио, который тщательно прочитал разделы рукописи о сельских органах власти и великодушно поделился со мной своими несравненными познаниями в этом вопросе.

15 июня 1971 года

Э. Х. Карр

Часть II

ПРАВЯЩАЯ ПАРТИЯ

ОБЪЕДИНЕННАЯ ОППОЗИЦИЯ

Троцкий вернулся в Москву в конце мая 1926 г. в воинственном настроении. Первое, что ему предстояло сделать, — это скрепить союз между двумя частями оппозиции, оформившимися в общем и целом ко времени его отъезда в Берлин¹. Процесс этот не был свободен от разного рода помех. Троцкому, который ставил будущее партии выше личных расхождений и антипатий, было сравнительно легко прийти к договоренности с Зиновьевым и Каменевым, понимавшими свою беспомощность перед Сталиным без его поддержки. Куда труднее было для сторонников и почитателей Троцкого в Москве — людей типа Преображенского, Смилги, Радека и Мрачковского² — поставить себя в один ряд с ленинградскими подручными Зиновьева — Евдокимовым, Бакаевым и Лашевичем, которые еще совсем недавно участвовали в травле Троцкого. И самое трудное для рядовых масс в обеих группах, наученных видеть друг в друге представителей противоположных полюсов мысли в партии и привыкших обмениваться самыми яростными нападками, состояло в том, чтобы объединиться под совместным руководством, товарищески примирившись между собой. Этот процесс был осложнен к тому же требованиями секретности, в условиях которой он должен был совершаться. Обмен визитами происходил между обеими группами и между обеими столицами. Существуют показания свидетеля о визите Смилги в Ленинград, где он выступил перед собранием в 40 человек, набившихся в квартиру одного рабочего. Троцкистские лидеры не решались осуществить предложение об обмене списками своих сторонников — частично из опасений перед предательством, а частично, быть может, не желая раскрыть свою численную слабость. В Ленинграде численность организованных троцкистов не превышала десятка человек, с двумя десятками сочувствующих; зиновьевцы насчитывали от пятисот до шестисот человек³. Цифры по Москве, без сомнения, были большими и отражали более благоприятную пропорцию. По сведениям, сохранившимся в партийных архивах, комитеты и бюро оппозиции были основаны также в Туле, Харькове, Николаеве, Одессе и Тифлисе, а «подпольное военное бюро» было создано для работы в Красной Армии⁴. Однако объединенная оппозиция оставалась движе-

нием, в котором было множество лидеров и явно мало активных сторонников. Ни по одной оценке численность последних не превышала нескольких тысяч человек. Некоторые участники бывших групп «демократического социализма» и «рабочей оппозиции» также присоединились к объединенной оппозиции, хотя сами эти группы сохраняли, по-видимому, в известном смысле самостоятельное существование⁵.

Новая оппозиция приступила к созданию своей организации, хотя об этом мало что известно, за исключением того, что было раскрыто или сообщалось самими властями⁶. Происходили тайные собрания. Документы, направленные против политики партии, а также секретные документы Политбюро рассылались в провинциальные центры. Активная кампания, включавшая в себя подпольные собрания и распространение нелегальной литературы, продолжалась на протяжении всего лета в Московской партийной организации⁷. Весьма деятельный участник оппозиции по фамилии Беленький организовал 6 июня 1926 г. в подмосковном лесу собрание оппозиции, на котором выступил Лашевич, заместитель народного комиссара по военным и морским делам. По официальным партийным сведениям (возможно, преувеличенным), Лашевич заявил, что цель состоит не в том, чтобы вызвать дискуссию, а в том, чтобы «поставить Центральный Комитет на колени»⁸. В скором времени о собрании стало известно властям, и 8 июня 1926 г. Лашевич, Беленький и другие связанные с этим лица были вызваны для проверки в Центральную контрольную комиссию. Зиновьев отказался от приглашения присутствовать при этом разбирательстве, сославшись на то, что он занят подготовкой тезисов для ЦК о перевыборах в Советы⁹. Лашевич признал, что собрание имело место и что он выступал на нем, но отказался назвать других участников; Беленький не сделал никаких признаний. 12 июня 1926 г. Президиум ЦКК принял решение, строго осуждающее Лашевича и Беленького, рекомендовал снять Лашевича с должности заместителя народного комиссара по военным и морским делам и предложил ближайшему Пленуму ЦК партии вывести его из состава кандидатов в члены ЦК. Президиум ЦКК предупредил также Лашевича и Беленького, что всякая попытка возобновления их фракционных действий приведет к незамедлительному исключению их из партии. Пять других участников собрания получили выговоры и предупреждения различной степени строгости¹⁰. Особое внимание руководители партии уделили Красной Армии, где влияние Троцкого все еще внушало опасения: трех генералов — Муралова, Путну и Примакова — сняли с постов из-за их симпатий к оппозиции¹¹. Были приняты, несомненно, и другие, не столь бросающиеся в глаза меры.

Между тем в это время шла подготовка к Пленуму Центрального Комитета, назначенному на июль 1926 г., на котором объединенная оппозиция намеревалась впервые выступить открыто.

Власти решили первыми нанести удар по оппозиции и сделать это в самом уязвимом месте — ее связи с бывшими участниками «рабочей оппозиции», осужденной начиная с 1921 г. Лениным и всеми другими руководителями партии. В 1924 г. в распоряжение ЦКК попало письмо, написанное в начале того же года бывшим участником группы «рабочая оппозиция» Медведевым своему товарищу по партии в Баку, в котором он критиковал решение Бакинского партийного комитета. В письме резко осуждался НЭП как жертва со стороны рабочих в угоду мелкобуржуазным интересам в городе и деревне, мелкокрестьянское хозяйство характеризовалось как «мелкобуржуазная утопия», выдвигалось требование сконцентрировать ресурсы в тяжелой промышленности и выражалась готовность к уступкам «международному капиталу», если иностранная помощь может быть получена для целей промышленного развития.

В письме осуждалась политика, проводимая Коминтерном и Профинтерном, за то, что она недостаточно опирается на пролетариат, и говорилось, что «рабочая оппозиция» — единственная группа в Советском Союзе, которая представляет интересы рабочих¹². Это письмо было обнародовано на собрании, проходившем 17—19 августа 1924 г., на котором присутствовали все руководители партии за исключением Троцкого и на котором было принято решение опубликовать его в журнале «Большевик» с официальным ответом, причем проект ответа было поручено составить Зиновьеву¹³. Вслед за тем вся эта история была забыта вплоть до 10 июля 1926 г., когда за несколько дней до намеченного Пленума ЦК «Правда» поместила статью с резкими нападениями на письмо Медведева — к тому времени документ двух с половиной-летней давности — как на образчик правой опасности в партии. На следующий день Троцкий направил записку в Политбюро, протестуя против эксгумации письма¹⁴, а 17 июля 1926 г. Медведев написал письмо в «Правду» (которая так и не напечатала его), жалуясь на то, что его первоначальный текст был фальсифицирован и искажен в газетной статье¹⁵.

Пленум Центрального Комитета партии собрался 14 июля 1926 г. и продолжался в течение десяти дней. Это событие было омрачено внезапной смертью Дзержинского 20 июля 1926 г., который только что резко выступил против Пятакова, настаивавшего на чрезмерно жестких требованиях в отношении индустриализации¹⁶. ЦК принял резолюции о недавних выборах в Советы, о хлебозаготовках и по жилищному вопросу¹⁷. Однако главной проблемой, которая занимала умы делегатов, оставалась борьба за власть в партии. Особенно активную пропаганду против оппозиции вел Угланов, секретарь Московского областного комитета партии¹⁸. Накануне Пленума Зиновьев и Троцкий направили записку в Политбюро, выражая опасение, что Центральный Комитет партии «столкнется с односторонней дискуссией, начатой фактически сверху», и считая, что такая дискуссия «может только

нанести партии большой вред»¹⁹. На Пленуме ЦК Зиновьев выступил с заявлением, в котором признал, что троцкистская оппозиция 1923 г. была права в своих предостережениях об опасности, а Троцкий со своей стороны снял обвинение в оппортунизме в адрес Зиновьева и Каменева, выдвинутое им в «Уроках Октября»²⁰. Таким образом, объединенная оппозиция была формально конституирована. Ни одна из сторон не занимала оборонительной позиции. Основным документом оппозиции было заявление, подписанное тринадцатью ее участниками — членами Центрального Комитета партии, включая Зиновьева, Каменева, Крупскую и Троцкого, разъяснивших мотивы своего голосования против резолюции о выборах в Советы. Заявление объясняло фракционность ростом «бюрократизма», который в свою очередь является продуктом «снижения реального веса пролетариата в нашем обществе» и усиления кулака: «политическое и культурное самосознание пролетариата как правящего класса» подорвано роковым образом. Осветив вопросы рабочей силы, промышленности и сельского хозяйства, заявление возвращалось к проблеме фракционности и осуждало преследование оппозиции: руководить партией, говорилось в нем, не означает «душить ее за горло»²¹.

Вполне понятно, что руководство партии резко реагировало на кампанию, развернутую оппозицией. Ни одна деталь не была оставлена без внимания. Зиновьеву было вынесено порицание за то, что он не выполнил решение от августа 1924 г. о подготовке ответа на письмо Медведева в Баку, но с его стороны последовало официальное заявление от 19 июля 1926 г., в котором он утверждал, что, во-первых, к этому решению с самого начала не было действительно серьезного отношения (о нем совершенно забыли почти на два года) и, во-вторых, оно было принято не конституированным должным образом партийным органом, а незаконной фракцией²². ЦК не принял официального решения по делу Медведева. Основная схватка развернулась вокруг проекта резолюции большинства «О деле Лашевича и других и о единстве партии». Куйбышев и Сталин сделали упор в своих выступлениях на недопустимость расколов и создания фракций в партии²³. Контрпроект, подписанный пятью участниками оппозиции, включая Смильгу, Раковского и Осинского, и характеризовавший это дело как «одно из опасных явлений», которое выросло на почве партийных репрессий, осуждал как само это дело, так и условия, вызвавшие его²⁴. Этот проект был категорически отвергнут. Резолюция, принятая в последний день работы Пленума, одобряла как доклад, так и рекомендации Президиума ЦКК от 12 июня 1926 г. и приводила дополнительные факты: о визите Беленького в Одессу и создании там оппозиционной группы с тайным шифром и о предложении Лашевича организовать оппозиционный Центральный Комитет «для борьбы против партии». Но самой важной новостью было прямое обвинение в адрес Зиновьева. Поскольку Беленький был официальным сотрудником ИККИ, это давало осно-

вание предположить, что механизм Коминтерна использовался во фракционных целях. В этой связи было снова сказано об инциденте, зашифрованном под названием «дело Гуральского и Вуйовича», который уже послужил в свое время причиной порицания в адрес делегации ВКП (б) в ИККИ. В январе 1926 г. после поражения на XIV съезде партии Гуральский, являвшийся на протяжении долгого времени протеже Зиновьева, и Вуйович, югослав, работавший в Секретариате ИККИ и также являвшийся активным сторонником оппозиции, направили Гертруду Гесслер, сотрудница ИККИ, в Берлин, Париж и Рим с поручением убедить зарубежных коммунистов не голосовать за резолюции, осуждающие оппозицию и поддерживающие Центральный Комитет партии; Гесслер предала тех, кто дал ей это поручение, и информировала Политбюро. На основании этого косвенного, но весьма порочающего свидетельства Зиновьев был выведен из состава Политбюро. Пленум одобрил также рекомендацию о выведении Лашевича из числа кандидатов в члены ЦК и снятии его с официального поста заместителя народного комиссара по военным и морским делам²⁵. (По документам — зам. пред. Реввоенсовета. — *Ред.*)

Поражение оппозиции было безоговорочным и сокрушительным. Дополнительное заявление 13 участников оппозиции из числа тех, кто подписал ее основное заявление, по сути дела даже не оспаривало приговор, вынесенный Лашевичу, и лишь весьма невнятно выражало сетование на то, что за этот инцидент ухватились, дабы вовлечь в него Зиновьева: «дело» товарища Лашевича было превращено в «дело» товарища Зиновьева²⁶. В заключение Пленума было объявлено, что место Зиновьева в Политбюро займет Рудзутак. В связи с переходом Рудзутака в члены Политбюро и смертью Дзержинского оставалось лишь три кандидата в члены Политбюро: Петровский, Угланов и Каменев. Теперь было решено увеличить их число до восьми, избрав на эти места Орджоникидзе, Андреева, Кирова, Микояна и Кагановича²⁷. Еще одним, побочным, ударом по оппозиции было снятие Пятакова с должности заместителя председателя ВСНХ²⁸. Лашевич — во всяком случае, публично — раскаялся и отделался сравнительно мягким наказанием и был назначен помощником председателя правления КВЖД²⁹.

На Пленуме произошел еще один, достаточно интересный, эпизод. Как это нередко случается, когда распаляются эмоции, оппозиция, процитировав в своем основном заявлении о «бюрократизме» завещание Ленина и его постскрипtum, обвинила руководителей партии в том, что они скрыли эти документы от партии. Сталин принял этот вызов, предложив обратиться к следующему съезду партии с тем, чтобы он пересмотрел принятое на XIII съезде партии в мае 1924 г. решение не публиковать эти документы и разрешил публикацию завещания и постскриптума в «Ленинском сборнике». Это предложение Сталина было принято³⁰. Сталин

также зачитал Пленуму ленинские записки от 30 и 31 декабря 1922 г. по национальному вопросу, которые были включены в официальный отчет о его речи³¹.

Кампания против оппозиции продолжалась с нарастающей силой и по окончании Пленума. Передовая статья «Правды» сосредоточивала огонь на Зиновьеве, с тем чтобы оправдать и обосновать наказание, которому он был подвергнут: «Если член Политбюро Центрального Комитета нашей партии... решает встать во главе нелегальной группы Лашевича, если товарищ Зиновьев направляет выпады этой группы против партии, если товарищ Зиновьев использует аппарат ИККИ во фракционных интересах... если товарищ Зиновьев ставит фракционную дисциплину выше дисциплины большевистской партии, Пленум не может оставить этот раскольнический акт без последствий»³².

Рыков, выступая по итогам Пленума 26 июля 1926 г. перед Московской партийной организацией, разъяснял, что, хотя разногласия партии с Троцким серьезней и глубже, чем с Зиновьевым, именно Зиновьев совершил непростительный проступок, организовав «раскол в партии». Бухарин, выступая 28 июля 1926 г. с соответствующим докладом о Пленуме перед Ленинградской партийной организацией, методично и хладнокровно критиковал оппозицию во всех ее формах и проявлениях³³. Московская партийная организация, Центральный Комитет Компартии Украины и бюро Центрального Комитета комсомола были в числе тех организаций, которые приняли специальные резолюции в поддержку решений Пленума ЦК³⁴.

Помимо того, в отношении оппозиции были приняты и другие отдельные меры. В резолюции Центрального Комитета партии о выборах в Советы содержалось упоминание о «контрреволюционной агитации за необходимость особых крестьянских, а на деле кулацких партий и союзов» и решительно утверждалась «недопустимость существования двух или нескольких политических партий в условиях диктатуры пролетариата»³⁵. Никаких фамилий при этом названо не было и никаких действий не предлагалось. Однако по окончании Пленума «Правда» связала эту так называемую агитацию в пользу крестьянской группы или партии с заявлением Зиновьева, сделанным им за шесть месяцев до этого на XIV съезде партии, о терпимом отношении к «бывшим группам», охарактеризовав их как «скат новой оппозиции к троцкизму»³⁶, а партийный журнал опубликовал, сопроводив ее необычно резким опровержением в редакционном комментарии, статью одиозно известного партийного еретика Оссовского, который доказывал, что до тех пор, пока большевики составляют единственную партию в социально разнородной и преимущественно крестьянской стране, никогда не может быть подлинно единой партии. Ее недостатки обусловлены чрезмерно всеохватным характером и мораль, заключал он, состоит в том, чтобы найти место другим партиям³⁷. Пространная статья в «Правде», написанная Слепковым,

одним из учеников Бухарина, осуждала взгляды Оссовского, а через несколько дней было объявлено об исключении Оссовского из партии³⁸. Троцкий и Каменев несколько нелогично голосовали в Политбюро против этого решения, протестуя по поводу попытки приписать взгляды Оссовского «оппозиции вообще» и осуждая его исключение из партии как «полузамаскированный, искусственно подстроенный удар по оппозиции»³⁹. Одновременно с этими событиями декретом ЦИК и Совнаркома от 14 августа 1926 г. Каменев был снят с поста народного комиссара внутренней и внешней торговли, и на его место назначен Микоян⁴⁰. Вскоре после этого секретариат ИККИ объявил о мерах, принятых в отношении Гуральского и Вуйовича: Гуральский был отстранен от работы в Коминтерне, а Вуйовичу вынесено взыскание. Тем не менее Вуйович продолжал свою оппозиционную деятельность в Исполкоме Коммунистического Интернационала молодежи (ИККИМ), секретарем которого он являлся, пока председатель ИККИМ не снял его с этого поста и отстранил от дальнейшего участия в работе КИМа⁴¹.

Хотя объединенная оппозиция стала теперь неким политическим целым, она страдала от отсутствия сколько-нибудь ясной программы. Ее скрепляла враждебность в отношении правящей группы в партии и мало что еще кроме этого. Неудача всеобщей забастовки в Великобритании и итоги переворота Пилсудского в Польше означали серьезный удар по официальным ожиданиям и политическим установкам. Однако оппозиция не решалась или не желала вступать на это поле соперничества. В партийных архивах сохранились чрезвычайно красноречивые сведения о попытках создания подпольных групп оппозиции в крупных городах по всему Советскому Союзу⁴². Но, судя по всему, они мало что значили. Поражение оппозиции на июльском Пленуме и угроза дальнейших репрессий, непрерывная гонка ораторов от оппозиции с одного собрания на другое и их неспособность пробудить массовую поддержку создавали обычные в таких случаях трения между теми, кто считал, что они зашли слишком далеко, и теми, кто считал, что они пошли недостаточно далеко⁴³. Последняя точка зрения, хотя и не разделялась самим Троцким, была у многих троцкистов, а также у участников групп «демократического централизма» и «рабочей оппозиции», которые открыто выступали за создание новой партии. С другой стороны, зиновьевцы — или во всяком случае Зиновьев и Каменев — ставили лояльность в отношении партии превыше всего и все еще надеялись расположить к себе большинство. Превосходный урожай, заметные успехи в хлебозаготовках, повышение заработной платы промышленным рабочим⁴⁴ — все это создавало фон, на котором нападки оппозиции казались мелкими и безответственными придирками. Настроение подспудного пессимизма сказалось в известной и важной записке, составленной Троцким в сентябре 1926 г. или около

этого времени. Троцкий предрекал в ней, что за поражением объединенной оппозиции последует «неизбежное превращение в оппозицию группы стариков в Центральном Комитете»; что произойдет новая стычка, в которой «Каганович будет разоблачать Рыкова, Угланов Томского, а Слепков, Стен и компания будут низвергать Бухарина». Троцкий добавлял, что «только безнадежный болван может не увидеть неизбежность этой перспективы»⁴⁵.

Смутное ощущение того, что ситуация оборачивается против них, и было, видимо, причиной лихорадочной вспышки активности со стороны лидеров оппозиции в конце сентября 1926 г., совпавшей с публикацией в «Большевике» статьи «Майзлина», направленной против Бухарина⁴⁶. 30 сентября 1926 г. Троцкий — уже как «фракционер» — выступил на собрании партийной ячейки рабочих Казанской железной дороги (в тексте — Рязано-Уральской. — *Ред.*)⁴⁷. На следующий день Радек, Пятаков, Зиновьев и Троцкий выступали на партийном собрании московского завода «Авиаприбор»⁴⁸. Вскоре же в ответ на это последовали официальные действия, нацеленные на то, чтобы подавить активность оппозиции в зародыше. 2 октября 1926 г. Московский комитет партии под руководством Углanova большинством в 78 голосов против 27 принял резолюцию, которая осуждала демонстрацию на заводе «Авиаприбор» как «преступление против партии», обвиняла оппозицию в попытках «навязать партии дискуссию» и требовала, чтобы Центральный Комитет призвал оппозицию к ответу⁴⁹. На следующий день лидеры оппозиции направили в Политбюро резкий протест против «бюрократизма» Московского комитета и против того, что политика партии оказывает поддержку кулаку и мелкому буржуа⁵⁰. Политбюро тут же ответило решением, осуждавшим выступления Троцкого, Зиновьева и Пятакова на заводе «Авиаприбор» как нарушение партийной дисциплины и как действия, идущие вразрез с установками ЦК и ЦКК⁵¹.

К этому времени стало очевидно, что кампания, начатая оппозицией, провалилась, и 4 октября 1926 г. лидеры оппозиции сделали то, что представляло собой по существу просьбу об условиях капитуляции⁵². В этой крайне тяжелой ситуации Зиновьев, однако, не терял бодрости духа и даже, напротив, будто черпал в ней новую энергию. 7 октября 1926 г. он появился на партийном собрании Путиловского завода в Ленинграде, и попросил слова. Ему дали для выступления 15 минут, и он выдвинул «демагогическое» требование незамедлительного повышения заработной платы. Он закончил свою речь под крики возмущения со стороны твердых партийцев, а остальным ораторам от оппозиции было отказано в выступлении⁵³. На следующий день Политбюро отметило «раскольнические и дискредитирующие партию и ЦК ВКП (б) речи», с которыми Зиновьев выступил на Путиловском заводе, и осудило это «неслыханное нарушение элементарных основ партийной жизни»⁵⁴. Судя по всему, собрания подобного рода состоялись и на других заводах. Лидеры оппозиции, по иро-

ническому замечанию Орджоникидзе, «бегали с одного завода на другой, из Москвы в Ленинград, из Ленинграда в Москву»⁵⁵.

Между тем дискуссии, развертывавшиеся за кулисами этих событий, были упорными и бескомпромиссными, и 11 октября 1926 г. на очередном заседании Политбюро Сталин, отметив, что «оппозиция потерпела жестокое поражение», жестко сформулировал свои условия. Оппозиция должна безусловно подчиниться решениям партийных органов; она должна открыто признать, что ее фракционная работа была «ошибочна и вредна для партии», она должна отгородиться от своих союзников — внутри страны таких, как Оссовский, Медведев и Шляпников, и за рубежом — таких, как Рут Фишер, Урбанс и Маслов, а также не поддерживать фракционную борьбу против линии Коминтерна в зарубежных коммунистических партиях. За оппозицией остается право свободно излагать свои взгляды в рамках партийной линии. Заметное место на этих заседаниях Политбюро заняло обсуждение письма от сентября 1926 г., адресованное Троцким его сторонникам, в котором он доказывал, что «только на основе взглядов объединенной оппозиции есть выход из нынешнего жестокого кризиса»; фактически, однако, этот кризис так и не материализовался⁵⁶. Наконец, 16 октября 1926 г. шесть лидеров оппозиции — Зиновьев, Каменев, Пятаков, Сокольников, Троцкий и Евдокимов — подписали заявление, которое появилось в печати на следующий день. Экономические вопросы, вокруг которых и была в основном развернута с самого начала кампания оппозиции, в заявлении не затрагивались, и оппозиция может считать, говорилось в нем, что она не отступила ни от одной принципиальной позиции. Что же касается условий, поставленных Сталиным, — подчинение партийным решениям, прекращение фракционной деятельности и разрыв с союзниками, — то они принимались *в целом*. Это мало чем отличалось от безоговорочной капитуляции⁵⁷. Центральный Комитет партии засвидетельствовал получение этого документа, выступив с собственным пространством и весьма сухим по тону заявлением, в котором обзоревались события нескольких последних недель и, так сказать, сыпалась соль на раны оппозиции. Оно было опубликовано в «Правде» в тот же день, что и заявление оппозиции. Оба документа, говорилось в «Правде», свидетельствуют о «полной, абсолютной великолепно одержанной победе партии над объединенной оппозицией»⁵⁸.

По несчастливому для оппозиции совпадению обстоятельств через два дня после того, как она признала свое поражение, в «Нью-Йорк таймс» от 18 октября 1926 г. был впервые опубликован полный текст так называемого завещания Ленина. Нет никаких доказательств того, что за спиной этого стоял Троцкий, и совпадение во времени данных событий было почти наверняка случайным. Но именно на Троцком лежала ответственность за то, что сам факт существования этого документа был разглашен им Максу Истмену. Его публикация могла быть расценена как сви-

детельство того, что Троцкий полностью переменял здесь позицию, которую он занимал годом раньше, когда по настоянию Политбюро он отрицал его достоверность⁵⁹. Вполне понятно, что все это не могло не вызвать вспышки гнева со стороны Сталина. Лидеры оппозиции явно полагали, что, подписав заявление от 16 октября 1926 г., они избавятся от дальнейшей критики и порицаний на предстоящей партийной конференции. 21 октября 1926 г. или около этой даты в Политбюро было принято решение о том, что Сталин выступит на конференции с тезисами, опровергающими взгляды оппозиции⁶⁰. Судя по всему, Троцкий почувствовал, что оппозиция позволила завести себя в ловушку, согласившись на бессмысленную капитуляцию, которая ничего не давала взамен. Во время бурной сцены, разыгравшейся на заседании Политбюро, он назвал Сталина «могильщиком революции»⁶¹. Центральный Комитет партии, собравшийся 23 октября, резко прореагировал на растущую напряженность. ЦК уже получил, в частности, обращение от делегации ИККИ, подписанное представителями десяти коммунистических партий, в котором содержалось требование, чтобы Зиновьев был освобожден от работы руководителя Коминтерна⁶². ЦК незамедлительно принял резолюцию, осуждающую членов Центрального Комитета Троцкого, Зиновьева, Каменева, Пятакова, Евдокимова, Сокольников и Смилгу и кандидата в члены ЦК Николаеву за нарушение партийной дисциплины, освободил Зиновьева от всякой работы в Коминтерне и вывел Троцкого из состава членов, а Каменева — кандидатов в члены Политбюро⁶³. Центральный Комитет одобрил также тезисы Сталина об оппозиции, которые были опубликованы в «Правде» 26 октября 1926 г.

В тезисах отмечалось, что оппозиция, несмотря на формальное отступление, не осудила своих «принципиальных ошибок», а взгляды ее характеризовались как *«социал-демократический уклон в нашей партии в основном вопросе о характере и перспективах нашей революции»*. В них выдвигалась задача *«вести решительную идейную борьбу»* против этого уклона и добиваться того, чтобы оппозиция *«признала ошибочность своих взглядов»*⁶⁴. Выступая на Пленуме, Троцкий пророчески отметил, что принятие этих тезисов конференцией должно неминуемо повести к исключению лидеров оппозиции из партии. Сталин счел благоразумным отвергнуть этот вывод, заявив, что он лишен всякого основания и является фальшивым⁶⁵.

Когда XV партийная конференция открылась 26 октября 1926 г. — в день публикации тезисов, — лидеры оппозиции выглядели достаточно жалкими в усилиях сохранить свое толкование компромисса от 16 октября, отказываясь выступать в дискуссии по экономическим вопросам⁶⁶. В то время, когда шла дискуссия, за кулисами велись переговоры от имени Политбюро со Шляпниковым и Медведевым, в результате которых удалось убедить

обоих отступников подписать 29 октября 1926 г. заявление, где они осуждали свои ошибки. Медведевское письмо «К бакинскому товарищу» было охарактеризовано как содержащее «грубо и явно ошибочные взгляды», а «полемиический тон» статьи Шляпникова в «Большевике» от 15 сентября 1926 г. как «недопустимый». Нарушители осуждали свои собственные прошлые «методы фракционной борьбы» и признавали партийные решения «безусловно обязательными». Молотов зачитал это заявление перед партконференцией, предварив его сообщением от ЦК и ЦКК, в котором положительно оценивался этот факт как свидетельство «дальнейшего развала оппозиционного блока». На следующий день оба документа были опубликованы в печати⁶⁷. После этого, 1 ноября 1926 г., Сталин, наконец, развернул свои тезисы в речи — одной из тех, в которой он наиболее полно и безжалостно осудил объединенную оппозицию, где он не пощадил ни Троцкого, напомнив о его давних разногласиях с Лениным, ни Зиновьева и Каменева за их недавние отступнические увертки⁶⁸. Все три лидера оппозиции выступили с ответом. Аргументированная и осторожная речь Каменева была прервана лишь несколькими насмешливыми репликами. Троцкий произносил свою последнюю большую речь перед партийной аудиторией в совершенно непреклонном духе и с не меньшей, чем прежде, силой ораторского искусства. Его слушали молча и неоднократно давали дополнительное время, чтобы он мог закончить свое выступление. Зиновьев высмеивал Бухарина, напомнив о его роли в левой оппозиции в 1918 г. Но тон его речи был жалобным и просительным; если бы, сетовал он, ему сказали, что «в интересах мира» с оппозицией не нужно давать никаких объяснений, то он вообще не стал бы выступать. Его беспрерывно перебивали, и он вынужден был под крики сойти с трибуны⁶⁹. Рудзутак подчеркнул, что оппозиция прекратила свою фракционную деятельность («до тех пор, пока не будет обнаружена снова»), но не отвергла свои ошибочные взгляды⁷⁰. Бухарин произнес основную речь в поддержку Сталина, превзойдя при этом своего хозяина в грубых и циничных насмешках над повергнутым противником⁷¹.

Выступая с заключительным словом, почти таким же по продолжительности и еще более резким по тону, чем первая речь, Сталин еще раз сделал упор на непоследовательности и путанице во взглядах оппозиции, высмеял данный Троцким диагноз «жесточкого кризиса» и безжалостно довершил разгром своих противников. По ходу своей речи он сообщил, что Крупская, которая прежде была связана с оппозицией (она подписала заявление оппозиции от июля 1926 г.), отошла от нее; сама Крупская, находившаяся при этом, хранила молчание⁷². Тезисы были одобрены единогласно⁷³. В заключение конференции вместо Куйбышева, который стал после Дзержинского председателем ВСНХ, председателем Центральной контрольной комиссии был избран Орджоникидзе⁷⁴. Поражение оппозиции сопровождалось дисциплинар-

ными мерами против ее сторонников. Согласно более позднему заявлению Ярославского, в течение осени 1926 г. 88 членов партии были привлечены к партийной ответственности Московской контрольной комиссией⁷⁵. Но тем не менее, если в это время и имели место случаи исключения из партии, публично об этом не сообщалось.

Преследование оппозиции не остановилось на этом, оно имело свое продолжение перед международной аудиторией, когда 22 ноября 1926 г. собрался VII расширенный Пленум ИККИ. Зиновьев, в порядке выполнения решения Центрального Комитета партии, направил официальное письмо в Секретариат ИККИ с просьбой освободить его от обязанностей председателя ИККИ и от иной работы в Коминтерне; это письмо было зачитано, и просьба Зиновьева была удовлетворена на первом же заседании⁷⁶. Тем не менее он не отказался от намерения выступить на Пленуме и явно шантажировал этим его участников. 7 декабря 1926 г. с большим докладом о «Русском вопросе» на Пленуме выступил Сталин, повторив свои обвинения в адрес лидеров оппозиции, как прошлых, так и недавних действий⁷⁷. После его речи от имени русской делегации было зачитано заявление, суть которого была в том, что выступление Зиновьева означало бы «по существу обращение к ИККИ в противовес решениям ВКП (б)» и потому являлось бы «неуместным»; при этом напоминалось, что Троцкий отказался выступать на V конгрессе Коминтерна в 1924 г. Ведший заседание Реммеле, один из руководителей КПГ, заметил, что это дело самой оппозиции решать — будет она выступать или нет⁷⁸. Ободренные этим разрешением, Зиновьев, Троцкий и Каменев — именно в таком порядке — выступили все трое. Зиновьев в течение полутора часов распространялся по поводу несовместимости «социализма в одной стране» с учением Маркса, Энгельса и Ленина, обильно цитированных при этом, и об опасностях перерождения партии; его выслушали, в общем, не прерывая⁷⁹. Троцкий доказывал, что выступления оппозиции не представляют собой обращения к ИККИ в противовес партии или разрыва с заявлением оппозиции от 16 октября 1926 г. Он попросил дать ему для выступления два часа, ему дали час, и он был явно поражен, когда председатель решительно остановил его по истечении часа «в самом интересном месте»⁸⁰; по сути дела, он не сказал ничего нового или особо существенного. Выступление Каменева было наиболее связным из всех трех — возможно, потому что он зачитывал его по подготовленному тексту. Он отождествлял взгляды оппозиции с ленинизмом, и его речь многократно прерывали возгласами возмущения и протеста⁸¹. Бухарин ответил Троцкому, и Сталин подытожил дискуссию⁸², произнеся еще одну речь — еще более пространную и более резкую по тону, чем первая. Резолюция, предложенная Сталиным и единогласно одобренная расширенным пленумом ИККИ, характеризовала оппозицию как представителя «правой опасности внутри ВКП (б), прикрытой иногда

левыми фразами», и обращала внимание на ее связь с другими оппозициями — как русскими, так и международными; в ней также особо подчеркивалось, что пленум ИККИ утверждает резолюцию XV партийной конференции, осуждающую оппозицию, и включает ее в качестве приложения к постановлениям Пленума как свое решение⁸³.

Заключительная часть работы Пленума была омрачена весьма заурядным скандалом. В своей второй речи Сталин напомнил об инциденте, который в свое время был рассмотрен и закрыт Центральным Комитетом партии (или же отмечен как безосновательный — документы не совсем ясно освещают этот вопрос). Речь идет о том, что в апреле 1917 г., после отречения царя, Каменев, находясь в ссылке в Сибири, был среди тех, кто подписал приветственную телеграмму великому князю Михаилу «как первому гражданину республики»*. Каменев встал с протестом против этого утверждения; Стасова, в свое время секретарь Центрального Комитета партии, выступила с опровержением его протеста, а Сталин повторил свое заявление. В течение нескольких минут оба они стояли друг против друга, выкрикивая взаимные обвинения. Затем Каменев заявил, что он обратится в Международную контрольную комиссию⁸⁴. Был подготовлен ряд свидетельских показаний — как в поддержку, так и в опровержение сказанного Сталиным, и в конечном итоге и те и другие были внесены в протоколы Пленума. Раскол в связи с этим инцидентом прошел строго по партийной линии: Каменев получил поддержку таких известных диссидентов, как Залуцкий, Смилга, Медведев и Шляпников⁸⁵. Спор этот, видимо, так и не дошел до Международной контрольной комиссии. Но вкупе с другим инцидентом — когда Сталин был назван «могильщиком революции», он ясно высвечивал меру взаимного озлобления между Сталиным и лидерами оппозиции в конце 1926 г. Этот год, в течение которого произошли такие события, как формирование объединенной оппозиции и достигнутая почти без усилий победа Сталина над нею, в огромной мере подняли его авторитет и престиж. Он на голову поднялся над другими руководителями партии, и о его перспективности и значительности говорили как внутри страны, так и за рубежом. Французская «Тан» летом 1926 г. приветствовала падение Зиновьева как конец «диктатуры пролетариата» и «унизительной опеки со стороны Красного Интернационала», как триумф сталинской политики умеренности⁸⁶. Чемберлен, выступая 20 октября 1926 г. на имперской конференции в Лондоне, заявил, что Сталин «является центральной фигурой в России сегодня», что он, судя по всему, «в очень большой мере озабочен необходимостью привести в порядок свой собственный дом» и что следует терпеливо ожидать движения «в сторону от интернационализма», во всяком слу-

---

* Автор неточно указывает дату — в апреле 1917 г., по словам Сталина, этот факт уже был рассмотрен Апрельской конференцией партии.— *Прим. ред.*

чае, в качестве долгосрочной перспективы⁸⁷. Сталин всем казался меньшим экстремистом, чем Троцкий или Зиновьев, менее свирепым, менее жаждущим раздуть повсюду пламя революции — короче, человеком «золотой середины»⁸⁸. В Советском Союзе, где первая революционная волна начала идти на убыль, эта репутация сослужила ему хорошую службу и сдерживала сопротивление его растущей монополии власти.

Зима 1926/27 г. принесла с собой обманчивое перемирие в партийной борьбе. Большинство покоилось на лаврах успехов своей экономической политики и своей триумфальной победы над оппозицией на XV партийной конференции, а объединенная оппозиция не могла найти благоприятной почвы для возобновления борьбы. На Московской областной партийной конференции в январе 1927 г. Ярославский отметил, что «никто или почти никто ни слова не упоминает об оппозиции» — в чем он склонен был усматривать благоприятный знак, и тут же постарался заполнить эту пустоту, разоблачив секретный циркуляр, который распространился в Одессе «группой членов ВКП (б) и ВЛКСМ, стоящих на платформе товарища Троцкого»⁸⁹. В том же январе Каменев был снят с последнего поста, который он занимал в Москве, — директора Института Ленина (это место занял Скворцов-Степанов)⁹⁰, и был назначен советским представителем в Риме. Центральный Комитет партии на необычно мирно прошедшем Пленуме в феврале 1927 г. принял единогласно резолюции об организации промышленности, о снижении розничных цен и о выборах в Советы. Два менее видных участника оппозиции, Николаева и Бадаев, зачитали заявления, в которых признавали свои прошлые ошибки и присоединялись к мнению большинства, создавая таким образом образчик, которому затем многие следовали в будущем⁹¹. Однако подспудно сохранялись и враждебность, и подозрения, подстегиваемые все возрастающей озабоченностью партии угрозой, исходившей от капиталистического мира. В декабре 1926 г. в связи со скандальными разоблачениями советско-германских поставок оружия была предпринята осторожная попытка возложить ответственность на троцкистскую оппозицию, впервые попробовав таким образом обвинить оппозицию в нелояльности⁹². В письме Ярославского Троцкому от 27 февраля 1927 г. оппозиция обвинялась в том, что она поощряет подпольные конспиративные действия⁹³. Слабость, продемонстрированная оппозицией на февральском Пленуме Центрального Комитета, и ее явная склонность искать компромиссные решения, окончательно привели в расстройство остатки «демократических централистов», возглавляемых Сапроновым и В. М. Смирновым. В феврале или марте 1927 г. их группа тайком распространила пространную записку, в которой она ставила в вину оппозиции то, что она «деорганизовала революционную часть партии», проголосовав за резолюции большинства. Тон этого документа был куда более

резок, чем все предшествующие высказывания. В нем говорилось об «успешно начавшейся ликвидации партии» и перспективе превращения Центрального Комитета в «своеобразный тип бонапартистского правительства». Документ отвергал мысль о возможности раскола партийного руководства на Центр («Сталин и К^о») и Правых («Рыков, Калинин и проч.») и расценивал эту иллюзию как источник «колебаний и ошибок» объединенной оппозиции⁹⁴.

Затишье было, однако, недолгим. Борьба вновь разгорелась в связи с положением в Китае, чему было посвящено резкое письмо Троцкого в Политбюро и в Центральный Комитет партии от 31 марта 1927 г. В течение двух следующих месяцев ситуация в Китае становилась все хуже и хуже, и Троцкий бомбардировал Политбюро и ЦК партии своими протестами⁹⁵. Секретариат ЦК не опубликовал стенографического отчета речи Сталина о Китае, произнесенной им перед Московской партийной организацией 5 апреля 1927 г., и Троцкий с возмущением и так же тщетно требовал предоставить ему отчет, добавив к этому жалобу на то, что ему отказались выдать стенограмму Пленума Центрального Комитета партии, состоявшегося в июле 1926 г.⁹⁶. Статья в «Правде» от 20 апреля 1927 г. была направлена против взглядов Радека по Китаю и против «возглавляемой Радеком оппозиции» — без упоминания каких-либо других фамилий. 12 мая 1927 г. Политбюро приняло решение не публиковать статьи о положении в Китае, представленные Троцким в «Правду» и в «Большевик», что было воспринято как доказательство того, что «Политбюро не хочет дискуссии»⁹⁷. Между тем оппозиция возобновила свою кампанию протеста. 9 мая 1927 г. Зиновьев, выступая на массовом митинге по поводу 15 годовщины «Правды», снова поднимал вопрос о разногласиях в партии и обвинил «Правду» в том, что она бойкотирует взгляды оппозиции⁹⁸. На следующий день бюро Московского комитета партии приняло резолюцию, осуждающую речь Зиновьева, и вслед за ней была принята аналогичная резолюция Ленинградского комитета партии. Наконец, Центральный Комитет выступил с резолюцией, осуждающей акцию Зиновьева как нарушение обязательства, принятого оппозицией 16 октября 1926 г., и передал это дело в Центральную контрольную комиссию⁹⁹.

Через несколько дней VIII расширенный пленум ИККИ, открывшийся 18 мая 1927 г., дал в руки оппозиции повод для новых выпадов против официальной политики партии и критики ее перед международной аудиторией. Заседания пленума вел Бухарин, выступавший также докладчиком по китайскому вопросу. Троцкий произнес на пленуме две ядовитые речи, найдя своего главного сторонника в лице югославского делегата Вуйовича. Сталин, который с подчеркнутым пренебрежением отсутствовал, когда Троцкий произносил свою первую речь, бросил резкую реплику в том духе, что ИККИ не может позволить себе превратить свою работу по более существенным вопросам в «работу по

вопросу о Троцком»¹⁰⁰, и выступил в ответ с развернутой и тщательно проработанной защитой политики партии в Китае. В резолюции, принятой в заключение пленума, говорилось, что позиция Троцкого и Вуйовича несовместима с членством в ИККИ, и президиуму давались формальные полномочия исключить их обоих, если они будут продолжать свои фракционные действия¹⁰¹. Выступая по итогам пленума перед Московским комитетом партии, Бухарин заявил, что Троцкий и Вуйович, при всей высказанной ими критике, «не сделали буквально ни единого делового предложения». Не ограничиваясь этим конкретным фактом, Бухарин подверг общей критике оппозицию и Троцкого, напомнив о его расхождениях с Лениным в 1917 г., и собрание завершилось принятием резолюции, которая требовала исключения Троцкого и Зиновьева из Центрального Комитета¹⁰².

Именно в то время, когда шел этот бурный пленум, объединенная оппозиция совершила одно из самых впечатляющих своих выступлений — заявление, подписанное 83 наиболее видными ее участниками. Оно было передано в Политбюро 27 мая 1927 г. с сопроводительным письмом за подписями Евдокимова, Зиновьева, Смилги и Троцкого, то есть двух участников от каждого крыла объединенной оппозиции¹⁰³. Хотя по сопроводительному письму было видно, что оно написано под непосредственным эффектом от фиаско в Китае и разрыва отношений с Великобританией, в самом заявлении рассматривался также целый ряд экономических вопросов¹⁰⁴, выдвигалось требование полной публичной свободы для платформы оппозиции в преддверии предстоящего съезда партии и осуждалась кампания против речи Зиновьева от 9 мая 1927 г. как подготовка к попытке убрать его из Центрального Комитета. Заявление обвиняло руководителей партии в подмене «марксистского анализа реальной ситуации пролетарской диктатуры в СССР» «мелкобуржуазной теорией социализма» и в поддержке «про-правых, непролетарских и антипролетарских элементов» внутри партии и вне ее.

Заявление 83, которое с первого же взгляда представляло собой разрыв с обязательством оппозиции отказаться от фракционной деятельности, стало в последующем своего рода водоразделом событий¹⁰⁵. С этого момента борьба продолжалась почти без перерыва вплоть до своей заключительной кульминации. Это заявление послужило стимулом для группы «демократического централизма» для выдвижения собственного протеста, собравшего 15 подписей, который был направлен в Центральный Комитет партии¹⁰⁶, а также для «буферной группы», участники которой все еще продолжали верить в возможность примирения с большинством; она подготовила свой документ, собравший 40 подписей, который имел хождение в кругах оппозиции, а в конце июля 1927 г. был наконец передан в Центральный Комитет¹⁰⁷.

Обостренная нервозность в отношении международных событий и опасения иностранной интервенции нарастали в течение летних месяцев и к тому же впервые за последние более чем два с половиной года в городах ощутилась нехватка продовольствия¹⁰⁸. Скрытые репрессии против оппозиции умножились, целый ряд ее участников был потихоньку переведен на работу в отдаленные районы страны или за границу¹⁰⁹. Когда 9 июня 1927 г. Смилга уезжал из Москвы, получив назначение на работу в Хабаровск, на Ярославском вокзале проводить его собралась такая огромная толпа, что этот эпизод превратился в публичную демонстрацию симпатии к оппозиции, причем и Троцкий и Зиновьев обратились к собравшимся с речами¹¹⁰. Любое свидетельство массовой поддержки оппозиции болезненно задевало руководителей партии, и в ответ на это было принято решение предпринять контртактику. На заседании ЦКК два члена комиссии, Шкирятов и Ярославский, оба верные сталинцы, выдвинули обвинения в адрес Троцкого и Зиновьева и предложили исключить их обоих из состава Центрального Комитета. Передовая статья в «Правде» открыто обвиняла оппозицию в нелояльности по отношению к Советскому государству¹¹¹.

24 июня 1927 г. Зиновьев и Троцкий были вызваны на президиум Центральной контрольной комиссии. Оба явились на заседание в воинственном настроении. О речи Зиновьева там не известно ничего, за исключением того, что он критиковал политику Сталина по национальному вопросу, видимо, ссылаясь при этом на не опубликованные до тех пор соответствующие записки Ленина¹¹². Троцкий, отмечая предъявленные ему формальные обвинения, которые сводились, очевидно, к фактам его апелляции в ИККИ и к инциденту на Ярославском вокзале, обвинял комиссию в том, что она «эксплуатирует опасность войны в целях преследования оппозиции и подготовки ее разгрома». Действительно новым и самым примечательным в его речи был иной, свежий подход к аналогии между Французской революцией и тем, что он называл советским термидором. Один из руководителей ЦКК, Сольц, заметил, что заявление 83 может открыть путь «к арестам и гильотине». Троцкий, продолжая его аналогию, напомнил тем, кто слушал его, что тогдашние «термидорианцы и бонапартисты — правые якобинцы» — начали расстреливать «левых якобинцев — тогдашних большевиков», и спросил Сольца, «какую главу он предлагает открыть сокрушением оппозиции». Это была смелая и опасная фантазия; и во второй своей речи, произнесенной в ответ на выступления членов комиссии, Троцкий постарался еще больше подчеркнуть аналогию с Французской революцией¹¹³. Заседание закончилось тем, что президиум принял резолюцию, в которой перечислялись проступки оппозиции и, в частности; нарушение Зиновьевым и Троцким обязательств от 16 октября 1926 г. прекратить фракционную деятельность, и предлагалось поставить на ближайшем объединенном Пленуме ЦК и

ЦКК «вопрос о выводе товарищей Троцкого и Зиновьева из состава членов Центрального Комитета ВКП (б)»¹¹⁴. Троцкий протестовал все больше и больше. В письме в Центральный Комитет от 27 июня 1927 г. он осудил попытку разрешить кризис в партии «механическим подавлением оппозиции» и выразил возмущение тем, что *«Центральный Комитет открыто прибегает к помощи государственного аппарата против членов партии»*¹¹⁵; на следующий день в письме к Орджоникидзе, давая понять, что упразднение оппозиции из партии — это теперь лишь вопрос времени, он выразил протест против слухов, распространяемых, как ему известно, Шкирятовым, о намерении исключить из партии его, Троцкого, и 20 его сторонников¹¹⁶. Начиная с этого времени, печать стала систематически сообщать о резолюциях, принимаемых местными партийными организациями, с требованием исключить из партии Троцкого и Зиновьева¹¹⁷.

Самый сильный довод, с которым связывались расчеты на то, чтобы вызвать предубежденность против оппозиции, состоял в том, что ее обвиняли в стремлении ослабить Советскую власть перед лицом враждебного капиталистического мира. В письме к Орджоникидзе от 11 июля 1927 г. Троцкий попытался рассеять эту предубежденность, напомнив один известный прецедент: «Французская буржуазия в начале империалистической войны имела во главе свое правительство без руля и без ветрил. Группа Клемансо находилась к этому правительству в оппозиции. Несмотря на войну и военную цензуру, несмотря даже на то, что немцы стояли в 80 километрах от Парижа (Клемансо говорил: «именно поэтому»), он вел бешеную борьбу против мелкобуржуазной дряблости и нерешительности — за империалистическую свирепость и беспощадность. Клемансо не изменял своему классу, буржуазии, наоборот, он служил ей тверже, решительнее, умнее, чем Вивиани, Пенлеве и К°. Дальнейший ход событий доказал это. Группа Клемансо пришла к власти и более последовательно, более разбойничьей империалистической политикой обеспечила французской буржуазии победу»¹¹⁸.

Решительный и деятельный Троцкий вместо колеблющегося «без руля и без ветрил» сталинского правления — подобная картина была явно вызывающей, и на протяжении многих месяцев Троцкий подвергался жестоком насмешкам за то, что связывал свои надежды с нападением капиталистических держав на Советский Союз, что дало бы ему вожацкую возможность захватить власть¹¹⁹. Но если Троцкий вел себя агрессивно и высокомерно вызывающе, то Зиновьев проявлял обычные признаки нерешительности. Предприняв робкую попытку продемонстрировать свою правоверность и снискать к себе расположение властей, он написал статью, направленную против Устрялова и Кондратьева, которая была опубликована с уничижительным редакционным примечанием в журнале «Большевик» в номере за 15 июля 1927 г.¹²⁰

Пленум Центрального Комитета должен был собраться в конце июля 1927 г. и страсти вновь разгорелись. Слепков разоблачал «новую» платформу «демократических централистов», которую он клеймил как «полу-меньшевизм»¹²¹. В серии из четырех пространных статей, опубликованных в «Правде», Ярославский взял под обстрел все движение оппозиции начиная с октября 1926 г.¹²² Марецкий опровергал (пущенную оппозицией) клевету о советском термидоре¹²³. Претензия оппозиции на то, что именно она представляет изначальную большевистскую точку зрения, побудила бюро Общества старых большевиков выступить с заявлением, в котором оно отмежевывалось от взглядов лидеров оппозиции и требовало исключить их из состава Центрального Комитета партии¹²⁴. Пленум ЦК, проходивший с 29 июля по 9 августа 1927 г., несомненно, был столь же напряженным, сколь и продолжительным, хотя стенограмма его не была опубликована и проследить его ход в деталях не представляется возможным. Основная дискуссия развернулась по международным вопросам. Докладчиком по ним выступил Бухарин, а с контртезисами — Зиновьев. 1 августа на Пленуме выступили и Троцкий и Сталин¹²⁵. Речь Троцкого была подчеркнута вызывающей. Он обрушился на Бухарина, Сталина и Молотова и закончил ее драматическим восклицанием: «За социалистическое отечество? Да. За линию Сталина? Нет». На следующий день Крупская в спокойных, но однозначно четких выражениях отмежеввалась от оппозиции. Некоторые товарищи, говорила она, настолько озабочены «тем или другим отрицательным фактом», что «они не видят того строительства, которое идет в нашей стране». Оппозиция оторвалась от «реальной жизни» и не имеет «никаких корней в массах» и именно поэтому массы отказываются идти за ней. Еще в прошлом году, в период «определенной стабилизации», она поддерживала стремление оппозиции привлечь внимание к определенным опасностям. Теперь, в опасности, нависшей извне, необходимо сплотиться под руководством Центрального Комитета партии¹²⁶. Манильский сравнил Троцкого с Барером, и обратил против него же его доводы, обвинив его в подготовке термидора¹²⁷. Молотов упрекнул оппозицию в том, что она приветствует лишь «условную оборону отечества» и что ее политика нацелена на «восстание против партии и Советской власти»¹²⁸. После этих взаимных контрдемонстраций тезисы были надлежащим образом приняты¹²⁹. И, быть может, самое примечательное состояло в том, что существенные вопросы, по которым теперь произошла схватка, главным образом или даже целиком относились к международным делам. По внутренним вопросам экономической политики разрыв между большинством и оппозицией незаметно сужался и утрачивал реальный смысл.

Но самая ожесточенная борьба развернулась вокруг обвинений в адрес Троцкого и Зиновьева в нарушении ими партийной дисциплины; этот вопрос стоял последним в повестке дня. Нака-

зять и в конечном счете исключить из партии его соперников и критиков стало теперь для Сталина главной целью. Тактика, к которой он прибег, уже была успешно испробована в октябре 1926 г. — выжать у отступников («отщепенцев») максимум уступок, сохраняя им надежду на примирение, а затем объявить уступки недостаточными. И если Троцкий, видимо, разгадал этот маневр, Зиновьева легко удалось сделать его жертвой и вслед за ним затянуть Троцкого на этот же бесплодный путь. Зиновьев и Сталин выступили 5 августа 1927 г., Троцкий — на следующий день¹³⁰. Сталин обвинил Зиновьева в «грубой нелояльности» за попытку вернуться в своей речи к уже решенному вопросу о международном положении, а Троцкого постоянно прерывали, требуя, чтобы он говорил по существу дела. Атмосфера дискуссии становилась все более напряженной, а ораторов от оппозиции все меньше. Наконец, в итоге ожесточенной борьбы оппозиция была вынуждена выступить 8 августа 1927 г. с заявлением, состоявшем из трех пунктов. Она подтверждала безусловную лояльность в отношении национальной обороны Советского Союза и международной роли государства рабочих и отказывалась от обвинений в адрес руководства партии в том, что оно вступило на путь термидорианского перерождения, хотя и находила по-прежнему те или иные «элементы термидорианства» в сложившейся ситуации; она отказывалась от попыток создать раскольническую коммунистическую партию в Германии; и она категорически отказывалась от всех политических действий и путей, ведущих к созданию новой партии в Советском Союзе или к расколу ВКП (б). Исходя из этого, она требовала прекращения репрессивных мер против оппозиции и предоставления ей возможности в течение необходимого времени должным образом подготовиться к предстоящему XV съезду партии¹³¹. Выступая на следующий день, Сталин строчка за строчкой, не скрывая своего недоброжелательства, разобрал текст этого заявления, выделяя в нем каждую двусмысленность, каждую оговорку, с помощью которых оппозиция пыталась смягчить свое позорное поражение. Оппозиция, признал он, «в известной мере отступила», но то, что она предлагает, нельзя считать «миром в партии», это есть «временное перемирие»¹³². Троцкий коротко — и безрезультатно — выразил сожаление, что заявление оппозиции было разбито на две половины: то, в чем она пошла на уступки, было принято; то, чего она требовала взамен, было отвергнуто¹³³.

В резолюции, принятой в тот же день, «О нарушении партийной дисциплины Зиновьевым и Троцким», отчетливо видна умелая рука Сталина. В ней подробно воспроизводились все прогрешения оппозиции начиная с 1923 г. и особенно после 16 октября 1926 г., когда объединенная оппозиция приняла на себя обязательство прекратить фракционные действия. Центральный Комитет обязывал оппозицию отказаться от «полу-пораженческой» позиции, заложенной в формуле Троцкого о Клемансо и от кле-

веты о термидорианском перерождении партии и правительства, прекратить ее попытки расколоть Коминтерн и ВКП (б). В ответ на это решение оппозиция выступила со своим заявлением от 8 августа. Центральный Комитет, будучи далек от того, чтобы рассматривать это заявление как достаточное, счел, что оно может «явиться некоторым шагом к миру в партии». Поэтому он решил снять с повестки дня вопрос об исключении Зиновьева и Троцкого из состава Центрального Комитета и заменить его «строгим выговором с предупреждением». В оставшейся части резолюции содержались предостережения о последствиях, к которым приведут любые последующие нарушения дисциплины ¹³⁴. Как признавал позднее Орджоникидзе, резолюцию с трудом удалось провести вопреки сопротивлению Центрального Комитета, который был настроен единогласно проголосовать за их немедленное исключение ¹³⁵. Партийные собрания в Москве и Ленинграде, на которых выступили соответственно Рыков и Бухарин, поддержали решение Центрального Комитета и осудили оппозицию; в Москве резолюция была принята единогласно, в Ленинграде — большинством в 3500 голосов против 6 ¹³⁶. Центральный Комитет комсомола приветствовал решение в восторженных выражениях и обвинил оппозицию в попытках сколотить троцкистскую фракцию в комсомоле ¹³⁷.

В кругах оппозиции резолюция была расценена по-разному. Зиновьев приветствовал ее с характерной для него бурной экстравагантностью, выдавая желаемое за действительное ¹³⁸. Радек полагал, что опасения перед общественным мнением «в широких кругах партийных активистов и партийной бюрократии» остановили Сталина от того, чтобы исключить Зиновьева и Троцкого из состава Центрального Комитета ¹³⁹. С другой стороны, Иоффе в письме к Троцкому от 12 августа 1927 г. выражал серьезное неудовольствие как стилем, так и содержанием заявления оппозиции от 8 августа 1927 г. и предвидел, что это не может кончиться ничем хорошим ¹⁴⁰. Сам Троцкий приходил к выводу, что опасность таится как в правом крыле партии (Рыков, Калинин, Ворошилов, Сокольников), так и в центре (Сталин) и не возлагал никаких надежд на раскол между ними ¹⁴¹. Между тем трещина, разделявшая две части самой оппозиции, становилась все глубже. Письмо зиновьевцев от 15 августа 1927 г. содержало едва замаскированное предостережение в отношении «легкомысленной и авантюристской тактики», чреватой в конечном счете «исключением из партии оппозиции». Со своей стороны троцкистская группа 30 августа 1927 г. порицала своих партнеров за то, что они «не хотят разоружаться по линии борьбы с мнимым троцкизмом» ¹⁴². Накануне своего самого жестокого испытания оппозиция уже не говорила одним голосом.

Центральный Комитет партии назначил открытие XV съезда партии на 1 декабря 1927 г. ¹⁴³ Статья Ярославского, многозначи-

тельно озаглавленная «Партия не повторит ошибки 1920 года», подчеркнуто напоминала об эпизоде, в связи с которым Ленин, критикуя взгляды Троцкого на профсоюзы, указывал на тот вред, который принесло «широкое» обсуждение этого вопроса¹⁴⁴. Игнорируя подобные намеки и предзнаменования, Троцкий уверенно взялся за подготовку «платформы» оппозиции к съезду, которую он и передал в Центральный Комитет в начале сентября. 6 сентября 1927 г. оппозиция обратилась с запиской в Политбюро и ЦК. В ней выражался протест против продолжающегося преследования, которому подвергаются участники оппозиции, в том числе против фактов срыва их собраний хулиганами; выдвигалось требование возвращения сосланных участников оппозиции для участия в предсъездовской дискуссии, а также высказывалась просьба опубликовать «платформу», подписанную 13 лидерами оппозиции, и распространить ее наряду с другими предсъездовскими документами¹⁴⁵. Эта платформа была представлена объединенному заседанию Политбюро и ЦКК партии 8 сентября 1927 г., на котором Сталин произнес большую речь, а оппозиции было отказано в праве выступить с ответом. Принятое при этом решение состояло, судя по всему, в том, чтобы ознакомить партию с данной платформой¹⁴⁶. Это было равносильно отказу распространить документ обычным образом и оппозиция решила пропагандировать свою платформу подпольными методами.

Реакция властей не заставила себя ждать. 11 сентября 1927 г. «Правда» опубликовала передовую статью, в которой требование оппозиции «легализовать их фракцию перед съездом и предоставить им право действовать, как они сочтут нужным», было названо «просто смехотворным». Статья не оставляла сомнений в том, что предсъездовские права оппозиции будут ограничены возможностью представить ее контртезисы в противовес официальным тезисам. В ночь с 12 на 13 сентября 1927 г. ОГПУ обнаружило в доме некоего Щербакова, беспартийного человека, подпольную типографию, которая использовалась для тиражирования платформы оппозиции. Четверо (или больше) членов партии, включая Мрачковского, Преображенского и Серебрякова, оказались связаны с этим. Больше того, среди тех, кто имел отношение к этому делу, был один бывший врангелевский офицер и этого было достаточно, чтобы квалифицировать данный инцидент как «военный заговор». ОГПУ сообщило об этих фактах Центральной контрольной комиссии 13 сентября 1927 г., а 23 сентября, не дожидаясь, когда будут предприняты какие-либо дисциплинарные акции, Зиновьев, Смигла и Петерсен написали в Центральную контрольную комиссию, требуя информировать их об установлении личности бывшего врангелевского офицера и о факте его ареста. В ответе на запрос ОГПУ признало, что это был один из его агентов¹⁴⁷. 28 сентября 1927 г. президиум Московской партийной контрольной комиссии исключил из партии 14 человек, связанных с этим делом, в том числе Мрачковского, который «руководил работой не-

легальной типографии»; по определению комиссии, тяжесть их проступка усугублялась тем, что в нем участвовали «беспартийные буржуазные интеллигенты»¹⁴⁸. Центральная контрольная комиссия, куда это решение было передано на утверждение, согласилась с ним, заменив лишь «строгим выговором» двум менее важным участникам дела на исключение из партии¹⁴⁹. Преображенский, Серебряков и Шаров, которых не было среди этих 14, обратились тогда с заявлением в контрольную комиссию, признавая свою долю ответственности за подпольную печать¹⁵⁰, а через несколько дней все трое (у автора ошибочно — двое первых из них. — *Ред.*) также были исключены из партии¹⁵¹. Мрачковский, считавшийся руководителем всей этой группы, был арестован ОГПУ. Все эти события явно вызвали определенное возбуждение в народе. Как сообщал один наблюдатель, «люди вновь собираются группами на улице и открыто осуждают власти»¹⁵².

Между тем 27 сентября 1927 г. президиум ИККИ провел драматичное заседание, которое длилось с половины десятого вечера до пяти часов утра.

Троцкий, говоривший в течение двух часов, выступил с яростным обличением политики, проводимой Сталиным внутри страны и в Коминтерне. Ответ Сталина был выдержан в том духе, как этого и следовало ожидать, а вслед за ним выступили Бухарин, Тельман, Мануильский и Куусинен. Отвечая на критику Куусинена, Троцкий в своей второй краткой речи остановился на истории своих взаимоотношений с Лениным. Резолюция об исключении Троцкого из ИККИ была внесена Мэрфи, членом Компартии Великобритании, — это был человек с большим партийным стажем, но без особых заслуг, который сам спустя несколько лет вышел из Компартии, — и была принята при двух голосах против¹⁵³. Резолюция об исключении Троцкого (у автора ошибочно — Раковского. — *Ред.*) и Вуйовича из ИККИ была принята вслед за тем единогласно. Троцкий, насколько известно, заявил о своем отказе подчиняться партийной дисциплине, а Вуйович заранее объявил, что он не признает решений предстоящего съезда партии¹⁵⁴. Оппозиция продолжала настаивать на своем. 1 октября Смилга, Бакаев, Евдокимов, Зиновьев и Троцкий направили письмо в Политбюро, требуя создать специальную комиссию для расследования обвинений, предъявленных в связи с обнаружением нелегальной типографии, а через несколько дней оппозиция выпустила манифест «ко всем членам партии» с призывом публикации документов¹⁵⁵. Примерно в это же время в печати стали появляться сообщения о массовых выходах из оппозиции. 11 октября «Правда» под заголовком «Троцкистская оппозиция разваливается» опубликовала заявление шести членов партии (из которых только один не был рабочим) о том, что они порывают связи с оппозицией. В том же номере сообщалось о выходе из оппозиции 25 членов партии в Грузии, а также о раскрытии «подпольной фракционной группы» в районе Северного Кавказа, в

связи с чем два человека были исключены из партии, а шесть человек раскаялись ¹⁵⁶.

Сложившаяся к этому времени ситуация развивалась под знаком приближающихся празднеств 10 годовщины революции. Когда ЦИК СССР 15 октября 1927 г. проводил свое заседание в Ленинграде, Троцкий и Зиновьев столкнулись с партийным большинством по вопросу о семичасовом рабочем дне, выбрав, таким образом, неблагоприятную почву для борьбы ¹⁵⁷. Во время демонстрации, последовавшей после заседания ЦИК, когда толпы рабочих проходили перед трибунами, заполненными видными деятелями партии и Советского государства, Троцкий и Зиновьев по случайности или умышленно, поднялись на трибуну несколько в стороне от остальных и народ, из любопытства или из симпатии, стал собираться вокруг них, как бы оставляя без внимания официальных руководителей. Троцкий и Зиновьев, видимо, приняли это как знамение массовой поддержки оппозиции ¹⁵⁸. Эти надежды оказались иллюзорными. На объединенном Пленуме ЦК ЦКК, проходившем 21—23 октября, руководство партии сочло себя готовым для того, чтобы нанести новый удар. Накануне Пленума «Правда» обвинила оппозицию в том, что она создает аппарат новой партии ¹⁵⁹. Основным пунктом повестки дня Пленума было утверждение тезисов для представления их на XV съезд партии о работе в деревне и о пятилетнем плане ¹⁶⁰. Но на нем стоял также вопрос о границах дискуссии в партии в ходе подготовки к предстоящему съезду, а также предложение об исключении Троцкого и Зиновьева из состава Центрального Комитета. Именно в тот день, когда открывался Пленум, Троцкий, неутомимый, как всегда, решил воспользоваться самой обычной анкетой, раздаваемой бюро по изучению истории партии, о личном участии членов партии в Октябрьской революции и дал в ней подробный и изнуряющий ответ на «несколько десятков примеров» той клеветы и извращений, которым подвергался его революционный опыт в ходе партийной полемики. Троцкий имел возможность представить множество документов, свидетельствующих о его союзе с Лениным в тот или иной период против почти всех других руководителей партии, и заканчивал анкету освещением заключительного разрыва Ленина со Сталиным и кратким, но самым резким осуждением своего соперника ¹⁶¹. Этот залп не мог не воспламенить и без того уже перенакаленную атмосферу.

Когда Смилга и Евдокимов, выступавшие на этом объединенном Пленуме от оппозиции по экономическим вопросам, произносили свои речи, их постоянно прерывали ¹⁶². Менжинский, наследник Дзержинского на посту руководителя ОГПУ, сообщил о нелегальных действиях оппозиции и о имеющихся якобы у нее планах подготовки вооруженного восстания ¹⁶³. На третий день Пленума Сталин внес предложение исключить Троцкого и Зиновьева из состава Центрального Комитета. Уверенный в своей силе и решительно настроенный на то, чтобы беспощадно употребить ее, он

начал с одного необычного и впечатляющего хода. Как бы предвидя выпады со стороны оппозиции, он процитировал то место из постскриптума к завещанию Ленина, которое было направлено против него. Критикуя других руководителей партии за их политические и идеологические ошибки, Ленин обвинял Сталина только лишь в «грубости». «Да, я груб, товарищи, — отвечал теперь Сталин, — в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию»¹⁶⁴. И вся его речь дальше, представлявшая собой самый личностный и самый мстительный выпад против тех, с кем он еще сражался, была наглядным подтверждением этого тезиса и задавала тон всей дискуссии. Речи Зиновьева и Троцкого прерывались постоянными возмущенными выкриками. В то время, когда Троцкий выступал, в него бросили стакан, стоявший на трибуне («говорят, что это сделал товарищ Кубяк»). Ярославский швырнул ему в голову том с контрольными цифрами, еще один том бросил в него Шверник во время речи Бухарина¹⁶⁵. Раковский намеревался выступить по вопросу о кризисе в дипломатических отношениях с Францией, но прения были закрыты до того, как наступила его очередь¹⁶⁶. После всего этого кипения страстей Центральный Комитет единогласно принял две резолюции. Первая касалась платформы оппозиции и решения Политбюро от 8 сентября 1927 г. об ознакомлении с нею членов партии, но ограничивала права оппозиции тем, что она может опубликовать в рубрике предсъездовской дискуссии, печатавшейся в качестве приложения к «Правде», лишь свои контртезисы и поправки в официальных тезисах¹⁶⁷. Вторая резолюция объявляла о решении исключить Зиновьева и Троцкого из состава Центрального Комитета и передавал на усмотрение XV съезда партии весь вопрос о «раскольнической деятельности» троцкистской оппозиции и демократических централистов¹⁶⁸. Когда Бухарин выступал с докладом об итогах Пленума в Ленинграде на собрании в присутствии 6000 членов партии, Евдокимов и Бакаев говорили от имени оппозиции, но собрали при этом лишь два не согласных с большинством голоса¹⁶⁹.

Кампания продолжала разворачиваться с неослабевающей силой. 1 ноября 1927 г. «Правда» впервые опубликовала в виде факсимиле письма Ленина от 18 и 19 октября 1917 г., в которых накануне революции он обвинял Зиновьева и Каменева в слабых характеристике и вероломстве, осуждая их как «штрейкбрехеров», и предлагал исключить их из партии¹⁷⁰. Тактика, которой следовал Центральный Комитет партии, применялась повсюду, и на партийных собраниях ораторов от оппозиции все чаще прерывали и прогоняли. Согласно заявлению Московской партийной контрольной комиссии, Каменев говорил в течение часа и десяти минут, выступая перед партийной ячейкой на одном заводе, и в течение 40 минут на другом, и для выступлений Радека, Раковского и Смильги также было дано значительное время¹⁷¹. Тем не менее рассказывали, что на одном партийном собрании в Москве Угла-

нов дирижировал клакерами, прерывавшими ораторов от оппозиции по его сигналу, который он подавал из президиума, поднимая листок с повесткой дня собрания¹⁷². Та же тактика была распространена и на комсомол, где, как утверждалось, оппозиция также создала свою собственную «нелегальную, конспиративную организацию» и распространяла «антиленинскую, антипартийную, комсомольскую платформу, так сказать, программу нового троцкистского союза молодежи»¹⁷³. На собрании Московской комсомольской организации 26 октября 1927 г. Каменева и Раковского систематически прерывали организованные клакеры¹⁷⁴. На Украине зиновьевцев было немного, однако активно действовало твердое ядро троцкистов. В начале октября 1927 г. Раковский совершил поездку в Харьков, Днепропетровск и Запорожье, где он попытался выступить на собраниях. Но здесь его, видимо, также отказались слушать, и на партийных собраниях по всей Украине принимались резолюции, осуждающие оппозицию подавляющим большинством голосов¹⁷⁵.

К этому времени личная вражда между Сталиным и Троцким, открыто объявленная уже с осени 1926 г., когда Троцкий назвал Сталина «могильщиком революции», достигла своего пика напряженности. Вдохновляемая Троцким, оппозиция все больше и больше направляла свои нападки против личности Сталина, и сама эта концентрация способствовала как раз кристаллизации позиции Сталина как признанного руководителя партии. Сталин начал отождествляться с партией. Как сказал Молотов, травля Сталина оппозицией была «лишь методом прикрытия злобных ударов по ЦК и по партии», а критические замечания Ленина о Сталине использовались как оружие против линии партии. В той же статье содержались первые угрожающие намеки на тот счет, что оппозиция может прибегнуть к методам террора против руководителей партии: «Заострение борьбы на личных нападках и на травле отдельных лиц может служить прямым подогреванием преступных террористических настроений против лидеров партии»¹⁷⁶.

В другой статье, относящейся к тому же времени, Молотов упоминал о «пока ребячески, но уже откровенных наскоках на советскую законность» и добавлял, что «чем-то лево-эсеровским уже несет из оппозиционных щелей». Он обвинял оппозицию в создании центров нелегальной деятельности в различных районах страны¹⁷⁷. Трудно с уверенностью судить о том, насколько подобные заявления отражали действительную обеспокоенность, порожденную остротой борьбы, и насколько они искусственно изображались, чтобы оправдать активное использование ОГПУ против оппозиции.

Это был тот момент, когда оппозиция проявляла наибольшую общественную активность. Но перед лицом официальной пропаганды и дезинформации это производило слабое впечатление на

массы членов партии. Самая высокая оценка численности тех, кто примкнул к платформе оппозиции, составляла от 5000 до 6000 человек¹⁷⁸. В записке от 2 ноября 1927 г. Троцкий видимо, улавливая слабохарактерность в лагере зиновьевцев, пытался доказывать, что любая попытка на предстоящем съезде исключить оппозицию из партии вызовет возмущение рабочих; «исключение оппозиции тысячами будет означать необходимость тысяч арестов». Троцкий все еще считал, что «фракция Сталина — Молотова» не решиться вступить на этот крайний путь. Смелость и мужество, докладывал он, остаются самым действенным оружием против нарастающей травли¹⁷⁹.

Празднование годовщины революции в Москве 7 ноября 1927 г. должно было послужить еще одним поводом для демонстраций, подобных тем, которые стихийно возникли в Ленинграде за месяц до этого. Но на этот раз полиции (так в тексте. — *Ред.*) явно были даны распоряжения разгонять шествия, она отбирала у демонстрантов и уничтожала плакаты с лозунгами оппозиции¹⁸⁰. Когда Троцкий в сопровождении Каменева, Муралова и Смильги ехал по городу, милиционеры стреляли в воздух вслед его автомобилю, а самому автомобилю были нанесены повреждения какой-то бандой «фашистов». Когда Троцкий и сопровождающие его лица прибыли в квартиру Смильги, из окон которой были вывешены флаги и плакаты с портретами Ленина, Зиновьева и Троцкого и с лозунгом «Выполним завещание Ленина!», полиция силой ворвалась в квартиру и сорвала флаги и плакаты¹⁸¹. Подобными же стычками между полицией и участниками демонстраций оппозиции был отмечен этот день и в Ленинграде, где главным действующим лицом был Зиновьев¹⁸².

Все эти провокационные действия зашли теперь достаточно далеко. В резолюции от 9 ноября 1927 г. Московский комитет партии расценил контрдемонстрацию оппозиции как доказательство ее решимости основать отдельную партию и заявил о том, что считает крайней и безотлагательной необходимостью исключить из партии Троцкого, Зиновьева, Каменева и Смильгу¹⁸³. Через два дня Центральный Комитет выступил с заявлением, осуждающим появление Троцкого, Зиновьева, Каменева, Смильги и других лиц на улицах Москвы и Ленинграда, а также «попытки вывести партийную дискуссию за рамки партии»¹⁸⁴, а «Правда» опубликовала резолюции ряда местных партийных организаций с требованием исключить из партии Троцкого и Зиновьева¹⁸⁵. На следующий день Троцкий и Зиновьев были вызваны на заседание президиума Центральной контрольной комиссии. В ответ на требование отказать от «организации нелегальных антипартийных собраний» они инсценировали «демонстративный уход» с заседания, и на объединенном заседании ЦК и ЦКК было принято решение исключить Каменева, Смильгу, Евдокимова, Раковского и Авдеева из членов Центрального Комитета и еще шестерых участников оппозиции — из ЦКК, а Троцкого и Зиновьева — из партии¹⁸⁶. По по-

воду этих исключений в Центральную контрольную комиссию был направлен протест, в котором 31 участник оппозиции подтверждал тем не менее свою готовность прекратить фракционные действия и не создавать новую партию¹⁸⁷. Это был полный разгром. На партийных собраниях, проходивших по всей стране, ораторы от оппозиции не решались уже появляться и 99% присутствующих на собраниях голосовало за официальную линию¹⁸⁸. 15 ноября 1927 г. Троцкий со скрупулезным соблюдением всех формальностей, информировал Секретариат ЦИК, что он освобождает свою официальную квартиру в Кремле и что лишь из-за болезни сына его сын и жена вынуждены будут остаться там еще на несколько дней¹⁸⁹.

С момента исключения Троцкого и Зиновьева из партии оставалось немногим более двух недель до открытия XV съезда партии, и этот отрезок времени был ознаменован личной трагедией — самоубийством Иоффе. Непосредственным поводом для этого послужил отказ со стороны партийных органов разрешить ему поездку за границу в целях лечения, рекомендованного врачами¹⁹⁰. Однако более глубокую причину сам Иоффе изложил в письме, оставленном им на имя Троцкого: «...в настоящем моем состоянии я считаю невыносимым такое положение в партии, когда она молчаливо сносит исключение Ваше из своих рядов, хотя абсолютно не сомневаюсь в том, что рано или поздно наступит в партии перелом, который заставит ее сбросить тех, кто довел ее до такого позора... В этом смысле моя смерть является протестом борца, который доведен до такого состояния, что никак и ничем иначе на такой позор реагировать не может»¹⁹¹.

На похоронах, состоявшихся 19 ноября 1927 г., гроб несли Чичерин, Литвинов, Карахан и Енукидзе; таким образом подчеркивался скорее дипломатический, а не партийный статус Иоффе. Чичерин произнес речь о покойном. Лежава выступил от имени правительства, а после него еще несколько ораторов, в том числе Троцкий и Раковский. Присутствие лидеров оппозиции привлекло толпу сочувствующих (по оценке Троцкого, не менее 10 тыс. человек), сгрудившихся вокруг ораторов¹⁹². Это было последнее публичное выступление Троцкого в Москве¹⁹³. Лично он оставался негнibaемым. 21 ноября 1927 г., когда Зиновьев и Каменев начали проявлять признаки все большей нервозности и еще раз попытались дистанцироваться от своего чересчур решительного союзника, Троцкий написал циркулярное письмо Преображенскому, Пятакову, Радеку, Раковскому и Ельцину — всем, кто остался цел из оппозиции 1923 г., — с просьбой подтвердить своими свидетельствами те признания, которые сделали Зиновьев и Каменев в 1926 г. о том, как ими была изобретена легенда о «троцкизме», Троцкий собрал их ответы и в последующем опубликовал их, уже находясь в изгнании¹⁹⁴.

Московская областная партийная конференция, открывшаяся 20 ноября 1927 г., послужила еще одним поводом для преследо-

вания поверженных лидеров оппозиции. И Каменев и Раковский выступили на конференции. Раковский, подавленный своим вынужденным отзывом из Парижа¹⁹⁵, вызвал на себя гнев представителей партийного большинства тем, что не сумел более резко прореагировать на иностранную провокацию («я был беззащитен», оправдывался он), хотя он со всей очевидностью признавал или давал понять, что это могло бы означать войну. Когда Розенгольц и Карахан обвинили его в том, что он играет с угрозой войны, он заявил, что его слова были неверно поняты или извращены. Но это не спасло его от яростного выпада со стороны Бухарина, который обвинил его в «бряцании оружием» и в намерении подвести войска к польской границе, «произнося опасное слово — война»; Бухарин прямо связал эти угрозы с «клемансистским тезисом Троцкого». Каменев Бухарин также обвинил в «беспринципности», воскликнув, что это — или политическая трусость, или политическое шарлатанство. Ярославский, который утверждал, что оппозиция располагала «несколькими» подпольными типографиями и распространяла свои листовки «в большом количестве по почте» и на заводах, потребовал полного *«организационного разгрома»* оппозиции¹⁹⁶. Конференция приняла резолюцию, в которой еще раз осуждалась оппозиция, а ее политика квалифицировалась как меньшевизм¹⁹⁷. В день окончания конференции Бухарин выступил по этой же неисчерпаемой теме перед президиумом ИККИ, который утвердил резолюцию, клеймящую деятельность оппозиции как «помеху интересам международного рабочего движения и предательство Коммунистического Интернационала»¹⁹⁸. В последнюю неделю ноября 1927 г. прошли съезды Компартий Украины и Белоруссии, на которых также были приняты резолюции, осуждающие оппозицию и одобряющие дисциплинарные меры, принятые против нее¹⁹⁹.

XV съезд партии открылся 2 декабря 1927 г. В течение предшествующих пяти недель в качестве приложения к «Правде» было опубликовано одиннадцать полос материалов предсъездовской дискуссии; в них вошли, в частности, два варианта «контр-тезисов»²⁰⁰ оппозиции и несколько других ее документов. При том, что Троцкий, Зиновьев и ряд других ее лидеров уже были вне партии, оппозиции нечего было ожидать от съезда, и она могла почувствовать горечь поражения еще до того, как начались его заседания. За несколько часов до открытия съезда Каменев, И. Н. Смирнов и Смилга посетили Орджоникидзе и передали ему просьбу провести предварительную дискуссию с членами Политбюро; им в этом было отказано²⁰¹. На первом же заседании съезда Орджоникидзе сообщил о рекомендации Центральной контрольной комиссии вывести 12 участников оппозиции из состава членов Центрального Комитета и Центральной контрольной комиссии и предупредил, что продолжение фракционной деятельности несовместимо с членством в партии. Пришло время, сказал

он, когда нельзя допустить, чтобы «ничтожная группа товарищей, составляющая всего 0,5% всей партии... нарушала единство нашей партии, раскалывала партию Ленина». Съезд назначил специальную комиссию из 65 старейших членов партии, которая должна была изучить документы и сообщить об итогах своей работы съезду²⁰². На следующий день 121 участник оппозиции, в том числе те, кто уже был исключен из партии, обратились в президиум съезда с заявлением, в котором они подтверждали, что не имеют с партией никаких «программных разногласий», еще раз обязуются покончить с фракционной деятельностью, просят восстановить в партии исключенных и выпустить на свободу тех, кто был арестован, а также заранее объявляют, что будут подчиняться решениям съезда²⁰³. Но им это не помогло. В тот же день Сталин проанализировал вопросы внешней и внутренней политики, посвятил третью часть своего основного доклада оппозиции, снова — и теперь уже в последний раз — обыгрывая привычные сюжеты двух последних лет. Руководители оппозиции отрицают возможность «победоносного строительства социализма в нашей стране», обвиняют партию в «термидорианском перерождении» и отрицают социалистический характер революции. Он закончил бескомпромиссным требованием — оппозиция должна отказаться от своих антибольшевистских взглядов открыто и честно, перед всем миром либо уйти из партии; а «не уйдут — вышибем»²⁰⁴.

Под градом этих ударов обессиленная оппозиция являла жалкое зрелище, хотя и тут Каганович выразил опасение, что она попытается совершить какой-нибудь новый маневр «в стиле 8 августа или 16 октября». Попытка Раковского рассказать съезду о международных вопросах прерывалась бесконечными репликами — в том числе со стороны Кагановича и Бухарина. И он вызвал настоящую ярость в аудитории, когда стал цитировать газеты западных стран, свидетельствующие о том, что там рассматривают оппозицию как более серьезную революционную угрозу капиталистическому миру, чем официальную линию партии. Евдокимов зачитал подготовленный заранее текст, и ему бросили издевательскую реплику, что за него это написал Троцкий. Резкие выражения вызвала речь Каменева, который утверждал, что его единственной целью является «примирение оппозиции с партией», а его просьба освободить Мрачковского и других находящихся в заключении участников оппозиции сопровождалась возмущенными выкриками²⁰⁵. Рыков резко ответил Каменеву, обвинив его в неискренности и увертках, а Томский высмеял руководителей оппозиции, имея в виду различия в их подходах: «Когда им нужно выпустить боевую фигуру, боевого коня, — выпускают Троцкого... Когда нужен мир — выпускают Каменева. А когда нужно слезу пустить — выпускают Зиновьева». Янсон заявил, что меры, принятые против оппозиции, вызвали широкий энтузиазм в партии и нанесли удар по «культу личности»²⁰⁶. Сталин, выступая с крат-

ким заключительным словом, отверг и речь Каменева и заявление оппозиции от 3 декабря как недостаточные свидетельства того, что оппозиция намерена полностью разоружиться²⁰⁷. Резолюция, принятая 7 декабря 1927 г. по докладу Сталина, подтверждала выводы специальной комиссии и заявила, что оппозиция «объективно стала фактором антисоветской борьбы» и что «принадлежность к троцкистской оппозиции и пропаганда ее взглядов несовместимы с пребыванием в рядах большевистской партии»²⁰⁸.

Эта резолюция, а также деятельность специальной комиссии за кулисами событий, окончательно раздробили объединенную оппозицию на ее две составные части. 10 декабря 1927 г. комиссии были переданы еще два заявления. В зиновьевском заявлении, подписанном Каменевым, Бакаевым, Авдеевым и Евдокимовым, говорилось, что их группа подтверждает уверенность в правоте своих взглядов, но безусловно принимает решения съезда, «сколько бы суровы они ни были». Троцкистское заявление, подписанное Мураловым, Раковским и Радеком, также принимало требование прекращения всякой фракционной деятельности, но настаивало на праве отдельных членов партии «защищать перед партией в рамках устава... наши взгляды, изложенные в платформе и тезисах»²⁰⁹. Оба документа несли на себе печать двусмысленности и замешательства, и Орджоникидзе прямо заявил, что не видит «большой разницы» между ними²¹⁰. Тем не менее они открывали путь к последующим более глубоким расхождениям. Пятаков, находившийся в это время в советском посольстве в Париже, был вызван в Москву для проверки со стороны специальной комиссии. Он признал, что не одобрял таких нелегальных действий, как подпольная типография и демонстрации 7 ноября, но они, сказал он, были навязаны оппозиции официальным режимом; он добавил, что по-прежнему считает платформу оппозиции правильной и что вскоре вся партия придет к ней²¹¹. На основе этих документов и расследований комиссия составила проект резолюции об исключении из партии 75 «активных работников троцкистской оппозиции», включая Каменева, Пятакова, Радека, Раковского, Смильгу и Залуцкого. 18 декабря 1927 г., после того как Смильге было разрешено зачитать съезду заявление от его собственного имени и от имени Муралова, Раковского и Радека с протестом против их исключения из партии²¹², съезд принял эту резолюцию без дальнейших прений²¹³. В общем прорыве, направленном на осуждение и разгром объединенной оппозиции, мало кто обратил внимание на остатки группы «демократического централизма», которая 4 декабря 1927 г. представила съезду бескомпромиссное заявление, в котором подвергалась критике как экономическая, так и партийная политика, а Красная Армия характеризовалась как «инструмент бонапартистского переворота». Это заявление не было ни опубликовано, ни включено в стенограмму съезда, и на него имеются лишь случайные от-

сылки²¹⁴. Но резолюция об исключении из партии 75 участников объединенной оппозиции предусматривала также исключение из партии 15 членов «группы Сапронова» как «отъявленно контрреволюционной». Последние организованные группы оппозиции в партии были выметены дочиста²¹⁵.

Когда голосовалась резолюция об исключении, зиновьевское крыло объединенной оппозиции хранило молчание. На следующий день, 19 декабря 1927 г., Каменев передал Рыкову заявление, подписанное 23 исключенными из партии участниками оппозиции, включая его самого и Зиновьева, которое он просил зачитать съезду. Сделать это самому Каменеву было отказано, но заявление было зачитано Рыковым как председательствовавшим на этом заседании. В заявлении говорилось, в частности, об отказе оппозиции от «антленинских взглядов», признавались в качестве «ошибок» такие факты, как создание подпольной типографии, демонстрации 7 ноября и связь с раскольнической группой Маслова — Фишер в Германии, и еще раз высказывалась просьба о восстановлении их в партии. Но и эта едва ли не позорная капитуляция не возымела никакого действия. От имени президиума съезда Рыков предложил не рассматривать это заявление, а дать указание Центральному Комитету партии и Центральной контрольной комиссии принимать только индивидуальные заявления о восстановлении в партии от бывших участников оппозиции и отложить рассмотрение их до истечения шести месяцев со времени получения. Такого рода резолюция и была принята съездом²¹⁶. Зиновьеву и Каменеву самым унижительным образом было велено ждать.

Одним из событий, происшедших на съезде, было его решение опубликовать Завещание Ленина. Предложение об этом было передано съезду в июле 1926 г.²¹⁷, и о нем вновь упомянул Сталин в своей речи на Пленуме ЦК 23 октября 1927 г.²¹⁸ Съезд уже почти заканчивал свою работу, когда Орджоникидзе, заключая прения о работе Центральной контрольной комиссии, уделил «пару слов» этому вопросу и предложил снять запрет на публикацию Завещания. Но даже после этого съезд «забыл» проголосовать за резолюцию по этому вопросу, пока ведущий заседание Петровский не напомнил об этом. Тогда Рыков официально внес предложение опубликовать Завещание и другие «неопубликованные письма по внутрипартийным вопросам». Однако опубликовать Завещание имелось в виду не в «Ленинском сборнике», как предлагалось с самого начала, а в качестве приложения к стенографическому отчету съезда²¹⁹. Часть Завещания и постскрипtum действительно были опубликованы в ежедневном бюллетене, раздававшемся делегатам съезда²²⁰. Однако они не появились ни в открытой печати, ни в официальном отчете о съезде, опубликованном на следующий год. «Другие неопубликованные письма», которые Сталин зачитывал на Пленуме ЦК в июле 1926 г., видимо

не были опубликованы вообще ²²¹. Поскольку оппозиция была сокрушена, исчезла и необходимость в дальнейших откровениях.

В новом Политбюро, избранном Центральным Комитетом после съезда, Зиновьева и Троцкого заменили Рудзутак и Куйбышев, оба надежные сталинцы. На правах полных членов в Политбюро входили теперь Бухарин, Ворошилов, Калинин, Куйбышев, Молотов, Рыков, Рудзутак, Сталин и Томский ²²². Одним из его первых решений, принятым сразу же по окончании съезда и раскола оппозиции, было решение о высылке из Москвы Троцкого и его главных сторонников ²²³. Однако события в связи с этим приняли несколько странный оборот, что явно свидетельствовало о колебаниях руководителей партии — или по крайней мере некоторых из них — в осуществлении этой суровой и потенциально непопулярной меры ²²⁴. В течение года или более того участники оппозиции были аккуратно убраны с глаз, получив назначения на работу в отдаленные районы страны или за границу. Хотя Троцкий и его коллеги были исключены из партии и теоретически не подлежали требованию партийной дисциплины, было выдвинуто предложение точно так же обойтись и с ними. Партийные органы поставили их в известность о том, что им будет предложена «работа в ряде отдаленных районов» ²²⁵. Они в принципе приняли его, потребовав лишь, чтобы соответствующим был сам характер работы и подходили климатические условия; именно на этом основании они возражали против предложения направить Троцкого в Астрахань и Раковского в Усть-Сысольск. Орджоникидзе, как председатель Оргбюро, был готов обсудить эти возражения и передал их Косиору. Но здесь вмешалась некая более твердая рука. Троцкого вызвали в ОГПУ, куда он отказался явиться, составившись на то, что ждет разговора с Косиором. Этот отказ был расценен как равносильный отказу от его добровольного согласия с назначением, и ОГПУ поставило его в известность о том, что он будет выслан согласно статье 59 Уголовного кодекса, относящейся к контрреволюционным действиям ²²⁶.

Высылка была назначена на вечер 16 января 1928 г. Новость эта стала, однако, известна, и на вокзале собралась такая многочисленная толпа, что было сочтено благоразумным отложить высылку — как будто бы на два дня. На следующий день, 17 января 1928 г., Троцкий, сопротивлявшийся до последнего, был тайком доставлен в специальной поезд, ожидавший отправления со станции в нескольких милях от Москвы. Местом его назначения была Алма-Ата, столица Казахстана, расположенная на дальних окраинах СССР примерно в 160 милях от железнодорожного узла. Фрунзе. Последняя часть путешествия проходила на грузовиках и телегах. Троцкий и его семья прибыли в Алма-Ату 25 января 1928 г. ²²⁷ Через два дня после его отъезда появилось официальное *коммюнике*, в котором сообщалось, что 30 активных участников оппозиции, включая Троцкого, Радека, Смильгу и И. Смирнова,

высланы из Москвы²²⁸. Раковский был отправлен в Астрахань, Радек в Томск, а затем в Tobольск; большинство других видных троцкистов были рассеяны по Сибири²²⁹. Зиновьев и Каменев, благодаря своим словесным ухищрениям, добились сравнительно мягкого приговора и были сосланы в Калугу, областной центр в 80 милях на юго-запад от Москвы, но даже этот приговор исполнялся, судя по всему, не слишком строго²³⁰.

ГЛАВА 40

ПЕРЕГРУППИРОВКА СИЛ, 1928 ГОД

Высылка из Москвы лидеров объединенной оппозиции ускорила ее распад, начавшийся сразу же после принятия решения об исключении их из партии, объявленного XV съездом. 15 января 1928 г. «Правда» опубликовала, с соответствующими выражениями возмущения, два письма, или манифеста, исходившие якобы от сторонников Троцкого; в них прямо говорилось о «предательстве» оппозиции Зиновьевым и Каменевым, проводилась резкая линия разграничения между оппозицией и «капитулянтами» и рассматривалось отношение к этому расколу со стороны различных зарубежных оппозиционных групп (особенно группы Маслова и Рут Фишер) и при этом подчеркивалась необходимость совместных интернациональных действий оппозиции. Через несколько дней «Правда» напечатала письмо Зиновьева и Каменева, которые патетически подтверждали, что они «порвали с группой Л. Д. Троцкого», и перечисляли все расхождения, разделявшие два крыла объединенной оппозиции. Поворотным пунктом в их разногласиях с Троцким, прослеженных ими с августа 1927 г. до настоящего момента, стало отношение к возможности создания «второй партии»; на XV съезде, говорилось в письме, единственный выбор сводился к тому, чтобы «капитулировать перед идеей ВКП(б) или же капитулировать перед идеей второй партии». Что же касается платформы оппозиции, то она представляла собой «документ, который противоречил всей линии политики Центрального Комитета». Единственным лозунгом теперь может быть «Назад в партию и назад в Коминтерн!». «Правда», публикуя это заявление, назвала его «решающим шагом, который облегчает возврат в партию всем, кто займет здесь их позицию»¹. Троцкий ограничился саркастической репликой о «двух рыцарях, которые, по печальной иронии судьбы, оба оказались Санчо Пансами»².

Первые девять месяцев 1928 г. были периодом смятения и неопределенности в партийных группировках. Первыми заметными фигурами, отошедшими от троцкистского крыла оппозиции, стали, те, кто находился на дипломатической работе за границей³. Пятаков в письме, датированном 28 февраля 1928 г., характеризовал свое прошлое как «ошибку», заявлял о своем отходе от платформы оппозиции сентября 1927 г. и выражал просьбу о возвра-

шении его в партию⁴. Троцкий назвал его в связи с этим человеком, который, пытаясь избежать противоречий, «совершает самоубийственный прыжок в реку»⁵. Крестинский, чье положение советского посла в Берлине исключало какое-либо активное участие в делах оппозиции, с сочувствием относился к взглядам Троцкого. Однако в ответ на запрос Центральной контрольной комиссии он написал 22 марта 1928 г. письмо, сопроводив его копиями своей переписки с Троцким, в котором заверял ЦКК, что он никогда не имел какой бы то ни было «организационной связи» с оппозицией, а теперь совершил «идеологический разрыв» с нею⁶. 4 апреля 1928 г. Антонов-Овсеенко, давний друг и сторонник Троцкого, а в данный момент советский посол в Праге, написал письмо Сталину, которое несколькими днями позже было напечатано в «Правде». Он ссылаясь на письма, написанные им 28 октября 1927 г. в Политбюро и Троцкому, в которых он выражал общее согласие с политической линией Центрального Комитета и не одобрял нападки оппозиции на эту линию, но критиковал «организационную политику» ЦК, а в ходе дальнейших размышлений он пришел к тому, что отказывается от этой критики и безусловно принимает линию партии⁷.

Поражение оппозиции и изгнание либо раскаяние ее лидеров совпали с тем моментом, когда кризисная ситуация, сложившаяся с хлебозаготовками, вынуждала произвести переоценку официальной линии партии и подрывала единство группы большинства в Политбюро. Весной 1927 г. группа «демократического централизма» заявила, что она не признает каких-либо существенных различий между правыми и центром в партии, и Троцкий, судя по всему, соглашался с ними⁸. Но позже, в платформе оппозиции сентября 1927 г., Троцкий провел резкое разграничение между двумя тенденциями в партии — «откровенным и открытым сползанием вправо», основанным на поддержке «экономически крепкого крестьянина — середняка», и «центризмом официального аппарата», который озабочен прежде всего администрированием, стремится задушить любую дискуссию и смотрит на партию «сверху вниз». В качестве руководителей первой группы Троцкий называл Рыкова, А. П. Смирнова, Калинина, Петровского, Чубаря и Каминского, к которым примыкали Томский и другие профсоюзные руководители; а второй группы — Сталина, Молотова, Угланова, Кагановича, Микояна и Кирова. Бухарина он считал «мечущимся от одной стороны к другой», а обе группы «спланивала их общая враждебность к оппозиции». Но, заключал он, если «отрезать оппозицию, то это неизбежно ускорит конфликт между ними»⁹. Это проницательное предвидение в скором времени оправдалось. Еще до окончания 1927 г. тот беззаботный оптимизм, с которым этот год начинался, стал быстро сходить на нет. Бухарин, чья позиция впоследствии стала самым чувствительным барометром меняющегося климата, оказался скорее объектом, а не субъектом первых ходов. Ко времени XV съезда партии, состоявшегося в де-

кабре 1927 г., роль самого доверенного подручного Сталина, которую он с такой лихорадочной энергией выполнял за год до этого на XV партийной конференции¹⁰, уже захватил Молотов. Пространный доклад Бухарина о положении в Коминтерне носил в основном теоретический характер и не мог вызвать острых споров. Тем не менее его критиковали в прениях — в осторожных выражениях Лозовский и более открыто Шацкий и Ломинадзе. Шацкий обвинил Бухарина в том, что он замазывает самые грубые правые ошибки зарубежных коммунистических партий и утверждал, что «правая опасность в рядах наших сторонников и в наших партиях очень велика». Ломинадзе, только что вернувшийся из Китая, где он был одним из главных агентов Сталина накануне неудавшегося кантонского восстания, патетически согласился с Шацким и заявил, что «если коммунистические партии и совершали ошибки за последние два года, то они всегда совершали правые ошибки»¹¹. Возражая Шацкину и Ломинадзе, Бухарин привел ряд доводов, доказывая, что «центр тяжести» оппозиции лежит в «*троцкистских группировках*» и что правая опасность — преходящее явление¹². Но это не остановило Лозовского и Шацкого от того, чтобы направить записки в президиум съезда, в которых Лозовский обвинял Бухарина в ошибке фактического характера, а Шацкий, куда резче по тону, ставил ему в вину искажение опыта партийной работы его, Шацкого¹³. Для посвященных этот взаимообмен упреками достаточно ясно говорил о том, что Бухарин больше не пользуется безусловным покровительством высших руководителей. Разгром оппозиции привел к тому, что теперь в расход мог быть пущен Бухарин.

В первые месяцы 1928 г. кризис хлебозаготовок и все возрастающее давление индустриализации повернули партийное большинство, то есть группу, прочно кристаллизовавшуюся теперь вокруг личности Сталина, к такому политическому курсу, который до этого времени ассоциировался с Троцким и его сторонниками. Существенное значение, возможно, имеет тот факт, что ни Рыков, ни Бухарин не были среди тех руководителей, которые выезжали на село для обеспечения заготовок. Вряд ли можно допустить, что Бухарин не замечал симптомов того, как падает расположение к нему; тем не менее он долгое время не решался выступать вразрез с официальной политикой. На X Пленуме ИККИ в феврале 1928 г., когда в Коминтерне со всей отчетливостью проявились первые признаки того, что от правых отворачиваются, он определил троцкизм как «вечно иное, как «левое» крыло социал-демократической партии», и перенес весь упор на троцкистскую опасность; и Исполком Коминтерна послушно зафиксировал в своем решении удовлетворение тем, что «пятнадцатый съезд ВКП(б) решительно покончил с троцкистской оппозицией, исключив ее из рядов партии»¹⁴. И все же, выступая 13 апреля 1928 г. перед Ленинградской партийной организацией о состоявшемся незадолго до этого Пленуме ЦК, Бухарин, осуждая «тенденцию к

пренебрежению чувством умеренности и к перепрыгиванию через необходимые этапы, через которые мы неизбежно должны пройти», прочно оставался в рамках партийной линии, отстаивая «чрезвычайные меры» и громя одновременно поверженную оппозицию и ереси Кондратьева¹⁵. Первым, кто обозначился в качестве потенциального очага раскола, был Рыков, публично отмежевывавшийся от Сталина в своей оценке «чрезвычайных мер»¹⁶. Только в мае 1928 г. Бухарин начал открыто выражать свое неодобрение этих мер, и то лишь в личной записке, не вышедшей за рамки Политбюро¹⁷. «Правой оппозиции» все еще не хватало решимости, сплоченности и лидера. Суть ситуации четко определил Троцкий в записке, составленной им вскоре после прибытия в Алма-Ату: «План оппозиции потерпел поражение; группа Сталина не имеет никакого плана; правые в настоящее время боятся говорить громко о своих действительных намерениях»¹⁸.

Ощущение опасности, исходящей от все более усиливающегося правого крыла в партии, было существенным фактором углубления разногласий среди подвергшихся изгнанию участников оппозиции, а всякие попытки сохранения единого фронта наталкивались к тому же на трудности в поддержании связи. Переписка между ними, а также между ними и Москвой происходила чрезвычайно медленно, хотя первые несколько месяцев никаких иных вмешательств в этот процесс, судя по всему, не было. В начале марта 1928 г. Троцкий зафиксировал получение «первого большого пакета писем из Москвы»¹⁹. Первыми, кто отрекся из числа подвергшихся высылке участников оппозиции, была группа зиньевцев во главе с Сафаровым, куда входили среди прочих Вардин, Тарханов и Вуйович; в письме от 31 марта 1928 г. Сафаров от имени группы обратился в Центральную контрольную комиссию с просьбой о восстановлении в партии²⁰. В апреле 1928 г. Преображенский, уже втянувший Троцкого в спор по китайскому вопросу, направил его пространную записку, озаглавленную «Левый курс в деревне и его перспективы», в которой, рассмотрев различные альтернативы последовательно левому курсу и означающие капитуляцию перед кулаком, он предлагал, чтобы оппозиция запросила официальное разрешение на проведение конференции оппозиционеров с целью создания союза между оппозицией и партийным центром против правых²¹. Троцкий, таким образом, разрывался между двумя крыльями своих сторонников — «примиренцами», которые считали, что Сталина нужно поддержать против правых ересей Рыкова и Бухарина, и теми, кто полагал, что кажущийся сдвиг официальной политики влево не более, чем временный зигзаг, который в скором времени будет «компенсирован шагами вправо»²².

Показания со стороны бывших участников оппозиции, основанные на тойсылке, что партийное большинство повернулось теперь к политике, которую раньше отстаивала оппозиция²³, слу-

жили источником разброда в ее рядах и вызывали самую различную реакцию. Центральная контрольная комиссия отвергла заявления Сафарова, Вардина и Тарханова как «неудовлетворительные»²⁴. В начале июня 1928 г. Ярославский опубликовал в «Правде» статью под заголовком «Никаких компромиссов», в которой он напомнил сомневающимся и колеблющимся участникам оппозиции, что шестимесячный срок, установленный XV съездом партии, вскоре истекает и только те, кто выступит с недвусмысленным раскаянием (в качестве примера назывались Зиновьев, Каменев, Саркис и Пятаков), могут надеяться на восстановление в партии²⁵. 22 июня 1928 г. Центральная контрольная комиссия приняла решение восстановить в партии около 40 исключенных из нее участников оппозиции, в том числе Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева и Залуцкого²⁶. Колебания лидеров оппозиции наряду с давлением официальных преследований завершили распад ее массовых рядов. В течение шести месяцев, прошедших после XV съезда партии, 2270 участников оппозиции были исключены из партии за оппозиционную деятельность и 3098 раскаялись и заявили о своем признании официальной линии. По имеющимся сведениям, среди тех, кто раскаялся, доля рабочих была особенно велика²⁷.

Лето 1928 г. было критическим периодом в совершенном партийном повороте влево и к более последовательной, бескомпромиссной политике индустриализации, а также в процессе установления более твердого контроля над организационной жизнью партии со стороны Сталина. В этот момент Сталин был глубоко озабочен соотношением сил в партийном руководстве, и на какой-то короткий отрезок времени в стратегически важном положении оказался Калинин. По его предшествующему опыту и по его склонностям Калинина считали сторонником договоренности с крестьянством, даже с крестьянином преуспевающего типа. В платформе оппозиции сентября 1927 г. он был поставлен в один ряд с Рыковым и А. П. Смирновым как сторонник «откровенного и открытого сползания вправо»²⁸. Если бы, как этого можно было ожидать, Калинин занял теперь позицию, общую с Рыковым, Бухариным и Томским, это составило бы четыре голоса из девяти в Политбюро, и Сталин для сохранения минимального большинства зависел бы от голосов Куйбышева, Молотова, Рудзутака и Ворошилова. Остается неизвестным, какие методы убеждения были применены к Калинин и насколько легким или трудным делом это оказалось²⁹. Ясно лишь, что летом 1928 г. Калинин примкнул к взглядам большинства и что это имело решающее значение для соотношения сил в руководстве. Примерно в это же время Сталин, действуя столь же загадочными методами, прочно привязал к себе переменчивого Ворошилова. Таким образом, прочное большинство в шесть голосов противостояло теперь трем голосам потенциальных несогласных.

Тем не менее Сталин, будучи мастером тактических действий, уделял не меньшее внимание контролю над другими узловыми точками власти и влияния в партийной машине. В конце мая 1928 г., когда Бухарин начал проявлять свое несогласие в Политбюро, Сталин воспользовался поводом выступить перед слушателями Института красной профессуры, которые вплоть до того времени были верными учениками Бухарина, и в осторожной, не двусмысленно ясной форме подверг критике взгляды, которые представлял теперь Бухарин³⁰. Следующей его целью было обеспечить контроль над основными партийными органами, «Правдой» и «Большевиком», в которых благодаря Бухарину и его сторонникам все еще преобладало влияние правых. Эта операция была, очевидно, проведена в течение нескольких дней, предшествовавших Пленуму Центрального Комитета 4 июля 1928 г. Мало что стало достоянием гласности из того, что происходило за кулисами. В номере «Большевика» за 31 мая 1928 г. была помещена бесцветная безымянная передовая статья о самокритике, написанная одним из последователей Бухарина — Слепковым. На Пленуме Московского комитета партии 30 июня 1928 г. Молотов подверг критике эту статью за слишком поверхностное толкование самокритики и назвал ее «ошибочной», он, очевидно, назвал Слепкова в качестве автора этой статьи, хотя в опубликованном отчете о его речи фамилия не фигурировала. На следующий день Слепков передал в Московский комитет партии заявление, в котором сообщал, что все члены редакционной коллегии «Большевика» за исключением Молотова одобрили статью и что Молотов, попросив прислать ему верстку номера до публикации, не высказал никаких возражений; спустя несколько дней это же заявление было перепечатано в «Правде» в виде письма Слепкова. Молотов ответил — также в форме заявления в Московский комитет партии и в виде письма в «Правду», что он не видел верстки номера, о котором идет речь, поскольку отсутствовал, будучи в отпуске в Крыму, а так как этот факт был известен Слепкову, он обвинял его в том, что тот «намеренно сказал неправду». В заключение он требовал передать это дело на рассмотрение Центральной контрольной комиссии партии³¹. В номере «Большевика» за 15 июня 1928 г. была напечатана статья бухаринца Гольденберга с примечанием, что продолжение ее будет помещено в следующем номере; но оно так и не было никогда опубликовано³². 30 июня, а также 1 и 3 июля 1928 г. в «Правде» были помещены большие статьи Марецкого и Астрова, но в том же номере за 3 июля в противовес им, хотя и без прямой полемики, появилось письмо Сталина «товарищу С»³³. За этими обычными с виду фактами стояла жестокая перетряска в редакционном контроле над обоими изданиями. Слепков, Марецкий, Астров и Зайцев были обвинены в том, что не сумели «противостоять давлению мелкой буржуазии» и оказывали «тайное сопротивление» линии партии. В июле 1928 г. Центральный Комитет партии «укрепил редакционную

коллегию "Правды", введя в нее несколько не названных по фамилии человек (примечательно, что в их числе, как потом выяснилось, были Крумин и Савельев), хотя только в сентябре 1928 г. и не без борьбы было избрано новое бюро партийной организации «Правды», в которое вошли «самые решительные товарищи, способные обеспечить правильную партийную линию», и газета была твердо взята под контроль³⁴.

Аналогичные изменения произошли и в контроле над основным теоретическим журналом партии — «Большевиком». В редакционную коллегию со времени его создания в 1924 г. входили Каменев и Ярославский. Однако действительное редактирование журнала осуществлялось Бухариным, признанным теоретиком партии, и его учениками, по большей части выпускниками Института красной профессуры. После XV съезда партии в редколлегию «Большевика» входили Астров, Бухарин, Молотов, Слепков и Ярославский, то есть три бухаринца и два приверженца Сталина. В июне 1928 г. в редколлегию был введен Криницкий, уравновесивший соотношение сил. В августе 1928 г. из нее был выведен Слепков и добавлены Бауман и Попов, и с этого времени контроль оказался прочно в сталинских руках³⁵. Все это не повлияло на формальный статус Бухарина, но его реальная власть исчезла, а его престижу был нанесен удар тем, что он не сумел защитить своих подчиненных. Между тем первый открытый выпад против руководства со стороны члена Центрального Комитета был совершен Фрумкиным в его письме в Политбюро от 15 июня 1928 г. Письмо Фрумкина, хотя речь в нем шла об экономической политике, было прямым вызовом власти большинства в Политбюро и в Центральном Комитете. Существенное значение имеет, видимо, тот факт, что первоначально имелось в виду направить ответ Фрумкину от имени ЦК, но Сталин поспешно взял это дело в собственные руки и ответил Фрумкину от своего собственного имени³⁶.

Пленум Центрального Комитета, проходивший с 4 по 12 июля 1928 г., явился критическим моментом в борьбе между руководством партии и новой группировкой правых. Прения по вопросу о хлебозаготовках вылились в острую борьбу, причем выступления Бухарина и его сторонников сплошь и рядом прерывались репликами и выкриками. Хотя открытого столкновения между руководителями так и не произошло, Рыков критиковал Кагановича, являвшегося приверженцем Сталина, а Молотов выступал против Астрова. Томский впервые открыто встал на сторону Бухарина и Рыкова³⁷. Принятая в итоге резолюция представляла собой компромисс, в котором многие были склонны увидеть победу правых³⁸. Пленум принял решение о том, что никто из членов Политбюро, кроме Бухарина, не будет выступать на предстоящем VI конгрессе Коминтерна³⁹, и 30 июля 1928 г., когда конгресс уже начал свою работу, все члены Политбюро подписали и направили уже работающему VI конгрессу Коминтерна торжественное

заявление, в котором протестовали «против распространения всякого рода слухов о разногласиях между членами Политбюро ВКП(б)»⁴⁰.

Сталин всегда был весьма чувствителен к тому, насколько важны назначения на ключевые посты: Каганович поменялся местами с Косиором, став членом Секретариата партии, а Косиор — секретарем ЦК Компартии Украины⁴¹. Видимо, именно в этот момент Сталин обратил свое внимание на Московскую партийную организацию: ее первый секретарь Угланов, согласно поступившим сведениям, сказал как-то одному из руководителей комсомола, что Сталин душит партию и от него нужно отделаться. Именно этим временем впоследствии и было датировано начало упорной борьбы за контроль над Московской организацией⁴². Несмотря на официальные заверения в том, что между членами Политбюро не существует никаких разногласий, разница в тоне речей Рыкова и Сталина, комментировавших решения Пленума по сельскохозяйственной политике, достаточно ясно свидетельствовала о характере и остроте конфликта⁴³. Когда итоги Пленума обсуждались затем на заводах и в партийных ячейках, выступавшие говорили о критике Молотовым Слепкова (были сведения, что Слепков написал еще один ответ в «Правду», но она отказалась его опубликовать, и он распространялся нелегально), о расхождении между Сталиным и Рыковым и о «неопубликованной переписке между членами Политбюро» (причем, без сомнения, имелись в виду майская и июньская записки Бухарина); задавался также вопрос, почему Бухарин, в отличие от своей обычной практики, не выступил публично перед членами партии по окончании Пленума⁴⁴.

Но самый яркий свет на ситуацию в партии в этот период проливают записи Каменева, ставшие известными всего лишь шесть месяцев спустя, его бесед с Сокольниковым и Бухариным 11 июля 1928 г., то есть за день до окончания Пленума ЦК. 9 июля 1928 г. Сокольников написал Каменеву письмо, попросив его о встрече и таинственно добавил, что *«это было бы исключительно важно»*⁴⁵. Сокольников приехал на квартиру Каменева в 9 часов утра 11 июля 1928 г. и ознакомил Каменева с тем, что происходило в Центральном Комитете. Калинин и Ворошилов перешли на сторону большинства. Бухарин отождествил официальную политику партии с политикой Преображенского; Рыков нападал на Кагановича. «Линия Сталина потерпела поражение». Бухарин дважды заявил (по-видимому, в частом разговоре с Сокольниковым), что теперь он «отказался бы от Сталина ради Каменева и Зиновьева»; он хочет видеть Каменева и рассчитывает на «блок для устранения Сталина». В 10 часов утра Бухарин прибыл без звонка, и Сокольников, очевидно, уехал⁴⁶. Бухарин был «крайне возбужден и растерян» и говорил в течение часа; «временами его губы нервно дрожали». Основное из сказанного им состояло в том, что борьба достигла такой точки, когда Ка-

менев и Зиновьев и, «возможно троцкисты» окажутся «неизбежно втянутыми в нее и сыграют важную роль в ее разрешении». Рыков и Томский, единственные, кто знал о его встрече с Каменевым, согласны с ним в том, что они предпочли бы иметь в Политбюро Каменева и Зиновьева, а не Сталина. В течение ряда недель у Бухарина не было никаких разговоров со Сталиным (что, впрочем, не согласуется с приведенными им же репликами Сталина, обращенными к нему: «Вы слона выведете из равновесия» и «Мы с Вами это Гималаи, а остальные пигмеи»), а в Политбюро происходит взаимообмен такими неприличиями, как «Взор!» и «Лжешь!». Бухарин отдавал должное тактике Сталина: «Он сейчас уступил для того, чтобы перерезать нам глотки»; непосредственные цели Сталина состоят сейчас в том, чтобы захватить контроль над «Правдой» и заменить Угланова, «который целиком с нами», Кагановичем. Ленинградцы колеблются. Андреев (которого вскоре отзовут с Северного Кавказа⁴⁷), Ягода и Трилиссер были названы среди тех, кто против Сталина. С другой стороны, Сталин заполучил украинцев (прежде всего имея в виду Скрыпника), пообещав им убрать Кагановича с Украины. Орджоникидзе «виделся со мной и громко ругал Сталина, но в решающий момент поджал хвост». Сталин хвастался, что Каменев и Зиновьев «у него в кармане», и он, возможно, попытается купить их «высокими должностями». Бухарин проявил особую враждебность в отношении Молотова, «который учит меня марксизму и которого мы называем каменная задница». В целом у Каменева осталось от Бухарина впечатление обреченного человека, осознающего собственную беспомощность. «Что вы можете сделать, когда имеете такого оппонента — Чингизхана?». Сталин, повторил Бухарин, «будет дожидаться нас, чтобы начать дискуссию, и тогда перережет нам глотки». В самом деле, Сталин был еще сильнее, чем это представлял себе Бухарин. Он был в состоянии сокрушить новых несогласных, на этот раз правых, не делая ни малейшей уступки ни одному крылу прежней объединенной оппозиции. «Высокие должности» Каменеву и Зиновьеву так никогда и не были предложены.

Между тем приближение VI конгресса Коминтерна, который должен был начаться в середине июля 1928 г., вызвало новые колебания в лагере оппозиции. В июне Преображенский, видимо, не советуясь со своими высланными из Москвы коллегами, представил в адрес конгресса политическое заявление, заканчивавшееся просьбой о восстановлении в партии⁴⁸. Примерно в это же время Радек, будучи в неведении о демарше Преображенского, передал Троцкому и семи другим лидерам оппозиции записку в адрес конгресса, которую, за неимением времени для достижения их общего согласия, он предлагал отправить под его собственную ответственность. Существенным пунктом в ней было утверждение, что «вина оппозиции заключается в том факте, что она забила тревогу раньше, чем руководство партии». Из этого вытекало, что

нынешняя официальная линия соответствует программе оппозиции, и таким образом подкреплялся вывод, что оппозиция должна быть вновь допущена в партию⁴⁹. Троцкий, верный своей позе гордого пренебрежения, самостоятельно отправил на имя конгресса объемистый документ, имевший форму критики бухаринского проекта программы; накануне открытия конгресса документ этот был дополнен полемическим постскриптомом, озаглавленным «Что дальше?». Весь документ был пронизан безоговорочным осуждением сталинской линии и не допускал даже мысли об уступках или примирении⁵⁰. Хотя ответственность за него лежала на самом Троцком, в силу его личного престижа к нему отнеслись в общем как к формальному заявлению оппозиции; и Радека и Смильгу (который подписал заявление Радека) удалось убедить заявить о своем присоединении к документу Троцкого, хотя Радек впоследствии говорил, что он сделал это до того, как увидел текст⁵¹.

Этот эпизод четко выявил углубляющуюся трещину между двумя крыльями оппозиции — будущими примиренцами и непримиримыми, — через которую Троцкий тщетно пытался перебросить мост⁵². Все сведения, циркулировавшие в Москве, указывали на предстоящий разрыв между Сталиным и правой оппозицией, против которой он будет отстаивать политику ускоренной индустриализации⁵³, и трудно было не согласиться с выводом, что прежняя оппозиция должна теперь сплотиться для защиты новой официальной линии. На какое-то время ход работы июльского Пленума Центрального Комитета, завершившегося тем, что он положил предел сдвигу Сталина влево, приободрил непримиримых. Троцкий в записке «Июльский пленум и правая опасность» охарактеризовал речь Рыкова перед Московской партийной организацией 13 июля 1928 г. как «доклад победителя», хотя, добавил он, победа над Сталиным достигнута, «как известно, с помощью самого Сталина». Чуть позже в письме к Смильге Троцкий доказывал, что Сталин потерпел «крупное тактическое, хотя и не стратегическое поражение»⁵⁴. Каменев публично заявил, что, по его мнению, Сталин «резко ослаблен», хотя он проникательно добавил, что «аппарат, все еще явно находящийся в руках центра, достаточно силен»⁵⁵. Но все эти умозрительные самоутешения мало чем облегчали состояние смуты, в которое впала прежняя оппозиция.

VI конгресс Коминтерна, проходивший в Москве с 17 июля по 1 сентября 1928 г., ознаменовал еще одну стадию в развенчании и компрометации Бухарина. Накануне конгресса — видимо, примерно в то же время, когда состоялась его встреча с Каменевым, — Бухарин пригласил на встречу с ним в Кремле швейцарского представителя в верхах коминтерновской иерархии Эмбер-Дро, уже известного, насколько можно было догадываться, своими симпатиями правого толка и раскрыл ему картину конфликта в

Политбюро по аграрному вопросу, представив дело так, будто Сталин «капитулировал» перед линией Троцкого — Зиновьева. О чем шла речь между ними по вопросам, касающимся работы Коминтерна, осталось незафиксированным⁵⁶. Когда конгресс начал работу, Бухарин распространил обычные тезисы о задачах Коминтерна и работе ИККИ, которые он должен был представить конгрессу, но при этом не соблюдая, как об этом позднее заявил Сталин, принятой процедуры предварительного представления их своей партийной делегации. Делегация была спешно созвана и настояла не менее чем на 20 поправках к тезисам, давая ясно понять, таким образом, иностранным делегатам, что Бухарин не пользуется больше полным доверием своей собственной партии⁵⁷. Во время конгресса группа «Ноймана — Ломинадзе» начала строить закулисные интриги против Бухарина⁵⁸. Наиболее видным членам зарубежных делегаций делались намеки, или даже больше, чем намеки, на то, что Бухарин впал в немилость. Говорили, что Сталин сообщил Фостеру, руководителю американской делегации, что «его расхождения с Бухариным охватывают длительный период, но настало время, когда правые отклонения Бухарина уже нельзя больше терпеть». Другой американский делегат характеризовал сложившуюся ситуацию следующим образом: «На VI всемирном конгрессе проходило фактически два конгресса. Один — официальный конгресс, на котором председательствовал Бухарин... И был еще коридорный конгресс, созданный Сталиным; ...на всем его протяжении велась сокрушительная кампания против Бухарина как представителя правого крыла»⁵⁹. С трибуны конгресса Бухарин, как положено, утверждал как в своем основном докладе о задачах ИККИ, так и повторяя это в заключительном слове, что в Коминтерне «*правый уклон* представляет сейчас центральную опасность» и что «главная опасность, вне всякого сомнения, это правая опасность»⁶⁰. Однако он не делал никаких выводов из этой формулы, и не было никаких намеков на то, чтобы применить ее к российской партии. В тезисах, принятых конгрессом, хотя в них и признавалось, что в некоторых коммунистических партиях (например, в китайской) ультралевая опасность может еще оставаться преобладающей, заявлялось тем не менее, что «основная линия отклонений от правильной политической позиции — вправо»⁶¹. Однако Бухарину не удалось развеять впечатление, что его собственные личные пристрастия лежат на стороне правых, особенно в отношении конфликтов, разыгравшихся в германской партии. Бухарин уже не был в состоянии защищать своих друзей, а впереди его ожидало время, когда он уже будет не в состоянии защитить самого себя⁶².

Между тем какие бы то ни было намеки на правую опасность в российской партии тщательно избегались. 22 августа 1928 г., когда конгресс работал уже пять недель, Варга выступил с пространном докладом об экономических достижениях и проблемах

Советского Союза, а Мануильский с обзором, целиком посвященном троцкистской оппозиции, положения в ВКП(б) ⁶³. На следующий день, вместо прений по этим докладам, была зачитана серия заранее заготовленных заявлений, сделанных от имени ряда групп иностранных делегаций, и все они восхваляли официальную политику и резко осуждали троцкистскую точку зрения. Была создана комиссия для подготовки проекта резолюции по этому вопросу ⁶⁴. Единогласно принятая без дискуссии в последний день работы конгресса, эта резолюция прославляла «успехи социалистического строительства в Советском Союзе» и одобряла решения XV съезда партии декабря 1927 г. и IX пленума ИККИ февраля 1928 г. об исключении из партии участников оппозиции. Отдельная резолюция, предложенная Коларовым и также принятая без обсуждения, объявляла «излишним вести дискуссию с врагами Коммунистического Интернационала о контрреволюционном политическом содержании троцкистской платформы», поскольку она была решительно отброшена всей партией; резолюция отвергала также «просьбу Троцкого, Радека, Сапронова и других исключенных из партии лиц о восстановлении их в партии» ⁶⁵. Бухарин, вынесшей основную тяжесть работы конгресса на протяжении ее первых пяти недель и выступивший с двумя большими докладами, не принимал никакого участия в этих действиях, направленных против оппозиции. Однако выступая с докладом о работе конгресса спустя несколько дней на партийном собрании в Москве, он еще раз разъяснил, что после поражения троцкистов «центральным явлением и решающей опасностью в Коминтерне является *правая опасность*» ⁶⁶. Это было последнее выступление Бухарина в качестве авторитетного выразителя политики партии. Троцкий презрительно сравнил его высказывания на конгрессе с «пузырями, которые пускает утопающий», и добавил, что количество часов, в течение которых Бухарин проговорил на конгрессе находилось «в обратной пропорции к его влиянию, падавшему день ото дня»; зато Сталин сумел завоевать три четверти, если не девять десятых, «аппаратчиков» из прибывших иностранных делегаций ⁶⁷.

По мере того как Бухарин все более и более решительно переходил в лагерь оппозиции, в качестве ведущего теоретика партии — вслед за Сталиным — выступал Молотов ⁶⁸. Сентябрь 1928 г. был для Молотова временем чрезвычайно высокой активности. После того как редакции «Правды» и «Большевика» были взяты под контроль, а Слепков, Астров и Марецкий отстранены, изменил свой идеологический облик и Институт красной профессуры, являвшийся долгое время вотчиной Бухарина ⁶⁹. Видимо, как раз в сентябре 1928 г. Молотову пришлось защищать осторожную линию партии, отстаивая ее против трех деятелей Института красной профессуры ультралевого толка — Кострова, Шацкого и Ломинадзе, из которых двое последних были видными фигурами в комсомоле; теперь они требовали разрешить им вы-

ступить против правых лидеров, называя их поименно. Молотов всячески доказывал, что, критикуя правых, не надо называть никаких имен, и полагал, что ультралевый тон, взятый недавно «Комсомольской правдой», следует умерить. Он признавал, что «фракционные» высказывания Угланова против Сталина не остались неизвестными, но добавлял, что устранить его в настоящий момент представляется трудным. Молотов дал заверения в том, что группа правых в Политбюро ограничивается Рыковым, Бухариным и Томским и что Калинин поддерживает большинство⁷⁰. В середине сентября «Правда» сочла нужным поправить Московский комитет партии за принятие резолюции по докладу Угланова, где основное внимание было сосредоточено на троцкистской оппозиции и оставлялось без внимания наступление против кулака⁷¹. Передовая статья в «Правде» от 18 сентября 1928 г., озаглавленная «Коминтерн в борьбе против правых уклонов», содержала ясный намек на то, что тезисы Коминтерна применимы и к российской партии. 22 сентября 1928 г. Молотов выступил на конференции редакторов газет и в заключение своей речи, не носившей в большей своей части полемического характера, процитировал решение, записанное незадолго до этого VI конгрессом Коминтерна, «об усилении борьбы против правых уклонов и против примиренческого отношения к таким уклонам». Далее он заметил, что троцкизм представляет собой «лишь один из вариантов оппортунизма в наших условиях», и процитировал призыв июльского Пленума Центрального Комитета форсировать кампанию против кулака. Резолюция, принятая конференцией после речи Молотова, была еще более четкой: «Важно усилить идейно-политическую борьбу против попыток возрождения троцкизма. В то же время важно вести более решительную идейную борьбу против других оппортунистических извращений линии партии, названных в резолюции июльского Пленума ЦК, считая эту борьбу против открытых и полу-открытых оппортунистических веяний главной задачей, на основе директивы шестого конгресса Коминтерна об усилении борьбы против правых уклонов»⁷².

Тем не менее равновесие приходилось сохранять. Хотя на высших уровнях партии основной вызов исходил теперь справа, «троцкизм» не полностью исчерпал свою притягательность для рядовых масс. Партийные круги полнились слухами. Один из них, судя по всему, распространявшийся «бухаринской школой», состоял в том, что «Сталин проводит политику "троцкистов" и готовится союз с ними»⁷³. Время от времени в партийных ячейках и на заводских собраниях выступали ораторы, которые поддерживали идеи троцкистской оппозиции, а в сентябре 1928 г. прошла кампания за возвращение Троцкого из Алма-Аты по причине здоровья⁷⁴. Говорили о том, что Каменев в сентябре 1928 г. сказал двум троцкистам в Москве, что, если бы Троцкий выступил с призывом — «Позовите меня, и мы будем работать вместе!», ему и его сторонникам позволили бы вернуться в партию и на от-

ветственные должности⁷⁵. Официальные данные, относящиеся к осени 1928 г., говорят о возобновившейся активности «бывшей троцкистской оппозиции» в заводском районе Москвы и о возросшем распространении листовок⁷⁶. В то время как подавляющая часть документов оппозиции была напечатана на машинке или размножена на ротаторе, случаи появления типографски напечатанных обращений свидетельствовали о том, что в распоряжении оппозиции имеется подпольная типография⁷⁷. Эти действия повлекли за собой контрмеры. В циркулярном письме Центрального Комитета партии от 28 сентября 1928 г., подписанном Молотовым, республиканским и областным комитетам партии давалось указание резче реагировать в ответ на троцкистские манифесты и демонстрации. «Активные антипартийные элементы» среди рабочих предписывалось переводить с крупных на мелкие предприятия, где они принесут меньше вреда, и не допускать их в Красную Армию. На подпольные антипартийные и антисоветские действия, особенно среди рабочих, следовало отвечать «решительными мерами революционных репрессий». На следующий день Политбюро потребовало принять «надлежащие меры» против недавних троцкистских демонстраций⁷⁸. И это не было пустой угрозой. Ночью 21 октября 1928 г. более 100 оппозиционеров, насколько известно, были арестованы в Ленинграде, Харькове и Москве, и последующие волны арестов прокатились в Киеве и Ленинграде⁷⁹. В момент схватки с новой, правой, оппозицией руководители партии были не намерены навлекать на себя даже тень подозрения в том, что они ослабили борьбу на другом крыле — против троцкизма. Зиновьевцы оказались менее упрямыми и норовистыми. Как сообщал журнал «Большевик», к концу 1928 г. «почти вся «ленинградская оппозиция» вернулась в ряды партии»⁸⁰

ГЛАВА 41

ПРАВЫЙ УКЛОН

В течение следующих нескольких недель длительно назревавший кризис, наконец, разразился. Сейчас, на основании имеющихся свидетельств, не представляется возможным определить (а быть может, и никогда не было вполне ясно), какая из групп взяла на себя инициативу довести спор до переломной точки. Решил ли Бухарин, или те, вместе с кем он действовал, что именно теперь нужно определить позицию? Или Сталин в какой-то момент решил подать в зародыше новую оппозицию, исходящую справа? А быть может, такого решения не принималось сознательно ни той, ни другой стороной. Тем не менее Бухарин был наиболее выразительным и интеллектуально лучше, чем кто-либо, оснащенным деятелем правого крыла, и весь спор с неизбежностью принял форму столкновения между группами, в которых соответственно Сталин и Бухарин были ведущими фигурами. По общему мнению, публикация в «Правде» 30 сентября 1928 г. бухаринских «Заметок экономиста» была политическим событием; эта статья стала манифестом новых правых¹. Даже Троцкий, считавший эту статью «документом не только теоретически ничемным, но и политически беспомощным», отметил важность момента в одной из тех иронически снисходительных фраз, которые он обычно приберегал для Бухарина: «Он ступил в холодную воду, но все еще боится войти в нее. Он стоит и дрожит — мужественно»². А Смилга, отвергнув экономические доводы Бухарина, также с удивлением вопрошал: «Как могло случиться, что человек, который имеет такие заслуги перед рабочим классом, который долгие годы работал под руководством Ленина, автор ряда интересных книг, мог опуститься до постыдной роли теоретика тех элементов в ВКП(б), которые тащат партию и весь рабочий класс в термидорианскую пучину?»³. Какое-то время в Москве имели хождение слухи о тайном визите Бухарина к Каменеву в июле 1928 г. и о его готовности «пожертвовать» Сталиным и Молотовым ради Каменева и Зиновьева⁴. Невозможно представить себе, что руководители партии не знали об этих маневрах или ничего не собирались предпринять в противовес им. Едва ли тут требовалась какая-то особая предосторожность. У Бухарина

вообще не было ловкости и организационной хватки политика. В беседе с Эмбер-Дро он настаивал на важности сохранения легальности в рамках партии и на недопущении образования фракции⁵. В этот критический момент он уехал из Москвы в давно откладывавшийся отпуск после напряженного и трудного для него конгресса Коминтерна. Перед отъездом на Кавказ Бухарин предпринял небрежную попытку отрегулировать тактику действий своей группы. Сам он намеревался написать ряд статей для «Правды» из Кисловодска; Рыков должен был следить за экономической политикой; а Угланову, который был «в очень драчливом настроении», предписывалось ни во что не вмешиваться⁶. К сожалению, Угланов уже успел скомпрометировать себя своими бестактными заявлениями на пленуме Московского областного комитета партии в сентябре. Направленное от имени комитета письмо от 2 октября 1928 г., в котором признавались недостатки принятой им в сентябре резолюции, было явно расценено как недостаточное. Когда Комитет вновь собрался 18 октября 1928 г., раскаяние Углanova так и не было воспринято как вполне искреннее, хотя именно он предложил новую резолюцию, исправлявшую ошибки прежней⁷.

Выступая по этому поводу, Сталин впервые конкретно указал на правый уклон как на главную опасность, правда (если это точно передано в документах), тщательно избежал упоминания каких-либо фамилий. Он признал, что в составе Центрального Комитета есть «некоторые, правда, самые незначительные элементы примиренческого отношения к правой опасности», и сослался в качестве доказательства этого на стенограмму июльского Пленума ЦК. Но он категорически утверждал, что «в Политбюро нет у нас ни правых, ни "левых", ни примиренцев с ними», и отверг слухи об уклонах в Политбюро как «сплетни»⁸. Угланов тотчас же обезопасился, полностью перевернув свою прежнюю позицию, осуждая правую опасность и восхваляя Сталина⁹. Однако пленум, на котором не осмелился выступить больше ни один представитель бухаринской группы, означал прямой удар по группе в целом и послужил началом устранения ее влияния в Московской партийной организации. «Правда», которая до этого времени освещала проблему «правой опасности» с осторожной осмотрительностью, теперь называла борьбу против нее «самой важной задачей на весь предстоящий период»¹⁰. За пленумом Московского комитета последовали резолюции районных организаций Москвы, в которых прямо шла речь о правой опасности, и ряд собраний, на которых огонь критики обрушился на самого Углanova; на одном из них он, в частности, патетически заверял, что это первая ошибка, совершенная московской организацией за четыре года¹¹. Кто-то иронически заметил, что в годовщину революции, 7 ноября 1928 г., лозунги, использовавшиеся год назад старой оппозицией и осужденные как еретические, были выдвинуты вновь уже в качестве официальных лозунгов в борьбе против

бухаринцев: «Долой кулака, нэпмана и бюрократа!», «Огонь по правым!», «Выполним ленинские заветы!»¹².

Пленум Центрального Комитета партии, на котором Рыков должен был представить резолюцию о Пятилетнем плане, был назначен на 16 ноября 1928 г. В конце октября Рыков в соответствии с принятой практикой подготовил проект резолюции для представления его в Политбюро. В этот момент Бухарин, зная о слабости Рыкова и опасаясь, что Сталин «обведет его вокруг пальца в Политбюро», решил ускорить свое возвращение с Кавказа, прилетев специальным рейсом. Однако власти наложили запрет на этот план (а регулярного воздушного сообщения в Советском Союзе в то время практически не было), и он был вынужден возвращаться поездом, прибывая в Москву на следующий день после заседания Политбюро¹³. И наихудшие из его опасений подтвердились. Политбюро внесло поправки в предложенный Рыковым проект резолюции с целью увеличения ассигнований на промышленное развитие, а также на совхозы и колхозы, и Рыков согласился с этими поправками¹⁴. Тогда Бухарин выдвинул 11 требований, часть которых носила экономический характер, а другие предполагали снятие с ключевых постов некоторых сталинских выдвиженцев, и особенно Крумина, который де-факто был теперь редактором «Правды». Среди его требований было также предложение опубликовать в партийном органе специальное заявление, которое решительно отвергало бы «необоснованные разговоры о политических разногласиях в Политбюро». Сталин также стремился избежать лобового столкновения и предложил назначить для рассмотрения выдвинутых Бухариным требований комиссию Политбюро в составе Рыкова, Бухарина, Сталина, Молотова и Орджоникидзе. Основным источником сведений о том, что произошло дальше, служат сведения самого Бухарина, пересказанные вторыми лицами. Прежде всего была применена тактика затяжки. Бухарин в ультимативной форме настоял на том, чтобы комиссия собралась, и на ней произошла открытая схватка между ним и Сталиным, видимо, вокруг назначения Крумина. Бухарин ушел с заседания, вручив секретарю Сталина заготовленный документ, в котором сообщал, что он и Томский выходят из Политбюро. Когда Сталин получил его, «его руки задрожали, он поблел и сказал, что он готов пойти на уступки». В конце концов, была достигнута договоренность о снятии Крумина и двух других назначенных Сталиным лиц. По экономическим вопросам Бухарин добился меньшего, поскольку Пятаков отговорил его настаивать на этом перед Сталиным — «единственным человеком, который еще может добиваться послушания». Тезисы Рыкова были приняты с внесенными Политбюро поправками. Однако в заключение к ним было сделано совершенно нелогичное добавление, в котором говорилось об «уклонах разного рода внутри партии». Они были охарактеризованы как «правый (открыто оппортунистический) уклон» и «социал-демократические,

антисередняцкие, сверхиндустриалистские тенденции (троцкизм)». Однако опасность «правого открыто оппортунистического уклона» четко называлась «как главная в настоящее время опасность в ВКП(б)». Эта часть резолюции, согласно собственному изложению Бухарина, была написана и предложена им самим, Бухариным, чтобы «дать знать партии, что я к правым не принадлежу»¹⁵.

Выступая на Пленуме Центрального Комитета, Сталин подробно осветил положение в партии. Победа правого уклона, говорил он, означала бы «идейный разгром нашей партии, развязывание капиталистических элементов, нарастание шансов на реставрацию капитализма». Его сторонники, продолжал он, гнездятся «в наших советских и хозяйственных, кооперативных и профессиональных аппаратах, а также в аппарате партии, особенно в ее низовых деревенских звеньях»; типичный представитель их — Фрумкин. Остановившись для равновесия на «левом» уклоне и на необходимости борьбы на два фронта, Сталин снова обратился к правым. В тезисах, говорил он, правильно сказано, что основным методом борьбы с правым уклоном должен быть метод *идеологической борьбы*, поскольку он не считает, что правый уклон уже сорганизовался во фракцию. Он не исключал организационных мер против него, но полагал, что в настоящий момент они должны играть подчиненную роль. В качестве примера сторонников правых Сталин привел Угланова и процитировал сделанные тем признания, но никого больше из руководителей не назвал¹⁶. Резолюция была одобрена единогласно, и принято официальное решение о том, что все члены Политбюро должны подтверждать в своих публичных высказываниях единство Политбюро и отсутствие разногласий внутри него¹⁷. 30 ноября 1928 г. с традиционными докладами об итогах Пленума на больших партийных собраниях в Москве и Ленинграде выступили соответственно Молотов и Рыков (тот факт, что при этом не выступал Бухарин, был, конечно, многозначителен). Молотов назвал в качестве представителя правого уклона Фрумкина, но, как и в выступлении Сталина на Пленуме, не привел никаких других фамилий. Он говорил о необходимости очистить партию от чуждых элементов и указал, что вопрос о партийной чистке должен быть поставлен перед предстоящей партийной конференцией. Рыков в своем докладе сделал упор на другом. Он также критиковал Фрумкина и правый уклон, но он с неодобрением процитировал высказывание «Комсомольской правды» об «элементах, которые тащат нас по пути буржуазно-демократической реставрации», возмущенно заявив, что таких элементов в партии не существует. Необходимости чистки в партии он также не видел: «Когда мы говорим о правом уклоне, мы имеем в виду уклон внутри партии, который на данном этапе мы должны преодолеть путем идеологической борьбы». И далее, формально поддерживая фикцию единодушия, но по существу признал наличие разногласий среди

руководителей: «Решения были приняты единогласно — и в комиссии Политбюро, и в самом Политбюро, и на пленуме Центрального Комитета. Конечно, у нас были споры по отдельным конкретным вопросам нашей политики, нашего хозяйственного, культурного и другого строительства. При Ильиче и с его участием мы также ссорились друг с другом, но ничего, кроме хорошего, от этого не было... Вы выбрали нас в Центральный Комитет, мы были избраны в Политбюро — зачем? Чтобы обсуждать, спорить и решать. Но если в каждой ссоре видеть уклон, тогда пустите туда кукол или манекенов»¹⁸.

Если Бухарин убедил сам себя в том, что его тактика увенчалась победой его линии или по крайней мере обеспечила ему передышку, то эти иллюзии были быстро развеяны. В действительности каждый последующий компромисс только туже затягивал петлю на шее несогласных. Едва успел закончиться Пленум Центрального Комитета — и еще до того, как Молотов и Рыков выступили со своими докладами о нем, — руководители партии завершили чистку Московской партийной организации. Выступая перед Московским комитетом партии 27 ноября 1928 г., Молотов подчеркнул необходимость борьбы не только против «правой опасности», но и против «примиренческого отношения к правой опасности», и комитет принял решение о ряде кадровых изменений. Угланов, первый секретарь комитета, был освобожден от обязанностей «по его собственному желанию», равно как и еще один секретарь; вместо них были назначены Молотов и Бауман; в составе комитета, а также в аппарате его отделов был произведен целый ряд других изменений. Областная партийная конференция, которой предстояло утвердить эти назначения, должна была состояться в январе, вслед за городскими и сельскими районными (уездными) конференциями¹⁹. Однако уже через три дня партийное собрание Москвы, на котором Молотов выступал с докладом о Пленуме ЦК, отступило от своих правил и одобрило те изменения, которые были произведены в московской организации²⁰. Эти действия были намеренно рассчитаны на то, чтобы устранить сторонников и потенциальных сторонников Бухарина и Рыкова и поставить ключевую, московскую, организацию под твердое руководство партийного большинства в лице Молотова. Рыкова и Бухарина пока что не трогали. Наказанным оказался Томский, долгое время возглавлявший советские профсоюзы, которого в декабре 1928 г. VIII съезд профсоюзов снял с этого поста, но это произошло потому что Томский сам форсировал вопрос, подав заявление об отставке²¹.

Продемонстрировав таким образом свою силу в отношении новых соперников справа, Сталин развернулся для нанесения окончательного удара по своим старым противникам на другом фланге. Зиновьев и Каменев, после всех их самоуничтожений, уже

не шли в счет, и их можно было не принимать во внимание²². Но Троцкий, все такой же упрямый и резкий, оставался очагом враждебности, и активность его сторонников явно возросла в последние месяцы. В записке, написанной Сталиным в это время, но опубликованной лишь много лет спустя, проводилось резкое разграничение между «бывшей троцкистской оппозицией внутри ВКП(б) и нынешней антисоветской троцкистской подпольной организацией вне ВКП(б)»; Сталин утверждал, что «либеральное» отношение к деятелям подпольной троцкистской организации, которое проявляется иногда отдельными членами партии, совершенно недопустимо²³. Ярославский ответил на этот сигнал серией яростных статей в партийном журнале, в которых еще раз бичевал оппозицию, издеваясь над ее внутренними разногласиями и злорадно напоминая о тех, кто отошел от нее и попросил о восстановлении в партии²⁴. 10 ноября 1928 г. было, видимо, принято решение остановить политическую переписку всех высланных из Москвы лиц, за исключением Преображенского, Радека, Ищенко и Серебрякова, которые в скором времени, как справедливо полагали, были намерены раскаяться и подчиниться; в начале декабря 1928 г. Троцкий уже выражал протест по поводу «абсолютной почтовой блокады в течение более чем месяца»²⁵. 16 декабря 1928 г. представитель ОГПУ в Алма-Ате посетил Троцкого и сделал ему официальное представление. Сторонники Троцкого, заявил он, замешаны в контрреволюционных действиях, которые направляются им, Троцким. При таких обстоятельствах ОГПУ требует от него «категорического обязательства» отстраниться от всякой политической деятельности; в противном случае возникнет необходимость осуществить его «полную изоляцию от политической жизни», то есть принять решение, которое поставит вопрос об изменении его места пребывания. Троцкий формально отказался отвечать, пока это заявление не представят ему в письменном виде. Тем не менее он ответил в форме письма, отправленного в тот же день в адрес Центрального Комитета партии и в ИККИ, в котором соединил категорический отказ от предъявленного ему требования с безжалостным осуждением «фракции Сталина» и всех ее деяний²⁶.

Столкнувшись с таким демаршем, Политбюро могло выбрать один из двух способов действий: поместить Троцкого в строгое заключение или же выслать его из Советского Союза. Как проходило само обсуждение этого вопроса, остается неизвестным. По одним сведениям, Бухарин, Рыков и Томский голосовали против высылки, а еще один член Политбюро (возможно, Куйбышев) высказывался против нее в частном порядке²⁷. Но высылка все же представлялась, видимо, более мягкой и не такой скандальной мерой, равно как более удобной альтернативой. Она практически клала конец существованию организованной троцкистской оппозиции в Советском Союзе. Тот факт, что пребывание Троцкого за границей может бросить тень на отношения Советского

Союза с зарубежными странами, вероятно, никем не принимался во внимание, поскольку в то время эти отношения не представлялись особо существенными²⁸. В конце 1928 — в начале 1929 гг. 315 человек, считавшихся троцкистами, были взяты и высланы в разные города²⁹. 18 января 1929 г. особое присутствие ОГПУ (постоянный орган, рассматривающий дела по крупным политическим правонарушениям) приняло решение «выдворить гражданина Троцкого Л. Д. с территории СССР». Решение основывалось на статье 58 Уголовного кодекса; обвинение заключалось в «преступной деятельности, принявшей форму организации анти-советской партии, деятельность которой направлялась до недавнего времени на провоцирование антисоветских демонстраций и на подготовку вооруженной борьбы против Советской власти». 20 января 1929 г. решение было предъявлено Троцкому в Алма-Ате. Двумя днями позже Троцкий и сопровождающие его лица, проделав при сильном морозе тот же путь, каким они прибыли в Ама-Ату почти ровно год назад, доехали до железнодорожной станции Фрунзе и были помещены в специальный поезд. По дороге, спустя немалое время, Троцкий узнал, что место его назначения — Константинополь. Он отплыл из Одессы 10 февраля 1929 г. и через два дня прибыл в Константинополь³⁰. В последний момент он обратился с просьбой разрешить ему направиться в Германию, а не в Турцию, и советские власти, очевидно, пошли бы на это, но германское правительство, к бурному негодованию Троцкого, отказало ему в визе³¹.

О высылке Троцкого из Советского Союза было сообщено не сразу, хотя среди членов партии, во всяком случае в столице, известие об этом быстро распространилось. 24 января 1929 г. «Правда» опубликовала передовую статью, написанную, как говорили, Сталиным, в которой утверждалось, что троцкисты завершили свою эволюцию, пройдя путь от «подпольной антипартийной группы» до «подпольной антисоветской группы», и что такое развитие оправдывает и делает необходимыми меры, принятые ОГПУ³². Месяцем позже, выступая на Московской областной партийной конференции, Ярославский между прочим упомянул о «выдворении Троцкого» как о чем-то, что явно должно быть известно его слушателям³³. В полный голос печать заговорила, рассказывая о первых контактах Троцкого с внешним миром. В негодующей статье Ярославского, напечатанной одновременно в «Правде» и «Большевике» под заглавием «Господин Троцкий на службе у буржуазии, или Первые шаги Л. Д. Троцкого за границей», отмечалось, что первое, что сделал Троцкий по прибытии в Константинополь (таким образом, теперь впервые публично называлось место его высылки), — он направил почтительную телеграмму президенту Турецкой республики. Ударным местом публикации было факсимиле первой страницы газеты «Дейли экспресс» от 27 февраля 1929 г. с заголовком через всю полосу «Собственный рассказ Троцкого о его высылке из России»³⁴. Через две

недели появилась вторая статья, в которой дотошно рассказывалось о новых статьях Троцкого, написанных им для «Дейли экспресс», для американских газетных синдикатов и для некоторых европейских газет. Советская печать с глубочайшим презрением писала о Троцком как о «джентльмене, который не моргнув глазом берет десятки тысяч золотом от реакционной буржуазии»; приводились и высказывания сына Троцкого, также сделанные в Константинополе, о том, что его отец намерен использовать доходы от его статей на распространение работ, написанных противниками Сталина³⁵. Неистовый гнев, которым дышали эти статьи, был вызван, быть может, неожиданным и запоздалым пониманием того, какого могущественного противника Советское правительство выпустило в мир, приняв решение о высылке Троцкого. Вместе с тем этот гнев задавал тон всему, что делалось и говорилось в Советском Союзе о Троцком и в связи с Троцким, на все последующее десятилетие.

Еще до того как Троцкий покинул землю Советского Союза, Сталина снова пришлось вступить в борьбу против правой оппозиции. В конце 1928 — начале 1929 г. у Бухарина было еще две тайных встречи с Каменевым, причем первая вместе с Пятаковым, который в это время должен был как будто находиться в больнице, и вторая, состоявшаяся 10 января 1929 г., вместе с Томским на даче Шмидта, снятого незадолго до этого с поста народного комиссара труда, который, однако, сам не присутствовал при этом. Первая встреча не привела ни к каким результатам: Бухарин представил предварительный проект экономической программы, которая была воспринята с известным критицизмом. На второй встрече Бухарин показал незавершенную программу объемом в 16 страниц, которую Каменев расценил как «шаг вправо от бухаринских тезисов апреля 1925 года». Беседа вращалась в основном вокруг вопроса о позиции, которую следует занять на предстоящем Пленуме Центрального Комитета. Каменев отстаивал твердую линию, и, в частности, речь шла и о таком шаге, как «коллективная отставка» Рыкова, Бухарина и Томского³⁶. Эти контакты, по-видимому, укрепили пошатнувшуюся решимость Бухарина, и начиная с этого момента он уже не знал удержу. 5-ая годовщина со дня смерти Ленина послужила еще одним поводом для закулисных контактов. Хранители ленинских архивов обнаружили и опубликовали 18 января 1921 г. (так в тексте — 1921) в «Правде» не напечатанную ранее лекцию «О государстве», прочитанную Лениным в 1919 г. В заключительной ее части Ленин говорил об использовании государства диктатурой пролетариата: «Мы эту машину отняли у капиталистов, взяли ее себе. Этой машиной или дубиной мы разгромили всякую эксплуатацию, и, когда на свете не останется возможности эксплуатировать... лишь тогда, когда возможностей к этому не останется, мы эту машину отдадим на слом»³⁷. (Впервые напеча-

на 18 января 1929 г. в газете «Правда» № 15.— *Ред.*) Это было весьма выразительное, подчеркнутое возвращение как раз к тому вопросу, по которому Ленин не раз скрещивал шпаги с Бухариным³⁸. Смысл его в данный момент нельзя было не увидеть. Ответ Бухарина состоял из двух его выступлений, в которых по существу — хотя пока еще и не открыто — оспаривалась линия, проводимая большинством партии. В относительной спокойной, не полемичной статье, появившейся в «Правде» накануне годовщины, 20 января 1929 г., «Ленин и задачи науки в социалистическом строительстве» повторялась благоприятная оценка хода капиталистического развития, отвергнутая VI конгрессом Коминтерна: «Мы живем в эпоху, когда воинственные силы капитализма, его технологии, его науки, его хозяйства снова растут». Значительно более серьезной была речь, произнесенная Бухариным на большом партийном собрании в Большом театре в день годовщины и сразу же опубликованная под заголовком «Политическое завещание Ленина». Бухарин основывался на многочисленных, но тщательно отобранных цитатах из работ Ленина, опровергающих мысль о том, что ход событий ведет к обострению классовой борьбы, или к «третьей революции». Напротив, именно в концепции постоянно уменьшающегося классового конфликта он усматривал «теоретический фундамент при определении нашей большой тактической дороги»³⁹.

Руководители партии никак не могли оставить без внимания речь Бухарина, произнесенную по столь торжественному случаю. Однако непосредственным поводом, спровоцировавшим и ускорившим возобновление партийных разногласий, была листовка, напечатанная троцкистами 20 января 1929 г. — судя по всему, с целью вызвать волнения, в которой рассуждалось о беседе Каменева с Бухариным 11 июля 1928 г. Содержание этой беседы, без сомнения, уже раньше было известно Сталину, но теперь он уже больше не мог делать вид, что не знает об этом. После трех дней обсуждения в Политбюро копии этой записи были розданы членам Центрального Комитета и крупным партийным работникам, а Бухарин и Каменев были вызваны к Орджоникидзе как председателю Центральной контрольной комиссии и признали, что по существу запись правильно передает содержание беседы⁴⁰. Бухарин, безнадежно скомпрометированный теперь, почерпнул в этом отчаянном положении новое мужество. 30 января 1929 г., выступая на объединенном заседании Политбюро и президиума Центральной контрольной комиссии⁴¹, он сделал заявление, из которого потом дословно цитировались некоторые выдержки: «Серьезные большие вопросы не обсуждаются. Вся страна мучается над вопросом хлеба и снабжения, а конференции пролетарской господствующей партии молчат. Вся страна чувствует, что с крестьянством неладно. А конференции пролетарской партии, нашей партии, молчат... Зато град резолюций об уклонах (в одних и тех же словах). Зато миллионы слухов и слухков о пра-

вых — Рыкове, Томском, Бухарине и т. д. Это маленькая политика, а не политика, которая в эпоху трудностей говорит рабочему классу *правду о положении*, ставит ставку на массу, слышит и чувствует *нужды масс*, ведет свое дело, слившись с массами»⁴². Заявление выражало протест против такой сельскохозяйственной политики, которая ведет к упадку сельского хозяйства и обнищанию страны; против непосильно высоких темпов индустриализации, требующих установления «дани», которая взимается с крестьянства; и против такого режима в партии, который означает безоговорочную дисциплину и подчинение партийным решениям. Бухарин сделал прямой выпад против Сталина, хотя и не назвал его по имени: «Мы против решений партийного руководства, принимаемых отдельным лицом. Мы против подмены контроля со стороны коллективного органа контролем со стороны одного человека, каким бы авторитетом он ни был»⁴³. Томский и Рыков «демонстративно присоединились» к заявлению Бухарина, и все трое пригрозили подать в отставку со своих постов, если политика партии не будет изменена. По ходу обсуждений, однако, Рыков снял или по крайней мере не повторил свою угрозу об отставке, но Томский и Бухарин, судя по всему, продолжали держаться твердо⁴⁴. Сталин неоднократно брал слово и, в частности, напомнил о том, что писал Ленин о Бухарине в 1916 г. — «дьявольски неустойчивый в политике», а также о том, как сурово реагировал Ленин на проступки, совершенные в отношении партии Шляпниковым и самим Томским. Теперь он клеймил бухаринские «Заметки экономиста», к которым всего лишь несколько недель назад отнесся относительно терпимо, называя их «антипартийной, эклектичной статьей, призванной замедлить развитие промышленности». Он громил «право-оппортунистическую, капитулянтскую платформу» бухаринской группы, открыто клеймя Бухарина как ее главаря⁴⁵. 7 февраля 1929 г. большинством была предложена компромиссная формула, в соответствии с которой Бухарин признает свои переговоры с Каменевым «политической ошибкой», не поддерживает более утверждений своего заявления от 30 января о том, что ЦК на деле проводит политику «военно-феодальной эксплуатации крестьянства» и насаждает бюрократизм в партии, — как утверждений, сказанных «сгоряча, в пылу полемики», а также снимает ввиду этого свое заявление от 30 января и отказывается от высказанной им одновременно угрозы отставки⁴⁶. Формула эта была отвергнута. 9 февраля 1929 г. заявление Бухарина было подтверждено вновь, на этот раз в совместной декларации его, Томского и Рыкова, ставшей известной с тех пор как «платформа группы Бухарина»⁴⁷. В тот же день на совместном заседании Политбюро и президиума ЦКК была принята резолюция, осуждающая Бухарина и Сокольников за их переговоры с Каменевым, а Томского и Рыкова — за то, что, будучи осведомлены о переговорах, сохранили это в тайне. Резолюция в деталях перечисляла и опровергала политиче-

ские ошибки Бухарина и, более того, приводила множество примеров его прежней нелояльности в отношении партии, вплоть до событий, связанных с Брест-Литовским договором. Никто из членов партии, даже Троцкий, не был подвергнут такому изнуряющему осуждению в официальном документе. Однако Сталин, осознавая, по-видимому, какой поддержкой все еще пользуется Бухарин в некоторых кругах партии, явно не хотел прибегать к крайностям или придавать это дело огласке. Резолюция отказывалась принять отставки Бухарина и Томского и вместе с тем не налагала на них никаких наказаний⁴⁸. В печати никаких сообщений не было, и никакого отчета по свежим следам событий Центральному Комитету не представлялось, так что единство в руководстве партии осталось официально в неприкосновенности.

Московская областная партийная конференция, собравшаяся почти сразу после этих событий, длилась на этот раз необычно долго, с 23 февраля по 6 марта 1929 г., и широко освещалась в печати. Хотя проформа была соблюдена, поскольку Бухарин, Рыков и Томский были приглашены в почетный президиум конференции, она также была использована как трибуна широкой критики правого уклона и вместе с тем, после волнений предшествующей осени, как возможность продемонстрировать нерушимую верность московской организации линии партии. Молотов, выступивший с основным докладом на конференции, заостренно изобразил уклонистов как враждебную фракцию внутри партии, и резолюция, единогласно принятая по окончании прений по докладу, делала упор именно на этом: «Конференция считает, что политическое образование правого уклона в форме особой линии, радикально отличной от линии партии, и наличие колебаний в духе этого уклона составляют в настоящий момент прямую угрозу фракционной антипартийной деятельности правых и элементов, примиренчески относящихся к ним»⁴⁹. С докладом об организационно-партийных вопросах выступил Ярославский, который процитировал знаменитое место из последней ленинской статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин», где Ленин подчеркивает обязанность Центральной контрольной комиссии партии призывать к ответу нарушителей партийной дисциплины, «не смотря на лица». Это был явный намек на то, что уклонистов, занимающих высокие посты, больше не будут щадить⁵⁰. Через несколько дней состоялась партийная конференция в Ленинграде, на которой выступал Ворошилов. Она приняла аналогичную резолюцию с требованием принятия «решительных мер со стороны Центрального Комитета, чтобы положить конец фракционной деятельности правых уклонистов и примиренцев»⁵¹.

Следующая стадия в ходе медленной, но неотступной дискредитации Бухарина и его группы наступила в то время, когда началась активная подготовка к XVI партийной конференции, которая должна была собраться в конце апреля, вслед за Пленумом

Центрального Комитета. Первым ударом был тот факт, что Политбюро отвергло проект тезисов Рыкова по Пятилетнему плану и отдало приоритет докладу Калинина по сельскому хозяйству; такое выдвижение Калинин заслужил тем, что перешел на позиции большинства⁵². В ответ на это Бухарин, Томский и Рыков воздержались при голосовании в Политбюро по тезисам Калинина и по пересмотренным тезисам Пятилетнего плана⁵³. Но это было всего лишь прелюдией к тому, что произошло на Пленуме ЦК, продолжавшемся с 16 по 23 апреля 1929 г. Все трое, Бухарин, Рыков и Томский, пространно выступали в защиту своих взглядов по сельскохозяйственной политике, об отношениях между пролетариатом и крестьянством и о продолжении НЭПа⁵⁴. Сталин, выступивший на Пленуме с очень большой речью, пустил в ход свою самую тяжелую артиллерию против Бухарина. Он начал с того, что бесцеремонно отбросил сентиментальные обращения к прежней дружбе (поскольку Бухарин зачитал выдержки из их личной переписки в прошлом); у нас, большевиков, сказал он, «не семейный кружок», а политическая партия (у Сталина далее «рабочего класса». — *Ред*). Один из разделов его речи, посвященный «Бухарину как теоретику», воспроизводил историю давних разногласий Бухарина с Лениным; здесь же Сталин цитировал ленинскую оценку Бухарина, данную им в Завещании. Другой раздел речи назывался «О лояльности и коллективном руководстве» (оба термина, которыми активно пользовался Бухарин); в нем скрупулезно разбирались недавние контакты Бухарина с Каменевым и та борьба, которую он вел против Ленина в период Брест-Литовского договора⁵⁵. Резолюция, принятая Пленумом ЦК, вновь осуждала заявление Бухарина от 30 января 1929 г. и заявление Бухарина, Томского и Рыкова от 9 февраля 1929 г., а также подтверждала принятое тогда же решение Политбюро, о котором, таким образом, было впервые сообщено официально крупному представительному партийному органу. Резолюция Пленума еще раз и с еще большим упором перечисляла все прегрешения группы Бухарина. Особо отметив, что «Бухарин, Рыков и Томский не признали своих ошибок», резолюция снова официально осуждала их взгляды и действия и включала в себя решение об освобождении Бухарина и Томского от занимаемых ими постов в «Правде», в Коминтерне и в ВЦСПС⁵⁶. Однако тот факт, что резолюция не была опубликована, служил свидетельством все еще сохранявшегося нежелания полностью предать гласности этот раскол. На начавшейся сразу же после Пленума XVI партийной конференции, где резолюция по сельскому хозяйству была внесена Калининским, Рыков все еще фигурировал как один из трех *содокладчиков* по Пятилетнему плану⁵⁷. Многие из выступавших на конференции осуждали правый уклон; некоторые прямо критиковали Бухарина по имени. Накануне окончания конференции Молотов, «по просьбе делегатов», сделал двухчасовой доклад о работе Пленума ЦК и предложил корот-

кую резолюцию, в которой отмечался «отход группы Бухарина от генеральной линии партии в направлении правого уклона» и одобрялось решение, принятое в отношении ее Центральным Комитетом. Эта резолюция, принятая без обсуждения под бурное одобрение, была напечатана в бюллетене, который раздавался делегатам конференции. Но она не была помещена в официальный отчет о конференции, опубликованный в последующие месяцы 1929 г. Те места из выступлений, где делегаты критиковали лично Бухарина, были также опущены или же изменены с тем, чтобы не упоминать имени Бухарина⁵⁸. Осуждения правого уклона стали все чаще появляться в печати, оценки и лозунги, известные как бухаринские, выставлялись как позорные⁵⁹. В конце конференции Угланов был освобожден от должности кандидата в члены Политбюро и члена Секретариата, и вместо него на обе эти должности был избран Бауман⁶⁰. Но ни один из главных виновников прямо подвергнут критике не был. В июне 1929 г. Бухарин выступил с большой речью на конгрессе Лиги безбожников, и был с восторгом встречен аудиторией⁶¹.

Попытка руководителей партии, пусть даже непоследовательная и неэффективная, наложить официальный покров секретности на факт отхода Бухарина, Рыкова и Томского от линии партии, резко контрастировала с той пропагандистской бурей, которая сопровождала кампанию против объединенной оппозиции. Когда Бухарин на Пленуме ЦК в апреле 1929 г. подтвердил, что его группа не составляет «оппозиции», Сталин грубо возразил ему, что это неправда⁶². Тем не менее различие проводилось. В резолюциях Пленума ЦК и XVI партконференции, принятых в том же апреле, говорилось о «правом уклоне», и лишь позже получил широкое хождение термин «правая оппозиция» — и то, очевидно, не в официальных партийных документах⁶³. Принятое в апреле 1929 г. решение об освобождении Бухарина от его постов в «Правде» и Коминтерне не было опубликовано. Рыков оставался председателем Совнаркома, быть может, заслужив это снисхождение отдельными колебаниями в своем сопротивлении официальной линии партии⁶⁴. Говорили, что сделанное «некоторыми товарищами» предложение вывести всех трех диссидентов из Политбюро было отклонено Сталиным, поскольку «можно обойтись в настоящее время без такой крайней меры»⁶⁵. Не возникал и вопрос об исключении кого-либо из них из партии — как были исключены Троцкий, Зиновьев и Каменев, — или же о высылке из Москвы. Такое различие было вызвано, видимо, рядом причин. Сталин по-настоящему боялся бойцовских качеств Троцкого и его способности обращаться к массам фабричных рабочих — к рядовой массе тех, кто совершил революцию; а с Зиновьевым и Каменевым, когда они присоединились к Троцкому, он сражался любым доступным ему оружием. Но три лидера новой группировки правых в партии не были бойцами, у них было мало сторонников на заводах и фабриках⁶⁶, они и не могли и не стали

бы организовывать массовую оппозицию. Партийная машина была теперь более эффективной и более жесткой. Конфликт можно было ограничить сферой партийных верхов. С другой стороны, Бухарин пользовался широкой популярностью и симпатией в партии. Речь Калинина на XVI партконференции в апреле 1929 г. выявила чуткое понимание того, что Бухарин был еще способен завоевать широкую личную поддержку. Среди правых, признавал Калинин, есть «идеалисты, готовые умереть за Советскую власть»; «вдохновляемые идеалистическими порывами сохранить и укрепить диктатуру пролетариата», они тем не менее сползли к правому уклону. Такие люди — *«самый опасный элемент для нашей партии»*. Концепция правых — это «яд... который постепенно проникает в коммуниста, капля за каплей»⁶⁷. Бухарин апеллировал к тем членам и работникам партии, которые повернулись спиной к буре и накалу революции и теперь стремились не изобретать новое, а сохранить и использовать то, что есть. И главным образом он апеллировал к партийным работникам на селе, которые разделяли его симпатию к крестьянину⁶⁸. Численно их было немного, и большинство из них оказались, по-видимому, в партийном смысле меньшими братьями. И тем не менее партия должна была полагаться именно на них, проводя свою трудную и принципиально важную политику в деревне. Вызвать отчуждение этой группы партийных работников слишком резкими мерами против Бухарина было бы опасно. На каждом шагу Сталин проявлял особую заботу о том, чтобы именно Бухарин и его партнеры, а не партийное большинство, выглядели виновниками неизбежности разрыва.

Приговор, произнесенный на Пленуме ЦК в апреле 1929 г., был тем не менее непреклонен, и он ознаменовал конец правой оппозиции как политического фактора. О том, что Бухарин утратил свое влияние, мир впервые узнал через Коминтерн. Когда 3 июля 1929 г. собрался X пленум ИККИ, ни Мануильский, ни Куусинен, выступавшие с основными докладами, не упомянули ни о Бухарине, ни об уклоне в ВКП(б). Однако, когда прошла первая неделя работы пленума, с большой речью на нем выступил Молотов и, в частности, сослался в ней на заявление Бухарина, Томского и Рыкова от 30 января 1929 г. как свидетельство того, что, «несмотря на устные протесты, они потворствуют правым и защищают примиренцев»; он критиковал также недавнюю рецензию Бухарина на одно опубликованное в Германии экономическое исследование, назвав ее замаскированной атакой на «наше социалистическое хозяйство», идущей в одном русле с «правым уклоном»⁶⁹. Получив такой стимул, и Мануильский, и Куусинен воспользовались своим заключительным словом для критики в адрес Бухарина⁷⁰, а немецкий делегат Реммеле предложил проект резолюции (ее окончательный текст подлежал согласованию с политическим Секретариатом), которая осуждала бухаринский уклон и одобряла решение ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1929 г. о

выводе Бухарина из Президиума ИККИ и отстранения его от участия в работе Коминтерна⁷¹. Эта резолюция, в отличие от других, принятых на этом же пленуме, не была сразу же опубликована в «Правде», которая ограничилась сообщением, без каких-либо комментариев, о выводе Бухарина из Президиума ИККИ⁷². Но решение, принятое на таком международном форуме, как ИККИ, не могло оставаться секретом. 14 августа 1929 г. Центральный Комитет Коммунистической партии Германии в резолюции, одобряющей итоги пленума ИККИ, назвал Бухарина «главным представителем трусливого оппортунизма в ВКП(б)»⁷³; а 21 августа 1929 г. «Правда» целиком напечатала июльскую резолюцию ИККИ с осуждением Бухарина и решением о выводе его из Президиума. Через три дня в умеренной по тону статье «Правда» вновь воспроизвела перечень ошибок Бухарина⁷⁴. Вслед за этой статьей была помещена статья экономиста Леонтьева с резкой критикой бухаринской рецензии, которую уже критиковал Молотов несколькими неделями раньше⁷⁵. Начиная с этого времени осуждения «правых оппортунистов» в печати и на партийных собраниях стали систематически соединять с именем Бухарина. Когда в ноябре 1929 г. Центральный Комитет вывел наконец Бухарина из Политбюро и вновь вынес взыскания и сделал предупреждение Рыкову и Томскому⁷⁶, все трое пострадавших давно уже утратили всякое подобие авторитета или доверия.

Высылка Троцкого завершила развал старой оппозиции, существовавшей с лета 1928 г. Выдворение Троцкого сопровождалось крутыми репрессиями против его сторонников. В документах оппозиции говорится о волне «январских арестов», прошедших в промышленных центрах; в Тобольске бывшая каторжная тюрьма была превращена в «изолятор», куда за первые три месяца 1929 г. было отправлено 100 участников оппозиции⁷⁷. Во время XVI партконференции в апреле 1929 г. 38 троцкистов обратились с заявлением в президиум конференции, официально отказываясь от своей причастности к платформе оппозиции, осуждая выступления Троцкого в зарубежной буржуазной печати и спрашивая о «наиболее благоприятных условиях» их возвращения в партию⁷⁸. Серебряков, заявивший, что он порвал связи с оппозицией в начале 1928 г., и Дробнис, бывший член группы «демократического централизма», признавали свои ошибки и просили восстановить их в партии⁷⁹. Более важным было совместное раскаяние трех особо заметных интеллектуалов оппозиции. Почти за год до этого Преображенский и Радек проделали первые шаги по этому каменистому пути⁸⁰, и теперь к ним присоединился Смилга, до последнего времени считавшийся одним из непримиримых. Ярославский в статье в «Правде» целиком привел письмо, написанное Радеком в Томске 19 мая 1929 г. (и, вероятно, перехваченное властями) одному другу из входившей в оппозицию

«фракции Смильги». Цель Радека и его друзей, как он объяснил теперь, состояла в том, чтобы «повернуть лицо оппозиции к партии... так, чтобы она могла действительно стать левым крылом партии». Эту линию отверг Троцкий, который хотел создать «Всесоюзный союз большевиков-ленинцев», а теперь говорил о советском строе в выражениях, подходящих для режима Носке — Шейдемана в Германии или Макдональда в Англии. Радек писал, что, как ему думается, «ни я, ни Вы, ни Евгений (Преображенский) не имеем сегодня ничего общего с этими (взглядами)», и заключал: «Мы видели в кадрах оппозиции кадр защитников Октябрьской революции. С этой мечтой покончено... Это суровая, жестокая правда, но она лучше, чем иллюзия»⁸¹. В июне 1929 г. Радеку и Смильге было разрешено вернуться в Москву⁸². Здесь к ним присоединился Преображенский, и 10 июля 1929 г. они втроем подписали заявление на имя Центральной контрольной комиссии, которое было опубликовано через три дня в «Правде». Подписавшиеся заявляли, что они «идейно и организованно» порвали с Троцким и его сторонниками и снимают свои подписи со всех «фракционных документов»; они признавали, что XV съезд партии был прав, отвергнув платформу оппозиции, и что политика Центрального Комитета партии «была, и остается, ленинской»; они просили также восстановить их в партии⁸³. Троцкий, задетый этим отречением больше, чем каким-либо прежде, опубликовал пространную статью под заголовком «Проклятый документ», в которой он называл его «документом политического и морального вырождения»; самые ядовитые комментарии он приберег для Радека, «который еще с февраля 1928 г. начал искать мотивы для капитуляции»⁸⁴.

Некоторое утешение он мог найти в том, что не менее 500 убежденных участников оппозиции присоединились к заявлению, сделанному 22 августа 1929 г. Раковским, В. Косиором и Окуджавой. В этом заявлении признавалась генеральная линия Пятилетнего плана, но выражался протест против чрезмерного давления на рабочих, отделяющего их от партии, а также выдвигалось требование «партийной демократии»; подписавшие заявление отказывались согласиться с тем, что социализм может победить только лишь в международном масштабе. Троцкий опубликовал это заявление в своем журнале вместе с открытым письмом, одобряющим его⁸⁵.

Суровые условия ссылки в отдаленные, изолированные и климатически неблагоприятные районы, несомненно, ускорили развал оппозиции. Но был еще один фактор, вдохновлявший изгнанников на мучительные душевные поиски, которыми они были непрерывно заняты. Стержень программы объединенной оппозиции со времени ее образования в 1926 г. и критики, которой подвергал Троцкий официальную линию партии, составляло убеждение в том, что партийное большинство не ставит перед собой понастоящему крупных политических задач промышленного разви-

тия и идет на поводу интересов зажиточного крестьянина. Теперь, когда линия партии так круто переменялась и большинство превзошло оппозицию в своем стремлении к ускоренной индустриализации, какой смысл и какую последовательность можно было найти в том, чтобы продолжать сопротивление? Лишь несколько упрямцев, вроде самого Троцкого и Раковского, так глубоко закоренели в своей враждебности к режиму и к методам, используемым Сталиным для господства над партией, что тот или иной конкретный политический курс, проводимый в данный момент, уже не играл для них почти никакой роли. Многие чувствовали, что создается новая промышленная мощь и складывается новый потенциал, что идет созидательная работа, к которой они относились с одобрением и в которой они всерьез хотели принять участие. Признание прежних ошибок и неверных расчетов в известной мере было искренним и уж во всяком случае небольшой ценой, которую вполне можно было уплатить. И. Н. Смирнов, один из тех, кто раскаялся, сказал об этом таким языком, который выражал, очевидно, то, что чувствовали многие: «Я не выношу бездействия. Я хочу строить. Варварски и зачастую нелепым образом Центральный Комитет ведет строительство во имя будущего. Наши идейные различия мало что значат в сравнении со строительством гигантской новой промышленности»⁸⁶. Пятаков убеждал Бухарина умерить его оппозицию Сталину как «единственному человеку, который еще может добиваться послушания»⁸⁷. И подобные чувства разделяли не только раскаявшиеся участники оппозиции. Беспристрастный очевидец записал много лет спустя свои наблюдения за аппаратными работниками и директорами предприятий, превосходившими друг друга в своего рода «административном экстазе» в отношении Пятилетнего плана: «Психологию, свойственную всем мыслящим большевикам в те дни, можно выразить примерно следующим образом. Железный кулак Сталина трудно выдержать. Его узкое видение стоит стране дорого, как стоят этого и его тиранические методы. Но несмотря на кажущиеся неразрешимыми трудности... несгибаемая воля этого человека дает России новое промышленное оснащение»⁸⁸. Колесания, разделявшие оппозицию, заделали теперь партию в целом. С грубой жестокостью сталинских методов смирились, заплатив эту цену за то, что было достигнуто Сталиным.

ГЛАВА 42

СТРУКТУРА ПАРТИИ

а) Членство

В начале 1926 г.¹ число членов и кандидатов партии (последних стали регулярно включать в партийную статистику) впервые превысило миллионную отметку и продолжало неуклонно расти². 14 октября 1926 г. Центральный Комитет партии, возможно, в связи с предстоящей в декабре переписью населения, объявил о переписи членов партии³. В марте-апреле 1927 г. надлежало заменить существовавшие до тех пор партийные билеты на новые⁴. Члены партии, задолжавшие членские взносы более чем за три месяца, автоматически исключались⁵. Обязательная перепись всех членов партии выполняла некоторые функции чистки⁶, хотя общая атмосфера, сопровождавшая эти две операции, существенно различалась. Одна из статей «Правды» так и называлась: «Перепись партии, а не чистка»⁷. Это был первый генеральный смотр партийных рядов после чистки 1921 г.; правда, теперь бросалось в глаза отсутствие преобладавшей в 1921 г. причины⁸ — желания сократить численность партии. Датой начала переписи установили 10 января 1927 г. Первоначально предполагалось, что местные партийные организации представят свои отчеты в московскую штаб-квартиру к 1 февраля. Однако большое число членов партии не перерегистрировалось в установленные сроки и отчеты в Москву, естественно, не поступили. 28 марта 1927 г. Центральный Комитет продлил сроки переписи (до 15 мая) и представления отчетов (к 1 июня)⁹. Согласно постановлению Центрального Комитета от 4 июля 1927 г. все, к тому времени не прошедшие перепись, автоматически исключались из партии¹⁰.

Перепись позволила досконально изучить состав партийных рядов. По представленным накануне переписи отчетам местных партийных организаций партийные билеты имели 1 192 458 человек. Количество перерегистрированных членов партии равнялось 1 147 074. Не прошли перепись 45 тыс. человек, главным образом из числа вновь принятых после 1924 г., а также кандидатов в члены партии¹¹. После переписи члены партии следующим образом распределились по роду занятий:

Рабочие	484 622
Крестьяне	264 964
Служащие	228 230
Работники учебных заведений	67 001
Военнослужащие	94 067
Коммунисты-одиночки	5 135
Другие	2 455
<hr/>	
1 147 074 ¹²	

За очень незначительным исключением все члены партии объединялись в ячейки, а кандидаты — в группы, которые, как правило, формировались по месту работы или службы. В ходе переписи члены партии классифицировались по типу ячейки или группы, к которой они принадлежали¹³. Количество членов городских ячеек возросло с 314 тыс. в 1922 г. до 840 тыс. человек в 1927 г., а сельских ячеек — с 201 тыс. до 307 тыс. Партия все еще на 73,2% оставалась городской¹⁴. Самой большой городской организацией являлась московская с 123 тыс. членов, за ней следовал Ленинград с 93 тыс. членов¹⁵. Московская область насчитывала 130 049 партийцев, или 2,85% от общего населения, Ленинградская область — 101 202 члена партии, или 3,64% от общего населения¹⁶. Эти показатели соотношения между количеством партийных членов и числом жителей являлись самыми высокими. На 1 октября 1927 г. из 129 417 членов Московской городской партийной организации 67,5% были по социальному положению рабочими, 5,4 — крестьянами и 25,8% — служащими. Как указывалось, не менее 40 673 из них являлись активистами, которые «участвовали в коллективном руководстве Московской парторганизацией»¹⁷.

Распределение по национальности показало, что с 1922 г. великорусы, поляки, представители прибалтийских народностей и евреи утратили свое господствующее положение. В выигрыше оказались прежде всего украинцы и белорусы, однако почти все малые народы слегка увеличили собственную весьма скромную долю¹⁸. В 1927 г. во всех национальных республиках и областях (за исключением только Армянской ССР) доля нерусских в национальных партиях была ниже, чем их доля в общей массе населения, но в большинстве случаев она по сравнению с 1922 г. увеличилась¹⁹. Политика, направленная на расширение туземного представительства, в какой-то степени вступила в противоречие с политикой увеличения рабочей прослойки, ибо в тот период нерусское население повсюду состояло в основном из крестьян. В национальных республиках доля рабочих среди членов партии из коренного населения была ниже, а крестьян — выше, чем среди партийцев проживавших там других национальностей. Доля женщин в партии возросла с 8% в 1922 г. до 10,5% к моменту переписи в 1927 г. Однако распределялась она неравномерно. Среди

членов партии еврейской национальности женщины составляли 23% у латышей и русских 18,1 и 11,3%. Для башкирок, киргизок и таджичек эти цифры соответствовали 2,5, 0,9 и 0,7%²⁰. По социальному положению 35,4% женщин — членов партии принадлежало к категории служащих, хотя в целом по партии к данной социальной категории относилось 22,4% членов и кандидатов²¹. Однако фактически являлись служащими по роду занятий 33,2% женщин — членов партии, в то время как эта доля для партии в целом равнялась 41,3%²². Из служащих по социальному положению женщины охотнее, чем мужчины, вступали в партию, но, будучи принятыми, реже мужчин становились действительно служащими. Среди кандидатов доля женщин была неизменно выше их доли среди полноправных членов. Из членов и кандидатов партии только 0,8% (у женщин — 1,4%) имели высшее образование. Почти все они являлись служащими по социальному положению; 7,9% располагало средним, 62,8 — низшим и 26,1% — домашним образованием; 2,4% было неграмотным. Большинство последних происходило из республик Центральной Азии, Азербайджана и Дагестана. 46,8% партийцев получило хоть какое-то политическое образование, как правило, в школах политграмоты²³.

В конце 20-х годов пристальное внимание уделялось социальному составу партии. Начатая в 1924 г. кампания по привлечению в партию значительного числа крестьян год спустя уже иссякла²⁴. В партии она никогда не пользовалась безоговорочным одобрением. И хотя Сталин на XIV съезде партии в декабре 1925 г. вновь высказал недовольство тем, что «доля крестьян в нашей партии все еще очень незначительна» и что «в этой стороне дела по-прежнему обстоят не очень хорошо»²⁵, возникло резкое движение против политики уступок крестьянству. Обращалось внимание на серьезные нарушения, допущенные в ходе массового набора в сельской местности. Критиковалась астраханская партийная организация за огульный прием в партию служащих и сезонных рабочих. В 1925 г. доля служащих среди вновь принятых в партию увеличилась с 12 до 22%²⁶. Пензенская организация увлеклась массовым набором (в 1925 г. было принято на 61% больше членов, чем в предшествующем году), используя «метод разверстки»²⁷. В Смоленской области еще в 1927 г. практиковались коллективные приемы группами по 20—30 человек, благодаря чему в партию попали «случайные элементы, очень быстро от нее оторвавшиеся»²⁸. Помимо других недостатков, сельских членов партии отличала неустойчивость и неопытность. К моменту переписи 1927 г. 1/3 деревенских партийных ячеек действовала менее одного года, 2/3 — менее трех лет²⁹.

Результаты заявили о себе уже в 1926 г. Во второй половине 1925 г. партию дополнили 131 661 кандидат и 113 943 полноправных члена. В числе первых было 39,6% крестьян, в числе вторых — 12,6%. В первой половине 1926 г. эти цифры соответственно

составили 95 344 и 71 043, а доля крестьян — 25,5 и 6,98%³⁰. Между тем временное увеличение приема в партию крестьян в какой-то мере отодвинуло на задний план цель, поставленную в мае 1924 г. в дни «ленинского набора» XIII съездом партии, а год спустя XIV партийной конференцией, — добиться, чтобы более половины партийных рядов составляли «рабочие от станка»³¹. Не помогла и поддержка ленинградской оппозиции накануне XIV съезда партии в декабре 1925 г.³², и съезд довольствовался общими рекомендациями относительно «политики, направленной к все большему вовлечению рабочих в партию, и к постоянному повышению удельного веса пролетарского партийного ядра»³³. Однако этот вопрос не забыли. В октябре 1926 г. Молотов доложил Оргбюро, что в первой половине года социальный состав партии не изменился. Но ввиду постоянного общего роста численности пролетариата этого было недостаточно. И Молотов вернулся к прежней установке, согласно которой более половины членов партии должны были быть рабочими, фактически занятыми в производстве. В то же время следовало подходить с более строгими критериями к оценке заявлений желающих вступить в партию крестьян, особенно тех, кто «приближается к середнякам». Нужно было требовать доказательств, что подавший заявление «действительно участвует в общественной работе» и «предан Советской власти»³⁴. В постановлении Центрального Комитета от 31 декабря 1926 г. отмечались многие упущения, требовавшие внимания. Имела место недостаточная разборчивость при приеме крестьян, оставляли без внимания такие важные критерии, как «принадлежность к той или иной социальной группе в деревне, общественная активность, политическая сознательность и т. п.». Под видом рабочих или крестьян принимали служащих. В течение 1926 г. доля в партии «рабочих от станка» не поднялась выше 41%³⁵.

Эта проблема высветила давно существовавшую неопределенность в партийной статистике. С того самого момента, когда «ленинский набор» поставил вопрос о приеме в партию «рабочих от станка», традиционная классификация членов партии по «социальному положению» становилась все более непоследовательной и вводящей в заблуждение³⁶. С начала 1927 г. в соответствии с инструкцией учетного отдела Центрального Комитета³⁷ партийные статистики в дополнение к «социальному положению» стали сообщать и о «роде занятий», указывая отдельно батраков, проводя различие между крестьянами, занятыми исключительно в сельскохозяйственном производстве и теми из них, кто одновременно работал в административных органах, являлся кустарем или ремесленником, работал по найму, регистрируя отдельно кустарей, студентов и безработных³⁸. Игнорировать очевидные, выявляемые при сравнении несоответствия было уже невозможно. На 1 января 1927 г. данные графы «социальное положение» свидетельствовали о том, что партия на 56,1% состояла из рабочих, на 26,3% из

крестьян и на 16,2% из служащих, а критерий «род занятий» показывал 38,1% рабочих, 11,7% крестьян, занятых исключительно сельским хозяйством, и 34,2% служащих³⁹. Сравнительное значение обоих критериев никогда открыто не обсуждалось. Вопрос о том, является ли более важным фактором оценки личных качеств и взглядов члена партии условия раннего воспитания или же характер выполняемой фактической работы, не служил предметом размышлений ни партийных руководителей или специалистов по статистике, ни тем более широкой публики. Однако не вызывало сомнений, что классификация членов партии по социальному положению (в отличие от классификации по роду занятий) способствовала значительному занижению численности служащих и соответственному завышению количества рабочих и крестьян. Результаты вполне устраивали тех, кто стремился поддерживать непорочный образ рабочей или рабоче-крестьянской партии.

В спорах относительно социальной структуры партии батрак занимал странное место. В теории, будучи наемным работником, он считался пролетарием и в партийной статистике группировался вместе с «рабочими», хотя и в отдельной графе. На практике его часто было невозможно отличить от бедняка⁴⁰. Претендовать на батрака могли с полным правом как те, кто желал бы увеличить среди членов партии долю рабочих, так и те, кто хотел бы увеличить долю занятых в сельском хозяйстве. Одной из причин, которыми оппозиция обосновала свое голосование против резолюции о выборах в Советы, выдвинутой на Пленуме Центрального Комитета партии в июле 1926 г., послужила неспособность партии активизировать работу среди батраков и бедных крестьян⁴¹. Оппозиция вновь подняла данный вопрос в заявлении от 3 октября 1926 г., чем навлекла на себя обвинение в стремлении нажить на данной проблеме политический капитал⁴². Аналогичные требования повторялись в контррезисах оппозиции к XV съезду партии, в которых партия призывалась «возглавить батраков», созвать съезд батраков и бедняков и создать под партийным руководством Союз деревенской бедноты⁴³. Но на месте эти требования казались менее реалистичными. Всеработзем (профессиональный союз, который должен был организовать сельскохозяйственных рабочих) бездействовал. К моменту III съезда в мае 1927 г. в него входило только 23,3% от общего числа батраков и сельскохозяйственных рабочих⁴⁴. Лишь 42% батраков умели читать и писать, еще 6% могли читать, но не умели писать⁴⁵. Обычно батраку — этому не очень желанному кандидату — было практически невозможно найти поручителя к заявлению о приеме в партию, а оказавшись на собрании партийной ячейки, он, как правило, не мог ответить ни на один вопрос по партийному Уставу⁴⁶. Под давлением из центра доля батраков в партии за два года постепенно увеличилась с 0,5% (на 1 января 1925 г.) до 1,3%⁴⁷. В то время только 1,4% членов Всеработзема являлись членами партии⁴⁸. Принятое в феврале 1927 г. постановление Центрального Комите-

та вновь настоятельно рекомендовало вовлекать в партию рабочих совхозов, батраков, других работников сельского и лесного хозяйства⁴⁹.

1927 г. продемонстрировал возобновившуюся и усилившуюся озабоченность проблемой увеличения рабочего контингента в партии, и партийная перепись обеспечила кампанию нужным боезапасом. Среди рабочих основных отраслей промышленности доля членов партии составляла в среднем 10,5%, варьируясь между максимальными 13,5% в нефтяной и минимальными 6,2% для текстильной промышленности, где в основном работали женщины. Наибольшая пропорция партийцев отмечалась в тех отраслях промышленности, в которых требовались высококвалифицированные рабочие, и меньше всего их было там, где превалировал тяжелый ручной труд. В металлургии эта цифра равнялась 7,5, а в угольной промышленности — 7,7%⁵⁰. С другой стороны, доля полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих по отношению к квалифицированным была выше среди кандидатов, чем среди членов партии⁵¹.

	Квалифицированные	Полуквалифицированные	Неквалифицированные
Члены	62,8	24,3	12,9
Кандидаты	52,6	26,7	20,7
Вместе	60,0	25,0	15,0

Это свидетельствовало о нежелательной тенденции. В декабре 1925 г. XIV съезд партии, выразив намерение «повысить удельный вес пролетарского партийного ядра», в то же время предостерег от «чрезмерного разбухания партийных рядов и наполнения их полупролетарскими элементами, не прошедшими школы профсоюзов и пролетарской организации вообще»⁵². Повышение доли полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих среди вновь принятых кандидатов, хотя и объяснимое быстрым количественным ростом рабочей силы, вызывало беспокойство⁵³. В постановлении Центрального Комитета партии от 31 декабря 1926 г. вновь обращалось внимание на дефицит в партии квалифицированных рабочих⁵⁴. Тревожило и то, что доля партийцев среди рабочих небольших промышленных предприятий была больше, чем на крупных, и варьировалась от 14,5% на предприятиях менее чем с 30 рабочими до 8,8% на предприятиях с числом рабочих свыше 3 тыс.⁵⁵ С географической точки зрения лучше обстояло дело в Ленинграде, где 19% промышленных рабочих являлись членами партии. В Москве эта цифра равнялась всего лишь 9%⁵⁶. При подготовке к IV съезду Советов в мае 1927 г. позабо-

тились о том, чтобы включить в число делегатов нужный процент «рабочих от станка» и «крестьян от плуга»⁵⁷.

Во второй половине 1927 г. социальный состав партии стал яблоком раздора последней стадии борьбы с объединенной оппозицией. Исходя из сентябрьской (1927 г.) платформы оппозиции, Троцкий обратил внимание на наличие в партии «немалого числа "рабочих" бюрократов — бывших рабочих, утративших всякую связь с трудящимися массами», и предложил, чтобы в течение последующих двух или трех лет в партию, «как правило», принимали бы лишь «рабочих от станка» и наемных сельскохозяйственных рабочих. Членов других социальных групп, включая бедных крестьян, следовало принимать «только на основе строго индивидуального отбора»⁵⁸. В постановлении Центрального Комитета от 13 октября 1927 г. «О регулировании роста партии в связи с итогами переписи» указывалось на пять задач: увеличение притока рабочих в партию, главным образом на крупных заводах и особенно за счет активистов, уже работающих по линии профессиональных советских и других общественных организаций; усиление комсомольского воспитания среди молодых рабочих; привлечение в партию большего числа рабочих, прежде всего занятых в текстильной промышленности; увеличение приема в партию батраков и бедняков, в первую очередь активно работавших во Все-работземе, в комитетах крестьянской бедноты, в Советах или в кооперативных организациях; ограничение (с тщательной проверкой документов) приема в партию служащих. Постановление включало особое требование (иногда его называли «двухгодичным планом»), согласно которому в течение двух последующих лет предстояло довести долю рабочих в партии до 51%⁵⁹. Следующее постановление от 4 ноября 1927 г. приветствовало вступление в партию по случаю 10-й годовщины революции политически активных рабочих и выдвинуло лозунг: «Все передовые рабочие и работницы — в партию Ленина!»⁶⁰ Впоследствии это приобрело известность как «октябрьский призыв». На XV съезде партии в декабре 1927 г. 71,3% делегатов были по социальному положению рабочими — наивысшая доля из всех предыдущих съездов⁶¹. Однако 58,2% всех делегатов и 66% делегатов с правом решающего голоса являлись партийными работниками различных уровней, а количество «рабочих с производства» и тем более крестьян было весьма невелико⁶². В отчете, представленном Центральным Комитетом съезду, обращалось внимание на «недостаточно удовлетворительную постановку партийной работы на предприятиях и в особенности слабость работы в цеху»⁶³, а Косиор, выступавший на съезде по организационным вопросам, объяснил явное снижение доли рабочих от станка среди членов партии изменениями в классификации. Это не помешало представителю оппозиции Бакаеву в речи, которая постоянно прерывалась возгласами, возложить ответственность за наплыв в партию крестьян лично на Сталина и утверждать, что доля «рабочих от станка» упала до

31%⁶⁴. Резолюция съезда отмечала успех «октябрьского призыва» и рекомендовала «постоянно вербовать в партию рабочих и работниц с производства»⁶⁵. В январе 1928 г. Центральный Комитет партии принял еще одно постановление, в котором подчеркнул важность приема в партию «рабочих с производства»⁶⁶.

В деле изменения социальной структуры партии кампания по партийному призыву имела лишь ограниченный успех. Но, как и во время «ленинского набора» 1924 г., она изменила лицо партии, усилив преобладание в ней новых членов, не переживших вместе с партией ее героических лет, не разделивших с ней ни ее трагедий, ни ее триумфов. В 1927 г. «подпольщиков», вступивших в эту партию еще до революции, было менее 9 тыс., и почти 60% членов партии вступили в нее в последние три года⁶⁷. В сентябре 1927 г. Троцкий в платформе оппозиции выразил протест против «чрезвычайно знаменательного процесса выталкивания старых членов партии, переживших период подполья или по меньшей мере гражданской войны», и замены их «новыми элементами, отличающимися главным образом полным повиновением»⁶⁸. Однако этот процесс скорее явится следствием разрушительного влияния времени и стремления пополнить партию рабочими, чем результатом исключения нескольких руководителей оппозиции. Когда Троцкий называл «школы молодежи» школами «ревизионистов»⁶⁹, он, вероятно, критиковал учеников Бухарина в Институте красной профессуры. Но, возможно, этим словам придали более широкое значение и иронически прокомментировали в те дни, когда Троцкий обратился к молодежи с призывом омолодить партию⁷⁰. Вновь вступающие в партию представители младшего поколения были прозаичнее и, возможно, циничнее, не столь идейными и революционными, как их предшественники.

«Октябрьский призыв» продолжался в течение всей зимы 1927/28 г. В последней четверти 1927 г. было принято кандидатами 88 454 (вдвое больше, чем в любой другой квартал) и переведено в полные члены 44 464 человека. Для первого квартала 1928 г. эти цифры соответственно означали 80 523 и 41 701⁷¹. Затем темпы снизились, хотя в первые три квартала 1928 г. в кандидаты приняли примерно 180 тыс. человек, из которых 67,7% были рабочими (включая батраков)⁷². На 1 апреля 1928 г. доля производственных рабочих в партии якобы равнялась 40,9%. Достижение 50-процентной черты, объявленной осенью 1927 г., представлялось, однако, маловероятным. Необычно откровенный анализ причин частого нежелания рабочих вступать в партию появился в журнале Центрального Комитета осенью 1928 г. Рабочие нередко видели, что низовые партийные организации (единственные, с которыми им приходилось соприкасаться) не в силах «бороться с недостатками в работе хозяйственных, советских и др. органов власти» или защищать интересы рабочих. Партийные представители оказались не в состоянии поддержать предложения рабочих собраний, производственных совещаний. Подчас к бес-

партийным активистам относились с большим вниманием, чем к членам партии. Менее вескими причинами были: обилие собраний, на которых член партии был обязан присутствовать, плохое впечатление от пьянства, хулиганского поведения и других проступков, совершаемых партийцами⁷³. С другой стороны, служащие держались за партийный билет, как за гарантию статуса, рассчитывая на «преимущество на службе, которое в той или иной мере связано с пребыванием в партии, как партии правящей»⁷⁴.

Прошедший в июле 1928 г. Пленум Центрального Комитета явился предвестником надвигавшегося разрыва с Бухариным и правой оппозицией в партии, которая, по-видимому, скорее могла найти поддержку в сельских партийных организациях⁷⁵. Эти опасения заставили вновь обратить внимание на проблему структуры партии. В начале августа 1928 г. в одной из статей Маленкова указывалось, что «рабочие от станка» составляют пока лишь 41% членов партии, и предлагалось для достижения установленного уровня в 50% поставить дело так, чтобы среди вновь принимаемых в партию 80% были «рабочими с производства»⁷⁶. Эту инициативу поддержал Пленум Центрального Комитета в ноябре 1928 г. В постановлении он отметил, что 61% членов партии по социальному положению были рабочими, но только 42% фактически работали на производстве, и в целях достижения к 1930 г. 50-процентного уровня потребовал, чтобы в последующие два года 80% принимаемых в партию являлись бы «рабочими с производства». Пленум также занялся проблемой партийной прослойки в деревне. В деревенских партийных организациях, говорилось в резолюции, «все еще совершенно незначителен удельный вес пролетарских элементов и прямо ничтожны кадры колхозников». Пленум еще раз призвал принимать в партию «сельскохозяйственных рабочих и батраков, а также лучших активистов из бедноты и колхозников»⁷⁷. Постановление Центрального Комитета партии от 7 января 1929 г. предписывало местным партийным организациям, чтобы 90% вновь принимаемых в партию в промышленных районах, около 70% в земледельческих регионах и примерно 60% в национальных республиках являлись «рабочими с производства» и батраками. Особый упор делался на привлечение рабочих и работниц «с длительным производственным стажем работы на крупных предприятиях»⁷⁸.

Эти благие намерения также остались невыполненными. Но их уже обогнали события, связанные с партийной чисткой, намеченной во время хлебозаготовительного кризиса в январе-марте 1928 г., объявленной на Пленуме Центрального Комитета в ноябре 1928 г. и формально утвержденной на XVI партийной конференции в апреле 1929 г.⁷⁹ И хотя чистка несомненно помогла избавиться от известных сторонников правых, а также членов партии, недовольных ее политикой по другим причинам, и, по-видимому, наиболее сильно задела деревенские организации, она тем не менее серьезно не повлияла ни на постоянный рост пар-

тийных рядов, ни на их социальную структуру. Доля крестьян в партии не претерпела существенных изменений, а рабочий компонент возрастал в полном соответствии с темпами увеличения количества рабочей силы в промышленности. Общее число членов партии выросло с 1 147 077 (в 1927 г.) до 1 304 471 (в 1928 г.) и до 1 532 362 (в 1929 г.). Доля рабочих по социальному положению возросла с 55,7% (в 1927 г.) до 61,4% (в 1929 г.), а доля рабочих по роду занятий поднялась с 40,9% (в 1928 г.) до 43,4% в 1930 г.⁸⁰. Но эти изменения скорее явились естественным результатом увеличения среди населения рабочей прослойки, а не конкретным следствием проведенной чистки. После этого установленные дискриминационные правила приема в партию постепенно смягчили.

б) Партийная машина

Рост партийных рядов находил отражение в увеличении количественного состава главных органов партии. На XIV съезде 655 делегатов с решающим и 641 делегат с совещательным голосом представляли 643 тыс. полноправных членов и 445 тыс. кандидатов в члены партии. Через два года к XV съезду партия включала 887 233 члена и 348 957 кандидатов партии. Две категории делегатов увеличились соответственно, до 898 и 771 человека. Количественный состав Центрального Комитета, избранного на каждом из этих съездов, возрос с 63 членов и 43 кандидатов (в 1925 г.) до 71 члена и 50 кандидатов (в 1927 г.). Число членов Центральной контрольной комиссии выросло со 164 до 195 человек. Политбюро, избранное Центральным Комитетом после XIV съезда партии, состояло из 9 членов (включая Зиновьева) и 5 кандидатов (включая Каменева и Дзержинского). После июля 1926 г., когда Зиновьев и Каменев оказались исключенными, а Дзержинский умер, в Политбюро по-прежнему было 9 членов (Рудзутак заменил Зиновьева), а число кандидатов довели до 8. На этом уровне его сохранил и XV съезд партии, проходивший в декабре 1927 г. Число членов Оргбюро увеличили с 11 до 13 человек; в Секретариате по-прежнему работало 5 человек. Из всех этих органов лишь в Политбюро имели место серьезные дебаты и велась борьба вокруг спорных политических проблем. Но в организационных вопросах Секретариат был всемогущ. Оргбюро являлось не чем иным, как выразителем мнений, а Орграспред (партийный отдел кадров) — простым органом Секретариата, находившимся под полным контролем Сталина. Именно этот контроль позволял ему постоянно господствовать в Политбюро, хотя приемы, с помощью которых он добивался желаемых результатов, не всегда четко просматривались, и вплоть до 1929 г. его власть в Политбюро не была абсолютной⁸¹.

Из всех партийных учреждений наиболее заметно изменилась роль Центральной контрольной комиссии⁸². После слияния в 1923 г. с народным комиссариатом рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрином)⁸³ комиссия выполняла две контролирующие функции: над партией и над государственно-административным аппаратом. Слияние явилось предтечей постепенного объединения партийной и государственной власти. Тем не менее две эти функции четко разграничивали, и Центральная контрольная комиссия в апреле 1926 г. приняла решение — не проводить слияние Рабкрина и Контрольной комиссии в союзных республиках⁸⁴. И когда имели в виду функцию контроля над государственной бюрократией, объединенную организацию называли по-прежнему Рабкрином или РКИ. Несмотря на то что данная работа была обширной и нужной, она уступала в престижности работе комиссии в партии — ее прямой функции до слияния⁸⁵. После 1926 г. именно эта деятельность становилась все более заметной и важной. Борьба с оппозицией и участвовавшие случаи применения дисциплинарных мер, вплоть до исключения из партии, усиливали роль органа, наделенного дисциплинарной властью. Однако одновременно с видимым наращиванием собственной мощи комиссия утрачивала свою самостоятельность. Ничего не осталось (кроме пустой формальности прямого избрания членов комиссии партийным съездом) от первоначальной концепции учреждения, которое осуществляло бы независимый контроль над главными органами партии, а также над рядовыми ее членами. В 1921 г. Центральный Комитет и Контрольная комиссия заседали вместе, чтобы, по предложению Ленина, рассмотреть вопрос об исключении из партии Шляпникова⁸⁶. Однако данная совместная акция рассматривалась как исключение или, возможно, как зловеший прецедент, и больше не повторялась в течение ряда лет. Пленум Центрального Комитета в январе 1925 г., на котором критиковали и сместили с военного поста Троцкого, прошел с «участием членов ЦКК». Такая же формулировка повторилась в сообщении о Пленуме ЦК в октябре 1925 г.⁸⁷ А в апреле 1926 г. ЦК заседал «с участием членов Президиума ЦКК»⁸⁸. О состоявшемся в июле 1926 г. Пленуме, который стал свидетелем первого открытого выступления «новой оппозиции» и первых предпринятых против нее дисциплинарных мер, говорилось как об «объединенном Пленуме Центрального Комитета и Центральной контрольной комиссии ВКП(б)»⁸⁹.

В течение последующих нескольких лет большинство важных заседаний Центрального Комитета партии принимало аналогичную форму⁹⁰. По сути, Центральная контрольная комиссия превратилась в отделение Центрального Комитета и взяла на себя его наиболее сомнительную и деликатную работу. С назначением Орджоникидзе осенью 1926 г. председателем ЦКК вместо Куйбышева⁹¹, в комиссию пришла сильная личность, уважаемый старейший член партии, верный союзник земляка-грузина Сталина. Обязанности комиссии приобрели новый акцент. В декабре 1925 г.

на XIV съезде было громко заявлено, что долг членов партии — «информировать» о тех из них, которые стремятся создавать «идеологические группировки», несовместимые с партийной линией⁹². Из нескольких незначительных поправок к партийному Уставу, принятых два года спустя на XV съезде и касавшихся Центральной контрольной комиссии, наиболее важным был пункт, предусматривающий немедленное исключение из партии тех членов, которые отказывались отвечать на вопросы контрольных комиссий⁹³. На выборах в руководящие органы партии в конце съезда, когда кадровые изменения в ЦК были сведены до минимума, более одной трети членов ЦКК, избранных двумя годами ранее на XIV съезде, оказались замененными⁹⁴. Это свидетельствовало о желании подготовить комиссию к более ответственной роли.

Секретариат из 5 человек, тесно сгруппировавшихся вокруг доминирующей личности генерального секретаря, явился тем учреждением, которое, оставаясь само неизменным, обрело новую силу в результате происходящих перемен, в первую очередь последовательного количественного роста партии и ее руководящих органов⁹⁵. В 1927 г. Секретариат состоял из следующих девяти отделов: организации и распределения (Орграспред); агитации и пропаганды (Агитпром); печати; политического управления Красной Армии (ПУР); информационного (в его обязанность входило — информировать членов партии о деятельности Центрального Комитета, а ЦК — о работе местных партийных организаций, взглядах и настроениях на местах); по работе среди женщин и крестьян; статистического; истории партии (истпарт); хозяйственно-финансового. Это был главный генератор большого и расширяющегося повсюду в стране «аппарата» платных партийных работников, с помощью которого партийные и, до известной степени, правительственные органы направлялись, контролировались, комплектовались и подвергались чистке. В июне 1926 г., докладывая Московской партийной организации, Угланов определил функции «внутрипартийной демократии» с использованием такой терминологии, которая совершенно недвусмысленно оставляла инициативу за аппаратом и Секретариатом. По его словам, эти функции состояли в том, чтобы «своевременно и правильно ставить на разрешение партийной организации основные задачи, стоящие перед партией и страной, в том, чтобы втягивать в обсуждение и разрешение этих вопросов широкие массы партийцев, в том, чтобы своевременно и правильно разъяснять пролетариату основные вопросы социалистического строительства; проверять на настроениях рабочего класса, его отдельных отрядах правильность нашей политики, и на основе такой проверки выправлять линию»⁹⁶.

В неопубликованном меморандуме для Политбюро Троцкий с негодованием осудил данную формулу, назвав ее теорией «партийной бюрократии как системы» и «диктатурой аппарата», по-

скольку «класс с раздробленным авангардом (а отсутствие свободной дискуссии, контроля над аппаратом и выборности ведет к раздроблению авангарда) может только стать объектом манипуляций со стороны централизованного аппарата». Фактически «сталинская формула классовой диктатуры, противопоставленная диктатуре партии, неизбежно ведет к диктатуре аппарата»⁹⁷. Разложение в партии и рост партийной бюрократии (две стороны одного и того же процесса) были в тот период неизменными темами оппозиции. Вместе с тем чрезвычайная сложность задач, стоявших перед партией и правительством, нехватка ресурсов любого вида, примитивный образовательный уровень основной массы населения, отсутствие обученных и опытных администраторов — все это указывало в одном направлении. Демократию сменила бюрократия⁹⁸. Насмешливые слова Кагановича о том, что «меньшевизм и троцкизм никогда не понимали значения парт-аппарата»⁹⁹, не были лишены определенного смысла.

В то время известное значение приобрел партийный институт так называемых «инструкторов», или «ответственных инструкторов», — партийных работников, направляемых из центра для обеспечения верного понимания и применения партийных принципов и инструкций местными организациями. Ввиду слабой партийной прослойки во многих регионах, низкого уровня образования и политического сознания большинства вновь принятых членов партии такое руководство было, очевидно, необходимым. В постановлении от 28 марта 1927 г. Центральный Комитет предложил учредить постоянный аппарат «инструкторов», посылаемых вышестоящими партийными органами в низовые организации с целью обучения их правильным методам ведения партийной работы¹⁰⁰. На XV съезде партии в декабре 1927 г. это отмечалось как «великое достижение» вместе с сожалением по поводу частой смены «инструкторов» и трудностей с их подысканием¹⁰¹. В результате хлебозаготовительного кризиса 1928 г. и разрыва с правой оппозицией в центре событий оказались слабые сельские партийные организации, что в свою очередь еще больше усилило значение инструкторов. В декабре 1928 г. Оргбюро заслушало и обсудило отчет об их деятельности и функциях¹⁰². В итоге Центральный Комитет постановлением от 14 января 1929 г. рекомендовал сосредоточить работу инструкторов на четырех «основных вопросах»: на содействии индустриализации и перестройке сельского хозяйства; на проведении «рабочей демократии», самокритики и борьбы с бюрократизмом; на борьбе с троцкизмом «и в особенности с правым уклоном»; на регулировании роста партийных рядов и подготовке кадров. Разработали программу изучения деятельности некоторых конкретных местных организаций и назначения инструкторов на отдельные ключевые участки¹⁰³.

Возросшая эффективность центрального аппарата Секретариата несомненно явилась одним из источников растущего могущест-

ва. Оргбюро торжественно отметило «режим экономии» в государственном управлении, призвав 16 августа 1926 г. к строгой бережливости и контролю за расходованием средств местными партийными органами. Призыв подкрепило постановление Центрального Комитета от 17 сентября того же года¹⁰⁴. Устав партии требовал избрания каждым съездом Ревизионной комиссии для контроля за деятельностью центральных партийных учреждений и за партийной кассой. Согласно отчету председателя Ревизионной комиссии Курского XV съезду партии в декабре 1927 г., в аппарате Центрального Комитета, его отделах и в Секретариате была проведена некоторая рационализация. За два года число сотрудников сократили с 767 до 657 человек. Правда, с учетом работников Центральной контрольной комиссии и Отдела истории партии (Истпарта) общее количество достигало 971 человека. Среди служащих Центрального Комитета было 16% беспартийных (как заметил Курский, в порядке иллюстрации, партия не располагала собственными статистическими данными), хотя в «основных отделах» их доля не превышала 4—6%¹⁰⁵. В 1926—1927 гг. партия впервые заняла централизованный бюджет, который заменил систему простых субсидий для местных партийных организаций. В низовых деревенских организациях имели место случаи излишнего расходования денежных средств. Курский рассчитывал на более жесткое соблюдение централизованного бюджета на 1927/28 фин. г., в котором расходы на аппарат Центрального Комитета снизили на 8%¹⁰⁶. Конкретные цифры не назывались; детали партийных финансов никогда открыто не обсуждались. Это было резким исключением, когда журнал Центрального Комитета партии опубликовал постановление ЦК от 9 августа 1928 г. о сокращении на 2500 человек число служащих на местах и одновременном повышении окладов низовым партийным работникам (до уровня секретарей сельских районных комитетов)¹⁰⁷. Согласно Уставу партии, местные партийные организации получали денежные средства «из членских взносов, субсидий вышестоящих партийных организаций и других поступлений». Членские взносы никогда не являлись источником дохода, и централизованный бюджет представлял собой определенный фактор более действенного и жесткого контроля центра над местными организациями.

К 1926 г. прочно установилась возложенная на Орграспред функция назначения членов партии на ключевые посты в самой партии, в Советах и других государственных учреждениях¹⁰⁸. Не допустить, чтобы машина увязла в массе предстоящих назначений, — в этом теперь состояла главная проблема. И в ноябре 1926 г. установили правило, согласно которому личные дела велись только на членов партии, занимавших «номенклатурные» должности, назначение на которые требовало санкции Центрального Комитета (или, на практике, Орграспреда), остальные же надлежало учитывать с помощью единой по форме карточки¹⁰⁹. За два года, прошедших между XIV и XV съездами, Орграспред

назначил 8761 члена партии, в том числе 7445 — на «ответственные» посты. Из них 1220 получили назначение на должности первых двух номенклатурных категорий, потребовавших санкции Центрального Комитета (то есть, по словам Курского, Политбюро, Оргбюро и Секретариата)¹¹⁰. Выборы главных должностных лиц ведущих местных партийных организаций были теперь обречены. Не сохранилась даже вежливая видимость предыдущего периода¹¹¹. В сентябре 1927 г. в платформе оппозиции указывалось, что «подлинные выборы должностных лиц фактически отрицают», что члены губернских, уездных и районных партийных комитетов теперь избираются на два года и более, а первые секретари губернских комитетов и других губернских учреждений назначаются Центральным Комитетом на три, пять и более лет¹¹². На совместном заседании Политбюро и президиума Центральной контрольной комиссии в январе-феврале 1929 г. Бухарин якобы заметил, что «за двенадцать лет революции у нас не было ни одного выбранного секретаря губернской партийной организации» и что «все делается сверху»¹¹³.

в) Партия и правительство

Помимо организации самой партии и контроля над нею, партийные власти занимались созданием средств, с помощью которых можно было бы осуществлять волю партии в правительственных органах. Главным инструментом, обеспечивающим партийный контроль над советскими учреждениями и другими общественными организациями, являлись работавшие там члены партии. В представительных советских органах самая большая партийная прослойка была на высших уровнях. На III, IV и V Всесоюзных съездах Советов в 1925, 1927 и 1929 гг. члены партии и кандидаты составляли соответственно 80, 72,5 и 46,6% всех делегатов¹¹⁴. В 1929 г. среди делегатов городских и сельских Советов члены партии соответственно составляли 46,1 и 10%; в промежуточных органах эта доля варьировалась в указанных выше пределах¹¹⁵. Преобладание партийных членов в конкретных учреждениях обуславливалось, конечно же, различными причинами. Быть делегатом Всесоюзного или даже республиканского съезда Советов означало полную впечатлений, уютную поездку в столицу за государственный счет, и в борьбе за места члены партии, как видно, обладали преимуществом¹¹⁶. Кроме того, почти повсеместный подбор на должности председателей окружных или уездных, районных или сельских исполкомов свидетельствовал о том, что ключевые посты деревенской администрации сохранялись для верных слуг партии.

Назначения на высокие административные посты являлись ревностно охраняемой партийной прерогативой. Роль Орграспреда, хотя и обсуждалась реже, чем в предыдущий период¹¹⁷, насколько не утратила своего значения. Для назначения на 841

высший пост в экономических органах и на 280 должностей в народные комиссариаты (на так называемые «номенклатурные» посты) требовалась санкция пяти инстанций, в том числе местной организации ЦКК, ЦК соответственного профсоюза и ОГПУ; и эта процедура нередко занимала несколько недель¹¹⁸. В 1927 г. многие руководители промышленности — 75,1% председателей и членов правления трестов ВСНХ, 82,9% председателей и членов правлений синдикатов и 96,9% (только трое были беспартийными) директоров подчиненных ВСНХ крупных промышленных предприятий — являлись членами партии¹¹⁹. Столь высокая партийная прослойка объяснялась, с одной стороны, выдвижением членов партии на ответственные посты в промышленности, а с другой — вовлечением в партию крупных промышленных специалистов. На более низких административных уровнях картина складывалась иная. На XV съезде партии в декабре 1927 г. приводились следующие данные относительно доли членов партии в различных наркоматах СССР и РСФСР в %:

СССР		РСФСР	
Наркомторг	27,6	Наркомфин	17,0
Наркомфин	18,2	Наркомвнудел	17,8
ВСНХ	20,2	Наркомзем	14,4
Наркомпут	22,0	Наркомтруд	28,0
		Наркомюст	22,4 ¹²⁰

По приведенным на XVI партийной конференции официальным данным в апреле 1929 г. 11,7% всех служащих советских учреждений являлись членами партии и 25% из тех, кто работал в административных органах, хотя в управлении промышленностью их доля равнялась всего 14%¹²¹. Среди технических специалистов и представителей интеллигенции партийная прослойка была еще тоньше. Из 14 800 членов профсоюзов, зарегистрировавшихся в РСФСР как «научные работники», только 6% состояли в партии¹²², а из членов Союза советских писателей даже в 1934 г. лишь одна треть¹²³.

Это была нелегкая задача — с ограниченными людскими ресурсами построить правительственную машину, способную претворить в жизнь партийные решения. Еще труднее было привить рядовым членам партии партийные взгляды и дисциплину и через них оказывать влияние на беспартийные массы. Прежде всего требовалось создать базис общего согласия, делая решения понятными и приемлемыми. Много внимания уделялось неформальным группам, известным как партийный актив. К партийным активистам принадлежали наиболее энергичные и политически подготов-

ленные рядовые члены партии, выполнявшие партийные поручения в городе и деревне, и пропагандировавшие ее идеи. По сути, это был сержантский состав партии¹²⁴. Рассказывали, что в Московской партийной организации число активистов увеличилось с 10 620 (в 1925—1926 гг.) до 38 815 (к концу 1927 г.). В Ленинграде и Туле актив состоял в основном из вновь принятых в партию¹²⁵. «Активисты» действовали как в партийных, так и гражданских учреждениях. В каждом советском, профсоюзном, промышленном, торговом и кооперативном органе коммунисты объединялись и создавали партийные ячейки для совместных дискуссий и действий. Члены ячейки должны были влиять на своих беспартийных коллег. В этом состояла одна из главных функций. Подобные усилия не всегда воспринимались с воодушевлением. В 1927 г. Московский комитет партии в экспериментальном порядке прикомандировал определенное число партийных активистов к 83 московским учреждениям различного направления. Но ни учреждения, ни их профсоюзные организации не стали сотрудничать, и из эксперимента ничего не вышло¹²⁶.

С осени 1924 г. эти усилия подкреплялись требованием, которое представляло собой ключевой момент кампании за «оживление Советов», за повышение участия «беспартийных элементов» в советской работе¹²⁷. Поскольку становилось все явственнее, что тонкой прослойки компетентных и преданных членов партии недостаточно для создания работоспособной местной администрации и выполнения широкого спектра задач развивающейся экономики и что необходимо будет привлечь к советской работе большое количество беспартийных рабочих и крестьян, начали искать поддержки у сторонников за пределами партии. Таким путем возникла концепция «беспартийного актива», состоящего из энергичных и благожелательно настроенных беспартийных работников, готовых сотрудничать с партийными активистами. Концепция вначале нашла применение в сельской местности, где партия была слабее всего. В мае 1926 г. Оргбюро своим постановлением увязало кампанию за оживление Советов с «созданием вокруг Советов и кооперации беспартийного крестьянского актива под руководством партии»¹²⁸. Шесть месяцев спустя на заседании ЦИК РСФСР, касаясь предстоящих выборов в Советы, докладчик говорил о необходимости «создания широкого беспартийного рабочего и крестьянского актива»¹²⁹. На XV съезде партии в декабре 1927 г. Молотов определил «беспартийный крестьянский актив» как «всех тех работников Советов, кооперативов и кустарей, женщин-крестьянок, ведущих работников советской интеллигенции, селькоров и крестьян, которые активно участвуют в общественной жизни села»¹³⁰. Резолюция о работе на селе обязывала партию «направить особое внимание на образование и расширение беспартийного бедняцко-средняцкого актива»¹³¹. Попытки сгруппировать актив вокруг сельских Советов оказались до определен-

ной степени тщетными из-за неспособности Советов эффективно функционировать. Надежное ядро деревенского беспартийного актива часто образовывали демобилизованные красноармейцы и рабселькоры, число которых, по оценкам 1928 г., достигало 1500 тыс. человек¹³². Партийные и беспартийные активисты тесно сотрудничали в руководстве деревенскими организациями¹³³. Но социальный состав советского актива на селе, как и самой партии, вызывал подозрения. В нем иногда можно было обнаружить такие неподходящие фигуры, как церковный певчий, и они включали очень мало батраков¹³⁴. Эта картина казалась более реалистичной, чем создававшаяся съездом активистов Средневолжского края, на котором половина мест будто бы принадлежала батракам¹³⁵.

Надежды на беспартийный актив не ограничивались, однако, лишь деревней. На заводах и фабриках активистами в отличие от партийного актива являлись главным образом «рабочие с большим производственным стажем»¹³⁶. На XV съезде партии Косиор заметил, что особенно в советских хозяйственных учреждениях «оперативная часть нашего аппарата (кроме руководящей верхушки), та часть, на которой непосредственно зиждется вся работа аппарата... построена большей частью на беспартийных». В их числе специалисты, обладающие столь нужными для процесса индустриализации техническими знаниями¹³⁷. Именно в этот период усилился нажим с целью вовлечения в партию первоклассных специалистов и администраторов, а также высший командный состав Красной Армии. Членство в партии являлось вознаграждением за особые заслуги и залогом верности. Поскольку представление о массовой партии все еще было неприемлемым, нужно было для сочувствовавших беспартийных активистов зарезервировать на низшему уровне некоторое количество не очень значительных в административном отношении, но престижных должностей. Уже в 1925 г. кампания по оживлению Советов привела к прогрессивному увеличению доли беспартийных рабочих и крестьян, избранных на Всесоюзный и республиканские съезды Советов и в центральные исполнительные комитеты¹³⁸. В начале 1927 г. Бауман в статье, примечательной уже тем, что в ней почти не упоминается партия, заявил, что «государственный аппарат, в первую очередь в деревне, должен являться организатором крестьянских масс». В последние два года «значительно вырос актив вокруг Советов». Однако «выросшая советская общественность» и «советская демократия» были все еще слабы; активисты должны были, по его словам, отождествляться с работой советских органов¹³⁹. «Правда» изобрела термин «беспартийный коммунист», имея в виду «действительно преданных партии людей, которые считают достаточным то, что они сознательно и добросовестно поддерживают партию»¹⁴⁰. Как говорили год спустя, функция советского общественного актива состояла в том, чтобы побуждать советские органы к энергичной деятельности, чтобы готовить

пополнение на административные посты и привлекать рабочих и крестьян к практической советской работе ¹⁴¹.

Профессиональные союзы представляли собой постоянное место встреч партийных и беспартийных работников, и, когда XV партийная конференция в октябре 1926 г., в момент перехода от «восстановительного процесса к реконструктивному», приняла резолюцию по профсоюзам, она использовала не партийную, а классовую терминологию и призвала к «повышению их интереса к общим задачам класса в его целом и более широкому вовлечению рабочих масс во все дело социалистического строительства» ¹⁴². Принятое в июне 1927 г. постановление Центрального Комитета партии потребовало адекватного представительства беспартийных членов на съездах профсоюзов и кооперативных организаций ¹⁴³. На XV партийном съезде в декабре — 1927 г. Косиор выражал недовольство тем, что в Центральном Совете профсоюзов работало всего лишь 3% беспартийных, а в центральных комитетах отдельных союзов — только 4%. Доля беспартийных делегатов на профсоюзных съездах в прошедшем году варьировалась от 19 до 25%, а ранее была еще ниже. Другой делегат с юмором заметил, что, когда на его заводе, выполняя указание партии, избрали в комитет восемь беспартийных рабочих, шестеро из них вступили в партию ¹⁴⁴. Рютин, которого впоследствии заклеили как правого уклониста, летом 1928 г. в партийном журнале писал, что профсоюзные руководящие органы на 99,6%, а их президиум на все 100% состоят из членов партии. Ситуация в отдельных профсоюзах была немногим лучше, хотя несколько выправилась после XV съезда партии. Подытоживая, Рютин справедливо, но не ортодоксально, заметил, что увеличение партийного представительства вовсе не равнозначно увеличению рабочего представительства ¹⁴⁵.

Уравнивание беспартийных активистов с партийными привело к затушевыванию разграничительной линии между рядовыми членами партии и массами рабочих и крестьян, что сопровождалось другими непредвиденными последствиями. Начала возникать новая демаркационная линия между четко выраженными, политически сознательными и все более авторитарными центральными партийными организациями и пассивными, разобщенными и часто растерянными рядовыми членами партии. Последние по своим политическим взглядам и той роли, которую их призывали играть, все менее отличались от «лояльных» элементов населения. Партия в целом больше не представляла собой ведущего авангарда или элиты рабочих и крестьянских масс. Авангардом стали официальные партийные работники, руководившие и направлявшие в партию, и беспартийные массы. По мере все более настойчивого продвижения партии по тернистому пути индустриализации и в условиях неослабевающего нажима на все слои населения с целью ее осуществления отношения между руководящими органами партии и ее членами приняли форму указаний сверху и бес-

прекословного подчинения снизу. Когда же все население вместе с рядовыми членами партии оказалось мобилизованным на эту гигантскую задачу, диктатура партийных организаций, в конце концов, превратилась в диктатуру одного вождя.

Смазывание разграничительной линии между партийными и беспартийными активистами явилось частью более обширного процесса. Срастанию партийных и государственных учреждений — двух исполнителей одной политики, выработанной высшей властью, — во многом положило начало слияние в 1923 г. Рабкрин Союзов ССР с Центральной контрольной комиссией¹⁴⁶. В последующий период это слияние медленно, но неуклонно продолжалось. Важное совместное заявление Центрального Комитета партии и Совнаркома от 16 августа 1926 г. относительно режима экономии, подписанное Сталиным, Рыковым и Куйбышевым (то есть партийным и государственным руководителями и лицом, совмещавшим обе функции), уже не казалось странным¹⁴⁷. Начиная с 1929 г. стало обычной практикой издавать совместные декреты от имени Центрального Комитета партии и ЦИК или Президиума ЦИК, хотя формальное различие продолжало сохраняться. Правило, согласно которому в непартийных учреждениях и организациях члены партии должны выступать единым фронтом, было направлено против оппозиции, выходившей со своими разногласиями за строгие рамки партийного форума¹⁴⁸. По мере того как разделительная линия между рядовыми членами партии и беспартийными сочувствующими становилась все менее четкой, оставалось мало практического различия между партийными и государственными институтами, и уже, казалось, не имело значения, издавал ли постановление или инструкцию партийный или непартийный орган или же документы являлись совместным творением обеих инстанций. Двойное подтверждение лишь придавало официальному заявлению известную обязывающую торжественность.

ПАРТИЙНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Исключение из партии за недостойное поведение, но часто и за нарушение партийной дисциплины было обычным явлением в партийной практике и причиной большой текучести членов партии. Как видно, выход и исключение из партии в 1926 и 1927 гг. происходили более или менее обычным порядком. За шесть лет (1922—1928 гг.) партию покинули 260 144 человек. В 1927 г. число вышедших из нее было близким к средней величине за этот период и равнялось 44 058 лицам. Из них 16 718 исключили по решению контрольных комиссий, а 27 340 или покинули ряды партии «добровольно», или же оказались «автоматически» выбывшими из-за неуплаты партийных взносов или неявки на перепись¹. Из числа исключенных в 1927 г. 36,8% стали членами или кандидатами еще до 1924 г. — обстоятельство, которое лишь до некоторой степени согласуется с утверждением о том, что большинство исключенных — это недавно принятые члены партии. Доля рабочих среди исключенных была немного ниже, а крестьян и служащих — слегка выше, чем их доля в общем количестве членов партии². В 1922—1927 гг. это было обычным делом. Генеральная чистка в партии не проводилась с 1921 г., когда ее организовали по предложению Ленина³. Исключения за фракционную деятельность, хотя и не столь многочисленные, как за другие проступки, явились именно теми, которые породили споры и сыграли зловещую роль в партийной истории. Внимание к вопросам партийной дисциплины постоянно подогревалось наличием внутрипартийной оппозиции. Рыков, в те дни защищавший линию партии против вновь сформированной «объединенной оппозиции», прибегнул к аналогии, с успехом применявшейся Лениным, и объявил, что всякий, кто нарушает «партийную дисциплину пролетарской диктатуры», хуже, чем «штрейкбрехер», нарушивший профсоюзную дисциплину⁴. Протестуя в 1927 г. в оппозиционной платформе против исключения «старых партийцев» и диктатуры партийного аппарата, Троцкий заметил: «Само собой разумеется, что после принятия решения оно претворяется в жизнь с железной большевистской дисциплиной»⁵. По мере того как летом и осенью 1927 г. экономическая ситуация ухудшалась, а борьба с оппозицией принимала все более ожесточенный характер, партийная дисциплина

становилась строже и жестче. Выступая в декабре 1927 г. на XV съезде партии от имени Центральной контрольной комиссии, Ярославский стремился приглушить тревогу, вызванную недавней волной исключений из партии. За два года, прошедших после предыдущего съезда, контрольные комиссии привлекли к ответственности в связи с различными проступками 93 тыс. членов партии, из них 83 тыс. человек понесли партийные взыскания и 28 563 человек исключили из партии. В 1926 г. объяснения давали 1,8% всех членов партии и кандидатов, в 1927 г. — 1,6%. Исключали примерно 1% в год. Причиной служили такие обычные нарушения, как длительное непосещение партийных собраний или неуплата членских взносов. Пьянство по-прежнему являлось грехом. Однако Ярославский нарисовал в общем-то обнадеживавшую картину: «Всякая парторганизация вам скажет, что в партии нашей стало меньше склок, которые раньше иногда разъедали организацию... Меньше стало конфликтов также на национальном уровне, гораздо меньше».

Стало «гораздо меньше... пьянства, меньше нарушений партдисциплины и меньше растрат и задолженности»⁶. Затем Ярославский остановился подробнее на исключениях из партии по политическим мотивам. За время, прошедшее с последнего съезда, 2031 члену партии предъявили обвинение во «фракционной деятельности», из них 970 исключили (это вызвало громкие возгласы: «Мало, мало, всех их надо исключить»). Центральная контрольная комиссия, по его словам, проявила большую мягкость. Из представших перед ней 75 членов партии она исключила лишь 19. Выслушав 146 апелляций, связанных с решениями местных комиссий об исключении, ЦКК подтвердила только 47. Касаясь обвинений в том, что против членов партии будто бы использовали ОГПУ, Ярославский заметил, что «ГПУ мы должны взять под свою защиту». И в сдержанных тонах он подытожил: «Мы выбросили оппозицию из своих рядов, а самокритику должны усилить, допустить в своих рядах добросовестную товарищескую самокритику»⁷.

Наряду с заявлениями, отлучавшими оппозицию, съезд в главной резолюции по отчету Центрального Комитета призвал к «развитию внутрипартийной демократии, деловой критики недочетов как в советском аппарате, так и в самой партии»⁸.

В вопросе партийной дисциплины, как и в наступлении на кулачество, XV съезд партии занял двойственную, промежуточную позицию.⁹ Он одобрил первое массовое исключение ведущих членов внутрипартийной оппозиции и меры полицейских репрессий против некоторых из них, но продолжал в то же время заявлять, что никаких коренных изменений в позиции не предполагается и что нормы «внутрипартийной демократии» и критики в рамках партии остаются неизбывными¹⁰. Как и в кампании против кулаков, события первых месяцев 1928 г. дали толчок радикальным переменам в позиции и политике, которые, если смотреть ретроспективно, предопределялись многим, произошедшим до того, и

особенно решениями XV съезда партии. Хлебозаготовительный кризис и последовавшее за ним в скором времени раскрытие «шахтинского дела»¹¹, породили атмосферу тревоги и подозрений, в которой призрак внутрипартийного инакомыслия приобрел угрожающие размеры и подлежал изгнанию во что бы то ни стало с помощью самых суровых мер.

Провал с хлебозаготовками обнажил серьезные и застарелые недостатки деревенских партийных организаций. В самый разгар прокрестьянской ориентации XIV партийная конференция в апреле 1925 г. потребовала «частичной проверки тех волостных (а также уездных) партийных организаций, где в составе организаций сказывается влияние разложившихся и оторвавшихся от партии элементов, дискредитирующих партию в глазах крестьянства»¹². В декабре 1925 г. XIV съезд партии предложил Центральной контрольной комиссии и Рабкрину провести в деревне проверку «работы низовых как партийных, так и советских органов»¹³. Но это мало что дало¹⁴. Слабость партии на селе имела двоякую причину. Членов партии было очень мало, а их уровень — низким. Между тем отдельные партийные работники благожелательно относились к кулакам и зажиточным крестьянам, особенно в то время, когда политические деятели в Москве смотрели на эту группу населения с известной снисходительностью¹⁵. Вину за провал с хлебозаготовками возложили на партийных работников, которые были или не способны, или же не желали оказывать давление на крестьян, прятавших зерно. Центральный Комитет партии в постановлении от 13 февраля 1928 г. потребовал «проверки и решительной чистки партийных... организаций»¹⁶. Хотя на этот счет не было никаких решений, Сталин позже заявил, что благосклонно настроенные к кулакам элементы были «вычищены из партии весной этого года»¹⁷.

Более серьезные нарушения долга имели место в высшем руководстве, и к ним отнеслись со всей строгостью. Чтобы сохранить крупные землевладения, в Крымской АССР воспользовались записанным в земельном законодательстве особым правилом, которое разрешало оставлять в целостности большие земельные участки, занятые специальными культурами¹⁸. Зимой 1927/28 г. арестовали по обвинению в «резко кулацком уклоне в земельной политике и практике Крымского правительства»¹⁹, предали суду и расстреляли председателя Крымского ЦИК Ибраимова, на которого возложили вину за многочисленные злоупотребления. «Шахтинское дело» усилило растущее ощущение, что с партией не все благополучно. Статья, опубликованная в «Правде» 10 марта 1928 г., через несколько дней после того, как разразился шахтинский скандал, указывала на «вопиющие недостатки» во всех сферах государственной работы. В следующем месяце Центральный Комитет партии в постановлении по данному делу говорил о

«притуплении коммунистической бдительности и революционного чутья наших работников в отношении классовых врагов»²⁰. Летом 1928 г. проверке подвергли еще восемь крупных областных организаций; 2130 членов, или от 6 до 18% состава затронутых организаций, исключили из партии²¹. Кампания за повышение бдительности вскрыла в местных партийных организациях серьезные неурядицы.

Наибольшую известность приобрел так называемый «смоленский скандал». Первые признаки нарушений в Смоленской партийной организации появились в конце 1927 г. в связи с хлебозаготовительным кризисом. После упущений с техническими культурами в 1926 г.²² крестьян западного региона уговорили увеличить в 1927 г. производство льна, пообещав обеспечить зерном из других источников. Из-за фиаско с хлебозаготовками в осенние месяцы 1927 г. обещанное зерно не поступило, и на собраниях 28—29 декабря 1927 г. Смоленский губернский парткомитет оказался лицом к лицу с безобразным призраком голода. Крестьяне резали скот, толкли для употребления в пищу овес и льняное семя, угрожали «голодными демонстрациями». Было решено послать в Москву секретаря комитета Павлюченко, чтобы протолкнуть поставки зерна²³. Очевидно он преуспел. На конференции секретарей уездных партийных комитетов 12 февраля 1928 г. было заявлено, что, благодаря, несомненно, улучшению положения с хлебозаготовками, в январе 1928 г. поступил один миллион пудов зерна и что есть надежда — с разрешения Наркомторга закупить еще зерна на свободном рынке. При распределении государственных запасов предпочтение следовало отдавать тем, кто сдал лен²⁴. Непосредственный кризис был предотвращен. Но партия в Смоленске, как и повсюду, пережила серьезное потрясение. И конечно же, нужно было найти козла отпущения. Наиболее серьезным преступником оказался, по-видимому, старый большевик Покалн, чья жена — дочь «спекулянта» — ранее была замужем за «валютчиком». Покалн, работник губернского госторга, пьянствовал в обществе собутыльников, брал взятки и водил компанию с кулаками. Таким образом, «под флагом партийности осуществлялась кулацкая политика, и началось превращение деревенских коммунистов в кулаков. 20 января 1928 г. Покална сняли с поста инспектора по торговле льном²⁵; обвинения в его адрес легко вписывались в актуальную тему, «усиленного наступления на кулака».

Но и Павлюченко не обладал иммунитетом. У него, вероятно, были враги, доносившие в Москву²⁶. Для проведения расследования в Смоленск из Москвы прибыли два инспектора Центральной контрольной комиссии²⁷. В результате ли их расследования или по какой-то другой причине, но наружу выплыла новая скандальная история, связанная с местной деревообделочной фабрикой, названной «Катушка», на которой Павлюченко работал в течение 12 лет. Мастера, некоторые из них члены партии, якобы устраивали пьяные оргии, запугивали рабочих увольнением. 28 апреля

1928 г. сложившуюся ситуацию рассматривал губернский партийный комитет. В ходе обсуждения историю с «Катушкой» весьма знаменательно, хотя и не совсем заслуженно, называли «еще одной Шахтой», а один из выступавших добавил, что «необходимо из этого сделать политические выводы». Через два дня бюро комитета приняло строгую, подписанную Павлюченко резолюцию о роспуске фабричной партийной ячейки, исключении ряда работников и других нарушителей из партии и увольнении директора фабрики²⁸.

Если проявление суровости предназначалось для того, чтобы предотвратить дальнейшие репрессии со стороны центра, то это успеха не имело. Центральная контрольная комиссия, получив доклад двоих инспекторов, решила вмешаться. И 9 мая 1928 г. президиум ЦКК принял постановление, широко освещавшееся в печати. В нем случившееся на фабрике «Катушка» было названо «извращением классово-й линии» и рекомендовалось снять Павлюченко и его главных помощников с партийной работы и направить на производство. В губернии предстояло провести перевыборы на основные партийные должности²⁹. Однако в условиях преобладающих весной и летом 1928 г. в партийном руководстве настроений данные санкции показались слишком мягкими. Заместитель председателя Рабкрин Яковлев заявил в статье, напечатанной в «Правде», что «мы должны решительно изменить свое отношение к тем членам партии и сознательным рабочим, которые знают о безобразиях и молчат»³⁰. В одной из статей «Большевика» подчеркивался политический подтекст дела. Случившееся объяснялось «усвоением коммунистами буржуазной идеологии», которая неминуемо привела к эксплуатации, разложению и культу личной карсисовой жизни. Павлюченко-де вместе с руководителем губернского Агитпропа Панфиловым и председателем губернского Совета профсоюзов Алексеенковым образовал группировку, которая, не принимая личного участия в имевших место противозаконных действиях, закрывала на них глаза, мешала расследованию позорных поступков. Панфилов сделал вид, что злоупотребления на фабрике «Катушка» не выходят за рамки нескольких инцидентов, произошедших в течение четырех лет. Среди отстраненных от должности был и Никитин, председатель губернской Контрольной комиссии³¹.

Тем временем Центральная контрольная комиссия, очевидно, решила в назидание другим наказать организацию, которая, возможно, не провинилась сильнее других. Яковлев лично прибыл в Смоленск и 18 мая 1928 г. созвал совместное заседание губернского комитета партии, местной Контрольной комиссии и актива партийных работников губернии — всего свыше тысячи человек. Перед этой массовой аудиторией Яковлев нарисовал мрачную картину пьяных и сексуальных оргий и всевозможных извращений. Он объявил, что 60 местных партийных работников уже арестованы (и этого было «недостаточно»), что для укрепления партийной орга-

низации в губернию прислали новых людей. В их числе новый секретарь губернского партийного комитета и новый председатель Контрольной комиссии. Организацию охватила паника. Как сообщали, рядовые члены партии потребовали сурового наказания преступников. Вместе с тем доверие к партии было явно поколеблено. Стали слышны антисемитские высказывания, обычные в данном регионе и имеющие тенденцию отождествлять евреев с коммунистами³². Яковлев посетил и расположенный в 30 милях от Смоленска сельский районный центр Кардымово и обнаружил восемь старых земельных поместий и несколько кулацких владений, которые никто не беспокоил³³. 1 июня 1928 г. вступил в должность новый секретарь губернского партийного комитета Борисов. Перед этим он имел беседу со Сталиным и заручился обещанием улучшить снабжение губернии продовольствием. Между тем имели место еще волнения среди работниц текстильной фабрики, вызванные введением трехсменной системы. Приехавшего на фабрику Борисова сердитые работницы встретили выкриками³⁴. Положение партии, очевидно, продолжало оставаться ненадежным. В партийных кадрах произвели радикальные изменения. Объявили о новых назначениях в администрации и профессиональных союзах³⁵. В августе 1928 г. Центральная контрольная комиссия решила послать представителя президиума для руководства проверкой местных партийных и советских ячеек в Смоленской партийной организации и постановила пригласить для участия в проверке беспартийных рабочих и крестьян³⁶. Только в феврале 1929 г. Центральный Комитет партии и Центральная контрольная комиссия в совместном постановлении смогли говорить о «вскрытии нарыва» и записать, что «почти целиком обновился состав руководящих парторганов — от губкома до бюро ячеек». Из прежних членов партийного губкома, губернского исполнительного комитета Советов и губкома профсоюзов только десятеро сохранили свои посты. Из 10 секретарей уездных и районных комитетов остались лишь двое. От 476 членов партии потребовали объяснений и 150 исключили из партии, а в постановлении с угрозой заметили, что «ни в коем случае не приходится считать работу по оздоровлению Смоленской губернии законченной»³⁷.

Растущие экономические трудности, «шахтинское дело» и разоблачения позорных поступков в партии — все это, вместе взятое, вызвало чувство тревоги и побудило Центральный Комитет партии выступить с обширным обращением ко всем членам партии и рабочим, которое появилось на первой странице газеты «Правда» 3 июня 1928 г. и постоянно цитировалось во всех важных выступлениях. В нем осуждалось ослабление партийной дисциплины, приводились примеры шахтинского, смоленского и артемовского дел³⁸. Новым было требование большей «внутрипартийной демократии», самокритики в рамках партии «сверху донизу» и «не взирая на лица». В постановлении Центральной контрольной комиссии от 29 августа 1928 г. пространно толковалось о «самок-

ритике»³⁹, а в постановлении по партийным делам, принятом Центральным Комитетом на заседании в ноябре 1928 г., говорилось о необходимости «жесткой самокритики» в партии, о «смелом и последовательном проведении пролетарской самокритики», которая особенно рекомендовалась профессиональным союзам как средство преодоления бюрократических недостатков⁴⁰. Сославшись на Гоголя и Салтыкова-Щедрина, Калинин заметил, что «русским очень свойственно» критиканство, но он высказался против «беспощадной» и «огульной» критики, не принимающей во внимание заслуги⁴¹. Через месяц «Правда» обратила серьезное внимание на перегибы, имевшие место на одной из уездных партийных конференций, где местные руководители душили критику, приписывая троцкистский уклон тем членам партии, которые выражали свое мнение о составе уездного комитета⁴², а журнал Центрального Комитета в осторожной форме искал возможность воссоединить самокритику с партийной дисциплиной. Он писал: «Подлинная большевистская дисциплина может быть только на основе подлинной демократии и самокритики»⁴³.

По поводу этой кампании Троцкий едко заметил, что призыв к самокритике содержит *«секретный параграф, освобождающий Центральный Комитет (или, более точно, верхушку сталинской фракции) вообще от всякой критики»*⁴⁴.

Исключение в конце 1927 г. руководителей «объединенной оппозиции» из партии помогло подготовиться к бою на другом фронте. Теперь все было настроено на борьбу с правым уклоном, который черпал силу в деревенских организациях. Они давно находились под подозрением у высших партийных кругов Москвы и весной 1928 г. почувствовали давление партийной дисциплины⁴⁵. Проведенная в 1928 г. проверка семи губернских и областных партийных организаций (в числе которых, несомненно, был и Смоленск) закончилась исключением из партии 13% членов⁴⁶. В октябре и ноябре 1928 г. из Московской организации вывели сторонников Бухарина⁴⁷. Когда не афишировавшийся до тех пор разрыв с Бухариным и правой оппозицией должен был вот-вот стать достоянием гласности, руководители решили, что пришло время для радикальной очистительной операции. На заседании Центрального Комитета партии в ноябре 1928 г. Молотов осторожно заметил, что «развертывание самокритики уперлось в чистку партии», которая «стучится к нам в дверь», что многие местные партийные комитеты и контрольные комиссии требуют чистки. Однако, по его словам, нужно было к ней тщательно подготовиться, а в сельской местности увязать ее с призывом в партию бедноты и батраков⁴⁸. В постановлении, посвященном главным образом вербовке в партию, доказывалось, что ее необходимо «соединять со строгой проверкой теперешнего состава партии и самой решительной чисткой его от социально чуждых, примазавшихся, обюрократившихся и разложившихся элементов». Постановление

потребовало «по сравнению с последними годами более твердых мер по очищению партийных организаций изгнанием из них элементов, использующих пребывание в правящей партии для своих корыстных и карьеристских целей, элементов буржуазно-мещанского перерождения, сросшихся с кулачеством и т. п.»⁴⁹. Это было что-то меньшее, чем официальное объявление о генеральной чистке. Однако руководители теперь устремились именно в данном направлении. В начале следующего года Центральная контрольная комиссия разослала местным комиссиям циркуляр, в котором информировала о том, что вопрос о чистке будет рассматриваться на предстоящей XVI партийной конференции, дала указание к ней подготовиться и обратить особое внимание на подбор членов местных комиссий, которым придется проводить чистку⁵⁰. В статье, опубликованной в «Правде», Ярославский весьма знаменательно напомнил различные высказывания Ленина о необходимости партийных чисток⁵¹. В феврале 1929 г. Ярославский подробно познакомил участников Московской губернской партийной конференции с проведенной местными контрольными комиссиями выборочной чисткой. Среди множества приведенных статистических данных примечательным явился тот факт, что из вызванных в комиссии в связи с пьянством только 24% были исключены из партии, а из призванных к ответу за фракционную деятельность — 52%. Из 3865 членов партии, опрошенных по поводу оппозиционной деятельности, 2972 объявили о разрыве с оппозицией, хотя, как оказалось, некоторые продолжали распространять оппозиционную литературу. В заключение Ярославский заявил: «Чистка партии должна быть генеральной, она должна охватывать всю нашу партию». В докладе на конференции Бауман также упомянул «решительную чистку» партийных рядов, которая должна начаться после всесоюзной конференции⁵².

Таким образом, условия для официального объявления чистки на XVI партийной конференции теперь были созданы. 29 марта 1929 г. Ярославский представил собранию Московской партийной организации тезисы, которые ему предстояло изложить на конференции. Его доклад был в значительной мере направлен против деревенского компонента партии. Он критиковал заводских рабочих, сохранивших базу в деревне и рассматривавших работу на заводе «только как средство обогащения деревенского хозяйства». Партия на селе, по его словам, включала множество «мелких хозяев» с соответствующей психологией⁵³. Ярославский совершенно ясно дал понять, что основная направленность чистки — идеологическая. Главное требование — «классовый подход». Членов партии следовало оценивать «с точки зрения выполнения ими задач классовой борьбы... задач социалистического строительства». Необходимо было избегать таких инквизиторских методов, как, например, опрос соседей относительно личного поведения члена партии. Ярославский сказал, что партия против «мелочного копания в личной жизни партийцев, против опошления этой чистки»⁵⁴.

На следующий день Центральная контрольная комиссия официально утвердила тезисы и сразу же опубликовала их в «Правде»⁵⁵. В них разъяснялось, что в период, «связанный с социалистическим наступлением на капиталистические элементы города и деревни, с обострением классовой борьбы», партия призвана «усилить сопротивление влиянию мелкобуржуазных элементов, сделать партию более однородной». Особое внимание уделялось деревенским партийным ячейкам. Нужно было «решительно очиститься от проникших в них классово чуждых элементов и тех, кто смыкался с кулацкими элементами, — торговцами, баями и церковниками». Чистка, указывалось еще раз, имела целью «сделать партию более однородной, освободить ее от всего некоммунистического». Следовало «безжалостно изгонять» «скрытых троцкистов, мясниковцев, демократических централистов и руководителей других антипартийных группировок». Тезисы заканчивались рекомендацией — закончить чистку до XVI съезда партии, который намечалось созвать в конце 1929 г.

Однако несмотря на критику Ярославского⁵⁶, смоленский прецедент повторился, и беспартийные рабочие и крестьяне участвовали в чистке, присутствуя на собраниях, где обсуждались биографии членов партии. В одной из статей журнала Центрального Комитета подобная процедура оправдывалась (любопытный образец затушевывания различия между членами партии и беспартийными сочувствующими) не только на том основании, что оценка «беспартийным активом» поведения членов партии полезна, но также и потому, что она якобы позволяла обнаружить новые элементы, способные заменить «разложившихся, окулачившихся и обюрократившихся коммунистов»⁵⁷. Представление резолюции, включавшей тезисы, участникам конференции отложили (случайно или преднамеренно) до последнего заседания. Тем временем в ходе консультаций с представителями комиссий согласовали текст инструкции, которую предстояло разослать местным контрольным комиссиям, и Ярославский, таким образом, мог поставить конференцию перед свершившимся фактом. Однако это не спасло его от некоторых критических возгласов. В своем выступлении он модифицировал прежний упор на политический аспект чистки, который широко фигурировал как в тезисах, так и в инструкции, а остановился главным образом на таких социальных извращениях, как пьянство, и незначительных нарушениях норм партийной жизни⁵⁸. Резолюция не обсуждалась и была единогласно принята без поправок⁵⁹. Письма с инструкцией о порядке проведения чистки, подписанные Ярославским в качестве секретаря партийной коллегии Центральной контрольной комиссии, направили в национальные партийные организации, ячейки непродуцированных (советских и административных) органов и учебных институтов, в деревенские ячейки и в ячейках Красной Армии⁶⁰.

Чистку провели в течение оставшегося периода 1929 г. Как, очевидно, было и задумано, ее осуществили с особой суровостью в

деревенских партийных ячейках. Проверке подвергли 128 тыс. деревенских членов партии, или 80,8% от всех проживающих в сельской местности, и исключили из партии 15,7%. Члены партийных ячеек заводов и мастерских проверялись не столь строго. Здесь доля исключенных достигла 8%⁶¹. Статистические данные с указанием причин исключения не публиковались. Однако резонно предположить, что известных сторонников правой оппозиции, более многочисленных в сельской местности, чем в городах и на заводах, успешно устранили. В предварительном отчете указывалось (без детализации), что недостатки обнаруживались даже у «руководящего персонала». Из данной категории исключили 0,4%, получили замечание — 4,7%. Данные с одного из участков, который, вероятно, является типичным, показали, что во время чистки 42,1% членов исключили как «чуждых элементов», 25 — за проступки морального порядка, 20,2 — за пассивное отношение к партийным делам; 56,5% исключенных вступили в партию в 1926 г. и позднее⁶². Калинин отверг ту точку зрения, что решающим критерием служила классовая принадлежность. Он, в частности, сказал: «Если человек в своей практической работе проявляет себя как чуждый нам элемент, его следует вычистить, даже если он архипролетарий»⁶³. В некоторых местах слишком много внимания уделяли подробностям биографии и недостаточно проверялись «стойкость члена партии и его сопротивляемость мелкобуржуазному влиянию»⁶⁴. Согласно окончательным данным, представленным на следующий год XVI съезду партии, общее число исключенных во время чистки равнялось 130 тыс., или 10,2% всех проверенных. Однако после рассмотрения апелляций в Центральной контрольной комиссии 24,2% в партии восстановили, что снизило общее количество исключенных до 99 600 человек. Говорили, что из их числа 16,9% были исключены как «чуждые элементы» или «связанные с чуждыми элементами». Кроме того, 10% исключили за нарушение партийной дисциплины, например за «фракционную деятельность»⁶⁵.

ПАРТИЙНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Коммунистическая академия — высший официальный орган партийного образования и идеологический центр партии — по-прежнему действовала довольно неэффективно¹. В ноябре 1926 г. академия получила новый Устав, в котором ее функции определились как научно-исследовательская работа, «борьба с буржуазными и мелко-буржуазными извращениями марксизма» и подготовка «кадров высококвалифицированных работников в области теории и практики марксизма и ленинизма». Академия находилась в ведении ЦИК СССР, который подтверждал избрание новых членов². С возрастанием напряженности в хозяйственной и политической ситуациях не заставили себя долго ждать и трудности идеологического порядка. После публикации в 1926 г. «Новой экономики» Преображенского, президент академии Покровский всячески старался доказать, что Академия никогда не поддерживала изложенные в книге взгляды³. Разногласия по всей видимости имели место и на сессии Академии в январе 1927 г., на которой Покровский твердо заявил, что задача Академии — отстаивать «настоящую ленинскую точку зрения» и что «столь высокое научное учреждение» не должно быть «нейтрально»⁴. В июле 1927 г. Академия, вероятно, впервые представила Центральному Комитету партии подробный отчет о своей деятельности, и ЦК принял постановление, в котором назвал Академию «центром научной работы коммунистической мысли» и дал понять, что обсуждение актуальных вопросов на страницах ее журналов или в других публикациях должно «сопровождаться со стороны Комакадемии изложением точки зрения партии»⁵. В одной из статей «Правды» вице-президент Академии Милютин сделал вывод, что ее успех в будущем зависит «от того, насколько Коммунистической академии удастся организовать еще в большей степени теоретические силы партии»⁶. План работы Академии на 1927—1928 гг. был составлен на основе директив партии⁷.

Коммунистическая академия медленно, но верно развивалась по установленной таким образом линии. На очередном годичном собрании в марте 1928 г. из нее исключили таких видных членов, как Преображенский, Радек, Раковский, В. Смирнов и Троцкий⁸. На последовавшей конференции марксистско-ленинских научно-ис-

следовательских институтов⁹ вице-президент Академии Милютин с самодовольным видом говорил о той миссии, которую по Уставу возложил на нее ЦИК, и заметил, что к «марксизму обращаются ранее чуждые и даже враждебные ему элементы». В качестве примера он привел недавние инициативы химиков и создание специалистами общества для содействия социалистическому строительству¹⁰. Когда же, однако, на конференции появились признаки острого раскола между «механистами» и «диалектиками» по вопросу отношения философии и науки, Милютин отказался обсуждать проблему или заклеить механистов как «ревизионистов» и заявил, что Академия должна допускать «столкновение мнений по тому или иному теоретическому вопросу»¹¹. Более актуальным был настоятельный призыв Милютина к «переходу от индивидуальной работы к коллективным работам». Процесс производства, по его словам, протекал от индивидуального доклада через обсуждение его в рабочей тематической группе к «коллективному печатному труду»¹². К концу 1929 г. стиль коллективного авторства прочно утвердился. И хотя он иногда критиковался, как снижающий личную ответственность¹³, этот стиль (может быть, именно поэтому) продолжал распространяться. В начальные годы своего существования Коммунистическая академия публиковала научные труды¹⁴. Когда же задача обучения начала преобладать над исследовательской работой, главное внимание переключили на учебники. На конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений в марте 1928 г. Милютин резко критиковал низкое качество многих учебников, использовавшихся в вузах и комвузах. Другой делегат заметил, что «издать хороший марксистский учебник... — это не менее важная задача, чем выпуск десятка монографий»¹⁵. Позже издание стандартных учебников по многим предметам в соответствии с партийной линией и, как правило, в коллективном соавторстве стало нормальной функцией Академии.

В первый период своей преподавательской деятельности Академия учредила двухгодичные курсы по марксизму¹⁶. В ноябре 1926 г. Центральный Комитет партии потребовал дальнейшего расширения курсов¹⁷. На общем собрании Академии в январе 1927 г. Покровский, называвший курсы «известным способом массового просвещения, осуществляемого Академией», заявил, что число слушателей недостаточно. И позже было объявлено о выделении денежных средств для обеспечения ежегодного приема до 130 человек¹⁸. Постановление партии от 7 апреля 1927 г. ограничило прием партийными работниками, вступившими в партию после 1918 г. и проработавшими 5 лет в провинции на ответственной партийной, профсоюзной или советской должности¹⁹. Впоследствии ежегодный набор увеличили до 200 человек, что довело общую численность обучавшихся до 400, из которых 30% должны были быть женщинами. Установили правила организации специальных курсов для членов комсомола²⁰. Все эти курсы предназна-

начались для подготовки высших партийных идеологов и должностных лиц.

Оказавшийся теперь под руководством и влиянием Бухарина, Институт красной профессуры с ректором Покровским придерживался в борьбе с объединенной оппозицией безупречной ортодоксальной партийной линии²¹. Это привлекло к институту благосклонное внимание, и выпускную церемонию 30 мая 1926 г. по случаю окончания учебного заведения сорока шестью слушателями украсила речь Молотова²². В то же время проявилось стремление сделать институт более полезным в практическом плане. Своим постановлением от 7 июня 1926 г. Центральный Комитет партии решил увеличить продолжительность обучения на курсах до четырех лет, обязав слушателей, начиная со второго курса, вести преподавание в вузах и комвузах²³. Год спустя, 3 июня 1927 г. ЦК потребовал пересмотреть программы, «с тем чтобы в них было уделено больше внимания увязке научной работы с проблемами, стоящими перед партией». Еще раз напомнили об условиях, согласно которому слушатели после второго года обучения обязаны были заниматься преподаванием. Агитпропу следовало следить за тем, чтобы окончившие институт использовались, как правило, на преподавательской работе и не привлекались к другого рода деятельности²⁴. В отчетном докладе Центрального Комитета XV съезду партии в декабре 1927 г. с удовлетворением отмечался тесный контакт с Агитпропом, выражавшийся как в участии Агитпропа в делах института, так и в использовании выпускников института в работе Агитпропа²⁵. В 1927 г., по предложению Покровского, рамки института раздвинули путем создания вечернего Коммунистического университета с продолжительностью обучения в 2—3 года²⁶.

Год 1928-й оказался для Института красной профессуры богат событиями. Он начался довольно спокойно с обычного постановления Центрального Комитета партии о наборе слушателей на следующий учебный год. Необходимо было увеличить долю рабочих, и кандидатам требовалось сдать вступительные экзамены по русскому языку и математике. Принять предстояло 400 человек. За этим последовало циркулярное письмо ко всем партийным организациям с просьбой отобрать кандидатов с высокой политической и общеобразовательной подготовкой²⁷. Однако речь Сталина в институте в мае 1928 г. явилась, по-видимому, отправным пунктом кампании, которая в течение последующих нескольких месяцев ликвидировала преобладающее влияние Бухарина и его сторонников в институте и превратила это заведение в преданное и послушное орудие партийного большинства²⁸. Последствия для института были огромны. Согласно более позднему обобщению группа подлежащих исключению из института последователей правооппортунистической «Бухаринской школы» оказалась «не менее значительной», чем группа, которая образовала «идеологическое

ядро» троцкистов в 1923—1924 гг., а это означало, что из 236 окончивших институт в 1924—1929 гг. многих признали неподходящими для назначения²⁹. Собрание партийной ячейки 23 октября 1928 г. было откровенно политическим событием. Секретарь ячейки Крумин похвалялся борьбой, которая велась против руководителей Московской организации, чьи колебания являлись «выражением правой опасности». По фамилии называли Рютина, одного из московских руководителей, только что снятого со своего поста. Присутствовавший на собрании руководитель Агитпропа Криницкий призвал ячейку «разъяснить партийным массам сущность и опасность правого уклона»³⁰. Эти события явно огорчили Покровского. В неопубликованном письме Криницкому он назвал себя «плохим ректором: ни администратором, ни политическим директором» — и добавил, что на должность последнего нужен член ЦК. По его словам, институт представлял собой «слишком крупное и сложное учреждение для меньшего партийного калибра»³¹. Чувствовалась, однако, надежда на будущее. Когда Центральный Комитет партии в апреле 1929 г. вновь рассмотрел дела института, то отметил, что доля рабочих среди слушателей возросла с 7% при первом наборе в 1921 г. до 40% в 1929 г. (меньше, чем 60% названных в партийной резолюции в 1927 г.). Теперь институт включал следующие семь отделений: экономическое с аграрной секцией; историческое; историко-партийное; философское; правовое; литературное; естественное. Было решено создать подготовительное отделение для подходящих кандидатов к поступлению в институт. 80% слушателей данного отделения должны были быть рабочими, 20% — крестьянами³².

Университет им. Свердлова в Москве, другие университеты и институты высшего партийного образования (комвузы)³³ продолжали расширять свою деятельность, цель которой теперь недвусмысленно определялась постановлением Центрального Комитета партии от 22 апреля 1927 г. и состояла в том, чтобы «готовить квалифицированные партийные кадры»³⁴. Бауман даже опасался «перепроизводства должностных коммунистов» и осуждал членов партии, которые, закончив обучение в комвузе, требовали места в Госплане или в ВСНХ, или же в каком-либо партийном комитете и не хотели работать на заводе или в деревне³⁵. Но, как видно, на первом плане были все-таки другие заботы. Всесоюзная конференция работников комвузов разработала для этих учреждений новое положение, которое, как и предполагается, было утверждено ЦК 24 июня 1927 г. В нем говорилось, что повышение «политического и культурного уровня всей массы» членов партии и комсомола требовало более интенсивного обучения. Но одна из целей, несомненно, сводилась к тому, чтобы мобилизовать комвузы на защиту партийной ортодоксальности от нападок оппозиции. Следовало положить конец «попыткам отдельных комвузов отказаться от постановки особого курса ленинизма» (марксизма было

уже недостаточно) и вести борьбу с различными формами «реви-зионизма». Наряду с другими предметами рекомендовалось изучать: капиталистические страны (особенно Англию); колониальные и полуколониальные страны (прежде всего Китай); взаимоотношения между пролетариатом и крестьянством; ультраправых врагов большевизма; социалистическое строительство СССР. Комвузы должны были также помочь в организации «вечерних коммунистических университетов, совпартшкол, курсов и кружков для актива партии и комсомола»³⁶. Но еще больше предстояло сделать. В то время отмечалось, что из каждых 10 тыс. жителей в высшие учебные заведения поступали: в США — 43, во Франции — 16 (имелись в виду якобы только университеты), а в РСФСР — 11 человек (в других республиках Советского Союза эта цифра, вероятно, была еще ниже)³⁷. Лишь незначительный успех сопутствовал усилиям по увеличению доли рабочих и снижению доли служащих среди зачисляемых в эти учебные заведения³⁸. В одной из статей, появившейся в 1928 г., резко критиковалась проделанная коммунистическими университетами работа. Студенты экономического факультета, изучавшие сельские кооперативы, «оперировали выдуманными цифрами, сообщенными им работниками». Они были лишены возможности проверить точность этих цифр. Курс политической экономии строился как «теория абстрактного капитализма»; теория денег, которой обучали студентов, не давала представления о «денежных явлениях, какие имеют место в системе советского хозяйства»³⁹.

Следующими в иерархии учреждений политического образования шли советско-партийные школы нескольких видов⁴⁰, которые давали высшее образование и были предназначены, подобно комвузам, для подготовки партийных работников более высокого ранга. Их растущее значение подчеркивалось постановлением Центрального Комитета партии от 28 июня 1926 г., которым ликвидировались одногодичные совпартшколы (сохранялись лишь в национальных республиках) и оставлялись только двухгодичные. Одновременно ЦК дал указание парткомам на местах осуществлять «действительный контроль и политическое руководство» работой этих школ⁴¹. Другое постановление от 20 мая 1927 г. ограничило прием, как правило, членами партии с партийным стажем не менее двух лет и членами комсомола с трехгодичным стажем. Не более 25% мест разрешалось, в порядке исключения, представлять рабочим с производственным стажем не менее трех лет. Доля беспартийных среди вновь поступающих не должна была превышать 10%⁴². В 1928 г. существовало около 100 школ с 170 тыс. слушателей⁴³, которые становились «пропагандистами, партийными работниками и работниками партийного просвещения», но не «работниками массовых советских органов». Из окончивших обучение в 57 советско-партийных школах РСФСР в 1926 г. только 4% пошли на советскую работу⁴⁴. Пробел частич-

но восполняли на местах по собственному почину. Волостные и районные исполкомы организовывали для советских работников инструктивные курсы, которые включали курсы для бедняков, батраков, женщин — членов Советов и прежде всего для председателей и секретарей сельских Советов⁴⁵. Первоначально созданные в 1923 г. курсы для секретарей районных (ранее уездных) партийных комитетов, по всем признакам, преуспели⁴⁶. Выступая с речью 2 октября 1926 г. в связи с началом обучения четвертого набора, Молотов осудил Троцкого и оппозиционный блок⁴⁷. К 1927 г. число слушателей увеличилось с первоначальных 200 до 430 человек. Резервировались места для представителей окраинных регионов и небольших национальных групп. Допускались к приему только члены партии рабочего или крестьянского происхождения, с партийным стажем не менее пяти лет и стажем ответственной партийной работы не менее трех лет⁴⁸. Как видно, все учебные заведения для партийных или советских работников классифицировались как советско-партийные школы. Их число (в этом широком смысле) возросло с 353 (35 130 слушателей) в 1926/27 учебном году до 593 (45 010 слушателей) в 1927/28 учебном году⁴⁹.

Непрерывная цепь кризисов и возрастающее давление первых месяцев 1928 г. сказались на партийном образовании. Автор одной из публикаций в журнале Главполитпросвета за 1928 г. назвал материальные условия в советско-партийных школах «наиболее уязвимым участком нашей работы». Мрачные, тесные и грязные помещения, скверная пища в плохо оборудованных кухнях и столовых. Каждого, кто надеялся увидеть в этих школах «образ быта социалистического общества», ожидало разочарование⁵⁰. Состоявшаяся в мае 1928 г. конференция директоров советско-партийных школ⁵¹ не положила конец глубоко проникающей критике. В постановлении Центрального Комитета партии содержалось недовольство слабым увязыванием обучения с текущей партийной работой и низкой долей среди слушателей рабочих и батраков. Следовало сократить теоретические занятия и расширить изучение тематики, имеющей отношение к хозяйственному развитию, проблемам партии и к условиям местной практики. Слушателей нужно было подбирать по рекомендации партийных комитетов, консультируясь с Агитпропом и Наркомпросом. Рекомендовалось введение годичного заочного подготовительного курса⁵². Трудно определить, насколько действенным оказалось данное постановление. Вместе с тем 1 июля 1929 г. Центральный Комитет партии потребовал еще одной реорганизации советско-партийных школ и повторил многое из прежней критики⁵³.

Помимо специфических проблем, связанных с подготовкой партийных и советских работников, партийную общественность продолжал тревожить низкий уровень политического мышления и сознания рядовых членов партии, особенно когда партия стре-

милась вовлечь в свои ряды все больше и больше рабочих и крестьян. Партийная перепись 1927 г. выявила плохое положение с образованием членов партии. Это видно из нижеследующей таблицы:

	Члены партии в %	Члены и кандидаты	Женщины
		в %	
Высшее образование	0,9	0,8	1,5
Среднее образование	7,3	7,9	13,7
Низшее	63,2	62,8	75,8
Домашнее	26,4	25,8	36,2
Неграмотные	2,2	2,7	2,8 ⁵⁴

В партийной директиве от 16 мая 1927 г. проявилась озабоченность партийным образованием на первичном уровне. Для тех, кто не располагал даже зачатками политических знаний, обязательными в партийных школах могли быть только курсы политической грамоты. Следовало предоставить слушателям возможность свободного выбора по целому ряду тем, включая управление, финансы и сельское хозяйство. Нужно было уделять больше внимания кружкам и дискуссионным группам⁵⁵. Докладывая в декабре 1927 г. XV съезду партии, Косиор с удовлетворением рассказывал о расширении «добровольных кружков» и быстром росте вечерних школ⁵⁶. О необходимости обучения массы вновь вступивших в партию по «октябрьскому призыву» много говорилось в постановлении агитационно-пропагандистского отдела Центрального Комитета⁵⁷. По мере увеличения партийных рядов постоянно множилось количество школ и курсов, предназначенных для того, чтобы справиться с недостатками в политической подготовке.

Годы	Количество школ, курсов и кружков	Количество слушателей в них	% коммунистов	% женщин
1927—1928	42 543	754 568	62,2	16,4
1928—1929	48 202	862 649	53,8	18,2
1929—1930	52 315	1 177 013	43,6	21,4 ⁵⁸

Первоначальные трения между Главполитпросветом (управлением Наркомпроса) и агитационно-пропагандистским отделом ЦК партии, с одной стороны, и их соответственными региональными и местными органами — с другой, отошли в прошлое⁵⁹. Когда поста-

новлением Центрального Комитета партии от 20 мая 1927 г.⁶⁰ сельские передвижные школы, вечерние советско-партийные школы и вечерние курсы при комвузах перевели на бюджет Советов, то это диктовалось просто соображениями административного удобства, а также, возможно, отражало степень доступности данных учреждений для беспартийных слушателей. Формы обучения в городе и деревне на курсах для активных членов партии, в советско-партийных школах, в вечерних школах, в сельских передвижных и стационарных школах политграмоты, в кружках «самообразования» и в кружках для работниц и крестьянок были различными⁶¹. Количество созданных в 1925 г.⁶² краткосрочных вечерних совпартшкол увеличилось с 929 (42 811 слушателей) в 1927—1928 гг. до 1619 (74 468 слушателей) в 1928—1929 гг.; они считались «формой среднего звена системы партийного просвещения, которая наиболее отвечает потребностям и запросам основной массы членов партии»⁶³. Однако результаты этих усилий, по всей видимости, были скромными. Осенью 1928 г. Ярославский писал, что члены партии, но в особенности кандидаты, практически не получают никакого политического образования⁶⁴, а на XVI съезде партии в июне 1930 г. делегаты продолжали сетовать по поводу недостаточной грамотности партийных кадров в деревне и «исключительно низкого процента» членов партии, имеющих какую-либо «серьезную идейную подготовку»⁶⁵.

Помимо уровня образования членов партии, внимание начало привлекать обучение беспартийных, готовых сотрудничать с партией. В августе 1928 г. Центральный Комитет партии вновь подчеркнул значение курсов политграмоты и высказался за прием беспартийных⁶⁶. К тому времени разграничительная линия между членами партии и так называемым «беспартийным активом» оказалась размытой, особенно в деревне. Теперь на повестке дня стояла «массовая подготовка всего актива»⁶⁷. Обширное постановление Центрального Комитета партии от 24 июня 1929 г., включавшее программу партийного просвещения на предстоящий учебный год, подчеркнуло важность вовлечения не только вновь принятых в члены партии, но также «беспартийного рабочего и батрацко-бедняцкого актива»⁶⁸.

ГЛАВА 45

КОМСОМОЛ

Бурный VII съезд комсомола в марте 1926 г. закончился полным разгромом диссидентского меньшинства, принятием резолюций, подтверждавших подчиненность комсомола партийному руководству, и резким осуждением партийной оппозиции¹. В последующий период количество членов комсомола продолжало неуклонно расти и в марте 1928 г., к VIII съезду, «приблизилось к двухмиллионной отметке»². Его социальный состав, однако, стал предметом таких же споров, какие велись в те годы вокруг социального состава партии³. Увеличить приток членов в деревне — таковой с 1924 г. была общепризнанная политика комсомола, которая, однако, постоянно порождала недовольство, особенно когда в 1925 г. ее начали отождествлять с линией на терпимое отношение к зажиточным крестьянам⁴. Но какое-то время официальный курс оставался неизменным. Резолюция XIV съезда партии в декабре 1925 г. выступила за «организацию в комсомоле лучших середняцких элементов при опоре на бедняка и батрака», правда, «при отсутствии форсирования и надлежащей сдержке роста РЛКСМ в деревне». Боязнь перед середняком надлежало «решительно осудить»⁵. Эту формулировку принял в марте 1926 г. VII съезд комсомола, который наказал союзу в деревне «по-прежнему стремиться к охвату всей батрацкой и широких масс бедняцкой молодежи, вместе с тем при опоре на батрака и бедняка продолжать вовлечение в союз лучшей части середняцкой молодежи». В другой резолюции говорилось, что комсомольский актив в деревне должен состоять «из пролетарских и полупролетарских (бедняцких), а также лучших середняцких слоев, преданных партии и союзу»⁶. Резолюция Центрального Комитета комсомола, принятая в декабре 1926 г., отмечая, что доля батраков в союзе выросла с 9,5 до 11%, в то же время выразила недовольство тем, что привлечение в комсомол в деревне «сопровождалось чрезмерно форсированным ростом и недостаточным индивидуальным отбором» и что деревенский комсомол включал «несоразмерно высокий процент служащих»⁷.

Когда в марте 1927 г. собралась V конференция комсомола, партийная политика поддержки зажиточного крестьянина начала меняться и проблема была сформулирована в менее примиритель-

ных выражениях. Во всей своей деятельности в деревне комсомолу надлежало «обеспечить четкую классовую линию, помогая партии в защите интересов бедноты и батрачества и укрепляя союз бедноты со средним крестьянством против кулачества». Следовательно также поддерживать крестьянина, «поднимающего крестьянское хозяйство на началах кооперирования». С другой стороны, нужно было принять меры, чтобы не допустить «снижения рабочего и батрацкого ядра комсомола путем... необходимой сдержки роста союза в деревне, а также путем большего ограничения приема служащих и интеллигенции»⁸. Своим циркуляром от 4 марта 1927 г. Центральный Комитет комсомола ужесточил условия приема в союз детей лиц, лишенных избирательных прав⁹. В другом циркулярном письме три месяца спустя говорилось о пролетаризации, как «одной из важнейших гарантий правильного партийно-выдержанного руководства комсомольскими организациями»¹⁰. В сентябрьской (1927 г.) платформе оппозиции Троцкий утверждал, что комсомол «пополняется в деревне молодежью из середняков и зажиточных крестьян» и «превратился в источник разжижения партии мелкобуржуазными элементами»¹¹. В тревожном постановлении от 3 октября 1927 г. Центральный Комитет партии отметил резкое увеличение количества крестьян, небольшое снижение доли рабочих и недостаточный рост числа батраков в комсомоле. Подчеркивалась настоятельная необходимость сдерживать чрезмерную текучесть членов союза и «при наличии разнородного социального состава комсомола» улучшить состав партийного ядра и обеспечить «пролетарское руководство»¹².

Хлебозаготовительный кризис первых месяцев 1928 г. доказал ту же самую истину. Выступая в мае 1928 г. с докладом на VIII съезде комсомола, Бухарин много критиковал качество членского состава комсомола и его предписаний по выправлению положения¹³. Более 50% комсомольцев на селе будто бы являлись середняками и менее 30% — бедняками (или батраками). Остальные были зажиточными крестьянами или кулаками¹⁴. Отвергая чрезмерную критику Бухарина, Чаплин тем не менее раскрыл некоторые любопытные данные относительно состава комсомола в городах и на предприятиях. Он признал, что высококвалифицированные рабочие не вступали в комсомол или не проявляли желания выполнять в нем ответственную работу, но что, с другой стороны, комсомольская работа среди неквалифицированных рабочих велась слабо. Большинство членов приходило из среды полуквалифицированных рабочих¹⁵. Главная резолюция съезда повторила требование VI съезда относительно привлечения в комсомол всех молодых рабочих. Резолюция по работе в деревне потребовала «некоторой сдержки» приема середняцкой молодежи. Следовательно допускать только ту часть среднего крестьянства, которая «доказала преданность интересам партии и союза, активно помогает делу коллективизации, работе среди бедноты и батрачества, ведет борьбу с кулаком». Тот факт, что до сих пор комсо-

мольские организации в деревне росли преимущественно за счет приема служащих, был назван «ненормальным». Требовалось приложить больше усилий для привлечения «сельскохозяйственных рабочих, батраков и бедняков»¹⁶.

Особые проблемы возникали из-за частичного совпадения членского состава комсомола и партии, а также из-за признанной роли комсомола, как резервуара, откуда набирались члены партии. Между тем сама партия была еще очень молода. В 1927 г. 25% ее членов были моложе 25, 54% — моложе 30 и все 97% — моложе 50 лет¹⁷. Партийная перепись показала, что 204 190 членов партии, или 17,8% от общего числа, являлись одновременно и членами комсомола. В то же время, как это ни странно, 8,1% членов партии моложе 24 лет не принадлежали к комсомолу. Из лиц с двойным членством 26,1% записались рабочими, 7,6 — крестьянами, 30,5 — служащими и 19,1% — военнослужащими Красной Армии¹⁸. Из числа принятых в члены партии между 1926 и 1928 гг. 1/3 являлась комсомольцами¹⁹.

Но оставалась нерешенной судьба тех членов комсомола, которые, достигнув определенной Уставом возрастной границы в 23 года, не были приняты в партию. Главным образом, это были студенты, крестьяне и служащие, которые испытывали трудности с вступлением в партию из-за преимущественного права, предоставленного рабочим²⁰. На 1 января 1926 г. их число якобы достигало 123 тыс., на 1 января 1927 г. — 225 тыс. и на 1 октября 1927 г. — 313 тыс. человек²¹. В марте 1927 г. V конференция комсомола рекомендовала, чтобы эти люди искали место в «культурно-хозяйственной работе партии и государства (работа ЦКК — РКИ, Советы, кооперация и т. п.)» — вероятно, в качестве прелюдии к их изъятию из списков комсомола²². По оценкам Косиора, на XV съезде партии в декабре 1927 г. количество переростков среди членов комсомола достигнет к январю 1928 г. 350 тыс.; в том числе (по социальному положению): рабочих — 36%, крестьян — 39 и служащих — 25%. Не предложив никакого конкретного решения, он лишь высказал мысль, что их следовало бы использовать на общественной работе²³. Один из делегатов VIII съезда комсомола в мае 1928 г. полагал, что им нужно поручать такую работу, которая давала бы возможность доказать собственную пригодность быть членом партии и найти требуемых поручителей²⁴. Обострило проблему и принятое в ноябре 1928 г. Центральным Комитетом партии постановление, еще больше ограничившее рамки приема в партию именно для тех профессиональных категорий, к которым принадлежало большинство переступивших возрастной лимит комсомольцев²⁵. Сообщалось о непрекращающихся попытках устроить комсомольцев-переростков в Советы, кооперативы, профсоюзы и на другую общественную работу²⁶. Вместе с тем создавалось впечатление, что многим членам, во всяком случае в деревне, молчаливо позволяли сохранять свое членство и после достижения 23-летнего возраста, если

им не удавалось вступить в партию. Многие официальные работники комсомола (а на высшем уровне, вероятно, все без исключения) являлись членами партии. И из них значительная доля, должно быть, также превышала установленный возраст. Это несоответствие все больше проявлялось в возрасте избравшихся на съезде делегатов, почти поголовно членов партии. На VII съезде комсомола в марте 1926 г. только 21% делегатов были в возрасте 23 лет и старше; на VIII съезде в мае 1928 г. 50,8% делегатов с решающим голосом (или 53,7% всех делегатов) превышали этот возраст²⁷. В период, когда слышались жалобы относительно «ненормальной текучести» в рядах комсомола²⁸, было полезно в интересах поддержания стабильности организации не обращать внимания на уставные ограничения возраста.

Весной 1927 г. на советском небосклоне стали доминировать хозяйственные проблемы. Впереди вырисовывалась грандиозная задача индустриализации, и кампания за «рационализацию» была в полном разгаре²⁹. Повысить мастерство молодого рабочего, использовать его для поддержания этих компаний — таковой была теперь главная забота комсомола. Сталин впервые появился на комсомольском форуме в марте 1927 г., выступив на V конференции с короткой речью, половина которой была посвящена обсуждавшейся теме, а другая — текущим событиям в Китае, угрожавшим дискредитировать политику партии³⁰. Постановляющую часть главной резолюции конференции открывали следующие суровые строки:

«Важнейшей задачей ВЛКСМ в социалистическом строительстве является помощь партии хозяйственным органам и профсоюзам в организации производства, улучшении техники, поднятии производительности труда и снижении себестоимости промышленных товаров путем вовлечения во всю эту работу широких масс рабочих и рабочей молодежи. Поэтому особое внимание необходимо обратить на укрепление совместной деловой работы ВЛКСМ и профсоюзов... на разъяснение молодежи и взрослым рабочим значения и сущности социалистической рационализации, на поощрение изобретательства, на налаживание тесного сотрудничества молодежи со специалистами и мастерами и на борьбу с имеющимися в отсталых группах рабочих и молодежи реакционными настроениями против рационализации».

Это должно было сопровождаться решительной защитой экономических интересов и подъемом жизненного уровня молодых рабочих, что в резолюции также отмечалось как одна из «важнейших задач» комсомола³¹. Специальное упоминание общей для комсомола и профсоюзов задачи, последовавшее затем перечисление вопросов, по которым профсоюзы проявляли мало понимания к особым запросам молодых рабочих, указывали на острое соперничество между этими двумя организациями, которому в ближайшем будущем предстояло вылиться наружу³². Главную резолюцию конференции сопровождали специальные резолюции по борь-

бе с бюрократизмом и «Об участии молодежи в производственной жизни и об экономработе ВЛКСМ», в которых детально рассматривались политика комсомола по таким проблемам, как обучение молодых рабочих, безработица среди молодежи, заработная плата³³. Впоследствии говорили, что конференция послужила «отправным пунктом в повороте Союза лицом к производству»³⁴. На XV съезде партии в декабре 1927 г. комсомол вместе с профсоюзами и кооперативами называли «одним из главных помощников партии» в преодолении культурной и технической отсталости и в строительстве социализма³⁵. В теории неизменно придавали значение воспитательной функции комсомола. Однако, как видно, впервые данный аспект организации подчеркнули на XIV съезде партии в декабре 1925 г. С тревогой говорил Бухарин о безразличии многих молодых людей к комсомолу и возложил часть вины на руководителей, которые не смогли понять, что разговоры о высоких материях, не связанных с жизнью, уже «не берут» и что недостаточно непрерывно повторять такие лозунги, как «международная революция» и «Красная Армия»³⁶. В резолюции съезда утверждалось, что XIII съезд, состоявшийся восемнадцатью месяцами ранее, повернул руль в сторону чистой «политики» и что теперь было нужно утвердить первоочередной характер «культурно-экономической работы»³⁷. В резолюции VII съезда комсомола, прошедшего в марте 1926 г., в совершенно недвусмысленных выражениях разъяснялись причины смены акцентов.

«Возрастают, — говорилось в резолюции, — кадры *новой* рабочей молодежи, среди которой предстоит провести огромную организационно-воспитательную работу. Новые слои молодежи (в значительной степени влияющие в производство из деревни) представляют в своем большинстве сырой материал, не прошедший школы пролетарской борьбы при капитализме, гражданской войны или общественной работы»³⁸.

Воспитание по большей части мыслилось в рамках марксистской идеологии, партийной линии, политической деятельности. В ноябре 1926 г. Центральный Комитет комсомола осудил левацкие элементы, утверждавшие, что комсомол «деполитизировался»³⁹. В 1926 и вновь в 1927 г. членов комсомола бранили за безразличное отношение к участию в Советах и за неспособность после избрания выполнять свои обязанности⁴⁰. Среди обвинений, высказанных в то время в адрес комсомольской организации, были такие, как «неуплата членских взносов, слабая посещаемость собраний, неподчинение союзной дисциплине, просачивание в организацию чуждых элементов, «мертвые души», формально числящиеся в организации»⁴¹. Даже там, где лояльность не вызывала сомнений, безудержный энтузиазм комсомольцев иногда доставлял неприятности. В Азербайджане, где комсомольцы выполняли значительную часть советской работы, их деятельность, как говорили, носила «взбудораживающий характер», но они испытывали отвращение к черновой практической работе⁴². С легкой иронией

«Правда» писала о «чисто юношеском размахе», с которым они восприняли лозунг самокритики⁴³. На XIV съезде партии в декабре 1925 г. Бухарин критиковал комсомольцев, которые проводили что-то похожее на «идеологическую партизанщину» против общества, считали, что не годится коммунисту снимать шапку, входя в дом, и можно «плевать везде, где сидишь»⁴⁴. В ноябре 1926 г. Центральный Комитет комсомола принял резолюцию, осуждавшую «расхлябанность, неорганизованность в работе и в личном быту»⁴⁵. Скоро, однако, эти недостатки стали рассматриваться как симптомы глубоко укоренившихся недугов. Самоубийство молодого поэта Есенина в декабре 1925 г., последовавшее за приступами тяжелого запоя и половых излишеств, произвело впечатление. Истолкованное как жест революционного протеста против серости повседневной жизни, оно вызвало «волну самоубийств среди молодежи»⁴⁶, которая глубоко встревожила партийных руководителей. Критик Сосновский, позднее примкнувший к оппозиции, на страницах газеты «Правда» заклеймил влияние Есенина как источник хулиганства среди молодежи⁴⁷. На состоявшемся в театре Мейерхольда собрании Воронский попытался спасти имя Есенина от ассоциирования с хулиганством и пессимизмом. Полонский же настаивал на том, что Есенин, чья ранняя поэзия отражала радости жизни, впоследствии попал под влияние церкви и крестьянства.

Вместе с тем в сообщении о собрании говорилось, что, по-видимому, «поэзия Есенина не только не утратила своего сияния, но ее очарование вряд ли было поколеблено»⁴⁸. Бухарин делал все от него зависящее, чтобы разрушить эти чары. В язвительной статье «Злые заметки», опубликованной в «Правде», он назвал культ Есенина «самым вредным, заслуживающим настоящего бичевания, явлением нашего литературного дня». Есенин, по его словам, — это «крестьянский поэт переходной эпохи, трагически погибший из-за своей неприспособленности». Фактически Есенин представлял «самые отрицательные черты русской деревни и так называемого национального характера: мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность» и т. д. Этот культ, который будто бы стал «вредной общественной силой», объяснялся отчасти мещанским отсутствием культуры труда и отчасти «удивительно однообразной идеологической пищей», которую партия предлагала молодежи. По словам Бухарина, коммунисты и рабочие вообще не были «ходячими абстракциями; они живые люди с плотью и кровью» и партийная инструкция не могла соперничать с поэзией Есенина. Беда заключалась в том, что даже пролетарские поэты перестали создавать художественные произведения, а «превратились в критиков, организаторов и политиков»⁴⁹.

Проблема обсуждалась во второй половине февраля 1927 г. на представительном собрании литературного отделения Коммунистической академии. Луначарский зачитал сообщение, давая понять, что почти вся молодежь «заражена безверием». Это, по

обыкновенно, объяснялось сложившимся представлением, что ситуация больше не являлась революционной, что «революция стабилизировалась». Луначарский старался преободрить, указывая на всеобщую английскую забастовку, забастовку углекопов, на рост национального движения в Китае (катастрофа весны и лета 1927 г. еще была впереди). «Должна ли, — спрашивал он, — при всех этих условиях, эта стабилизация внушать нам пессимистические мысли?» Во втором выступлении он назвал «есенинщину» «наиболее организованным... внешним проявлением стремления создать какую-то идеологию упадничества». Преображенский говорил о «казенщине и скуке» комсомольских собраний. Сосновский заметил, что молодежь напичкана политической литературой и что для нее встреча в поэмах Есенина с человеческими чувствами была все равно, что «из погреба с прокисшей капустой выйти на весенний воздух». Традиционные формы развлечений отвергались как годившиеся, дескать, только для «беззубых старух и стариков». Углубляя диагноз, Полонский заявил:

«Уважения к человеку мало, — потому что мало уважения и к самому себе. Нет культуры воли, нет желания построить хороший, крепкий тип нового человека... Даже сейчас [комсомол] не воспитывает еще такого человека, который должен быть образцом. В нашу эпоху, когда говорят, что надо поднять качество башмаков, качество галош, качество продукции, — нам надо *в первую очередь поднимать качество человека, качество социалистического человека*»⁵⁰.

Дважды выступавший Маяковский, который пытался отделить Есенина от настроений цинизма, сказал: «То, что сейчас делают из Сергея Есенина, это нами самими выдуманное безобразие». Он критиковал Бухарина за выступление не только против «есенинщины», а против «Есенина самого, как он есть»⁵¹. Через несколько дней это же самое беспокойство относительно настроений, преобладающих «в среде отсталых молодых рабочих», но сформулированное в более осторожных официальных выражениях, прозвучало на V конференции комсомола. Сюда относились «настроения за уравнильность» и «неправильное отношение к специалистам и мастерам». Как утверждалось, молодые крестьяне проявляли «ревность к городу и имели склонность противопоставлять интересы крестьянства интересам рабочего класса». Студенты поддавались «упадочным мелкобуржуазным настроениям («есенинщине» и т. п.)». Подобные «враждебные пролетариату» тенденции будто бы раздувались чуждыми элементами в партии и комсомоле и требовалась «непримиримая борьба на идеологическом фронте», чтобы дать им решительный отпор⁵².

Получившие распространение среди молодежи хулиганство, распушенность, а также политическое разочарование продолжали тревожить власти. На XV съезде партии в декабре 1927 г. Ярославский в минуту откровения заявил, что на празднование 10 годовщины революции, на котором должны были присутствовать

иностранцы, пригласили лишь нескольких представителей комсомола, ибо невозможно сделать так, чтобы они не напились⁵³. Пьянство и распушенность — обвинения, часто выдвигавшиеся против комсомольцев, которых посылали на работу в деревню. Упоминались и беспринципные комсомольские бюрократы, которые сделали карьеру, пресмыкаясь перед вышестоящими руководителями, осуждая и наказывая подчиненных⁵⁴. На VIII съезде комсомола в мае 1928 г. Бухарин описывал пьяные оргии, происходившие в г. Сочи под руководством секретаря комсомольской организации, во время которых девушки-комсомолки поступали в услужение парней-комсомольцев. По его словам, танцклассы в Ленинграде являлись местами втягивания комсомолок в «омут разврата»⁵⁵. Даже если не принимать во внимание подобные мрачные истории, то останется достаточно свидетельств проявленного молодыми людьми насилия, распушенности и цинизма, чтобы построить внушительное обвинение в неспособности сдерживать даже вопиющие злоупотребления⁵⁶. Это был тот недолго длившийся период, когда сексуальные проблемы стали любимой темой советской беллетристики⁵⁷.

Комсомол являлся одним из объектов нападков объединенной оппозиции, которая связывала его проблемы с разложением прежней структуры и появлением «новой семьи», основанной на «совершенно новых отношениях между двумя независимыми личностями, выступающих в роли самостоятельных строителей общества». В своем заявлении в адрес Центрального Комитета партии, переданном в июле 1926 г., оппозиция обвинила комсомольских руководителей в «бюрократизме» и в попытках вытеснить из союза пролетарские, бедняцкие и батрацкие элементы интеллигентскими, мещанскими⁵⁸. И хотя контроль над комсомольскими организациями и их руководителями был теперь твердым и не подвергался серьезной угрозе, оппозиция не прекращала своих нападков и пользовалась поддержкой рядовых членов. Обвинения в адрес оппозиции в создании нелегальных организаций и «антипартийной, антиленинской комсомольской платформы»⁵⁹ являлись по меньшей мере мелодраматическими преувеличениями того, что происходило на самом деле. Своеволие комсомольских организаций Москвы, Харькова и Грузии объясняли интригами оппозиции. Рассказывали, что члены грузинского комсомола основали «союз защитников внутрисоюзной демократии им. тов. Троцкого»⁶⁰. В сентябрьской (1927 г.) платформе оппозиции утверждалось, что партия требовала от комсомола «повиновения и готовности травить оппозицию». В ней критиковалось засилие в комсомоле «мелкобуржуазных элементов», разрастание бюрократизма и «платного чиновничества»⁶¹. Демократические центристы в своем заявлении, также подготовленном к XV съезду партии в декабре 1927 г., обвинили комсомол в том, что он воспитывает не «подлинных пролетарских революционеров», а «послушных чи-

новников государственного и партийного аппарата», и жаловались на «репрессии по отношению к инакомыслящим»⁶². На съезде, всецело поглощенном борьбой с оппозицией и подготовкой пятилетнего плана, дела комсомола упоминались лишь от случая к случаю. Сообщения, что 99% присутствовавших на комсомольских дискуссиях, которые проводились накануне съезда по «спорным вопросам», голосовали «за партию, против оппозиции»⁶³, свидетельствовали о том, что применявшаяся на партийных собраниях тактика оказалась не менее успешной и на собраниях комсомола. В докладе на VIII съезде комсомола в мае 1928 г. Чаплин заметил, что за два года, прошедших после предыдущего съезда, «огромнейшую массу сил и энергии комсомол должен был отвлечь от творческой работы на борьбу с оппозицией»⁶⁴.

Исключение оппозиции из партии положило конец серьезному сопротивлению в комсомоле. Впредь руководители комсомола — также как и партии — могли рассчитывать на безоговорочное одобрение партийной линии. Состоявшийся в мае 1928 г. VIII съезд комсомола оказался наиболее спокойным и бедным событиями во всей его истории. В своем вступительном обращении от имени Центрального Комитета партии Бухарин больше критиковал, чем хвалил. Он с твердостью говорил о «задаче промышленной реконструкции и задаче производственного кооперирования деревни». Упомянул он и недостатки в социальном составе комсомола, пьянство и распушенность некоторых его членов, неумение противодействовать коварным приемам религиозных проповедников. Бухарин также отметил различия в опыте трех поколений комсомольцев. Первое знало еще «городового, фабриканта, старого офицера». Второе прошло через гражданскую войну и «видело своего классового противника с оружием в руках». Последнему поколению этого опыта не хватало, оно могло лишь наблюдать «зияющие противоречия нашего строя, такие противоречия, которые еще не скоро будут изжиты». В заключение он, говоря о партийном руководстве комсомолом, заметил, что оно «не улучшилось, а ухудшилось»⁶⁵.

Все эти темы нашли отражение в дебатах съезда. Заместитель председателя ВСНХ Рухимович пришел на съезд, чтобы сделать обширный доклад об индустриализации⁶⁶. В главной резолюции съезд заявил о необходимости привлечь комсомол к «делу социалистического строительства», что потребует искоренения «косности, рутины и бюрократизма» в руководстве и «замкнутости и бюрократизма» в комсомольских органах. Добровольный характер работы не означает «отказа от обязательных требований, предъявляемых к комсомольцам уставом ВЛКСМ»⁶⁷. Специальная резолюция по индустриализации еще раз подтвердила эти положения⁶⁸. Чаплин осторожно попытался смягчить замечание Бухарина относительно партийного руководства и заявил, что критику нельзя ограничивать порицаниями и указаниями; необходимо помогать комсомолу в решении проблем⁶⁹. Один

из выступавших жаловался, что партийные директивы не всегда достаточно ясны, и привел пример собрания на одном из предприятий Урала, на котором комсомольские делегаты непреднамеренно заняли неверную позицию только потому, что местная партийная ячейка не познакомила их с партийной линией. Съезд уделил внимание протесту действий Тамбовского губернского партийного комитета, который стремился навязать своего избранника в качестве секретаря губернского комитета комсомола. Поскольку вопрос не затрагивал партийную линию, вмешательство осудили как «извращение принципов партруководства»⁷⁰. Вопрос о пересмотре программы комсомола с повестки дня сняли в ожидании предполагаемых дебатов по программе Коминтерна на предстоящем конгрессе⁷¹.

Когда Бухарин выступил от имени партии на съезде комсомола в мае 1928 г., уже ощущались напряженность и давление, которые привели к образованию в конце года правого уклона. Именно в этот момент Бухарин стал открыто выражать свои сомнения относительно секретности Политбюро, и Сталин незамедлительно захватил главные опорные пункты, где влияние Бухарина могло оказаться опасным⁷². Одним из них был комсомол. Бухарин никогда не пользовался у молодежи таким авторитетом, как Троцкий, и его осторожная политика вряд ли могла прийти ей по душе. Но он был популярной фигурой и последние два-три года являлся главным посредником между Центральным Комитетом партии и комсомолом. В короткой наставительной речи, произнесенной в последний день работы, Сталин не затронул спорных проблем, и это выступление было, несомненно, задумано как комплимент комсомолу и как свидетельство личной заинтересованности Сталина делами Союза. Через несколько дней за этим последовало окровенно льстивое послание газете «Комсомольская правда» в связи с трехлетним юбилеем⁷³. Трения между комсомолом и профсоюзами не были новостью и имели под собой четко выраженные причины. Когда летом 1928 г. комсомол возглавил кампанию против профессиональных союзов, что также являлось тактическим ходом против правой оппозиции⁷⁴, во всем этом можно было различить руку Сталина или его приспешников. Он предусмотрительно принял меры предосторожности в статье о самокритике. Расхваливая по-прежнему «Комсомольскую правду», Сталин одновременно упрекнул ее за «целый ряд недопустимых карикатур» на «руководителей ВЦСПС»⁷⁵. По случаю 10-летнего юбилея комсомол в октябре 1929 г. получил от Сталина еще одно поздравительное послание⁷⁶, и в том же самом месяце Центральный Комитет комсомола своей резолюцией осудил «правую опасность в комсомольском движении», которая объяснялась низкими интеллектуальными качествами крестьянских элементов в союзе⁷⁷. Принятое Коммунистической академией, по предложению Центрального Комитета партии, решение — учредить подготовительные курсы для комсомольских работни-

ков, на которые поступило около 30 слушателей⁷⁸, явилось дальнейшим признанием необходимости укрепления идеологической связи между партией и комсомолом.

Усиленно занимаясь зимой 1928/29 г. вопросами социальной и идеологической чистоты партии, обратили внимание и на забытую проблему двойного членства комсомольцев, 10,5% которых теперь являлись также и членами партии⁷⁹. В одной из критических статей журнала Центрального Комитета партии делался вывод, что «партиядро в комсомоле слишком слабо выполняет роль проводника партийного влияния на массы комсомольцев». Члены партии из комсомольцев якобы «задирают нос» перед рядовыми членами союза⁸⁰. Обширное постановление Центрального Комитета партии «Об очередных задачах комсомольской работы и задачах партийного руководства комсомолом» от 11 февраля 1929 г. охватило каждый аспект комсомольской деятельности. Назвав комсомол «крупнейшим резервом коммунистической партии» и «ближайшим помощником партии», оно призвало к мобилизации молодежных масс на решение «основных задач социалистического строительства и реконструкции народного хозяйства». Индустриализация страны, коллективизация и массовое кооперирование в сельском хозяйстве, укрепление обороноспособности страны и борьба с бюрократизмом — вот те дела, на которые следовало направлять усилия молодежи. Постановление потребовало увеличения набора молодых рабочих, проверки рядов союза с целью «очистки его от чуждых и разложившихся элементов». И наконец, Центральный Комитет партии был «уверен, что комсомол под руководством партии и впредь будет выдержанной ленинской организацией»⁸¹. Предложенную «проверку» комсомольских рядов провели в марте 1929 г. В числе вскрытых нарушений были ложные данные о социальном положении (кулаки маскировались под середняков, а середняки — под бедняков или батраков) и чрезмерное количество «мертвых душ» (до 48% в смоленском комсомоле). На ответственных за это, а также на виновных в «пьянстве, половой распущенности, хулиганстве и т. п.» наложили дисциплинарные взыскания⁸². Можно предположить, что не упустили из виду и идеологическую чистоту, что с уклонистами поступили строго. Перетряска в комсомоле была по меньшей мере такой же крутой, что и в партии. За период до следующего съезда в 1931 г. почти все комсомольские руководители 1928 г. подверглись осуждению и были сняты со своих постов. Из 120 человек, избранных на VIII съезде в 1928 г. в Центральный Комитет комсомола, только 22 были переизбраны на IX съезде три года спустя⁸³.

Организация юных пионеров для детей 10—14 лет, созданная V съездом комсомола в 1922 г.⁸⁴, быстро росла. В марте 1926 г. она распространилась на сельские районы и якобы насчитывала 1586 тыс. членов⁸⁵. К этому времени сформировалась и вспомо-

гательная организация октябрят для детей допионерского возраста⁸⁶. На VIII съезде комсомола в мае 1928 г. и Бухарин, и Чаплин критиковали комсомол за недостаточное внимание к организации юных пионеров, количество членов которой несколько уменьшилось. Крупская в своем выступлении была более снисходительна, но с сожалением говорила о тенденции вместо духа коллективизма прививать пионерам стремление к индивидуальному соперничеству⁸⁷. Съезд призвал комсомольские организации решительно сломить «чиновничье, бюрократическое отношение к пионерработе» и создать пионерские отряды там, где их еще нет. «Методы работы бойскаутов» с их упором на «личные поощрения, индивидуальные соревнования» отвергались как «совершенно неприемлемые в деле коммунистического воспитания детей». Следовало найти компромисс между «политизацией» пионерской работы и отрицанием «общественно-политического воспитания»⁸⁸. Резолюция Центрального Комитета партии от 25 июня 1928 г., которая преждевременно упомянула 2 млн. членов (возможно, вместе с октябрятами), подчеркнула воспитательные функции движения, а также необходимость изжить у детей мелкобуржуазные и религиозные предрассудки⁸⁹.

ПАРТИЯ В ДЕРЕВНЕ

Изначальной проблемой партии в сельских районах являлась ее малочисленность. По переписи, проведенной в декабре 1926 г., 82% населения СССР проживало в деревне. Осуществленная в первые месяцы 1927 г. перепись членов партии показала, что они составляют 1,78% от всего населения страны, но только 0,52% от сельского населения¹. Как и в городе, члены партии в деревне объединялись в ячейки². Из 42 715 партийных ячеек и групп кандидатов 20 878 (или 48,9%) были деревенскими. Но из-за низкой средней численности деревенских ячеек (12,7) только 23,1% членов партии и кандидатов проживало в сельской местности и состояло в местных ячейках. Поэтому партийная прослойка 546 743 «сельских населенных пунктов» Советского Союза была чрезвычайно тонкой³. В 1927 г. только 0,7% деревенских хозяйств включали членов партии и 1,1% — комсомольцев⁴, и во многих деревнях видели коммунистов только лишь в обличии случайных официальных гостей. Активные сельские члены партии были безнадежно перегружены партийной работой⁵.

Социальный анализ партийного состава деревни представлял обычные трудности. Из 264 055 членов партии на селе 65 691 (24,9%) являлись рабочими по социальному положению, но только 23 964 (9,1%) — рабочими по роду занятий и лишь 13 226 (5%) — батраками или сельскохозяйственными работниками. Большинство остальных рабочих (по роду занятий) трудились на промышленных предприятиях или на транспорте. Не менее 24 169 рабочих по социальному положению стали по роду занятий служащими. И хотя 149 734 деревенских членов партии (56,7%) по социальному положению принадлежали к крестьянам, только 111 688 (42,3%) были таковыми по роду занятий. 84 880 (или 32,3%) деревенских партийцев занимались исключительно индивидуальным сельским хозяйством, большинство остальных крестьян (по социальному положению) сочетало работу в сельском хозяйстве с оплачиваемым трудом где-нибудь на стороне. Количество колхозников было незначительно. В то время как 41 346 (15,6%) сельских партийцев являлись служащими по социальному положению, служащими по роду занятий были 105 299 человек (39,8%), которые происходили из крестьян, рабочих и служащих

(примерно равными долями) ⁶. Из деревенских членов партии, выполнявших функции служащих, 44% будто бы сохраняли какую-то связь с сельскохозяйственным производством путем личного или финансового участия ⁷. Вместе с тем официальный отчет о партийной переписи привлек внимание к неопределенностям в классификации, которые серьезно затрудняли анализ деревенской партийной статистики. В частности, указывалось:

«Многообразие и сложность социально-классовых отношений в советской деревне и слабость самой деревенской партийной организации сильно затрудняли до сих пор изучение состава деревенских коммунистов в порядке текущей отчетности и делали статистику партии в деревне наиболее слабым участком партийной статистики» ⁸.

В апреле 1929 г. журнал Центрального Комитета партии еще раз с сожалением писал: *«Деревенские ячейки в значительной части состоят из работников советского кооперативного аппарата, не связанных с сельским хозяйством»*, во многих сельских районах только треть членов партии работала в сельском хозяйстве ⁹. Допуская неопределенности в классификации и двойной учет, можно сказать, что категория «деревенский коммунист» включала лишь незначительное меньшинство крестьян, занятых обработкой земли, и что попытки увеличить долю этих крестьян в партии оканчивались неудачей ¹⁰.

Жалобы Москвы относительно слабости партии на селе ¹¹ касались не столько количественного несоответствия, неопределенностей в статусе рядовых членов партии, сколько неспособности деревенских партийных органов эффективно претворять в жизнь директивы центральных властей или обеспечить их принятие крестьянином. Официальная политика благожелательности к зажиточному крестьянину, принятая в 1925 г., и набор в партию представителей верхней прослойки крестьянства привели к определенному совпадению интересов и общественного статуса зажиточных крестьян, с одной стороны, членов партии и официальных лиц на селе — с другой. Проведенное в 1926 г. Центральной контрольной комиссией обследование показало, что 17% членов партии в деревне были «хозяйственно окрепшими» (очевидно, имелось в виду, что они использовали наемную рабочую силу). На Северном Кавказе их доля достигала 21%, а в Сибири — 49%. Один из членов партии Закавказья хвастался успехами в деле вовлечения в партию середняков и заявил, что более половины членов некоторых партийных ячеек использовали труд батраков ¹². Весной 1929 г., когда 1/6 всех крестьянских хозяйств располагала средствами производства, которые оценивались в 800 и более рублей, этого уровня достигла 1/4 хозяйств членов партии. На Украине доля хозяев среди крестьян — членов партии, использовавших наемный труд, вдвое превосходила эту долю среди беспартийных крестьян. Применение других критериев давало аналогичные результаты. Это было глубоко укоренившееся и легко объяснимое

явление. «Условия развития мелкобуржуазного хозяйства, — заметил партийный журнал, — сказываются и на хозяйстве деревенского коммуниста» таким образом, что оно *«перерастает в зажиточное или даже предпринимательское хозяйство»*¹³. На V Всесоюзном съезде Советов в мае 1929 г. Буденный сказал, что «верхушечная часть» на селе состоит из «агронома, учителя, советского работника, кооперативного, кредитного служащего», которые образовали «культурный актив» и показали себя «толстокожими, совершенно не чуткими» по отношению к батраку, рядовому крестьянину или демобилизованному из Красной Армии¹⁴. Но эти условия касались не только низовых партийных организаций. «Руководство парткомов хозяйственными, кооперативными и советскими организациями в ряде мест страдало в основном теми же недостатками»¹⁵. Высокий процент секретарей уездных партийных организаций был еще молод и неопытен¹⁶. Трудно сказать, в какой мере сотрудничеству содействовали зажиточные крестьяне, а в какой мере — члены партии, получавшие в результате своего привилегированного политического статуса экономические выгоды и имевшие в итоге более высокий уровень жизни, но не вызывает сомнения, что официальная политика поощрения зажиточных крестьян была популярна во многих партийных кругах и усердно проводилась в жизнь.

Деревенские комсомольцы, которые численно значительно превосходили членов партии¹⁷, нисколько не способствовали уменьшению недостатков и являлись довольно сомнительным придатком партии в деревне. Социальный состав деревенских комсомольских ячеек представлял собой «особенно неблагоприятную картину»¹⁸. Согласно сентябрьской (1927 г.) оппозиционной платформе, здесь довольно быстро захватывали позиции зажиточные крестьяне, оттесняя батраков и бедняков¹⁹. На VIII съезде комсомола в мае 1928 г. главный докладчик нарисовал удручающую картину комсомольской работы в деревне. Под давлением кулака некоторые комсомольские ячейки отказались участвовать в хлебозаготовках и в кампании самообложения. Какой-то кулак Тамбовской губернии передал одному комсомольцу 50 руб., из которых 15 руб. он должен был оставить себе, а остальными подкупить местных чиновников, чтобы они снизили налоговую оценку. Даже секретарь комсомольской ячейки подчас «срастался с чуждыми элементами, гулял с дочерью кулака, попа, мельника», предпочитая соединиться с более так называемым культурным слоем; и, как говорили, «зажиточные в своем большинстве в рядах комсомола играют роль подкулачников»²⁰. В постановлении Центрального Комитета партии от 11 февраля 1929 г. критиковались «деревенские организации комсомола» как «наиболее слабый и отстающий участок работы»²¹.

Фиаско с хлебозаготовками зимой 1927/28 г. и потребность в «чрезвычайных мерах», чтобы добиться поставок, заставили вышших руководителей партии обратить внимание на эти недостатки.

Наряду с тенденцией причислять всех строптивых крестьян к кулакам данный кризис породил стремление клеймить членов партии, сопротивлявшихся новой политике, как кулацких прихвостней и предателей партии. Во время посещения Сибири в январе-феврале 1928 г. Сталин с гневом говорил о должностных лицах, которые стоят на приятельской ноге с кулаками, потому что у кулаков «на квартире чище и кормят лучше»²². В инструкции Центрального Комитета от 13 февраля 1928 г. отмечалось, что в целом ряде регионов линия партии «искажалась» и что в партийных организациях в последнее время появились «чуждые партии элементы», которые «не различают в деревне классов, не понимают основ нашей классовой политики и стремятся выполнять свою работу таким образом, чтобы никого на селе не обидеть, жить в мире с кулаком и вообще поддерживать собственную популярность среди «всех слоев» сельского населения. В редакционной статье «Правды» от 15 февраля 1928 г., возвестившей об изменении политики по отношению к «кулацкой прослойке» на селе, критиковались также недостатки членов партии и организаций²³. В сообщении Центрального Комитета партии отмечались случаи невыполнения распоряжений относительно изъятия у кулаков запасов зерна, случаи репрессий против середняков и бедноты, склонность «закрывать глаза» на недочеты и «наличие в некоторых ячейках классово-чуждых элементов, явно защищавших кулаков»²⁴. В принятом ЦК постановлении опять упоминались «отдельные элементы в партии, особенно в деревне, которые не сумели оказать должного сопротивления кулаку»²⁵. По словам Сталина, в низовых партийных организациях «целый ряд коммунистов в волостях и селах выступал против политики партии, ведя дело на смычку с кулацкими элементами»; «письма», «заявления» и прочие документы «ряда работников нашего партийного и советского аппарата», выражавшие несогласие с чрезвычайными мерами явились якобы свидетельством «тяги к правому уклону»²⁶. В Барнаульском округе Сибири члены партии прятали хлеб и поддерживали «враждебную кулацкую агитацию» против партии, а судебные и прокурорские власти не решались применять 107 статью²⁷. В Смоленской губернии, где, по сообщениям, два волостных партийных комитета вместе с крестьянами противодействовали самообложению и сдаче хлеба, губком партии сетовал на общую плохую работу местных партийных организаций²⁸. «Окружение, — заметил один из выступавших на XIV Всероссийском съезде Советов в мае 1929 г., — иногда засасывает даже партийцев»²⁹.

Для исправления недостатков в партийной работе на селе испробовали многие схемы. Крестьянские комитеты взаимной помощи лишь время от времени вносили свой скудный вклад в хозяйственную жизнь деревни³⁰. Образование групп бедноты явилось безрезультатной попыткой создать в рамках административной машины Советов пункты сосредоточения помощи существующему строю и мобилизовать бедняков против кулака³¹. Большие надеж-

ды связывали с методом направления групп партийных работников из города в деревню. В начале 1927 г. во время выборов в Советы использовали институт «шефов», который — несомненно, по преувеличенным оценкам — якобы мобилизовал свыше миллиона рабочих и обслужил четыре миллиона крестьянских хозяйств (с населением в 20 миллионов человек). После тщательного инструктажа «шефы» проводили в деревне от одной до двух недель³². Данный общественный институт неоднократно действовал в критические месяцы 1928 г., когда Бауман выступил перед активом рабочих-шефов в Москве³³. Однако из «рабочих бригад» и профсоюзных групп, посылаемых в деревню для усиления слабых партийных ресурсов, по-видимому, лишь немногие были связаны с этой отмирающей организацией³⁴. Работа в деревне явственнее любого другого направления партийной деятельности обнажила характерные недостатки стиля, которому свойственны редкие массовые кампании с долгими периодами бездействия и апатии³⁵. Наиболее действенную поддержку партийной политике в деревне оказывали не крестьяне, а «сельская интеллигенция» (учителя, агрономы, врачи), которая помогала членам партии и комсомольцам «внедрять культуру в массы» и противодействовать влиянию «кулацко-поповских и сектантских клик»³⁶.

Резкое недовольство в Москве позицией и деятельностью многих деревенских партийных организаций совпало с расколом между партийным большинством и правой оппозицией, который в течение всего 1928 г. постоянно ширился. Политика поддержки зажиточного крестьянина, неохотно провозглашенная в Москве в 1925—1927 гг. и единодушно одобренная большинством деревенских партийных руководителей, превратилась теперь в политику Бухарина и его сторонников-уклонистов. Пропаганда против правого уклона в деревенских партийных организациях стала интенсивнее. Постановление Центрального Комитета партии, принятое в ноябре 1928 г., содержало следующую критику:

«В составе деревенских организаций все еще совершенно незначителен удельный вес пролетарских элементов и прямо ничтожны кадры колхозников. Наряду с этим значительна доля зажиточных крестьян, а иногда и элементов, сблизившихся с кулачеством, разложившихся, совершенно чуждых рабочему классу»³⁷.

В статьях журнала Центрального Комитета партии отмечалось «наличие в нашей партии определенного числа правых, откровенно оппортунистических элементов», и «появление среди деревенских коммунистов взглядов крупных предпринимателей»³⁸. В декабре 1928 г. «Правда» утверждала, что на селе многие коммунисты «не видят классов, классовой борьбы, хотят жить в мире со всем населением и никого не обижать», и описывая украинское село, в котором, благодаря «сращиванию партийной верхушки с кулацкой прослойкой села», в прошедшем году господствовали кулаки³⁹. Партийные условности все еще запрещали называть кого-либо по имени. Но мало кто из партийных руководителей любого

уровня пребывал в неведении относительно того, что целью нападок являлся Бухарин. И многие из тех, кто придерживался аналогичных взглядов, смотрели на него как на своего потенциального лидера⁴⁰.

По мере углубления кризиса и представлений о том, что коллективизация (пока еще на добровольной основе) — это единственный выход из создавшегося положения, критика центра позиций деревенских партийных организаций становилась все слышнее. Неудачу с хлебозаготовками 1928—1929 гг. «Правда» объяснила «засоренностью низового аппарата чуждыми элементами» и *«отсутствием сколько-нибудь серьезной массовой организационной работы среди бедняцкой и середняцкой части деревни»*⁴¹. Нападки концентрировались на вялом отношении местных партийных работников и рядовых партийцев к колхозному движению, которое никогда не пользовалось популярностью в кругах, теперь причисляемых к правому уклону⁴². На деревенских членов партии оказали давление, чтобы побудить их активно поддержать движение. В журнале Центрального Комитета партии появилась статья под названием «Организовать колхоз или выйти из партии», за ней последовала еще одна, в которой утверждалось, что «инициатором коллективизации сельского хозяйства должен стать как раз член партии»⁴³. Только что вернувшийся из поездки по Казахстану Кубяк жаловался на преобладающие здесь в партийных кругах «антиколхозные настроения». Местные власти будто бы потворствовали кулакам, которые, несомненно, ради более высокой эффективности «у колхозов отбирают трактора»⁴⁴. Нежелание деревенских коммунистов вступать в колхозы являлось обычным источником пересудов. Рассказывали об одном зажиточном крестьянине — члене партии, который заявил, что скорее отдаст свой партийный билет, чем вступит в колхоз⁴⁵. Возможно, что обвинения были раздуты из политических соображений, а злоупотребления — менее распространены, чем рассказывали. Не вызывало сомнения, что доля членов партии в колхозах, созданных после 1 января 1928 г.⁴⁶, была выше, чем в прежних колхозах⁴⁷. Теперь уже слышались упреки в том, что в колхозах, где сформировались партийные ячейки, «все руководящие посты занимают коммунисты» и что «между бюро ячеек партии и руководящими органами коллективов нет никакой разницы»⁴⁸. Начавшуюся весной 1929 г. чистку партии, которая затронула деревенских членов партии более основательно, чем городских⁴⁹, можно в известной степени рассматривать как подготовительную меру или предпосылку крупномасштабной коллективизации.

Летом 1929 г. неудачи партийной организации в деревне были куда заметнее, чем успехи. На необъятных просторах СССР партийная прослойка преимущественно сельских регионов была столь тонка, что часто ее просто не существовало. Стремилась ли партия руководить или увещевать, ее людских ресурсов и точек соприкосновения безнадежно не хватало для выполнения этой зада-

чи⁵⁰. Многое, случившееся в сельской местности в 20-е годы, можно объяснить нехваткой сил и ресурсов. Как заметил один ссыльный член оппозиции, чем слабее местная партийная ячейка, тем скорее она прибегала к «ярко выраженному администрированию» и совершала всякие другие нарушения⁵¹. Но многое явилось и результатом непонимания крестьянских интересов и крестьянской психологии. Партия как по своему составу, так и по идеологии была преимущественно городской. И не один Троцкий взирал на крестьян свысока. Созданный и вдохновленный партией строй появился в сельской местности как чужеземная власть, иногда благотворительная, чаще угрожающая, но всегда далекая. Крестьянин, размышлял Калинин в 1927 г., — это скорее индивидуалист. Он живет со своей семьей в изоляции. От партийного работника требовалось «огромное количество энергии, воли и настойчивости», чтобы привлечь внимание деревенского населения⁵². Молодого крестьянина, демобилизовавшегося из Красной Армии, и члена партии, который приехал в деревню в костюме, «как брат Чемберлена», и агитировал за колхоз, встретили неодобрительно словами: «Ты не наш, катись отсюда»⁵³. Эти две культуры не совпадали. Деревня располагала действенными средствами возмездия за городское вторжение. На XVI партийной конференции в апреле 1929 г. Калинин выражал опасение относительно «пополнения рабочего класса выходцами из деревни» и полагал, что «через этот канал колебания передаются в рабочий класс и отсюда в отдельные прослойки партии»⁵⁴. А через несколько недель Молотов выразился еще более определенно.

«Влияние мелкобуржуазной стихии, — сказал он, — распространяется не только на средняцкие элементы наших деревенских организаций... Эта стихия накладывает свой отпечаток и на известную часть партийцев-рабочих, особенно на тех, которые крепко связаны с деревней»⁵⁵.

Оправданно или нет, но в Москве продолжала ощущаться подозрительность относительно позиции не только самого крестьянина, но и сравнительно редко встречавшихся членов партии, которые имели с ним прямой контакт. Когда в конце года началась массовая коллективизация, роль главных агентов принуждения выполняли не представители тонкой прослойки несомненно надежных деревенских партийных работников, а группы посланных из городов преданных коммунистов и сотрудников полиции. Это была, если не «революция сверху», то во всяком случае революция извне. Частично этим объясняется безрассудный и жестокий характер всей операции.

Часть III

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

ГЛАВА 47

СОЮЗ И РЕСПУБЛИКИ

а) Конституционная структура

В течение данного периода структура СССР оставалась неизменной. Ничего не прибавилось к шести союзным республикам, образованным до 1926 г.¹ Из всех союзных республик РСФСР занимала особую позицию, будучи тем первородным телом, из которого возник СССР, и моделью для других республик. Она включала две трети населения Союза ССР, или почти 101 млн. из 147 млн. по переписи 1926 г. 29 млн. приходилось на долю Украинской ССР. И хотя теоретически все языки Союза были равны, в ежедневной практике употреблялся все же русский, которому предстояло стать общим языком². Даже после принятия в 1925 г. измененной Конституции едва ли можно было утверждать, что РСФСР функционировала как отличавшийся от СССР организм. Официальный комментатор утверждал, что если к XII Всероссийскому съезду Советов в мае 1925 г. разграничительная линия еще не была четко обозначена, то ко времени XIII съезда двумя годами позже «правительство РСФСР уже занимало совершенно определенное и конкретное место среди наших центральных органов»³. Однако ее аномальный и несомненно подчиненный статус продолжал ощущаться. На XIV съезде в мае 1929 г. так много говорилось о плохом положении РСФСР, что Рыков счел необходимым защищаться и указать на уровень представительства РСФСР в таких учреждениях, как СТО и народные комиссариаты. Но и он признал «отсутствие в самой организации органов, и особенно в практической их работе, отчетливого распределения функций между союзными органами и РСФСР» и в шутиливой форме упомянул собственную двойственную роль «Рыкова Союзного» от «Рыкова из РСФСР»⁴. К концу заседания Рыкова освободили от должности председателя Совнаркома РСФСР и заменили Сырцовым⁵. Последний немного позже согласился с тем, что «положение РСФСР — особое, специфическое» и требовало «величайшего политического такта», поскольку РСФСР еще не являлась законченным целым «по типу других республик»⁶.

В других республиках процесс выработки конституции или приспособления досоюзной конституции к новому союзному статусу сопровождался большими трениями, хотя вопрос о конституции редко выходил наружу и всегда представлял собой побочную проб-

лему в борьбе по другим вопросам. Это лишь впоследствии утверждали, что «пересмотр конституций в союзных республиках происходил в условиях борьбы с троцкистско-правыми элементами и их союзниками-националистами», которые стремились добиться «конституционных гарантий для беспрепятственного развития капиталистических элементов под прикрытием нэпа»⁷. Обвинение, достаточно ясно указывавшее на действовавшие силы. Развитие планирования и индустриализация усилили давление в пользу любых форм централизации и нетерпимость ко всякому сопротивлению этому процессу по национальным соображениям. Партийная борьба с легкостью позволила более или менее убедительно отождествить данное сопротивление с оппозицией в партии. Наиболее остро борьба развернулась в Украинской ССР, где выполнение решения IX съезда Советов Украины, состоявшегося в мае 1925 г., относительно подготовки исправленного текста Конституции⁸ проходило с длительными задержками. Помимо других особенностей, переработанный проект, подготовленный ЦИК Украины, вобрал в себя текст Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая в 1925 г. больше не фигурировала в Конституции РСФСР, однако более детально определяла категории лиц, лишенных избирательных прав⁹. В апреле 1927 г. X съезд Советов Украины отложил вопрос для дальнейшего обсуждения¹⁰. Лишь XI съезд в мае 1929 г., в конце концов, одобрил Конституцию, которая представила собой частичный компромисс. Осталось твердое заявление о вступлении Украинской ССР в СССР в качестве «независимого договорного государства» с правами, ограниченными лишь вопросами, которые в соответствии с Конституцией являются прерогативой СССР. Это было более энергичное утверждение формальной независимости и суверенитета, чем зафиксированное в конституциях других союзных республик. Однако ее первоначальный упор на классовые принципы в качестве конституционной основы был смягчен. В этом отношении Конституция Украины от 15 мая 1929 г. осторожно приблизилась к Конституции РСФСР 1925 г.¹¹ Белорусская ССР получила переработанную Конституцию 11 апреля 1927 г.¹² Между тем Закавказская СФСР и составляющие ее три республики также пересмотрели свои конституции¹³. В Средней Азии речь шла не об изменении прежних конституций, а об обеспечении конституциями новых республик. Узбекскую Конституцию приняли на II съезде Советов Узбекистана 30—31 марта 1927 г., туркменскую — в тот же день на II съезде Советов Туркмении¹⁴. Характерной чертой обеих Конституций явилось отсутствие в перечне народных комиссариатов народного комиссариата внутренних дел (Наркомвнудел). Значение этого пробела стало ясным на следующий год, когда президиумы ЦИК двух республик издали указы, упразднившие соответствующие наркомвнуделы и распределившие их функции между другими наркоматами, организационным отделом ЦИК и Центральным административным управлением Совнаркома¹⁵. Эту акцию опротесто-

вала прокуратура Верховного Суда по конституционным соображениям. ЦИК СССР, получив вердикт Верховного суда, подошел «очень осторожно» к этому нарушению, предложил ЦИК обеих республик пересмотреть свое решение и внести изменения в конституции¹⁶. Республики послушно постановили восстановить наркоматы с 1 октября 1928 г.¹⁷ Соответствующую поправку в узбекскую Конституцию внесли в мае 1929 г.¹⁸

Система автономных республик и областей в рамках союзных республик была введена в РСФСР между 1920 и 1922 гг., чтобы обличь в конституционную форму национальные устремления своих нерусских народностей. И хотя после создания Союза ССР аналогичные принципы применили — правда, в меньших масштабах — и в других союзных республиках, эта проблема прежде всего касалась РСФСР. В период 1926—1929 гг. образовалась лишь одна новая автономная республика переводом в данный статус Киргизской автономной области. Просьба о перемене содержалась сперва в петиции автономной области, переданной, вероятно, не без санкции сверху 1 февраля 1926 г. в ЦИК РСФСР. Президиум ЦИК доложил о ней в благоприятном свете на заседании ЦИК в ноябре 1926 г., где заслушали также просьбу киргизского делегата, говорившего по-киргизски. Затем последовало формальное постановление о создании Киргизской АССР¹⁹. Новую АССР провозгласили 7 марта 1927 г. на съезде Советов Киргизии²⁰. Ее статус утвердили в апреле 1927 г. ЦИК и Совнарком, и республику официально оформили в том же месяце декретом XIII Всероссийского съезда Советов²¹. Черкесский национальный округ, сформированный вместе с Северо-Кавказским краем, два года спустя преобразовали в автономную область, одну из семи, входивших в Северо-Кавказский край²². На 1 января 1929 г. автономных республик было всего 15, а автономных областей — 16²³.

Статья 44 новой Конституции РСФСР от 11 мая 1925 г. обязывала съезды Советов АССР представить принятые конституции на «утверждение» ЦИК РСФСР и для «окончательного утверждения» съезду Советов РСФСР. Разработка конституций в автономных республиках столкнулась с такими же трудностями, которые испытывали некоторые союзные республики, и сопровождалась аналогичной готовностью отложить неудобные конституционные проблемы на неопределенное время. Первой оказалась АССР Немцев Поволжья, и в январе 1926 г. местный съезд Советов принял проект Конституции, по которой народные комиссариаты республики отчитывались только перед своим ЦИК, он в свою очередь избирал делегатов прямо в ЦИК СССР, и подчиненность РСФСР, членом которой АССР являлась, преднамеренно ослаблялась²⁴. Непосредственные результаты смелых действий не зарегистрированы. Но, как видно, АССР Немцев Поволжья осталась без Конституции²⁵. Другие автономные республики старались подхватить эту инициативу. В различные дни и месяцы 1926 и 1927 гг. съезды Советов

Якутской, Бурят-Монгольской, Башкирской, Карельской и Татарской автономных республик приняли проекты конституций (в отдельных случаях откровенно условного характера) для представления РСФСР²⁶. Единственной республикой, которая, по-видимому, благополучно прошла через эти испытания, была Дагестанская АССР, чей съезд Советов принял одобренную Конституцию 5 апреля 1927 г.²⁷ Теперь о других автономных республиках. Молдавская АССР (в составе Украинской ССР) получила Конституцию в 1925 г.²⁸; Нахичеванская АССР (в Азербайджанской ССР) — в апреле 1926 г.²⁹; Абхазская АССР (в составе Грузинской ССР) — в октябре 1927 г.³⁰; Таджикская АССР (в составе Узбекской ССР) — в апреле 1929 г.³¹

б) Законодательная власть

Отношения между СССР и союзными республиками в соответствии с положениями Конституции СССР много обсуждались в 1924 и 1925 гг., главным образом в контексте требований Украины реальной, а не чисто формальной, конституционной самостоятельности³². В последующий период публичные дебаты в органах СССР не велись. Но в условиях, когда конституционные нормы были так плохо определены и так мало уважались, споры были неизбежны. Фундаментальные различия между конституционными и правовыми теориями Советского Союза и буржуазного мира являлись постоянной темой советских авторов. Один из них писал: «Нормы права предназначены для планирования хозяйственно-политической жизни страны, и они ничто иное, как плановая политика советского государства. Поэтому при применении той или иной законодательной нормы необходимо исходить не только из определенных форм и буквы закона, а из того содержания, которое вложено в эту норму, т. е. в существо той политики, которую проводит данная норма».

Подчеркивалось, что это предполагает решения, основанные не на личном усмотрении, а на коллективной концепции предполагаемого социального эффекта³³. Однажды Енукидзе заметил, что Союз ССР «опекает Союзные Республики по вопросам советского строительства»³⁴. Никакие ограничения власти не были совместимы с подобной точкой зрения. Наглядным, но не исчерпывающим являлся перечень полномочий Всероссийского съезда Советов и ЦИК, указанный в первой Конституции РСФСР 1918 г.³⁵ Считалось, что приведенный в статье 1 Конституции СССР перечень также не являлся полным. Положения не меняла и статья 3, совершенно четко определявшая, что «суверенитет Союзных Республик ограничен лишь в пределах, указанных в настоящей Конституции». Как заметил один журналист, «строгое догматическое толкование статьи 1 Конституции поставило бы верховные органы Союза ССР в противоречие с его основными задачами»³⁶.

Союз с самого начала не очень-то проявлял сдержанность в издании законов, касающихся вопросов, которые по всем признакам относились к компетенции республик. При необходимости оправданием служила потребность в единстве законодательства. Предусмотренное Конституцией право Союза ССР обнародовать Основы или Основные начала законов, которые затрагивали различные сферы жизни и должны были быть введены в действие республиками, предполагало различия вовсе не между общесоюзными положениями и их конкретным применением республиками, а между фактом введения в силу законов большой важности, которые являлись «стержневым» законодательством и входили в компетенцию Союза ССР, и второстепенными правовыми актами, введение в силу которых можно было передоверить республикам³⁷. Постановление СССР от 30 января 1925 г. по авторским правам представляло собой первый и часто цитировавшийся пример законодательства подобного рода³⁸. И если другие союзные республики применяли постановление без всяких ограничений, то РСФСР своим постановлением от 22 февраля 1925 г. отложила его проведение в жизнь до той поры, когда будет подготовлен собственный закон по данному вопросу. Власти Союза ССР потребовали отмены решения³⁹. Что произошло потом — не совсем ясно. Лишь 11 октября 1926 г. РСФСР наконец опубликовала постановление по авторским правам, более обстоятельное, чем аналогичное постановление СССР⁴⁰. В 1928 г. СССР издал новые Основы, по всей видимости, признавая таким путем за республиками право самим разрабатывать детали законодательства по затронутой проблеме⁴¹. Существовавший лимит в 10 тыс. руб. на наследство устранялся постановлением СССР от 21 января 1926 г. Но, с другой стороны, каждая союзная республика располагала собственным Гражданским кодексом, и РСФСР постановлением от 6 апреля 1928 г. внесла поправку в свое гражданское законодательство, расширив круг лиц, которые могли стать наследниками по завещанию — поучительный пример случайного характера подобных процедур⁴². Конституция СССР не устанавливала ни правил, ни процедуры проведения выборов в Советы. Условия или содержались в конституциях республик, или же, согласно положениям этих конституций, определялись соответствующими ЦИК. Когда в связи с предстоящими выборами в Советы ЦИК СССР 28 сентября 1926 г.⁴³ издал важную инструкцию, он предоставил союзным республикам право позаботиться о подготовке детальных правил. На практике, однако, вмешательство выходило далеко за эти границы. К выборам правительство Союза ССР обычно образовывало Центральную избирательную комиссию, которая регулировала избирательную процедуру и формулировала единые правила определения избирательного ценза. Когда ЦИК РСФСР и Украинской ССР выпустили директивы, которые шли вразрез с инструкциями Центральной комиссии, их быстро призывали к порядку решением президиума ЦИК СССР, вынудив подчиниться⁴⁴. Но по-

беда не всегда доставалась центральной власти. Любопытный случай зарегистрирован в постановлении ЦИК СССР от 23 мая 1928 г. относительно размежевания общесоюзных и республиканских законодательных компетенций по налогообложению и налоговым поступлениям, которое год спустя оставалось «еще не опубликованным ввиду возникших по поводу него новых разногласий»⁴⁵.

Более сложным, чем проблема размежевания законодательных компетенций между Союзом ССР и республиками, оказался связанный с ней вопрос о порядке вступления в силу издаваемых Союзом ССР законов. Статья 19 Конституции СССР предусматривала, что «все постановления, решения и указы, издаваемые ЦИК, вступают в силу немедленно по всей территории СССР». Уступка практической необходимости была сделана в последующем постановлении ЦИК и Совнаркома от 6 февраля 1925 г., которым устанавливалось, что постановление ЦИК и его президиума, Совнаркома и СТО вступают в силу в столицах союзных республик и подчиненных населенных пунктах в день получения официального документа с текстом постановления⁴⁶. Автор одной из статей в журнале Наркомюста, позаимствовавший у какого-то философа права тезис о «диалектическом соотношении централизации и децентрализации в советской системе», попытался распутать сложные отношения союзного и республиканского законодательства. Некоторые законы Союза ССР вступали в силу прямо по решению центральных властей. Некоторые принимали форму директив, спускаемых республикам, которые затем разрабатывали собственное законодательство. Иногда Союз ССР издавал закон, и республики следовали примеру, включая положения союзного законодательства в свои правовые акты. В подобных случаях возникали как бы два имеющих силу правовых инструмента⁴⁷. Поначалу позиция центральных властей была гибкой и осторожной. Постановление правительства СССР, принятое в октябре 1924 г. и касающееся военных преступлений, не входило в силу более года, ожидая включения в уголовные законодательства республик. Постановлению Союза от 25 февраля 1927 г. относительно государственных преступлений, хотя и опубликованному после консультаций с РСФСР и, вероятно, с другими республиками, пришлось ожидать включения в Уголовные кодексы республик, прежде чем оно смогло вступить в силу⁴⁸. Обычно ЦИК СССР «предлагал» ЦИК республик издать необходимое постановление или положение⁴⁹. И хотя такое предложение, вне всякого сомнения, имело силу указания, оно поддерживало видимость республиканской законодательной инициативы.

Однако гайку постепенно закручивали все туже. Следующее постановление от 1 июня 1927 г. определяло различия между просто директивами, для вступления в силу которых требовались соответствующие узаконения союзных республик, и другими законами СССР, в том числе носящими название Основ, Основных начал,

а также теми, в которых содержались предложения относительно внесения изменений в республиканские законодательства. Эти «прочие» законы и распоряжения, если они не содержали иных условий, республикам надлежало выполнять в течение двух месяцев⁵⁰. Но это не положило конец спорам. В тех случаях, когда вопрос о компетенции казался сомнительным, Закавказская СФСР практиковала повторно издавать от своего собственного имени декреты, уже опубликованные ЦИК или Совнаркомом Союза ССР. Остальные республики иногда шли аналогичным путем. Между тем подобную практику осудила прокуратура Верховного Суда на том основании, что это ставит под сомнение юридическую силу первоначального закона и подразумевает, что органы СССР не имеют законодательных, а лишь директивных функции⁵¹. Факты невыполнения в срок (или вообще) республиканскими властями директив высших органов Союза ССР побудили президиум ЦИК СССР издать 19 мая 1928 г. еще одно постановление, которым он обратил внимание на имевшие место нарушения и потребовал принять меры, чтобы с этим покончить⁵². Приведенные примеры свидетельствовали о том, что главной причиной невыполнения предписаний являлись бюрократическая процедура или полная некомпетентность. Но Орджоникидзе, выступая в декабре 1928 г. на VIII съезде профессиональных союзов, указывал еще и на конституционные увертки, как на причины проволочек. Он, в частности, сказал: «Та или другая республика, придравшись к какому-нибудь пункту постановления СНК и сославшись на конституцию о прерогативах союзных республик, откладывает исполнение решения на долгие месяцы»⁵³.

Отношения между учреждениями СССР и союзных республик определялись таким путем, который делал трения неизбежными. Неограниченное право ЦИК СССР отменять постановления съездов Советов, ЦИК и других республиканских органов было твердо обусловлено Конституцией (ст. 20, 31, 32). Статья 59 Конституции также признавала право республиканских ЦИК или президиумов отменять любые постановления или декреты ЦИК или Совнаркома СССР, противоречащие Конституции или существующему законодательству СССР или республик. Но поскольку интерпретация конституционных вопросов возлагалась исключительно на ЦИК СССР, его верховная власть несколько не ослаблялась⁵⁴. Московские журналисты открыто признавали, что формальные права республик часто нарушались, их строгое соблюдение представлялось якобы непрактичным. Наркоматы Союза ССР допускали «частые нарушения прав союзных республик в своих ведомственных актах при согласовании проводимых ими мероприятий или согласовывая их лишь с соответствующими наркоматами РСФСР и без согласования с другими союзными республиками»⁵⁵. Объединенные народные комиссариаты СССР не чувствовали себя обязанными действовать через соответствующие комиссариаты республик и направляли распоряжения прямо в

подчиненные учреждения, расположенные на территории этих республик. Президиум ЦИК защищал такую практику⁵⁶.

Независимо от конституционной позиции, силы, которые с первых же дней принятия советской Конституции способствовали централизации власти в сильном сплоченном государстве⁵⁷, продолжали свое дело и даже окрепли с наступлением периода планирования и индустриализации и под их давлением. Примечательно, что, согласно постановлению президиума ЦИК, решения СТО, которые часто являлись основополагающими в области планирования, не могли быть приостановлены республиками в соответствии со статьей 59⁵⁸. Предоставленное СССР Конституцией право устанавливать Основы законодательных актов в различных областях помогло утвердить преимущественное влияние центральных властей в таких важных сферах, как землепользование, организация судопроизводства, процессуальное и уголовное право⁵⁹. По Конституции центральная администрация отвечала за «единый государственный бюджет СССР» и за «генеральный план для всего народного хозяйства Советского Союза». Если нельзя было сослаться на положения Конституции, то, для того чтобы добиться нужной централизации власти, иногда прибегали к странным способам. Для руководства медицинской службой Красной Армии центральные власти создали военный здравотдел, который подчинялся народному комиссариату здравоохранения (Наркомздраву) РСФСР и чьи распоряжения (Союз ССР не располагал подобным учреждением) выполнялись на местах через наркомздравы союзных республик⁶⁰. В 1928 г. подобные схемы редко исследовались под углом зрения их конституционной правомерности. Значение имело лишь практическое преимущество центрального контроля и руководства.

в) Союзные и республиканские органы

За этот период в установленной системе не произошло никаких коренных изменений. Всесоюзный съезд Советов продолжал функционировать как представительный форум более 2000 делегатов и кандидатов, собираемых каждые два года для публичных заявлений и тщательно организованных дебатов. По примеру III съезда, состоявшегося в мае 1925 г., IV и V съезды также созывались в весенние месяцы 1927 и 1929 гг. Между съездами избранный на них Центральный исполнительный Комитет проводил три или четыре заседания, которые, проходя несколько менее формально, чем съезды, тем не менее собирали более 800 делегатов и кандидатов. Постепенно для этих заседаний разработали стандартную процедуру. Постоянной отличительной чертой являлся общий отчет председателя Совета Народных Комиссаров Рыкова о деятельности правительства. Один раз в год народный комиссар финансов докладывал о бюджете, затем следовал содоклад председателя

бюджетной комиссии ЦИК (единственной постоянной комиссии). Довольно часто руководители делегаций союзных республик и народные комиссары, ответственные за сельское хозяйство, промышленность и иностранные дела, отчитывались о деятельности соответствующих организаций и учреждений. Доклады по вопросам внешней политики, которые в тот период делал Литвинов, нередко предназначались главным образом для зарубежной аудитории. За докладами, как правило (но не обязательно), следовали дебаты, во время которых порой поднимались существенные вопросы и вносились в предложенные резолюции незначительные поправки. Но голосований никогда не было. Две палаты, на которые делился ЦИК (Совет Союза и Совет Национальностей), собирались вместе, чтобы послушать, а временами и обсудить эти доклады. Иногда, правда, проводились и отдельные заседания; однако скорее для того, чтобы, по всей вероятности, подчеркнуть независимую роль второй палаты, перенасыщенной лицами нерусской национальности, чем для каких-либо практических целей.

Опыт ЦИК продолжал свидетельствовать о тенденции властей ради повышения эффективности работы подменять многочисленные представительные форумы назначенными президиумами⁶¹. Между широко освещаемыми в прессе сессиями президиум ЦИК проводил частые заседания, о которых не всегда сообщалось⁶². О них становилось известно лишь из постановлений, принятых единолично президиумом или совместно с Совнаркомом. Установленная Конституцией процедура требовала, чтобы подобные законодательные акты представлялись на утверждение ближайшей сессии ЦИК. Но эта процедура быстро превратилась в пустую формальность. Первый Закон о бюджете от 29 октября 1924 г. обсуждался и был утвержден членами ЦИК в полном составе. И когда в апреле 1926 г. ЦИК обсуждал поправки к Закону, направленные на расширение бюджетных полномочий республик, предполагалось, что такая процедура будет соблюдена⁶³. Но случилось совершенно другое. В феврале 1927 г. бюджетной комиссии ЦИК сообщили, что проект Закона с поправками подготовлен и принят в соответствии с указанием президиума ЦИК⁶⁴. В мае 1927 г. новый Закон был официально объявлен от имени ЦИК и Совнаркома⁶⁵. Почти год спустя, в апреле 1927 г. один украинский делегат на сессии ЦИК высказал недовольство тем, что Закон одобрил лишь президиум, и потребовал его обсуждения на пленарном заседании⁶⁶. Когда же на этой сессии Енукидзе бегло перечислил 425 законодательных актов, 88 секретных постановлений и 538 решений второстепенного государственного значения, принятых президиумом и Совнаркомом, другой делегат потребовал передачи в ЦИК для обсуждения всех важных постановлений⁶⁷. Никто не оспорил правомерность предложения, но осуществить его практически было бы совершенно невозможно. Предложение положили под сукно, а требование относительно обсуждения Закона о бюджете отложили до следующей сессии⁶⁸. Когда ЦИК вновь собрался в декабре 1928 г.,

вопрос о бюджетном законодательстве опять отложили и, по-видимому, он больше никогда не поднимался. Протесты против огульного одобрения постановлений и решений повторялись, но без каких-либо заметных результатов. И ЦИК в который раз утвердил без комментариев длинный список законодательных актов своего президиума⁶⁹.

Специфический конституционный вопрос возник при исключении из ЦИК Троцкого, Зиновьева, Каменева, Раковского и четырех других членов оппозиции, которое последовало за их исключением из партии на XV съезде в декабре 1927 г. По закону о ЦИК от 1923 г., решение о выведении из состава ЦИК мог вынести только сам ЦИК или же съезд Советов. 30 декабря 1927 г. партийная фракция президиума ЦИК приняла резолюцию, потребовавшую от Калинина внести в президиум предложение о выведении из ЦИК восьми исключенных членов партии. На следующий день президиум вынес соответствующее постановление⁷⁰. Это решение Енукидзе просто довел до сведения делегатов следующей сессии ЦИК, состоявшейся в апреле 1929 г., несколько неуклюже разъяснив, что «для коммуниста немислимо пребывание в составе Центрального Исполнительного Комитета, если он лишен доверия своей партией»⁷¹. Аналогичную процедуру применили при исключении членов оппозиции из ЦИК РСФСР⁷².

Не в пример президиуму ЦИК президиумы двух палат не имели законодательной власти⁷³. Но в то время как президиум Совета Союза оставался формальным и пассивным органом⁷⁴, президиум Совета Национальностей, хотя и без конституционных правомочий, предпринимал большие усилия, чтобы для поддержания падающего престижа утвердить собственную самостоятельность. В конце июня 1927 г. он впервые провел двухдневное заседание и принял решение — до конца года собираться каждые три недели⁷⁵. Поскольку большинство членов было разбросано по разным концам Советского Союза, честолюбивая программа осталась не выполненной. Но в период между названной датой и V съездом Советов в мае 1929 г. прошло 19 заседаний, на которых обсуждались самые разнообразные темы, имевшие отношение к национальным республикам и областям⁷⁶. За этот период были проведены дискуссии по докладам ВСНХ: по вопросу о наличии местных белоруссов в аппарате управления Белоруссии; о новом тюркском алфавите; по национальным проблемам Закавказья; относительно деятельности и организации кооперативов в национальных республиках и областях; кроме того, по инициативе КОМЗЕТ* обсуждался вопрос поселения рабочих-евреев⁷⁷.

Подобные модификации правительственного механизма, принятые в тот период, имели тенденцию усиливать власть Союза над союзными республиками. Из трехступенчатых народных коммисариатов⁷⁸ не создавали никаких трудностей те союзные нар-

* Комитет по земельному устройству трудящихся евреев. — *Прим. ред.*

коматы, которые не имели двойников в республиках и обладали всей полнотой центральной власти. Наиболее деликатная ситуация возникала у объединенных комиссариатов, чьи союзные и республиканские органы одинакового названия и аналогичных функций существовали бок о бок. Создание наркомата торговли (Наркомторга) путем слияния Наркомвнуторга и Внешторга⁷⁹ побудило издать декрет от 9 июля 1926 г., указывавший на различие между внешнеторговыми функциями, в соответствии с которыми Наркомат подобно Внешторгу, пользовался статусом союзного комиссариата, и внутриторговыми функциями, согласно которым он являлся объединенным комиссариатом. Этот же декрет содержал далеко идущие положения относительно внутренней торговли. Народному комиссариату торговли РСФСР предписывалось действовать в РСФСР в качестве «полномочного представителя» Наркомторга СССР, имеющего право издавать непосредственно органам РСФСР, автономных республик и областей инструкции по вопросам хлебозаготовок, цен на зерно или финансирования закупок. Остальными сельскохозяйственными культурами Наркомторг РСФСР не занимался, а исходил из директив Наркомторга СССР, который также планировал завоз промышленных товаров⁸⁰. Опубликованный год спустя другой декрет еще больше подчеркнул эти полномочия⁸¹. Это был удивительный пример того, как практическая целесообразность заставила упростить и централизовать громоздкий механизм объединенных комиссариатов. Следует, однако, отметить, что все это относилось только к РСФСР, но не к остальным союзным республикам.

Необъединенные республиканские ведомства, не имевшие союзных двойников (наркоматы внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, сельского хозяйства и социального обеспечения), олицетворяли собой остатки формально республиканской автономии, и эта проформа ревностно оберегалась. Когда Узбекская и Туркменская ССР упразднили свои народные комиссариаты внутренних дел, им твердо заявили, что подобные действия несовместимы с Конституцией, и заставили восстановить статус-кво⁸². Предложение Рязанова в марте 1928 г. о создании общесоюзного наркомата просвещения было встречено с таким неодобрением, что он заменил его предложением об образовании союзного центра или комитета⁸³. Но во все эти сферы центральные органы СССР постоянно вмешивались, по существу, с позиций верховной власти. Комментатор журнала ЦИК отмечал, что «невозможно говорить о чем-либо, являющимся предметом прямого руководства необъединенных ведомств союзных республик, как относящемуся исключительно к компетенции этих республик», ибо «прямое руководство» осуществлялось властями Союза ССР через планирование и бюджет⁸⁴. Как было замечено в РСФСР, после образования наркоматов СССР «известный консерватизм руководителей и работников» привел к тому, что они продолжали сохранять функции оперативного характера, которые теперь принадле-

жали РСФСР, вместо того чтобы ограничить собственную деятельность директивными функциями, которыми их наделила Конституция⁸⁵. Огромная важность и сложность сельскохозяйственных проблем делали невозможным поддерживать на практике фактическую автономию республиканских наркомземов. С момента образования Союза ССР наркомземы республик проводили периодические конференции с целью координации своей политики. На одной из таких конференций в 1925 г. приняли резолюцию, с помощью которой стремились не только урегулировать саму процедуру, но и привлечь внимание к необходимости представлять и защищать сельскохозяйственные интересы в органах СССР. Взять на себя эту задачу от имени наркомземов остальных республик поручили Наркомзему РСФСР⁸⁶. Постановлением СНК Союза ССР от 19 июля 1927 г. совещаниям народных комиссаров земледелия предоставили организовать такие же совещания наркомземов своих автономных республик⁸⁷. Наличием этого механизма объясняется тот факт, что создание Наркомзема СССР оказалось возможным отсрочить до конца 1929 г. Те же самые проблемы, с которыми сталкивались необъединенные комиссариаты союзных республик в своих отношениях с органами СССР, возникали и во взаимоотношениях автономных и союзных республик⁸⁸. Но и здесь сохранилась проформа. В июне 1927 г. конференция Наркомюста РСФСР обсудила и отвергла предложение об упразднении наркомюстов автономных республик⁸⁹. Факторами, которые делали подобные конституционные споры нереальными даже для тех, кто принимал в них участие, являлись мощные экономические силы, стремившиеся к централизации; непоставимый характер отдельных регионов СССР, не допускавший единых, реально осуществимых решений, и прежде всего роль объединенной партии, все более и более превращавшейся в фокус окончательных решений по всем важным вопросам.

Отношения между президиумом ЦИК СССР и Совнаркомом СССР, так же как и в первые годы существования Союза ССР, маскировались завесой формальных неясностей⁹⁰. Но, по-видимому, трения между ними возникали редко. Оба учреждения нашли место в огромной и все расширявшейся правительственной машине. С начала 1926 г. стало обычной практикой важные постановления СССР публиковать совместно с ЦИК (или его президиумом) и Совнаркомом⁹¹. В более тесных рамках РСФСР близкое соседство ЦИК и Совнаркома порой становилось неудобным. В мае 1928 г. Калинин, говоря о «борьбе» между Наркомвнуделом и организационным отделом ЦИК путаным языком, свидетельствовавшим о двусмысленности сложившейся ситуации, попытался дать ей следующее объяснение: «Президиум ВЦИК, наоборот, выполняет главным образом организационную часть, а главная работа по управлению лежит на Совнаркоме. Совнарком, по существу, выполняет непосредственную работу, а Президиум является органом

законодательства, руководства и контроля. Совнарком является как бы исполнителем задач Президиума ВЦИК»⁹².

Наиболее остро проблема стояла в небольших национальных автономных республиках и областях. Административный аппарат автономных республик представлял собой копию аппарата союзных республик, а управление автономных областей строилось по образцу более обширных территориальных образований, частью которых они являлись. Введение в 1926 г. «режима экономии»⁹³ заставило критическим оком взглянуть на данные законодательные положения. В печати развернулась кампания, направленная на сокращение разбухшего и дорогого административного аппарата автономных республик и областей. Подверглась осуждению попытка «приравнять национальные автономные единицы... к самостоятельным союзным республикам». Этим меньшим административно-территориальным единицам будто бы были не нужны независимые совнаркомы и наркоматы, их могли бы заменить президиумы и отделы исполкомов Советов⁹⁴. Принятая в июле 1926 г. резолюция Центрального Комитета партии, в которой говорилось о необходимости вовлечения в работу Советов «трудящихся более отсталых национальных республик и областей», в одном из абзацев ЦК назвал ЦИК «массовым органом, осуществляющим во всей широте советский демократизм», в то время как Совнарком — это чисто исполнительный орган⁹⁵. В апреле 1927 г. на XIII Всероссийском съезде Советов Рыков вновь привлек внимание к чрезмерно сложным административным аппаратам автономных административных единиц, которые он объяснил честолюбивым стремлением имитировать структуры СССР или РСФСР⁹⁶. Конференция по данному вопросу, организованная в том же месяце Рабкрином, привела к существенным переменам. Несколько автономных республик (включая Карельскую и Башкирскую автономные ССР) использовали метод слияния Совнаркома с президиумом исполкома Советов. Другие формально сохранили отдельные организации, но объединили занятый в них управленческий персонал. Отмечались и иные реформы⁹⁷. Но подобные явления, конечно же, не были повсюду одинаковыми⁹⁸. В декабре 1927 г. на XV съезде партии Орджоникидзе предъявил таблицу кадровых сокращений административных аппаратов автономных республик и областей. Везде (за исключением вновь образованной Черкесской автономной области) служебный персонал уменьшился на 11,7—34%. Главную экономию достигли путем сокращения количества отделов управления⁹⁹. Еще одним недостатком, упоминавшимся в то время в связи с Северо-Осетинской автономной областью, являлся «медленный темп перевода делопроизводства на осетинский язык и недостаточное вовлечение осетин в государственный аппарат»¹⁰⁰. Языковые трудности, вероятно, были свойственны многим автономным областям и способствовали разбуханию управленческого аппарата.

РАЙОНИРОВАНИЕ

К 1926 г. процесс административной реорганизации территории СССР (районирование), проводившийся в соответствии с принятыми в 1923 г. установками XII съезда партии, продвинулся значительно вперед. Образовались Украинская, Белорусская, Узбекская и Туркменская ССР. В рамках РСФСР сформировались Уральская область, Северо-Кавказский, Сибирский и Дальневосточный края¹. В других союзных республиках районирование не было связано с созданием новых важных территориально-административных единиц и поэтому не возбуждало взаимной зависти. Сформированные в РСФСР в 1925 и 1926 гг. края и области охватывали малонаселенные регионы, где существовавшая управленческая структура была слабой. На более развитой территории РСФСР закрепленные законом имущественные права прежних губерний, уездов и волостей обладали значительной силой, и попытка ликвидировать эти административные единицы и образовать новую систему областей, округов и районов натолкнулась на твердое сопротивление, которое было достаточно мощным, чтобы сдерживать процесс районирования в течение всего 1927 г. Когда Совнарком в марте 1927 г. рассматривал доклад Рабкрина, который настаивал на завершении реформы, А. П. Смирнов предпринял шаги, чтобы ее отсрочить, и принятая по данному вопросу резолюция оказалась двусмысленной². 1 августа того же года сформировали лишь Ленинградскую область³. XV съезд партии в декабре 1927 г. уделил мало внимания районированию, но включил в резолюцию о Пятилетнем плане следующую примечательную фразу: «С целью наиболее полного охвата плановым руководством народнохозяйственной жизни страны съезд считает необходимым в течение предстоящего пятилетия окончить районирование всей страны»⁴.

В условиях роста престижа и движущей силы планирования, в условиях напряженной атмосферы хлебозаготовительного кризиса районирование стали спешно продвигать вперед. В мае 1928 г. сформировали три важных новых региона: Центральночерноземную область со столицей в г. Воронеже⁵, включившую центральные сельскохозяйственные губернии; Средневолжский край с

центром в Самаре⁶ и Нижневолжский край с Саратовом в качестве столицы⁷. 14 января 1929 г. образовали еще пять экономических районов: Северный край с главным городом Архангельском, который включил автономную область Коми; Западную с центром в г. Смоленске, Нижегородскую, Центрально-промышленную с г. Москвой в качестве столицы и Ивановскую области⁸. Наконец, призвали к порядку до тех пор нерайонированную Закавказскую Федеративную Республику, и в марте 1929 г. местный партийный комитет привел в движение процесс районирования⁹. Количество краев и областей в РСФСР увеличилось с трех на 1 января 1926 г. до восьми на 1 января 1929 г., а число губерний сократилось с 47 до 16. Соответствующие изменения произошли в ряде подчиненных организаций обеих систем¹⁰.

В апреле 1928 г. ЦИК РСФСР утвердил положение «О краевых (областных), окружных и районных съездах Советов и их исполнительных комитетах»¹¹. И хотя, выступая на I съезде Советов Северо-Кавказского края, Рыков назвал его «так сказать, государством в государстве»¹², связывать районирование с конституционными вопросами всячески избегали. Фактически только однажды возник подобный вопрос — о статусе автономных республик. Включение в новые края (области), автономных областей или округов (Северо-Кавказский край имел, например, целых семь) не встречало принципиальных возражений, хотя представитель Северо-Кавказского края на заседании ЦИК РСФСР назвал национальный вопрос «основным и наиболее сложным из всех наших вопросов», а в принятой резолюции предлагалось выделить из состава членов президиума краевого исполнительного комитета уполномоченного по делам национальных меньшинств¹³. Вместе с тем вхождение автономных республик пока рассматривалось даже Госпланом как «несвоевременное и нецелесообразное»¹⁴. С 1924 г. Молдавская АССР являлась составной частью Украинской ССР, а Таджикская АССР входила в Узбекскую ССР, так что здесь районирование не было связано с изменением в статусе¹⁵. Однако в европейской части РСФСР, где чувства национальных меньшинств проступали резче или скорее находили правовое выражение, районирование представляло более острую проблему. Еще до образования Средневолжского края имели место протесты против вмешательства краевых властей Самары в хозяйственные дела Татарской и Чувашской АССР¹⁶. Учитывая подобные настроения, отказались от первоначального предложения Госплана — включить Карельскую АССР в Ленинградскую область, Татарскую и Чувашскую АССР — в Средневолжский край, Башкирскую АССР — в Уральскую область и Бурят-Монгольскую АССР в Сибирский край¹⁷. Косвенные свидетельства говорят об острой борьбе по вопросу включения АССР Немцев Поволжья в Нижневолжский край. Однако после его создания в мае 1928 г. съезд Советов автономной республики 19 июня 1928 г. единодушно проголосовал за вступление в край¹⁸.

28 июня 1928 г. РСФСР издал два постановления. В первом определялись условия вхождения какой-либо автономной республики в краевые (областные) объединения и ее права, которые включали право выхода в любое время по решению съездов Советов. С другой стороны, однако, хозяйственный план края (области) был обязательным для входящих в него автономных республик, и спорные вопросы между республиками и краевыми (областными) властями передавались в Совнарком или ЦИК РСФСР. Во втором постановлении утверждалось решение съезда Советов республики Немцев Поволжья относительно включения АССР в Нижневолжский край¹⁹. Через несколько месяцев в следующем постановлении РСФСР упорядочила отношения между автономными областями и включавшими их новыми краями (областями). Автономные области сохранили административную самостоятельность во всех вопросах местного значения, кроме затрагивавших экономическую и финансовую политику, и право обжаловать в Совнарком или президиуме ЦИК РСФСР бюджетные решения краевых (областных) властей. Однако они не получили формального права на отделение²⁰. Национальная автономия и конституционная форма, в которой она воплотилась, оставалась в силе лишь в границах, обусловленных экономической необходимостью. Постановление от 14 января 1929 г., создавшее четыре новые области и край, содержало статью, в которой говорилось, что «за автономными областями, входящими в состав вышеуказанных областей и края, сохранить все права, предоставленные автономным областям декретами об их образовании и последовавшими в развитие этих декретов отдельными узаконениями»²¹.

При одновременном развитии районирования и планирования между обоими процессами установилась прочная взаимозависимость. Районирование осуществлялось «на основе работ ГОЭЛРО и Госплана». Именно этим оно отличалось от чисто административных изменений в территориальном делении, проводимых буржуазными правительствами²². В справочнике контрольных цифр на 1928/29 г., опубликованном осенью 1928 г., районирование объявлялось «самой настоятельной и существенной предпосылкой планового управления строительством народного хозяйства СССР»²³, а в пятилетнем плане говорилось, что «только этим путем может быть достигнут наибольший коэффициент эффективности общественного труда»²⁴. Некоторые из тех, кто поддерживал идею районирования, конечно же, видели в нем определенный шаг в направлении децентрализации. Однако на деле связь с планированием превратила районирование в процесс централизации и укрепления центральной власти. Оно также стало средством расширения контроля и влияния промышленности над деревней путем содействия созданию новых промышленных объектов, путем механизации и коллективизации сельскохозяйственного производства. Как отмечали агроспециалисты Госплана, наибольший прогресс в образовании крупных механизированных сельскохозяйств

венных подразделений был достигнут на Украине, Северном Кавказе и на Урале, то есть там, где провели районирование в первую очередь²⁵, а Рыков в момент принятия плана выразил надежду, что районированные территории превратятся в «областные производственные комбинаты»²⁶. В конце концов XVI съезд партии в 1930 г., подводя итог всему процессу, авторитетно заявил: «Проведение до конца экономического районирования страны значительно ускоряет индустриализацию ранее отсталых районов, окраин и национальных республик, создает новые промышленные и пролетарские центры и облегчает более правильное и целесообразное распределение промышленности и сельского хозяйства на всей территории СССР»²⁷.

МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ

а) Низовые Советы

Процесс районирования и практическая необходимость децентрализации перегруженного и обширного аппарата управления вынудил в середине и конце 20-х годов уделить повышенное внимание проблеме предоставления действенной власти низовым советским органам. По конституционной концепции эта власть была неограниченной. Лозунг «Вся власть Советам!» никогда не отменялся¹. В мае 1925 г. III Всероссийский съезд Советов постановил, что «Советы, как органы власти, должны стать на деле во главе всего хозяйственного и культурного строительства Советской Республики и руководить им»². В январе 1927 г. автор одной из статей журнала ЦИК повторил, что «все Советы и исполкомы как органы самоуправления и управления могут, по точному смыслу Конституции Союза ССР, пользоваться всей полнотой власти» и формально «суверенны»³. В положении РСФСР о городских Советах их называли «высшим органом власти» на подопечной территории⁴. Председатель ЦИК Украинской ССР Петровский уверенно писал, что городской Совет «воплощает» диктатуру пролетариата и занимается «разрешением всей суммы хозяйственных, политических и культурных вопросов всего городского населения, и в первую очередь пролетариата»⁵, в 1928 г. Каганович счел нужным на предвыборном совещании подчеркнуть, что Советы — это не просто массовая организация, а органы власти⁶. Но концепция двойного подчинения означала, что низовые органы Советов несли ответственность не только перед своими избирателями, но и перед вышестоящими органами Советов. Это подразумевало цепочку власти, передаваемой сверху вниз. Там, где лозунги о «децентрализации» и «местном самоуправлении» приняли форму отрицания центральной власти, их осудили как реакционные⁷.

Несмотря на полное несовпадение с мечтами о полновласти, практическое значение местных Советов было тем не менее велико. Тема «оживления Советов» как средства привлечения масс к активному участию в советской работе⁸ повторялась вновь и вновь. Как заявил Калинин на заседании ЦИК РСФСР в ноябре 1926 г., «нашей главной задачей является привлечение широких масс к советскому строительству, то есть оживление Советов»⁹.

Когда оппозиция в своих контр тезисах, подготовленных к XV съезду, обвинила партию в поощрении «голового административного оживления Советов», Бауман с жаром защищал этот процесс, так как он стимулировал массовую активность¹⁰. В апреле 1928 г. Енукидзе, хотя и не употребляя больше термина «оживление», говорил о Советах, как о необходимом инструменте реализации планирования. Он, в частности, сказал: «Мы не сможем построить никакого социализма, если у нас не будет крепких, построенных по единой системе сельских и городских советов»¹¹.

Нужно было изыскивать некоторые средства для удовлетворения второстепенных местных потребностей, и местные Советы являлись незаменимыми посредниками в исполнении и проведении в жизнь планировавшейся из центра политики. Обе функции требовали установления контактов с населением и завоевания определенной степени доверия.

Районирование, не задев ни верхушку республиканской администрации, ни сельские и городские Советы, которые образовывали базу советской пирамиды, самым радикальным образом затронуло промежуточные уровни всей структуры. По всему Советскому Союзу прежняя иерархия губерний, уездов и волостей постепенно вытеснялась, но этот процесс протекал не везде одинаково. Административные изменения, связанные с районированием, в различных частях СССР существенно отличались друг от друга. Для целей нового плана все союзные республики, за исключением РСФСР, превратились в районы. Такое положение, вне всякого сомнения, значительно облегчило плановикам и руководителям экономики в центре распространить контроль на республики. Однако новых административно-территориальных единиц не создали. Прежние губернии исчезли. Обычная трехъярусная административная структура республики состояла из окружных (заменивших уездные), районных (заменивших волостные) и сельских Советов. В РСФСР сформировали значительное число краев и областей вместо еще большего числа губерний, создав таким путем громоздкую четырехъярусную структуру из краевых, областных, районных и сельских Советов. Самый расхожий аргумент против районирования сводился к тому, что, увеличивая размеры и уменьшая число низовых административных единиц, этот процесс якобы углублял пропасть между органами управления и населением. Районирование будто бы ускорило начавшееся ранее увеличение размеров и снижение числа административных единиц¹². Недовольство в резких словах выразил делегат Северо-Кавказского края на заседании ЦИК РСФСР в ноябре 1926 г., заявив: «Фактически получается не приближение власти к населению, а отдаление, ибо за каждым пустяком житель станицы или села должен ехать часто за десятки верст в район или округ»¹³.

На VII съезде профсоюзов в декабре 1926 г. Орджоникидзе выступил как представитель сторонников децентрализации. По его словам, сельсоветы не располагали властью, и крестьяне, ра-

нее обычно решавшие свои дела в волости, теперь должны были обращаться в более отдаленный районный центр¹⁴. В докладе Центральной контрольной комиссии в феврале 1927 г. Орджоникидзе, вновь критикуя присущий данному плану уровень централизации, заявил: «Районированием мы намеревались приблизить Советскую власть к населению. Но мы настолько урезали права районов, что оказалось, что те вопросы, которые раньше решались в уездном исполкоме, теперь решаются в округе»¹⁵. Попеременное выдвижение требований централизации и децентрализации окрашивало все споры тех лет относительно промежуточной советской структуры.

Даже статус краев (областей) утвердился не без трудностей. На сессии ЦИК РСФСР в ноябре 1926 г. продолжительные дебаты были посвящены делам самого мощного Северо-Кавказского края. Некоторые горячие сторонники районирования опасались, что любая передача власти низовым советским органам слишком ослабит край (область). Если округа взяли на себя функции бывших губерний, а районы — уездов, то что же оставалось краям (областям)?¹⁶ Данная аргументация предполагала, что край (область) следовало бы компенсировать путем передачи значительной доли республиканской власти, и через все дебаты красной нитью проходило требование относительно расширения власти края (области), гарантирующей адекватные денежные поступления в краевой (областной) бюджет, и даже относительно независимого краевого (областного) бюджета¹⁷.

Такая точка зрения, однако, натолкнулась на сопротивление тех, кто полагал, что управленческую структуру нужно упрощать путем ограничения обязанностей не республик, а краев и областей. В апреле 1927 г. IV съезд Советов Союза ССР внес поправки в Конституцию, указав, что в районированных местностях делегатов на республиканские съезды Советов следует избирать на окружных съездах Советов. Здесь примечательным являлся факт передачи губернских функций не краевым и областным, а окружным съездам¹⁸. В соответствии с новым территориальным делением нужно было привести партийные и советские учреждения. Согласно изданному в сентябре 1927 г. в порядке подготовки к XV съезду партии правилам, делегатов, ранее избравшихся губернскими партийными съездами или конференциями, теперь на районированных территориях выбирали окружные съезды или конференции¹⁹. Данное условие, как видно, явилось предвестником маневра, направленного на то, чтобы обойти край (область) как политическую единицу, оставив за ним лишь экономические функции. Выступая в апреле 1928 г. в ЦИК РСФСР, Калинин говорил о получении краями (областями) собственных бюджетов²⁰. Однако шесть месяцев спустя он уже настаивал на необходимости «укреплять самостоятельность окружных бюджетов»²¹. В действительности, по мере усиления авторитета плановиков и продвижения вперед процесса районирования в руки краев

и областей переходило все больше планирующей власти, а вот в вопросах местного управления больше обязанностей пришлось на долю средних и низших советских органов.

Лучшим свидетельством постепенного перехода власти к низовым Советам являлся рост местных бюджетов. При увеличении всех бюджетов доля краевого (областного) бюджета в общем «местном бюджете» края (области) за период с 1925—1926 по 1928—1929 г. снизилась повсеместно за исключением Северо-Кавказского края, где был достигнут скромный рост в 4,5%²². Сражение за волостные бюджеты было выиграно в Москве весной 1925 г.²³ Постановление СССР о местных финансах, принятое в апреле 1926 г., устанавливало системы бюджетов для районных, волостных и городских Советов (сельские Советы все еще были исключены). Их следовало рассматривать как основные местные бюджеты; местные бюджеты более высокого уровня (то есть области, округа и уезда) относились к регулирующим бюджетам²⁴. Условия на местах не позволяли с определенностью сказать, в какой мере эти замыслы могли быть реализованы практически. Проверка осенью 1926 г. 15 волостей Саратовской губернии показала, что только восемь имели «реальные» собственные бюджеты. Немногие волости имели какие-либо денежные поступления, кроме закрепленных за ними налоговых сборов. Но что еще хуже, «неумение хозяйничать, а порой явно преступное отношение к денежным средствам» называлось «язвой нашего деревенского хозяйства». В ряде волостей задерживалась зарплата учителям по шесть месяцев и высказывались опасения относительно «срыва всего волостного хозяйства»²⁵.

Хотя улушения происходили лишь от случая к случаю, тем не менее местные бюджеты в последующие годы быстро увеличились. Между 1925—1926 гг. расходы за счет средств местных бюджетов почти удвоились. Самую большую статью представляли затраты на социально-культурные нужды (то есть на здравоохранение и образование), которые за этот период возросли в два раза. Более чем в два с половиной раза увеличились ассигнования на народное хозяйство, а вот управленческие расходы остались примерно на прежнем уровне. Значительная и все возрастающая доля доходов (более половины, начиная с 1926—1927 гг.) поступала из государственного бюджета в форме прямых субсидий, за счет скидок с местных налоговых отчислений в государственную кассу или с выплат по государственным займам. Доходы из местных источников, включая местные налоги и поступления с хозяйственных предприятий, увеличивались медленнее²⁶. Трудно сказать, насколько эта сравнительно упорядоченная картина действовавшей бюджетной системы совпадала с бесконечно разнообразными условиями реальной жизни советской деревни 20-х годов. Местные Советы оперировали все более крупными денежными суммами, которые расходовались на самые разнообразные цели. Основную массу этих средств они получали от вышестоящих

республиканских или краевых (областных) властей, которым подчинялись. Местные Советы лишь чисто номинально располагали самостоятельными бюджетами. Проводившиеся в те годы изменения в местном управлении имели целью расширить функции и усилить значение низовых советских органов власти, но в то же время и повысить их зависимость от центрального правительства.

Объем прав и обязанностей местных Советов сильно варьировался и официальные постановления не могут служить надежным ориентиром для изучения действительно происходившего на местах. В апреле 1925 г. РСФСР своим постановлением передала ограниченные законодательные полномочия волостным и районным исполнительным комитетам. Им разрешалось переводить на собственный счет налоги со строений, грузовых перевозок по железной дороге и по воде, с оборота местных рынков²⁷. Декретом от 28 июня 1926 г. правительство РСФСР предприняло попытку упорядочить права волостных и районных исполкомов, городских и сельских Советов относительно издания обязательных распоряжений и предписаний, касающихся в основном чрезвычайных обстоятельств, неотложных потребностей, пожаров, эпидемий и санитарных правил и т. п.²⁸ Особые полномочия были предоставлены даже сельским Советам, которые продолжали — с разрешения или без него — вводить трудовую повинность для выполнения необходимых работ местного значения²⁹. Центральные власти, особенно Наркомфин, упорно противились всякому расширению прав местных органов, чья компетенция не без основания вызывала сомнения³⁰. Как рассказывали, в 1926 г. Совнарком РСФСР аннулировал права, предоставленные властями Северо-Кавказского края райисполкомам и сельским Советам³¹. Однако права, которыми фактически пользовались местные органы, определялись не только постановлениями Москвы, но и в такой же мере местными обычаями и потребностями, и процесс передачи обязанностей продолжался.

Весной 1927 г., когда кампания в пользу бюджетов сельских Советов набирала силу³², пересмотрели права местных советских органов РСФСР. Рабкрин подготовил проект положения «О правах и обязанностях местных органов Советской власти», имеющего целью упорядочить и расширить их полномочия³³. Основываясь на этом проекте, ЦИК РСФСР 23 июля 1927 г. издал постановление, которое не было обязательным, но представляло собой программу или директиву для будущих действий. В нем делалась попытка определить законодательную и исполнительную власть советских органов и расширить их финансовые права. Как заметил один журналист, постановление «подводило твердую экономическую и юридическую базу, создавая тем самым предпосылки для активного участия широких масс в управлении и для успешной борьбы за улучшение и упрощение государственного аппарата»³⁴. Через три месяца РСФСР утвердила положение, определив-

шее полномочия районных и волостных исполкомов, городских и сельских Советов. Районные и волостные исполнительные комитеты получили право издавать обязательные постановления, обеспечивающие порядок и безопасность, охрану государственного имущества, принятие санитарных мер и соблюдение распорядка в магазинах и на рынках. Советы городов с населением, не превышающим 5 тыс. человек, располагали теми же правами, что и районные исполкомы, но это, как видно, не распространялось на сельские Советы. За нарушения распоряжений районные и волостные исполнительные комитеты могли налагать штраф в размере не свыше трех рублей или приговорить к пяти дням принудительных работ. Сельские Советы имели право наказывать штрафом в один рубль или двумя днями принудительных работ³⁵.

Теперь ничто не мешало РСФСР обнародовать официальные положения о краевых (областных), окружных и районных исполнительных комитетах и аналогичные, хотя и менее детальные положения о губернских, уездных и волостных органах на территориях, где еще не проводилось районирование. И они были утверждены ЦИК РСФСР 6 апреля 1928 г. Устанавливалась четкая цепочка подчиненности. Съезды Советов любого уровня созывались непосредственно вышестоящими органами; и исполком мог отменить или приостановить любые постановления нижестоящих исполкомов или съездов Советов. Делегаты на окружные съезды избирались городскими и заводскими Советами из расчета один делегат от одной тысячи избирателей, и районными съездами Советов (один делегат от пяти тысяч жителей). На районные съезды Советов посылали делегатов в небольшие города, не являвшиеся окружными центрами. Краевые (областные) исполкомы могли предоставлять более широкие права сельским Советам, объединявшим более трех тысяч жителей и располагавшим самостоятельными бюджетами³⁶. В статье газеты «Известия» разъяснялось, что одна из задач положения состояла в том, чтобы подчинить местные Советы краевым (областным) исполкомам и усилить влияние края (области) в вопросах хозяйственной политики и торговли³⁷. Но даже в РСФСР эта по всем признакам единая система оказалась неэффективной, и практика нижних уровней продемонстрировала широкий спектр различий. Рассказывали, что в Уральской области округ ни в коей мере не стал более значимым, чем прежний уезд. А вот в Северо-Кавказском, а также, по-видимому, в Средневожском и Нижневожском краях и в Сибири округ являлся стержнем всей структуры³⁸. В Украинской и Белорусской ССР округ так и не обрел своего значения, и эффективной административной единицей был район³⁹. Большинство автономных республик обходилось без округов и довольствовалось районными (которые иногда называли «кантонами») и сельскими Советами, как подчиненными единицами⁴⁰. В Закавказской, Узбекской и Туркменской республиках низовые Советы (за исключением таких городских Советов, как Бакинский, Самаркандский

и Ташкентский⁴¹⁾ оставались в 20-е годы в зародышевом состоянии или не существовали вовсе. Докладчик на совещании руководителей орготделов исполкомов автономных республик и областей, состоявшемся в мае 1928 г., подчеркнул, что «в районах с национальным населением стоит пока только задача организации самих Советов»⁴². Но нигде советские органы, занимавшие промежуточное положение между республиканскими или областными организациями сверху и сельскими или городскими Советами снизу, не были выборными или представительными. Там, где они существовали, они являлись удобным связующим звеном в административной цепочке, но никогда не выполняли самостоятельных функций⁴³.

Ниже уровня национальных автономных республик, краев и областей национальные меньшинства объединялись в национальные округа, районы и национальные сельские Советы. И хотя основную выгоду из подобных условий извлекали проживающие на востоке СССР неславянские народности, эти принципы применялись ко всем компактным национальным группам. В РСФСР многонациональный Средневолжский край включал один национальный (Мордовский) округ, 22 национальных района и 1187 национальных сельских Советов. В Читинский округ Дальневосточного края входили два Бурят-Монгольских национальных района. Центральночерноземная область имела несколько украинских окружных, районных и сельских Советов⁴⁴. Как говорили в 1926 г., расходы на национальные меньшинства в Северо-Кавказском крае, в состав которого входило семь национальных районов, за прошедшие три года увеличились в 3—3,5 раза, что повлекло за собой уменьшение национальных трений⁴⁵. Там, где проживали казаки, место сельских Советов заняли «станичные Советы», которые, по всем признакам, были и активны, и эффективны. Казачий Совет охватывал значительно больший населенный массив, чем обычные сельские Советы и будто бы был «похож... по масштабу своей работы на волисполком»⁴⁶. На XIV Всероссийском съезде Советов в мае 1929 г. отстаивалась идея дальнейшего расширения национально-административных единиц «в районах национальных меньшинств»⁴⁷. В 1926—1927 гг. в составе Украинской ССР действовало 872 национальных Совета (русских, немецких, польских и еврейских), и предполагалось в последующие два года их число увеличить. В Белорусской ССР количество национальных Советов (русских, украинских, польских, литовских и еврейских) возросло с 36 (1926 г.) до 66 (1927 г.). На Украине в 1926—1927 гг. существовало 56 еврейских сельских Советов, и еще 89 планировались на 1928—1929 гг. В Белоруссии в 1926 г. их было 18, а в 1928 г. — уже 23⁴⁸. Основная цель создания этих национально-административных единиц — возможность вершить дела на местном языке — на первых порах не была полностью реализована. На пути встретились серьезные трудности. Вместе

с тем в 1929 г. утверждали, что «и в этом отношении достижения уже сейчас очень значительны»⁴⁹. Постоянно обсуждались предложения относительно создания крупной еврейской автономной национально-административной единицы, хотя подобные предложения не соответствовали привычной модели из-за территориальной разобщенности еврейского меньшинства, а также потому, что любая национально-административная единица, которая была известна или которую можно было бы придумать, вобрала бы в себя лишь ничтожную долю советских евреев. 4 сентября 1926 г. центральное бюро еврейской секции в партии, возможно, встревоженное рецидивом антисемитизма⁵⁰, приняло резолюцию относительно «желательности создания автономной еврейской территории». Резолюция включала предостережение против «националистического раздувания еврейской территориальной автономии» и осудила буржуазно-националистические устремления сионизма. Предполагалось сделать «еврейских бедняков участниками всеобщего дела строительства социализма»⁵¹. Эта политика получила влиятельную поддержку Калинина, который в своем выступлении 13 ноября 1926 г. объяснил движение за переход рабочих-евреев на землю главным образом «экономической необходимостью» и «стремлением сохранить свою национальность». Далее он сказал: «Перед еврейским народом стоит большая задача — сохранить свою национальность, а для этого нужно превратить значительную часть еврейского населения в оседлое крестьянское, земледельческое компактное население, измеряемое по крайней мере сотнями тысяч. Только при таких условиях еврейская масса может надеяться на дальнейшее существование своей национальности»⁵².

Это неожиданное вмешательство послужило поводом для горячих споров на конференции еврейской секции в партии, которая состоялась в следующем месяце. Сторонники территориальной автономии резко столкнулись с теми евреями-коммунистами, которые, в ожидании тотальной ассимиляции всех национальностей в международное социалистическое сообщество, открыто критиковали речь Калинина и отвергали любое решение, которое поощряло и увековечивало еврейский национализм⁵³. Политика территориальной автономии, которая временно возобладала, с самого начала не пользовалась полной поддержкой влиятельных кругов еврейской общины и советских властей. В 1926 г. в Херсонском округе Украины, близ устья Днепра, был создан небольшой еврейский «национальный район»⁵⁴. Другие еврейские колонии обосновались на юге Украины и в Крымской АССР. Некоторые из них имели «национальные» сельские Советы. Однако из-за ограниченности свободного пространства ни одно из этих поселений не было значительных размеров и не приобрело статуса национального района.

Но теперь родился более честолюбивый проект. Летом 1927 г. комиссия КОМЗЕТа обследовала большую отдаленную и малона-

селенную область Биробиджана на Дальнем Востоке, и объявила ее вполне подходящей для еврейского поселения и культивации, правда, после предварительной расчистки⁵⁵. Организация миграции на Дальний Восток являлась в тот период главной заботой⁵⁶, которая имела связь с растущей тревогой относительно политической и военной ситуации в данном регионе. 28 марта 1928 г. президиум ЦИК СССР выделил КОМЗЕТу в дальневосточном районе Биробиджана, на реке Амур, свободные земли «для нужд массовых поселений еврейских трудящихся». После изложения условий организации переезда будущих мигрантов, постановление заканчивалось заявлением, что при благоприятных результатах сплошного заселения будет рассмотрена «возможность образования на территории указанного района еврейской национальной административно-территориальной единицы»⁵⁷. Диманштейн, длительное время наиболее видный защитник интересов евреев в партии, осторожно заметил, что проект не предназначался для «каких-либо националистических целей, от которых мы далеки, а для конкретных задач, связанных с социалистическим строительством в нашей стране»⁵⁸. Слабая подготовка на месте и недостаток энтузиазма у организаторов на этот раз обрели проект на неудачу⁵⁹. И хотя Биробиджан в 1934 г. получил конституционный статус автономной области⁶⁰, он никогда не стал действительной еврейской национально-административной единицей.

Характернейший пример трудностей с созданием органов местной администрации в отдаленных районах Советского Союза представляли так называемые «малые народы Севера»⁶¹. Коми, проживающие в северо-восточной части европейской России, на границе с Сибирью, образовали автономную область, а якуты, населяющие северо-восток Сибири, — автономную республику. Обе в рамках РСФСР. Между ними расположились более 20 племен и народностей; некоторые из них насчитывали всего несколько тысяч, многие были кочевниками, занимавшимися преимущественно охотой, рыболовством и оленеводством⁶². В 1924 г., после упразднения народного комиссариата по делам национальностей⁶³, президиум ЦИК РСФСР основал Комитет содействия народностям северных окраин, чья функция состояла в том, чтобы «содействовать планомерной организации малых народов Севера в хозяйственной, административной, юридической сферах, в вопросах культуры и здравоохранения» и обеспечить им равные права, гарантированные Конституцией РСФСР⁶⁴. В феврале 1925 г. Комитет получил официальный статус, его председателем назначили видного партийного работника Смидовича. В Архангельске, Томске, Иркутске, Тобольске, Красноярске и других административных центрах образовали подчиненные Москве местные комитеты, которые включали представителей малых народов⁶⁵. Комитеты первым делом направили экспедиции для сбора информации о всех малоизвестных народах⁶⁶.

Результатом их деятельности явилось принятие 26 октября 1926 г. ЦИК и Совнаркомов РСФСР «Временного положения об администрации туземных народов и племен северных областей РСФСР». Оно было призвано обеспечить административную структуру для народов, «ведущих бродячий, кочевой или полукочевой образ жизни, занятых преимущественно охотой, рыболовством, оленеводством, а также тех, не организованных отдельно в особые республики и области, которые ведут оседлую жизнь и занимаются охотой на морского зверя». Постановление содержало перечень народов, которые находились в Архангельской губернии, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, в автономной области Коми, в Якутской и Бурят-Монгольской АССР. Систему скопировали с местных деревенских учреждений, функционирующих повсюду в других местах. Родовое собрание и родовой Совет заняли место деревенского схода и сельского Совета. Районный туземный съезд Советов и исполнительный комитет заменили обычный районный съезд и исполком. Исключения из установленных правил допускались с согласия Комитета по делам Севера. В положении было зафиксировано одно такое исключение. Там, где не было грамотных лиц, признавались законными успешные решения родового собрания и Совета⁶⁷. Слово «временное» в названии положения говорило о наличии некоторых сомнений относительно его завершенности. Превращение первобытных кочевых народов в оседлые всегда рассматривалось в качестве цивилизаторской миссии, истинной цели советской политики⁶⁸. Настойчивое требование родовой административной единицы и попытку сочетать ее с территориальным управлением впоследствии осудили как ошибочные. Родовая организация являлась синонимом, власти племенного вождя, она уже приходила в упадок и уступала место территориально-административной единице, возможно, не без официального подталкивания. В октябре 1928 г. в одной из статей, которая якобы представляла собой развернутую версию доклада, утвержденного расширенным пленумом Комитета по делам Севера. Смиловitch горячо доказывал, что, несмотря на кочевые привычки, туземные народы имеют глубоко укоренившееся чувство территориального разграничения, рассматривают определенные участки суши и воды (для рыболовства) как свою собственность и не нарушают собственности других племен. Следовательно, последующим этапом данного процесса должна была стать территориальная организация. Предстояло передать территорию родовым съездам Советов, тщательно установив границы между соседними народами. Затем областные исполкомы передали бы местным родовым исполкомам документ, подтверждавший право на «промысловое использование» выделенной территории⁶⁹.

Как видно, между 1926 и 1929 г. в большинстве, но не во всех, этих регионах сформировали родовые или территориальные Советы⁷⁰. Между 1925 и 1930 г. участие населения в выборах в Советы будто бы возросло с 15—20 до 40—50%⁷¹. Первобытное

туземное население оказывало этим непривычным мерам сопротивление, размах и продолжительность которого трудно определить. «Традиция повиновения личной власти племенного вождя» затрудняла понимание самой идеи выборов, коллективного решения и самоуправления. Каждый общественный институт персонифицировался в абсолютной власти его главы. Присутствие женщин на собраниях любого характера противоречило обычаям. В лучшем случае запрет отменялся для вдовы, оказавшейся в роли главы семьи. Создание и первые шаги всякого политического института проходили под руководством русских партийных работников⁷². В отдаленных регионах Советы, как органы местной власти, должно быть, включали необычно большую пропорцию игрового элемента. Вместе с тем они являлись также частью медленного и чрезвычайно трудного процесса воспитания, модернизации и интеграции, направленного на то, чтобы вовлечь отсталые народы в более развитую экономику и общество.

Задача создания правовой системы осложнялась не только знакомыми по другим отсталым территориям Советского Союза конфликтами между местными обычаями, прежде всего в вопросах заключения браков и положения женщины, и принципами советского законодательства, но и неспособностью или нежеланием различать между административными и судебными функциями. Осенью 1926 г. Комитет по делам Севера обсуждал предложение о передаче судебных прав туземным Советам, но натолкнулся на сопротивление Наркомюста. На следующий год был представлен измененный план, включавший различные меры предосторожности⁷³. Своим постановлением от 1 июня 1927 г. ЦИК СССР санкционировал в качестве временной меры передачу судебных функций туземным органам управления северных окраин. Местные обычаи следовало применять, если они «не противоречат принципам советского законодательства». Юрисдикция касалась уголовных и гражданских дел, но не распространялась на дела, связанные с «государственными органами». Разрешалась апелляция в вышестоящие советские органы⁷⁴. Решение было введено в действие постановлением РСФСР от 14 октября 1927 г., которым судебные функции возлагались (с теми же самыми специфическими ограничениями) на «родовые (тундровые, островные) Советы» и на туземные исполкомы. Судебные разбирательства следовало проводить публично на местном языке или наречии, решения и приговоры излагать, как правило, в письменном виде. Разрешалось приговаривать к принудительным работам сроком до одного года, но к более серьезные меры наказания налагались ограничения. «Меры, сопряженные с мучительством, членовредительством, нанесением побоев и глумлением над личностью», безусловно, не допускались⁷⁵. Вначале русские судьи заседали вместе с помощниками из туземцев, затем работу постепенно передали полностью местным органам. Дела вершились легко, когда применялись местные обычаи, однако споры возникали по таким вопро-

сам, как права женщин и брачные традиции. Право на обжалование помогло подорвать до тех пор неоспоримую власть племенных вождей.

Проще оценить благие намерения, лежавшие в основе этих мероприятий, чем их эффективность. На заседании в марте 1929 г. Комитет по делам Севера с удовлетворением констатировал, что его работа «становится на твердые плановые рельсы», и заговорил о расширении «туземных Советов», промысловой, кооперативной, санитарной секций, о предоставлении советским районным комитетам самостоятельных бюджетов и права облагать налогом⁷⁶. В довольно реалистическом сообщении, появившемся в конце того же года, признавалось, что большинство населения в северных районах продолжало оставаться кочевым или полукочевым. Процесс «советизации» продвигался медленно: «многие из этих Советов существовали лишь номинально, а еще большее количество из них держится исключительно на работе одних председателей». В своих отношениях с кочевым народом Советы не располагали четко очерченной административной территорией. Родовые территории часто пересекались границами округов, областей и республик. Как говорили, в регионе было создано 125 школ с 3500 учениками. Другие задокументированные достижения не столь внушительны. Создание крестьянского комитета взаимной помощи, вероятно, стало пустой формальностью. Общая картина свидетельствовала о поиске новых форм хозяйствования и общественного устройства, насаждавшихся такими мерами, которые, несомненно, включали и воспитание, и убеждение, и принуждение в различных пропорциях⁷⁷.

б) Земельное общество и сход

Единственной законной властью в деревне, пережившей революцию, являлись «мир» и традиционный «сход». Община или мир, обычно фигурировавшие в советских документах под общим понятием «земельного общества»⁷⁸, представляли собой давнее объединение крестьянских (первоначально крепостных) хозяйств данного поместья или места нахождения. Их административным органом был сход или деревенское собрание глав отдельных домашних хозяйств⁷⁹. После освобождения 1861 г. мир принял на себя определенные общественные функции, стал нести коллективную ответственность за сбор и уплату налогов и осуществлять административную власть над своими членами⁸⁰. Помимо сбора государственных налогов мир управлял системой «самообложения»⁸¹ на местные нужды, а также имел доходы от сдачи в аренду или использование принадлежавшего ему имущества, от собственной предпринимательской деятельности или от выдачи разрешения на проведение таковой. Частью этих доходов мир покрывал затраты на услуги и управление, часть перечислял для аналогичных целей в волостной бюджет⁸².

Революция 1917 г., вызвавшая острую реакцию против столыпинского землеустройства, первым делом восстановила полномочия общины⁸³. Земельный кодекс 1922 г.⁸⁴ подчеркнул общественный статус мира или земельного общества, включив три главы относительно состава, административных органов, прав и обязанностей «земельных обществ» (ст. 42—64). Сход получил право иметь «выборные органы», назначать председателя, секретаря и уполномоченного для выполнения необходимых управленческих функций, хотя там, где границы мира совпадали с территорией сельского Совета, эти функции фактически осуществлялись Советами. На практике уполномоченным (переименованное для пышности название старосты или старейшины мира, которые существовали с незапамятных времен, председательствовали на сходах и чей титул был все еще в употреблении) являлся назначенный обществом председатель сельского Совета, таким образом обеспечивавший соблюдение кодекса и точное выполнение Советами постановлений мира и его схода⁸⁵. Когда ЦИК РСФСР принимал в октябре 1922 г. Земельный кодекс, один из делегатов настаивал на внесении поправки с тем, чтобы земельным обществам не разрешалось «заменять собой ни сельских Советов, ни других Советских органов»⁸⁶. Как показали последующие события, эти опасения были оправданы. В борьбе за действенный контроль над местной деревенской администрацией, которая развернулась между сельскими Советами, опиравшимися на огромные ресурсы партии и правительственную власть, и миром, имевшим глубокие корни в давних традициях крестьянской общины, поначалу почти все преимущества были на стороне последнего. В положении о сельских Советах, принятом в октябре 1924 г.⁸⁷, оптимистически, но не реалистически, говорилось о подчинении схода Советам. Надзор за деятельностью земельных обществ Земельный кодекс 1922 г. возлагал на волостные исполкомы. Этим подтверждался их статус общественного учреждения, но одновременно обходилась вопрос подчинения земельных обществ новоиспеченным сельским Советам, которые в тот период не являлись действенным органом. Подобные обстоятельства свидетельствовали о сохранившемся превосходстве схода в местных делах. Еще в 1927 г. «волостные исполкомы вновь и вновь передавали сходам через головы сельских Советов важные вопросы местной хозяйственной жизни»⁸⁸.

Проблему усложнял процесс сокращения количества сельских Советов, «расширения» охватываемой ими территории и увеличения численности населения, который с перерывами продолжался с 1922 г.⁸⁹ Таким путем постепенно нарушались территориальное тождество сельских Советов и земельных обществ, взаимозаменяемость их официальных представителей и функций, которая предусматривалась Земельным кодексом 1922 г. В 1928 г. один сельский Совет включал в среднем четыре земельных общества⁹⁰. Для преодоления этого несоответствия использовались различные

методы. Иногда «уполномоченные» всех земельных обществ данной местности избирались заместителями председателя сельского Совета⁹¹. Статья 45 кодекса 1922 г. допускала «объединения» земельных обществ. Однако такая практика, по всей видимости, не получила распространения. Правда, сообщалось об одном случае в Саратовской губернии, где несколько земельных обществ создали объединение и полностью взяли на себя функции сельского Совета⁹². Вообще же «расширение» сельских Советов еще больше отдалило их от крестьянского мира, усложнило и затруднило прямые связи с массами и тем самым усилило самостоятельность и значение земельного общества и его схода⁹³.

Стоящие у власти политические деятели были полны решимости изменить эту тенденцию. План, касавшийся местной деревенской администрации низшего уровня, который в 1926 г. окончательно созрел в умах представителей центральной власти в Москве, был нацелен на замену мира сельским Советом в качестве действенной общественной власти в деревне и на превращение схода в орган Советов — самую маленькую единицу советской управленческой структуры. Борьба за этот план, которая продолжалась в течение трех лет в различных условиях и с незначительным успехом, была симптоматичной для оценки разрыва между мышлением партийных руководителей и юристов в Москве и традиционной практикой в деревне, а также трудностей в нахождении точек соприкосновения между ними. План требовал двух институционных изменений. В первую очередь предстояло превратить сход — это всеобщее собрание мира — в собрание граждан, выполняющих общественные функции, или же, в качестве альтернативы, следовало провести четкое различие между сходом, выступавшим как всеобщее собрание земельной общины и сходом как общим собранием граждан. Во-вторых, сход в последнем понимании нужно было подчинить и поставить в зависимость от сельского Совета, как расположенной непосредственно над ним административной единицы. На практике эти два процесса слились в единый и представили одинаковую проблему. Возвышение Советов и трансформацию схода можно было осуществить только под давлением высших властей при полном пренебрежении к ресурсам и традициям мира.

Серьезная борьба разгорелась в августе 1926 г., когда ЦИК РСФСР опубликовал для обсуждения проект положения о сходах. В нем сход назывался «общим собранием граждан», чем подчеркивалось его отличие от традиционного схода. Созывался сход сельским Советом, которому он подчинялся и перед которым отчитывался за свои решения⁹⁴. Эти предложения вызвали в прессе широкие дебаты. Земельное общество пользовалось значительной поддержкой в партийных и еще большей в советских кругах⁹⁵. Ссылаясь на Земельный кодекс, Наркомзем 17 августа 1926 г. в циркулярном разъяснении утверждал, что «подконтрольным сель-

скому совету земельное общество вообще не является» и что любая попытка Советов призвать земельное общество к ответу противоречила Конституции⁹⁶. Крестьянская газета в своей редакционной статье горячо выступила против подчинения земельного общества сельскому Совету в земельных вопросах⁹⁷. С другой стороны, журнал Наркомвнудела опубликовал статью, в которой резко критиковал идею, что сельский Совет и сход (как орган земельного общества) обладают одинаковыми правами. Сельский Совет, дескать, представляет собой орган правительства, а сход имеет такой же статус, что и крестьянские комитеты взаимной помощи, украинские комнезамы или кооперативы. Статья, правда, сопровождалась редакционной припиской о том, что вопрос о компетенции схода и земельного общества остается «открытым для обсуждения»⁹⁸. Повсеместно выражалось недовольство, что в проекте недостаточно четко определялись отношения между сельским Советом и земельным обществом⁹⁹. Мнение о необходимости предоставления сходу более широких полномочий сталкивалось с мнением о желательности большего контроля над сходом со стороны сельского Совета¹⁰⁰. Реформаторы замыслили «выбить кулака из его последней позиции в деревне и превратить сходы в массовые, регулярно функционирующие формы организации бедняцко-средняцких элементов деревни»¹⁰¹. Дебаты поднялись с республиканского до союзного уровня, и положение, опубликованное 14 марта 1927 г. в виде постановления СССР, представляло собой официальное свидетельство решающей победы тех, кто стремился подчинить сход сельскому Совету. Теперь протоколы схода надлежало представлять в Совет, который мог в течение недели опротестовать перед вышестоящими советскими властями и приостановить действие любого решения схода. Одобренные решения проводили в жизнь сельские Советы. В постановлении сход именовался «общим собранием граждан» и старательно подчеркивалось его отличие от «общего собрания членов земельного общества», функционирующего в соответствии с Земельным кодексом. Обоим строго запрещалось присваивать себе функции другой стороны. В остальном характер взаимных отношений между двумя собраниями или сходами был покрыт мраком неизвестности¹⁰².

Попытки учредить два отдельных схода или провести законодательную черту между двумя функциями схода слишком противоречили здравому смыслу, чтобы быть понятыми крестьянами, и поэтому потерпели фиаско. В декабре 1927 г. официальный комментатор следующим образом охарактеризовал ситуацию: «Нет даже разграничения в самом понятии «сход земельного общества» и «сход — общее собрание граждан». Существует просто сход... на котором разрешаются все вопросы села, как сельскохозяйственные и, следовательно, земельные, так и административно-культурные»¹⁰³.

Сельские сходы, писал другой автор, «в большинстве своем до

сих пор не собирались и чаще всего подменялись сходами земельных обществ»¹⁰⁴. В большинстве деревень и через год после постановления размежевания не произошло¹⁰⁵. Проблема двойного статуса схода впервые встала со всей остротой в связи с вопросами о его участниках. До революции сход являлся собранием хозяев дворов. Между тем статья 52 Земельного кодекса устанавливала, что участниками схода могли быть все члены «земельного общества», достигшие 18 лет. И хотя это правило было основополагающим для каждого советского законного органа, во многих, — вероятно, в большинстве — районах земельное общество его игнорировало, и «главную роль» по-прежнему играл глава хозяйства или, в случае неспособности, его старший сын¹⁰⁶. Напряженность усиливала еще одна ненормальность в вопросе об участниках. В 1925 г. и особенно в последующие годы предпринимались попытки скрупулезно применять конституционное положение о лишении избирательных прав лиц, использовавших наемный труд, торговцев и представителей аналогичных категорий¹⁰⁷. Но постановление от 14 марта 1927 г. предписывало, что членами схода, учреждаемого по условиям постановления, могли быть только мужчины и женщины, «которые в соответствии с Конституцией СССР обладают избирательными правами». Несовместимость принципов функционирования Советов и земельного общества стала особенно наглядной, поскольку было бы невозможно не допускать на сход всех зажиточных крестьян, игравших видную роль в общине¹⁰⁸.

При составлении проекта Общих начал землеустройства и землепользования возникли новые сложности. Было выдвинуто предложение сделать участниками схода батраков, кузнецов и деревенских ремесленников, хотя они и не имели земли. После недолгого обсуждения предложение приняли на собрании крестьянских делегатов ЦИК РСФСР в ноябре 1926 г.¹⁰⁹ и двумя годами позже включили в статью 48 окончательного варианта Общих начал¹¹⁰. Однако присутствие подобных лиц противоречило традициям схода, как собрания глав домашних хозяйств, владельцев земли, принадлежавшей обществу. Изданные партией 20 октября 1927 г. директивы относительно составления проекта Общих начал содержали условия относительно того, чтобы «пролетарские и полупролетарские элементы деревни (батраки, пастихи, кузнецы и т. д.)» были полноправными участниками «общего собрания (схода)» и чтобы лица, лишенные права выбирать в советские учреждения, были бы лишены права голоса и на сходе¹¹¹. Второе требование нашло отражение в резолюции XV съезда партии два месяца спустя¹¹². Но эти официальные заявления не возымели действия. Пока для огромного большинства крестьян преобладающей формой землевладения являлась общинная форма и пока официальная позиция по отношению к земельному обществу продолжала оставаться противоречивой, до тех пор бесплодными были любые попытки партии и Советов диктовать тра-

диционному сходу правила участия и процедуру голосования. Ни одно из двух альтернативных решений: втиснуть традиционный сход в привычную форму советских институтов или усадить сход рядышком с существующими институтами — не было реально осуществимым. Распутать гордиев узел не представлялось возможным.

Проблема, лежавшая в основе всех дискуссий о статусе земельного общества, его схода и их отношений к сельскому Совету, касалась классовой борьбы и той позиции, которую следовало занять по отношению к зажиточному крестьянину. В мире, как обществе землевладельческих хозяйств, конечно же, доминировали преуспевающие и удачливые члены, и было маловероятно, чтобы мир стал действовать им в ущерб. Летом 1926 г. крестьянская газета назвала сход «традиционной давилкой кучки активных крестьян, в большинстве богатеньких» и затем спросила: «Где, как не на сходе, можно наблюдать борьбу и засилие богатеев?»¹¹³ Сельский староста или «уполномоченный», выполнявший решения схода, был обычно из зажиточных крестьян или «даже кулацкой части крестьянства» и «стремился ограждать» интересы кулаков¹¹⁴. Во всяком случае вплоть до 1928 г. устанавливавшееся сходом самообложение не носило прогрессивного характера, и налог взимался в равной пропорции как с богатых, так и с бедных¹¹⁵. Любые попытки модифицировать характер участников схода путем удаления тех, кого советское законодательство стремилось лишить такого права, или же путем включения безземельных батраков или ремесленников наталкивались на упорное сопротивление. В 1926 г. во время дебатов в Коммунистической академии по Общим началам один из выступавших сказал, что сход — это «первобытное вече или, если хотите, парламент, в котором происходит классовая борьба на почве разверсток». Другой говорил, что земельное общество очень часто находилось «целиком и полностью... в руках кулаков»¹¹⁶. Это была «зжиточная и крепкая часть крестьянства», которая проявляла активность на сходе¹¹⁷. Бедные крестьяне редко считали, что посещение схода стоит времени и усилий¹¹⁸. И, как говорили, земельные общества препятствовали формированию бедняцких групп¹¹⁹. Сообщалось о случае, имевшем место в Сибири, где кулаки изгнали из земельного общества бедняков и проникли в сельский Совет¹²⁰. «До сих пор,— воскликнул Молотов на XV съезде партии,— ...когда мы оживляли Советы, кулак налегал на земельные общества и там старался окопаться»¹²¹. И в западной части Украины, и в Белоруссии земельные общества были слабее, чем в РСФСР¹²². Тем не менее на Украине их обвинили в том, что они вмешиваются в работу сельских Советов в интересах кулаков и зажиточных крестьян. И будто бы даже в Белоруссии сход иногда аннулировал или не принимал во внимание решений сельского Совета¹²³. Политическая самостоятельность земельного общества

и схода являлась отчасти следствием их финансовой самостоятельности. Статья 64 Земельного кодекса признала земельное общество в качестве юридического лица, способного приобретать имущество и заключать контракты. То, что традиционно рассматривалось как общая деревенская собственность, принадлежало земельному обществу, которое в условиях, когда ни один сельский Совет не располагал самостоятельным бюджетом, получал доходы в виде пошлины за использование общественной земли, огородных делянок, лесов, за водопользование или услуги деревенского быта, а также за счет налогов со своих членов, и из этих доходов и сложившейся системы самообложения оплачивал важные общественные работы. «Традиционное представление о сходе, как собственнике всего имущества села» не позволяло сельским Советам национализировать такие мелкие сельские предприятия, как «кузницы, мельницы, крупорушки и т. д. . . »¹²⁴ Прежде всего власть схода признавали те крестьяне (и, безусловно, в первую очередь зажиточные), которые «положительно относились . . . к самообложению» для таких целей, как строительство школ и колодцев¹²⁵. По мере усиления в деревне тяги к социальным и культурным благам, задача его удовлетворения, с одобрения или согласия советских властей, выпала на долю единственного местного органа, располагавшего денежными средствами и возможностями их сбора. 24 июня 1926 г. исполком Совета Северо-Кавказского края разрешил земельным обществам образовывать общественный капитал для «культурно-просветительных и иных общественных нужд», и определил, что эти средства являлись «неотъемлемой собственностью» земельного общества и не могли быть включены в сельский или районный бюджет¹²⁶. Даже там, где сельские Советы начали постепенно и самыми разнообразными путями создавать собственные бюджеты¹²⁷, их финансовые ресурсы были ничтожными в сравнении с ресурсами общества. Из довольно туманного доклада Енукидзе на XV съезде партии в декабре 1927 г. следовало, что общий годовой бюджет «земельных обществ и других объединений крестьянства» достигал 80 или 100 млн. руб., а 2300 сельсоветов, имевших бюджеты, — жалких 16 млн. руб.¹²⁸ Такое положение дел увековечивало подчиненность Советов земельному обществу и его органам, а это прямо противоречило тому, чего желали или к чему стремились партия и центральная Советская власть. Сход часто голосовал за выделение субсидий на содержание и обслуживание сельского Совета, включая оклады председателю и секретарю¹²⁹. По-видимому, почти не делалось различия между финансовым статусом и функциями обоих органов. Один из журналистов, в частности, писал: «В деревне продолжали существовать всякого рода принудительные налобообразные сборы, устанавливаемые местными органами власти. Кроме того, местные органы принимали самое непосредственное участие в проведении самообложения, и обычно вопросы о введении различных сборов обсуж-

дались крестьянским сходом по инициативе местных органов власти»¹³⁰.

В автономной республике Немцев Поволжья ввели объединенный деревенский бюджет, увязанный с практическим слиянием земельного общества и советских органов¹³¹. В Азербайджане произошло «некоторое смешение функций» схода и сельсовета, когда «сельсоветы пытались разрешать вопросы, связанные с самообложением крестьянства»¹³². Между тем общая картина довольно сносно резюмировалась в докладе, подготовленном для Оргбюро Институтом Советского строительства Коммунистической академии. В нем, в частности, утверждалось: «Экономически самостоятельное земельное общество берет на свое иждивение сельсовет. Материальная зависимость сельского Совета от земельного общества тормозит дальнейшее развертывание и оживление работы Совета и его секций, а с другой стороны — является основой для подмены земельным сходом работы сельского Совета»¹³³.

В мае 1929 г. докладчик на XIV Всероссийском съезде Советов нарисовал аналогичную картину. Он заявил: «Сельский Совет находится в материальной зависимости от земельных обществ, получая очень крупные дотации»¹³⁴.

Институты земельных обществ были не только в финансовом отношении сильнее органов Советов, они были также эффективнее и активнее. «Полнейшая некомпетентность» сельских Советов в сравнении со сходом земельного общества была притчей во языцех¹³⁵. Решая практические проблемы, земельное общество могло во всех случаях опираться на трезвый расчет зажиточных и преуспевающих крестьян. Сходы происходили значительно чаще, чем собрания сельского Совета или его президиума¹³⁶. Сход по своей организации являлся «формально гораздо более массовой организацией, чем Совет». Он вызывал «растущую активность крестьянских масс»¹³⁷ и считался «вполне оформленным институтом»¹³⁸. Иногда сход брал на себя обязанность назначать избирательную комиссию, которая составляла списки избирателей в сельский Совет¹³⁹. Будучи собранием общества, сход был готов заниматься любой местной проблемой, которая интересовала его членов. Не в пример сельскому Совету, его не сковывали соображения партийной и советской ортодоксальности. Вероятно, не было ничего из ряда вон выходящего в том, что сход назначал церковного старосту и собирал деньги на содержание деревенской церкви¹⁴⁰. В декабре 1927 г. на XV съезде партии Косиор признал, что 60—70% дискуссий в земельных обществах и только 10—20% в сельских Советах касались местных проблем¹⁴¹. Примерно в то же время Рабкрин в докладе указал, что в числе вопросов, обсуждавшихся сходами земельных обществ, 39% были посвящены земельно-хозяйственным, 16 — административным, 9 — социально-культурным, 8 — вопросам благоустройства, 13% — политическим и другим проблемам, и сделал вывод, что сход —

это «основной орган управления Земобществом»¹⁴². Партийный журнал признавал, что престиж схода выше, чем у Советов, и что он являлся «вторым органом деревенской власти»¹⁴³. По-прежнему многие считали, что сход принимает решение, а сельский Совет выступает в роли исполнительного органа¹⁴⁴. Высказывалось мнение, что революция «почти не затронула» давние деревенские обычаи и традиции; «черты старинного вече» — все решать «миром» — «сохранились в Земобществах до наших дней»¹⁴⁵. Через несколько недель другой журналист нарисовал такую же реалистическую картину. Он писал: «Сельский сход продолжает занимать первенствующее положение в жизни села... Общие собрания граждан (сходы) функционируют как организации, целиком слитые с земельными обществами. Не представляется возможным провести какую-нибудь заметную грань в деятельности этих обеих организаций»¹⁴⁶.

Земельное общество оставалось оплотом крестьянской солидарности против власти Советов. Милютин, который на сессии ЦИК в апреле 1928 г. осторожно говорил о «неразберихе» в отношениях между земельным обществом и сельсоветом, на следующей сессии в декабре того же года признал, что «земельное общество хозяйничает», а сельсовет в стороне сидит¹⁴⁷.

Крайнее нежелание партийных руководителей перейти к прямым действиям против земельного общества объяснялось его непоколебленной властью над крестьянскими массами¹⁴⁸. Все еще были слышны голоса, доказывавшие, что влияние зажиточных крестьян можно сломить не прямой атакой извне на земельное общество и его сход, а только развернув классовую борьбу внутри его¹⁴⁹, и что община будет вытеснена лишь тогда, когда «исторический переход сельского хозяйства на более высокую ступень развития» приведет к «отмиранию экономических предпосылок общины»¹⁵⁰. Еще весной 1929 г. один агроспециалист Госплана протестовал против растущей тенденции — отождествлять земельное общество с сельским Советом, заявляя, что первый должен выполнять отдельные и подчиненные функции «производственного кооператива»¹⁵¹. Но хлебозаготовительный кризис и усиливавшееся стремление расширять и укреплять коллективное земледелие побуждали ко все более прямым враждебным акциям против земельного общества, как сосредоточения сопротивления хлебозаготовкам, и к более яростным атакам на его власть. Зимой 1928—29 гг., в критический момент битвы за хлеб, постановление о коллективном использовании земли давало всякому члену земельного общества, желавшему вступить в ближайший колхоз любого типа, санкцию на передачу колхозу земли, отведенной ему обществом, которое не имело права накладывать вето или препятствовать передаче¹⁵². Когда же началось движение за массовую коллективизацию сельского хозяйства, СССР и РСФСР издали постановления, ликвидирующие в районах массовой коллективизации земельные общества¹⁵³.

в) Волостные Советы

Даже после того как был приостановлен процесс расширения сельских Советов¹⁵⁴, они продолжали оставаться самым слабым звеном в цепи местного советского самоуправления. Подобно волостным властям, учрежденным царским правительством после отмены крепостного права в качестве административной единицы крестьянского самоуправления, сельский Совет представлял собой искусственное творение, которое не обладало ни авторитетом, ни эффективностью традиционного местного крестьянского формирования, то есть общины. На 1 января 1929 г. в СССР было 72 163 сельских Совета (в РСФСР — 55 340), охватывавших население в 123,5 млн. человек (85 млн.—в РСФСР). В среднем на один сельский Совет приходилось 1700 человек (в РСФСР — 1500), 8 «населенных пунктов» (в РСФСР — 9)¹⁵⁵ и около 18 выборных членов¹⁵⁶. Из описания, по-видимому, довольно активного сельского Совета за 1926 г. видно, что он собирался один или два раза в месяц, что обычно на собраниях присутствовало от 5 до 7 членов, что из обсуждавшихся вопросов не более 15% имели отношения к сельскому хозяйству и что большинство дел вершили председатель и секретарь. Во многих, особенно небольших, сельских Советах, как выразился Каганович, «коллективность отсутствует, пленумы созываются крайне редко, 1—2 раза в год, и носят более парадный, торжественный характер»¹⁵⁷. Даже в 1928 г. официально признавалось, что все еще имелись такие «сельсоветы, пленумы которых регулярно не собираются и где работа сельсовета сводится к работе председателя и секретаря»¹⁵⁸. Некоторые сельские Советы в дополнение к председателю и секретарю поручали правлению действовать в качестве исполнительного органа, но обыкновенно это не находили нужным¹⁵⁹. Сельский Совет, имевший под своей юрисдикцией несколько «населенных пунктов» или «поселков», при желании мог делегировать одного из своих членов в качестве уполномоченного по делам какого-нибудь конкретного поселка¹⁶⁰.

Средняя ежемесячная заработная плата председателя сельского Совета увеличилась с 20,1 руб. в 1926 г. до 22,2 руб.—в 1927 г., а секретаря — с 18,9 до 21,5 руб. Эти гроши должны были дополнить другие источники средств существования¹⁶¹. Работники покидали сельские Советы ради лучше оплачиваемых постов в кооперативах, кредитных товариществах и совхозах¹⁶². На сессии ЦИК РСФСР в ноябре 1926 г. была высказана жалоба, что председатель, или «уполномоченный», ответственный за выполнение решений, который «являлся фактически сельсоветом», подчас не получал от государства никакого жалованья¹⁶³. Ставка в 25 руб. привлекала лишь «негодных секретарей, нередко едва грамотных и мало разбирающих даже печатное»¹⁶⁴. Связь была настолько плоха, что московские постановления и распоряжения

достигали низовые советские органы в среднем через 56 дней¹⁶⁵. После революции дороги разрушались, почтовая служба находилась в зачаточном состоянии. Число деревенских почтальонов (институт, не известный до революции) увеличилось с 6938 в 1924—1925 гг. до 19 161 в 1927—1928 гг.¹⁶⁶ Телефона почти не знали, и еще в 1930 г. некоторые райцентры не имели телеграфа¹⁶⁷. Контакты с вышестоящими советскими учреждениями сводились к редким и нерегулярным посещениям представителей районных или окружных исполкомов¹⁶⁸. Наиболее тяжелая ситуация складывалась в отдаленных регионах, где условия были примитивными, а Советы слабо развиты. В 1927 г. в Азербайджане, за пределами столицы Баку, 68,1% депутатов Советов и 51,2% их председателей были неграмотны¹⁶⁹. Журнал Наркомюста сетовал, что нигде в Советах ниже уровня секретаря волисполкома нельзя было найти «более или менее юридически грамотное лицо»¹⁷⁰. Неудивительно поэтому, что Советы обнаруживали «недостаточное понимание того, как организовать эффективную работу по основным хозяйственным проблемам»¹⁷¹. В 1928 г. партийный журнал писал, что сельский Совет являлся лишь почтовым отделением, «выполнявшим поручения различных административных и судебных органов (вручение повесток, содействие взиманию налогов и т. п.)»¹⁷².

Недостатки и низкий уровень сельских Советов были предметом постоянной тревоги. 30 июня 1926 г. президиум ЦИК направил ЦИК союзных республик письмо, в котором обращал внимание на плохую квалификацию служебного персонала сельских Советов, на недостаточное обеспечение их книгами, документами, различными формулярами и другими принадлежностями и рекомендовал, помимо прочего, повысить оклады работникам¹⁷³. Весной 1927 г. Наркомвнудел РСФСР потребовал рационализировать работу низовых советских органов в деревне: районных и волостных исполкомов и сельских Советов. Следовало более четко определить функции и подобрать более квалифицированные кадры¹⁷⁴. Количество платных служащих сельских Советов возросло с 130 тыс. (на 1 мая 1926 г.) до 140 тыс. (на 1 января 1928 г.) — существенное увеличение для периода, когда повсюду предпринимались энергичные меры к сокращению штатов¹⁷⁵. В 1928 г. несколько районных или волостных исполкомов назначили «инструкторов» (вне всякого сомнения, по аналогии с партийными «инструкторами») для посещения сельских Советов и вышли с предложением относительно расширения и упорядочения этой системы¹⁷⁶. Вероятно, предложение не прошло из-за отсутствия подходящих кадров. Постоянно выражалась тревога по поводу неспособности Советов заручиться доверием населения. «На сельский Совет,— писала «Известия»,— крестьянство смотрело как на орган принуждения, и от него ожидало лишь приказаний и распоряжений, в большинстве случаев не весьма популярного характера»¹⁷⁷.

Резолюция XVI партийной конференции в апреле 1929 г. осудила подмену Советов и других выборных органов «соответствующей верхушкой (президиум Совета, а в деревне очень часто только председатель или секретарь Совета...)»¹⁷⁸. Это могло привести к одному из двух зол. «Крестьянские запросы (говорилось в одной из жалоб) не удовлетворяются, «начальство» сверху ругается за недоброкачественность представляемых сводок и сведений... срочные и важные бумаги подшиваются нечитанными к делу, а председатель начинает свой рабочий день с 5 часов утра и кончает его в 12 часов ночи».

В других случаях председатель «просто ничего не делает и дожидается первой возможности уйти с работы и погрузиться с головой в свое крестьянское хозяйство»¹⁷⁹. На выборах в январе — марте 1929 г. 95% председателей сельских Советов были бедняками или середняками, 50 ранее служили в Красной Армии, 25 являлись членами партии или комсомола, 1,2% составляли женщины. Впервые избранных было 37,6%¹⁸⁰. Но все это мало говорило об их способности к такой напряженной работе.

Начиная с 1927 г. укрепление сельских Советов стало главной заботой партийной политики. Раз партия наконец покончила с курсом на примирение с зажиточным крестьянином и объявила о «усиленном наступлении на кулака», то больше не считалось возможным позволить ему использовать земельное общество и сход в качестве оплота для защиты собственных интересов и бастиона против наступления Советов. Только с обретением силы и эффективности могли сельские Советы оправдать свое название и стать органами местной администрации, а растущая нужда в более высокой продуктивности сельского хозяйства, в улучшенном севообороте, в механизации и консолидации земли, в коллективном земледелии требовала организации, которая позволила бы Советским властям контролировать деятельность земельного общества. На состоявшемся в феврале 1927 г. Пленуме ЦК партии было заявлено, что «Советы должны все больше и больше становиться организационно-политическими и хозяйственными центрами всей рабочей и крестьянской общественности»¹⁸¹. Положение о сходе от 14 марта 1927 г. было первой, оказавшейся нереалистической и неудачной попыткой установить власть Советов над земельным обществом¹⁸². Украина всегда шла впереди других регионов Союза ССР в развитии местного самоуправления, да и институт земельных обществ был там не столь распространен и не имел таких глубоких корней. В апреле 1927 г. X съезд Советов Украины принял резолюцию, которая требовала «урегулирования взаимоотношений сельсоветов как органов власти, с земельными обществами (земгромадами), как общественно-хозяйственными объединениями села, на основе такого порядка, при котором сельсовет имел бы полную возможность руководить земельными обществами», и «усиления роли сельсоветов как единого полноправного органа Советской власти на селе»¹⁸³. И как часто слу-

чалось в советских кампаниях, признание необходимости определенного курса порождало оптимистическое предположение, что данный курс можно с успехом провести в жизнь, что он уже проводится.

В восторженной статье журнала Нарковнудел летом 1927 г. утверждалось, что «за последние два года сельские Советы становятся коллективными организациями и обрастают беспартийным крестьянским активом, непосредственно участвующим в работе Совета и его секций»¹⁸⁴. Опровергая собственную позицию предшествующего года, крестьянская газета заявила, что «сельсовет должен быть хозяином земли»¹⁸⁵. Постановлением от 17 сентября 1927 г. РСФСР официально внесла изменение в Земельный кодекс 1922 г., передав сельскому Совету право надзора за деятельностью земельного общества, которое Земельный кодекс предоставил ранее волостному исполкому¹⁸⁶. 12 октября 1927 г. ЦИК Украинской ССР принял постановление, наделив сельские Советы правом контролировать на своей территории «все постановления общих собраний и правлений земельных обществ, утверждать и регистрировать указанные постановления... а также приостанавливать проведение их в жизнь в случае несогласованности их с действующим законодательством»¹⁸⁷. Через несколько дней Центральный Комитет партии издал директивы относительно составления Общих начал землепользования, указав на необходимость «улучшения взаимоотношений между Советами и земельными обществами под углом зрения обеспечения руководящей роли Советов»¹⁸⁸. На XV съезде партии в декабре 1927 г. этот вопрос рассматривался в довольно бессистемной манере, что свидетельствовало об отсутствии какого-либо практического решения. Один из делегатов говорил о наличии «двоевластия в нашей деревне» и сослался на лозунг «Вся власть Советам!», который был выдвинут для свержения «двоевластия» в 1917 г.¹⁸⁹. А. Енукидзе разглядел «громадные плюсы» в работе сельских Советов по сравнению с предыдущим годом и сослался на «более решительный шаг», предпринятый «украинскими товарищами», чтобы утвердить власть сельсоветов над земельными обществами¹⁹⁰. Резолюция съезда потребовала «улучшения взаимоотношений между Советами и земельными обществами под углом зрения обеспечения руководящей роли Советов»¹⁹¹. Утверждение, что в работе Советов в самом деле произошли «значительные улучшения»¹⁹², по всем признакам, не подкреплялось фактами. Каганович затронул важный пункт, когда заявил, что нужно добиться того, чтобы «плenums Советов увеличили обсуждения деловых, хозяйственных, административных и бытовых вопросов, затрагивающих широкие массы избирателей», и обращать больше внимания «на вопросы, связанные с крестьянским хозяйством и крестьянской жизнью»¹⁹³. Но ничто не меняло тот неопровержимый факт, что земельное общество и его сход занимались большинством проблем, имеющих важное значение для повседневной жизни

ни крестьян¹⁹⁴, и что сельсовет оставался чуждым, неэффективным и часто нежелательным органом.

Наиболее ожесточенные споры развернулись вокруг проблемы финансовой автономии деревни. С самого 1925 г. в Москве активно собирали сторонников установления для сельских Советов самостоятельных бюджетов. Местная практика опередила законодателей Центра. Автономная республика Немцев Поволжья ввела бюджеты сельских Советов еще в 1924 г. На Украине они входили в практику быстрее, чем в РСФСР. Вновь образованные области и края также склонялись к их введению¹⁹⁵. В ноябре 1926 г. в новом положении о местных финансах РСФСР в осторожной форме высказывались за предоставление права иметь свой бюджет «сельским Советам экономически мощных населенных пунктов»¹⁹⁶. Однако Наркомфин продолжал взирать на сельские бюджеты с большим сомнением, очевидно по той причине, что надзор за ними был бы связан с дополнительной работой¹⁹⁷. В то время ни один закон Союза ССР такие бюджеты не санкционировал. В 1926—1927 гг. в РСФСР бюджеты имели 3% сельских Советов, на Украине — 4,5%. В других республиках они были еще практически не известны¹⁹⁸.

Дело сельских бюджетов получило наиболее сильную поддержку в ходе длительной борьбы, направленной на то, чтобы заменить власть земельного общества и традиционного схода властью сельского Совета. Для осуществления же реальной власти сельскому Совету была нужна финансовая самостоятельность, и в этом направлении был достигнут некоторый прогресс. Постановлением от 7 марта 1927 г. РСФСР признала право сельских Советов, имеющих самостоятельные бюджеты, владеть и сдавать в аренду имущество, вступать в договорные отношения¹⁹⁹. X съезд Советов Украины в апреле 1927 г. проголосовал за то, чтобы предоставить самостоятельные бюджеты всем городским, поселковым и сельским Советам, располагавшим необходимыми экономическими предпосылками, передать местным Советам предприятия и имущество местного значения и предоставить сельским Советам право разрешать спорные вопросы местного характера²⁰⁰. Постановление РСФСР от 18 июля 1927 г. имело целью дать сельским Советам право вводить трудовую повинность на транспорте и необходимых общественных работах. Наркомюсту следовало разработать положения, консультируясь с местными властями, и передать на утверждение Совнаркому²⁰¹.

Когда Енукидзе в декабре 1927 г. на XV съезде партии указал на контраст между незначительным числом и небольшой суммой бюджетов сельских Советов и внушительными финансовыми ресурсами земельных обществ²⁰², это явилось открытым призывом к действию. И если в тот период сильный сельский Совет рассматривался как нужное место концентрации сил сопротивления кулаку, наступления на него, то было также очевидным,

что неперенным условием сильного сельского Совета являлся самостоятельный бюджет. «Хозяином положения,— писал один корреспондент,— являются только те сельсоветы, которые имеют свой собственный бюджет и вообще экономически мощны»²⁰³. Рабкрин обнаружил, что сельские Советы с самостоятельными бюджетами начинали больше интересоваться «местными вопросами и учреждениями, переведенными на их бюджет» и «полнее обслужили нужды населения, чем безбюджетные или состоящие на волостном бюджете»²⁰⁴. Из Северо-Кавказского края сообщали, что там, «где сельсоветы имеют свой бюджет и экономически мощны, там они руководят сходами»²⁰⁵. В июле 1928 г. Совнарком принял резолюцию, в которой отметил, что бюджеты сельских Советов дали положительные результаты и потребовал расширения их сети²⁰⁶. Не хватало квалифицированных кадров, и помехи, чинимые вышестоящими советскими властями, были серьезными препятствиями. Упоминались случаи, когда даже после признания Закона о бюджете сельского Совета эти бюджеты из практических соображений все еще составлялись районным или волостным исполкомом, когда его и после составления могли нарушить, урезывая поступления от вышестоящих советских органов²⁰⁷. Тем не менее общее количество и доля сельских Советов с собственными бюджетами заметно возросли в 1927—1928 гг. и увеличивались еще почти в 2,5 раза в каждом последующем году. Выросли и средние размеры бюджета. Самые впечатляющие результаты были достигнуты в РСФСР, Украинской и Белорусской ССР. В других, менее развитых союзных республиках также отмечался резкий подъем, правда, с более низкого уровня²⁰⁸. Доля сельских Советов с бюджетами была в регионах, ранее прошедших районирование (например, в Северо-Кавказском крае) выше, чем в местах, где районирование задержалось²⁰⁹. Резолюция XIV Всероссийского съезда Советов в мае 1929 г. настаивала на завершении создания бюджетной системы сельских Советов к 1932/33 фин. г. За этим призывом последовало распоряжение — «подчинить земельные общества руководству сельских Советов»²¹⁰.

Кампания по утверждению власти сельских Советов медленно продвигалась вперед. Новшеством, предназначенным для того, чтобы повысить эффективность сельских Советов и привлечь к их работе некоторую часть населения, явилось создание секций. Положение о сельских Советах РСФСР от 16 октября 1924 г. устанавливало, что Советы «в необходимых случаях создают комиссии и возлагают различные функции на отдельных граждан и группы граждан»²¹¹. Конференция по советскому строительству весной 1925 г. приняла резолюцию, требовавшую формирования секций в районных и волостных исполкомах, а также в сельских Советах²¹². Секции сельсоветов стали якобы возникать «стихийно» лишь на основании этой резолюции, но подобные случаи, должно

быть, представляли собой исключения²¹³. Только 21 марта 1927 г. ЦИК РСФСР утвердил положение о «постоянных комиссиях (секциях)» при районных и волостных исполкомах и сельских Советах. Были названы шесть основных секций: сельскохозяйственная, культурно-просветительная, финансово-налоговая, здравоохранения, местного хозяйства, торгово-кооперативная — хотя не предполагалось, что все они будут сформированы в каждом Совете. Важным являлось условие, что сотрудниками секций могли стать и не члены Советов, если они не были лишены избирательных прав. Эта мера имела целью создать беспартийный актив²¹⁴. Но как и усилия по развитию политической активности и сознательности среди крестьян, меры по созданию секций сельских Советов не дали результатов²¹⁵. В отчетном докладе на XV съезде партии Косиор едва их упомянул; утверждение Енукидзе о наличии 3 млн. членов секций сельских Советов во всем Советском Союзе²¹⁶ было большим преувеличением. Один из авторов статьи в партийном журнале указывал на средние данные по РСФСР: 1,9 секции на один сельский Совет и 6,6 члена на одну секцию²¹⁷. Между тем в 1928 г. Рабкрин прямо докладывал, что в отличие от городских Советов секции сельсоветов «в большинстве случаев не работают»²¹⁸. Это полностью подтверждали и менее официальные сообщения²¹⁹. В одной из статей, в которой приводились единичные случаи полезной деятельности секций, их общая слабость объяснялась «низким культурным уровнем работников сельских Советов, отсутствием плановости в работе секций, обширностью территории, подчиненной сельсовету (так называемые укрупненные сельсоветы)»²²⁰. Комитеты бедноты, которые, будучи созданными партией, тем не менее опирались на сельские Советы²²¹, оказались столь же неэффективными.

«Чрезвычайные меры» первых месяцев 1928 г. обострили все социальные и институциональные проблемы села. Они впервые были связаны с активным и прямым вмешательством партии в крестьянские дела. Партийные ячейки действовали через сельские Советы и упорно держались в стороне от земельных обществ²²². После хлебозаготовительного кризиса первых месяцев 1928 г. один журналист заметил, что «выборные органы земельных обществ, пользующиеся в деревне большим авторитетом... оказывали очень часто то скрытое, то открытое сопротивление проведению наших мероприятий». В деревне боролись две соперничавшие группировки — советский актив и актив, организованный вокруг земельных обществ²²³. Кампания против земельного общества отождествлялась с кампанией против кулака под тем предлогом, что последний на практике господствовал в обществе. Считалось, что авторитет земельного общества можно подорвать, изобразив его оплотом кулачества. Сила партийной враждебности отражалась в бескомпромиссном тоне официальных заявлений. В мае 1928 г. конференция партийных организаций выступила с

предложением — передать принадлежавшие земельным обществам хозяйственные предприятия в ведение сельсоветов²²⁴. В июне 1928 г. Рабкрин предложил предоставить сельским Советам РСФСР право аннулировать решения схода земельного общества, которое может обжаловать эти действия в райисполкоме²²⁵. Окончательный текст «Общих начал землепользования и землеустройства», принятых в декабре 1928 г., не оставлял никаких сомнений относительно намерений законодателей рассматривать земельное общество и сход как общественные органы и обозначить их формальное подчинение сельскому Совету. Раздел «Земельное общество и сельский Совет» отказывал лицам, лишенным избирательного права по советским законам, в праве голосовать на сходе или занимать официальные должности в земельном обществе (хотя, как видно, они сохраняли свое членство) и давал эти права не только всем взрослым членам дворов, образующих земельное общество, но и всем батракам, пастухам, ремесленникам и работающим по найму лицам. Положение Земельного кодекса 1922 г., разрешавшее земельному обществу руководствоваться «местными обычаями, если они не противоречат закону», заменило новое условие, предписывающее строгое соблюдение действующего законодательства. Земельное общество все еще осуществляло контроль за использованием земли и могло принимать «меры, содействующие кооперации и коллективизации производства». Однако на решения его собрания сельский Совет имел право наложить вето, которое могло быть обжаловано в волостном или более высоком исполкоме (ст. 47—53)²²⁶.

Подобные заявления, однако, во многом отражали попытку выдать желаемое за действительное или содержали чистую выдумку. Сельский Совет оставался еще политически ненадежным, неэффективным инструментом. Профессиональный уровень служащих сельских Советов по-прежнему был низким, а текучесть кадров — чрезвычайно высокой²²⁷. Зажиточные крестьяне по-прежнему составляли большинство в сельских Советах²²⁸, а избранные в Совет бедняки не имели ни времени, ни транспорта для посещения собраний²²⁹.

Зимой 1928/29 г. все свидетельствовало о том, что господствующее положение земельного общества и его органов на селе серьезно поколеблено не было²³⁰. Кампания против них, как и кампания против кулака, оказалась неэффективной по той же самой причине — большинство середняков и бедняков не удалось мобилизовать для поддержки городов, рабочих или правительства против зажиточных крестьян. Как мало в действительности что-либо изменилось, видно было из выступления Киселева на XIV Всероссийском съезде Советов в мае 1929 г., с иронией заметившего, что «материальный базис у ККОВ* несравненно прочнее,

* Комитеты крестьянской общественной взаимопомощи. С 25.IX.24 г. назывались комитеты общественной взаимопомощи (КОВ). — *Прим. ред.*

чем у сельсоветов, которые не располагают никаким имуществом»²³¹. Резолюция съезда вновь потребовала расширения сельских бюджетов и увеличения окладов председателей и секретарей сельских Советов, подчеркнула необходимость «подчинить земельные общества руководству сельских Советов»²³². Это был один из серьезных просчетов властей, которые, ошибочно оценив ситуацию в деревне, посчитали небольшие партийные и правительственные силы достаточными для превращения сельских Советов в лояльные и пригодные инструменты советской политики.

г) Городские Советы

Понятие «городские Советы» охватывает еще больше разнообразных институтов, чем понятие «сельские Советы». В главных городах РСФСР Советы вели активную жизнь с самых первых дней нового строя и получили официальное благословение в положениях, принятых в январе 1922 г. и в октябре 1925 г.²³³ Городские Советы функционировали и в более мелких городах и поселках²³⁴. Пленум Центрального Комитета партии в июле 1926 г. потребовал улучшить работу городских Советов «особенно в городах с незначительным пролетарским населением»²³⁵. В небольших городах, где было мало рабочих, Советы обычно состояли из «группы служащих»²³⁶. Ситуация в Украинской и Белорусской ССР была аналогичной. В неславянских регионах СССР развитие шло медленнее и несколькими другими путями. Даже в таком важном промышленном центре, как Баку, Советы в качестве крупных представительных органов образовались только в конце 1926 г., в Тифлисе — лишь во второй половине 1927 г.²³⁷ В Ташкенте и Самарканде городские Советы впервые избрали в январе-феврале 1927 г.²³⁸ Создание в больших городах районных Советов, подчиненных главному городскому Совету, по-видимому, происходило спонтанно, без всякой законодательной основы. Положения о городских Советах Украинской и Закавказской, но не других республик содержали специальные статьи, касавшиеся городских районных Советов²³⁹. В конце концов, постановление СССР от 8 февраля 1928 г.²⁴⁰ санкционировало образование районных Советов в городах с населением свыше 100 тыс. человек.

В течение всего этого периода делались попытки повысить эффективность городских Советов и сделать их более действенными, как массовые представительные органы трудящихся. В июле 1926 г. Центральный Комитет партии в резолюции относительно только что закончившихся выборов в Советы, отметил растущее участие неорганизованных рабочих и мелкой буржуазии в городских Советах. На основе нового «Положения» якобы появилась возможность «усилить вовлечение во всю свою работу трудящихся слоев города, прежде всего, разумеется, индустриальных рабочих»²⁴¹. Некоторый прогресс отмечался в работе более крупных

городских Советов. Заседания проводились чаще. По-видимому, одно или два заседания в месяц стало нормой. Улучшилась посещаемость, которая нередко достигала 60—70% от общего числа депутатов. Проведенная в 1926 г. проверка 11 крупных городских Советов показала, что только 24% депутатов являлись рабочими от станка, 36,9 были рабочими по социальному положению, но занятыми на административных должностях и 25% — служащими. Городские Советы представляли собой куда более полезные и действенные учреждения, чем сельские Советы. Вопросы жилищного строительства и социального обеспечения были наиболее важными. Жалобы касались ограничений бюджетных прав Советов и вообще отсутствия четкого определения их прав и обязанностей²⁴². Вместе с тем в начале 1927 г. только РСФСР и Белорусская ССР имели положения о городских Советах, а Узбекская ССР обнародовала свое положение (явно подражая РСФСР) в январе 1927 г.²⁴³ В апреле 1927 г. X Украинский съезд Советов в осторожной форме рекомендовал расширить права городских Советов. Им следовало иметь самостоятельные бюджеты, которые, однако, утверждали окружные исполкомы, разрешить формировать президиум, чью деятельность, однако, нужно было приспосабливать к деятельности президиума окружного исполкома в такой манере, чтобы обеспечить руководство работой городского Совета со стороны вышестоящих органов. И всех членов Советов надлежало привлекать к активной работе в комиссиях и секциях²⁴⁴. Однако и здесь, как и повсюду, многие официальные лица боялись предоставлять им слишком большие права²⁴⁵. 11 июля 1927 г. Центральный Комитет партии вновь выступил с резолюцией относительно оживления городских Советов. Он указал, что пока только РСФСР и Белорусская ССР сделали попытку выполнить резолюцию от июля 1926 г. путем расширения «материальной базы» городских Советов. Дальнейшие необходимые меры включали: 1) разъединение бюджетов городских и губернских Советов и передачу им имущества и предприятий; 2) создание Советов в рабочих поселках городского типа; 3) участие городских Советов в руководстве местными предприятиями, подчиненными вышестоящим советским органам. Партийной фракции ЦИК СССР нужно было настаивать на претворении в жизнь этих мер²⁴⁶. Но даже на это потребовалось время. Лишь 8 февраля 1928 г. ЦИК наконец издал постановление о создании городских Советов, которое сопровождало письмо с обращением к ЦИК союзных республик. Всем городам с населением в 100 тыс. и более человек, а также рабочим поселкам следовало иметь Советы, которые вновь назывались «высшими органами власти» на своей территории. Они «разрешали» вопросы местного значения и «обсуждали» проблемы более высокого уровня. Им надлежало взять под свое руководство «социально-культурные учреждения», принадлежащие государственным промышленным предприятиям (больницы, бани, школы и т. д.). Советы признавались в

качестве юридического лица и должны были получить от ЦИК республик право издавать обязательные распоряжения. Ревностно оберегаемое право формировать исполнительные комитеты опять предоставлено не было. Городские Советы могли образовывать только президиум, подчиненный президиуму вышестоящего исполкома, секции или комиссии без административных функций. Была сделана попытка решить запутанную проблему отношений городских Советов с вышестоящими советскими органами с помощью условия, согласно которому исполкомы административно-территориальных единиц, включавших города, «обязаны отчитываться перед пленумами городских Советов в своей работе». О вмешательстве органов Союза ССР в вопросы, которые по действовавшему законодательству входили в компетенцию республик, свидетельствовало сопроводительное письмо ЦИК СССР, направленное ЦИК союзных республик. В нем настоятельно рекомендовалось оказать всевозможную поддержку работе городских Советов и их секций²⁴⁷. Постановление не дало никаких результатов. Циркуляр ЦИК РСФСР от 9 января 1929 г. обратил внимание на случаи, когда городским Советом не предоставили самостоятельных бюджетов и не передали социально-культурные учреждения, находившиеся в ведении государственных промышленных предприятий²⁴⁸.

Развитие городских Советов с самого начала наталкивалось на сильное противодействие. Губернские, уездные и волостные власти, на территории которых располагались города, препятствовали росту и даже формированию городских Советов²⁴⁹. Запрет на создание городскими Советами исполкомов был продиктован боязнью, что они превратятся в подлинные органы власти. Отношения городских Советов с уездными (или окружными) и волостными (или районными) исполкомами всегда были деликатными. И время от времени приходилось сдерживать попытки городских Советов утвердить свою независимость от этих властей²⁵⁰. На XV съезде партии в декабре 1927 г. Косиор признал, что вышестоящие советские органы часто обходили или игнорировали секции городских Советов²⁵¹, а годом позже Енукидзе заметил, что городские Советы должны «оставаться... в этой общей системе», иначе возникало бы «двоевластие»²⁵². В республиках с неславянским населением, где советская административная структура была слаба или находилась в зачаточном состоянии, нашлись другие решения. Если в РСФСР и на Украине городским Советам менее крупных городов приходилось иметь дело с ревнивой оппозицией более сильных окружных или уездных, районных или волостных советских органов, то в отдаленных регионах городские Советы, будучи однажды созданными, превращались в самые мощные советские административные органы соответствующих республик, служившие инструментами советизации всего региона и той структурой, с помощью которой советскую культуру из промышленных городов и предприятий несли в деревню. Вви-

ду отсутствия губернского исполкома Совет г. Казани рано приобрел независимую влиятельную позицию в Татарской АССР²⁵³. Бакинский Совет, обслуживавший население в 446 тыс. человек, не только имел два подчиненных районных Совета, представлявших расположенные далеко от центра города промысловые районы, но и втянул в орбиту своей деятельности три сельских района с населением в 77 тыс. человек. Фактически Бакинский городской Совет заменил несуществовавшую уездную организацию Советов. Волостные съезды Советов направляли депутатов в городской Совет²⁵⁴.

Конечно же, благодаря своему особому положению Бакинский Совет пользовался уникальной привилегией — имел свой исполнительный комитет, а вот исполком, созданный Ташкентским Советом, распустили в январе 1928 г., восстановив подчиненность этого Совета окружному исполкому²⁵⁵. Как говорили, повсюду в Закавказской СФСР в периоды между уездными съездами Советов городские Советы исполняли обязанности несуществовавших уездных исполкомов²⁵⁶. Ашхабадский городской Совет, который был сформирован в 1926 г. в связи с районированием Туркменской ССР, прямо подчинялся (несомненно, ввиду отсутствия другого действенного советского органа) ЦИК республики²⁵⁷. Согласно постановлению Узбекской ССР по городским Советам, принятому в январе 1927 г., Советы таких крупных городов, как Ташкент и Самарканд, подчинялись окружному исполкому, а более мелких — райисполкомам, что соответствовало порядку, принятому в РСФСР. В апреле 1927 г. окружной исполнительный комитет забрал у Ташкентского горсовета управление городскими больницами, а горсовет Самарканда якобы пострадал от еще более деспотического вмешательства со стороны окрисполкома²⁵⁸. Вопреки обычной практике, Самарканд имел два городских Совета: один для нового города с преимущественно русским, а другой для старого города с туземным населением. Такая ненормальность подвергалась осуждению, как противоречащая Конституции и связанная с расточительством²⁵⁹. Из всего этого разнообразия вариантов нельзя сделать других выводов, кроме как об их прагматическом характере, трудностях различения между действовавшими и бездействовавшими Советами и о рискованности обобщений относительно городских Советов, которые подходили бы для СССР в целом.

В тот период наиболее важным событием для городских Советов явилось расширение системы «секций» или комиссий. Поскольку Советы быстро выросли в размерах и стали слишком громоздкими для выполнения текущей работы²⁶⁰ вначале предположили, что они, следуя примеру ЦИК, уступят исполнительную власть собственным президиумам. Подобная тенденция была подмечена и зафиксирована в документе Рабкина следующими словами: «Фактическими решающими органами городских...

Советов являются президиумы... На пленум вопросы ставятся тогда, когда они уже фактически решены президиумом Совета или президиумом исполкома, пленумы лишь утверждают эти решения»²⁶¹.

Но верх одержали другие планы; возможно, из-за возникших опасений, что президиумы станут помогать роли отвергнутых исполнительных комитетов, кампания, направленная на оживление Советов, базировалась на привлечении к работе в Советах максимального числа простых людей²⁶². Статья 47 утвержденного в октябре 1925 г. положения о городских Советах²⁶³ предусматривала, что Советы сформируют по крайней мере пять секций: коммунальных услуг, финансовую, просвещения, здравоохранения, торгово-кооперативную, к которым при необходимости можно было бы также добавить секции по административным и правовым, жилищным, трудовым, промышленным, социальным, военным вопросам и по делам Рабкрина. Как сообщалось в 1926 г., 80% городских Советов учредили предписанные пять секций (включая 30% тех, которые создали дополнительные секции), а 20% этого не сделали²⁶⁴. В то время городские Советы много внимания уделяли работе именно секций. Их персонал вовсе не состоял исключительно или в основном из выбранных членов Совета, а главным образом кооптированных или «вовлеченных» лиц, метод подбора которых официально не устанавливался, но которые, по-видимому, в большинстве своем были рабочими. Число вовлеченных было довольно внушительно. В начале 1928 г. в РСФСР в секции 147 горсоветов вовлекли 33 500 человек²⁶⁵. В Москве общее количество выросло с 8400 (в 1926 г.) до 14 700 (в 1927 г.). В 1927 г. в Ленинградском Совете, помимо пяти обычных секций, создали еще секции по административным, сельскохозяйственным и военным вопросам²⁶⁶. Одесский Совет, состоявший из 1360 членов и 426 кандидатов, насчитывал в восьми секциях 552 привлеченных лица. Число работников в секциях варьировалось от 100 до 300 человек. Однако их услуги якобы использовались в недостаточной степени²⁶⁷. Бакинский Совет с 1327 членами кооптировал в свои секции 391 работника²⁶⁸. Как сообщила Крупская, в Советах г. Москвы самыми популярными являлись секции здравоохранения, а просвещению уделялось недостаточное внимание²⁶⁹. Наркомюст проявил заинтересованность в учреждении юридических секций, в задачу которых входило бы распространение правовых знаний, содействие революционной законности, борьба с преступностью, коррупцией и бюрократизмом. В начале 1928 г. объявили конкурс на лучшую «административно-юридическую» секцию Совета²⁷⁰. Постановление от 15 февраля 1929 г. устранило ограничения на количество секций²⁷¹. С течением времени секции зажили собственной жизнью, независимой от породивших их Советов. Они стали «по существу не ... секциями, то есть частями данного органа», и состояли не из избранных в Совет депутатов, а из привлеченных для выполнения этих спе-

циальных обязанностей избирателей²⁷². К тому времени секции стали чересчур громоздкими, чтобы эффективно выполнять свою работу, которую они передоверили бюро секций или подсекциям²⁷³.

Эти учреждения имели две задачи: повысить действенность управления, а также расширить участие и увеличить заинтересованность широких слоев населения в этой работе. Ввиду противоречивости сообщений трудно определить, в какой мере городским Советам удалось достичь поставленных целей. Автор одной из статей в газете «Известия» сетовал на то, что секции и работавшие в них сотрудники поддерживали слишком слабый контакт с окружными Советами²⁷⁴. Из Совета Твери сообщали, что только 37% зачисленных в секции фактически там работали²⁷⁵. Вообще же, в отличие от сельских Советов, секции городских Советов якобы работали умело²⁷⁶. Советы таких больших городов, как Москва и Ленинград (возможно, и других крупных городов), с подчиненными им районными Советами, представляли собой обширные организации, обладавшие значительной властью и авторитетом и, как видно, создавшие солидный актив советских работников²⁷⁷. Однако исходившие от них благоприятные сообщения, вероятно, мало подходили для более мелких городских Советов в отдаленных местностях.

Чрезвычайно разнообразной была категория городских «населенных пунктов», располагавших Советами. В нее входили и «две столицы» (Москва и Ленинград), и маленькие фабричные поселки²⁷⁸; определения в нормативных актах союзных республик не были единообразными. В РСФСР называли «городскими» все населенные пункты с взрослым населением свыше 1 тыс. человек, из которых не более 25% занимались сельским хозяйством²⁷⁹. Постановление РСФСР от 27 сентября 1926 г. содержало положение об учреждении рабочих поселков решениями исполкомов автономных республик, губерний, краев и областей. За ним последовало аналогичное постановление относительно курортных и дачных поселков. Все они теоретически имели право на поселковые Советы²⁸⁰. В соответствии с украинским законодательством населенный пункт с более чем 3 тыс. жителей мог классифицироваться как «поселок городского типа». Для города требовалось уже 10 тыс. жителей²⁸¹. В 1928 г. в Украинской ССР насчитывалось 199 поселковых Советов (48 — в фабричных, железнодорожных и рудничных поселках; 53 — в «местечках», то есть в поселках, которые не относились ни к крестьянским, ни к рабочим и которые не имели четко выраженного классового лица; 98 — в небольших городах, которым немного недоставало до 10 тыс. жителей, требуемых для формирования городского Совета²⁸², и которым, поэтому, разрешалось создавать поселковые Советы). В Белорусской ССР признавались городские «местечки» и города, но, по-видимому, не устанавливался лимит относительно

количества жителей ²⁸³. На 1 января 1929 г. в СССР официально значилось городских населенных пунктов ²⁸⁴:

	РСФСР	УССР	БССР	ЗСФСР	Узб. ССР	Туркм. ССР
Городов	506	80	29	54	35	8
Поселков город- ского типа	—	96	—	—	—	—
Местечек	—	—	53	—	—	—
Рабочих поселков	263	—	—	—	3	—

Время от времени центральные власти заботились о том, чтобы расширить сеть Советов в городских поселках. Резолюция Центрального Комитета партии по городским Советам от 11 июля 1927 г. призвала правительство ускорить создание Советов в рабочих поселках. Это указание было повторено в постановлении СССР по городским Советам от 8 февраля 1928 г. ²⁸⁵ Весной 1928 г. «шахтинское дело» привлекло внимание к шахтерским поселкам Донбасса, и Центральный Комитет партии в резолюции по этому делу потребовал проверки поселковых Советов ²⁸⁶. Неспособность поселковых Советов приобрести самостоятельный хозяйственный статус объяснялась тем, что коммунальными службами ведали или государство, или же предприятия (например, Донуголь), которым они принадлежали ²⁸⁷. Проведенная украинскими властями проверка показала, что эти Советы могли стать действенными только при наличии прав и самостоятельных бюджетов. Они характеризовались как «кочующие организации, не имеющие даже брочки для кочевья». В заключение рекомендовалось «пролетарские советы Донбасса... как можно скорее снабдить всей полнотой хозяйственных и административных прав» ²⁸⁸. Вместе с тем общий отчет о поселковых Советах весной 1929 г. представил обескураживающую картину. Лишь немногие из них располагали бюджетами. Некоторые имели президиумы, а у большинства не было вовсе служебного персонала. Они были обречены на бездеятельность до тех пор, пока «все основное хозяйство поселков находилось в распоряжении хозяйственных предприятий». Примерно в то же время президиум ЦИК РСФСР решил укрепить поселковые Советы Донецкого округа путем передачи им жилищных строений, предприятий коммунального назначения, торгово-складских помещений, принадлежавших объединению Донуголь, но прямо не использовавшихся в производственном процессе ²⁸⁹. Поселковые Советы, хотя и отнесенные к городскому типу, разделяли многие слабости сельских Советов, и множество из них находилось на той же примитивной стадии развития.

ГЛАВА 50

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ПРОЦЕДУРА

От всех остальных советских органов сельские и городские Советы отличало то обстоятельство, что они избирались прямым голосованием. Сельские и городские Советы выбирали делегатов на районные (или волостные) съезды Советов. Каждый съезд Советов избирал делегатов на съезды Советов более высокого уровня и членов собственного исполнительного комитета. Но подобные выборы, осуществлявшиеся на закрытых форумах, имели характер назначений. Прямыми являлись только выборы депутатов в сельские и городские Советы жителями деревень, рабочими предприятий и жителями городов; в этом случае элемент выдвижения регулировался и проходил под влиянием народной воли. Степень внимания, которое центральные власти уделяли выборам в сельские и городские Советы в 1927 г. и опять же в 1928—1929 гг., служила мерилom того значения, которое придавалось этим выборам, как средствам прямого контакта с населением, обеспечивавшим возможность формировать общественное мнение и сплачивать его в помощь существующему строю.

а) Выборы в Советы, 1927 год

Анализ выборов в Советы в 1925—1926 гг., предпринятый на Пленуме Центрального Комитета партии в июле 1926 г., прозвучал несколько неопределенно. Ощущавшееся в партии беспокойство по поводу некоторых аспектов прошедших выборов невозможно было выразить открыто без того, чтобы не сыграть на руку шумливой оппозиции. Но определенные руководящие указания на будущее все же содержались в тексте резолюции. Партии следовало быть активнее, особенно в деревне, и сильнее подчеркивать классовую проблему. Нужно было привлекать к работе в Советах больше беспартийных рабочих, бедноты и середняков. Особенно надлежало самым решительным образом покончить с «сокращением числа лиц, лишенных избирательных прав», путем более строгого применения соответствующих инструкций и разъяснений. Не так реалистически звучал призыв к расширению участия «трудящихся более отсталых национальных республик и обла-

стей»¹. Вера в целесообразность ежегодного избрания депутатов Советов все еще преобладала². 28 сентября 1926 г. ЦИК СССР издал подробные инструкции по выборам в Советы, которые должны были состояться в первые месяцы 1927 г. В дополнение к Центральной избирательной комиссии союзным республикам следовало также создать свои центральные избирательные комиссии, которые включали бы рабочих и крестьян, непосредственно занятых на производстве, членов профсоюзов и комсомола, представителей национальных меньшинств. Избирательные комиссии должны были действовать на всех уровнях, вплоть до города и деревни. Точнее определялись и категории лиц, отстраненных от голосования, которое должно было проходить открыто. Эти инструкции разослали во все союзные республики³. Президиум ЦИК решил 15 апреля 1927 г. созвать IV Всесоюзный съезд Советов, а к выборам приступить 1 января 1927 г., чтобы успеть их завершить к съезду⁴.

Последующие месяцы принесли поток наставительных заявлений относительно предстоящих выборов. С отходом от политики умиротворения зажиточных крестьян возобновились и стали еще настойчивее требования классовой борьбы в деревне и изоляции кулака путем мобилизации бедняков и батраков и при поддержке середняка. За постановлением Центрального Комитета партии от 15 ноября 1926 г.⁵ последовало 26 ноября 1926 г. циркулярное письмо ЦИК СССР в адрес ЦИК союзных республик. В нем говорилось, что цель кампании — добиться еще более прочного союза пролетарско-бедняцких элементов с основной массой середняцкого крестьянства и «окончательной ликвидации политического влияния кулачества на крестьянские массы»⁶. В декабре 1926 г. новая инструкция ЦК партии предостерегала местные партийные организации от попыток кулаков, нэпманов и других буржуазных элементов повлиять на выборы⁷, а в резолюции от 30 декабря 1926 г. Центральный Комитет подробно расписал тему борьбы рабочих и кулаков за середняка, чья поддержка имела решающее значение, ибо оживление Советов означало «вовлечение в них всей основной массы крестьянства»⁸. Возможно, преднамеренно избрав более мягкие выражения, Калинин заявил: «Важнейшим лозунгом кампании я считаю следующий: мы строим социализм в нашей стране»⁹. Между тем Молотов приветствовал новый год статьей, в которой доказывал, что на выборах «отчетливее вскрываются классовые интересы и классовые противоречия в крестьянстве» и что новые Советы должны «полнее отразить влияние бедноты и батрачества». Результатом, по его словам, будет «полное овладение рабочим классом всем государственным аппаратом»¹⁰. В городах классовой проблеме уделялось меньше внимания. Однако в ноябре 1926 г. ЦИК РСФСР дал указание принять меры к «усилению в горсоветах пролетарского ядра» и к «недопущению проникновения в городские Советы эксплуататорских элементов населения»¹¹.

Как и во всех других советских институтах, стремление воспитывать и поучать представляло собой существенный фактор. Была изобретена сложная система «отчетов», в соответствии с которой представители исполкомов перед выборами докладывали нижестоящим советским органам о своей работе. Районные, а порой и окружные исполнительные комитеты докладывали собраниям сельских Советов. Рассказывали, что иногда «антисоветские элементы» использовали эти собрания для своих целей — очевидно, чтобы досаждать оратору критическими возгласами. Предусматривалось, что таким же образом окружные исполкомы будут отчитываться перед городскими Советами. Однако, как правило, дело ограничивалось рассылкой брошюр или нескольких печатных листов¹². Решающим моментом на выборах в Советы являлось составление списков кандидатов. В них редко появлялись альтернативные кандидаты; голосовать против списка не имело смысла, и пришедшие на выборы голосовали за него.

Вместе с тем при составлении списка со всей остротой вставала проблема выполнения указаний партии — осуществлять руководящие функции и в то же время не прибегать к командованию и процедуре назначения, поскольку это могло оттолкнуть беспартийные массы рабочих и крестьян. Действовало четко сформулированное правило — каждого кандидата следовало «предварительно проверить... в беспартийном активе», затем пропустить «через фильтр критики передовых крестьян и рабочих, чтобы гарантировать отвод негодных и неподходящих кандидатур, партийных или беспартийных»¹³. На деле же случалось так, что первый список составили партийные или комсомольские органы и согласовывали его на совместном заседании партийных и советских работников. Затем список обсудили, подправили и утвердили в ходе консультаций с местным активом¹⁴. Кулаки пытались проникнуть в Советы или проташить в них кулацких подголосков»¹⁵. Степень давления сверху, несомненно, существенно менялась от места к месту¹⁶. В партии не было единой точки зрения. В то время как «Правда» с удовлетворением сообщала о том, что доля членов партии в сельских Советах увеличивается, Молотов осудил процесс формирования Советов из «навязанных кандидатов», поскольку это могло способствовать отчуждению Советов от беспартийных крестьянских масс¹⁷. Последняя точка зрения преобладала, во всяком случае — официально. В другой статье «Правда» осудила попытки увеличить процент членов партии, выдвигаемых для выборов в Советы, как «неправильные и политически вредные», с неодобрением упомянула те городские Советы, где эта доля возросла с 35 до 74%, и сельские Советы, где она увеличилась с 10 до 28%¹⁸. 15 февраля 1927 г. Центральный Комитет партии принял резолюцию, в которой настаивал на том, чтобы среди избранных в состав уездных, губернских и центральных исполкомов (доля членов партии в них должна была бы быть

выше, чем в низовых Советах) не менее одной трети были беспартийными¹⁹.

Накануне новых выборов важнейшая проблема касалась допуска к участию в голосовании. Как известно, в 1925—1926 гг. списки избирателей включали множество таких мелкобуржуазных и буржуазных элементов, которых Конституция лишила права голоса²⁰. Постановление ЦИК СССР от 28 сентября 1926 г. представляло собой попытку сделать процесс составления новых списков более строгим и единообразным. В нем вновь перечислялись основные категории тех, кто лишался избирательных прав. К ним относились лица, использовавшие наемный труд с целью получения прибыли, живущие на нетрудовые доходы или занятые частной торговлей, а также лишенные избирательных прав в силу социального положения или рода занятий в соответствии с действующими республиканскими конституциями. В циркулярном письме от 26 ноября 1926 г. признавалось, что «расширенное толкование» предшествовавшего законодательства способствовало предоставлению избирательных прав «лицам, лишенным этих прав в соответствии с конституциями союзных республик и Конституцией СССР», и предпринималась попытка более четко определить категории лишенцев²¹. В январе 1927 г. на одном из профсоюзных собраний Молотов заявил, что на выборах 1925—1926 гг. доля лишенных избирательных прав составила всего 1%, а на предстоящих выборах она должна быть увеличена до 3—4, а в исключительных случаях — до 5—7%²².

Эти повторявшиеся указания возымели свое действие. Местные избирательные комиссии состязались друг перед другом в отводе подозрительных избирателей. В городах, где доля лишенцев и прежде была выше, чем в сельской местности, умеренное повышение их доли не причинило неприятностей. Между тем в первые недели 1927 г. из деревень хлынул поток жалоб на жесткое и произвольное толкование инструкций. Калинин доложил о них Центральному Комитету в феврале 1927 г.²³, и ЦК в своей резолюции повторив цели и задачи партии во «второй широкой и открытой кампании выборов в Советы», внес следующую существенную поправку: «Вместе с тем необходимо особенно внимательно отнестись к правильному проведению избирательной инструкции, направленной против кулачества, и только против него. Правильное проведение избирательной инструкции отнюдь не должно оттолкнуть от Советов середняцкие слои деревни. Лишение избирательных прав середняка есть объективно прямая помощь кулачеству. Всякая попытка такого расширительного толкования инструкции, при котором под категорию лишенных избирательных прав подпадает середняк, должна рассматриваться как грубая политическая ошибка»²⁴.

«Правда» подхватила этот боевой клич и выступила прежде всего против лишения избирательных прав сельских учителей²⁵. В одной из статей газеты «Известия» Киселев выразил опасение,

что избрание слишком большого количества батраков ослабит связь с крестьянством²⁶. Крестьянская газета поместила на видном месте письмо Рыкова к Енукидзе в защиту одного смоленского крестьянина, несправедливо лишенного избирательных прав²⁷. Приводились и другие примеры дискриминации. В Вятской губернии лишили избирательных прав мужчин свыше 60 и женщин свыше 50 лет как слишком старых для работы. В Новгороде имели место случаи, когда из списков исключали тех, кто не обрабатывал землю или не платил сельскохозяйственного налога²⁸. Поступали сообщения и о случаях массового лишения избирательных прав зажиточных (и менее зажиточных) середняков²⁹. Президиум ЦИК РСФСР выпустил переработанную инструкцию, которая запрещала лишать избирательных прав лиц следующих категорий: крестьян, занятых на сезонных работах в городах, применяющих на время своего отсутствия наемную рабочую силу; рабочих заводов и фабрик, сохранивших за собой землю в деревне и нанимающих работников для ее культивирования; кустарей и ремесленников; работающих по найму членов артелей³⁰. Попытки сдержать чересчур рьяных дали некоторые результаты. В то время как Молотов проповедовал что-то между трехкратным и семикратным увеличением количества лишенцев, окончательные цифры показывали, что в 1927 г. отстранили от голосования лишь в 2—3 раза больше лиц, чем в 1925—1926 гг. и что, хотя увеличения имели место во всех категориях, самое большое было связано с исключением «иждивенцев», лишенных избирательных прав³¹.

14 апреля 1927 г. в атмосфере официального ликования «Правда» объявила о завершении выборов. Секретарь Московской партийной организации Бауман сказал, что выборы в Москве и губернии превратились в «своего рода народный политический праздник, сплотивший еще раз, еще теснее огромные массы трудящихся вокруг органов пролетарской диктатуры»³². В сообщении с Украины утверждалось, что партия и советские органы руководили кампанией еще лучше, чем прежде, что во время избирательной кампании авторитет партии вырос и укрепился и что широкие массы избирателей проявили повышенную заинтересованность и активность³³. Между тем статистики продолжали собирать данные о результатах. На выборах в городские Советы голосовало почти 60% внесенных в списки избирателей, что означало существенный прогресс по сравнению с предыдущими выборами. На выборах в сельские Советы участвовало менее 50%. В РСФСР (47,4%) и в Белоруссии (46,4%) доля голосовавших была такой же, как и в 1925—1926 г., а на Украине (51,1%) она фактически снизилась³⁴. Лишение избирательных прав наиболее активных участников прежних выборов, возможно, в какой-то мере явилось причиной подобных итогов. Было очевидно, что в деревне режиму в меньшей степени, чем в городе, удалось добиться массовой поддержки. Участие «организованных» пролетарских

избирателей (то есть состоящих в профсоюзе) якобы возросло. Проводились статистические данные, чтобы показать, что активность в деревне значительно «отстала от активности пролетариата»³⁵. Оценка результатов выборов в сельских районах вызывала противоречивые чувства. Попытка вбить клин между богатыми и бедными крестьянами потерпела неудачу и способствовала обострению отношений режима с крестьянством в целом. Статистические показатели относительно избранных в сельские Советы и в более высокие советские органы в деревне свидетельствовали с заметным увеличением на всех уровнях доли бедняков, «рабочих и батраков», членов партии и комсомола и о снижении доли служащих³⁶. Но если Каганович утверждал, что в 1927 г. беднота, а не середняки являлась в «значительной мере гегемоном на выборах»³⁷, то один из журналистов указал на «перегиб... в смысле резкого увеличения представительства бедняков и батраков в Советах за счет середняков» и полагал, что это неблагоприятно сказалось на укреплении блока бедняка и середняка³⁸. Споры относительно будущей политики, которые раскололи партию, нашли отражение в противоположных оценках результатов выборов.

б) Выборы в Советы, 1929 год

Теория ежегодных выборов в Советы не была отброшена, и осенью 1927 г., когда вся политическая деятельность концентрировалась вокруг предстоящего празднования 10-й годовщины революции, все еще предполагалось, что следующей весной состоятся новые выборы. В резолюции Центрального Комитета партии от 5 сентября 1927 г. выборы намечались на период между январем и апрелем 1928 г.³⁹ 19 ноября 1927 г. ЦИК СССР, решив, что выборы пройдут на такой же основе, как и в предыдущем году, назначил Центральную избирательную комиссию под председательством Енукидзе и разослал ЦИК союзных республик циркулярное письмо⁴⁰. В редакционной статье газета «Правда» объявила, что в связи с проведением активного хозяйственного курса выборы должны принять форму политического наступления на врагов пролетариата⁴¹. Туркменская ССР с энтузиазмом, рожденным неопытностью, поспешила назначить выборы на 20 декабря 1927 г. Другие республики слезно заверяли, что из-за многих обязательств, связанных с планированием и социалистическим строительством, они не в состоянии в такой короткий срок осилить еще одну избирательную кампанию, и 6 января 1928 г. неожиданно в печати появилось объявление о том, что в ответ на «просьбы различных союзных республик и областей РСФСР» выборы решено перенести на осень. В то же время уже начавшиеся туркменские выборы было позволено продолжить⁴². К несчастью, как показал прежний опыт, осень была обычно зарезервирована для других кампаний — для выборов в правления потребкоопераций

(деревенских и городских), для заключения профсоюзами коллективных договоров на заводах и фабриках, для выборов в крестьянские Комитеты взаимной помощи⁴³. В конце концов выборы состоялись, но лишь в первые месяцы 1929 г., то есть через два года после предыдущих выборов⁴⁴.

Избирательная кампания всерьез стартовала на совещании представителей Союза ССР, союзных республик и местных советских органов, прошедшем в Москве с 9 по 11 октября 1928 г. Каганович сделал доклад о политических целях, а Енукидзе — по практическим проблемам выборов. Имели место и другие выступления. Протокол заседания разослали местным властям⁴⁵. Каганович еще раз разъяснил, что партия не должна отказываться от руководящей роли при подборе кандидатов, но что ей не следует подавлять волю избирателей. Он подчеркнул классовую проблему и необходимость мобилизовать батраков, бедняков и большинство середняков на борьбу с кулаком. Нельзя было также упускать из виду и материальные интересы избирателей — жилье, дороги, мосты, школы. «Всю сумму практических вопросов рабоче-крестьянского быта» следовало обсудить на избирательных собраниях. Енукидзе признал, что инструкции иногда были неясными, что существуют расхождения между указаниями СССР и союзных республик и, в частности, вновь предупредил, что «не надо стараться во что бы то ни стало увеличить процент лишенных избирательных прав»⁴⁶. В циркулярном письме местным судебным властям Наркомюст настаивал на необходимости защищать законные права рабочих и крестьян и позаботиться о том, чтобы списки избирателей составлялись с соблюдением закона⁴⁷. Калинин открыл всенародную кампанию в ноябре 1928 г. речью с довольно путанными пожеланиями. Лозунг тех дней о самокритике, по его словам, вовсе не означал «критику для критики», или просто ради шумихи, а был нацелен на исправление так называемых «неизбежных ошибок». Обязанность «персональной» критики кандидатов для выборов увязывалась с представлениями о новом обществе. «Мы, — сказал Калинин, — создаем нового человека, у которого должны быть иные характерные черты, чем у человека, растущего в капиталистическом мире».

В заключение он призвал признать, что деятельность Коммунистической партии «продиктована интересами рабочего класса и подавляющей части его верного союзника — крестьянства»⁴⁸. Калинин также выступил с докладом на сессии ЦИК СССР, в декабре 1928 г., в котором он сопоставил бессодержательные выборы в буржуазных странах с выборами в Советы, которые имели целью «заразить энтузиазмом, зарядить волевым импульсом рабочие и крестьянские массы к борьбе за коммунизм, к борьбе за социалистическое строительство». В заключительном слове Калинин вернулся к главной заботе партийных руководителей и заявил: «Нам нужно политически изолировать кулака и на борь-

бу с кулачеством направить миллионы беспартийного крестьянства»⁴⁹.

Центральный Комитет передал всем партийным комитетам годовое послание, перечислив цели, которые нужно было предложить избирателям (сохранение мира и укрепление обороноспособности СССР; обеспечение принятого темпа индустриализации страны; поднятие урожайности и социалистическая реконструкция сельского хозяйства; усиление борьбы с бюрократизмом)⁵⁰.

В тот период уделялось определенное внимание праву на отзыв. Таким путем надеялись создать ощущение реальной связи между избирателями и избранными, между массами и их депутатами в Советы. По условиям статьи 75 Конституции 1918 г., избиратели могли в любое время отозвать избранного ими депутата Совета и провести новые выборы. Это право было специально подтверждено в положениях о сельских и городских Советах. В конце 19-го — начале 20-х годов подобная практика вышла из употребления, хотя Советы иногда сами в нарушение Конституции исключали неподходящих депутатов⁵¹. Одно из преимуществ такой практики — возможность привлечь к активной работе в Советах максимальное число простых людей. Это было и самоцелью, и гарантией от бюрократизма⁵². Как указано в документах, в первые десять лет после революции обязанности депутатов сельских Советов, в то или иное время, выполняли 8700 тыс. человек, городских Советов — 800 тыс. человек, 9 млн. человек избирались делегатами волостных (районных), уездных (или окружных), губернских (или областных) съездов Советов и 700 тыс. — в исполкомы этих органов. Более 60% от общего числа выполняли свои обязанности лишь один срок. Частная смена позволяла приобрести опыт возможно большему числу людей⁵³. В ноябре 1927 г., когда планировались новые выборы, ЦИК СССР всеми силами старался напомнить союзным республикам о важности права на отзыв⁵⁴, после чего досрочный отзыв депутатов якобы имел место в «ряде городов»⁵⁵. В июле 1928 г. постановление РСФСР назвало право на отзыв «одной из важнейших форм Советской демократии» и предложило местным Советам, профсоюзам, кресткомам и другим общественным организациям ставить перед избирателями (если они этого не делали по собственной инициативе) вопрос об отзыве депутатов в случае невыполнения ими своих обязанностей или недопустимого поведения⁵⁶. Право на отзыв подчеркивали в своих речах в октябре 1928 г. на Всесоюзном совещании по вопросам перевыборной кампании Каганович, Енукидзе и другие участники⁵⁷. Как рассказывали, в следующем году за «недостаточную работу и пассивность» отзывали значительное число депутатов городских Советов⁵⁸.

Ясно, что выборы были организованы тщательнее, чем когда либо прежде. Увеличилось число избирательных комиссий и сократились размеры территории для каждой из них⁵⁹. Постановлением ЦИК РСФСР определялась процедура проверки и чист-

ки избирательных комиссий⁶⁰, которая, как видно, широко практиковалась. В Сибири освободили от обязанностей 2 тыс. членов избирательных комиссий, после чего доля в них бедняков, батраков, середняков и женщин возросла⁶¹. Для участия в кампании в деревню из городов и с предприятий направили более 50 тыс. рабочих. Избиратели шли на выборные собрания колоннами, со знаменами и музыкой, возглавляемые членами партии или комсомольцами⁶². Порой возникало замешательство по поводу процедуры выборов. В статье 30 инструкции СССР от 28 сентября 1926 г. указывалось, что избранными считаются кандидаты, получившие «большинство голосов избирателей, принявших участие в голосовании». В некоторых местах это истолковали как необходимость только присутствия большинства избирателей на выборном собрании, причем независимо от того, участвуют ли они в голосовании или нет. В других же регионах считали избранным делегата, получившего большее количество голосов, хотя при наличии двух и более кандидатов за него могла проголосовать лишь незначительная часть избирателей. Весьма распространенным нарушением являлось голосование не за каждого кандидата в отдельности, а за блок или список кандидатов⁶³. Такую практику резко осудил Енукидзе на Всесоюзном совещании в октябре 1928 г.⁶⁴ Голосование было открытым и одновременным, хотя известны случаи, когда избирательные собрания продолжались по два или три дня⁶⁵.

Отличие выборов в Советы в деревне первой половины 1929 г. от таких же выборов, имевших место двумя годами ранее, было связано с событиями, которые произошли в промежуточный период. «Наступление на кулака», нашедшее экономическое выражение в хлебозаготовках, в избирательной кампании приняло политическую форму. Были провозглашены соответствующие лозунги и сделана попытка организовать батраков, бедняков и середняков против кулака. Заметное сопротивление оказали зажиточные крестьяне при поддержке значительной части бедных крестьян, которые охотнее сочувствовали первым, чем властям. В одной из деревень Пензенской губернии лишили избирательных прав батраков, как «нетрудовых элементов» на том основании, что они не имели земли, а председатель другого сельского Совета с презрением заметил: «Разве батраки могут иметь избирательные права?»⁶⁶ Открытое сопротивление проявлялось, по-видимому, лишь в отдаленных и труднодоступных районах. Было подмечено, что, «чем ниже к периферии, тем социальный состав избиркомов хуже»⁶⁷. В отдельных местностях кулаки будто бы создавали подпольные избиркомы и намечали кандидатов. Однако более распространенной была пропаганда среди крестьян с призывом бойкотировать выборы⁶⁸. В январе 1929 г. два циркулярных письма Наркомюста напомнили судам и прокуратурам об их обязанности принимать энергичные меры в отношении лиц, пытающихся не допустить батраков и бедняков к участию в выборах⁶⁹. В Новго-

роде были слышны «враждебные нашептывания» против кооперативов и избирательных комиссий. В Сталино какой-то якобы подкупленный кулаками рабочий заявил, что «Советская власть нам ничего не дала и не сделала», и был изгнан с собрания. В Ташкенте горговцы и баптисты мешали проведению собраний выкриками и свистом⁷⁰. Сообщали о случаях, когда в сельской местности в период кампании поджигали дома ответственных партийных и советских работников, а хулиганы разгоняли избирательные собрания и, «в частности, женские собрания»⁷¹. Подобные инциденты явились основанием для последующих обвинений в «кулацком терроре»⁷². С точки зрения статистики, результаты выборов были благоприятными. Доля лиц, лишенных избирательных прав, существенно не выросла (за исключением Узбекистана). Было зафиксировано примечательное увеличение количества избирателей, пришедших на выборы в городские и сельские Советы, а также числа женщин, использовавших право голоса и избранных в состав Советов⁷³. В сообщениях о выборах, однако, слышалась нотка неудовлетворенности и тревоги. Еще в ходе выборов автор статьи в журнале Центрального Комитета партии сетовал на упущения в работе с бедняками, на пренебрежение батраками со стороны партийных и профсоюзных работников, повторил прежние обвинения в том, что отдельные партийные секретари срастаются с кулаками, проповедуют антисемитизм и свободу для кулаков⁷⁴. Первые же итоги побудили ЦИК принять резолюцию, которая, отмечая некоторые положительные моменты, говорила о решимости аннулировать результаты там, где они оказались бы неудовлетворительными. В резолюции, в частности, указывалось: «Там, где представительство середняков, батраков и бедняков недостаточно отражено в Советах, нужно провести срочную проверку выборов в эти Советы и принять меры по исправлению недостатков».

Требовалось неукоснительно соблюдать правила лишения избирательного права и «призвать к ответу виновных в нарушении избирательного закона»⁷⁵. Накануне выборов, 7 января 1929 г., ЦИК РСФСР обратил внимание на то, что предусмотренные избирательной инструкцией ограничения «в некоторых местах расширительно трактуются»⁷⁶. 4 марта 1929 г. президиум ЦИК РСФСР принял постановление с требованием тщательного пересмотра дел о лишении избирательных прав⁷⁷. Значительное число подавших жалобу в связи с лишением избирательных прав якобы было восстановлено⁷⁸. Вместе с тем не ясно, сколько выборов было фактически аннулировано.

V Всесоюзный съезд Советов, собравшийся в мае 1929 г., был слишком занят хозяйственными проблемами, чтобы уделить много внимания выборам. В привычных выражениях он отметил «существенный рост активности широких масс трудящихся города и деревни» и отнес успех выборов на счет политики оживления Советов и «укрепления низового советского аппарата»⁷⁹. Вместе с

тем в одной из статей партийной печати даже после выборов утверждалось, что кулаки и торговцы продолжают сидеть в сельских Советах⁸⁰. В резолюции Центрального Комитета партии от 3 июня 1929 г., подводившей итог выборам, проступали симптомы тревоги. В ней с похвалой говорилось о «росте политической сознательности промышленного пролетариата», о помощи рабочих деревне, об успехах в деле закрепления бедняцко-средняцкого блока. Характерными чертами являлись: «обострение классовой борьбы», «социалистическое наступление пролетариата» и «рост сопротивления капиталистических элементов». Отмечались также слабая работа среди батрачества и бедноты, извращение партийной линии, сращивание некоторых советских организаций с «кулацкой верхушкой деревни». В заключение следовал призыв — «принять все меры по устранению недостатков, выявленных избирательной кампанией в работе Советов»⁸¹. Выборы 1929 г. можно оценивать как последнюю попытку партии правительства подорвать изнутри сопротивление крестьянства. Когда же она не дала результатов, остался лишь путь прямого и откровенного насилия, «революции сверху».

СОВЕТСКАЯ БЮРОКРАТИЯ

Бюрократия — давнее и вызывающее всеобщее негодование зло современного общества. Отвращение и недоверие к бюрократии стояли у колыбели Французской революции, питали анархистские и либеральные вероучения на протяжении XIX столетия. Демократия, означавшая управление государственными делами самим народом, рассматривалась как полная противоположность бюрократии, означавшей управление этими делами с помощью посредников какой-то далекой и чуждой власти. Такое представление казалось особенно уместным в России, где целая армия чиновников воплощала — для основной массы населения — грубое и не отвечающее за свои поступки самодержавие. Оно глубоко проникло в сознание первых большевиков, повлияло на взгляды Ленина, которые были изложены в труде «Государство и революция», опубликованном накануне Октябрьской революции, на мысли Бухарина и Преображенского, высказанные в книге «Азбука коммунизма» (написанной в 1919 г.), относительно замены профессиональной бюрократии простыми гражданами, выполняющими поочередно упростившиеся задачи управления¹. Но когда дело дошло до партийной организации, то на свет появились иные причины. В работе «Шаг вперед, два шага назад», написанной в 1904 г., Ленин провел различие между твердыми «организационными принципами» революционной демократии и такими же принципами «оппортунистов» и, высмеивая последних за попытку завуалировать анархию под демократию, он заявил, что все их представления о бюрократизме сводятся к противопоставлению «формально-демократического начала» «формально-бюрократическому». Назвав партийный съезд «центром», от которого исходят права и полномочия, он заключил: «Бюрократизм versus демократизм, это и есть централизм versus автономизм, это и есть организационный принцип революционной социал-демократии по отношению к организационному принципу оппортунистов социал-демократии. Последний стремится идти снизу вверх и потому отстаивает везде, где можно и насколько можно, автономизм, «демократизм», доходящий (у тех, кто усердствует не по разуму) до анархизма. Первый стремится исходить сверху, отстаивая расширение прав и полномочий центра по отношению к части»².

В период интервенции Ленин много писал о потребности в автономии и о «государстве — коммуне». Но столкнувшись с практическими проблемами накануне захвата власти, он опять стал защищать централизм, как один из принципов руководства. «Доказывать большевикам, централистам по убеждению и по программе и на тактике всей своей партии, необходимость централизма, — писал он, — значит поистине ломиться в открытую дверь». И когда, говорил Ленин, пролетариат возьмет в свои руки государство, «тогда мы вполне и безусловно за твердую власть и за централизм»³. Реализм ленинского восприятия сильного центрального руководства, как условия рациональной организации, позже нашедшей выражение в энергичной поддержке «единоначалия» в промышленности⁴, с трудом сочетался с идеализмом его посылок.

Подход большевиков к проблеме бюрократии осложняется и из-за других неясностей. Как только Советское правительство укрепило свою власть и постепенно (и поначалу незаметно) раскинуло свои щупальца по всей стране, сразу разрослась и бюрократия. В роли служащих, выполнявших элементарные, но необходимые функции при новом строе, часто выступали те же самые люди, которые выполняли аналогичные функции еще при старом режиме. Революция не все вырвала с корнем. Постоянное внимание, которое уделял Ленин в своих последних работах бюрократии, свидетельствовало не только об антипатии к бюрократии вообще, но и о глубокой обеспокоенности, что бюрократы, унаследовавшие привычки и культуру старого режима, могут расплодиться и оказать пагубное влияние на новый строй⁵. Однако беда не ограничивалась старыми бюрократами. В начале 1919 г. Троцкий резко критиковал «нового советского бюрократа» как невежественного, самодовольного, завистливого, назвал подобных чиновников «подлинной угрозой делу коммунистической революции» и «настоящими сообщниками контрреволюции»⁶. Бухарин, чей незатейливый идеализм отмирал с большим трудом, чем у других руководителей, говорил в ноябре 1922 г. об опасности создания «колоссального административного аппарата», который «лишь затруднит развитие производительных сил»⁷. Динамика современного общества, а также особая советская привязанность к планированию и социализму распорядились иначе. Борьба с бюрократизмом, как и параллельная борьба за децентрализацию⁸, носила иллюзорный характер, во многом в силу одинаковых причин. Каждая попытка реформы придавала центру еще больше власти, увеличивала количество и авторитет тех, через которых эта власть осуществлялась. Старые предрассудки изгонялись с помощью семантических уловок. Все осуждали бюрократию. Слово «бюрократизм» постоянно употреблялось как уничижительный термин. Вместе с тем все признавали необходимость иметь квалифицированных специалистов, чтобы управлять партийными и советскими учреждениями. И вот они приобрели известность под нейтральным понятием партийного или советского «аппарата».

Следующее высказывание Ленина, относящееся к апрелю 1921 г., служит иллюстрацией: «Без «аппарата» мы бы давно погибли. Без систематической и упорной борьбы за улучшение аппарата мы погибнем до создания базы социализма»⁹.

В октябре 1926 г. XV партийная конференция заклеила бюрократизм как «громадное зло на протяжении всего периода существования советской власти», которое становилось «более опасным в настоящее время»¹⁰. Между тем кампания против бюрократии, хотя и сохранившая многое от аромата прежних идеалистических устремлений, в действительности превратилась в кампанию упрощения и укрепления аппарата, освобождения его от несвойственных функций и приспособления для решения вверенных ему жизненно важных задач.

В 1926 г. кампания против бюрократии, понимаемая в упомянутом выше смысле, вступила в новую фазу. Она стала составной частью кампании за «режим экономии» и часто фигурировала в заявлениях и высказываниях именно на эту тему. В апреле 1926 г. сессия ЦИК СССР, предложив «дальнейший рост расходов на культурные и хозяйственные нужды», потребовала «относительного сокращения расходов на нужды чисто административные»¹¹, а партийные руководители в еще более настоятельном обращении от 25 апреля 1926 г. потребовали «резкого сокращения кадров служебного персонала наркоматов и особенно в хозрасчетных организациях и кооперативах»¹². Постановление от 11 июня 1926 г. придало этому требованию официальную форму, а в совместном заявлении от 17 августа 1926 г. оно применительно к экономике было переведено на язык денег в форме призыва к сокращению ежегодных административно-управленческих затрат на 300—400 млн. руб.¹³. Постановления, принятые в июне и июле 1926 г., определили сокращение на 10%¹⁴. Эти требования сопровождались громкими обличениями бюрократизма. В одной из последних статей Ленин сетовал на «ужасно низкую» культуру советских управленцев¹⁵. Теперь эта тема постоянно повторялась. В июле 1926 г. автор одной из статей в журнале Госплана назвал бюрократизм «неизбежным последствием низкого уровня наших производительных сил и культуры»¹⁶. Заместитель Рабкрин Лебедь рассматривал распространение культуры как «фундаментальную основу» в борьбе с бюрократизмом¹⁷. В платформе оппозиции, опубликованной в сентябре 1927 г., Троцкий, концентрируя внимание на партийной бюрократии, заявил, что «наша партийная система порождает бесчисленную касту подлинных бюрократов», и потребовал сокращения «нынешнего, непомерно раздутого бюджета партии» и «выплачиваемых аппарату окладов»¹⁸.

Назначение Орджоникидзе в начале ноября 1926 г. вместо Куйбышева на двойной пост председателя Центральной контрольной комиссии партии и народного комиссара рабоче-крестьянской инспекции¹⁹ придало кампании новый импульс. Затем 15 ноября

1926 г. последовало указание Центрального Комитета партии членам партии и, «в частности, КК и РКИ» работать для «искоренения бюрократизма, проведения строгой экономии в расходовании государственных средств, упрощения и удешевления аппарата»²⁰. Первое после назначения официальное заявление Орджоникидзе по данному вопросу приняло форму плана, представленного президиуму Центральной контрольной комиссии, который этот план одобрил. Предстояло проверить как советскую администрацию, так и руководство промышленностью для выявления возможностей экономии и улучшения качества²¹. В речи на VII съезде профсоюзов в декабре 1926 г. Орджоникидзе приводил примеры раздувания штатов и неумения их сократить, пространно говорил о разрастании бухгалтерских учетов, о дублировании функций, о «бумажном потоке». Однако он не предложил ничего конкретного и закончил знакомым высказыванием Ленина относительно реформы аппарата²². На конференции Московской губернской партийной организации в январе 1927 г. Сталин также коснулся вопроса о бюрократизме и процитировал одну из последних речей Ленина в том смысле, что самой надежной гарантией являются «подбор людей» и «проверка исполнения»²³. В декабре 1928 г. Орджоникидзе заявил: «Основной недостаток нашего аппарата это или чертовское запаздывание с выполнением наших решений, или полное игнорирование этих решений, или извращение их классового содержания»²⁴.

Открывшийся 4 февраля 1927 г. пленум Центральной контрольной комиссии был посвящен почти исключительно данной теме. Кампания против бюрократизма стала в то время специальной сферой деятельности Рабкрина. В своем докладе Орджоникидзе разъяснил его новую структуру. Три прежних сектора (проверки и контроля; рационализации; изучения проблем) разделили на специализированные группы. Он отметил и «новый вид бюрократического извращения». По его словам, «самые отъявленные бюрократы начинают громче всех кричать против бюрократизма». Орджоникидзе напомнил знаменитое ленинское предложение в Апрельских тезисах 1917 г. относительно того, чтобы чиновники аппарата получали «не выше средней платы хорошего работника», и зачитал написанный Лениным в 1921 г., но неопубликованный меморандум по Рабкрину, а также письма Ленина народному комиссару юстиции Курскому и работнику ВСНХ И. К. Ежову по поводу бюрократических злоупотреблений. Все эти документы на следующий день напечатала «Правда»²⁵. После переключения внимания с режима экономии на рационализацию²⁶ кампания против бюрократии несколько не утратила своей мощи. 30 августа 1927 г. Совнарком издал постановление о сокращении в 1927/28 финансовом году управленческих расходов на 20%²⁷. Это требование подхватила Центральная контрольная комиссия партии и довела до сведения контрольных комиссий всей страны²⁸. На XV съезде партии в декабре 1927 г. Косиор сетовал, что, хотя

прошлые указания и дали кое-какие результаты, работа по рационализации аппарата велась еще «слабо»²⁹. На этом же съезде Рыков в заключительном слове после дебатов по пятилетнему плану высказал некоторые довольно банальные мысли относительно бюрократии. По его словам, существующая практика, при которой ответственные работники «механически» подписывали чужие мнения и предложения, поощряла «фактическую безответственность»; следовало-де четко определить, кто и за что отвечает. В конце Рыков сказал, что темп социалистического строительства зависит «от качества всей нашей работы» и призвал развивать самокритику³⁰. Главная резолюция съезда по отчетному докладу ЦК партии потребовала сокращения в 1927—1928 гг. управленческих расходов не менее чем на 20%. В ней также содержалось предложение об упразднении специальных дисциплинарных судов для служащих и о передаче дел на виновных «в преступной бесхозяйственности, в недопустимых излишествах, в чиновничьем отношении к делу» обычным судам³¹.

Первоначальная концепция участия масс в повседневной работе администрации, как гарантии против бюрократического зла, никогда полностью не сходила со сцены. Считалось, что именно опора на активное участие масс отличало диктатуру пролетариата от других форм управления. Данная концепция помогла вдохновить кампании 1925 и 1926 г. за оживление Советов³², но, по всей видимости, имела мало отношения к кампании за сокращение штатов и расходов в основных правительственных органах, которая диктовалась режимом экономии³³. Ее возродили в 1927 г., однако с акцентом на более позитивной политике рационализации. В связи с новыми выборами в Советы Молотов смело заявил, что целью должно быть «полное овладение рабочим классом всем государственным аппаратом»³⁴. В своем докладе Центральной контрольной комиссии в феврале 1928 г. видное место Орджоникидзе отвел отношениям бюрократии с населением. Он, в частности, сказал: «Растущая активность города и деревни требует самого сознательного, самого серьезного отношения к интересам населения. Каждый гражданин Советской республики должен быть в состоянии получить ответ на любой поставленный им вопрос. Но этого у нас нет».

На V конференции в конце марта 1927 г. комсомол присоединился к общей шумихе. В дополнении к содержащемуся в главной резолюции пункту о «привлечении комсомола, масс рабочей крестьянской, служащей и учащейся молодежи к работе РКИ по улучшению государственного аппарата и борьбе с бюрократизмом», конференция приняла специальную резолюцию, настоятельно рекомендуя комсомольцам поддерживать Рабкрин в кампании против «бюрократов и кознакрадов»³⁵. В резолюции Центрального Комитета партии от 9 мая 1927 г. о рационализации говорилось еще более широко о необходимости вовлекать в кампанию массы³⁶. Резолюция состоявшегося в декабре 1927 г. XV съезда

партии по пятилетнему плану дала новый импульс этому движению; в ней, в частности, указывалось, что «работа по рационализации всего народного хозяйства своей главнейшей и решающей предпосылкой имеет широкое вовлечение в нее рабочих и крестьянских масс»³⁷. 19 января 1928 г. президиум комиссии принял решение создать при Рабкринах СССР и РСФСР Объединенное бюро жалоб, поручив ему расследовать претензии, связанные с нарушениями и плохим исполнением своих обязанностей служащими советского бюрократического аппарата³⁸. Заведующей бюро назначили ветерана партии Землячку, которая призвала добровольцев помочь в расследовании жалоб и набрала более тысячи работников. В первый же год проверили более 10 тыс. претензий. Ввели практику создания групп рабочих, которые без предупреждения посещали государственные учреждения, докладывали о существующей деловой процедуре и особенно об отношении к населению³⁹. В одном из сообщений в марте 1928 г. «вовлечение масс» называлось «единственным серьезным и единственным надежным средством борьбы с бюрократизмом» и говорилось о том, что необходимо, «чтобы этот аппарат воочию чувствовал, что он находится под пролетарским контролем и вообще под контролем обслуживаемых масс»⁴⁰. В том же месяце «Правда» напечатала первое специальное приложение, посвященное работе Рабкрина⁴¹, и подобные листки периодически появлялись в «Правде» в течение последующих двух лет. На втором пленуме Центральной контрольной комиссии в начале апреля 1928 г. шел разговор о необходимости вовлечения масс в борьбу с бюрократизмом и сокращения управленческих расходов на 20%⁴². VIII съезд комсомола, прошедший в мае 1928 г., призвал своих членов принять активное участие в борьбе Рабкрина с бюрократизмом⁴³. Группы комсомольцев, участвовавшие в этой кампании, приобрели затем известность как «легкая кавалерия»⁴⁴. На VIII съезде профессиональных союзов в декабре 1928 г. Орджоникидзе призвал временные контрольные комиссии к сотрудничеству с Рабкрином в деле обеспечения выполнения решений⁴⁵. И вскоре после этого Рабкрин и Центральный Совет профсоюзов опубликовали совместный циркуляр по этому вопросу⁴⁶.

Усилия, направленные на то, чтобы установить связь между борьбой с бюрократизмом и политическим самосознанием масс, нашли весной 1928 г. свое воплощение в новом лозунге «самокритики». По-видимому, впервые он прозвучал, оставшись незамеченным, в речи Рыкова, который на XV съезде партии сказал о «самокритике всей партии»⁴⁷. «Правда» 16 мая 1928 г. в редакционной статье дала следующее пояснение: «Лозунг самокритики знаменует оживление внутрипартийной, советской и профсоюзной *демократии*; он обязывает к усилению контроля масс, к более энергичному, смелому, систематическому вовлечению масс в социалистическое строительство».

С самого начала этот лозунг содержал в себе некую неопределенность. На VIII съезде комсомола в мае 1928 г. Бухарин заявил, что «самокритика это вовсе не значит, когда ты критикуешь другого, а самокритика означает, что ты критикуешь самого себя и другим разрешаешь критиковать тебя»⁴⁸. Однако один ленинградский делегат жаловался на то, что высокопоставленные люди, включая членов ЦК комсомола, выведены из-под критики. Настойчивое требование Сталина относительно критики как снизу, так и сверху, не являлось в действительности ответом на эту жалобу⁴⁹. 3 июня 1928 г. «Правда» опубликовала обращение Центрального Комитета «Ко всем членам партии, ко всем рабочим» с призывом приступить к целенаправленной самокритике, чтобы побороть бюрократизм и содействовать социалистическому строительству. В нем имелся раздел относительно совершенствования советского аппарата. Через три недели Сталин выступил в «Правде» со статьей, в которой пояснил, что самокритика не может служить оправданием для подмены «массовой критики снизу» «кригической трескотней сверху»⁵⁰. В последних числах августа 1928 г. Центральная контрольная комиссия на своем заседании рассмотрела доклад Лебеда «Самокритика и борьба за реформу государственного аппарата» и приняла осторожную и туманную резолюцию. В ней говорилось о том, что партийные организации боялись вовлекать массы в работу, связанную с критикой, и не уделяли достаточного внимания лозунгу самокритики. Одновременно резолюция осудила «погоню за сенсацией, безответственное опорочивание хозяйственников и администраторов», а также «прямое или скрытое преследование за неугодную критику»⁵¹. Как видно, несколько хозяйственных руководителей прислали в печатные органы жалобы относительно вредных последствий кампании за укрепление трудовой дисциплины. Их резко осудили за попытку «заклеймить самый лозунг самокритики под видом борьбы с его извращениями»⁵². Максим Горький, недавно вернувшийся в Советский Союз из-за границы, выступил против «самокритики» на том основании, что она затушевывала «огромнейшие достижения» нового строя и «давала оружие в руки буржуазных критиков»⁵³.

Невозможно даже приблизительно определить результаты кампании за экономию и рационализацию. Весной 1927 г., когда кампания исполнился один год, в ходу еще были многие оптимистические оценки. Ежегодная экономия от ликвидации 200 банковских филиалов составила 6—8 млн. руб.; от упразднения 95 телефонных коммутаторов — 10—11 млн. руб.; от ликвидации лишь в Москве 645 торговых служб со штатом в 3 тыс. человек — 14 млн. руб.; от упразднения некоторых и реорганизации остальных транспортных организаций — 4 млн. руб.; от упрощения аппарата трестов и совхозов — 2 млн. руб. Аппарат советских органов на селе якобы сократили на 80%. Служебный персонал Нарком-

фина, насчитывавший 1680 человек, уменьшили на одну треть⁵⁴. Штаты штаб-квартиры ВСНХ сократили на 25%⁵⁵. На съезде профсоюзов советских и торговых служащих, прошедшем в мае 1927 г., Рыков и председатель профсоюза Фигатнер подчеркнули необходимость улучшить и сократить аппарат советских и торговых учреждений, но представили мало конкретной информации⁵⁶. В Украинской ССР предстояло сократить служебный персонал на 30—40%, а в территориальных округах — на 25—29%⁵⁷. Белорусская ССР предложила ввести «функциональную систему» управления, связанную с уменьшением штатов на 30—50%⁵⁸.

С самого начала чувствовались сомнения относительно целесообразности некоторых из этих сокращений. На XV партийной конференции в октябре 1926 г. Фигатнер критиковал оценки сокращений штатов в народных комиссариатах в 10—13% и заявил, что действительная цифра не превышает 4%. Замечание со стороны Косиора вызвало следующую резкую реплику: «Да, т. Косиор, к Вам попадают цифры, а мы знаем, что делается в аппарате: в этом разница между Вами и нами. Вам дают сокращение мертвых душ, которые имеются в аппарате, а мы говорим, что этого сокращения в жизни нет»⁵⁹.

Бюджет на 1926/27 финансовый год предусматривал уменьшение штатов советских органов на 8683 человека. Однако увеличение в скором времени служебного персонала на 58 тыс. человек (37 тыс. было принято в ходе расширения уже существовавших учреждений и 20 тыс. — в результате введения новых функций) намного опередило эту меру⁶⁰. Слышались нарекания не только по поводу непомерного количества, но и низкой квалификации служащих. Постоянной причиной некомпетентности являлась частая смена кадров. Высокое качество аппарата Наркоминдела объяснялось «устойчивостью личного руководящего состава». С другой стороны, аппараты ВСНХ (парадоксально) и Рабкрин переживали непрерывные реорганизации и плохо работали. Декрет президиума ЦИК от 4 мая 1927 г., дававший Рабкрину право окончательного разрешения вопросов, связанных с сокращением штатов, натолкнулся на сопротивление и именно по этой причине применялся «с величайшей осторожностью»⁶¹. О недостатках Рабкрина говорил на XV съезде партии в декабре 1927 г. и Орджоникидзе, который подчеркнул, что если партия не пошлет туда «лучших работников», то Рабкрин не сможет выполнить свои задачи. Шкирятов жаловался на то, что хороших партийных работников в первую очередь направляют в хозяйственные организации, а в Рабкрин — в последнюю очередь⁶². Постановление РСФСР с указанием исполкомам сократить количество междуведомственных комиссий и совещаний всех уровней, как видно, не возымело действия⁶³.

Оптимистические калькуляции постепенно уступили место более реалистическим оценкам границ возможного сокращения административных органов. На XV съезде партии в декабре 1927 г.

Орджоникидзе признал, что требования кампании за режим экономии выполнены не полностью, но заявил, что «сэкономили страшно много»⁶⁴. Постановление от 17 мая 1928 г., не в пример прежним решениям, лишь скромно наметило, чтобы административные расходы в 1928/29 фин. г. не превысили такие же затраты 1927/28 фин. г.⁶⁵ В пространном выступлении на VIII съезде профсоюзов в декабре 1928 г. Орджоникидзе заявил, что «похвастаться большими успехами в этом отношении мы не можем», и признал только «устранение некоторых недостатков»⁶⁶. Подробные статистические данные на служебный персонал советских учреждений тех лет свидетельствовали о том, что прогрессивное увеличение показателей, хотя и замедлилось после 1 мая 1926 г., тем не менее продолжалось в течение этого периода. Служебный персонал государственных учреждений (за исключением правоохранительных ведомств и органов безопасности) сократился, а вот количество занятых в социальной и культурной сферах (главным образом в области образования и здравоохранения) возросло⁶⁷. Орджоникидзе назвал XVI съезду партии в 1930 г. поразительные цифры, касавшиеся сокращений аппаратов в наркоматах СССР и союзных республик, а также в центральных банках. По сообщениям, наиболее крупное сокращение произошло в отделах Наркомфина. Некоторая экономия в центре была достигнута за счет передачи отдельных функций местным властям. Увеличение местного административного персонала поглотило сбережения, которые ожидалось от районирования, а сокращение штатов наталкивалось на трудности. Статья административных расходов в местных бюджетах возросла в 1928/29 фин. г. на 18,5%. Как объясняли, это произошло благодаря выплате более высоких окладов, а не за счет расширения штатов⁶⁸. Управленческие расходы в промышленности, как ранее признал Орджоникидзе, было трудно оценить, особенно если учитывать, что тресты и предприятия находились на хозрасчете и могли манипулировать административными и производственными затратами. ВСНХ утверждал, что административные расходы в промышленности были сокращены в 1926—1927 гг. на 26 млн. руб. и в 1927—1928 гг. — на 58 млн. руб. Однако Рабкрин считал оценки соответственно в 18 и 40 млн. руб. скорее отвечающими истине⁶⁹. Статья расходов на управление резко возросла в 1926—1927 гг. и слегка уменьшалась в каждом последующем году в течение двух лет⁷⁰. Определить сокращение, достигнутое путем распределения затрат по другим рубрикам, не представляется возможным.

Помимо количественного роста советской бюрократии, внимание верных партийцев продолжал привлекать ее социальный состав. С тех дней, когда Ленин с тревогой писал о преобладании в советском аппарате царских и буржуазных чиновников⁷¹, время уменьшило эту опасность. Прошел страх перед саботажем бывших царевых слуг. По этому поводу «Правда» писала: «От

эпохи саботажа мы бесконечно далеки. Упрочение власти заставляет имеющиеся у нас чиновничьи элементы цепко держаться за должности».

Врагом, которого следовало опасаться, было не предательство, а инерция⁷². Из 963 232 членов профсоюзов советских и торговых служащих (они охватывали всех служащих административных, советских, кооперативных и хозяйственных учреждений) 267 515 выполняли аналогичную работу в государственной или частной сфере еще в 1913 г. 37,2% этих лиц теперь работало в наркоматах, 47,7% — в советских или кооперативно-хозяйственных учреждениях, 5,9% — в государственных или кооперативно-финансовых организациях. В то же время из 963 232 служащих только 40 093, или 4,2%, ранее являлись чиновниками царских учреждений, хотя среди служащих наркоматов их доля составляла 5,9%⁷³. Эти цифры не казались слишком тревожными. Однако настроение резко изменилось весной и летом 1928 г., когда освещение в печати «шахтинского дела» привлекло внимание к предполагаемой измене бывших буржуазных «специалистов». В октябре 1928 г. Енукидзе в осторожной форме признал, что советская бюрократия все еще сохраняла «материал старого аппарата... бывших министров, жандармов, генералов и т. д.»⁷⁴. Осуждение и увольнение чуждых элементов с административных постов теперь активно проповедовалось и осуществлялось, прежде всего в небольших автономных республиках, в губернских и областных организациях, где они до тех пор не привлекали внимания. На VIII съезде профсоюзов в декабре 1928 г. Орджоникидзе привел примеры увольнений значительного числа бывших помещиков, высших чиновников, белогвардейских офицеров, жандармов, священников и торговцев. Некоторые из уволенных якобы сумели устроиться на новых местах⁷⁵. На Московской губернской партийной конференции в феврале 1927 г. Ярославский заявил, что после проведенной Рабкрином проверки из 268 служащих винно-спиртового треста «Центроспирт» уволено 48 «бывших белых офицеров Колчака, Деникина, Петлюры». К сожалению, добавил Ярославский, «снятые снова попадают на теплые места», некоторые из них являлись членами профсоюзов и получали пособия по безработице»⁷⁶.

Набор в аппарат управления лояльных партийцев или активно сочувствовавших рабочих и крестьян представлял собой другую сторону этой проблемы. Ленин рассчитывал подготовить массу молодежи, способной радикально перестроить государственный аппарат⁷⁷. На конференции беспартийных 9 февраля 1920 г. он говорил о «борьбе с бюрократизмом в наших учреждениях», призвал беспартийных рабочих «прийти на помощь коммунистам, которые устают под непосильным бременем» и «войти во все государственные учреждения, чтобы... контролировать весь государственный аппарат»⁷⁸. Прежние призывы партийных руководителей, в том числе и Ленина, к массовому участию рабочих

в борьбе с бюрократизмом строились главным образом на предположении, что рабочие будут контролировать и надзирать за бюрократами, а вовсе не заменять их, поскольку самой бюрократии предстояло исчезнуть. И в середине 20-х годов в официальных заявлениях по данному вопросу присутствовала известная неопределенность. Докладчик на сессии ЦИК РСФСР в ноябре 1926 г., сообщая о результатах выборов в Советы, заявил, что, *«вовлекая в Советы огромные массы рабочих и крестьян, необходимо наш государственный аппарат с бюрократическими извращениями... переделать, изгнать из него бюрократизм, сделать дешевым, доступным, близким и понятным народным массам»*⁷⁹.

Примерно в это же время Калинин назвал Советы «орудиями, при помощи которых рабочие и крестьяне держат власть в своих руках, управляют огромным государством»⁸⁰. Пленум ЦК партии, прошедший в феврале 1927 г., выразил надежду, что включение в советский аппарат «лучших рабочих... и наиболее... передовых крестьян», партийных и беспартийных, станет противоядием против бюрократизма. Главными каналами выдвижения должны были служить профсоюзы, причем не в порядке ударной кампании, а в ходе «систематической упорной работы»⁸¹. ЦК партии и ЦК комсомола в совместном письме призвали комсомольцев принять участие в «переделке государственного аппарата»⁸². На словах принцип «выдвижения» признавался давно. Однако дело продвигалось медленно, несомненно, из-за небольшого количества и низкого качества имевшихся кандидатов. Весной 1928 г. «шахтинское дело» дало мощный импульс требованию — готовить молодых рабочих в качестве инженеров и специалистов⁸³. Появилось предложение — посылать рабочих с предприятий на 3—6 месяцев для работы в правительственных учреждениях, в первую очередь в Рабкрине⁸⁴. Используя популярный в то время лозунг, «Известия» назвали подготовку к советской работе частью «культурной революции»⁸⁵. Выступая на VIII съезде профсоюзов в декабре 1928 г. Орджоникидзе предложил пополнять административные кадры советских учреждений, промышленных и торговых предприятий молодыми рабочими, окончившими фабричные школы, профсоюзными работниками и демобилизованными из Красной Армии лицами⁸⁶. Однако препятствия практического и психологического характера продолжали мешать этому процессу. Статья в партийном журнале, опубликованная в апреле 1929 г. накануне XVI партийной конференции, обращала внимание на скромные достижения. Число рабочих, ежегодно представляемых партийными организациями на «выдвижение», по словам автора, выросло с 7459 в 1925 г. до 14 500 в 1927—1928 гг. Но лишь немногие из них были назначены на ответственные посты. За прошедшие четыре года 13 трестов или синдикатов и два главка с общим управленческим штатом в 4992 человека (включая 1819 «ответственных» работников) приняли всего лишь 78 выдвиженцев, предложенных партийными организациями. И хотя

необходимость «замены рабочими негодных и бюрократических элементов аппарата» повсюду признавалась, предложенные назначения «наталкивались на сопротивление со стороны руководителей учреждений». Нижеследующая таблица иллюстрировала положение в отдельных ведущих советских учреждениях:

	Общие штаты	Выдвиженцы	Выдвиженцы, работающие в главках
Наркомфин	500	32	22
Госбанк	450	37	13
Наркомпрос	250	7	7
Наркомтруд	140	3	3
Наркомторг	600	2	1 ⁸⁷

Даже советские работники с безупречным прошлым иногда «обюрокрачивались» и сопротивлялись переменам⁸⁸. На VIII съезде комсомола в мае 1928 г. Сталин признал, что опасность проистекает не со стороны старых бюрократов, а от бюрократов из коммунистов⁸⁹. Директор Югостали Бирман утверждал, что бюрократизм в промышленности порождает вмешательство Рабкрина и профсоюзов, чем вызвал резкую отповедь Яковлева на XVI партийной конференции в апреле 1929 г. Но энергичные возражения Бирмана присутствовавшие встретили с определенным сочувствием⁹⁰.

Раскол с правой оппозицией придавал любой возникавшей полемике дополнительную остроту. Обе стороны горячо нападали на бюрократизм. Докладывая в сентябре 1928 г. Московской партийной организации о VI конгрессе Коминтерна, Бухарин повторил свои слова, сказанные шестью годами ранее на IV конгрессе, относительно опасности создания «колоссального административного аппарата»⁹¹. В опубликованных в том же месяце «Заметках одного экономиста» он вновь заявил: «Мы слишком все перецентрализованы. Мы должны спросить себя, не должны ли мы сделать несколько шагов в сторону ленинского государства — коммуны».

В «Политическом завещании Ленина», напечатанном в январе 1929 г., Бухарин процитировал Ленина, чтобы продемонстрировать, что для избавления от бюрократизма следовало «обратиться к самому глубокому источнику диктатуры», то есть к передовым рабочим⁹². С другой стороны, после Пленума ЦК в ноябре 1928 г. Центральная контрольная комиссия, игнорируя теоретические аспекты дискуссии, отождествила борьбу против правой опасности с борьбой против бюрократизма⁹³. Это был существенный момент. Хотя нет данных о том, что существовали прямые

контакты между правыми «уклонистами» в партии и беспартийными служащими и специалистами из бывших буржуев или меньшевиков, которые все еще занимали ответственные посты в советских комиссариатах и хозяйственных учреждениях, предположение, что они с сочувствием относились к критике Бухарина и его сторонников темпов индустриализации звучало вполне убедительно и безусловно подтверждалось их позицией по конкретным вопросам⁹⁴. Кампанию по удалению «чуждых» элементов из советского аппарата, интенсивность которой в 1928 г. возросла, подкрепила кампания против правых диссидентов в партии, и обе операции, имевшие общие цели, начали незаметно сливаться воедино. В своем докладе VIII съезду профсоюзов в декабре 1928 г. Орджоникидзе говорил о «чистке» советского служебного персонала в определенных губерниях и заявил, что необходимо «чистить аппарат от негодных и вредных элементов», включавших изменников, подобных шахтинским специалистам, и бездельников, которые потворствовали бюрократизму и взяточничеству⁹⁵.

Таким образом на советскую бюрократию распространили принятые в то время в партии процедуру и терминологию.

Дальнейшее развитие данной темы не заставило себя долго ждать. В апреле 1929 г. «Правда» опубликовала одобренный Центральным Комитетом партии проект резолюции к предстоящей XVI партийной конференции, озаглавленный «Итоги и ближайшие задачи борьбы с бюрократизмом». Это была первая конкретная резолюция по проблеме бюрократизма, которая когда-либо рассматривалась столь солидным партийным форумом, содержавшая обстоятельный разбор этой темы. В ней широко известные «бюрократические извращения» увязывались с «усилением классовой борьбы», с давлением кулака, городской буржуазии и буржуазной интеллигенции на рабочий класс. Утверждалось, что в ходе осуществления режима экономии административные расходы сократились на 300 млн. руб., а штаты уменьшились на 100 тыс. человек, что к работе Рабкрин привлекли *«сотни тысяч рабочих и служащих»*. Однако на этот раз главный упор по всем признакам делался скорее на улучшение личного состава госаппарата, а не на сокращение количества бюрократов. Рабкрину давалось указание приступить к *«чистке советского аппарата»*, используя критерий «качества работы», а не только лишь «классового происхождения». Начать следовало в советских органах, «непосредственно связанных с трудящимися массами». Неподходящих работников надлежало переводить на низшие должности или убирать вовсе (на срок или навсегда) из советской администрации. Нужно было уделить больше внимания подбору и подготовке «выдвиженцев», а директорам учреждений под *«личную ответственность»* следовало обеспечить им благоприятные условия работы.

С другой стороны, никакого снисхождения нельзя было проявлять к коммунистам, *«не учащимся и не желающим учиться делу управления всерьез», «штемпелюющим чужие мысли и предложения лжекоммунистам»*. Следовало удалять неспособных коммунистов, отправлять их на ту работу, которую они в состоянии выполнять, и отказаться от практики переброски таких работников *«из учреждения в учреждение, из района в район»*. Резолюция содержала небольшой раздел относительно *«задач борьбы с элементами бюрократизма внутри партии и партийного аппарата»*. Это был единственный намек на связь между чисткой советского аппарата и чисткой в партии. Документ заканчивался требованием поднять «мощную волну самокритики снизу», которую вновь называли «решающим методом борьбы с бюрократизмом»⁹⁶. Когда конференция собралась в конце апреля 1929 г., проект резолюции представил заместитель руководителя Рабкрина Яковлев. Большую часть своей речи он посвятил практическим проблемам улучшения управленческого аппарата. Вместе с тем в одном примечательном абзаце, который должен был подытожить все до тех пор произошедшее, он подчеркнул, что требуемая реформа представляет собой *«такое улучшение государственного аппарата, которое сделало бы его боеспособным против кулака и нэпмана»*, и что суть процесса состоит в том, чтобы сломить сопротивление тех «элементов буржуазной интеллигенции», которые надеялись, что НЭП быстро приведет назад к буржуазно-капиталистическому порядку. В заключительном слове после дискуссии Яковлев впервые открыто связал бюрократизм в советском аппарате с правым уклоном в партии. Он, в частности, сказал: *«А тот, кто против индустриализации, тот, хочет ли он этого или не хочет, стоит за увековечение корней бюрократизма... Кто против бюрократизма (а против бюрократизма 99% партии, против бюрократизма широчайшие массы рабочего класса), тот неизбежно и против любых представителей правого уклона, как бы они не прикрывали свои позиции»*⁹⁷.

Резолюцию приняли с незначительными устными поправками вместе с другой резолюцией о чистке в партии⁹⁸. Совместная резолюция Центральной контрольной комиссии и Совнаркома провела четкое различие между чисткой по идеологическим соображениям и мерами по рационализации и сокращению штатов⁹⁹. Выступая 15 июня 1929 г. на конгрессе профсоюза советских торговых служащих, Калинин назвал целью чистки «удаление лишь вредных элементов, враждебных Советской власти и безнадёжных бюрократов»¹⁰⁰. Было объявлено, что чистка начнется в Наркомфине, Наркомтруде и Наркомюсте 15 июня, а в Наркомземе — 10 июля 1929 г.¹⁰¹

Резолюция XVI партийной конференции включала следующее идеализированное описание значения лозунга «демократический централизм»: «Местные партийные и советские органы обязаны неуклонно выполнять партийные и правительственные директивы

и распоряжения, вместе с тем ставя перед центральными органами вопрос о всех тех изменениях, необходимость которых обнаруживается на местном опыте. Только такой взаимный контроль распоряжений центра практикой мест и практики мест руководством центра позволит не только осуществить неуклонное выполнение предложений и постановлений центральных учреждений, но и вносить в них необходимые исправления соответственно указаниям местного опыта»¹⁰².

В то время, безусловно, был достигнут некоторый прогресс в деле повышения эффективности и доступности для населения административной машины. Однако этот прогресс скомпрометировали (и до известной степени свели к нулю) чистки в партии и в советском аппарате, удалившие тех, кто был достаточно смелым, чтобы бросить вызов партийной линии, и сохранившие тех, кто проявлял полное и безусловное послушание. Таким образом, ослабленный и лишенный всякой инициативы административный аппарат превратился в средство грубого и растущего давления, оказываемого политикой индустриализации; и бюрократия 30-х годов, хотя, возможно, и более умелая, стала более репрессивной, чем в предшествовавший период.

КРАСНАЯ АРМИЯ

а) Боеготовность

Проведенные Фрунзе реформы создали основу постоянной структуры Красной Армии, и к осени 1926 г. было что-то сделано для улучшения ее боеготовности¹. Красную Армию в центр политических событий поставили международный кризис и военных психоз 1927 г. В феврале 1927 г. в тезисах ПУРа к 9 годовщине образования Красной Армии с тревогой говорилось об английской политике и о «необходимости серьезной подготовки СССР к обороне»². В докладе Ворошилова на IV съезде Советов СССР содержался всесторонний обзор военных задач и целей с времен гражданской войны. Подробно рассказав о неспособности Лиги наций и «прочих подсобных органов империализма» обеспечить мир и о растущих расходах на вооружение в капиталистических странах, он назвал четыре главных фактора надежной обороны Советского Союза: а) подготовленная и хорошо оснащенная кадровая армия; б) наличие достаточных резервов обученных командиров и солдат; в) способность переключить экономику с мирных на военные рельсы; г) постоянная «психологическая мобилизация» рабочих и крестьян. Он закончил призывом к стране — быть «на чеку»³. Спустя несколько дней Исполком Коминтерна принял обширные тезисы «Задачи Коммунистического Интернационала в борьбе против войны и военной опасности»⁴. 1 июня 1927 г. партия призвала всех своих членов уделить «исключительное внимание Красной Армии, вопросам рабоче-крестьянской обороны»⁵. Первую неделю июля 1927 г. объявили «Неделей обороны», проведение которой, совпавшее с празднованием 5 годовщины Советской Конституции, по мнению устроителей, ознаменовалось таким успехом, что ее решили продлить еще на неделю⁶. Она завершилась в воскресенье 17 июля 1927 г. массовым митингом, на котором выступили Бухарин, Ворошилов, Енукидзе⁷. Прошедший в июле-августе 1927 г. Пленум Центрального Комитета партии привнес международную угрозу в борьбу с оппозицией, хотя принятая Пленумом резолюция, подчеркивавшая необходимость боеготовности и с похвалой отзывавшаяся о том, как рабочие откликнулись на «Неделю обороны», специально Красную Армию не упоминала⁸. Совместные маневры сухопутных и военно-мор-

ских сил в окрестностях Одессы в сентябре 1927 г. получили необычно широкое освещение в печати⁹. 10-ю годовщину Красной Армии праздновали 22 февраля 1928 г. с большой помпой. Ордена Красного Знамени были вручены Калинин, Петровскому, Рыкову, а также Уншлихту, Кирову, Вацетису, Эофу и другим военным и хозяйственным руководителям¹⁰.

Новым фактором, которому в то время предавалось все большее значение, являлось развитие тяжелой индустрии, как основы военной мощи. «Мы привыкли в течение гражданской войны, — писал Тухачевский, — к мысли о том, что мы нищи, бедны, не вооружены и что преимущественно мы деремся одним только нашим революционным духом. Если это отчасти и было верно во время гражданской войны, то картина принимает совершенно другой вид в настоящее время»¹¹.

В докладе на IV съезде Советов СССР в апреле 1927 г. Ворошилов, признав отставание Красной Армии от западноевропейских армий в вооружении и оснащении, утверждал, что советская военная техника росла «вместе с прогрессом всего хозяйства страны по мере ее индустриализации», и посвятил этой теме заключительную часть своего выступления. Приспособление экономики к нуждам обороны якобы представляло собой актуальнейшую задачу», в решении которой должны были сыграть свою роль не только тяжелая индустрия, но также транспорт, сельское хозяйство и химическая промышленность¹². В составленных осенью 1927 г. Госпланом контрольных цифрах указывалось на необходимость «обеспечить продолжение взятого форсированного темпа индустриализации... при всемерном повышении обороноспособности страны»¹³. На XV съезде партии в декабре 1927 г. Ворошилов, упомянув «ходячую истину» о том, что «на человечество с неотвратимой неизбежностью надвигается новая мировая бойня», сделал упор на развитие военной промышленности. Он, в частности, сказал: «Имея несомненное благополучие в организационных формах, в обучении, воспитании и боевой подготовке красноармейцев и командного состава, мы главной целью и основным содержанием пятилетки поставили доведение технической мощи Красной Армии до уровня первоклассных современных армий»¹⁴.

Резолюция съезда потребовала придать быстрый темп развития «тем отраслям тяжелой индустрии, которые поднимают в кратчайший срок экономическую мощь и обороноспособность СССР»¹⁵. Один из партийных лозунгов к 10-й годовщине Красной Армии в феврале 1928 г. гласил: «Индустриализация СССР — основа его обороноспособности. Пролетарий, повышай производительность труда. Крепи оборону своего государства»¹⁶.

Оглядываясь через 5 лет на историю Красной Армии, Ворошилов рассматривал 1928 г. в качестве поворотного пункта ее развития, поскольку первый пятилетний план был связан с «коренной технической реконструкцией»¹⁷.

Хотя индустриализация занимала ведущее положение, не были забыты и другие условия, необходимые для того, чтобы превратить Красную Армию в действенную боевую силу. Основным закон от 18 сентября 1925 г. относительно организации армии был дополнен и расширен постановлением от 8 августа 1928 г. Сохранилось четкое разграничение между кадровыми и территориальными частями. Устанавливались более детальные правила допризывного обучения и призыва в армию, сильнее подчеркивались права и обязанности командного состава. Сохранялась статья о зачислении «нетрудящихся» только в территориальные войска с условием, что подобные лица должны платить специальный военный налог¹⁸. Призыв новобранцев, по-видимому, не представлял серьезных трудностей. Из пополнения 1927 г. 92,16% были добровольцами, в 1928 г. их число достигло 94,56%. В армии, в которой крестьяне составляли 74,3%, эти цифры рассматривались как вполне удовлетворительные. Представителей местного населения Казахстана, республик Центральной Азии, Дагестанской АССР и других горных районов впервые призвали в 1928 г.¹⁹.

В это время положение и функции командного состава, как особого организма, начали приобретать в советском мышлении новое значение. В 1926 г. Ворошилов произнес пространную речь перед выпускниками училищ красных командиров²⁰, а 2 июля 1927 г. Рыков и Ворошилов удостоили своими выступлениями выпускную церемонию молодых офицеров военной академии²¹. Улучшение материальных условий красноармейцев и особенно командиров привлекло внимание IV съезда Советов СССР в апреле 1927 г., который потребовал увеличения бюджета Красной Армии на бытовые нужды с целью «дальнейшего улучшения довольствия, обмундирования и расквартирования войск, обратив внимание на улучшение квартирных условий начальствующего состава»²². Было объявлено, что с 1 июня 1927 г. командирам повышались оклады и увеличивались пайки²³. В феврале 1928 г., в связи с 10-й годовщиной Красной Армии, когда речь зашла о субсидиях на такие удобства, как радио, кино и библиотеки, на улучшение жилья для командиров выделили 3 млн. руб. Увеличили денежное содержание младшим командирам и рядовым солдатам и «оклады в Красной Армии приблизились к уровню средней заработной платы промышленных рабочих»²⁴. В 1928 г. Красная Армия располагала 2458 многоквартирными домами, которые обеспечивали жильем 63 220 командиров и их семьи²⁵. Но вызывает сомнения, что все принятые в это время меры привели к общему повышению уровня жизни командного состава; они вместе с тем увеличили разрыв между ним и рядовыми военнослужащими. Когда Бломберг, начальник общевойскового ведомства Германии, посетил в 1928 г. Советский Союз, ему показали помещение клуба Красной Армии в Москве, который был открыт

для всех военнослужащих без различия звания. Однако он заметил, что «офицерский корпус уже отличается своим поведением, одеждой и потребностями от основной солдатской массы» и пришел к выводу, что «разделение между ними вряд ли уменьшится»²⁶. Положение от 13 июля 1928 г., определившее условия прохождения службы средним, старшим и высшим начальствующим составом, было явно предназначено для того, чтобы улучшить их статус и гарантировать пребывание в должности. Подразделяя командные кадры на строевые, политические, административные, медицинские и ветеринарные категории, положение подробно указывало длительность службы, тарифные ставки и условия продвижения по службе для лиц всех воинских рангов. Принцип продвижения по старшинству якобы «широко практиковавшийся в буржуазных армиях», был безоговорочно отвергнут, а в положении закреплён принцип личных заслуг и званий²⁷.

Проблему военной дисциплины в условиях политического строя, проповедавшего эгалитаризм и отвергавшего жесткую дисциплину царской армии²⁸, решили путем постепенной и осторожной смены акцентов. Незадолго до смерти Фрунзе высказался против «механических методов наведения дисциплины» и против широкого применения всякого рода дисциплинарных взысканий²⁹. В апреле 1927 г. Ворошилов проникновенно говорил о восприимчивости рядовых солдат к «малейшим несправедливостям» и о необходимости развивать товарищеские отношения между командирами и рядовыми солдатами³⁰. Поскольку доля царских офицеров в Красной Армии быстро сокращалась, эта проблема касалась главным образом новых советских командиров³¹. Возможно, существенным является тот факт, что доля командиров по отношению к рядовому составу была в Красной Армии значительно выше, чем в царской или в большинстве западных армий³². В платформе оппозиции от сентября 1927 г. делался следующий характерный вывод: «Вопрос взаимоотношений классов в стране и правильная политика партии в данной сфере имеет решающее значение для внутренней сплоченности армии и для взаимоотношений между командирами и солдатами»³³.

В феврале 1928 г. в статье, посвященной 10-й годовщине Красной Армии, Ворошилов, указывая на отличие от армий капиталистического мира, подчеркнул, что командиры и рядовые бойцы Красной Армии «принадлежат к одним и тем же классам»³⁴. Несколько недель спустя он заявил на совещании партячеек Красной Армии, что было «слишком много взысканий и крайне недостаточно поощрений»³⁵.

Чрезмерно суровое отношение младших командиров к своим подчиненным газета Красной Армии объяснила неопытностью и недостаточной подготовкой. Она, в частности, писала: «Значительная часть младших командиров свое незнание старается компенсировать излишней строгостью. То же можно сказать относительно младших командиров-групповодов по политзанятиям. Их не-

достаточное общее развитие и недостаток времени и места для подготовки к очередным урокам отражается как на ведении самих занятий, так и на их усвоении»³⁶.

Даже во внеслужебное время отношения между старшими и младшими командирами строились в соответствии с чрезмерно суровыми правилами дисциплины. Младший молчал или просто соглашался «из невольного чувства подчиненности и боязни», а это, по словам газеты «Красная Звезда», «разрушает наше единство, наши товарищеские отношения, делает их непрочными, формальными, поверхностными и неискренними»³⁷.

Вместе с тем много внимания уделялось опасности неподчинения со стороны членов партии и комсомола. «Вопросы воинской дисциплинированности членов партии и комсомольцев, — заявляла газета «Красная Звезда» в марте 1927 г., — постоянно стоят в центре внимания политорганов»; она также сообщила, что в 1926 г. 290 членов партии были привлечены к ответственности за нарушения дисциплины и 70 из них исключены из партии³⁸. Год спустя ЦК комсомола предостерег от приукрашивания условий красноармейской службы, которая «может создать у призываемого ложное впечатление, будто Красная Армия представляет собой только школу, забывая совершенно об основном ее значении, как Вооруженных Сил Советского Союза»³⁹. В 1929 г. газета «Красная Звезда» продолжала протестовать против «искусственного разделения комсомольской дисциплины от военной». В предшествовавшем году в одной из кавказских бригад 7 комсомольцев исключили из Союза, 5 — поместили под арест и 67 наказали⁴⁰. Было введено более интенсивное обучение командиров в училищах и академиях, в том числе в самой знаменитой военно-политической академии им. Толмачева, и приняты обычные меры по увеличению набора рабочих. Процент рабочих в общем пополнении поднялся с 39 в 1927 г. до 56 в 1928 г.⁴¹ Недостатки конечной продукции объяснялись слабостью общеобразовательной подготовки. Курсантам, оканчивающим училище, недостает умения командовать, писала газета «Красная Звезда», и они показывают, что мало знакомы с армейской жизнью⁴². В 1928 г. в программу подготовки включили вечерние общеобразовательные курсы⁴³. Между тем прогресс был достигнут во всех областях. Постановление ЦК партии от 15 июля 1929 г. «О состоянии обороны СССР» констатировало проведенные за истекшие 5 лет (особенно начиная с 1927 г.) улучшения и рассчитывало на создание в течение последующих 5 лет «современной военно-технической базы для обороны». Особенно отмечались современные образцы артиллерии и танков, военно-воздушного флота и «улучшение материально-бытовых условий начсостава»⁴⁴.

В 1928 г. начальником Генерального штаба Красной Армии назначили Шапошникова, сменившего Тухачевского⁴⁵, которого перевели на должность командующего Ленинградским военным

округом⁴⁶. Тухачевский руководил наступлением на Варшаву в 1920 г. и имел разногласия с командованием Южной армии в составе Егорова, Буденного и Сталина⁴⁷. И хотя он не принимал участия в оппозиционной деятельности, его смещение можно было истолковать как раннюю попытку Сталина свести старые счеты и поставить на ключевые посты людей, на чью лояльность он мог бы положиться. Однако эти перемены могли иметь и более глубокий смысл. Тухачевский, как солдат, оставался детищем революции. Его пребывание в царской армии было ограничено непродолжительной службой в качестве младшего офицера во время войны. Он с энтузиазмом воспринял взгляд на Красную Армию, как на ударную силу мировой революции, а в 1920 г. предлагал мертворожденный план создания при Коминтерне интернационального военного Генерального штаба⁴⁸. Когда Тухачевский писал статью «Война как проблема вооруженной борьбы» для первого издания «Советской Энциклопедии», от этих экстравагантных амбиций осталось не так уж много; только настойчивая проповедь наступления, как основного фактора стратегии и тактики Красной Армии, хотя это не означало умаления значения новых видов оружия и технического оснащения или развития мощной индустриальной базы⁴⁹. Но пока в Красной Армии и в связанных с военными делами партийных кругах была жива революционная традиция⁵⁰, Тухачевский являлся ее рупором. Шапошников, будучи старше Тухачевского на 11 лет, уже сделал карьеру в царской армии и в войну работал в Генеральном штабе. Он рано присоединился к Красной Армии, но всегда стремился только лишь к профессиональной роли и не вступал в партию вплоть до 1930 г.⁵¹ В 1924 г. Шапошников опубликовал отчет о польской кампании 1920 г., в котором, как видно, критиковал наступательную стратегию Тухачевского. Бломберг, посетивший Советский Союз в 1928 г., вскоре после назначения Шапошникова, говорил о классовом характере и политической ориентации Красной Армии и вместе с тем отмечал, что коммунисты и некоммунисты «безоговорочно верили в русский национализм». В заключении он сказал: «На первый план все больше и больше выступает чисто военная точка зрения; все остальное подчинено ей»⁵².

В период, когда прежняя гипотетическая функция Красной Армии как авангарда мировой революции уступила место конкретной обязанности — защищать границы СССР, замена блестящего, непредсказуемого Тухачевского более уравновешенным, далеким от политики профессиональным военным имела определенный логический смысл.

б) Армия и партия

С самого XIII съезда партии, состоявшегося в мае 1924 г., проводился курс на увеличение партийной прослойки в Вооруженных Силах. С 12—15% (по разным оценкам) в 1925 г.⁵³ она воз-

росла до 29% или до 110 тыс. человек в 1929 г.⁵⁴ Из 93 289 коммунистов, состоявших в военных ячейках или группах к моменту партийной переписи, которая проходила в январе 1927 г., 43 336 являлись по социальному положению рабочими, 24 512 — крестьянами и 23 676 — служащими⁵⁵. Не вызывает сомнений, что значительная часть коммунистов вступила в партию не до, а после призыва в Красную Армию и что армия все больше превращалась в место отбора и подготовки рядовых членов общества к вступлению в партию. В феврале 1926 г. ПУР спустил директиву относительно привлечения военнослужащих из рабочих в партию⁵⁶. Из демобилизованных в 1926 г. 22 261 коммунистов 18 432 (82,8%) вступили в партию, находясь на службе⁵⁷. Продолжалось и более быстрое увеличение партийной прослойки среди командного состава — особенно высшего эшелона, которое началось еще в предшествовавший период⁵⁸. Своим постановлением от 15 июля 1927 г. Центральный Комитет потребовал дальнейшего увеличения доли партийцев и комсомольцев среди поступающих в офицерские училища⁵⁹. В декабре 1927 г. Орджоникидзе доложил XV съезду партии, что доля партийцев и комсомольцев в Красной Армии в целом возросла с 22,8% в 1925 г. до 29,9% в 1926 г., среди командного состава она поднялась с 43,3% в 1925 г. до 47% в 1926 г. и до 54% в 1927 г. Их доля среди ротных командиров составляла в 1926 г. — 52%, среди полковых командиров — 51,2%, среди дивизионных командиров — 54,7, среди корпусных командиров 85%⁶⁰. Для среднего командного состава этот процент увеличился с 11,6 — на 1 января 1926 г. до 17,05 — на 1 января 1927 г.⁶¹ Статистическое сравнение звания и должности членов партии в Вооруженных Силах в 1925 г. с такими же данными за 1929 г. подтверждали, что наибольшее увеличение партийной прослойки, как в количественном, так и процентном выражении, имело место среди командного состава⁶². Это обстоятельство позволило без особого труда сделать так, чтобы высшие посты в партийных ячейках Красной Армии принадлежали офицерам или сержантам и чтобы они успешно руководили организацией. Выборочная проверка осенью 1926 г. показала, что 85—90% секретарей партийных ячеек и бюро партийных организаций Красной Армии являлись командирами или сержантами и не более 10—15% — рядовыми⁶³. Во всяком случае это имело то преимущество, что уменьшало возможность конфликта между военной и партийной дисциплиной. В своем выступлении в феврале 1927 г. Уншлихт попытался определить отношения партийных и беспартийных офицеров и смягчить опасения последних. Он, в частности, сказал: «Мы держим курс не на 100-процентную партийность начсостава, а на то, чтобы обеспечить нашей партии руководство в РККА. Лучшая часть беспартийного комсостава может быть твердо уверена в том, что ее работа останется нужной для Красной Армии и будет встречать достойную оценку и поддержку со стороны руководящих органов РККА»⁶⁴.

Через два года, после длительных затруднений в связи с хлебозаготовительным кризисом, роль беспартийного командира освещалась в редакционной статье газеты «Красная Звезда» в менее лестных выражениях. Говорилось о необходимости «воспитывать его в социалистическом духе для того, чтобы он мог успешно справляться со своей работой в армии пролетарской диктатуры»⁶⁵.

Уделялось много внимания укреплению партийных организаций в Красной Армии, от которых, в конце концов, зависела власть партии над армией. В соответствии с партийной резолюцией от 20 декабря 1924 г., партийную ячейку следовало создать в каждой роте, батарее или эскадроне, где было три и более членов партии⁶⁶. В резолюции Оргбюро, принятой в начале 1927 г., подчеркивалось важное значение улучшения партийной организации и особенно повышения квалификации секретарей партийных ячеек. Нужно было уделять больше внимания политическому образованию, изучению решений партийных съездов и «своевременному разъяснению политики партии и Советского государства». В редакционной статье журнала ЦК партии, сопровождавшей публикацию резолюции, различные недостатки в Красной Армии объяснялись молодостью и неопытностью партийцев⁶⁷. Меры, принятые в период формирования объединенной оппозиции в целях противодействия возможному влиянию Троцкого в армии, оказались вполне адекватными⁶⁸. В декабре 1927 г., накануне XV съезда партии, Центральный Комитет смог похвалиться тем, что оппозиция не нашла поддержки в партийной организации Красной Армии и что число партийцев в армии, виновных в нарушениях партийной дисциплины, снизилось до незначительного уровня⁶⁹. Военная подготовленность считалась непременным условием выживания Советского Союза в потенциально враждебном мире. Сохранение доминирующего влияния партии в армии считалось непременным условием выживания существующего строя. «Уметь сочетать партийные отношения с отношениями начальника и подчиненного, — размышляла газета «Красная Звезда», — дело далеко не легкое»⁷⁰.

Преследуя эту двойную цель, Политическое управление Красной Армии (ПУРА) и военные комиссары удерживали ключевые позиции. Осенью 1926 г. режим экономии сократил число политработников в Вооруженных Силах с 14 672 до 11 490 человек, комиссаров с 648 до 612⁷¹. Несмотря, однако, на предположение, что в один прекрасный день в будущем введение «единоначалия»⁷² вытеснит комиссаров, важное значение политической обработки под партийным контролем никогда не ставилось под сомнение. Роль ПУРА определяла статья 75 переработанного Устава партии, принятого XIV съездом в декабре 1925 г. В нем, в частности, говорилось: «Общее руководство партийной работой в Красной Армии и Красном Флоте осуществляется Политическим управлением РККА как военным отделом ЦК»⁷³.

Осуществлять контроль над партийными ячейками и организациями, действовать в качестве каналов связи между партией и военным командованием — таковыми были обычные функции комиссаров как представителей ПУРа. Назвав политических работников «глазами» и «ушами» партии в армии, мы не погрешили бы против истины⁷⁴. Пространная директива ПУРа от 19 августа 1927 г. относительно «ликвидации политической неграмотности» среди членов партии и комсомольцев в Красной Армии возлагала данную задачу на подчиненных ПУРу политработников территориальных и кадровых частей, Красного Флота и военных училищ⁷⁵. Еще одну инструкцию партийным ячейкам Красной Армии направил 1 ноября 1928 г. Центральный Комитет партии. Собрания ротных ячеек надлежало проводить не менее двух раз, а полковых коллективов — не менее одного раза в месяц. Назначать партийных работников считалось правилом; лишь на уровне ротной ячейки или полкового коллектива еще допускались выборы. Комиссар, или командир — единоначальник (там, где такой порядок уже ввели), обладал всей полнотой власти над партийной организацией своей воинской части⁷⁶. В типичном издании 1929 г. подчеркивалось особое положение партийной организации в Красной Армии, которая являлась всего лишь «аппаратом» комиссаров. Автор, в частности, писал: «Партийная организация не имеет права вмешиваться в их действия и обязана выполнять получаемые от них указания и оказывать им помощь во всей их работе. Даже в случае несогласия с указаниями комиссара, помощника по политчасти или единоначальника бюро коллектива должно провести их в жизнь, обратившись за окончательным разрешением спорных вопросов в соответствующий политорган»⁷⁷.

Вскоре армейская газета вновь привлекла внимание к своеобразному статусу партийных организаций в Красной Армии, где «военный комиссар части имеет право, принимая на себя всю ответственность, приостановить проведение в жизнь постановления ячейки ВКП(б) в случае, если последняя принимает решения, не соответствующие партийной линии в армии»⁷⁸. Помимо этих функций, институт военных комиссаров представлял собой резервуар, из которого, по преувеличенным, вероятно, оценкам Ворошилова, вышла «не одна сотня прекрасных командиров, штабных работников и других специалистов военного дела»⁷⁹.

Предпринятые в 1924 и 1925 гг. робкие шаги, направленные на то, чтобы соединить военные и политические функции командного состава и устранить дуализм командира и комиссара путем введения единоначалия, не увенчались полным успехом⁸⁰. Усилия в этом направлении продолжались всю зиму 1926/27 г. и достигли своего апогея в директиве от 13 мая 1927 г., подписанной наркомом обороны, который одновременно являлся и председателем Реввоенсовета республики. Данная директива касалась всех видов Вооруженных Сил и возлагала на командира полную ответственность за «общее политическое руководство с целью увязки

строевого и политического дела в части». «Пом. по политчасти» должен был отвечать за «всю партийно-политическую работу», возглавлять политический аппарат части, докладывать командиру как о политическом состоянии части, так и о всех основных указаниях, получаемых от вышестоящего политоргана. Директива, несомненно, имела целью распространить на всю Красную Армию положения, которые до тех пор касались лишь воинских частей, где действовал принцип единоначалия. Комиссар утрачивал функцию контроля над командиром. Ему оставили право подписывать только те приказы, которые имели отношение к руководству партийно-политической работой⁸¹. Директива вызвала шок в партийных кругах. Формальным доводом ее противников являлась ссылка на невозможность применения в обозримом будущем на Красном Флоте, где командование, особенно высшего эшелона, оставалось преимущественно беспартийным, и в национальных контингентах среднеазиатских республик, в которых политическая работа имела решающее значение⁸². Но как показали последующие события, действительным препятствием служило упорное сопротивление комиссаров постепенному ослаблению их роли и влияния, которое они все еще сохранили в партийных кругах.

По-видимому, сопротивление прежде всего концентрировалось в Военно-политической академии им. Толмачева в Ленинграде. В ноябре 1927 г. ее слушатели направили в ПУР письмо, протестуя против расширения прав комсостава и против принципа единоначалия, которые, как им казалось, привели бы к «ослаблению партийного руководства в армии». Копии письма разослали армейским округам всей страны. По имеющимся данным, положительно реагировал на протест только Белорусский военный округ, где осенью 1927 г. комиссары и политработники приняли резолюцию против расширения принципа единоначалия. Поначалу от этих волнений просто отмахнулись. В своей статье, написанной в феврале 1928 г. в связи с 10-й годовщиной Красной Армии, Ворошилов самодовольно заметил, что «функция контроля и наблюдения за комсоставом, роль опекуна и «няньки», что составляло в свое время одну из главных функций комиссарской должности, ныне отходит в область прошлого»⁸³. Скоро, однако, события приняли более серьезный оборот. 15 марта 1928 г. партийное собрание академии им. Толмачева по докладу ее начальника приняло резолюцию, осуждавшую форсирование в проведении «единоначалия». Совещание секретарей партийных ячеек в конце марта 1928 г. попыталась сдержать волнения. Ворошилов превозносил «политработников» и отрицал, что существует план «ликвидировать политруков»⁸⁴. Но это не удержало политработников Белорусского военного округа от еще одного собрания в мае 1928 г., принявшего остро сформулированную резолюцию, в которой говорилось о «недооценке и умалении роли партийно-политических органов» и критиковалась позиция командного состава⁸⁵.

В кризисной атмосфере весны и лета 1928 г. партийное руководство в первую очередь стремилось предотвратить угрозу возможного объединения раздосадованных военных комиссаров с другими недовольными элементами в партии. Должно быть, не ускользнул от внимания тот факт, что в первые месяцы 1928 г. центром агитации против принудительных хлебопоставок стали войска в Белоруссии⁸⁶. Требовалось соблюдать осторожность, чтобы в зародыше подавить движение протеста и в то же время не пополнить свежими силами ряды оппозиции в партии. Вероятно, отвести беду помогла партийным руководителям давняя традиция, согласно которой партийные споры не касались военных дел. 27 июня 1928 г. Реввоенсовет на официальном заседании принял постановление «О политико-моральном состоянии РККА», которое сопровождалось указанием начальника ПУРа Бубнова командному составу. Резолюцию академии им. Толмачева объявили «не отвечающей в некоторой своей части» армейским требованиям, а резолюцию Белорусского военного округа нашли «заслуживающей полного осуждения». Несмотря, однако, на подобные выводы, постановление по своей сути было сравнительно мягким, содержало такие знакомые общие места, как призывы к сплочению командного и политического состава, к преодолению оппозиции внутри армии, к исправлению бюрократических извращений⁸⁷.

23 октября 1928 г., в период, когда назревала новая борьба в партии, Бубнов выступил перед активом Московского гарнизона, который принял резолюцию о необходимости «добить остатки троцкистской оппозиции» и прежде всего дать отпор «правому уклону, примиренчеству и замазыванию правой опасностью, откуда бы она не исходила»⁸⁸. Но судя по имеющимся документам, не было сказано ничего такого, что позволило бы отождествить указанные опасности с каким-либо движением диссидентов в армии. В решении Центрального Комитета партии от 30 октября 1928 г., которое особо одобрило постановление от 27 июня 1928 г. и порицало отсутствие единства между политработниками и командирами, все еще проступала двойственная позиция. Оно требовало «непоколебимого единства командного и политического состава», «непрерывного усиления руководящего влияния Коммунистической партии в армии и на флоте». И наконец, 24 ноября 1928 г. Реввоенсовет обнародовал положение о комиссарах, единоначальниках и политруках, заменившее временное положение от 30 июля 1925 г. Разграничение функций прошло по известным линиям. Там, где полное единоначалие еще не было введено, командиры и комиссары совместно отвечали за политическое и моральное состояние и боевую готовность части. Там, где единоначалие было уже введено, командир нес полную ответственность и подписывал все приказы, однако и политрук подписывал приказы, «имевшие непосредственное отношение к политической жизни части»⁸⁹.

Какой прогресс был сделан в тот период в направлении установления единоначалия — остается неясным. В 1928 г. более половины полковых и дивизионных командиров и практически все командиры корпусов являлись единоначальниками. Среди них — 70% партийцев, примкнувших к большевикам до Октябрьской революции⁹⁰. Со слов Уншлихта, в 1928 г. 52% всех командиров корпусов, дивизионных бригад и полков были членами партии и 32% действовали как единоначальники⁹¹. Таким образом, не все члены партии из высшего командного состава являлись единоначальниками, хотя, вероятно, все, кто таковым являлся, состоял в партии.

Эти давно прошедшие события оставляют впечатление, что, хотя необходимость единого и безоговорочного руководства в Красной Армии и во всех ее подразделениях широко признавалась, сильное и упорное неприятие некоторыми представителями партийной ортодоксии, а также самими комиссарами всего, что, по их представлениям, ослабляло партийный контроль над армией, убедило партийное руководство в том, что целесообразнее обожать постепенного слияния офицерского корпуса с партией через двойственный процесс назначения членов партии на военные командные посты и приема в партию представителей командного состава, чем пытаться ускорить концентрацию власти и тем самым провоцировать решительное сопротивление. В основном возобладало стремление к умеренности. Статья в «Правде» еще раз затронула различия между двумя моделями командования и с удовлетворением отметила ежегодное расширение второй модели⁹². После того, однако, как борьба с правыми в партии приняла более острые формы, всякая терпимость по отношению к открытому инакомыслию была отброшена, как опасная. Партийное собрание в академии им. Толмачева, состоявшееся 10 декабря 1928 г., аннулировало резолюцию от 15 марта 1928 г. как несовместимую с линией партии и потребовала, чтобы ее активные защитники подчинились партийной дисциплине⁹³. Центральный Комитет партии в резолюции по докладу ПУРа от того же числа, отметил «неумение своевременно вскрывать факты отражения в настроениях отдельных групп красноармейцев влияния классово-чуждых слоев деревни и реагировать на них» и призвал вести «решительную борьбу со всеми отклонениями в рядах парторганизаций от правильной партийной линии». Резолюция не назвала отступников. Однако автор сопровождающей редакционной статьи, опубликованной в журнал ЦК партии, не был столь сдержан и открыто указал на «часть высшего политсостава Белорусского военного округа» и на «коллектив Военно-политической академии»⁹⁴. В статье, посвященной Дню Красной Армии и опубликованной 23 февраля 1928 г., после нападок на правую оппозицию автор заметил, что «внутренние трудности оставили свой след в Красной Армии», вызвав «нездоровые явления в красноармейских массах и среди командного состава», и коротко со-

слался на протесты белоруссов и толмачевцев. Спорам подвела черту резолюция Центрального Комитета партии от 25 февраля 1929 г., которая констатировала, что колебания и ошибки армейской оппозиции осудили все партийные организации в армии и почти все провинившиеся. Теперь партия якобы располагала «вполне партийно выдержанными и идеологически устойчивыми кадрами политсостава»⁹⁵. Никто из нарушителей, по-видимому, сразу не подвергся преследованиям⁹⁶. Однако партийная чистка 1929 г. энергично проводилась в ячейках Красной Армии. Назначенные для этого комиссии получали на партийцев устные и письменные характеристики⁹⁷, и непокорных, конечно же, призывали к ответу. Власть партии защитили, а отступников наказали. Что касается самих принципов, то дело партийного контроля над Вооруженными Силами, которое отстаивали отступники, все же восторжествовало. Только после того, как военные командиры и их штабы сами стали объектами партийной дисциплины, комиссары, которые однажды являлись выразителями и инструментами партийного контроля, постепенно исчезли.

в) Армия и население

Ненормальное положение в Красной Армии, как одного из главных советских институтов преимущественно крестьянского состава, давно беспокоило партийные круги. Тревоги усилились после 1926 г., когда возникло противодействие прокрестьянской ориентации в Советской политике. Растущая напряженность в экономике достигла кульминационного пункта в хлебозаготовительном кризисе зимой 1927/28 г. Среди красноармейцев из крестьян были слышны жалобы относительно низких государственных закупочных цен на зерно и высоких цен на промышленные товары; спрашивали, почему крестьяне не могут поставлять зерно частным торговцам?⁹⁸ Политработники Белорусской республики сражались, чтобы защитить свои права и свой статус, приняли резолюцию, в которой выражали тревогу по поводу волнений зажиточных крестьян в армии⁹⁹. В самый разгар кризиса газета «Красная Звезда» подтвердила ту точку зрения, что зажиточный крестьянин может представлять опасность. Имели место случаи, когда он, используя благоприятное служебное положение, идеологически обрабатывал солдат-служивцев из бедняков и середняков¹⁰⁰. Через несколько месяцев в связи с призывом в армию в 1928 г. та же самая газета официально заявила: «В армию, хотя и в очень небольшом числе, проникали классово чуждые и социально опасные элементы и лица, оказавшиеся лишенными избирательных прав. Несомненно, и в этом году будут попытки со стороны этих элементов проникнуть в ряды армии. Этого ни в коем случае нельзя допустить»¹⁰¹.

Картина стала еще более мрачной в результате обнаружения в партии правого уклona. Уншлихт высказал опасения относительно влияния «мелкобуржуазных элементов» и полагал, что правая угроза была в армии сильнее, чем где-либо¹⁰². Несколько недель спустя он выразил то же самое беспокойство на конференции в связи с 10-й годовщиной ПУРа, состоявшейся осенью 1928 г. Он, в частности, сказал: «Основной костяк нашей рабоче-крестьянской Красной Армии — это крестьянский молодежь, который прибывает из деревни и попадает в ряды Красной Армии со всеми теми настроениями, которые имеются в деревне, молодежь, который получает письма из деревни, будирующие эти настроения. Я исхожу поэтому из того, что в Красной Армии может быть более сильный напор мелкобуржуазной стихии на ряды нашей партийной организации. Отсюда опасность, что в рядах нашей партийной организации могут оказаться элементы, поддающиеся правым настроениям. И это опасность больше, чем в наших гражданских партийных организациях. Им здесь должны поэтому вполне определенно сказать: будьте, товарищи, начеку, вскрывайте тот напор, который имеется со стороны мелкобуржуазных элементов, давайте ему должный решительный отпор»¹⁰³.

Весной 1929 г. газета «Красная Звезда» продолжала сообщать о прокулацких и антиколлективистских настроениях в армии, даже среди командиров и комиссаров¹⁰⁴.

С другой стороны, подобные тревоги порождали острое осознание необходимости массовой пропаганды, с целью уменьшения степени крестьянского недоверия, и использования условий, которые открывались в Красной Армии для этой работы. Социальный состав Красной Армии всегда ставил ее перед необходимостью выполнять обширные воспитательные функции. В середине 20-х годов полная неграмотность наблюдалась лишь среди призывников воинских частей небольших национальных республик, однако половина всех призывников была в лучшем случае полуграмотна. Вместе с тем к концу службы только 0,2% оставались неграмотными¹⁰⁵. Инструктировать новобранца — это такая же важная задача, как и учить его маршировать и стрелять. В воинских подразделениях были созданы вечерние общеобразовательные школы. Вместе с тем, подобно армиям других государств, Красная Армия являлась также и школой лояльности. Осенний призыв сопровождался торжественными парадами и патриотическими речами¹⁰⁶. В одном из лозунгов к 10-й годовщине Красной Армии в феврале 1928 г. она называлась «школой социализма для миллионов крестьян и рабочих»¹⁰⁷. Политические наставления в небольших группах представляли собой неотъемлемую часть военной подготовки. Упор делался на военную угрозу советскому строю¹⁰⁸. Ожидалось, что, пройдя обучение, красноармейцы станут лояльными и полезными советскими гражданами. Лучшие из них — с зачатками политического сознания и стремлением к

вступлению в партию. На XIII съезде партии в мае 1924 г. почтовую переписку красноармейцев с семьями называли путем, который должен «деревню приблизить к текущим задачам советской государственности»¹⁰⁹. Свидетельства несколько более позднего периода показывают, что эта переписка официально поощрялась и организовывалась. Во время хлебозаготовительного кризиса 1928 г. комсомольцы одного из учебных кораблей в течение 3—4 месяцев направили «свыше 2000 официально зарегистрированных краснофлотских писем, не считая огромного количества писем, посланных красноармейцами домой в порядке обыкновенной переписки»¹¹⁰. В некоторых частях Красной Армии писание писем стало коллективным занятием, велся учет отправленной корреспонденции¹¹¹. В избирательной кампании 1927 г. политорганы Красной Армии якобы «проделали колоссальную работу», особенно путем распространения в отдаленных местностях плакатов¹¹². Существовала уверенность, что после окончания службы красноармейцы станут мощным инструментом политического воспитания и организации масс. Постановление Центрального Комитета партии от 7 марта 1927 г. с удовлетворением отмечало «рост авторитета и влияния партии и комсомола среди беспартийных красноармейцев... создание околупартийного актива... подготовку активного работника деревни»¹¹³. Другая резолюция от 14 октября 1927 г. призвала членов партии и комсомола, демобилизованных из Красной Армии, работать в советском, кооперативном и общественном аппарате. Обращение распространялось на «активных и близких к партии отпускиников»¹¹⁴. Для подлежащих демобилизации организовывали специальные курсы, чтобы подготовить активистов для работы в деревне¹¹⁵. На XV съезде партии в декабре 1927 г. Косиор говорил об «огромнейшей работе», проделанной политическими органами Красной Армии для «подготовки отпускиников к тому, чтобы они по приходе своем в деревню стали ценными общественными работниками»¹¹⁶. Выступая месяцем раньше на Московской губернской партийной конференции, Бухарин с преувеличенным энтузиазмом отзывался о подобных перспективах. Он, в частности, сказал: «Крестьянин, прошедший коммунистическую армейскую школу, уже имеет известное зернышко пролетарской обработки, социалистической обработки. Мы имеем вовлечение самых широких масс в государственную работу, переделку этих масс и переделку этими массами государственного аппарата. Эти процессы деформируют наши основные классы, раскрестьянивают крестьян, распролетаривают пролетариат. Это не что иное, как элементы отмирания самой государственной власти»¹¹⁷.

Год спустя тот же самый процесс, но в более умеренных выражениях описывался в журнале ЦИК. Там, в частности, говорилось: «Вбирая в себя массу сырого крестьянского молодняка, Красная Армия ежегодно отдает его деревне уже политически и культурно переработанным... Демобилизованные красноармейцы

зачастую становятся активнейшим элементом деревенской общест-венности»¹¹⁸.

Центральный Комитет партии своей резолюцией от 12 апреля 1929 г. поручил ПУРу создать условия для подготовки красноар-мейцев и младших командиров, которым предстоит демобилиза-ция, к работе в партийных, советских или кооперативных орга-нах. Имелась в виду не только управленческая или воспитатель-ная деятельность, но и работа в колхозах и совхозах, которые внедряли коллективные и кооперативные формы труда¹¹⁹. В конце 20-х годов партия вела серьезную работу, чтобы сохра-нить доминирующее влияние в Красной Армии и не допустить разрыва между военной компетентностью и партийной лояль-ностью. Именно в ходе этой борьбы возникли далеко идущие, чес-толюбивые планы — использовать армию, подобно профсоюзам, в качестве инструмента воспитания и идеологической обработки масс, в качестве опоры в строительстве нового советского обще-ства. Слабость партии и отсутствие действенного советского ин-ститута в деревне отвели Красной Армии особое место в отноше-ниях между существовавшим строем и крестьянством¹²⁰.

Основанное в январе 1927 г. общество ОСОАВИАХИМ яви-лось преемником трех прежних гражданских обществ, занятых различными аспектами обороны¹²¹. На съезде Авиахима 17 янва-ря 1927 г. выступил Рыков, который заявил о том, что задача съезда — осуществить слияние с «Обществом содействия оборо-не» (ОСО)¹²². Неделью спустя Ворошилов обратился к совместно-му заседанию съезда и Центрального Совета ОСО и объявил о создании новой организации под названием ОСОАВИАХИМ¹²³. В апреле 1927 г. ОСОАВИАХИМ был утвержден IV съездом Со-ветов Союза ССР, который призвал местные Советы оказывать ему (и Высшему Совету физической культуры) всемерную под-держку¹²⁴. Если прежние общества занимались в основном про-пагандой и популяризацией, то появившийся в 1927 г. страх перед нападением побуждал готовить гражданское население к оборо-не на случай вторжения. В своем циркулярном письме Централь-ный Совет профсоюзов выступил за «широкое развитие стрелко-вого спорта, военных клубов, популяризацию военного масте-ства» и назвал это «главной задачей профсоюзных организаций»¹²⁵. Быстро втянули в это движение и ОСОАВИАХИМ. В постановле-нии Центрального Комитета партии от 24 июля 1927 г., объявив-шем «неделю в защиту ОСОАВИАХИМА», говорилось о задаче вооружения рабочих для обороны. В результате создали многочис-ленные группы военной и полувоенной направленности, включая авиацию и химию, и собрали 11 млн. руб. в фонд, названный «Наш ответ Чемберлену», за счет которого построили 100 аэро-планов¹²⁶. К октябрю 1927 г. количество членов выросло почти до 3 млн. человек, организованных в 42 тыс. ячеек. Из них 15,7% составляли женщины, 17,4 — члены партии¹²⁷. Бюджет общества

на 1927/28 г. составил 8,4 млн. руб. Почти 20 млн. руб. собрали на такие цели, как строительство аэропланов и аэродромов¹²⁸. Эти показатели, если только они верны, можно было достигнуть только при массовом вовлечении членов комсомола, профсоюзов и других организаций; они же свидетельствовали о важном значении которое власти придавали ОСОАВИАХИМу. Молодежь обучалась таким специальностям, как летное дело, снайперская стрельба, ориентирование по карте. На более позднем этапе военное обучение проходило в полевых условиях. Во время пребывания в Киеве в сентябре 1928 г. Бломберга поразил размах организованного участия населения в противовоздушных учениях¹²⁹. ОСОАВИАХИМ являлся в основном городской организацией. В резолюции Центрального Комитета партии от 19 марта 1928 г. содержалась жалоба на слабость низовых ячеек организации, особенно в деревне. В той же резолюции раскрывались некоторые неувязки в «вопросе обеспечения населения малокалиберным оружием, патронами и спортивными ружьями» проблему отложили для будущих дискуссий¹³⁰. Не были оставлены без внимания и другие функции ОСОАВИАХИМа. На ранних этапах он много помогал в развитии химической промышленности, особенно в деле обеспечения сельского хозяйства удобрениями¹³¹. При Центральном Совете образовали научную секцию под председательством бывшего начальника Генерального штаба Красной Армии. С. Каменева, и в июне 1927 г. ученый секретарь Академии наук и другие академики приняли участие в совещании в Ольденбурге, где обсуждался вклад науки в оборону¹³². В речи на Совете ОСОАВИАХИМа в марте 1928 г. Уншлихт, согласно опубликованному сообщению, довольно неожиданно заострил внимание на применении авиации и химии в сельском хозяйстве и мало что сказал об их военном использовании¹³³. Временами ОСОАВИАХИМ выполнял политические функции. Циркулярное письмо, разосланное Уншлихтом в ноябре 1928 г. местным отделениям, потребовало от них принять активное участие в предстоящих выборах в Советы и позаботиться о том, чтобы вопросы обороны оставались на переднем плане кампании. Призыв Буденного был в том же ключе¹³⁴. В течение нескольких лет эта организация широко освещалась в официальной печати. Вместе с тем трудно сказать что-либо определенное о размерах ее действительного вклада в национальную оборону.

ГЛАВА 53

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

Конституция СССР 1924 г. оставила за верховными органами СССР право «на установление Основ судостроительства и судопроизводства, а также гражданского и уголовного законодательства Союза»¹. Однако составление Основ гражданского законодательства оказалось слишком сложной задачей, и длительное время позиции безраздельно удерживал Гражданский кодекс РСФСР, который имитировали или из которого заимствовали другие союзные республики². Возложенные Конституцией на Союз иные задачи были выполнены более пунктуально. В октябре 1927 г. после бурного заседания ЦИК одобрил постановления³ об Основах судостроительства, Основных началах уголовного законодательства и Основах уголовного судопроизводства⁴.

а) Суды и прокуратура

Опубликованные в октябре 1924 г. Основы судопроизводства соответствовали тем общим линиям, которые были изложены в постановлениях РСФСР за 1922 г., когда вступило в силу первое Положение о судах и сформировалась прокурорская служба РСФСР. После образования СССР дополнительно создали Верховный Суд СССР и назначили прокурора Верховного Суда⁵. Основы, задача которых якобы заключалась в «реализации революционной законности»⁶ и которые исходили из твердого принципа «единой судебной системы» для всего Союза, вобрали в себя существовавшую трехъярусную судебную систему (народные, губернские и верховные суды республик), которую ввели в РСФСР в 1922 г.⁷ и которую заимствовали, хотя, вне всякого сомнения, с некоторыми недостатками в практическом применении, другие союзные республики. Народный суд, состоявший из народного судьи и двух избранных заседателей, продолжал вершить повседневное правосудие по огромному большинству дел, связанных с незначительными правонарушениями и спорами, и представлял народный элемент в советском судопроизводстве⁸. Этот принцип со всей настойчивостью вновь подтвердил народный комиссар юстиции РСФСР Янсон в феврале 1929 г., то есть в момент, когда вводи-

лись более жесткие наказания за тяжкие преступления. Он, в частности, заявил: «Наш суд есть народный суд. Наш народный суд через заседателей теснейшим образом связан с населением... Мы находимся целиком и полностью под общественным контролем. У нас имеются сотни нитей, связывающих нас с рабоче-крестьянским населением. Наши суды никоим образом нельзя сравнивать с прежними судами. И об этой позиции не может быть никаких разговоров»⁹.

Губернские суды и Верховный Суд республики действовали как апелляционные суды или (по особо важным делам) как суды первой инстанции.

Основы не ставили задачу немедленного пересмотра Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Только в ноябре 1926 г. его изменили с учетом перемен в управленческой структуре республики, связанных с дальнейшим проведением районирования. В районированных местах народные суды должны были функционировать на уровне района, заменившего уезд. Судам более высокой инстанции предстояло действовать на уровне области или края и занять место губернских судов. Вместе с тем между областными (краевыми) и районными судами включили новую прослойку окружных судов. Верховный Суд республики не претерпел существенных изменений¹⁰. Таким путем четырехъярусная система судопроизводства заменила прежнюю трехъярусную. Первоначальный замысел, возможно, сводился к тому, чтобы зажать областные (краевые) суды между окружными судами и Верховным Судом республики¹¹. В действительности же оказалось, что губернские суды стали высшими апелляционными судами по решениям окружных судов, а Верховный Суд республики выступал как апелляционный суд только по особо важным делам, по которым областной (краевой) суд представлял собой первую инстанцию¹². После ликвидации в 1930 г.¹³ округов восстановилась первоначальная трехъярусная структура.

На структуру и функции низовых республиканских судов почти никак не повлияло главенство над ними Верховного Суда СССР, авторитет которого проистекал из того факта, что он был создан Конституцией СССР, закрепившей его функции и состав. Как указывалось в Основах, Верховному Суду следовало руководствоваться «интересами Союза в целом и интересами отдельных республик, чьи суверенные права он будет соблюдать» — фраза, явно предназначенная для того, чтобы успокоить республиканских критиков централизованной власти. Суд включал примерно 30 судей, но никогда не собирался в полном составе. В соответствии со статусом он выполнял три функции. Заседая в виде так называемого «плenums» в составе 15 судей¹⁴, Верховный Суд по поручению ЦИК СССР занимался истолкованием сути нормативных актов или, по представлению низовых органов или прокурора, определял соответствие Конституции постановлений и распоряжений союзных республик или наркоматов СССР. Эти интерпретации, однако, призна-

вались действенными только после подтверждения их ЦИК. Подчеркивалось, что это не давало права на пересмотр дел в западном понимании. Во-вторых, Верховный Суд выступал в роли апелляционного суда по приговорам нижестоящих судов, включая верховные суды союзных республик. С этой целью он образовал несколько постоянных коллегий, из которых наиболее активными являлись коллегии по гражданским, по уголовным и по военным делам. В-третьих, в исключительных случаях Верховный Суд через свои коллегии действовал как суд первой инстанции, где разбирались серьезные дела по обвинению в государственных преступлениях членов ЦИК, других высокопоставленных чиновников или уголовные дела, имевшие особое значение для Союза ССР или двух и более союзных республик. Подобные дела рассматривались или одной из постоянных коллегий, или же специальным судом, особо назначавшимся для этой цели по указанию ЦИК¹⁵. Конституция СССР определила Верховный Суд как орган «при ЦИК», что справедливо указывало на его подчиненное положение. Независимость Верховного Суда, втиснутого между ЦИК и все более активным прокурором, вряд ли соответствовала уровню его официального достоинства. Время от времени предпринимались попытки обеспечить расширение власти Верховного Суда¹⁶. Но только в июле 1929 г. пересмотренное Положение дало ему право по собственной инициативе и без вмешательства прокурора оспаривать нормативные акты союзных и республиканских организаций¹⁷. Сомнительно, чтобы такая перемена дала большой практический эффект.

Службой, которая в этот период постоянно расширяла свою власть и влияние, являлась прокуратура. Увеличивалась власть прокуроров республик и вновь назначенного прокурора Верховного Суда. Прокурорская служба, которая брала свое начало от Петра I и утратила силу в 1917 г., была восстановлена в РСФСР после личного вмешательства Ленина в мае 1922 г. Она стала, по сути, департаментом Наркомюста, а Народный комиссар юстиции РСФСР занял положение прокурора республики¹⁸. Аналогичные службы создали в остальных республиках. Республиканский прокурор назначал губернских и областных (краевых) прокуроров и непосредственно подчиненных ему помощников прокурора. Сеть прокурорских помощников и работников прокуратуры распространилась на уездные, а в районированных местностях на окружные и районные суды. Еще до образования СССР служба прокурора превратилась в символ и инструмент единообразного и централизованного применения закона¹⁹. Статья 14 Основ уголовного судопроизводства, принятых ЦИК СССР в октябре 1924 г., предписывала, чтобы прокурорская служба «организовалась на основе централизованного и прямого подчинения прокурору республики». В последующие годы значение работы республиканского прокурора, особенно прокурора РСФСР, возросла²⁰.

Когда в 1924 г. по условиям Конституции назначили прокурора Верховного Суда СССР, он унаследовал данную традицию и, по

всей видимости, представлял в сфере судопроизводства нацеленные на централизацию силы, нашедшие воплощение в Конституции СССР. Его назначил непосредственно ЦИК, и в отсутствие Наркомюста СССР он обладал такой степенью самостоятельности, которой не имели прокуроры республик. С первых шагов прокурору Верховного Суда СССР была уготована судьба — стать верховным блюстителем законности и надзирателем за применением закона на всей территории Союза ССР. Однако сначала его положение было иным, и прошло десять лет прежде чем он, наконец, полностью утвердился в своих правах. Пока же власть прокурора оставалась ограниченной. Примечательным являлось и название. Ведь он являлся прокурором не СССР, а Верховного Суда СССР и мог действовать только через Верховный Суд. Ему давалось право обращаться в Верховный Суд с протестами по поводу действий органов СССР или решений верховных судов союзных республик, но не по поводу действий республиканских органов. Он не располагал официальной властью над прокурорами республик. На протяжении 20-х годов пост прокурора Верховного Суда занимал Красиков, уважаемый, но бесцветный юрист. Ревнивое отношение республик к притязаниям Союза ССР на власть и сильные правовые традиции, укоренившиеся в Наркомюсте РСФСР, упорно преграждали путь всякому вторжению. Когда Сольц, член президиума Центральной контрольной комиссии и судья Верховного Суда, в одной из статей журнала ЦИК предложил учредить прокуратуру Союза ²¹, ему дал твердый отпор нарком юстиции РСФСР Курский ²². Это предложение больше не обсуждалось. Прокурор Верховного Суда, однако, настоял на своих правах в двух сферах, где приоритетное право Союза не оспаривалось, — в военных делах и в вопросах государственной безопасности. Одного из его помощников назначили прокурором военной коллегии Верховного Суда, другого — инспектором ОГПУ ²³. Расширение обязанностей прибавило службе авторитета и, вне всякого сомнения, пополнило аппарат более способными кадрами. Ширилось закулисное влияние прокурора.

Растущий авторитет прокурорской власти увязывался с существенным смещением акцентов относительно ее пределов и качества. Прокурор являлся сторожевым псом законности. Он возбуждал судебное преследование и подавал кассационные жалобы в Верховный Суд республики по уязвимым с юридической точки зрения решениям низовых судов. Вероятно, справедливо предположить, что в эти годы повсеместное присутствие прокурора явилось причиной некоторого улучшения юридического уровня правосудия в народных судах. В его обязанности также входило оценивать с правовой точки зрения любое действие и решение как политических, так и судебных правительственных органов и опротестовать их на законном основании перед ЦИК республики или его президиумом. Проверка законности действий судов представляла собой менее заметную функцию прокурора в сравнении с проверкой за-

конности действий правительственных органов на законодательном или административном поприще. В сферу компетенции прокурора входили противоречившие Конституции нормативные документы, нарушения закона должностными лицами. И в том и в другом случае он был обязан вносить представления. На более низких административных уровнях его вмешательство касалось главным образом текущих вопросов, связанных с финансами и налогообложением²⁴. Кампания против «бюрократизма»²⁵ способствовала усилению значения и популярности прокурора. Его приветствовали как грозу бюрократов, как человека, назначенного для того, чтобы искоренить бюрократические извращения. И эта роль, как видно, все больше и больше затмевала остальные функции прокурора. Весной 1927 г. прокуратуру призвали внести свой вклад в кампанию по снижению цен²⁶, и в одной из статей того периода было заявлено, что «организация актива деревни и привлечение его к творческой культурно-правовой работе становятся центральным местом, осью, вокруг которой вращаются отдельные части сложной прокурорской работы в деревне»²⁷.

Распространение прокурорских обязанностей из области права на управление вскоре стало предметом полемики. Сольц в статье, в которой он выдвигал идею создания прокуратуры Союза, критиковал также ту точку зрения, что прокурор, подобно своему буржуазному коллеге, должен заниматься преимущественно судами. «Всю энергию прокурорского надзора, — заявил он, — нужно сосредоточить главным образом не на наблюдении за тем, в какой мере работа того или другого судьи или судебного органа расходится с той или другой статьей Кодекса, а на действительном наблюдении за деятельностью высших и низших администраторов, которые зачастую нарушают законность».

Прокуратура, как и Рабкрин, хотя и в другом качестве, должна была якобы уделять основное внимание надзору за советским аппаратом всеми доступными средствами, то есть, по словам Сольца, «опираясь на партийный и советский авторитет, на рабоче-крестьянскую общественность, широко используя прессу»²⁸. Сольц поднял еще один существенный вопрос, когда в той же статье высказался за тесное сотрудничество прокуратуры с контрольными комиссиями партии всех уровней. Это означало бы реальную «партиполитическую связь» между двумя организациями²⁹. Слияние Центральной контрольной комиссии партии с Рабкрином заставило ее напрямую заинтересоваться деятельностью советского управленческого аппарата. И именно данный аспект партийной работы, по-видимому, побудил Сольца написать статью. Вместе с тем призыв к сотрудничеству между Контрольной комиссией и прокуратурой имел и другой аспект. Борьба с объединенной оппозицией началась всерьез на Пленуме Центрального Комитета партии в июле 1926 г. Сотрудничество между Центральной контрольной комиссией и прокуратурой, а также между их подчиненными органами на более низких уровнях вскоре превратилось в важное звено

данной структуры и иллюстрировало влияние внутрипартийной борьбы на формирование политических институтов.

Продолжавшаяся закулисная борьба юристов, во главе с Крыленко, который настаивал на том, чтобы функция прокуратуры ограничивалась интерпретацией закона, с политиками и администраторами, которые хотели бы превратить прокуратуру, подобно другим советским органам, в дополнительный инструмент партийной и советской политики, вспыхнула с новой силой на XV съезде партии в декабре 1927 г. Янсон призвал к «небольшой революции» в аппарате прокуратуры. Он жаловался, что забота прокуроров о законности иногда оборачивалась «буквоедством», и заявил, что нужны «люди с практическим смыслом» («и поменьше юристов», — заметил с места Сольц)³⁰. Крыленко, которого неоднократно прерывали насмешливые возгласы, защищал правовую деятельность судов и прокуроров в борьбе с бюрократизмом³¹. Шкирятов прямо критиковал Крыленко за неправильное понимание приоритетов. Дескать, задача закона — пресекать уголовные преступления, а не увлекаться тонкостями юридических толкований. Далее Шкирятов сказал: «Кроме буквы закона (а я за то, чтобы закон защищать), но кроме буквы закона, должно быть пролетарское революционное чутье при разборе любого дела, а у них иногда закон выше всего».

Сольц использовал аналогичный аргумент, но не столь прямолинейно. По его словам, судья часто являлся по происхождению рабочим. Затем он добавил: «Его пролетарское чутье ему говорит, что нужно так-то делать. Прокурор говорит: как же так, а статья такая выполнена?»

Это якобы происходило потому, что прокуроры не занимались своим непосредственным делом — «следить, чтобы местные власти не нарушали законов»³². Съезд отразил общее настроение, но не принял никакого формального решения. Разногласия уладили и Крыленко избрали на съезде членом Центральной контрольной комиссии, символизируя этим назначением укрепление связи прокуратуры с партийными органами. В скором времени в одной из статей уже писали, что контролирующая функция прокурора «есть работа политическая»³³. Политические соображения начали дополнять и даже заслонять юридические элементы уже на ранней стадии.

Наглядным свидетельством растущей политизации прокуратуры явилась ее связь с рабселькоровским движением. Начиная с 1925 г. рабкоры и селькоры призывали сообщать о злоупотреблениях Рабкрину и местному прокурору³⁴. Накануне III Всесоюзного совещания рабселькоров в мае 1926 г. «Правда» в редакционной статье писала, что «работу таких советских органов, как прокуратура, нельзя теперь мыслить без связи с рабселькорами, оказывающими большую помощь в деле установления революционной законности»³⁵. Представители прокуратуры организовали и участ-

вовали в местных совещаниях рабселькоров³⁶. Количество «сигналов» от рабселькоров, по которым прокуратуры РСФСР принимали меры, возросло с 58 891 в 1926 г. до 72 230 в 1927 г. Среди упоминавшихся в этих сигналах нарушений первое место принадлежало преступлениям должностных лиц, прежде всего в кооперативах³⁷. Однако из сигналов, направленных рабселькорами прокурорам в 1928 г., лишь 28% после проверки нашли подтверждение, хотя не ясно, явилось ли это следствием ненадежности сообщений или инертности прокуроров³⁸. В 1928 г. в РСФСР, будто бы действовали 80 тыс. рабселькоров, представлявших 43 газеты; на Украине 34 600 рабселькоров представляли 69 газет³⁹. В период, когда придавалось особое значение роли прокуроров в борьбе с бюрократизмом, XV съезд партии в декабре 1927 г. высказался за «широкое использование рабселькоровского движения в области борьбы с бюрократическими извращениями»⁴⁰. С многократным увеличением активности рабселькоров возросло и количество обвинений в их адрес в ведении шпионажа в отношении населения⁴¹. В 1928 г. сообщалось о вспышках против них актов насилия⁴². С другой стороны, утверждалось, что рабселькоры якобы иногда брали с крестьян деньги за тайные консультации по правовым проблемам⁴³. Когда в ноябре 1928 г., через два с половиной года после предыдущего совещания, рабселькоры собрались на свое IV совещание, «Правда» сочла необходимым дать отпор обвинениям в том, что рабселькоры — это якобы просто «добровольные советские шпионы» и «полицейские осведомители» и утверждала, что это движение помогло выявить нарушения закона, содействовало классовой борьбе и социалистическому строительству⁴⁴. На конференции выступили Бухарин, Уланова, Ярославский и Ворошилов, и ее работа широко освещалась в «Правде»⁴⁵. Какими бы ни были другие обязанности рабселькоров, они стали неофициальными «глазами» прокурора на селе. И, как таковые, являлись частью далеко идущего движения сотрудничества между советскими и партийными органами, направленного как на защиту советской законности от административных нарушений, так и на защиту сторонников партии от оппозиционеров и диссидентов, — движения, в котором разумные и злонамеренные функции слились практически воедино.

Возраставшая власть прокуратуры нашла отражение в постановлении РСФСР от 30 января 1928 г., аннулировавшим правило, согласно которому народный комиссар юстиции являлся также прокурором РСФСР. Впредь народный комиссар располагал двумя заместителями: один являлся председателем Верховного Суда, и контролировал судопроизводство, а другой — прокурором республики⁴⁶. Независимо от того, с какой целью издали данное постановление (которое, будто бы ничего, по сути, не меняло), оно в действительности должно было сделать прокурора РСФСР менее зависимым от республиканской администрации и усилить его пря-

мую подчиненность прокурору Верховного Суда СССР и таким образом подготовить почву для слияния всей прокурорской системы в единое целое. Роль обвинителя по уголовным делам всегда обеспечивала прокурору важное влияние на предварительное следствие. Новый Кодекс РСФСР относительно формирования судов, принятый в ноябре 1926 г., устанавливал, что предварительное расследование, которым обычно руководил суд, по важным делам может быть передано в руки прокурора⁴⁷. Это было лишь острое будущего клина. В 1927 г. началась активная кампания за то, чтобы передать под контроль прокурора предварительное следствие по всем уголовным делам⁴⁸. 15 марта 1928 г. Наркомюст РСФСР принял постановление о передаче аппарата предварительного следствия «целиком и полностью» прокурору. Состоявшееся на следующий день собрание работников прокуратуры утвердило резолюцию, официально одобренную Наркомюстом и требовавшую полного претворения в жизнь постановления⁴⁹. Таким образом, прокурор завлек в свои сети еще один элемент правосудия.

б) Уголовный кодекс

Основные начала уголовного законодательства, сформулированные ЦИК СССР одновременно с Основами судостроительства в октябре 1924 г., хотя по своей форме и были смоделированы с «руководящих принципов» 1919 г. и с Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.⁵⁰, тем не менее представляли собой поворотный пункт в советском уголовном праве. Подобно другим правовым эдиктам раннего периода, они имели двоякую направленность. В теории Основные начала обеспечивали наиболее полное официальное воплощение социологического подхода к уголовному законодательству, который господствовал в советских юридических кругах в 20-е годы. В соответствии с данной точкой зрения, которая получила широкое признание в западном мире, преступление обуславливалось не нравственным падением, а социальными и психологическими отклонениями, которые поддаются воздействию исправительных или воспитательных мер. Крайнюю разновидность этой доктрины представляла собой популярная в Советском Союзе в 20-е годы «рефлексология», которая учила, что поведение человека можно объяснить физиологическими причинами, что «все поступки людей детерминированы» и «преступления совершаются таким путем, который был предопределен»⁵¹. Репрессии можно было объяснить, но не как меру наказания преступника и не как средство выправления его недостатков, а как необходимую защиту социального порядка от действий, наносящих ей ущерб. Исключив концепцию вины, кодекс 1922 г. сохранил понятие «наказание», говоря о «наказании и других мерах социальной защиты» (ст. 8). Основные начала 1924 г. по логике вещей отказались от термина «наказание» и определили все формы репрессий как «меры социальной защиты».

В них подчеркивалась действенность мер «медико-педагогического характера» там, где не подходили «судебно-исправительные» меры (ст. 29). Все это предопределяло терпимое отношение к простым преступлениям, которое, возможно, получило бы более широкое применение при наличии нужных ресурсов и которое соответствовало распространенному среди советских юристов того времени представлению (хотя оно никак не проявилось в Основных началах), что уголовное право со всеми его кодексами, судами и мерами подавления является продуктом социальных и политических недостатков и что элементы, враждебные новому строю, как и само государство, отомрут после устранения этих недостатков⁵².

Такой подход, если не оправдал, то, во всяком случае, стимулировал различные практические выводы. Если опасные для социального строя преступления становились главным и единственным объектом приложения «мер социальной защиты судебно-исправительного характера», то сущность подобных преступлений требовала самых суровых мер. Резкое различие между «государственными» и иными преступлениями подчеркивалось в Основных началах путем изъятия законодательной власти по государственным и военным преступлениям из компетенции союзных республик и передачи ее Союзу, а также путем оговорки, что президиум ЦИК может «в необходимых случаях указывать союзным республикам роды и виды преступлений, по которым Союз ССР считает необходимым проведение определенной линии единой карательной политики» (ст. 3). Высшие потребности безопасности также благоволили централизации. Когда ЦИК СССР в октябре 1924 г. принял Основные начала, он предложил союзным республикам не позднее 1 марта 1925 г. привести в соответствие с ними действовавшие до тех пор собственные уголовные кодексы. Однако еще только смолкли отголоски конституционных пререканий, которые имели место в ЦИК при утверждении Основных начал⁵³, и интервал был слишком коротким⁵⁴. Лишь в октябре 1925 г. проект пересмотренного кодекса, утвержденный Совнаркомом РСФСР, был передан в ЦИК РСФСР⁵⁵. После долгих и путаных дебатов пленум принял проект за основу, но поручил президиуму приостановить формальное введение в действие и передать один спорный вопрос на рассмотрение ЦИК СССР. Предложение относительно передачи правовых компетенций по контрреволюционным преступлениям органам власти Союза ССР было одобрено. Но распространялось ли это на преступления против порядка управления, которые в кодексе РСФСР 1922 г. входили в одну и ту же главу? ЦИК РСФСР предложил оставить их в компетенции союзных республик⁵⁶. Принятие предложения ограничило бы полномочия Союза рамками контрреволюционных преступлений и поставило бы предел новой расширенной концепции «государственных преступлений».

Пока продолжались неспешные дебаты, ЦИК СССР вновь продемонстрировал свою заинтересованность проблемой безопасности, опубликовав 14 августа 1925 г. постановление «О шпионаже, а так-

же о сборе и передаче экономической информации, закрытой для публикации»⁵⁷. Когда же, однако, проблема вновь всплыла на сессии ЦИК в апреле 1926 г., расхождения во мнениях все еще сохранялись. Проект положения о государственных преступлениях, включавший как контрреволюционные преступления, так и «наиболее опасные для Союза ССР преступления против порядка управления», условно одобрили, но предусмотрительно направили для дальнейшего изучения в союзные республики⁵⁸. Подобная акция, как видно, лишь усилила колебания в Наркомюсте РСФСР⁵⁹, и никаких изучений не последовало. Тем не менее на сессии в ноябре 1926 г. ЦИК РСФСР решил, в ожидании окончательного заключения СССР, ввести в действие с 1 января 1927 г. Кодекс, одобренный в принципе в октябре 1925 г., сохранив главу о контрреволюционных преступлениях и преступлениях против порядка управления в том виде (с учетом незначительных редакционных поправок), в котором она фигурировала в Уголовном кодексе 1922 г.⁶⁰

Кодекс РСФСР 1926 г. продолжал утверждать (ст. 9), что меры социальной защиты не представляют собой возмездия или кары⁶¹. Но в нем подчеркивалось различие между общественно-опасными преступлениями против советского строя и правопорядка и остальными правонарушениями и демонстрировалась заметная снисходительность к последним. Максимальное наказание за любое преступление, признанное социально не опасным (включая преднамеренное убийство), — 10 лет пребывания в исправительно-трудовом лагере. Согласно новому положению, если какое-либо действие, признаваемое при его совершении преступлением, к моменту расследования или рассмотрения в суде в силу ли изменений в социально-политической обстановке или перемен в характере обвиняемого, перестало быть общественно-опасным, то это действие не влекло за собой применения мер социальной защиты (ст. 8)⁶². С другой стороны, Кодекс допускал такое применение к лицам, которые представляли общественную опасность по своей связи с преступной средой или же по своей личной прошлой деятельности, причем даже в том случае, если против них не выдвигалось каких-либо конкретных обвинений (ст. 7). Сохранялась смертная казнь через расстрел — исключительная мера охраны — за наиболее тяжкие виды преступлений против основ советского строя и порядка управления (ст. 20 и 21). Большинство преступлений, перечисленных в статьях 58 и 59, совершенных при отягчающих вину обстоятельствах, влекли за собой смертную казнь. Обширный раздел (ст. 60—108) имел дело с другими преступлениями против порядка управления, еще один раздел (ст. 109—127) — с преступлениями должностных лиц. Неизменная снисходительность Кодекса к ординарным правонарушениям способствовала проявлению оптимистической точки зрения, выраженной в одной из статей газеты «Известия», где говорилось о том, что сделан еще один шаг, направленный против «перепроизводства наказаний»⁶³. В общем, концен-

трация внимания на вопросах общественного порядка и безопасности — наиболее отличительная черта Уголовного кодекса РСФСР, принятого в ноябре 1926 г.

Опубликование Уголовного кодекса РСФСР заставило правительство СССР действовать. На сессии ЦИК СССР в феврале 1927 г. Крыленко сообщил о поправках к Основным началам 1924 г., необходимых для того, чтобы привести этот документ в соответствии с новыми уголовными кодексами, а Красиков доложил о предложенном новом положении относительно государственных преступлений⁶⁴. 25 февраля 1927 г. были опубликованы два документа. Одним вносились поправки в Основные начала 1924 г., путем добавления к «контрреволюционным» преступлениям категории «особо опасных для Союза ССР преступлений против порядка управления». Другое представляло собой положение о «государственных преступлениях» — спорный термин, включавший обе вышеупомянутые категории⁶⁵. Это положение базировалось в основном на соответствующих статьях Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. и проекта переработанного Кодекса 1925 г. Его главное значение было связано не с отдельными новшествами, а с выделением «государственных» преступлений в отдельный документ высшей законодательной власти. Контрреволюционное преступление определялось как «всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти... Рабоче-Крестьянских Правительств Союза ССР, союзных и автономных республик». Другой абзац включал в категорию «рабоче-крестьянского государства» любое другое государство трудящихся, не входящее в Союз ССР. К государственным преступлениям относились экономические акции трех видов: вредительство, диверсия и саботаж. Всякое действие, совершенное «со специальной целью ослабления власти Правительства и деятельности государственного аппарата» квалифицировалось как саботаж. Хотя умысел и намерение постоянно упоминались в данной части раздела, они, по-видимому, не являлись непременными признаками состава преступления. В следующей части недвусмысленно признавалась возможность «преступлений против порядка управления... свершенных без контрреволюционных целей... которые колеблют основы государственного управления и хозяйственной мощи Союза ССР и союзных республик». Недонесение о действиях (или попытках к подобным действиям), связанных с массовыми беспорядками, изготовлением фальшивых денег и бандитизмом, влекло за собой уголовную ответственность. Положение якобы вводилось для «включения в уголовные кодексы союзных республик». Вопрос о том, вступало ли оно в силу еще до включения очевидно, остался нерешенным. На этот раз дело не затянулось. 6 июня 1927 г. РСФСР внесла поправки в свой Уголовный кодекс, включив эти положения. Статьи 1—14 (контрреволюционные преступления) и статьи 15—17 (преступления против порядка управления) положения теперь стали статьями 58 (п. 1—14) и 59 (п. 1—13) Уголовного кодекса РСФСР⁶⁶.

Введенные другими союзными республиками уголовные кодексы отличались от переработанного кодекса РСФСР лишь в деталях⁶⁷.

Воинские преступления занимали в советском уголовном праве особое место. В период гражданской войны были учреждены военно-транспортные и военные трибуналы⁶⁸, а Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. содержал главу, посвященную воинским преступлениям, определявшимися как преступления, которые «по своему характеру и значению не могут быть совершены гражданами, не состоящими на военной или морской службе». Содержание положений в какой-то мере опровергало подобную интерпретацию. Наряду с преступлениями, обычно связанными с военной службой, назывались и такие наказуемые в уголовном порядке правонарушения, как уклонение от несения воинской службы и военный шпионаж в самом широком смысле. Спустя два года, когда в Советской Армии шла реорганизация⁶⁹, вновь образованный Союз ССР твердо заявил о своей юрисдикции над воинскими преступлениями. Одновременно с опубликованием в октябре 1924 г. Основных начал уголовного законодательства ЦИК СССР издал постановление о воинских преступлениях, которое существенно не отличалось от соответствующей главы Кодекса 1922 г., и включил в Основы судостройства статью о военных трибуналах, контролируемых специальным прокурором (ст. 21)⁷⁰. Замешательство и проволочки возникли из-за отказа РСФСР и других республик претворять в жизнь новые положения до тех пор, пока они не будут включены в кодексы республик, а этот шаг никто не спешил предпринять до повторного вмешательства органов власти Союза ССР⁷¹. Принятое 20 августа 1926 г. положение СССР о военных трибуналах и военной прокуратуре создало для отправления военного правосудия систему судов с военным прокурором, подчиненным непосредственно прокурору Верховного Суда СССР⁷². В ноябре 1926 г. постановление СССР о воинских преступлениях, принятое в октябре 1924 г., вошло в качестве заключительной 9 главы в переработанный Уголовный кодекс РСФСР⁷³. С этого момента воинские преступления стали относиться к категории государственных преступлений, верховная власть над которыми принадлежала органам СССР.

Особые сложности возникали в регионах с нерусским населением, где привычный образ жизни, включая такие явления, как полигамия, принуждение к браку или выплата калыма, кровная месть и наследственная вражда, общинная или родовая юрисдикция, где сохранились местные суды, которые выносили приговоры как по уголовным, так и гражданским делам, основываясь на туземных, преимущественно мусульманских законах. Наиболее остро данная проблема стояла в автономных республиках и областях РСФСР. И осенью 1924 г. конференция представителей республик и областей подготовила проект постановления, нацеленного

на то, чтобы постепенно ликвидировать суды, применявшие «обычное» право. Правительство должно было отказать таким судам в финансовой поддержке; рассмотрение в них дел допускалось исключительно с согласия обеих сторон; приговоры приводились в исполнение только по предписанию народного суда, который получал право в случае необходимости отменять подобные решения. Проект направили местным заинтересованным властям для обсуждения, и, как видно, в течение трех лет по нему ничего больше не делалось⁷⁴. В 1924 г. РСФСР добавила к своему Уголовному кодексу 1922 г. специальные главы, касавшиеся Туркестанской и Башкирской автономных республик и нескольких автономных областей, которые пытались бороться с устаревшими обычаями и запрещали местным судам присваивать себе право рассматривать уголовные дела, то есть выступали против судов, применявших мусульманское или обычное право, и против определенных форм родового жизненного уклада⁷⁵. В октябре 1925 г. РСФСР решила включить в Уголовный кодекс новую главу, имевшую отношение к «первобытным» преступлениям, которые совершались на территории автономных республик и областей⁷⁶. Но трудности опять оказались огромными. После утверждения в 1926 г. переработанного Уголовного кодекса РСФСР ничего не предприняли для осуществления задуманного, и правовой статус дополнительных глав нового Кодекса, по-видимому, остался под сомнением. Между тем создание Узбекской и Туркменской союзных республик выдвинуло специфическую проблему мусульманских судов в регионах, которые больше не находились под юрисдикцией РСФСР, и 21 сентября 1927 г. ЦИК СССР издал инструкцию «О шариятских и адатских судах», в которой пошел немного дальше, чем РСФСР в своем Кодексе. Она официально лишала мусульманские суды права рассматривать уголовные дела, решать трудовые и земельные споры, запрещала создавать новые мусульманские суды, определяла, что обращение в подобные суды по гражданским делам должно происходить по-добровольному согласию сторон, и запрещала всем правительственным органам выполнять решения мусульманских судов⁷⁷. Бракосочетание и раздел семейного имущества являлись теми двумя главными вопросами, для решения которых все еще широко использовался авторитет созданных в соответствии со старыми обычаями судов; продолжали создавать проблемы для уголовного судопроизводства кровавая месть и другие первобытные методы возмездия. И все же в апреле 1928 г. ЦИК РСФСР добавил к своему Уголовному кодексу, принятому в ноябре 1926 г., еще одну главу, 10-ю, под названием «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта», которая больше не привязывалась географически, а отражала единый подход к подобного рода преступлениям⁷⁸. Постепенное устранение указанных пережитков первобытного общества являлось скорее результатом последовательного разложения этого общества в ходе контактов с современным миром, чем прямых законодательных акций.

в) Закручивание гаек

Различие между государственными преступлениями, теперь безвозвратно переданными под юрисдикцию СССР, и обычными правонарушениями, контроль над которыми сохранили республики, наложило свой отпечаток на карательную политику и на институты, которые должны были эту политику осуществлять. Наркомюсты и обычные суды республик, включая верховные суды, занимались обыкновенными преступлениями. СССР не располагал ни Наркомюстом, ни обычными судами. И хотя Союз соглашался оставить республикам борьбу с незначительными государственными преступлениями, а все законодательные положения, относящиеся к государственным преступлениям, были вписаны в республиканские уголовные кодексы, он обладал верховными полномочиями в сфере всех государственных преступлений и наиболее важными занимался сам через подчиненные органы — Верховный Суд СССР, прокурора Верховного Суда и Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ). Третье учреждение со временем стало самым мощным и самым непопулярным. Еще до образования Союза ГПУ РСФСР, хотя формально и входившее в правоохранительную структуру, восприняло многое от действовавшей за рамками законности и канувшей в Лету ВЧК⁷⁹. Однако в то время как ГПУ находилось все-таки в подчинении народного комиссариата внутренних дел РСФСР, превращение в ОГПУ СССР сделало эту организацию, подобно прокуратуре, независимым органом и чрезвычайно усилило ее власть. Вместе с Верховным Судом ОГПУ удостоилось быть упомянутым в Конституции⁸⁰. Деятельность ОГПУ на поприще охраны безопасности была повсеместной, централизованной и секретной. Каждый кризис, каждое смятение расширяло поле его деятельности и поднимало его престиж. После убийства в июне 1927 г. «белым» эмигрантом советского представителя в Варшаве ОГПУ получило указание «принять решительные меры к охране страны от иностранных шпионов, поджигателей и убийц, вместе с их монархическими и белогвардейскими союзниками»⁸¹. За взрывом бомбы в ленинградском партийном клубе 8 июня 1927 г.⁸² немедленно последовал приказ ОГПУ — расстрелять 10 бывших монархистов, обвинявшихся в шпионской деятельности против СССР⁸³. В сентябре 1927 г. состоялся открытый судебный процесс, широко освещавшийся в печати, над участниками ленинградского дела, которые якобы являлись агентами финской, латвийской, английской и французской секретных служб⁸⁴. В сопровождавшей выработку карательной политики затяжной борьбе между теми, кто выступал за исправительные меры, которые первые большевистские мыслители считали адекватной реакцией на такое социальное зло, как уголовное преступление, и которых в 20-е годы придерживались работники и юрисконсульты Наркомюста РСФСР, и теми, кто отстаивал гру-

бые жесткие «меры социальной защиты», применявшиеся ОГПУ⁸⁵, победа досталась последним.

Празднование 10-й годовщины ОГПУ, означавшее открытое признание неразрывной связи с прежней ВЧК, побудило Ворошилова (как председателя Реввоенсовета) и Менжинского (как председателя ОГПУ) выступить с заявлениями и явилось поводом для восхваления в печати достижений этого учреждения в защите революции. Торжества, включившие военный парад и заседание Московского Совета, на котором выступили Калинин и Бухарин, символизировали более жесткое отношение (которое теперь быстро завоевывало позиции) к преступлениям против государства⁸⁶. То были годы, когда Союз деятельно утверждал во всех сферах собственную централизованную власть, преодолевая беспорядочные, часто противоречивые, иногда обструкционные притязания республик. Тесно связанное с Верховным Судом и его прокурором ОГПУ, как видно, олицетворяло такую власть в вопросах отправления правосудия. То были годы растущего экономического и политического давления на каждый компонент советской системы, когда установившийся строй сделался почти до истерики восприимчив к нарастающим волнениям. И ОГПУ обрело поддержку и авторитет, которые в подобные времена выпадают на долю официальных защитников правопорядка. И наконец, то были годы острых внутрипартийных разногласий, когда авторитет правящей группы подрывала многочисленная и четко выраженная оппозиция и демагогические призывы к демонстрации народного недовольства. Как только различия между нелояльностью по отношению к партии и неповиновением государству оказались стерты, на партийной сцене возникло ОГПУ в качестве помощника и инструмента Центральной контрольной комиссии партии⁸⁷. Союз Контрольной комиссии, прокурора Верховного Суда и ОГПУ превратился в твердую существующего строя. Оперативность и беспощадность ОГПУ сделали его главным исполнительным органом троицы. Правопорядок, замаскировавшийся под фирменным названием «революционная законность», был девизом нервничавшей и непрочной власти.

Практические (и теоретические) проблемы наказания всегда давили тяжелым грузом на Советское правительство. За исключением некоторых незначительных и нереалистических наказаний (например, выдворения из СССР), а также смертной казни, предусмотренной в виде исключительной меры за контрреволюционные преступления, Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. полагался на «лишение свободы со строгой или без строгой изоляции» сроком до 10 лет и на «принудительные работы без содержания под стражей» сроком до одного года. Первое наказание считалось суровым и предусматривалось для лиц, совершивших тяжкие преступления, второе, мягкое, предназначалось для более легких нарушений закона. Приговоренных к «лишению свободы» передавали работникам управления местами заключения, чья тесная связь с ОГПУ

помогала определить условия отбытия наказания. Слово «тюрьма» имело неприятную ассоциацию с деспотическим прошлым, а переименование тюрьмы в «место заключения»⁸⁸ не устранило предубеждения просвещенных законодателей против содержания преступивших закон в условиях мучительного и бесполезного бездействия, за запорами и решетками — этой постоянно осуждавшейся буржуазной практики⁸⁹. Это традиционное предубеждение в сочетании с серьезной перенаселенностью обычных городских тюрем и усилившимся вниманием к потребностям государства в безопасности, способствовало укреплению мнения, что долгосрочные наказания должны принять форму принудительных работ в специально отведенных для этих целей поселениях. Создание нужного количества исправительно-трудовых колоний, предусмотренных соответствующим Кодексом РСФСР 1924 г.⁹⁰, потребовало бы значительно больше ресурсов, чем было в наличии. В 1925—1926 гг. якобы уже существовали 33 сельскохозяйственные колонии с общей обрабатываемой площадью в 36 942 гектара; в 1927 г. функционировали 1200 небольших мастерских и 51 фабрика. На самой крупной работало 3 тыс. заключенных⁹¹. Однако требовались более серьезные меры. Накопленный ОГПУ с 1922 г. опыт в создании поселений в отдаленных местностях для лиц, сосланных в административном порядке за контрреволюционную деятельность⁹², пригодился при организации мест заключения в тех же регионах для обычных преступников, лишенных свободы по приговору судов. С течением времени заведение обоего типа практически слились и приобрели известность под названием «концентрационные лагеря», которые использовались в качестве мест заключения еще в бытность ВЧК. От них отличались «изоляторы», в которых заключенные содержались в строгом затворничестве и, как правило, не использовались на принудительных работах — быть может, только из-за трудностей их организации. На протяжении 20-х годов лица, осуждавшиеся за политическую деятельность к ссылке⁹³ или заключению в изоляторе и высланные по приказу ОГПУ, по-прежнему освобождались от принудительного труда, хотя сам принцип предоставления классовым врагам привилегий, которых были лишены обычные осужденные судами правонарушители, вряд ли выдерживал критики⁹⁴.

Развал советской карательной системы в начале 20-х годов прежде всего связан с практической неосуществимостью приговоров, касающихся принудительного труда «без содержания под стражей» или «без лишения свободы». Заложенный в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. принцип, согласно которому лица, совершившие незначительные правонарушения, должны искупать свою вину определенным количеством дней принудительного труда на благо общества, скоро столкнулся со значительными трудностями. Очевидный путь использования подобного труда на существующих заводах и фабриках вызывал возражения, ибо это создавало конкуренцию свободному труду и сужало возможности для безработ-

ных. В феврале 1923 г. последовало распоряжение о том, что в отсутствии свободных рабочих мест, подобные лица должны работать на хозяйственных предприятиях, созданных в местах заключения⁹⁵. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г.⁹⁶ содержал тщательно разработанные правила применения наказаний принудительным трудом без лишения свободы. Эти наказания следовало отбывать на предприятиях, которыми ведало управление местами заключения, или, в случае отсутствия таковых, на других предприятиях под контролем губернского инспектора. Из заработанных таким путем денег 25% отчисляли на покрытие административных расходов, а остальные выплачивали самому правонарушителю. Но ни трудовые колонии, организованные в соответствии с условиями Исправительно-трудового кодекса, ни лагеря принудительных работ для преступников с длительными сроками наказания, созданные ОГПУ в отдаленных местностях, не подходили для лиц, приговоренных на короткие сроки принудительных работ без лишения свободы. И общее количество подобных приговоров мелким правонарушителям сводило на нет любые попытки выполнить их каким-то рациональным способом.

Эта система была реально применима только к городским рабочим, получавшим распоряжение продолжать трудиться на своем привычном месте. В данном случае наказание сводилось, по существу, к незначительному штрафу. В других местах организация полезного труда для осужденных правонарушителей в обществе, переживающем безработицу, превышала наличные административные и финансовые возможности. На селе результаты часто были просто нелепыми. Организовать принудительные работы для осужденных крестьян удавалось лишь в редких случаях, а там, где работа имела, 75% средней заработной платы составляли больше, чем крестьянин когда-либо получал за более тяжелый труд⁹⁷. Местные отделения исправительно-трудовой администрации оказались не в состоянии должным образом выполнять свои обязанности. В 1925 г. в Орловской губернии устроили на работу только 10% приговоренных к принудительному труду. В Сибири такие работы вообще не смогли организовать⁹⁸. Постановление РСФСР от 6 сентября 1926 г., указывая на растущие трудности с принудительными работами, вновь подтвердило, что осужденные наемные работники должны продолжать работать на своих местах, и попыталось возложить ответственность за организацию принудительного труда для других правонарушителей на краевые (областные) и районные исполкомы⁹⁹. Едва ли это дало желаемые результаты. Выборочная проверка в 1927 г. будто бы показала, что от общего количества дней принудительных работ, объявленных судами в первом квартале 1926 г., лишь 48% было фактически отработано; в первом квартале 1927 г. эта цифра равнялась 65%¹⁰⁰. Указанные оценки, вероятно, были преувеличены. Более поздний вывод о том, что принудительные работы без лишения свободы «не являлись реальной мерой социальной защиты»

из-за их «полной неорганизованности»¹⁰¹, не был далек от истины.

Вторым фактором, подрывающим советскую карательную политику (прямо-таки скандальное перенаселение «мест заключения»), являлось, в основном, следствием первого. Неспособность организовать принудительный труд без лишения свободы привела к многократному увеличению случаев использования альтернативного наказания — осуждения на короткие сроки лишения свободы — и к перегрузке мест заключения лицами, приговоренными за мелкие правонарушения. Подчеркивалось, что, если в конце 1924 г. количество узников на 20% превышало запланированную вместимость мест заключения, то к концу 1926 г. этот показатель достиг 77%. С другой стороны, средняя длительность наказаний снизилась с 1 года и 3 месяцев в 1924 г. до 9 месяцев в 1926 г.¹⁰² И здесь правонарушители из крестьян представляли неразрешимую проблему. В период полевых работ содержащимся в заключении крестьянам обычно предоставляли «отпуска». Так же якобы поступали даже с убийцами и осужденными за другие преступления, связанные с насилием¹⁰³. Более серьезным было оказываемое давление, направленное на то, чтобы смягчить проблему перенаселенности путем освобождения заключенных до отбытия ими полного срока наказания. Данная прерогатива принадлежала так называемой «распределительной комиссии», которая направляла заключенных в места содержания¹⁰⁴. В сентябре 1927 г. Рабкрин в своем докладе привлек внимание к нарастающему скандалу, связанному с незавершенными сроками наказания. Практику досрочного освобождения защищал в газете «Известия» один из работников Наркомюста, который доказывал, что, если бы приговор о лишении свободы выносился «только тогда, когда всякая иная мера социальной защиты абсолютно неприменима», проблема перенаселения исчезла бы. Другой автор критиковал эту практику в журнале Наркомюста и обвинил распределительную комиссию в том, что она действовала как апелляционный суд¹⁰⁵.

Спор по поводу досрочного освобождения характеризовал углублявшийся разрыв между теми, кто придерживался прежних «гуманных» и «либеральных» традиций Наркомюста и Исправительно-трудового кодекса, и теми, кто в интересах безопасности требовал более суровой карательной политики. Когда народный комиссар юстиции Курский заявил о необходимости более строгих мер наказания и сокращения случаев досрочного освобождения, один из авторов статьи в журнале «Советское строительство» назвал подобную точку зрения «механической» и полагал, что она «сводит на нет ценнейшие завоевания революции в области судебной политики»¹⁰⁶. На какое-то время данную тему отложили, объявив осенью 1927 г. широкую амнистию в честь 10-й годовщины Октябрьской революции, которая распространялась на всех осужденных на короткие сроки (за исключением рецидивистов)¹⁰⁷. Амнистия охватила 80 тыс. заключенных, из них 64 тыс. в РСФСР.

Самый высокий процент амнистированных был в Белорусской ССР (74%), а самый низкий — в Азербайджанской ССР (19,3%). 35,8% амнистированных были осуждены за имущественные преступления, 22% — за хулиганство. Почти все отбывали сравнительно короткие сроки наказания. Едва ли кто-либо из заключенных, осужденных на 5 лет и более длительные сроки, был амнистирован¹⁰⁸. По другим оценкам, общее число амнистированных составило 125 тыс. человек. Однако количество находящихся в заключении скоро вновь увеличилось, достигнув 1 июля 1928 г. 100 тыс., а 1 сентября того же года — 123 тыс. человек¹⁰⁹.

К этому времени такие проблемы, как серьезная перенаселенность мест заключения, скандал с досрочными освобождениями и невозможность организовать принудительный труд без лишения свободы, слились с растущим политическим давлением, направленным на то, чтобы добиться быстрых перемен в общественном мнении. Основные начала уголовного законодательства, опубликованные ЦИК СССР в октябре 1924 г., через несколько дней после издания Исправительно-трудового кодекса РСФСР, сделали одно существенное дополнение к наказаниям, перечисленным в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. Речь шла о высылке из одной названной местности Союза ССР в сочетании с предписанием или запретом на проживание в другой названной местности. Переработанный Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. сохранил данное положение и добавил новое наказание — «лишение свободы с содержанием в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях РСФСР». В Кодексе, как и в Основных началах, устанавливался максимальный срок лишения свободы в 10 лет. В нем подробно расписывались все наказания лишением свободы на период от 1 дня до 10 лет. И именно краткосрочные наказания, связанные с лишением свободы, стали излюбленной мишенью начавшейся критики. Упоминали случаи осуждения на 3 месяца лишения свободы за кражу курицы или на 6 месяцев за кражу нескольких мотков веревок стоимостью в 15 руб. 80% осужденных были виновны в мелких нарушениях закона, большинство составляли рабочие и крестьяне. Для подобных нарушителей лишение свободы не было подходящим наказанием¹¹⁰.

С другой стороны, серьезные преступления, связанные с угрозой безопасности государства, заслуживали более сурового наказания. По словам Янсона, который, как видно, выступил инициатором в данном вопросе, Наркомюст осенью 1927 г. подготовил доклад в этом духе, а в конце года был составлен проект решения о проведении его в жизнь¹¹¹. На XV съезде партии в декабре 1927 г. Сольц заявил, что если бы все судебные приговоры исполнялись, то «нам нужно было бы миллионы тратить на тюрьмы», и высказался против политики, при которой «за пустяковые дела рабочими и крестьянами наполнили тюрьмы», в то время как без внимания остались важные вопросы безопасности¹¹².

Однако к тому моменту проблема карательной политики превратилась в тему острых разногласий в Наркомюсте, где старые партийные традиции пустили глубокие корни. И практические меры были приняты только после того, как Янсон в начале 1928 г. сменил Курского на посту народного комиссара юстиции¹¹³. 26 марта 1928 г. президиум ЦИК и Совнарком РСФСР опубликовали чреватую серьезными последствиями резолюцию «О карательной политике и состоянии мест заключения». Что касается карательной политики, то было признано «необходимым применять суровые меры репрессий исключительно в отношении классовых врагов и деклассированных преступников-профессионалов и рецидивистов (бандитов, поджигателей, конокрадов, растратчиков, взяточников и воров)». Строгие меры нужно было и строго проводить в жизнь, без смягчений или послаблений. С другой стороны, имея дело со случайными правонарушителями, впервые преступившими закон и социально не опасными, осужденными на короткие сроки лишения свободы, следовало заменять наказания на более мягкие, включая принудительные работы без содержания под стражей. Судам давалось право прекращать дела даже на лиц, совершивших уголовные преступления, «если применение мер социальной защиты явно нецелесообразно». Исправительно-трудовой кодекс предстояло исправить таким образом, чтобы позволить продлевать срок наказания или применять другие меры социальной защиты к неисправимым уголовным преступникам. Что касается исправительно-трудовой политики, то принудительные работы в принципе не должны были оплачиваться, быть общественно полезными и представлять собой «реальную меру репрессии» в сравнении с общественными работами, которые Наркомтруд организовывал для безработных. Признавалось необходимым: прекратить «практикуемую ныне ссылку социально-опасных элементов из пределов данной местности, сводящуюся к обмену различных губерний этими элементами»; содержать случайных правонарушителей в местах заключения отдельно от социально опасных элементов и не предоставлять последним никаких особых привилегий; улучшить дисциплину в местах заключения. Что касается следственной практики, то нужно было принять меры к упрощению судебного процесса. Санкционировалось также создание на предприятиях «товарищеских судов», а в деревнях — «примирительных камер» и третейских судов для рассмотрения незначительных правонарушений и споров. Народные комиссариаты юстиции и внутренних дел получили указание подготовить законодательные акты для претворения в жизнь данных рекомендаций¹¹⁴. Хотя резолюция не являлась юридическим документом и не вошла в официальный сборник законов и распоряжений, в последующие 12 месяцев на нее постоянно ссылались в правительственных заявлениях.

Формально в резолюции от 26 марта 1928 г. речь шла о смягчении уголовных наказаний за незначительные правонарушения и

об усилении их за тяжкие государственные преступления. Однако ее практический смысл определялся не столько этими целями, сколько той атмосферой, в которой она была выработана. Хозяйственные трудности и борьба с оппозицией, имевшие место в предшествовавшие годы, привлекали все больше внимания к тяжким «государственным преступлениям». В ноябре 1927 г. Калинин, выступая в связи с 10-й годовщиной революции, с признательностью отозвался об «органах ГПУ, в которых работают наши лучшие партийные товарищи», и добавил, что органы ГПУ «понятны для рабочих масс»¹¹⁵. Через месяц «Правда» на 10-ю годовщину ОГПУ опубликовала обширный панегирик, расхваливая достижения и незаменимость органов безопасности, карающих классовых врагов и защищающих правопорядок¹¹⁶. Директиву от 26 марта 1928 г. выпустили через несколько дней после обнародования «шахтинского дела» под аккомпанемент раздававшихся со всех сторон воплей об измене¹¹⁷, и в Наркомюсте начался период острой напряженности. «Ни в один предыдущий год, — заявил Янсон, — столько бюрократов внутри и вне аппарата юстиции не было привлечено к ответственности, как в 1928 году»¹¹⁸; и здесь, как и повсюду, верх одержали поборники решительных и беспощадных мер¹¹⁹. Осенью 1928 г. в авторитетной статье журнала Наркомюста говорилось об «организационном разрыве и потере контроля» между судебными органами и исправительно-трудовыми учреждениями, а затяжка с исполнением директивы от 26 марта 1928 г. объяснялась «либеральным» толкованием Исправительно-трудового кодекса¹²⁰.

На протяжении года давление постоянно возрастало. Постановлением от 21 мая 1928 г. была сделана попытка ужесточить положения Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г. относительно принудительных работ без содержания под стражей. На этот раз провели резкое различие между осужденными на срок менее 6 месяцев и приговоренными к более длительным срокам¹²¹. 20 августа 1928 г. Наркомюст, раздраженный проволочками с исполнением этих указаний, направил местным властям директивное письмо, в котором еще раз указывал на необходимость сократить количество тривиальных судебных расследований, отказаться от вынесения уголовных наказаний, связанных с лишениями свободы на короткие сроки, но решительно взять уставку на применение «суровых приговоров и длительных сроков лишения свободы» в отношении «классовых врагов, рецидивистов, деклассированных элементов». Для преступников-профессионалов ссылка являлась подходящей мерой социальной защиты. Нужно было осторожно применять такую меру наказания, как лишение свободы со строгой изоляцией; вероятно, частично из-за трудностей административного порядка, а частично из-за невозможности приобщить находящихся в изоляции к производственному труду¹²². 28 ноября 1928 г. Наркомвнудел, «по согласованию с Наркомюстом» и на основании постановления от 21 мая 1928 г.,

издал обширную инструкцию по применению принудительных работ без содержания под стражей. Наиболее важным являлось положение, согласно которому лицо, приговоренное к принудительным работам без лишения свободы на срок свыше шести месяцев, в случае отсутствия подходящей работы на своем или ином предприятии вблизи места проживания, направлялось для отбывания наказания в другое место¹²³. В подобных условиях различие между принудительными работами без содержания под стражей и принудительными работами в лагере могло начать стираться. Это был явный шаг в направлении ужесточения наказаний для правонарушителей, приговоренных к более длительным срокам. Начальник Главного управления мест заключения Наркомюста Ширвинд, подписавший директиву, уже критиковавшийся в журнале Наркомюста как скрытый либерал, не мог испытывать радости от такого развития дел. Он смело ответил своим критикам, цитируя статью 26 Уголовного кодекса РСФСР, где говорилось, что наказание должно быть лишено «признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий». Он сослался также на положения статьи 4 Основных начал, опубликованных СССР в 1924 г., в которых указывалось, что меры социальной защиты не должны «иметь целью причинение физического страдания или унижение человеческого достоинства», а также на параграф 74 партийной Программы, которая предусматривала «замену тюрем воспитательными учреждениями». «Антимарксистский уклон», заявил он в заключение, особенно опасен тогда, когда «идет под флагом стопроцентной ортодоксии и борьбы с либерализмом»¹²⁴.

Однако гуманные принципы карательной системы, которые проповедывались и до известной степени практиковались в первые годы советского строя, теперь захлестнул политический и экономический кризис¹²⁵. Начало 1929 г. ознаменовалось опубликованием составленного в энергичных выражениях и подписанного наркомом юстиции РСФСР Янсоном циркулярного извещения, в котором повторялись известные директивы предыдущего года относительно принудительных работ и высказывалось недовольство по поводу их несоблюдения. Число лиц в РСФСР, приговоренных к лишению свободы на срок менее года, увеличилось с 24 583 (в марте 1928 г.) до 31 026 (в декабре того же года). Впредь судам категорически запрещалось выносить приговор о лишении свободы менее чем на один год. Любой судья, нарушивший это распоряжение, мог сам оказаться под судом и «узнать на собственном опыте, что такое принудительные работы». Альтернативными мерами наказания являлись: «принудительные работы, штрафы, высылка и другие меры социальной защиты». Лиц, уже отбывающих наказания, связанных с лишением свободы менее чем на один год, следовало «перевести на принудительные работы»¹²⁶.

Еще в январе 1928 г. было объявлено, что VI Всероссийский

съезд судебных работников состоится в мае ¹²⁷. Однако существовавшие в Наркомюсте неясности и разногласия, вероятно, явились причинами его отсрочки. Осенью сообщили, что съезд соберется в феврале 1929 г. ¹²⁸ Подготовленные для съезда тезисы представители предварительной конференции судей и представителей прокуратуры обсудили в конце 1928 г., и в некоторые из тезисов внесли поправки в свете изложенных выше соображений ¹²⁹. Во всех основных положениях: о работе Наркомюста (автор Янсон), о переработке Уголовного кодекса (Крыленко), об исправительно-трудовой политике (Траскович) — подчеркивалась необходимость уменьшения краткосрочных приговоров за мелкие правонарушения в сочетании с более строгими мерами наказания по тяжким преступлениям и более суровой исправительно-трудовой политики. В статье, заблаговременно опубликованной в «Правде», разъяснялось, что советское уголовное законодательство и процедура разбирательства должны быть «подвергнуты коренному пересмотру», а Гражданский кодекс — «очищен от абстрактных формул буржуазного права» ¹³⁰. Свои тезисы Янсон изложил открывшемуся 20 февраля 1929 г. съезду в чрезвычайно длинном докладе, который охватывал все сферы деятельности Наркомюста. Цитируя резолюцию XV съезда партии, состоявшегося в декабре 1927 г., он утверждал в тезисах, что задача прокуратуры и судов — бороться и наказывать со всей строгостью всякие попытки противодействовать или тормозить темпы индустриализации. Он повторил основные положения резолюции от 26 марта 1928 г., потребовал коренной перестройки системы принудительных работ на новых принципах и заявил, что Наркомюст подготовил с учетом нового подхода проект раздела для включения в Исправительно-трудовой кодекс. В заключение он с особой значимостью говорил о взаимоотношениях с партийными органами и, в частности, сказал: «Прокурорские и судебные органы должны, как непреложное правило, наладить тесную связь с партийным комитетом, своевременно сигнализируя ему о всех неполадках, направленных против интересов Советского государства» ¹³¹.

После дискуссионных, главным образом одобрительных выступлений, съезд, как и следовало ожидать, доклад утвердил ¹³².

В своих тезисах и в докладе относительно предлагавшейся переработки Уголовного кодекса Крыленко попытался соединить прежние и новые точки зрения. Переработкой кодекса Крыленко занимался с осени 1927 г. ¹³³ и летом 1928 г. изложил свои взгляды на коллегии Наркомюста, как видно, не встретив возражений ¹³⁴. Но с тех пор общая атмосфера стала иной, и на съезде ему пришлось выступать перед критически настроенной, отчасти прямо-таки враждебной аудиторией. Крыленко вновь отверг концепцию «эквивалентности» между уголовным преступлением и мерой принуждения и высказал пожелание — исключить из Кодекса твердо фиксированные меры наказания. Нравственное унижение и возмездие являлись чуждыми советскому праву концепциями.

И Крыленко предложил опираться на принцип «целесообразности». Он выступил за суровые наказания, включая смертную казнь, для «социально-опасных» преступников, но хотел бы изменить Исправительно-трудовой кодекс в пользу мелких правонарушителей, поддающихся исправлению¹³⁵. Во время дебатов Крыленко критиковали за принижение сдерживающей роли наказания, за то, что он отстаивал не четко определенные меры наказания, которые являлись выражением «исправительной» теории уголовного права. Сольц обвинил Крыленко в попытке «механически» применить решение от 26 марта 1928 г. и заявил, что не кодекс хороший требуется, а «хорошие суды, которые работали бы не механически, а творчески». Прокурор Верховного Суда СССР Красиков также придал мало значения новому Уголовному кодексу. Критика держалась в рамках, но ее изобилие показывало, что Крыленко больше не пользовался реальным авторитетом, что он уступил контроль над карательной политикой более решительным и менее искушенным людям. Съезд довольствовался краткой резолюцией, предписывавшей Наркомюсту выработать новый кодекс¹³⁶.

Тезисы Трасковича относительно исправительно-трудовой политики вылились в самый сухой из всех докладов. Повторив критику и рекомендации, содержащиеся в резолюции от 26 марта 1928 г., он изложил новую и систематизированную классификацию мест заключения, которые сводились к следующим трем основным видам: исправительно-трудовые учреждения для осужденных; дома предварительного заключения; трудовые дома для несовершеннолетних. Предлагалось несколько типов исправительно-трудовых учреждений: 1) трудовые колонии для обычных правонарушителей, нацеленные главным образом на воспитание трудом; 2) местные лагеря принудительных работ для приговоренных к шести и более месяцам; 3) изоляторы для «классовых врагов и деклассированных преступников», предназначенные для того, чтобы изолировать их от внешнего мира и приобщить к труду, совместимому с подобной изоляцией; 4) концентрационные лагеря в отдаленных местностях, в которые можно было бы переводить менее опасных или неисправимых из приговоренных к тюремному заключению. Ссылка считалась подходящим наказанием для лиц преимущественно «из классово-враждебных слоев, сопротивляющихся политике Советской власти», но также и для некоторых заключенных, которые не были столь социально опасны, чтобы держать их в изоляторе. Совершенно четко проявилось намерение сосредоточить руководство всеми местами заключения в одних руках. В первоначальном варианте тезисов предлагалось передать их из Наркомвнудела в Наркомюст. Но это предложение, как видно, отклонили. В статье, опубликованной накануне съезда, Траскович смирился с перспективой объединения усилий обоих комиссариатов¹³⁷. Янсон между тем этот вопрос уже урегулировал. Он доложил, что предложение Наркомюста в «ближайшее

время» не осуществимо, но что вместе с тем предлагается устраивать «регулярные совещания» представителей Наркомюста, Наркомвнудела и ОГПУ «в целях координации всех вопросов по проведению карательной политики». Созыв совещаний возлагался на Наркомюст¹³⁸.

Деятельность съезда вдохновила Совнарком РСФСР на новое постановление от 28 апреля 1929 г. Явно основанное на резолюции от 26 марта 1928 г., оно упрекало Наркомюст и Наркомвнудел за неспособность провести с нужной энергией в жизнь положения данной резолюции и постановление о принудительном труде от 21 мая 1928 г. В нем особо подчеркивалась необходимость дальнейшего сокращения краткосрочных наказаний и со всей настойчивостью утверждалось, что принудительный труд должен быть «одной из основных мер социальной защиты». Следовало также уделить внимание: созданию исправительно-трудовых учреждений для краткосрочных заключенных, как предписывалось постановлением от 21 мая 1928 г., и превращению их в доходные предприятия; перевоспитательной работе среди молодых правонарушителей и женщин-заключенных; подготовке служебного персонала для мест заключения. Ответственность за подготовку кадров возлагалась на Наркомвнудел, который таким косвенным путем удерживал контроль над местами заключения. Наркомюсту, Наркомвнуделу и представителю ОГПУ при Совнаркоме РСФСР предлагалось ускорить разработку проекта закона о введении уголовного наказания в виде ссылки. Только в этой связи, а также в положениях о «регулярных совещаниях» постановление упоминало ОГПУ¹³⁹.

В быстром расширении власти ОГПУ отразилась общественная атмосфера того периода. Этот процесс скорее явился результатом напряженной экономической и политической ситуации, чем следствием какого-то конкретного решения. К этому времени ОГПУ уже эффективно контролировало главные изоляторы, концентрационные лагеря, места ссылки для высланных на основании административного предписания, а также Бутырскую тюрьму в Москве, основной центр содержания под стражей лиц, приговоренных к депортации¹⁴⁰. По-видимому, ни в одном официальном распоряжении или постановлении не проводилась четкая разграничительная черта между местами заключения для осужденных за тяжкие государственные преступления и находившимися в ведении Наркомвнудела местами заключения для обычных правонарушителей. Но она совпадала с принятым с 1924 г. в советском уголовном правоведении различием между социально-опасными государственными преступлениями и другими правонарушениями, которые частично по своим последствиям, а частично из-за статуса и характера самих правонарушителей не могли рассматриваться как социально-опасные. И это была последняя стадия борьбы сторонников исправительной теории (представлявших социологическое направление в правоведении) в области

карательной политики с реалистами, требовавшими максимальных наказаний во имя интересов государственной безопасности. К концу 20-х годов взгляды первых, хотя все еще и имевшие силу при рассмотрении незначительных и менее громких уголовных дел, уже не фигурировали во всех основополагающих публичных заявлениях и политических акциях. Настроения того момента нашли отражение в статье ветерана-юриста Стучки, опубликованной в ведущем юридическом журнале. В ней говорилось о «беспощадности классовой борьбы», о «бессмысленности продолжения буржуазного тюремного строительства», с пренебрежением упоминались «мнимо гуманистические фразы и приемы» и высказывалась мысль о том, что только справедливо, если «преступная» часть нашей страны будет включена в *трудовые ряды* нашего социалистического строительства¹⁴¹. Отсюда следовал логический вывод, что характер преступлений, измеряемый степенью их опасности для социального строя, и, следовательно, соответствующие им наказания, меняются с изменением политических и экономических условий¹⁴². Именно в это время закладывались основы будущей огромной сети концентрационных лагерей принудительного труда, которой управляло ОГПУ. Но пока ее размеры¹⁴³ были еще невелики, что позволяло стойким приверженцам старых партийных идеалов рассматривать эти лагеря как крайнее средство, продиктованное суровыми и временными обстоятельствами социалистического строительства в отсталой стране.

Меняющееся отношение к закону и особенно более жесткие санкции, применявшиеся к виновным в тяжких преступлениях, являлись характерными признаками постепенного вытеснения нэпмановских представлений концепциями плановой экономики. Теория права, этот буржуазный инструмент эквивалентного обмена, связывавший право с пережитками рыночной экономики и предсказывавший его отмирание (вместе с государством) после победы социализма, устраивала до тех пор, пока НЭП находился на подъеме, и авторитет Пашуканиса, создателя и наиболее способного защитника данной теории, был почти непререкаем¹⁴⁴. Когда же, однако, XV партийная конференция в октябре 1926 г. объявила, что «величайшая историческая задача строительства социалистического общества властно требует сосредоточения всех сил партии, государства и рабочего класса на вопросах хозяйственной политики»¹⁴⁵, то увязывание вместе государства, партии и рабочего класса, как видно, свидетельствовало о том, что планирование социализма предполагает укрепление, а не отмирание государственной власти. И хотя в сфере права не было сделано непосредственных выводов, основы общепринятой теории оказались, хотя и незаметно, но подорванными. Стучка, единственный советский юрист, чей авторитет равнялся или даже превосходил авторитет Пашуканиса и который сперва поддержал взгляды последнего, начал обнаруживать расхождения во мнениях. Продол-

жая относиться к Пашуканису с величайшим уважением, он тем не менее в одном из очерков за 1927 г. указал на «односторонность» теории «равенство — эквивалент», которая упускала из виду элемент неравенства, присущий буржуазному праву, «право сильнейшего»¹⁴⁶. Стучку интересовало главным образом гражданское право. Пашуканис же был наиболее уязвимым в сфере уголовного права. Здесь его главный противник Пионтковский с апломбом утверждал, что, поскольку задача права состоит в том, чтобы помочь в строительстве коммунистического общества, оно не обещает никому «равенства... перед уголовным законом», и отверг идею «наказания — справедливого возмездия»¹⁴⁷.

Поворотный пункт наступил в начале 1928 г. В юридическом плане это произошло, когда Янсон сменил Курского на посту народного комиссара юстиции, а резолюция от 26 марта 1928 г. возвестила более жесткую и репрессивную карательную политику за «государственные преступления»¹⁴⁸. В политическом плане это случилось, когда начали осуждать правый уклон в партии, как наиболее опасное препятствие на пути безусловных требований плановой индустрии. В течение последующих 12 месяцев в юридической теории и практике имели место быстрые перемены в нескольких отношениях. Прежде всего утвердились администраторы-практики, потеснив просвещенных юристов и филантропических идеалистов, чьи взгляды они с раздражением отбросили как пережитки буржуазного и либерального мировоззрения.

Во-вторых, было подчеркнуто, что марксизм — это философия действия, инструмент перемен. Довольствоваться объяснениями и анализами означало насаждать «стихийность» и «хвостизм». Планировать означало преодолеть стихийность НЭПа, и право должно было стать инструментом планирования¹⁴⁹. В-третьих, одновременно с объявлением классового наступления на кулачество вновь сделали упор на классовый характер права. Оно являлось орудием классового господства, и, до тех пор пока существовали классы, представление о законе как выражении равенства было всего лишь буржуазной иллюзией¹⁵⁰. Цель в праве, писал Стучка, — это «сознательная цель класса»¹⁵¹. В-четвертых, все это привело к новой концепции «советского права» как «права переходного периода от капитализма к коммунизму», как права государства, где власть находится «в руках пролетариата в союзе с трудящимися крестьянскими массами»¹⁵². Очищая таким путем советское право от всякого намека на связь с буржуазным правом, утверждали его авторитет. Наконец, вопрос об отмирании государства и права оказался перенесенным в отдаленное будущее, когда успешно завершится переход к коммунизму. Тем временем оружие государства и права следовало подготовить к борьбе. «Только через Советское государство и советское право, — писал один влиятельный юрист в 1928 г., — происходит отмирание государства и права»¹⁵³.

Когда Пашуканис в апреле 1929 г., в момент принятия пяти-

летнего плана, писал, что «роль чисто юридической надстройки, роль права уменьшается» и что «регулирование становится действенное по мере того, как роль права становится слабее и менее важной»¹⁵⁴, он все еще говорил на языке первых лет революции, на которые уже падала тень надвигавшегося планового хозяйства. Грандиозный пятилетний план возложил на советское право неотложную задачу — помочь в его осуществлении. Как и в других сферах деятельности принятие советским правом под влиянием всеобъемлющего планирования и в целях скорейшей индустриализации более трезвой, активной и жесткой политики совпало с резкой критикой правого уклона и опалой Бухарина. Различные проблемы затягивались в один тугой узел. Бухарина дискредитировали как теоретика в период, когда испытывалась нужда в людях с практическим опытом, обвинили в «механистических» взглядах, для которых характерно скорее объяснение реальности, чем их смена. Как известно, он стремился преуменьшить значение факта классового расслоения крестьянства в то время, как в официальной линии это обстоятельство постоянно выделялось. Чрезвычайно важным оказалось и то, что Бухарин являлся одним из первых сторонников теории об отмирании государства и столкнулся (до и после революции) с более осторожными и более тонкими взглядами Ленина на этот счет¹⁵⁵. Во всех этих вопросах Пашуканиса и его последователей можно было причислить к вольным или невольным сторонникам Бухарина. Когда «Правда» в январе 1929 г. опубликовала ленинскую лекцию 1919 г., в которой он доказывал необходимость сохранения на какое-то время пролетарского государства как оружия против буржуазии¹⁵⁶, многие увидели в этом (учитывая выбранный момент) выпад против Бухарина. Но то, что говорилось о государстве, в равной мере относилось и к праву, и звучало похоронным звоном для тех, кто надеялся на смягчение суровой власти закона в предстоящие решающие годы. Теория права представляла собой частный вопрос, и поэтому не очень спешили ее скорректировать¹⁵⁷. Начиная с 1929 г., однако, стало совершенно ясно, что введение в силу и применение правовых норм больше не будет осуществляться с учетом идей и целей, провозглашенных партией в первое десятилетие после революции, а призвано полностью и безоговорочно служить конечным целям государственной политики.

г) Гражданское право

На воскрешение гражданского законодательства и признание в статье 4 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. частных прав сильно повлиял НЭП, в котором сочетались противоположные принципы планирования и рынка. В марксистской теории право, как и само государство, являлось органом классовой диктатуры, и ему не отводилось места в бесклассовом обществе. Сохранение же права рассматривалось в качестве характерной особенности

переходного периода НЭПа. Гражданское право занималось частными договорными отношениями, которые все же составляли существенную часть нэповской экономики¹⁵⁸. Но, рассуждали тогда, ведь когда-нибудь эти отношения будут вытеснены (как будет вытеснен НЭП) общественным регулированием и планированием; на смену гражданскому праву придет так называемое «хозяйственное право», которое будет состоять не из общих законов, а из конкретных постановлений планирующих ведомств. Однако относительно подобных соображений вскоре появились сомнения «из чисто практических соображений». В 1926 г. Совнарком СССР назначил комиссию для выработки Общих начал землепользования и землеустройства, которые после длительных дебатов ЦИК СССР в декабре 1928 г. ввел в действие¹⁵⁹. Однако по более широким аспектам гражданского права дело зашло полностью в тупик. В 1927 г. Совнарком СССР учредил комиссию, в которую вошли Дробнис, Курский, Стучка и другие юристы, поручив им составить проект новых Основ гражданского законодательства. Скоро в комиссии начались бесплодные дискуссии по поводу того, в какой мере Союзу следовало навязывать законы республикам, касавшиеся наследования, бракосочетания и семейных отношений⁶⁰. Продолжавшаяся на протяжении 20-х годов борьба между принципами планирования и рынка помешала Союзу ССР опубликовать Основы гражданского законодательства в качестве руководства республикам, а РСФСР — внести изменения в кодекс 1922 г.

Учение о классовом характере права проникло в гражданское право, по-видимому, глубже, чем в уголовное. Знаменитая статья 1 Гражданского кодекса защищала гражданские права, «за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением», а статья 4 предписывала судам в случаях, не предусмотренных конкретными правилами, выполнять свои функции «в соответствии с основными принципами советского законодательства и главной политической линии рабоче-крестьянского государства», а также «в целях развития производительных сил страны»¹⁶¹. В момент принятия Кодекса Преображенский доказывал, что статья 4 позволит суду переступить через букву закона там, где, например, его неукоснительное применение оказалось бы на пользу не рабочему, а нэпману¹⁶². Это внесло в работу судов значительный элемент неопределенности. В 1926 г. Крыленко утверждал (несомненно, в связи с особым ходатайством о расширении полномочий прокурора), что менее 50% решений областных (краевых) судов по гражданским делам были правильными¹⁶³. Проявляемое в середине 20-х годов благоволение к зажиточным крестьянам и кампания за революционную законность требовали более точного толкования правовых норм. Поступали жалобы на частое применение гражданскими судами статей 1 и 4 Кодекса, а в 1926 г. Верховный Суд РСФСР, отменяя решение одного из губернских судов, установил

непреложный принцип, согласно которому статья 4 ГПК «не дает суду права не применять к делу прямых указаний или распоряжений рабоче-крестьянского правительства по данному вопросу»¹⁶⁴. Разосланное через несколько месяцев инструктивное письмо того же ведомства с детальными наставлениями показало, насколько живуча была точка зрения, что при толковании и применении закона рабочий и государство рабочих находятся в привилегированном положении. В письме, в частности, говорилось: «Должно быть бесспорным то, что догматическое, исключительно формальное толкование закона чуждо советскому суду... Наш пролетарский суд, конечно, не может не вписывать в себя происходящих событий, отражающих темп хозяйственного строительства... Когда этого настойчиво требуют интересы трудящихся или государства, он откровенно может пойти дальше, чем гласит буква закона, или при недостаточной ясности закона, а иногда и отставании закона от быстрого течения жизни он может обратиться к общим началам советского законодательства и общей политике рабоче-крестьянского государства».

Но всякая подобная ссылка на статью 4 должна была рассматриваться как «исключительная мера», требующая по каждому случаю надлежащего обоснования¹⁶⁵. Когда в январе 1928 г. Ларин предложил, чтобы право на обжалование решений нижестоящих судов было предоставлено рабочим и служащим, но не хозяйственно-административным органам, Крыленко сердито возражал против любых попыток провести классовую черту между рабочим-ответчиком и советской администрацией, то есть органом рабочего государства¹⁶⁶. Противоречивые позиции преобладали и в отношении гражданских законодательных прав корпоративных организаций. Переработанное положение о трестах от 29 июня 1927 г.¹⁶⁷ усиливало уже содержавшееся в прежнем положении 1923 г. признание треста в качестве самостоятельной организации, имеющей право вступать в юридически обязывающие договорные отношения. Разрешив же находившимся в подчинении у трестов предприятиям переходить на хозрасчет, это положение подготовило почву для их признания в будущем в качестве юридического лица. Но положение также подчеркнуло обязанность треста выполнять административные предписания вышестоящих планирующих органов и ввело концепцию планового контракта, тем самым существенно ограничив договорную самостоятельность трестов. Административное предписание стало вытеснять договорную свободу.

VI съезд юристов в феврале 1929 г. дал возможность, хотя бы несколько поверхностно, рассмотреть проблему гражданского законодательства. В обширном докладе Стучка подчеркнул, что трудовые и земельные отношения, в значительной мере снабжение населения и жилищный вопрос изъяты из сферы действия Гражданского кодекса, и заявил, что настало время подготовить Гражданский кодекс СССР¹⁶⁸. В составленной им и принятой без

обсуждения резолюции выражалось мнение, что опыт первых шести лет достаточно ярко высветил «правовой характер имущественных отношений», чтобы доказать необходимость подготовки нового Гражданского кодекса, что «возрастающие размеры внутриорганизационного регулирования производства и обмена в социалистическом секторе хозяйства» оправдывают исключение этих вопросов из области гражданского права и что новый Гражданский кодекс нужно изложить «простым и популярным языком», понятным рабочему — нарсудье или нарзаседателю¹⁶⁹. Но после такой демонстрации намерений интерес к выработке Основ гражданского законодательства вновь угас. При утверждении в мае 1929 г. первого пятилетнего плана Пашуканис, все еще признанный авторитет, попытался сформулировать последствия собственного плановой экономике «слияния законодательства с управлением» для гражданско-правовых отношений. Он, в частности, сказал: «Государственное регулирование характеризуется перевесом технико-организационных моментов существа над моментами формальными. Законодательные и административные акты, превращаясь в оперативные задания, сохраняют лишь очень слабую примесь элементов юридических, т. е. формальных»¹⁷⁰.

Отношения между гражданско-правовыми контрактами и плановыми решениями долгое время оставались головоломкой для советских управленцев и юристов.

Несмотря на теоретические неясности и несмотря также на конституционные prerogatives союзных республик, ЦИК или Совнарком СССР время от времени продолжали издавать специальные постановления, которые касались имущественных или других прав отдельных лиц и относились к сфере гражданского права¹⁷¹. Пожалуй, единственной областью гражданского права, которая требовала внимания союзных республик и вмешиваться в которую Союз не выказывал желания, являлась область брачного законодательства. Кодекс законов о браке и семье РСФСР 1918 г. установил одинаковые взаимные обязанности обоих партнеров в браке и уравнивал в правах незаконнорожденных детей с законнорожденными. Вместе с тем, заменив церковную церемонию гражданской регистрацией, он сохранил концепцию бракосочетания как гражданско-правового договора, из которого вытекали права и обязанности¹⁷². Некоторые первые большевики-юристы полностью отвергали договорный взгляд на брак, полагая, что права и обязанности вытекают уже из самого факта сожительства и что регистрация брака представляла собой только удобную форму фиксации намерения сожительствовать, само по себе не связанного с правовыми последствиями. После бурных дебатов в ЦИК РСФСР эта точка зрения, стиравшая юридическое различие между зарегистрированными и де-факто браками, возобладала и была вписана в переработанный Кодекс законов о браке, принятом в ноябре 1926 г.¹⁷³ Примечательно, что этому примеру, который явился продуктом постоянного идеологического неприятия

концепции индивидуальных договоров как основы общественной жизни, не последовали другие союзные республики, где образ мышления складывался больше под влиянием установившихся традиций крестьянского общества, чем партийной доктрины. В этот период правительство Союза проявляло лишь случайный интерес к вопросам гражданского права. Вместе с тем забота об укреплении уголовного законодательства вряд ли побуждала центральные власти с большей симпатией отнестись к смягчению законодательных форм в других отраслях права или к той разновидности юридического мышления, которая лежала в основе свода законов РСФСР о браке 1926 г.

ГЛАВА 54

РЕЛИГИЯ

Ослабление напряженности между советскими властями и Русской православной церковью, последовавшее после смерти Тихона в апреле 1925 г. и в результате распространения среди верующих его призыва к лояльности Советскому правительству¹, оказалось кратким и ненадежным. «Живая церковь», созданная советскими властями в 1922 г. в качестве противовеса «патриаршей» церкви преемников Тихона и известная под именем «синодальной» церкви, вновь оказалась фактором, вносящим смуту. В ноябре 1925 г. митрополита Петра, принявшего на себя функции умершего Тихона в качестве заместителя патриаршего местоблюстителя и обвиненного ловким и честолюбивым Введенским, главою «Живой церкви», в связях с контрреволюционерами², сослали в Сибирь. После него заместителем патриаршего местоблюстителя стал митрополит Сергей, который одно время примыкал к «Живой церкви», но позже был принят Тихоном³. Осторожный Сергей постарался упорядочить церковное управление путем формальной регистрации в народном комиссариате внутренних дел и объявил об успешном завершении своих усилий в обширном послании к церкви от 10 июня 1926 г. Получив гарантии на легальное существование, писал Сергей, церковь должна взять на себя соответствующие обязательства по отношению к Советскому государству. «От имени Русской православной церкви и всех прихожан я позволил себе заверить Советскую власть в нашем искреннем желании быть законопослушными гражданами Советского Союза, быть лояльными к правительству, стоять в стороне от политических партий и воздерживаться от любых дел, могущих причинить ущерб Союзу».

Отношения Русской православной церкви, находящейся в Советском Союзе, с ее частью за рубежом, часто принимавшей участие в антисоветских акциях, представляло собой деликатную проблему. В послании разъяснялось, что, не имея возможности что-либо предпринять против заграничного клира, православная церковь тем не менее осуждает и снимает с себя всякую ответственность за его политическую деятельность⁴.

Этот компромисс не облегчил примирения с синодальной церковью и, по-видимому, не удовлетворил власти, ибо зиму 1926/27 г. Сергей провел в тюрьме или ссылке. Но после освобождения вес-

ной 1927 г. он предпринял более решительные шаги. В мае 1927 г. при канцелярии заместителя патриаршего местоблюстителя митрополит Сергей образовал «временный патриарший синод»⁵, а 29 июля 1927 г. Сергей и временный синод опубликовали декларацию, которую следовало зачитать во всех православных церквях. В ней говорилось о преданности Советскому правительству (одолеваемому страхом перед блокадой или нападением из-за рубежа) в более теплых выражениях, чем те, которые использовались в июньском послании 1926 г. В декларации, в частности, было записано: «Мы хотим быть православными и в то же время признавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-либо общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное варшавскому, сознается нами как удар, направленный в нас».

Вину за прошлые недоразумения между церковью и правительством декларация, как видно, возложила на церковь и ее «недостаточное сознание всей серьезности совершившегося в нашей стране». В декларации более сурово обошлись с заграницным духовенством. От него потребовали дать «письменное обязательство в полной лояльности к Советскому правительству во всей своей общественной деятельности». Не сделавшим этого грозили исключением из состава клира, подведомственного Московской патриархии. Опубликование декларации в «Известиях» свидетельствовало о том, что официальные власти молчаливо одобрили ее содержание⁶.

После такого проявления взаимопонимания руководство церкви во главе с Сергием больше никто не беспокоил, а сопротивлявшихся ему иерархов патриаршей церкви отправили в ссылку. Между тем и синодальная церковь располагала известной поддержкой, хотя Советское правительство старалось сохранять нейтралитет и не проявляло желания вмешиваться в ее споры с патриаршей церковью. Введенский продолжал играть определенную роль в советской общественной жизни. В сентябре 1925 г. Луначарский провел с ним два публичных диспута на темы: «Христианство или коммунизм?» и «Идеализм или материализм?»⁷. В сентябре 1927 г. Москву посетил французский революционный писатель Барбюс. Он только что приумножил свою славу, выпустив в свет две книги под названием «Иисус» и «Иисус против Христа», а также пьесу «Иисус против Бога». В них проводилась мысль о том, что Иисус был революционным преобразователем, чье учение церковь извратила и предала. Луначарский приветствовал Барбюса статьей в «Правде», в которой превозносились его революционные заслуги, но лишь вскользь, без комментариев, упоминалась «его последняя точка зрения на христианство»⁸. Во время публичного диспута, проведенного 3 октября 1927 г. между Луначарским и Введенским на тему «Личность Христа в современной науке и лите-

ратуре», Луначарский не согласился со взглядами Барбюса, а Введенский их поддержал⁹.

Вместе с русскими социал-демократами и другими политическими диссидентами от постоянных преследований со стороны царского правительства страдали старообрядцы русской православной церкви и различные протестантские секты, из которых секта баптистов была самой многочисленной. Поэтому первые большевики относились к ним с определенной долей симпатии. Вряд ли можно было многого ожидать от старообрядцев с их старомодным верованием, а вот на сектантов часто смотрели как на потенциальных сторонников, даже поддающихся полному перевоспитанию¹⁰. В декабре 1920 г. один из сектантов выступил на VIII Всероссийском съезде Советов с предложением своей помощи новому строю¹¹. Еще в 1924 г. на XIII съезде партии обращалось внимание на «жесточайшие преследования», от которых при царизме страдали сектанты, и выражалась надежда при «умелом подходе... направить в русло Советской работы имеющиеся среди сектантов значительные хозяйственно-культурные элементы»¹². И если из сектантов не вышли бы достойные члены партии, они по крайней мере могли бы стать хорошими советскими активистами. Некоторые сектанты называли Иисуса «первым коммунистом» и стремились «затушевать... непримиримость религии и революции, диктатуры пролетариата, коммунизма»¹³. Часто сектанты являлись главной движущей силой при создании коммун, артелей и других организаций, основанных на идее коллективной жизни и коллективного труда. Утверждали даже, что сектанты составляли большинство членов сельскохозяйственных коммун и артелей¹⁴. Взаимные симпатии между сектантами и коммунистами иногда приводили к удивительным результатам. Рассказывали о случае, когда «евангелистам» удалось убедить секретаря комсомольской ячейки в том, что христианское учение «исковеркано духовенством с целью наживы» и что «евангелие — это социализм, который проповедовал Иисус Христос». Ячейка в полном составе отправилась в церковь, где секретарь читал евангелие¹⁵.

Весной 1927 г. общая тревожная атмосфера и сопротивление политике примирения охватила и антирелигиозный фронт. Двойственная позиция в вопросе антирелигиозной пропаганды среди крестьянства, занятая еще в 1923 г., сохранялась в течение всего периода умиротворения крестьянина в середине 20-х годов¹⁶. Однако с опубликованием 26 сентября 1927 г. переработанного положения о сельских Советах на них возложили дополнительную функцию: «надзор за правильным соблюдением законов об отделении церкви от государства и школы от церкви»¹⁷. Антирелигиозная пропаганда усилилась. В резолюции V Конференции комсомола, состоявшейся в марте 1927 г., «ослабление антирелигиозной пропаганды среди молодежи» увязывалось с «некоторым ростом влияния религиозных и сектантских организаций (духовенства, баптистов и т. п.), а в восточных национальных республиках —

влияния мусульманского духовенства на молодежь»¹⁸. «Правда» писала об оживлении церковной деятельности и о 30 тыс. церковных Советах, во главе которых стояли «торговцы, кулаки и вообще наиболее зажиточные элементы», и провела параллель между ними и церковными организациями на Западе, которые вели кампанию против Советского государства¹⁹. Другой автор утверждал, что антирелигиозная деятельность комсомола ограничивалась отдельными кампаниями на Рождество и Пасху²⁰. Если верный комсомолец обращался в ячейку за разрешением на венчание в церкви, чтобы исполнить желание невесты, большинство обычно высказывалось за удовлетворение подобной просьбы²¹. В сентябре 1927 г. в беседе с американской рабочей делегацией Сталин в нарочито умеренном тоне говорил об отношении партии к религии²². Однако через три месяца на XV съезде партии он отметил как «минус» в сложившейся ситуации «ослабление антирелигиозной борьбы»²³. В 1928 г., следом за хлебозаготовительным кризисом, начали широкую кампанию, направленную на отождествление церкви с кулачеством. На VIII съезде комсомола в мае 1928 г. раздался призыв — «разоблачать духовенство как защитников интересов кулачества»²⁴. Кулаки якобы пытались использовать религиозные организации как основу для своей организационной работы», а священники и дьяконы, подстрекаемые кулаками, контролировали «советскую работу» сельсоветов²⁵. Приводились примеры, когда дьяконов назначали председателями или секретарями сельских Советов, а священникам поручали руководить строительством дорог. Во время выборов 1929 г. церковные советы действовали как кулацкие избирательные комиссии, а в дни выборов устраивались церковные праздники, чтобы отвлечь избирателей. В районах с мусульманским населением религиозные обряды, в том числе свадьбы и похороны, приурочивались к дням выборов²⁶. Оппозиция священников к колхозам якобы способствовала усилению их «антисоветской деятельности»²⁷.

Непредвиденная живучесть религиозных обрядов и верований вызывала разочарование и тревогу. Возникло нелепое предположение, что церковь в Советском Союзе пользуется моральной и финансовой поддержкой таких высоких покровителей с Запада, как Рокфеллер, Форд, Ллойд-Джордж и Кулидж²⁸. С 1923 г. число религиозных общин всех видов якобы удвоилось; церковь уже имела 50 тыс. зданий, культовые обряды уже совершало 250 тыс. человек²⁹. По сообщениям, в Запорожье священники сумели организовать действенное сопротивление попыткам закрыть церковь. В Ростове священники и баптисты объединились, чтобы провалить предложение о закрытии собора³⁰. Луначарский жаловался на то, что 30—40% школьных учителей являются разного рода верующими, включая и адептов более «утонченных форм религии» вроде, скажем, «толстовства»³¹. В послании Сергея от 29 июля 1927 г.³² выражалась надежда, что «легализация постепенно распространится и на низшее наше церковное управление». Эта на-

дежда реализовалась в постановлении РСФСР от 8 апреля 1929 г., однако в такой форме, которая говорила о решимости властей держать церковную деятельность в жестких рамках. В постановлении признавались религиозные общества или группы, включавшие не менее 20 человек в возрасте 18 лет и старше. Подобные группы были обязаны регистрироваться в местном исполкоме или городском Совете. На проведение собраний подобных групп требовалось разрешение. Религиозное обучение допускалось только в санкционированных религиозных семинариях. Основная цель постановления, по-видимому, состояла в том, чтобы ограничить возможности церкви и прихожан в отправлении культовых обрядов. Всякая деятельность в социальной и культурной областях, а также в сфере организации досуга была запрещена под угрозой суровых наказаний³³. Другое постановление свидетельствовало о глубокой в то время озабоченности властей религиозным влиянием на крестьянина. Конституция РСФСР 1925 г., как и первая Конституция 1918 г., гарантировала всем гражданам «свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды». В мае 1929 г., XIV Всероссийский съезд Советов внес поправку в данную статью, и после этого в ней уже говорилось о «свободе религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды»³⁴.

Усилившаяся враждебность к православной церкви и боязнь ее контрреволюционного влияния распространилась и на сектантов. В июне 1927 г. «Правда», возможно, под воздействием международной напряженности, опубликовала важную редакционную статью под названием «Сектантство и его разлагающая роль». Было бы ошибкой, писал автор, считать сектантов «более или менее прогрессивными» только потому что их преследовал царизм. Баптисты, евангелисты и адвентисты — это, дескать, все международные организации «демократической» (западно-демократической) окраски. В СССР якобы к ним принадлежали торговцы, бывшие фабриканты, владельцы мельниц и мелких частных предприятий. Они также включали бывших меньшевиков и эсеров. В деревне эти секты будто бы часто отождествлялись с кулаками. В создаваемых коммунах и артелях представители сект перехватывали у партии инициативу, провозглашали Иисуса «первым коммунистом», а евангелие — «книгой политграмоты»³⁵. Новая работа относительно настроений среди молодежи продолжила нападки. Автор, в частности, писал: «Сектантство растет, местами довольно угрожающе... «Братья во Христе» и их сторонники закрепощают трудящиеся массы не только духовно, но кое-где и экономически; пытаются распространять свое влияние и на рабочий класс»³⁶.

В то время секты якобы располагали 975 тыс. членов, а под их влиянием находились еще 3,5 млн. человек³⁷. Они проявляли активность среди бедняков и батраков и особенно воздействовали на женщин³⁸. На VIII съезде комсомола в мае 1928 г. Бухарин заявил, что баптисты и другие сектантские молодежные организации вместе с Православным союзом молодых верующих имеют почти

столько же членов, как и комсомол, и заручаются поддержкой, проповедуя здоровые моральные принципы, выступая против пьянства и курения³⁹. Но некоторые сектанты являлись пацифистами и отказывались служить в Красной Армии. Против них начали применять репрессивные меры, хотя конкретных примеров известно очень мало. Рассказывали, что в 1928 г. власти распустили созданную на Украине евангелической сектой коммуну, которая якобы поощряла революцию⁴⁰. Отличительной чертой выборов в Советы в 1929 г. являлось «втягивание религиозных общин в классовую борьбу, активное их выступление в качестве «помощников» кулака». В одно время с избирательными собраниями баптисты устраивали свои молебны и отвергали классовую борьбу, провозглашая «братство во Христе»⁴¹. С возмущением сообщалось, что в то время, когда становилось все труднее выжимать у крестьян хлебные излишки и налоги, баптисты в одном из районов Сибири собрали 8 тыс. руб. на молельню⁴². На финальном этапе коллективизации сельского хозяйства с терпимостью было покончено, и сектантов, также как и последователей других религиозных культов, объявили врагами существующего строя.

Признаки волнений в Красной Армии в связи с резким обострением хлебозаготовительного кризиса в первые месяцы 1928 г. привлекли внимание к религиозным настроениям и фактам соблюдения религиозных обрядов значительным числом крестьян, которые составляли основную массу рядовых военнослужащих. В одном из полков 45% личного состава являлись верующими, а 43% из них заявили, что по возвращении в деревню намерены посещать церковь⁴³. Довольно часто солдаты под военной формой носили нательные кресты или прятали их под своими одеялами. Во время проводившихся в солдатских клубах диспутов между священниками и представителями Союза безбожников присутствовавшие нередко приходили в возбужденное состояние или хлопали в ладоши в неподходящих местах⁴⁴. Когда однажды в одну из воинских частей пригласили «начетчиков библии и евангелия» для «диспута по тексту», сектанты организовали в лагере религиозный сход с «распеванием псалмов и отправлением религиозных служб»⁴⁵. Подобные события широко рекламировались для того, чтобы убедить в необходимости проведения в Красной Армии работы по просвещению и политическому воспитанию личного состава⁴⁶.

Антирелигиозная пропаганда всегда являлась составной частью партийной работы. Статья 13 партийной Программы ставила целью «полное разрушение связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды», а также «освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков»; при этом следовало избегать всякого оскорбления чувств верующих. С 1923 г. регулярно выходил в свет журнал «Безбожник»⁴⁷. В начале 1925 г. на учредительном съезде, нашедшем лишь ограниченное отражение в печати, Общество друзей «Безбожника» преоб-

разовали в Союз воинствующих безбожников. Выступивший с основным докладом Луначарский советовал соблюдать известную осторожность в вопросах религии, с которой следовало бороться не силой, а с помощью «идейного оружия»⁴⁸, а изданная Союзом инструкция резко осудила «массовую антирелигиозную агитацию, которая своим содержанием и формой оскорбляет и задает чувства искренне верующей части населения, особенно крестьян»⁴⁹.

С возрастанием напряженности зимой 1927/28 гг. подобная сдержанность была уже неприемлемой. В 1928 г. в своей антипассхальной статье «Правда» сетовала на то, что антирелигиозную пропаганду передоверили «старичкам», бывшим почитателям Толстого, Штрауса, Ренана и «любителям богословских тонкостей и библейских текстов». Пропагандисты предпочитали оставаться в Москве, не выезжать в деревню и делать вид, что за них «работает время и революция»⁵⁰. Резолюции VIII съезда комсомола в мае 1928 г. призывали комсомольцев «развертывать антирелигиозную пропаганду, в особенности по линии борьбы с сектантскими организациями», путем «вовлечения масс крестьянства в общественно-политическую жизнь», улучшать работу кружков обществ «Безбожник»⁵¹.

День Рождества 1928 г. «Правда» отметила обширной редакционной статьей, в которой говорилось о вреде и опасности религии, а также указывалось на антирелигиозную кампанию, как неотъемлемую составную часть классовой борьбы⁵². В одной из статей журнала ЦК партии действия на антирелигиозном фронте сравнивались с вялой борьбой с кулачеством и делался вывод о том, что *«антирелигиозный фронт перестает быть только ареной культурной работы союза безбожников, а становится участком политической борьбы с враждебными нам классовыми силами города и деревни»*⁵³.

Весной 1929 г., с началом первого пятилетнего плана, решили провести представительный съезд Союза безбожников. «Правда» утверждала, что деятельность религиозных организаций усиливается и принимает «все более и более ярко выраженный антисоветский характер». Она жаловалась по поводу забвения партийными комитетами антирелигиозной работы и ничтожности выделяемых на эти цели денежных средств⁵⁴. Давление усилилось и по другим направлениям. В марте 1929 г. Луначарский в одной из статей доказывал, что «верующие учителя в советской школе есть некоторое нелепое противоречие» и что власти обязаны «пользоваться всякой возможностью замены таких учителей новыми, настроенными антирелигиозно»⁵⁵. 6 мая 1929 г. — в день православной Пасхи — «Правда» дала еще один залп. Религиозные праздники, писала она, являются «узловыми пунктами религиозной пропаганды». Особенность религиозных организаций якобы заключалась в том, что они были «органически связаны со старым мелкобуржуазным и крестьянским бытом и в то же время крепко увязаны с хозяйственной, политической и общественной жизнью и деятель-

ностью капиталистических элементов». Они образовывали объединяющее звено «между кулачеством деревни и новой буржуазией города». Религия — это-де враг социалистического строительства. Пьянство и прогулы по религиозным праздникам обходились народному хозяйству в сотни миллионов рублей⁵⁶. Второй Всесоюзный съезд безбожников открылся 10 июня 1929 г. Луначарский, который открыл съезд и выступил с основным докладом, указал на три возможные пути борьбы с религией: через строительство социализма, который разрушит основы религии; с помощью целенаправленной пропаганды; с использованием административных мер. Он вовсе не исключал применение последних, ибо тех, кто нарушает закон, следует «самым решительным образом... покарать»⁵⁷. Ярославский утверждал, что число членов Союза увеличилось с 90 тыс. (в 1926 г.) до более чем 600 тыс. (в 1929 г.)⁵⁸. Вместе с тем он признал слабость организации на селе и наличие в ее рядах лишь горстки крестьян. Обстоятельные выступления Бухарина и Калинина свидетельствовали о политической значимости этого события. Бухарин назвал борьбу с религией «одним из важнейших моментов культурной революции». Прорабатывались все знакомые темы⁵⁹. Съезд явно имел целью подтянуть членов партии и преодолеть безразличное отношение к данному направлению партийной работы. Однако ничто не говорит о том, что Союз когда-нибудь стал действенной и популярной организацией.

К ненавистному наследию царской России, которое революция обещала уничтожить, относился антисемитизм⁶⁰. Эта задача тем более не терпела отлагательств, поскольку «чистые» русские и ряд иностранцев использовали антисемитизм для дискредитации нового строя, многие руководители которого были евреями. Данные переписи 1926 г. показывали, что из общего числа евреев в СССР (которое сократилось с 5 млн. проживающих в царской России до 2601 тыс. человек за счет отхода территорий к Польше, Литве и Румынии) 1574 тыс. (60,4%) проживали на Украине, 567 тыс. (21,8%) в РСФСР. Доля евреев среди населения Белоруссии была наивысшей (8,2%). В городах проживало 82,4% всех евреев. Из них: 14,9% относились к категории рабочих, 23,3% — к служащим. Большинство остальных являлись самостоятельными ремесленниками или торговцами. Количество занятых в сельском хозяйстве было ничтожно⁶¹. В ранний период нового строя евреи играли в партии существенную и важную роль, хотя большой процент старых членов партии — евреев ранее принадлежал к бундовцам или меньшевикам, из-за чего против них возникало предубеждение⁶². Еврейскую секцию в партии создали в Москве в 1918 г. Ей подчинялись еврейские секции всех значительных партийных организаций в местах сосредоточения еврейского населения. Цель создания — обеспечение поддержки евреями партии и правительства. Вплоть до конца 1926 г. евсекция проводила в Москве регулярные совещания⁶³. Шестое и последнее совещание, состоявшееся в Моск-

ве в декабре 1926 г., приняло резолюцию, потребовавшую привлечения евреев на работу в такие отрасли промышленности, в которые они ранее не имели доступа (железнодорожные мастерские, угольные шахты, сахарные заводы и т. п.), а также больших возможностей для получения технического образования и поселения евреев на землю⁶⁴.

Однако антисемитизм глубоко укоренился в русском традиционном мышлении, особенно на селе⁶⁵, и получил мощный дополнительный импульс под влиянием меняющейся советской хозяйственной политики. В середине 20-х годов, когда торговля переживала короткий период относительной свободы, антисемитизм начал возрождаться в таких масштабах, которые нельзя было игнорировать. Естественным фокусом антисемитизма стали места сосредоточения значительного числа евреев (бывшие черты оседлости). В партийном отчете за 1925 г. сообщалось об одной деревне в Смоленской губернии, где половину населения составляли евреи, занятые только в двух сферах: религия и торговля льном⁶⁶. Постепенное ограничение частной торговли в конце 20-х годов и репрессии в отношении нэпманов жестко затронули евреев. В 1927 г. в крупных городах (окружных центрах) Белорусской ССР лишили избирательных прав 8,8% взрослого населения (в 1925—1926 гг. лишенцев было 4,5%), а в небольших городах — 12,8% (7,8% в 1925—1926 гг.). Большинство классифицировали как торговцев и членов их семей⁶⁷. Значительная часть из них, вероятно, была представлена евреями⁶⁸. Один американец-еврей, выходец из России, посетивший Украину летом 1927 г., пришел к следующему выводу: «Советский строй освободил еврея в политическом и социальном отношении, но лишил его возможности торговать. Он вынужден заниматься чем угодно: управлением, политикой, производством и сельским хозяйством. Повсюду он выделяется своею сметливостью и напористостью. Но эти качества не возбуждают к нему симпатий со стороны русских, отсюда растущая волна антисемитизма»⁶⁹.

В одной из статей журнала ЦИК указывалось, что «сила профессиональных навыков и традиций еще очень велики в еврейской среде» и что «*фактические возможности* действительного оздоровления социально-экономической структуры еврейской массы еще пока довольно ограничены»⁷⁰.

Распространение антисемитизма больше нельзя было скрывать. Перепись населения 1926 г. и партийная перепись 1927 г. определили евреев как национальное меньшинство, а публикация сведений даже без комментариев невольно заостряла внимание на высоком проценте евреев в привилегированных позициях, который был выше, чем их доля среди населения. На XV съезде партии в декабре 1927 г. Орджоникидзе назвал пропорцию евреев (а также других национальностей) среди служащих государственных учреждений в различных регионах Союза, которая в Украинской и Белорусской ССР достигала 30%⁷¹. В ноябре 1926 г. Калинин, утверждавший, что антисемитизм никогда глубоко не проникнет в

ряды рабочих и крестьян, признал, что «сейчас русская интеллигенция, пожалуй, более антисемитична, чем была при царизме». Так получилось, потому что многие евреи, не имея возможности продвигаться по другим направлениям, заняли руководящие государственные посты; тем временем люди спрашивали: «Почему в Москве так много евреев?»⁷² Журнал Наркомюста отметил 38 случаев антисемитизма, которые рассматривались в судах Московской губернии (все, за исключением четырех, в самом городе) в 1927—1928 гг. Большинство представляло собой устные оскорбления, однако несколько случаев было связано с оскорблением действием. «Яркие вспышки антисемитизма в различных уголках нашего Союза» журнал посчитал «отражением происходящих в стране глубоких экономических и политических процессов»⁷³. Антисемитским тенденциям был особенно подвержен комсомол, который в середине 20-х годов имел в своих рядах более значительный крестьянский компонент, чем партия⁷⁴. В марте 1927 г. V конференция комсомола предупредила относительно «антисемитизма, имеющегося в некоторых слоях рабочей, крестьянской и учащейся молодежи»⁷⁵. Пессимистический диагноз, по-видимому, подтверждало детальное исследование того времени относительно распространения среди молодежи антисемитских настроений и высказываний. В нем, в частности, указывалось: «Рост его несомненен. Известно, что антисемитизмом заражаются и некоторые комсомольцы. Всегда ли находит он в комсомольской среде такой решительный и быстрый отпор, которого заслуживает враждебная пролетариату и нашей организации сила? Нет, не всегда»⁷⁶.

Рассадниками антисемитских настроений среди молодежи называли христианские организации — православные и баптистские⁷⁷. В более мягкой форме антисемитизм якобы существовал и среди начсостава Красной Армии⁷⁸.

Оживлению в то время острого ощущения национальных различий между евреями и неевреями, которое игнорировали первые партийные руководители, возможно, способствовала активизация деятельности сионистов. С другой стороны, однако, утверждалось, что именно увеличение антисемитизма помогает «сионистам и другим еврейским националистам работать... успешнее» среди рабочих⁷⁹. Но влияние оказывали и другие силы. Рост оппозиции усилил антисемитские тенденции. Вовсе не случайно главные руководители оппозиции (Троцкий, Зиновьев, Каменев) были евреями, а наиболее видные защитники официальной линии (Сталин, Бухарин, Молотов) таковыми не являлись. Интеллектуалы обычно играли в оппозиции важную роль, а в условиях России значительную долю интеллигенции составляли евреи. Еще в марте 1926 г. Троцкий в письме Бухарину привел выдержку из сообщения секретаря одной из партийных ячеек о том, что, по слухам, «жиды мутят воду в Политбюро»⁸⁰. Когда в какой-то деревенской партгруппе обсуждали резолюцию об исключении Троцкого и Зиновьева из партии, один выступавший заметил: «Троцкий не может быть ком-

мунистом, сама его национальность свидетельствует о том, что он не может не спекулировать»⁸¹. В марте 1927 г. Преображенский в резкой статье обвинил нэпманов в том, что они являются причиной рецидива антисемитизма, заклеил антисемитизм как контрреволюционный и призвал к «суровой войне» с ним⁸². В анонимном оппозиционном сообщении летом или осенью 1927 г. «рост антисемитизма» отождествлялся с «появлением «теории» Сталина — Верейкиса относительно построения полного социалистического общества в одной стране» и выражался протест против снисходительного отношения к «этому постыдному пережитку средневековья и национализма»⁸³. В августе 1928 г. Раковский в своем известном письме из Астрахани связал оживление антисемитизма с усилением религиозной деятельности и объяснил оба эти явления ростом буржуазной идеологии, который стимулируется правым курсом партии⁸⁴.

Ни один партийный руководитель не поленился в то время осудить антисемитизм в самых крепких выражениях. Отмечая в декабре 1927 г. на XV съезде партии наличие «некоторых ростков антисемитизма» не только среди крестьян, но и среди рабочих и некоторых звеньев партии, Сталин заявил, что «с этим злом нужно бороться... со всей беспощадностью»⁸⁵. В том же месяце на VIII съезде комсомола Бухарин критиковал распространение антисемитизма, хотя эта критика плохо сочеталась с призывом к «борьбе с нэпманами всех наций, в том числе и еврейской». Другие выступавшие признавали, что антисемитизм «не только существует в рядах рабочей молодежи, но и проникает в комсомол» и ставили это явление в один ряд с такими «остатками старого быта», как «религиозный дурман» и «грубое отношение к женщине»⁸⁶. Конференция клубных работников указала на три момента борьбы с антисемитизмом: не идеализировать еврейский народ в целом, а различать между «евреем-нэпманом и евреем-тружеником»; показывать отношение советской власти к евреям, как часть общей национальной политики в Советском Союзе; разъяснять мероприятия партии и Советской власти по «оздоровлению экономического положения еврейских трудящихся масс и по привлечению их к производительному труду в земледелии и промышленности»⁸⁷.

Хотя партия продолжала решительно отвергать антисемитизм, симптомы скрытой враждебности по отношению к евреям начали проникать в официальные заявления партии. Ярославкий, будучи сам не только евреем, но и горячим сторонником Сталина, стал застрельщиком в этом деле. В феврале 1929 г., сообщая о предстоящей чистке в партии, он осудил антисемитизм как проявление «великорусского шовинизма», но добавил, что некоторые евреи усвоили «повышенную мерку отношений к неевреям», которых они называли презрительно «гоями», и дал понять, что не стоит слишком прислушиваться к обвинениям в антисемитизме⁸⁸. В «Правде» появилась редакционная статья, осуждавшая распространение

антисемитизма среди рабочих, особенно крестьянского происхождения⁸⁹. В том же месяце бюро еврейских секций в партии опубликовало резолюцию, в которой излагалась позиция евреев по отношению к правому уклону. В ней решительно отвергалось утверждение о том, что, поскольку евреи почти не заняты в сельском хозяйстве, они якобы подвержены правым ошибкам. Наоборот, говорилось в резолюции, многие евреи являются ремесленниками и кустарями, представителями буржуазной интеллигенции, служащими, торговцами и другими посредническими элементами. Поэтому они особенно остро реагировали на наступление социалистических начал. Отмечалось, что евреи проживали преимущественно в районах со слабо развитой промышленностью (Белоруссия, украинские земли западнее Днепра) и поэтому не испытывали влияния рабочих. Евреи были склонны пренебрегать классовыми различиями, недооценивать опасность шовинизма и национализма, религии и клерикализма. Поэтому борьба с правым уклоном среди евреев представляла собой дело исключительной важности⁹⁰. Очевидно, данное заявление имело целью сделать так, чтобы в предстоящей партийной чистке евреям не оказывали особого снисхождения. Резолюция, принятая в апреле 1929 г. на XVI партийной конференции, как и положено, наряду со «скрытыми сторонниками религиозного культа» в число лиц, подлежащих чистке, включала и «антисемитов»⁹¹. Однако предусмотрительные оговорки бюро евсекции, как видно, явились первыми признаками ослабления сопротивления со стороны партии и ее представителей растущим антисемитским силам.

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

Летом 1926 г. литературный фронт все еще затягивали плотные облака неизвестности и неопределенности относительно линии партии. С одной стороны, партийные руководители были полны решимости не дать себя втянуть в литературные споры и проявлять терпимость ко всем писателям, не настроенным откровенно враждебно к существующему строю, а с другой, они ощущали определенные идеологические обязательства по отношению к пролетарским писателям, объединившимся в ВАПП. Народный комиссар просвещения Луначарский располагал не очерченной конкретно властью над литературным миром. По своим личным наклонностям он был традиционен и снисходителен¹. Это обстоятельство делало его подозрительным для левых. Неожиданная удача выпала на долю честолюбивого Авербаха, когда его основные соперники в ВАПП приняли сторону ленинградской оппозиции, потерпевшей поражение на XIV съезде партии в декабре 1925 г. В итоге он оказался единоличным руководителем организации². Журнал «На посту» прекратил печататься в конце 1925 г., а в марте 1926 г. вышел первый номер его преемника «На литературном посту», органа реорганизованной ВАПП³. Однако попытки распространить контроль ВАПП на всю литературную сферу быстро пресекли. По некоторым заявлениям, журнал «На литературном посту» отказался от политических полемик своего предшественника и решил сосредоточить внимание на отличительных особенностях пролетарской литературы, которая якобы предпочитала романтизму реализм и абстракциям конкретные факты. После продолжительной по всем признакам борьбы и, вероятно, не без давления сверху, 27 декабря 1926 г. состоялось совместное собрание литературных групп, на котором образовали Федерацию объединений советских писателей (ФОСП)⁴. Решение, однако, не вызвало большого энтузиазма. И лишь почти год спустя, 20 ноября 1927 г. Луначарский выступил на церемонии открытия новой федерации⁵.

Под свое широкое крыло ФОСП взяла, кроме ВАПП, еще Всероссийский Союз писателей (ВСП) и несколько туманное Всероссийское общество крестьянских писателей (ВОКП)⁶, а также большинство второстепенных литературных групп различной окра-

ски, которые размножились в нэповской атмосфере терпимости. Из них наиболее заметными были футуристы и технические новаторы, которые черпали главную силу из авторитета поэта революции Маяковского. Их журнал «ЛЕФ», почивший в 1925 г.⁷, вновь ожил в январе 1927 г. под названием «Новый ЛЕФ» и продолжал оспаривать с сомнительной убедительностью исключительное право ВАПП говорить от имени пролетарских писателей. Он не получил поддержки партии и подвергся ожесточенным нападкам со стороны Полонского (редактора эклектического «Нового мира», сочувствовавшего «попутчикам») в двух статьях газеты «Известия» под общим названием «ЛЕФ или Блеф?»⁸. Наиболее странную позицию заняли формалисты, которые отпочковались от футуристов (Шкловский и Тынянов, наиболее известные формалисты, посылали свои материалы в «ЛЕФ») и уделяли главное внимание литературным приемам и эстетической теории, не связанным с революционными или пролетарскими темами. Признавая их способности как «специалистов техники», Бухарин тем не менее отрицал, что «форму» в искусстве можно отделить от социального бытия и назвал движение «устаревшим», «схоластическим» и «суррогатом знания»⁹. Подстегиваемые ФОСП формалисты сблизились с группой «Новый ЛЕФ» и стали больше интересоваться социальным фоном литературы¹⁰. Группа «Перевал», называвшая себя Всесоюзным объединением рабоче-крестьянских писателей, занимала платформу, близкую попутчикам. Она придавала важное значение русскому литературному наследию, праву автора на выбор темы, осуждала чрезмерное увлечение формой и стилем и в начале 1927 г. опубликовала декларацию с нападка на ВАПП и «Новый ЛЕФ»¹¹. Конструктивисты нацелились на создание пролетарской школы поэзии, будучи воодушевлены «любовью к цифрам, к деловой речи, цитате из документов, деловому факту, описанию событий»¹².

В окружении подобной разноголосицы акции ВАПП продолжали подниматься за счет соперников. Между тем основным центром сопротивления притязаниям ассоциации стал ВСП вместе с журналом «Красная новь», и непримиримая вражда между Авербахом и Воронским, зародившаяся еще в 1924 г.¹³, никогда не прекращалась. Выход в свет в марте 1926 г. первого номера журнала «На литературном посту» Авербах отметил новой атакой на своего противника. Воронский, оценив грозящую опасность, ответил иронической статьей в «Красной нови», закончив ее следующей притворной просьбой к Луначарскому: «Если суждено мне принять конец, то пусть он будет не от руки Авербаха. ...Погибнуть на поле брани в лобовых атаках тяжело, но почетно... не задохнуться от «литературных газов» Авербахов — да минет меня чаша сия»¹⁴.

Обращение к Луначарскому наводило на мысль о наличии у Воронского друзей на высоких постах. И Авербах действовал осторожно. На «расширенном пленуме» ВАПП, проходившем с

27 по 29 ноября 1926 г. Авербах ударил и по правым (попутчики), и по левым (Лечевич, Вардин), с пренебрежением отозвался о крестьянских писателях, без особого энтузиазма похвалил ФОСП и по-прежнему утверждал, что вся надежда на культурную революцию связана с пролетарскими писателями, объединенными в ВАПП¹⁵. Однако другие выступления звучали по-иному. Лебединский доложил о необходимости выработать новую платформу «на основе заветов Маркса и Плеханова» и признал, что прежняя платформа была заражена ошибками Пролеткульта и «комчанством»¹⁶. Специальной резолюцией, значение которой подчеркнула «Правда», опубликовав ее полностью, пленум отметил резолюцию, принятую Первой конференцией ВАПП в январе 1925 г. по докладу Вардина, в которой говорилось о невозможности мирного соперничества между литературными школами различных идеологий и о контрреволюционном характере литературы попутчиков. Резолюцию критиковали за то, что она не «учла смену форм классовой борьбы в нашей стране»¹⁷. Если, однако, руководители партии стремились избежать столкновений на литературном фронте, то Авербах не был намерен щадить своего старого соперника Воронского. По мере обострения борьбы с оппозицией в партии стало проще выдвигать против него аналогичное обвинение¹⁸. В марте 1927 г. пошли слухи о том, что Воронского в «Красной нови» якобы заменит совет из трех человек, включая Гусева¹⁹. Отношения между двумя входящими в ФОСП самыми большими организациями стали непримиримо враждебными. Говорили, что ВАПП удалось обеспечить своим сторонникам две трети мест в исполкоме Федерации, и Воронский с гневом публично разоблачил этот маневр, называя Федерацию «литературно-бюрократическим центром»²⁰. 18 апреля 1927 г. состоялось совещание в Отделе печати ЦК партии, на котором был поставлен вопрос о снятии Воронского. Его резко критиковали заведующий Отделом печати Гусев, Авербах и другие члены ВАПП. Воронский защищался, «хотя и недостаточно ловко, но довольно твердо»²¹. После совещания руководство ВАПП направило письмо «Ко всем организациям пролетарских писателей» с детальным разбором прогрешений Воронского и с сообщением о его снятии с поста редактора «Красной нови»²². Сообщение оказалось преждевременным, и борьба длилась еще несколько недель. Гусев продолжил атаку в статье газеты «Правда», озаглавленной «Какая федерация писателей нам нужна?», в которой обвинил Воронского в пренебрежении к пролетариату и в смычке с оппозицией²³. Воронский опубликовал ответ в «Красной нови» в виде «открытого письма» Гусеву, более сдержанного по тону, но не по содержанию, в котором он опять критиковал Авербаха, но в то же время выразил готовность сотрудничать с ВАПП, «если бы там была другая верхушка»²⁴. Это послание, которое появилось с примечанием о несогласии с его содержанием других членов редакционного совета, стало лебединой песней Воронского. Его формально не увольняли и не сни-

мали; он просто заявил о невозможности работать вместе с Раскольниковым и Фриче, которых только что назначили в Совет²⁵. В ноябре 1927 г. его фамилия наконец исчезла с обложки журнала²⁶. В это время попутчиков прямо еще не карали. Однако Замятина, чей роман «Мы», опубликованный за границей, имел некоторый успех, осудили в обширной статье, напечатанной в журнале ВАПП в сентябре 1927 г. как игравшего «явно вредную, реакционную, предательскую роль»²⁷.

Наступившая 10-я годовщина революции и приближавшийся XV съезд партии побудили Авербаха вновь помогать гегемонии ВАПП на литературном фронте. В предисловии к книге своих очерков он смело заявил, что «ВАПП является сейчас существенным проводником партийной линии в художественной литературе»²⁸. В октябре 1927 г. редакционная статья журнала ВАПП призвала к дальнейшему движению «на путях культурной революции», а месяц спустя Авербах искусно провел разграничительную линию между взглядами троцкистского оппозиционного крыла (Преображенский, Сосновский, Воронский) и зиновьевцами (Вардин, Лелевич), которые еще до конца не поняли принципиальной враждебности троцкистов пролетарской литературе и культурной революции²⁹. Были не оставлены без внимания и другие потенциальные соперники. На литературном диспуте в Ленинграде, посвященном годовщине революции, Авербах, лично воздерживаясь от прямой критики Маяковского, по-видимому, исподтишка побуждал члена ВАПП Фадеева к нападкам на него³⁰. Между тем 15 ноября 1927 г. вышел в свет первый номер нового журнала «Революция и культура», в редакционный совет которого вошли Бухарин, Луначарский, Деборин и Пашуканис. В редакционном обращении, посвященном «культурной революции», его авторы ограничились туманным призывом к «новым формам культуры, которые соответствуют задачам строительства социалистического общества». Луначарский по-прежнему избегал принимать чью-либо сторону. Международная конференция пролетарских и революционных писателей, состоявшаяся в Москве в ноябре 1927 г., послужила ему платформой для примирительного выступления на тему «Этапы роста советской литературы», в котором он в мягких выражениях критиковал крайности непосредственно послереволюционного периода, эксцессы группы «На посту», недостаточную терпимость по отношению к попутчикам и выразил надежду на рост молодых пролетарских писателей. 21 ноября 1927 г. он вновь выступил в том же духе на откладывавшейся долго церемонии основания ФОСП³¹. По этому поводу ФОСП выпустила манифест, в котором со ссылкой на резолюцию ЦК партии от 18 июня 1925 г. отрицал любые намерения «сколько-нибудь механизировать или упростить по тем или иным трафаретам писательскую работу». С другой стороны, Федерация признавала великую «моральную ответственность» писателей и не могла «относиться с равнодушием

к той писательской работе, которая искусственно и сугубо подбирала бы отрицательные черты нашей действительности, искажая ее и внося разложение в читательские массы». Однако живые диспуты и взаимная критика различных групп приветствовались³².

Все признаки свидетельствовали об упорном нежелании партийных руководителей быть в тот момент вовлеченными в борьбу литературных группировок. В докладе Отдела печати ЦК XV съезду партии коротко упоминался факт образования ФОСП, в которую вошли все организации советских писателей. «Нездоровое явление», которое тревожило партийные власти, касалось выпуска произведений «идеологически сомнительных, проникнутых настроениями упадничества и пр.»³³. На самом съезде литературной полемики коснулись лишь вскользь и без всякого ажиотажа. Руководитель Агитпропа ЦК Криницкий в докладе, обильно пересыпанном цитатами из произведений Ленина, в привычных выражениях охарактеризовал работу партии в области культуры и развития пролетарской культуры. Затем он внезапно атаковал Преображенского за то, что, выступая на совещании в Коммунистической академии, тот заявил о «кризисе советской культуры» и затем связал с ним Лелевича, который в провинциальном журнале написал о «кризисе в классовом содержании советской культуры». Лелевич, заметил Криницкий, «давал примерно такое же определение положения на культурном фронте, какое давала оппозиция в вопросах экономики, и многозначительно добавил, что «это все ерунда»³⁴. Криницкий поддержал руководителей ВАПП против левой оппозиции в собственных рядах, но не проявил ни малейшего желания вмешаться в борьбу между ВАПП и его противниками или придать борьбе политическую направленность. Выступая 24 января 1920 г. в связи с 4-й годовщиной со дня смерти Ленина, Бухарин напомнил об отвращении Ленина к «болтовне» о пролетарской культуре и к тем, кто «мечтал создать пролетарскую культуру чуть ли не опытно-лабораторным путем»³⁵.

Несколько последующих месяцев стали решающими. На процесс организации литературы, как и на другие аспекты партийной и советской работы, наложил свой отпечаток период напряженности и волнений, вызванных разгромом на съезде объединенной оппозиции, хлебозаготовительным кризисом и разоблачением предполагаемого шахтинского заговора. В конце апреля 1928 г. под эгидой ВАПП собрался Всесоюзный съезд пролетарских писателей. Накануне съезда журнал «На литературном посту» в редакционной статье вновь пытался поставить знак равенства между оппозицией к ВАПП и оппозицией к партийному руководству и привел выдержку из недавней речи Сталина, в которой он настаивал на развитии «культурных сил рабочего класса» (повторенная несколько раз фраза принадлежала Ленину) и на необходимости «культурной революции»³⁶. Более знаменательной была статья Луначарского, опубликованная в журнале ВАПП во время работы

съезда. Хотя по тону и несколько сдержанная, она представляла собой фактическую поддержку притязаний ВАПП. Луначарский заметил, что смотреть на писателя «как на какого-то заведомого индивидуалиста» — это мещанская привычка. Было бы неправильно обвинять руководителей ВАПП в чрезмерном увлечении организационными вопросами. Временами его якобы шокировали «грубость тона, неуместное вышучивание, резкость суждений», проявлявшиеся в их критике, но все же было бы несправедливо нападать на них как на «новых коммунистических чиновников от литературы». Партия, дескать, знает, где пужно дать «твердые указания», а где следует «оставить более широкие рамки и какой вопрос объявить дискуссионным». Руководство ВАПП, по его словам, избрало правильную линию: «безусловное подчинение директивам партии, всяческая готовность быть на 100% проводниками идей партии»³⁷. Если иметь в виду прежнюю сдержанность Луначарского, то можно сделать вывод о том, что руководители партии наконец решили взять под свое крыло ВАПП и сделать эту организацию основным центром и инструментом партийного контроля над литературой.

Когда же, однако, съезд 30 апреля 1928 г. начал свою работу, в которой приняли участие 230 делегатов от 4 тыс. членов ВАПП, стало ясно, что победа ВАПП не была ни бесспорной, ни безусловной. В первом выступлении Криницкий вознамерился изложить партийные установки. После долгого хождения кругом да около он вернулся к партийной резолюции от 18 июня 1925 г., которую назвал «основным политическим документом», и поставил три первоочередных задачи. Во-первых, по его словам, нужно было сплотить все силы пролетарской литературы и решительно бороться против встречавшихся «в рядах ВАПП настроений монопольного представительства партии»; во-вторых, ВАПП следовало «учиться» избегать «суетни»; и наконец, предстояло улучшить отношения с попутчиками. При выполнении данных условий партия «будет помогать пролетарским писателям в рядах советской литературы заработать себе историческое право на гегемонию»³⁸. В своем докладе о культурной революции Авербах скромно признал необходимость «учебы и самокритики», но одновременно раскритиковал массу все еще публиковавшейся ошибочной в политическом отношении литературы. Родов и Безыменский говорили о дискредитированном левом крыле ВАПП, но «не смогли расшевелить съезд». Фадеев, продолжая борьбу с Маяковским, атаковал ЛЕФ за ложное противопоставление своей «фактологии» предполагаемому «психологизму» ВАПП и критиковал поэму «Хорошо», написанную Маяковским к годовщине революции³⁹. Луначарский представил тезисы о задачах марксистской критики, которые были слишком теоретическими, чтобы служить отправным пунктом в текущих спорах⁴⁰. Во время работы съезда «Известия» опубликовали дискуссионную статью Горбова, известного критика и бывшего сотрудника журнала «Красная новь», с резкими на-

падками на ВАПП. Появившиеся с созданием ФОСП надежды, писал автор, полностью разрушил ВАПП, который «фактически возглавлял Федерацию с момента ее возникновения» и видел в ней лишь «новую форму осуществления своей собственной „гегемонии“»⁴¹. После ожесточенной, по всей видимости, закулисной борьбы съезд принял резолюцию, во многом отвечающую притязаниям ВАПП. В ней одобрялось принятое ранее советом ВАПП решение относительно образования Всесоюзного объединения ассоциаций пролетарских писателей (ВОАПП) для координации деятельности ВАПП и аналогичных ассоциаций других республик⁴². Логическим следствием этого шага явилось превращение ВАПП в РАПП (вместо «всероссийской» ассоциации стала «российской») ⁴³. Главная резолюция съезда тактично одобрила «политическую линию» руководства ВАПП и нашла его практическую деятельность «в общем удовлетворительной». Но она обнаружила «ряд болезненных явлений и отдельных недочетов», которые, как видно, состояли в «излишнем увлечении организационными делами как таковыми, склонности иногда подменять действительную работу «политической трескотней». Тем не менее резолюция в жестких выражениях осудила как левую оппозицию в ВАПП («эту мнимую левую беспринципную оппозицию»), так и последователей Воронского, чья «капитулянтская линия» делала их типичным выражением мещанского влияния в литературе». Зловещий абзац дал понять, что, помимо решения других задач, ВОАПП предстоит начать «пересмотр» всего состава членов ассоциаций пролетарских писателей. Такую «самоочистку» следовало уравнивать вовлечением «новых начинающих творческих сил, преимущественно из рабочих от станка»⁴⁴.

Между тем победа все еще не была безусловной. В марте 1928 г. Максим Горький, находившийся в добровольной ссылке с 1921 г. и в последнее время ощущавший симптомы ностальгии по родной земле, объявил о своем скором прибытии в Москву⁴⁵. Эту новость с энтузиазмом возвестил Бухарин со страниц «Правды»⁴⁶. В 1921 г. Горький являлся одним из основателей журнала «Красная новь», и инициаторы должны были знать, что он причислял Воронского к своим ближайшим друзьям в Москве⁴⁷. Но было также известно, что писатели из ВАПП холодно относились к Горькому, которого в своем журнале они называли «человеком, лишенным классового сознания, идеологом промежуточных слоев общества»⁴⁸. В апреле 1928 г., за неделю до открытия съезда ВАПП, «Правда» и «Известия» опубликовали письмо Горького из Сорренто, в котором он выразил полное безразличие к своему производству в «пролетарские писатели». Термин, писал он, «не совсем отвечает действительному положению трудовой массы Союза Советов». В последующей статье, напечатанной в «Известиях», он с неодобрением цитировал строки из поэзии Маяковского и Безыменского (еще одного поэта крайне левого толка) и в мягкой манере защищал комсомольского поэта по фамилии

Молчанов, которого резко критиковал Авербах ⁴⁹. В такой момент и из подобного источника эти заявления вызвали замешательство. По всем признакам, дуайена пролетарских писателей, бесспорного мастера пролетарской литературы, на съезде ВАПП ни разу не упомянули, а перед самым возвращением Горького Авербах в статье под названием «Пошлость защищать не надо!» в резкой форме ответил на выступление Горького в защиту Молчанова ⁵⁰. Горький прибыл в Москву 28 мая 1928 г. Его встречали Бухарин, Луначарский, Енукидзе и Орджоникидзе, а также большие толпы людей на привокзальной площади ⁵¹. Горький выступил на съезде профсоюза железнодорожников, который как раз заседал 29 мая, а через два дня стал центральной фигурой гигантского собрания в Большом театре, на котором Луначарский произнес главную приветственную речь ⁵². Однако руководители РАПП в этих событиях не участвовали ⁵³. И Асторов в статье «Горький и комчванята», опубликованной в «Правде», критиковал Авербаха и защищал Горького ⁵⁴. Через несколько дней Горький посетил редакцию «Красной нови», чтобы встретиться с писателями, сотрудничавшими в этом журнале. Он говорил о «новом слое мешанства», нарождавшемся на базе НЭПа, который «хитер» и «опасен» и «способен к нападению». Он якобы сильнее, чем прежде, и литература должна быть теперь еще более революционной, чем «тогда». Встреча показала, что у Горького больше общего с «попутчиками» из «Красной нови», чем с Авербахом и РАПП или с Маяковским и ЛЕФом ⁵⁵.

Вместе с тем руководители РАПП, считавшие себя защитниками и покровителями пролетарской литературы и, как таковые, претендовавшие на «гегемонию» в литературной области, еще не выступили с концепцией твердого диктата в литературе, осуществляемого ими от имени партии. Искусство они называли «могучим орудием классовой борьбы» ⁵⁶, однако выражение «социальный заказ» придумал не РАПП, а Маяковский, а РАПП отвергал теорию ЛЕФа, согласно которой литературное творчество якобы представляло собой такое же производство, как и всякое другое и, следовательно, должно также планироваться. Писатели РАПП интерпретировали «социальный заказ» как испытываемую писателем внутреннюю потребность выразить в литературе свою революционную веру, а не как избрание навязанной сверху темы. Авербах отрицал, что можно заставить художника творить в приказном порядке на определенную тему. Он, в частности, сказал: «Классовое положение писателя непосредственно диктует ему выбор темы, и оформление ее... Эта обусловленность свободного выбора писателем темы по большей части и составляет содержание термина «социальный заказ» ⁵⁷.

Либединский специально пересмотрел прежнюю статью, которая, по всей видимости, могла побудить к вульгарному истолкованию понятия «социальный заказ» ⁵⁸. Другой писатель протестовал против указания — писать о социалистическом

строительстве, в то время как он желал писать о гражданской войне⁵⁹.

Быстрое превращение РАПП в грубый инструмент узко спланированной партийной политики строгого регламентирования было обусловлено главным образом экономическим и политическим давлением, вынуждавшим партию цепляться за любой механизм, пригодный для преодоления беспокойного и непокорного общественного мнения, но также и постоянным стремлением руководителей РАПП преобразовать свою неопределенную «гегемонию» в монополию власти над другими литературными группами. Критика охватила и журнал «Новый мир». Его редактора Полонского Авербах уже поставил на одну доску с Воронским в качестве покровителя попутчиков⁶⁰. В апреле 1928 г. Полонского сменил Ингулов, официальный работник Центрального Комитета партии⁶¹. Растущий авторитет РАПП получил новый импульс в связи с расколом в рядах ЛЕФа. В августе 1928 г. Маяковский вышел из редакции журнала «Новый ЛЕФ», которую возглавил Третьяков, автор сенсационной и пользовавшейся успехом пьесы «Рычи, Китай!»⁶². Возможно, что разрыв объяснялся различием в темпераментах. Однако Маяковский, выступая в сентябре 1928 г. на двух собраниях и имея целью положить начало движению «левее ЛЕФа», утверждал, что работа в ЛЕФе «приобретала характер какого-то группового чудачества», в то время как «словесное изобретательство должно стать выражением массовой литературной продукции»⁶³. Через несколько дней в интервью ленинградскому журналу он отрицал наличие какого-либо раскола в ЛЕФе, но заявил, что новое движение «левее ЛЕФа» выступало «за еще большую дисциплину художественного труда»⁶⁴. Его все более разноречивые высказывания можно было истолковать как сближение с линией партии, направленной на примирение между различными группами.

Празднование в сентябре 1928 г. 100-летия со дня рождения Толстого было последним общим местом встречи различных литературных школ. Небольшой вклад Ленина в область литературной критики ограничивался четырьмя короткими статьями о Толстом, написанными до 1917 г. И хотя Ленина прежде всего интересовало социальное значение великих романов, он, несомненно, уважал Толстого как мастера русской литературы⁶⁵. Воронский являлся страстным поклонником Толстого⁶⁶. ВАПП охотно шел той же дорогой. Весной 1927 г. Авербах заявил о необходимости учиться «прежде всего» у Толстого⁶⁷. В своей платформе к пленуму РАПП в октябре 1928 г. Либединский привел «Войну и мир» и «Анну Каренину» в качестве своих образцов стиля⁶⁸, а долг перед Толстым таких знаменитых писателей из РАПП, как Фадеев и Шолохов, чей «Тихий Дон» начал печататься в 1928 г., был общезвестен. Формалисты не отставали в поклонении Толстому. Наиболее плодовитый публицист Шкловский отметил столетие Толстого

памфлетом, озаглавленным «Форма и стиль в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Когда 10 сентября 1928 г. в Большом театре собралось множество народа, включая группу известных зарубежных писателей, чтобы почтить память великого мастера, на какой-то момент показалось, что общая преданность литературе устранила политические барьеры⁶⁹.

Иллюзия скоро развеялась. Осенью 1928 г. стремление к быстрой индустриализации и максимальным целям достигло апогея, и вот-вот должна была начаться кампания против правого крыла в партии в лице Бухарина, Рыкова и Томского⁷⁰. Напряженная атмосфера пронизывала все сферы советской жизни. Так называемый «первый пленум» РАПП, о подготовке которого заблаговременно известили⁷¹, собрался 1 октября 1928 г.⁷² Обсуждавшийся на заседании главный документ «Художественная платформа РАПП» подготовил Либединский. Теоретическая по форме, она проводила различие между функциями искусства и науки, но имела и политический подтекст, который выделил Либединский в своем заключительном слове⁷³. Подходящий случай использовали совершенно откровенно для того, чтобы подтвердить притязания РАПП на власть над всей пролетарской литературой. В конце октября 1928 г. автор редакционной статьи журнала «На литературном посту» (несомненно, сам Авербах) разразился резкой критикой по адресу всех сторон. Примечательно, что автор дважды цитировал выступление Сталина на пленуме Московского комитета 19 октября 1928 г., в котором обращалось внимание на правую опасность, и указал на наличие в литературе мелкобуржуазных тенденций, которые Сталин осудил. В последние месяцы, заметил автор, «Красная новь» ушла направо и утратила свои литературные качества. Юбилей Толстого якобы побудил к «своеобразной идеализации толстовства», что в свою очередь привело к «преувеличению его революционности и ...недооценке его реакционных сторон». Группа «Перевал» и ЛЕФ находились-де в стадии распада, «ультралевые теории» ЛЕФа носили «почти неприкрыто реакционный характер»⁷⁴. Большинство оборотов и выражений было сознательно заимствовано из политического лексикона. В это самое время журнал «На литературном посту» вел злобную кампанию против ЛЕФа. Один автор использовал против ЛЕФа афоризм Прудона о том, что наложничество нельзя реформировать — его надо уничтожить. Другой назвал сторонников ЛЕФа «утопистами», которые «развращают нашу литературную политику»⁷⁵.

На этот раз инициатива, которую, вероятно, предприняли не без ведома партии, принесла свои плоды. Летом 1928 г. Центральный Комитет партии вновь вторгся в область литературы, приняв резолюцию, начинавшуюся ссылкой на резолюцию от 18 июня 1925 г., которая *«сохраняет все свое значение для нынешнего периода»*. Комитет высказался за приближение к пролетариату групп левых «попутчиков». Однако другие положения указывали в ином направлении. Объявлялась война любому «спол-

занию с классовых позиций, эклектизму и благодушному отношению к чуждой идеологии». В резолюции наконец утверждалось, что литература, театр, кино, живопись, музыка и радио должны все играть свою роль «в борьбе... против буржуазной культурности». Она призвала рассмотреть на Всесоюзной конференции эти вопросы⁷⁶. На открывшейся в конце концов 22 декабря 1928 г. конференции доклад о партийной политике сделал заместитель руководителя Агитпропа П. Керженцев. На ней выступили также видные писатели того времени⁷⁷. В статье, напечатанной в «Правде» во время работы конференции, утверждалось, что классовая борьба и период социалистического строительства лишь только начали проникать в искусство, и критиковался Луначарский за снисходительное отношение к идеологически ошибочным произведениям⁷⁸.

Резолюцию конференции «Об обслуживании книгой массового читателя», одобренную ЦК партии 28 декабря 1928 г., отличал сугубо практический стиль; вместе с тем она раскрывала и нетерпеливое желание превратить литературу в действенный инструмент партийной политики. Резолюция призвала государственные, общественные, кооперативные и в особенности партийные организации уделить внимание выпуску и распространению книг, популяризирующих марксизм-ленинизм, массовой производственной литературе, повышающей уровень технических знаний рабочих и крестьян, научно-популярной книге и художественной литературе, прежде всего на актуальные политические темы, направленные против буржуазных влияний. Объявлялось «необходимым в большей мере, чем до сих пор, добиваться, чтобы массовая литература была орудием мобилизации масс вокруг основных политических и хозяйственных задач». Издательствам следовало представить свои планы для обсуждения в партийных, других организациях и в печати, подбирать авторов среди наиболее квалифицированных коммунистов, среди рабочих и крестьян⁷⁹. Авторы резолюции скромно воздержались от упоминания РАПП, а партия, возможно, все еще не решалась предоставить ассоциации слишком много власти. Между тем руководители РАПП совершенно недвусмысленно предполагали использовать свою привилегированную позицию в качестве служителя и инструмента партии и государства для того, чтобы утвердить свою власть над остальными литературными группами, находящимися на закате или в состоянии разложения⁸⁰. Ослабленный после отступничества Маяковского журнал «Новый ЛЕФ» перестал выходить в конце 1928 г. и движение сделало последнюю бесплодную попытку утвердиться как Революционный фронт (РЕФ)⁸¹. Связанные с группой Маяковского и находившиеся под угрозой внутреннего распада формалисты попытались вести арьергардный бой в виде частичного компромисса с ортодоксией. Два руководителя формалистов, Якобсон и Тынянов, опубликовали в последнем номере журнала «Новый ЛЕФ» программу, в которой стремились сочетать лингвистический

подход к литературе с признанием социальной направленности марксистской литературной теории⁸².

Большинство остальных групп постепенно замолкло. Завершающий, смертельный удар остаткам традиционной литературной самостоятельности нанес арест в первых числах января 1929 г. обвиненного в троцкизме Воронского⁸³. Журнал «На литературном посту» отметил новый 1929 г. редакционной статьей, озаглавленной «Классовая борьба обостряется», в которой притязания РАПП вновь отождествлялись с классовой борьбой и с кампанией партии против правых. «Красная новь» критиковалась за предоставление своих страниц для «материалов отнюдь не советского качества», а ФОСП упрекнули за неспособность создать сколько-нибудь серьезную литературу⁸⁴. Партию, хотя и с трудом, но неудержимо влекло по той же самой дороге. В статье, опубликованной в «Правде», Керженцев, не упоминая прямо РАПП, писал, что нужно дать отпор «буржуазному и мелкобуржуазному давлению на искусство». Одновременно он настаивал на необходимости «бережного отношения к попутчикам»⁸⁵. В том же месяце Луначарский в статье взял аналогичный примирительный тон⁸⁶. Однако, несмотря ни на что, контроль над литературой становился все жестче. Через год после принятия резолюции в «Правде» от 28 декабря 1928 г. появилось заявление, в котором признавалось, что курс РАПП наиболее близок партийной линии, и выдвигалось требование относительно сплочения литературных сил вокруг РАПП⁸⁷. Вскоре после такого ультиматума Маяковский распустил, по сути, последнюю независимую литературную группу, вступил в РАПП и два месяца спустя покончил жизнь самоубийством.

НОВОЕ СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

а) Структура населения

Решение о проведении в декабре 1926 г. переписи населения СССР было зафиксировано в постановлении от 3 сентября того же года. Цель состояла в том, чтобы определить его численность, «национальный, социальный и профессиональный состав»¹. В Российской империи единственная полная перепись населения проводилась в 1897 г. Последующие оценки количества жителей основывались на неполных и выборочных списках. 17 ноября 1926 г. «Правда» крупными буквами напечатала объявление о переписи, намеченной на 17 декабря 1926 г., и поместила несколько статей на данную тему. В редакционной статье Рыков разъяснил, что планирование требует точных сведений относительно ресурсов, деления населения по роду занятий, по социальным и национальным группам. Руководитель Центрального статистического управления Осинский подчеркнул всеобъемлющий характер переписи и ее значение для решения таких вопросов, как обеспечение работой и жильем. Немного погодя сообщили, что для отдаленных районов сроки окончания продлеваются: в Туркменистане на один месяц, для кочевников Казахстана и Киргизии на два месяца, для Якутии на три месяца². 14 декабря 1926 г. «Правда» опубликовала обращение правительства к населению относительно правильного заполнения переписных бланков, несколько сообщений о подготовительных мерах. В день переписи газета на первой странице напечатала статью Осинского «Перепись и борьба за социализм», в которой перепись характеризовалась как сочетание «культурной операции» с «массовой кампанией» и утверждалось, что «в самые дикие части нашей страны вторгается культура»³.

Перепись 17 декабря 1926 г. определила общую численность населения СССР в 147 027 915 человек⁴. В городах проживало 26,3 млн., а в сельской местности — 120,7 млн. человек. К великорусам принадлежало — 77,8 млн., к украинцам — 31,2 млн. и к белорусам 4,7 млн. человек. Распределялось население неравномерно. РСФСР занимала 92,7% общей площади СССР, на которой проживало 68,7% населения; на Украину приходилось 2% площади и 19,7% населения, на Туркменистан — 2,2% площади и

0,7% населения. Из неславян наибольшую группу образовывали тюркские народности Средней Азии (включая степи Казахстана), насчитывавшие 9,7 млн. человек, волжского региона (3,3 млн.) и Кавказа (1,9 млн. человек). Из других неславянских народов самые крупные были представлены грузинами (1,8 млн.) и армянами (1,15 млн.)⁵. Состав населения отражал в известной степени тот исторический путь, который оно проделало начиная с 1914 г. В 1926 г. 37,2% жителей были моложе 15 лет. Из них 50,3% относились к лицам мужского пола, в то время как среди жителей старше 15 лет мужчин насчитывалось лишь 47,1%⁶. Перепись показала наличие 39,6% грамотных (50,8% мужчин и 29,2% женщин). По переписи 1897 г., грамотными считались 22,3% жителей. Наивысшая доля грамотных (66,6%) приходилась на лиц в возрасте 20—24 лет. Прослойка грамотных прямо зависела от плотности населения. В Украинской ССР 44,9% населения было грамотным, в РСФСР и в Белорусской ССР — 40,7%. Самая низкая доля грамотных (7,7%) отмечалась в Узбекской ССР. Наивысшая (более 50%) — в Центральнопромышленной области (Москва) и в Ленинградской области, а также в Карельской и Крымской автономных республиках⁷.

Однако наибольший интерес вызвали результаты переписи, касавшиеся классового состава и рода занятий. Парадоксы революции, победившей в стране, где пролетариат был в заведомом меньшинстве, привели к компромиссам НЭПа. И вопрос, куда эти компромиссы должны были завести, не только занимал теоретиков и критиков Советского строя, но являл собой центральную проблему текущей политики. И не только такие литераторы, как Горький и сменовеховец Устрялов⁸, усматривали в НЭПе уступку крестьянству, которая ставила под угрозу социалистическое будущее нового строя. Оппозиция неоднократно поднимала крик о том, что революция в опасности, и это находило отклик во многих партийных кругах. Успокоение мог принести только неопровержимый факт увеличения пролетариата и признаки начавшейся миграции из села в город, в ходе которой крестьяне должны были постепенно превратиться в рабочих. Партийцы рассчитывали, что перепись принесет желаемое утешение. Ведь она классифицировала население по широчайшему спектру рода занятий, указывая в каждой категории количество занятых активным трудом и общее число входящих в нее людей, включая иждивенцев⁹. Однако эти данные не могли служить базой для определения классового состава населения или являться надежной основой для выделения из общей массы пролетарских элементов. Требовалось дальнейшее изучение проблемы.

Вслед за переписью Совнарком в мае 1927 г. назначил комиссию, поручив ей проанализировать и доложить о классовой структуре населения. В нее вошли представители Наркомфина (Фрумкин), Госплана (Струмилин), Центрального статистического управления (Пашковский) и Коммунистической академии (Ларин,

Крицман). 25 октября 1927 г. комиссия подтвердила сделанные выводы, и они вошли в статью Ларина, опубликованную в «Правде» 6 и 7 ноября 1927 г.¹⁰ Комиссия распределила все население по классовому признаку. Пролетариат составил 32,5 млн. человек (служащих включили в категорию рабочих и подсчитали как пролетариат¹¹). Из них 27,6 млн. проживало в городе, а 5,8 млн. — в деревне (батраки, совхозные рабочие и т. д.). Сельское не proletарское население (включая бедняков, середняков и кулаков) составило 104 млн. человек. Кроме того, здесь же проживало 6,8 млн. не proletарских, не сельскохозяйственных работников (ремесленников, которые не пользовались наемным трудом, лиц свободных профессий и т. д.) и 3,5 млн. не связанных с земледелием буржуа (частных предпринимателей, использовавших наемный труд, торговцев и т. д.)¹². Из 13 млн. работавших по найму и относившихся к «proletарскому» сектору 4,6 млн. являлись постоянными и 1,8 млн. сезонными не сельскохозяйственными рабочими, 3,1 млн. — батраками и 3,5 млн. — служащими¹³. Быстрое увеличение в течение 1924—1927 гг. не сельскохозяйственных рабочих (постоянных и сезонных) сопровождалось несколько менее быстрым ростом числа proletарских сельскохозяйственных рабочих (преимущественно батраков) и служащих и уменьшением числа бедняков. Общий количественный уровень крестьянского населения оставался в эти годы почти стабильным; снижение числа бедняков уравнивалось некоторым увеличением в двух других категориях. Однако относительная доля крестьян в общем населении стала меньше. Города и предприятия вобрали весь естественный прирост населения, как сельского, так и городского.

Эти выкладки, хотя и сделанные в соответствии с установленными принципами, совершенно определенно предназначались для того, чтобы раздуть категорию рабочих и укрепить веру в увеличение proletарского элемента. Главный вывод, который сделал Ларин, — «происходит непрерывный рост процента proletарского населения»¹⁴. Лишь некоторые данные, касавшиеся классификации, совпали или могли совпасть. Количество рабочих, записанное комиссией, оказалось выше, чем зафиксировано переписью 1926 г. или получено в те же годы в других исследованиях¹⁵. Как видно, комиссия занесла в категорию рабочих и членов крестьянских хозяйств, проводивших несколько месяцев в году на сезонных работах в городах, главным образом на строительстве. Нежелание профсоюзов признать сезонных рабочих, возможно, явилось причиной того, что и профсоюзы, и советские статистики классифицировали их как крестьян. Аналогичные неопределенности с классификацией наблюдались и среди крестьян. Большинство батраков имело пусть самый маленький, но все же свой участок земли, который давал дополнительные средства существования. Многие бедняки время от времени получали плату, деньгами или натурой, за работу в хозяйствах менее нуждающихся крестьян.

Нанимавший рабочую силу крестьянин мог быть кулаком, регулярно использовавшим наемных работников, или середняком с обычным хозяйством, который в урожайный год нанимал одного или двух временных работников, чтобы помочь с уборкой. При любой классификации населения по классовой принадлежности приходилось мириться с неопределенными границами, разделявшими различные категории.

Проблема распределения национального дохода между классами и категориями населения была связана с аналогичными трудностями. В сентябре 1926 г., выступая в Коммунистической академии, Смилга, в то время все еще ведущий специалист Госплана, сетовал на отсутствие контрольных цифр на 1926—1927 гг., касавшихся классового анализа роста производительных сил. Он, в частности, сказал: «Мы желали этот материал включить, да не смогли»¹⁶. Пропуск восполнили в контрольных цифрах на 1927—1928 гг. и попытались определить как общие доходы различных континентов населения, так и вклад частного и обобществленного производства. Сведения показали неуклонное, хотя и неравномерное, развитие экономики. Абсолютные доходы от сельского хозяйства постепенно увеличивались, но сокращались в относительном выражении. В 1926—1927 гг. они впервые составили менее 50% национального дохода. Самыми быстрыми темпами росли поступления от обобществленного сектора. Общий доход рабочих и служащих возрос как в абсолютных величинах, так и в сравнении с остальными группами. Доход буржуазии сохранился на прежнем уровне, но в сравнении уменьшился¹⁷. В сентябре 1927 г., незадолго до опубликования этих данных, в платформе оппозиции со ссылкой на выборочные цифры, представленные Институтом экономики Наркомфина, указывалось, что в 1926 г. средний доход крестьянина превысил доход 1925 г. на 19%, рабочего — на 26%, торговца и промышленника — на 46%. Отсюда попытались подвести следующий двухгодичный итог: «Валовой национальный доход увеличился, кулацкая прослойка в деревне расширила свои ресурсы с колоссальной быстротой, а накопления частных предпринимателей, торговцев и спекулянтов росли скачкообразно. Ясно, что доля рабочего класса в общих доходах страны снизилась, в то же время как доля других классов возросла»¹⁸.

Эта критика вызвала ожесточенную полемику на страницах «Дискуссионных листков», публиковавшихся газетой «Правда» в недели, предшествовавшие XV съезду партии, которой состоялся в декабре 1927 г.¹⁹ Главный результат обмена мнениями свелся к тому, что показал несостоятельность сравнения данных о доходах на душу населения с данными о доходах класса. Зафиксированное в контрольных цифрах Госплана увеличение совокупного дохода получающих зарплату рабочих и служащих явилось результатом численного роста работавших по найму — главным образом, конечно же, промышленных и строительных рабочих, — а

вовсе не индивидуальных заработков. Кроме того, те торговцы и промышленники, чей доход, согласно статистике Наркомфина, возрос в 1926 г. на 46%, по всем признакам принадлежали к высшей категории налогоплательщиков; их доход составил лишь 0,9% национального дохода. Можно было бы указать и на тот факт, что свои подсчеты, на которые ссылалась оппозиция, Наркомфин провел до того, как успело проявить себя интенсивное давление на торговцев и предпринимателей, оказывавшееся путем установления в 1926—1927 гг. контроля над ценами и прогрессивного налогообложения²⁰. Ко времени опубликования оппозиционной платформы капиталистическим элементам в экономике уже был нанесен сокрушительный удар. В конце 1927 г. комиссия Совнаркома определила, что «капиталисты» (то есть работодатели) составляли 8% населения и получили 14% национального дохода²¹. Однако основным итогом этих подсчетов явилось осознание расплывчатости всех применявшихся критериев и невозможности использовать сведения о национальном доходе в качестве исходного материала для классового анализа советского общества. Составители контрольных цифр указали в примечании, что «такие грубые группировки населения, как они даны в таблице, явно недостаточны для исследования распределения народного дохода»²².

б) Классовый подход

В знаменитом письме 1852 г. Маркс ставил себе в заслугу не открытие классовой борьбы, которую до него обнаружили другие, а того факта, что «существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства»²³. С удобной позиции середины XIX в. Маркс оглядывался на борьбу — к тому времени почти завершенную в большинстве развитых стран, хотя и не окончившуюся в остальном мире, — которая привела к свержению буржуазией прежнего феодального строя, и одновременно вглядывался в едва наметившуюся борьбу, которая должна была привести к свержению буржуазии пролетариатом. Он объяснял эти революционные перемены развитием производства, которое являлось результатом подъема капитализма и индустриальной революции. Этот блестящий диагноз пролил свет на многие аспекты истории XIX в. и воодушевил и великий революционный переворот в XX столетии. Но в марксовой картине будущего оказались не учтенными два непредвиденных обстоятельства. Во-первых, переворот XX в. произошел не в самых развитых странах, где буржуазный капитализм добился наибольшего триумфа, а в отсталых странах, где буржуазная революция еще не завершилась и где, следовательно, классовая ситуация не соответствовала марксистской модели. Во-вторых, к тому времени, когда переворот совершился, дальнейшее развитие техники и орга-

низационной структуры изменили характер производства и связанную с ним классовую борьбу таким образом, что возникли сомнения относительно безоговорочной состоятельности максистского классового метода. Марксистская партия, приученная к интеллектуальному анализу, была концептуально вынуждена оценивать с таких позиций и, следуя за «Коммунистическим Манифестом», исходить из предположения прогрессирующего деления общества «на два больших враждебных лагеря, на два больших, стоящих друг против друга класса — буржуазию и пролетариат». В Советском Союзе и оценки результатов переписки, и критика оппозиции строились на базе строго очерченной классовой структуры. Но именно данную посылку все больше ставил под сомнение сам ход событий.

Определение крестьянства как класса с давних пор является камнем преткновения марксистской теории²⁴. Меньшевики, которые никогда не считали, что ситуация в России созрела для пролетарской революции, могли рассматривать крестьянство как компактную массу и отождествлять ее с буржуазией. Настойчивое большевистское требование союза с основной частью крестьянства можно было примирить с традиционным классовым подходом, только предложив классовое деление крестьянства на тонкую верхнюю прослойку несомненно обуржуазившихся зажиточных крестьян и значительную массу бедняков и батраков, которые независимо от формальной классовой принадлежности (ведь лишь батраки могли быть реально отнесены к пролетариату) оставались верными союзниками пролетариата. Данная концепция, нашедшая отражение в политике военного коммунизма и в комитетах бедноты, после введения НЭПа отошла на задний план. Призывы «Лицом к деревне!» и «Обогащайся!» были рассчитаны на то, чтобы привлечь крестьянство в целом и смягчить классовые различия на селе. Здесь также сыграла свою роль двойственная притягательная сила социализма в одной стране. Касаясь в ноябре 1927 г. на партийной конференции Северо-Кавказского края значения «обывательской массы», Калинин в откровенной форме высказал то, что более ловкие проводники партийной линии нарядили бы в более скромные словесные одежды. Он, в частности, сказал: «Из обывателей, конечно, не сделаешь революционеров и не пропитаешь их революционно-марксистским духом».

С другой стороны, подобно тому как английский рабочий считает, что «нет ничего лучше, чем Англия», так и эти обыватели должны проникнуться идеей, что «советский строй — это лучший в мире строй, что ничто не может идти в сравнение во всех капиталистических государствах»²⁵. Социализм в одной стране с его ярко выраженным национальным подтекстом предполагал союз с крестьянством (даже с зажиточным) и признание наличия общей заинтересованности в строительстве социализма. В мае 1927 г. оппозиция в своем «заявлении 83-х» с сарказмом писала,

что «неправильная мелкобуржуазная теория социализма в одной стране» позволила большинству закрыть глаза на «классовое содержание происходящих экономических процессов»²⁶.

Теоретическая несостоятельность подхода партии к крестьянству нашла свое выражение в схоластических спорах, вращавшихся вокруг понятия «термидор». 9 термидора 1793 г. Робеспьера отправили на гильотину, революционный механизм экономического контроля ликвидировали, и промежуточное либеральное правление под развевающимися фальшивыми знаменами Жиронды проложила путь бонапартистской диктатуре. Эмигранты приветствовали кронштадское восстание в марте 1921 г. как «русский термидор»²⁷, а Троцкий в первые месяцы НЭПа считал проводимую экономическую политику «уступкой термидорианским настроениям и мелкобуржуазным тенденциям, необходимой для удержания власти пролетариатом»²⁸. Умиротворение крестьянина являлось сутью предполагаемого советского «термидора». В середине 20-х годов, когда политика Бухарина, казалось, была на подъеме, руководители оппозиции часто называли себя верными якоринцами и клеймили большинство как термидорианцев. Разногласия достигли апогея летом 1927 г., когда «Правда» опубликовала статью Марецкого (верного ученика Бухарина) «Так называемый „термидор“ и опасность перерождения» с критикой «неслыханных, клеветнических обвинений» со стороны Троцкого²⁹. В августе 1927 г. это нашло свое выражение в словесной перепалке между Троцким и Сольцем в ЦК партии³⁰ и в резолюции, принятой в конце совещания. В ней заявлялось, что оппозиция вынуждена была умолчать о своем заведомо клеветническом утверждении о перерождении руководства, так называемом «термидорианстве»³¹. Три месяца спустя Иоффе в письме к Троцкому, написанному перед самоубийством, заметил, что исключение Троцкого и Зиновьева из партии «должно неизбежно явиться началом термидорианского периода в революции»³².

Данный тезис не был лишен смысла. Однако базировавшийся на нем прогноз оказался опровергнут резким поворотом в политике, который после исключения оппозиции из партии сопровождался возвратом к командным методам военного коммунизма, возобновлением наступления на кулака, верой в классовую борьбу среди крестьянства, которая гарантировала поддержку партийной линии бедняцкими массами. В течение всего 1928 г. главной темой официальной пропаганды являлись назойливые обвинения кулака как классового врага. Но одновременно становилось очевидным, что данная цель слишком узка. Даже после расширения данной категории зажиточных крестьян многие (если не большинство) из тех, кто, вне всякого сомнения, принадлежал к середнякам, демонстрировали такое же, как кулак, враждебное отношение к тем жертвам, которых от них требовали в интересах индустриализации. Между тем и бедняки, и батраки, чья классовая помощь рассматривалась как что-то само собой разумеющееся, были сла-

быми и ненадежными союзниками. Классовый подход делал несостоятельным тот непреложный факт, что при столкновении пресловутое классовое деление крестьянства оказалось менее реалистичным, чем его классовая солидарность в вопросе сопротивления существующему строю. В октябре 1928 г. в своем докладе к предстоящим выборам в Советы Каганович, подтверждая исконную необходимость союза с крестьянством, признал, что существовали «известные противоречия» и что кулаков «поддерживает небольшая верхушка середняков, настроение которых неустойчивое». Вместе с тем он утверждал, ссылаясь на высказывание Ленина, что подобные колебания не могут быть значительными «при твердой пролетарской политике»³³. Менее благодушно настроенный автор статьи в журнале «Советское строительство» в то же самое время писал: «Мы все же не должны ни на минуту забывать, что население нашей страны в огромном большинстве остается мелкобуржуазным»³⁴.

Растущее давление в 1928—1929 гг., имеющее целью обеспечить продовольствием города и фабрики, а также ускорить индустриализацию, характеризовалось как борьба с буржуазией, в которой буржуазный ярлык навешивался не только кулакам и середнякам, но и всем, кто противился политике партии и правительства. Стремление двигать вперед индустриализацию головокружительными темпами заставило начиная с 1928 г. рассматривать крестьянство в качестве главного источника первоначального социалистического накопления. То, что затем произошло, с полным правом можно расценить как борьбу города с деревней или существующего строя с крестьянством и только с великой натяжкой назвать классовой борьбой, направленной против буржуазии.

Однако каким классом или от имени какого класса велась эта борьба? Данный вопрос обнажил ограниченность классового подхода и затруднения с теорией пролетарской революции в стране, где пролетариат был слишком слаб³⁵. Захват власти осуществила пролетарская партия под непролетарским руководством при поддержке крестьян. И с самого начала выражались сомнения (в том числе и со стороны Розы Люксембург) относительно пролетарского мандата революционного режима. Переориентация партии с разрушающей революционной миссии на конструктивную задачу государственного строительства требовала воспитания в собственных рядах или привлечения извне административных, управленческих и технических талантов, что в свою очередь изменяло характер самой партии и еще больше затушевывало ее классовую суть. Неловкие попытки сохранить пролетарский характер нового строя, подкрепляющиеся ссылками на союз с крестьянством и сторонниками из других классов, усвоившими пролетарскую идеологию, сопровождалась политикой набора в партию. Постоянно принимались меры для того чтобы подновить облик рабочей партии путем увеличения приема рабочих по социальному поло-

жению, и особенно «рабочих от станка»³⁶. Одновременно продолжалось вовлечение в партию членов любых социальных групп и категорий, выполнявших важные государственные функции. Аналогичным образом расширили и доктрину о партии. «Наша партия, — писал один из авторов, — не есть каста, т. е. замкнутая группа рабочих. Она — политическая организация, допускающая в свои ряды и выходцев из других классов, если они целиком и полностью перешли на идейные позиции рабочего класса, если они искренне готовы служить делу коммунизма»³⁷.

Рост рядов партии еще не способствовал поддержанию однородности ее состава. Увеличение пролетарской прослойки среди населения, зафиксированное во время переписи и с гордостью отмеченное Лариным, происходило за счет притока в ее ряды резервной армии крестьян. Но эти крестьяне не становились классово-сознательными пролетариями с момента поступления на предприятие или стройку. Значительные различия в тарифных ставках препятствовали установлению среди рабочих идейного единства и солидарности. В числе других на меняющееся лицо пролетариата и на наличие в нем самых разнообразных элементов обратил внимание и Бухарин³⁸. На Московской губернской партийной конференции в ноябре 1927 г. он признал, что «внутри самого рабочего класса происходят перегруппировки», обусловленные как изменениями в технологии, так и тем фактом, что в его среду вливаются люди, «которые впервые приходят на фабрику». Происходят процессы, которые «деформируют наши основные классы, раскрестьянивают крестьян и распролетариывают пролетариат»³⁹. Официальная доктрина поддерживала классовую концепцию революционного пролетариата только с помощью все менее реального отождествления пролетариата с партией, а партии — с партийным руководством, что представляло собой одну из форм «заменительств», давно разоблаченного Троцким⁴⁰.

Оппозиция, твердо придерживавшаяся классового подхода, остро сознавала очевидное снижение революционного потенциала пролетариата. В ноябре 1926 г. в неопубликованном меморандуме Троцкий следующим образом отметил тревожные симптомы: «Было бы неправильным игнорировать тот факт, что нынче пролетариат значительно меньше восприимчив к революционным проповедям и широким обобщениям, чем во время Октябрьской революции и в первые годы после нее... Подрастающее сейчас новое поколение не имеет опыта классовой борьбы и необходимой революционной закалки»⁴¹.

В письме Центральному Комитету партии от 11 февраля 1927 г. он отметил тот непреложный факт, что «пролетариат всегда равен себе», что десять лет назад пролетариат был значительно более сознательным, и объяснил пассивность рабочих тем, что революция не смогла реализовать собственные обещания и надежды и обеспечить рабочим более высокий, чем прежде, жизненный уровень⁴². Гипотеза о массах классово-сознательных рабочих, го-

товых по призыву оппозиции довести революцию до окончательной победы и приступить к строительству нового социалистического строя, оказалась такой же иллюзорной, как и сталинский постулат о делении крестьянства на классы. Можно справедливо говорить о небольшом по численности классово-сознательном заводском пролетариате 1917 г. как об авангарде революции. На фабриках и заводах сохранились остатки этого передового пролетариата, способного привнести революционную динамику в движение за индустриализацию. И действительно, выдающиеся достижения советской индустриализации можно объяснить только исходя из гипотезы энтузиазма, который, воодушевив плановиков и директоров, проник и в определенные слои рабочих. Однако массам пролетариата конца 20-х годов — понесшим ощутимые потери во время революции и гражданской войны, разбавленным притоком из деревни необученных крестьян, запуганным длительной безработицей, лишенным классового сознания и чувства солидарности, которые прививались в процессе борьбы с капитализмом, — неоставало ни революционной инициативы, ни сил для сопротивления властям. Эти массы были слишком задавлены нуждой и трудностями повседневной жизни, чтобы строить планы на будущее, за которые стоило сражаться. На призывы оппозиции они не обращали внимания. Когда же во время празднования годовщины Октябрьской революции оппозиция, несмотря на пылкую поддержку небольшой кучки преданных сторонников, не смогла пробиться сквозь апатию масс рабочих, должно быть, оправдались или даже были превзойдены самые худшие опасения Троцкого. Исключение из партии и высылка оппозиции, прошедшие опять же без какой-либо существенной реакции пролетариата, не только положили конец всяким публичным спорам, но и свидетельствовали о происходящих более глубоких процессах, чем простое бюрократическое извращение партийной политики.

В августе 1928 г. Раковский в письме из астраханской ссылки другому члену оппозиции дал наиболее полный анализ причин «пассивности масс, включая массы коммунистов». Он начал с классического сравнения с Французской революцией. Третье сословие, свергнувшее самодержавный строй Франции, само распалось. И не только благодаря внутренним классовым различиям, но и из-за различий функционального порядка. После того как революционная партия взяла власть, некоторые из победителей стали новыми правителями. Функциональные различия отделили их от прежних товарищей и изменили характер самой партии. Участие всего третьего сословия в правительстве — это миф. Еще до «термидора» власть перешла «в руки постоянно уменьшавшегося числа граждан». Когда класс в ходе революции взял власть, «определенная часть класса превратилась в агентов этой самой власти». Разрушилось единство, которым обладал класс до тех пор, пока он являлся жертвой угнетения. Так случилось и в русской революции. Представители пролетариата поднялись до от-

ветственных постов и стали пользоваться привилегиями нового, «если не экономического, то социального статуса...» («автомобили, квартиры, регулярные отпуска и т. д.»). Эти люди «изменились до такой степени, что они перестали не только «объективно», но и «субъективно», не только физически, но и морально, быть представителями рабочего класса»; следовательно, «советская и партийная бюрократия — это феномены нового строя». Политическое просвещение нового правящего класса, по словам Раковского, представляет собой медленное и трудное дело. «Ни один класс не рождается с искусством правления». Вместе с тем следует учитывать суровые испытания прошедших десяти лет. *«Ни физически, ни морально»* не остались прежними ни рабочий класс, ни партия. Сколько занятых теперь в промышленности являлись рабочими еще до революции? Сколько вновь принятых представляли собой «полупролетарские, полукрестьянские», даже «полуплюмпен-пролетарские элементы»? Одной ступенью ниже большая масса безработных жила в нужде на маленькую государственную дотацию, нищенствуя, воруя и занимаясь проституцией. В результате ленинского набора 1924 г. членами партии и комсомола стали люди, которые не имели «никакого представления о том, какой порядок существовал в партии прежде». «Большевик 1917 года едва ли узнал бы себя в большевике 1928 года». Спасение якобы можно было найти только в рождении нового классового сознания. «Прежде это классовое сознание приобреталось в борьбе против капитализма, нынче его нужно приобретать путем устатия в строительстве социализма».

Раковский закончил на пессимистической ноте. Партийная бюрократия делала личное участие «пустым звуком». И всякая надежда на реформу, зависевшую от бюрократии, являлась «утопией»⁴³. И хотя Троцкий, будучи страстным и неугомонным политиком, не мог разделить холодной интеллектуальной отрешенности Раковского, он, по-видимому, согласился с подобным диагнозом, ибо после выдворения из Советского Союза он характеризовал оппозицию как опиравшуюся не на «массовое действие», а на «идейное разъединение», и добавил, что «это соответствовало характеру нашего периода»⁴⁴.

Двойственный ход революционного процесса в СССР, несомненно, отчасти обуславливался русским прошлым⁴⁵, но в основном — изменениями, произошедшими в описываемый период. Критерий класса, определяемого в марксистской теории в зависимости от характера отношений к средствам производства, убедительно обосновывал господствующее положение буржуазии в обществе XIX в. Марксизм являлся продуктом буржуазной революции и отношений государства к обществу, которые строились в соответствии с принципом *laissez-faire*. Буржуазия стала экономически господствующим классом и в силу этого господства завладела политической властью. Политика представляла собой надстройку

над экономическим базисом. Политическое верховенство капитализма сопутствовало экономическому верховенству, будучи вспомогательным фактором. К концу столетия общую картину начали нарушать политические противоречия. Экономика больше не являлась автономным организмом (даже в прежних фактических границах), функционировавшим независимо от государства. В конце жизни Энгельс все более был склонен признавать, что «экономическое движение... будет испытывать на себе и обратное действие политического движения, которое оно само создало и которое обладает относительной самостоятельностью», что, хотя экономическое развитие «в конечном счете» решающее, оно испытывает «влияние политического и идеологического развития»⁴⁶. Для поддержания и стимулирования неустойчивой капиталистической экономики все более открыто требовалась помощь государства. Теперь экономического главенства можно было достигнуть только через политическую власть. Ленин неоднократно подчеркивал первенство политики в осуществлении Октябрьской революции⁴⁷. Троцкий писал, что «верховенство социалистических тенденций над мелкобуржуазными» обеспечивалось исключительно «политическими мерами, предпринятыми диктатурой», и что «таким образом характер экономики в целом зависел от характера государственной власти»⁴⁸. Экономическую концепцию правящего класса сменила политическая концепция правящей партии или группы. Такая перемена являлась признаком менявшихся позиций и политики. И в партийных чистках, и в решениях судов классовый подход утратил в известной мере свое значение, как существенный критерий⁴⁹. В конце 20-х годов классовому методу позволили исчезнуть (сохранилось лишь название)⁵⁰. Партия стала узаконенной внешней формой гипотетической диктатуры пролетариата⁵¹.

в) Индустриальная революция

Марксистские гипотезы относительно порядка следования буржуазной и социалистической революций занимали главное место во всех размышлениях русских о характере грядущей революции. «Легальные марксисты» могли считать себя марксистами именно потому, что жили в ожидании капиталистической революции в России. В вопросах взаимосвязи обеих революций Ленин всегда был до некоторой степени прагматиком. «Ведь мы же все, — писал он в 1905 г., — противопоставляем буржуазную революцию и социалистическую, мы все безусловно настаиваем на необходимости строжайшего различения их, а разве можно отрицать, что в истории отдельные, частные элементы того и другого переворота переплетаются?»⁵²

В декабре 1916 года в письме Инессе Арманд Ленин, заявив, что «социалистическая революция невозможна без борьбы за демократию», сделал вывод о том, что нужно уметь «соединить

борьбу за демократию и борьбу за социалистическую революцию, подчиняя первую второй»⁵³. Прибыв в апреле 1917 г. на Финляндский вокзал Петрограда, он приветствовал русскую революцию как предвестницу «всемирной социалистической революции». В Апрельских тезисах Ленин заявил колебавшейся партии, что руководство русской революцией должен взять на себя пролетариат и большевики в качестве его представителей. Вместе с тем в тезисах отвергалась идея о введении социализма в России как непосредственной задаче⁵⁴. Небольшой классово-сознательный петроградский пролетариат выполнил роль передового отряда во время победоносного Октябрьского переворота. Вместе с тем революция подтвердила право крестьянина на владение землей, которую он обрабатывал, а это был, по сути, буржуазный идеал. В первоначальных заявлениях победителей переворот назывался «рабоче-крестьянской революцией». И если слово «социализм» вообще появлялось, то лишь в качестве обозначения цели будущего, а не непосредственной задачи. Таким образом, Октябрьская революция, хотя ею и руководил пролетариат, содержала как буржуазные, так и пролетарские элементы. Революция выполняла двойную функцию: завершения буржуазной революции и перехода к революции социалистической. Это в полной мере относилось как к промышленности, так и к сельскому хозяйству. Накануне Октябрьской революции Ленин назвал «государственно-монополистический капитализм» (наиболее позднюю и самую развитую форму капитализма) «шагом по пути к социализму», а весной 1918 г. он с готовностью использовал термин «государственный капитализм» для описания экономического строя, установленного революционным правительством, и приветствовал его как «шаг вперед» и «как победу»⁵⁵. Построение социалистического порядка в изолированной, преимущественно крестьянской, промышленно отсталой стране и не мыслилось. Это представлялось возможным только в контексте «всемирной социалистической революции», в которой ведущая роль принадлежала бы индустриально развитым странам, давно осуществившим промышленную революцию. Индустриализация являлась существенной предпосылкой социалистической революции⁵⁶.

Однако выдержать рамки, установленные даже хорошо обоснованными, но чисто академическими различиями, в суматохе революции и послереволюционного периода было трудно. Роспуск Учредительного собрания, где меньшевик Церетели осудил «попытки ввести социалистическую экономику в отсталой стране», разрыв с левыми эсерами, выражавшими мелкобуржуазные устремления крестьянства, начавшаяся гражданская война, которая сплотила буржуазно-капиталистические правительства Запада против революционного строя, — все это ускорило разделение мира на два враждебных и борющихся лагеря: буржуазного капитализма и пролетарского социализма. И это разделение, подтвердившее марксистский прогноз, по-видимому, сделало бесплодной вся-

кую буржуазную программу, все еще существовавшую в русской революции, и погнало ее с головокружительной скоростью по дороге, ведущей к социализму. В январе 1918 г. Ленин в неопубликованном меморандуме писал о «конкретизации первых шагов к социализму»⁵⁷. Весной 1918 г. он с оптимизмом заявил, что Советская Россия «в несколько месяцев» прошла через этапы революции, «на что другие страны тратили десятилетия», что «капитализм теперь дорос до социализма»⁵⁸. Гражданская война принесла с собой крах денежной системы, реквизиции и rationирования. В приступе отчаяния эти жестокие, необходимые меры приветствовались как социалистические достижения и стали именоваться «военным коммунизмом». Создание комитетов бедноты в июне 1918 г., с помощью которых планировали ускорить изъятие хлебных излишков у зажиточных крестьян, Ленин назвал «Октябрьской (то есть пролетарской) революцией» в деревне и с торжеством заявил, что, осуществляя эту меру, «мы пересекли черту, отделявшую буржуазную от пролетарской революции»⁵⁹.

Вскоре комитеты были распущены. За окончанием гражданской войны последовал НЭП. Политику военного коммунизма раскритиковали, и от нее отказались. Весь период середины 20-х годов продолжалась политика умиротворения крестьянина, которого побуждали использовать свой участок земли для извлечения личной прибыли. Теоретически такое отступление должно было бы подтвердить прежнюю оценку относительно двойственного характера революции. Но, как видно, теперь робость была уже неуместной. Победоносная революция отразила атаки международной буржуазии и ее русских агентов. НЭП, будучи формально отступлением, в действительности явился сигналом для нового движения вперед, которое могло быть только движением к социализму. Сомнения в пролетарской, социалистической природе революции казались уже мелочными, не стоящими внимания придирками, скатыванием на меньшевистские позиции. Через шесть месяцев после введения НЭПа, в ходе подготовки к 4-ой годовщине революции, Ленин вновь попытался определить взаимную связь между двумя революциями. Он, в частности, писал: «Мы решали вопросы буржуазно-демократической революции похода, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей пролетарско-революционной, социалистической работы... Буржуазно-демократические преобразования... есть побочный продукт пролетарской, то есть социалистической революции».

Буржуазно-демократическая революция будто бы «переросла» в революцию пролетарско-социалистическую. «Борьба, и только борьба решает, насколько удастся второй перерасти в первую»⁶⁰.

Оставалось лишь дать перерастанию конкретное содержание. Оно означало переход от мелких индивидуальных к крупным коллективным формам земледелия — вращение в социализм. Но прежде всего перерастание означало крупномасштабную индустриализацию, которая всегда была важной составной частью бур-

жуазных революций в западных странах, а в советских условиях могла рассматриваться как завершение буржуазной революции. В мае 1921 г. Ленин твердо объявил крупную промышленность «действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества», а через несколько недель на III конгрессе Коминтерна он повторил, что «единственной возможной экономической основой социализма является крупная машинная индустрия»⁶¹.

Для Маркса, работавшего в середине XIX столетия и в Западной Европе, было естественным думать о промышленной революции, о взрыве технологических новшеств и экономической экспансии, кардинальным фактором которой являлась индустриализация, как о явлениях, связанных единственно с буржуазной революцией, с переходом от феодализма к капитализму, от докапиталистической к капиталистической экономике. В конце жизни Маркс, испытывая давление со стороны своих русских последователей, был готов признать, что Россия при благоприятных условиях может «избегать всех взлетов и падений капиталистического строя», что «современное русское землевладение может явиться исходным пунктом коммунистического развития»⁶². Однако Маркс не развил это положение, и проблема индустриальной революции в стране, миновавшей стадию капитализма, никем из теоретиков-марксистов не рассматривалась. Данный пробел предстояло теперь восполнить советским политическим руководителям. Поскольку никто — и меньше всего сам Маркс — не считал, что социалистический строй можно создать на базе крестьянской экономики, было ясно, что индустриальную революцию как условие реализации социализма нужно совершить и довести до конца, используя все доступные ресурсы современной технологии. Моделью советской индустриализации могли бы служить европейский и американский опыт XIX столетия. Однако новую индустриальную и социалистическую революции можно было бы рассматривать и как два аспекта одного процесса, напоминающего процесс «непрерывной» или «перманентной» революции. Индустриализация, до тех пор считавшаяся продуктом буржуазной революции, стала частью пролетарской революции. Обе стадии слились воедино, и проблеме двойственного характера Октябрьской революции уже можно было обойти. Попытка объединить индустриальную и пролетарскую революции в единое целое и относиться к первой, как к составной части второй, была в известной мере объяснима. Индустриализация означала больше рабочих мест для трудящихся и сопровождалась непрерывающимся восхвалением роли рабочих в строительстве социализма и лежащих впереди блестящих перспектив. Как бы официальная пропаганда не затушевывала этот факт, было хорошо известно, что индустриализация принесла рабочим развитых промышленных стран более высокий уровень жизни. Индустриальная революция, сопутствовавшая буржуазной революции, привела к господству буржуазии

и созданию буржуазного общества. Поэтому предполагалось, что индустриальная революция, как один из элементов пролетарской революции, приведет к господству пролетариата и к образованию бесклассового общества.

Гипотезу, стремившуюся приравнять советскую индустриальную революцию к прошлой буржуазной индустриальной революции, портил целый ряд ошибочных посылок. Основы индустриальной революции в Западной Европе закладывались заблаговременно возраставшим экономическим могуществом буржуазии. Индустриализация представляла собой только следующий, решающий шаг на этом подъеме. Промышленность являлась сознательным творением индивидуальных буржуазных предпринимателей, действовавших в собственных интересах. Советская индустриализация середины 20-х годов представляла собой коллективное предприятие, на которое толкало желание догнать Запад и обеспечить СССР средствами защиты, способными противостоять превосходящей военной и экономической мощи западных держав. В известном смысле это было продолжением политики индустриализации, которую так робко проводила Россия до 1914 г. Но к индустриализации побуждало и глубокое марксистское убеждение в том, что нельзя создать социалистический порядок в преимущественно крестьянской стране, что обязательным условием решения этой задачи является создание современной промышленности, что в этом смысле индустриальная революция должна предшествовать завершению революции пролетарской. В подобных условиях промышленность не являлась сознательным творением пролетариата, как в случае с буржуазией; вернее было бы сказать, что пролетариат существовал ради промышленности. В своем выступлении в ноябре 1925 г. Каменев произнес странную и разоблачительную фразу. По его словам, партия поддерживала пролетариат не потому, что «мы особенно любим пролетариат или считаем пролетариат помазанным каким-то особым елеем», а потому, что он лучше, чем крестьянство, подготовлен к строительству социализма⁶³.

Отсюда следовало, что партия, проводившая и направлявшая борьбу, осуществляла политику, нацеленную прежде всего на укрепление страны политически и экономически, а не на защиту сугубо пролетарских интересов. Поляризацию между буржуазией и пролетариатом, вызванную индустриальной революцией XIX в., теперь сменила поляризация между теми, кто планировал и направлял экономическую деятельность, и теми, кто ее осуществлял. Отношение Маркса к управлению в промышленности было двойственным. Он признавал, что «совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, нуждается в большей или меньшей степени в управлении», и сравнил данную функцию с функцией дирижера оркестра. Это был, по существу, «производственный труд, выполнять который необходимо при всяком комбинированном способе производства». Вместе с тем Маркс пред-

полагал, что эксплуатирующие и антагонистические элементы, присущие руководящей функции, являлись побочным продуктом капитализма и классовой системы и что в бесклассовом обществе подобный контроль утратил свой антагонистический и деспотический характер⁶⁴. В первом наброске работы «Гражданская война во Франции» он писал, что условия требовали «новой организации производства или, вернее, избавления (освобождения) общественных форм производства при существующем организованном труде (порожденном современной промышленностью) от пут рабства, от их нынешнего классового характера»⁶⁵, а Энгельс писал о «таком строе, который предоставит каждому члену общества возможность участвовать не только в производстве, но и в распределении и управлении общественными богатствами»⁶⁶. Вместе с тем не было ничего такого ни в растущей сложности современной индустриальной технологии, ни в практике советской промышленности, что оправдывало бы столь радужные надежды. В едкой реплике, что диктатура пролетариата превратилась в диктатуру над пролетариатом, была определенная доля правды.

Но в аналогии между двумя индустриальными революциями присутствовало и еще одно заблуждение. В Западной Европе меркантильный капитализм и связанный с ним образ жизни и мышления глубоко проникли в предшествовавший общественный порядок еще до того, как вопрос об индустриальной революции встал на повестку дня. Это прежде всего относится к Великобритании, родине первой промышленной революции. Постепенное выдвигание на передний план буржуазии способствовало усвоению ею всего спектра современной культуры и опыта управления, а также прогрессивному слиянию со значительной частью старого правящего класса. Буржуазия не нуждалась в предварительной подготовке ни для политической, ни для индустриальной революции. У российского пролетариата отсутствовала всякая подготовка. И если Ленин был прав, полагая, что пролетариат не в состоянии совершить революцию без интеллектуальной элиты, способной обеспечить руководство и привить пролетариату классовое сознание, то тем более не вызывало сомнения, что пролетариат после провозглашения победы нуждался в аналогичном и более сильном подкреплении для осуществления экономической и политической власти. В одном из своих последних публичных выступлений Ленин заявил, что пройдут «годы и годы», прежде чем пролетариат окажется в состоянии поднять собственный управленческий аппарат «на высшие ступени культуры»⁶⁷. Будучи уже прикованным к постели, он пришел к выводу, что «политический и социальный переворот оказался предшественником... культурной революции»⁶⁸. В последней опубликованной статье Ленин осторожно признал, что «нам тоже не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки»⁶⁹. Едва ли все это под-

тверждало аналогию между пролетарской и буржуазной революциями. Победоносный советский пролетариат не располагал теми ресурсами, которые позволили победоносной буржуазии столетием раньше закрепить свою победу. Он не был и не мог быть правящим классом⁷⁰. Диктатура пролетариата, которой предстояло заполнить интервал до того периода, когда классы вообще исчезнут, представляла собой политический миф.

Третье и наиболее существенное заблуждение, связанное с упомянутой аналогией, заключалось в том, что в ней не учитывались различия разных исторических периодов. Индустриальные революции континентальной Европы, хотя и стимулированные примером английской промышленной революции, тем не менее отличались от нее существенными чертами. Самостоятельные усилия значительного числа индивидуальных предпринимателей создали в Англии внушительную, но во многом бессистемную промышленную структуру, и данный пример нельзя было копировать. В Европе середины XIX столетия индустриализация уже потребовала более передовой технологии, более крупных капиталовложений и более сложной организации, а это в свою очередь делало необходимым более продуманное, коллективное планирование, которое обеспечивали главным образом банки. Начавшаяся в России в 90-х годах XIX столетия индустриальная революция проходила уже на другом уровне. Мотивом ей служила не частная выгода, а национальный интерес, и была она результатом деятельности не индивидуальных предпринимателей, а в основном крупных объединений. Главной движущей силой была не буржуазия, или какая-либо ее часть, а государство. Ход истории в корне изменил и в некотором роде вывернул наизнанку первоначальные характерные черты индустриальной революции.

Когда советское руководство взялось решать задачу индустриализации, идея повторения пути буржуазной промышленной революции не представлялась более состоятельной. Стремление «легальных марксистов» побыстрее приблизить тот день, когда Россия созрела бы для буржуазной революции, являлось неверным и устаревшим. Мир уже миновал эту идею, и ее нельзя было ни вернуть, ни повторить. В корне ошибочным являлся любой анализ, основанный на сравнении и сопоставлении буржуазной концепции индустриальной революции и такой же революции, осуществлявшейся в Советском Союзе; таким же ошибочным был любой анализ, рассматривавший вторую как искаженный вариант первой и связанный с выводом о том, чтобы перегибы советской индустриализации можно было бы избежать при следовании западному образцу. Теперь индустриальная революция неразрывно увязывалась с концепцией государственного плана, а поскольку планирование представляло собой признанный и широко разрекламированный инструмент социализма и государственной политики, то доктрина о социализме в одной стране обеспечивала ей солидную исходную базу. Слово «социализм» ис-

пользовалось, по сути, в двояком смысле, и множество споров с оппозицией относительно строительства социализма в Советском Союзе возникло именно из-за данной двойственности. Советская программа индустриальной революции решительно отвергала буржуазную модель такой революции и основывалась на концепции централизованного планирования во имя коллективных интересов общества. В этом смысле ее социалистический мандат был безупречным, а скептицизм оппозиции необоснованным. Но в том смысле, в котором социализм отождествлялся с намерениями или достижениями пролетариата и объявлял социальное равенство своей целью, ее нельзя было назвать социалистической. «Правильная политика рабочего государства, — заметил Троцкий, — не может быть сведена лишь к строительству народного хозяйства»⁷¹. Это была не пролетарская революция; и не только в смысле, в котором первоначальная индустриальная революция являлась буржуазной, но вообще в любом другом смысле, который можно было бы в тот момент в нее вложить. Русская революция не реализовала представлений Маркса и Ленина о пролетарской революции. Они имели в виду процесс эмансипации человека, который ликвидировал бы эксплуатацию, а вовсе не революцию, которая навязала бы массам новые формы неравенства, новые формы бюрократической организации и угнетения⁷².

Эта индустриальная революция нового типа, будучи в некотором смысле социалистической, не могла называться ни буржуазной, ни пролетарской. Ею двигала политически ориентированная и организованная правящая группа, ядро которой составлял узкий круг партийных руководителей, принимавших все важные политические решения. В конце 20-х годов члены этого круга концентрировались в Политбюро, позднее — в личном окружении Сталина. Однако высшие политические руководители, даже единоличные, не могут действовать в изоляции. Они нуждаются не только в твердой поддержке армии и полиции, чтобы охранять свою власть от любых беспорядков, но и в активном сотрудничестве правящей группы, которая выполняет, истолковывает, дополняет их решения и осуществляет повседневную политику правительства.

Как и в любом другом обществе со сложной структурой, правящая группа Советского Союза была по необходимости довольно обширной и состояла из лиц, обладавших самым разнообразным опытом и знаниями. Она включала не только лиц, назначенных на ключевые партийные и государственные посты центральными партийными органами⁷³, но администраторов и управленцев, технических и других специалистов, научных работников и писателей. Большинство из них не были известны за пределами сферы конкретной деятельности. Их объединяла решимость служить новому режиму и руководить подчиненными в соответствии с его требованиями. Эти «руководящие кадры», которые не всег-

да были рабочими по социальному положению и редко — по роду занятий, являлись механиками индустриальной революции и командирами созданного ею общества. Находясь ниже верховного руководства, но над громадным бюрократическим аппаратом служащих, эта группа обладала статусом, напоминавшим правящий класс XIX столетия⁷⁴. Но это не был экономический класс. Конечно, они располагали многими экономическими привилегиями, однако привилегированное экономическое положение больше не составляло, как в западном буржуазном обществе, основу политической власти. Это положение само было присвоено с помощью политической власти, а отдельные экономические привилегии предоставлялись рядовым членам партии и даже беспартийным «активистам» в качестве вознаграждения за лояльную поддержку правящей группы.

Начавшуюся с введением первого пятилетнего плана под их покровительством советскую индустриальную революцию по размаху можно было бы сравнить с индустриальной революцией Запада, однако она осуществлялась в иных условиях, другими методами и более быстрыми темпами. Это была экономическая революция, направлявшаяся политическими решениями и инициативными действиями правящей группы. Законы рынка и стремление к получению прибыли, которые привели в движение первичные процессы прежней индустриализации, больше не соответствовали уровню и сложности современной индустриальной технологии. Первые не сразу окупающие себя проекты требовали плановых инвестиций из общественных фондов. Главенство потребителя (нынче потускневший миф даже в капиталистическом хозяйстве) заменило казенное планирование. В стране, где крестьяне, жившие в бедности, составляли большинство населения, интеграция крестьянина в индустриальное общество являлась результатом не косвенного экономического принуждения, а прямого политического давления. Марксистская теория об отмирании политического контроля государства, при сохранении и организации контроля на кооперативной основе⁷⁵, могла быть реализована только в обществе, в котором политика и экономика представляли бы собой разделенные или разделяемые сущности. Она не имела применения в том мире, где хозяйственные цели достигались путем политического диктата и контроля. Резолюция XVI партийной конференции, в апреле 1929 г. одобрявшая пятилетний план, странным образом поставила в один ряд государство, партию и пролетариат в качестве руководителей хозяйственной политики. В ней, в частности, говорилось: «Великая историческая задача построения социалистического общества, стоящая перед диктатурой пролетариата, действительно требует концентрации усилий партии, государства и рабочего класса на вопросах хозяйственной политики»⁷⁶.

Вера в укрепление государственной власти для достижения экономических целей внутренне присуща всякому планированию.

После конца 20-х годов индустриальная революция бодро пошла путем «революции сверху». Как видно, данное выражение родилось в 1848 г.⁷⁷, когда массовое революционное движение потерпело поражение и революционные перемены были осуществлены сверху. В одной из статей в 1859 г. Маркс указал, что «реакция выполняет программу революции», и заключил, что Луи-Наполеон стал «душеприказчиком революции 1789 г.»⁷⁸ В 1882 г. в письме к Каутскому Энгельс заметил, что «действительные, не иллюзорные задачи революции всегда разрешаются в результате этой революции», что Бонапарт, Кавур и Бисмарк являлись «душеприказчиками революции» в том смысле, что они «восстановили угнетенные и раздробленные национальности Средней Европы, поскольку они вообще были жизнеспособны и, в частности, созрели для независимости». Важным являлось то обстоятельство, что «интернациональное движение пролетариата вообще возможно лишь в среде самостоятельных наций»⁷⁹. В 1891 г. в критике Эрфуртской программы немецкой социал-демократической партии он писал, что «революцию сверху» 1866 и 1870 гг. следует не поворачивать вспять, а дополнить и улучшить движением «снизу»⁸⁰. В последний год своей жизни Энгельс вернулся к данной теме и, ссылаясь на переворот Луи Бонапарта, совершенный в декабре 1851 г., в введении к новому изданию работы Маркса «Классовая борьба во Франции» писал: «Период революций снизу на время закончился; последовал период революций сверху».

В 1866 г., заключил Энгельс, Бисмарк, подражая Луи Бонапарту, «произвел свой государственный переворот, свою революцию сверху», и «могильщики революции 1848 года стали ее душеприказчиками»⁸¹. Было бы неправильно стараться прочесть в этой фразе что-то большее, чем просто понятие «революции сверху» как временного заменителя «революции снизу» в период, когда постепенно исчезли перспективы прямых массовых выступлений. В труде «Гражданская война во Франции» Маркс описывал вторую империю как «единственно возможную форму правления в такое время, когда буржуазия уже потеряла способность управлять нацией, а рабочий класс еще не приобрел этой способности»⁸². Ленин, стремившийся оживить и реабилитировать марксизм, никогда не терял веры в массы. И возможно, знаменателен тот факт, что у него единственное упоминание «революции сверху» связано с цитатой Энгельса, в которой она рассматривалась как что-то требующее дополнения «движением снизу»⁸³. Не исключено, что ленинская концепция партийного авангарда, которому предстояло внести революционное сознание в массы, содержала скрытые зерна «революции сверху». Вместе с тем до конца своей жизни Ленин верил в то, что плоды завершенной буржуазно-демократической революции можно собрать только в ходе пролетарско-социалистической революции. Любая идея относительно их внутренней несовместимости была бы решительно отвергнута.

В конце 20-х годов общая картина претерпела едва уловимые изменения. Первоначальная концепция пролетарской или социалистической революции, унаследованная Лениным от Маркса, незаметно соединилась и растворилась в сталинской индустриальной революции сверху. Данный процесс является ключом к загадочному периоду первого пятилетнего плана и к роли Сталина, типичного представителя того периода. Индустриальная революция и коллективизация сельского хозяйства шли рука об руку. Это к последней Сталин неосторожно применил выражение «революция сверху»⁸⁴. Личность Сталина в сочетании с грубыми и жестокими традициями русской бюрократии придали революции сверху особенно зверские черты, которые порой заслоняли затронутые главные исторические проблемы. Двигая вперед с головокружительной быстротой индустриальную революцию, постоянно указывая на необходимость догнать Запад, Сталин оказался более упрямым, более беспощадным и более удачливым революционером, чем остальные партийные руководители. Несомненно, этим объясняется та поддержка, которой он пользовался длительное время⁸⁵. Но Сталин также (опять же более последовательно и более грубо, чем любой другой руководитель) прервал признанную связь между индустриальной революцией сверху и пролетарской революцией снизу. Было уже не совсем ясно, в каком смысле правительство вообще выступало за революцию. Варга, будучи откровеннее и менее осторожным, чем другие политики, выболтал неудобную истину в своем выступлении на VI конгрессе Коминтерна в 1928 г., то есть в тот момент, когда первый пятилетний план обретал форму. «В капиталистических странах, — сказал он, — мы за революцию; в СССР — мы за эволюцию, за внутренний мир, за мирное развитие к социализму»⁸⁶.

Действуя, Сталин эксплуатировал рабочих также безжалостно и с таким же пренебрежением к ним, как и крестьян. Он разгромил оппозицию, сокрушил и в конце концов уничтожил старых партийных руководителей ленинской школы, кто сохранил верность идеалам пролетарской революции и рассматривал индустриальную революцию, как составную, но подчиненную часть первой. Наиболее видными жертвами сталинских чисток на всех уровнях стали старые партийцы, которые не могли стерпеть глумления Сталина над их революционной верой. Чистки были больше похожи на «белый», чем на «красный» террор. Их главные авторы выступили в облики контрреволюционных чудовищ. Те, кто доказывал, что «термидор» немыслим в стране, где крупное производство находилось под прямым государственным контролем⁸⁷, игнорировали двойственный характер революции и наличие термидорианских элементов в самом революционном государстве. Сталин предстал перед русской революцией и историей в двух лицах: как революционер и как контрреволюционер. Здесь нашел отражение двойственный характер того периода. Указание Энгельса на роль Наполеона III, Кавура и Бисмарка, которые, про-

водя реакционную политику и надевая военную форму, способствовали созреванию в своих странах капиталистической революции, могло служить любопытной аналогией. В диктатуре Сталина отразились и помпезность Наполеона III, и циничная дипломатия Кавура, и железная дисциплина Бисмарка.

Двойственным характером революции объяснялось и заметное различие в ее воздействии на восточные и западные страны. В последней опубликованной статье Ленин обнаружил революционные возможности в «странах, впервые втянутых войною в цивилизацию, в странах всего Востока, неевропейских странах» и полагал, что России, возможно, положено судьбой быть посредником в передаче им революционного опыта Запада⁸⁸. Когда в конце 20-х годов Советский Союз стал распространять свое влияние в Азии, там начало складываться представление о нем, как о сильном государстве, переживающем процесс индустриализации, который может служить примером для подражания менее развитым странам, желающим следовать этим же путем. В странах, где перспективы буржуазной революции были призрачными, а пролетарская революция не имела бы смысла, индустриальная революция занимала одно из главных мест в повестке дня. В передовых западных государствах с развитым и организованным рабочим классом, для которых марксистская теория предусматривала пролетарскую революцию, впечатление от русской революции было иным и во многом отрицательным. Заложенная в Коммунистическом Интернационале идея руководства со стороны слабого и отсталого российского пролетариата более зажиточным и просвещенным рабочим классом Запада была с самого начала обречена на неудачу. В странах, где индустриальные революции уже принадлежали истории, советские достижения привлекали не рабочих, которые по уровню жизни и цивилизованности далеко опередили своих собратьев в бедном и относительно отсталом Советском Союзе, а экономистов, политиков и капитанов индустрии, заинтересованных в планировании и производительности труда. Япония, единственная азиатская страна, разделившая с Западом опыт индустриализации, реагировала на русскую революцию по западному образцу. Из советских достижений впечатление производил новый стиль индустриальной революции. Однако иллюзорность пролетарской революции ослабляла и постоянно заставляла тускнеть эти достижения, отталкивая тех, кто поначалу находилсь под их впечатлением.

Странно искаженное сочетание буржуазной и социалистической революций, произошедшее в российской индустриальной революции, выдвинуло проблемы, которые могли бы стать непреодолимыми даже в более благоприятных условиях. Первая буржуазная индустриальная революция, также проведенная без помощи иностранного капитала, но стихийно и без всякого плана, была тоже связана с повсеместным насильственным принуждением сопротивлявшихся крестьян. Обсуждая в 1843 г. с одним из русских

общественных деятелей перспективы капиталистической революции, Энгельс в письме высказал предположение, что подобная революция будет еще ужаснее, чем капиталистические революции Запада. Он, в частности, писал: «Переход от первобытного, аграрного коммунизма к капиталистическому индустриализму не может произойти без ужасной ломки общества, без исчезновения целых классов и превращения их в другие классы; а какие огромные страдания, какую растрату человеческих жизней и производительных сил это неизбежно влечет за собой, мы видели уже, хотя и в меньшем масштабе, в Западной Европе»⁸⁹.

Страдания, причиненные буржуазной индустриальной революцией, можно было отнести на счет слепых экономических законов или отдельных беспринципных личностей. Насильственные акции советской индустриальной революции, проходившей в условиях передовой технологии и современной хозяйственной организации, очевидно, были результатом продуманных решений центральных специалистов-плановиков и партийных руководителей. И это обстоятельство в сочетании с более грубыми и примитивными социальными и политическими условиями, в которых революция происходила, придало ей особо суровый и бесчеловечный характер. К концу 20-х годов от первоначальной революционной веры осталось только убеждение, что интенсивная индустриализация в конечном итоге повысит материальное благосостояние настолько, что сформируется совершенно новое общество, в котором прежде угнетенным классам будет отведена достойная и доминирующая роль. И указание на двоякую цель этой революции — гибрида (материальный прогресс и освобождение угнетенных) подкрепили указанием на необходимость защиты государства от козней враждебных сил и оказания помощи отстающим народам повсюду в мире. Результат советской индустриальной революции был достаточно впечатляющим, чтобы удержать историков от попыток отвергнуть ее как совершенно напрасную. Она создала — и будет продолжать создавать — для миллионов мужчин и женщин и их детей новый образ жизни, новые возможности, новые надежды. Но тогда, в самый начальный момент, на горизонте маячила тень наиболее мрачного периода советских испытаний: неослабное, каждодневное давление на рабочих, беспощадная война с крестьянством, уничтожение значительной части интеллигенции, жестокая и капризная личная диктатура. Вероятно, редко когда-либо в истории за столь изумительные достижения платили такую ужасную цену.

АКАДЕМИЯ НАУК

Несмотря на вывеску и связи, авторитет Коммунистической академии в тот период затмевала старая Российская (бывшая императорская) Академия наук. Перед гражданской войной и до образования Коммунистической академии еще на самых первых этапах планирования старались, по указанию Ленина, заручиться сотрудничеством Академии наук¹. Однако путь к прочной связи между советскими властями и Академией, продолжавшей свою деятельность в тихой, но неэффективной изоляции вплоть до 1925 г., преграждала взаимная подозрительность. Именно в этом году Академии предстояло отметить свой 200-летний юбилей. И Советское правительство, начавшее искать расположения советских интеллигентов и желавшее успокоить мировое общественное мнение, решило принять участие в предстоящих церемониях и использовать их в своих интересах. В июле 1925 г. было опубликовано постановление, которым Академия признавалась «высшим ученым учреждением Союза ССР»². Многие советские знаменитости присутствовали на сентябрьских торжествах. Перед обширной аудиторией, включавшей большое число высоких иностранных гостей, с торжественной речью выступил Зиновьев, отмечая славные дела Академии и указывая на радужные перспективы советской науки³. Хвалебную статью об Академии для первого тома «Советской Энциклопедии», опубликованной в 1926 г., написал Олденбург, ученый преклонного возраста, с 1904 г. занимавший пост секретаря Академии⁴.

Столь лестное признание досталось определенной ценой. Положение Академии было явно аномальным. Во время юбилейных торжеств Луначарский выразил мнение, что «в связи с вступлением Академии в третье столетие можно было бы ребром ставить вопрос о какой-нибудь коренной советизации ее»⁵. После провозглашения политики индустриализации для решения этой задачи требовалось использовать все доступные ресурсы. Первое вмешательство в дела Академии приняло форму указания относительно выработки нового Устава для замены давно устаревшего инструмента царских времен. Впервые этот вопрос поставили осенью 1926 г. В феврале 1927 г. комиссия Академии подготовила проект нового Устава. Его обсудили на совещании Совнаркома 31 мая

1927 г., а через неделю одобрили на общем собрании Академии. Устав опубликовали в виде постановления Совнаркома от 18 июня 1927 г., ставившее Академию в прямое подчинение Совнаркому, которому она должна была ежегодно представлять планы работ и отчеты о своей деятельности. Следовало образовать президиум в составе президента, двух вице-президентов, постоянного секретаря и секретарей двух отделений (физико-математического и гуманитарного), на которые Академия подразделялась. По новому Уставу число членов увеличивалось с 45 до 70 человек — явная подготовка к приему в академию лиц, в большей мере устраивавших власти⁶. В апреле 1928 г. двумя постановлениями Совнаркома в Устав внесли поправки. На этот раз, по-видимому, обошлись без формального одобрения Академии. Общее число действительных членов увеличили с 70 до 85 человек; учредили 12 кафедр исторических и 4 кафедры социально-экономических наук и 2 кафедры философии⁷.

Намерение было очевидным — сломить монополию академиков, сохранивших, почти поголовно, верность традициям дореволюционного режима. Вышинский тоже ввязался в потасовку, опубликовав статью, в которой заявил, что Академия должна служить делу социалистического строительства, и осудил расхожую фразу о том, что наука «свободна» в своем творчестве, что наука не может работать на заказ, что «социальный заказ чужд природе научной деятельности»⁸. Центральный Совет вновь созданной секции научных работников критиковал Академию за неспособность скоординировать деятельность двух учреждений и за невнимание к философским, социальным, экономическим и литературным вопросам. Он приветствовал предложенное увеличение числа академиков и кафедр, как «первые шаги Академии наук... направленные на сближение с советской общественностью»⁹. В печати появились протесты в связи с нежеланием Академии исключить из своих рядов Струве, который эмигрировал в Белград и вел ожесточенную пропаганду против Советского правительства¹⁰. Автор статьи, опубликованной в «Правде», повторив эти упреки, подчеркнул, что из всех советских учреждений «только Академия наук сохранила свой прежний облик, ничуть его не изменив»¹¹. Было принято решение — на предстоящих выборах ввести в Академию значительное число коммунистов. Борьба велась в напряженной атмосфере, возникшей в результате хлебозаготовительного кризиса, усилившегося давления индустриализации и «шахтинского дела». В начале 1928 г. Политбюро назначило партийную комиссию для руководства выборами. Поскольку Академия все еще находилась в Ленинграде, комиссия состояла из ленинградских партийцев и, по-видимому, подчинялась Ленинградскому губернскому партийному комитету. В Академии было 42 вакансии. Предлагать кандидатуры призвали все «общественные организации», и таким путем обеспечили выдвижение ряда видных партийных деятелей¹². В октябре 1928 г. все кандидатуры рас-

смотрели 11 комиссий, представлявших различные научные сферы. В них, помимо академиков, заседали делегаты официальных властей. Отбор 42 кандидатов для представления общему собранию Академии сопровождался трудными переговорами. Однако согласованный в конце концов список содержал фамилии всех партийных выдвиженцев¹³.

Основное ядро старых академиков, сражавшихся за то, чтобы отложить данный вопрос, пережило последнюю радость. Формальные выборы состоялись 12 января 1929 г. на общем собрании Академии, и, хотя большинство кандидатов прошло, трое партийных выдвиженцев — Деборин, Фриче и Лукин (историк-марксист) — не смогли собрать положенных две трети голосов. Ярость в партийных рядах, вызванная таким неповиновением, явно напугала академиков. Президиум спешно обратился в Совнарком с просьбой разрешить, в нарушение Устава, провести новые выборы. После горячей дискуссии общее собрание 17 января 1929 г. одобрила эту петицию. За нее проголосовало 26, против — 9 человек при 4 воздержавшихся¹⁴. На этом борьба завершилась. Когда три известные фамилии вновь предложили общему собранию 13 февраля 1929 г., лишь один или два твердолобых потрудились проголосовать против¹⁵. Во второй половине этого года провели обширную чистку служебного персонала Академии¹⁶.

Последствия данных событий оказались довольно неожиданными. Академия обрела статус советского учреждения, не утратив прежнего ореола цитадели науки. В 1934 г. она переехала в Москву. Существование в одном городе двух ведущих академий не было нормальным. К тому времени Коммунистическая академия, укомплектованная ортодоксальными партийными интеллигентами, многие из которых впали в немилость, оказалась в тяжелом положении. Когда в 1936 г. решили объединить две академии, то Академия наук СССР (бывшая императорская) сохранила свое название и была явно старшим партнером в объединении.

КРЕСТЬЯНСКИЕ КОМИТЕТЫ ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ

Проблема создания сельских организаций, через которые партии и Советам можно было бы влиять на бедняцкую прослойку крестьянства, побудила к оживлению неудовлетворительно работавших крестьянских комитетов взаимопомощи (кресткомов, или ККОВ) ¹. Постановлением РСФСР от 29 марта 1926 г. земля передавалась в бесплатное и бессрочное пользование крестьянским обществам взаимопомощи для ее коллективной обработки ². В мае 1926 г. IV Всероссийский съезд кресткомов рекомендовал общественную запашку с применением тракторов и других машин (в качестве источника доходов для комитетов и примера крестьянству в целом) и одновременно попытался ликвидировать практику арендования земли и найма рабочей силы. Он также потребовал освободить комитеты от кулаков. В другой резолюции съезд назвал комитеты «первичной школой для еще некооперированного населения», призвал кресткомы «развивать самостоятельность крестьянства и содействовать укреплению коллективизации в деревне». Кресткомы следовало создавать на сельских сходах; это, очевидно, истолковывали как необходимость механически привлекать всех членов схода ³. Обширный отчет тех времен о комитетах свидетельствовал о том, что основной статьей дохода являлись не членские взносы, а поступления от мелких местных промышленных предприятий, которые выпускали различный инвентарь, перерабатывали сельскохозяйственную продукцию и не облагались налогами. Вместе с тем руководство кресткомами со стороны партийных и советских органов критиковалось как «из рук вон плохое»; создавалось впечатление, что жизнь в этих организациях едва теплилась ⁴. На сессии ЦИК РСФСР в ноябре 1926 г. один из делегатов говорил о кресткомах Северо-Кавказского края как о незаметных, маленьких организациях, только «помогающих другим большим организациям как в деле восстановления сельского хозяйства, так и в особенности в деле помощи деревенской бедноте» ⁵.

Движение лета и осени 1927 г. за более активную аграрную политику захватило и кресткомы. Постановление Совнаркома РСФСР и резолюция Центрального Комитета партии вновь потребовали, чтобы местные исполнительные комитеты, сельские Сове-

ты оказали кресткомам содействие⁶. В ноябре 1927 г. еще одно постановление повторило этот призыв к волостным исполкомам и сельсоветам, но запретила председателям сельсоветов занимать одновременно должность председателя крестьянских обществ взаимопомощи⁷. Статья в «Правде» защищала комитеты от нападков оппозиции⁸. Однако Косиор на XV съезде партии в декабре 1927 г. жаловался на то, что они «развивались слабо» и указал на невыясненность отношений кресткомов с земельными обществами⁹. В резолюции съезда говорилось о том, что, «продолжая работу по индивидуальной помощи бедноте, необходимо все более и более направлять работу кресткомов в сторону производственно-коллективной помощи маломощным слоям крестьянства»¹⁰. Эту тему продолжил официальный представитель на заседании ЦИК РСФСР в апреле 1928 г. По его словам, кресткомы переходят к выдаче «пособий, имеющих более или менее хозяйственный характер». Не очень убедительно утверждалось, что комитеты играют на селе «чрезвычайно большую роль», хотя признавалось, что во многих отдаленных районах они «числятся лишь на бумаге»¹¹. В сообщении о кресткомах, подготовленном Рабкрином РСФСР весной 1928 г., рисовалась картина застоя. Комитеты имели некоторое значение как распределители машин, тракторов и семян. Вместе с тем они, по всей видимости, отказались от попыток организовать кооперативное земледелие¹².

Между тем комитеты продолжали выполнять свою первоначальную функцию помощи бедным крестьянам. В 1926—1927 гг. такая помощь (в виде дотаций и кредитов) якобы составила 3 млн. руб., и это помимо прямого содействия в запашке земли и сборе урожая. На школы, избы-читальни, детские ясли, курсы по ликвидации неграмотности выделили 815 тыс. руб.¹³ В 1927—1928 гг. общая сумма достигла 3,5 млн. руб., из которых 400 тыс. руб. пошли коллективам, созданным самими кресткомами¹⁴. 5 июня 1928 г. собрался V Всероссийский съезд кресткомов, на котором сообщили, что к тому времени в РСФСР действовало уже 79 тыс. комитетов (вместо 55 тыс. в 1925 г.), что в них состояло 65% крестьянских хозяйств, что общий капитал кресткомов составлял от 30 до 50 млн. руб., хотя лишь 10% членов платило взносы, что они владели 9 тыс. разного рода предприятий, 29 тыс. сельскохозяйственных машин и 15 тыс. тракторов¹⁵. Однако в статье, посвященной итогам съезда, признавалось, что почти половина заявленных 79 тыс. кресткомов «или числятся на бумаге или ведут чисто иждивенческий образ жизни», и выдвигалось требование более активного руководства со стороны советских органов¹⁶. Жалоба на то, что работники кресткомов были «большей частью неграмотны» и «недостаточно уясняют себе задачи ККОВ»¹⁷, хотя и касалась конкретно Закавказской СФСР, однако ее можно было бы с полным правом отнести и к любому другому региону. В сообщении из Азербайджана комитеты характеризовались «весьма слабыми», а «общественная их значимость»

оценивалась как минимальная¹⁸. Официальные данные свидетельствовали о том, что членами комитетов являлись почти исключительно средние и бедные крестьяне, с небольшими вкраплениями деревенской интеллигенции (несомненно, в большинстве своем учителей), и что процент батраков и зажиточных крестьян был невелик¹⁹. И если где-то комитеты и проявляли какую-то активность, то их первоначальное назначение и цель формирования оказывались забытыми. Как говорили, созданные кресткомами предприятия функционировали на чисто коммерческой основе. Слышались также протесты против проникновения в кресткомы кулаков²⁰.

ГРУППЫ КРЕСТЬЯНСКОЙ БЕДНОТЫ

Помимо крестьянских комитетов взаимной помощи, в тот период упорно проводился еще один эксперимент, правда, с таким же незначительным успехом. Имеется в виду образование на политической основе особых «бедняцких» организаций. В октябре 1925 г. по докладу Молотова Центральный Комитет поручил местным партийным организациям провести в порядке подготовки к выборам в Советы особые собрания бедных крестьян¹, а XIV съезд партии, состоявшийся в декабре 1925 г., благословил не только подобные собрания, но и создание «групп бедноты» при условии, что это не будет означать возврата к комбедам или к практике военного коммунизма². Память о тех мрачных временах все еще вызывала широкое недоверие в крестьянских массах и среди тех членов партии, кто выступал за примирение с крестьянином. Когда Оргбюро призвало 24 мая 1926 г. к формированию бедняцких и батрацких групп в Советах, кооперативах и в крестьянских комитетах взаимной помощи, оно настаивало на том, чтобы группы не превращались в независимые формирования, соперничающие с Советами, кооперативами и т. д., а работали в рамках этих организаций, не пытаясь изолировать середняков³. Однако, как сообщил корреспондент «Правды», несмотря на предостережение, группы бедняков старались подменить сельский сход и проводили закрытые собрания, на которые середняки не допускались. Результатом было «не укрепление союза с середняками, а, наоборот, отход части середняков на сторону кулачества»⁴. Летом 1926 г. партийные и комсомольские организации вновь попытались созвать собрания бедняков, чтобы вывести на чистую воду кулаков, уклонявшихся от уплаты сельскохозяйственного налога. Но эти действия опять же вызвали двойственные чувства у середняков и в партийной штаб-квартире⁵, а середняки, несмотря на стремление побудить их к участию в группах, заняли по отношению к этим организациям отрицательную позицию⁶.

Украинские комитеты бедных крестьян (комнезамы), имевшие давнюю историю, были более сплоченными и жизнеспособными. Проведенная в 1925 г. реорганизация, имевшая целью лишить комитеты политической роли⁷, поначалу, казалось, нанесла им сокрушительный удар, и в течение последующих 12 месяцев коли-

чество членов уменьшилось с 1 237 676 до 585 360 человек⁸. Однако, как только волна благоволения к зажиточным крестьянам, характерная для 1925 г., начала спадать, комнезамы ожили вновь. В октябре 1926 г. уже насчитывалось 10 517 комитетов с 765 255 членами, в апреле 1927 г. — 11 177 комитетов с 951 542 членами, хотя из них только 39% относились к беднякам⁹. X съезд партии Украины, состоявшийся в ноябре 1927 г., в момент развертывания «усиленного наступления» на кулака явно стремился восстановить действенность комнезамов. Он приветствовал увеличение числа членов, но критиковал комитеты за то, что они мало сделали для коллективизации и защиты интересов бедняков в кооперативах¹⁰.

В это же время и под влиянием того же самого возобновившегося подчеркнутого внимания к классовому фактору партийной политики в деревне за создание групп бедноты принялись в СССР повсюду. Их число увеличилось. Если в 1926 г. их было «несколько сот», то в 1927 г. — уже «несколько тысяч»¹¹. И все же пока преобладал осторожный подход. Старались не вызывать призрака комбедов периода военного коммунизма. На XV съезде партии в декабре 1927 г. Молотов объяснил, что сохранение комнезамов на Украине и кошчи (аналогичных организаций в Средней Азии) обуславливалось историческими причинами, что эти примеры, однако, не могут служить оправданием для создания таких же комитетов бедноты в РСФСР. По его словам, цель групп бедноты состояла в том, чтобы оживить изнутри Советы и кооперативы, а «не изолировать, не отрывать бедноту в виде особой организации от кооперации, от деревенских Советов»¹². Резолюция съезда указала партийным органам «оформить и укрепить существующие бедняцкие группы при Советах и кооперативах, с тем чтобы время от времени устраивались совещания этих групп в селе и волости (районе) для обогащения опыта их работы», созывать «уездные и губернские конференции групп бедноты»¹³. Фактически группы были задуманы как инструмент проведения и поддержки официальной политики, поскольку партийные фракции в сельских организациях не могли этого обеспечить из-за собственной слабости.

Несмотря на предупреждения Молотова, повторенные в журнале ЦК партии¹⁴, позиция групп бедноты в рамках возобновившегося наступления на кулака оставалась двусмысленной. Во время решающего периода хлебозаготовок первых месяцев 1928 г. их использовали (подобно комбедам в прошлом) для того, чтобы изымать хлебные излишки у зажиточных крестьян. И положение о распределении известной доли конфискованного зерна среди бедняков¹⁵ также соответствовало процедуре, принятой в период военного коммунизма. Печать и официальные сообщения рисовали знакомую картину кулака и спекулянта, которых разоблачали и призывали к ответу с помощью бедноты¹⁶. Конференция представителей групп бедноты Московской губернии выступила против кулачества и в поддержку коллективизации¹⁷. В связи с пред-

стоящими очередными выборами в местные Советы Центральный комитет партии 24 октября 1928 г. дал местным органам указание провести так называемый «смотр групп бедноты» и созвать конференции групп, чтобы повысить их активность в избирательной кампании¹⁸. В оптимистических тонах «Правда» приветствовала группы как застрельщиков классовой борьбы в деревне, как «авангард коллективистского движения»¹⁹.

По-видимому, и надежды, и опасения, связанные с группами бедноты, были несостоятельными. После проведенного Рабкрином смотра весной 1928 г. сообщалось, что образованы и приданы сельсоветам многие группы, но что работали только некоторые²⁰. Одна из слабостей групп якобы состояла в том, что они собирались лишь время от времени для поддержания конкретных кампаний и затем вновь прекращали свою деятельность²¹. Представитель бедноты заметил, что «нас ячейка и волком собирают только тогда, когда им нужно получить побольше голосов за своих кандидатов, а потом нами никто не интересуется и не ведет с нами никакой работы». «Группы бедноты, — сказал он в заключение, — еще не стали заметным явлением в деревне»²². Проведенная в начале 1928 г. конференция групп бедноты Барнаульского округа Сибири будто бы продемонстрировала полнейшую солидарность с кулаками. «Их руководители находились в полном подчинении у кулаков»²³. Возвращавшиеся в 1928 г. в Москву после летних поездок в деревню рабочие открыто говорили о «бедняках-бездельниках», о «нарочитой лениости бедняков», о том, что они «в полном распоряжении кулака»²⁴. Даже на Украине только 50% состава комнезамов являлись бедняками. Среди членов «массовой работы» почти не велось. Ходили разговоры о «засоренности КНС служилым, зажиточным и пр. элементами», которых насчитывалось до 30%²⁵. Съезд комнезамов в начале 1929 г. ввел трудно выполнимое правило, согласно которому «осреднячивающиеся члены КНС могут оставаться в организации при условии перехода их хозяйства к коллективным формам»²⁶. В сообщении по итогам «смотра» групп бедноты зимою 1928/29 г. указывалось, что их число выросло (хотя конкретные цифры не приводились), что большинство находилось при сельсоветах (несколько — при кресткомах и кооперативах), что они работали только в периоды отдельных кампаний, что партийное руководство было слабым²⁷. Состоявшаяся в апреле 1929 г. XVI партийная конференция продемонстрировала двойственное отношение к роли бедняцких групп. Когда Ломинадзе в чуть небрежной форме заявил, что они «почти везде за последнее время начали работать более энергично», с места послышался возглас: «Существуют, но не работают»²⁸. Ломинадзе даже предложил дополнение к тезисам Калинина, нацеленным на усиление эффективности групп. Однако дополнение, принятое резолюционной комиссией, конференция отвергла, очевидно потому, что оно было увязано с еще одним дополнением Ломинадзе, осуждавшим прием в колхозы ку-

лаков ²⁹. В окончательной редакции резолюция конференции отмечала, что меры по организации бедноты оказались «явно недостаточными» и нуждаются в усилении, но группы в ней специально не упоминались ³⁰. Через шесть месяцев, 20 октября 1929 г., когда положение с хлебозаготовками стало критическим, Центральный Комитет партии принял резолюцию, предусматривавшую прием батраков в «самостоятельную организацию бедняков и батраков» ³¹. По-видимому, это означало самостоятельность и других организаций, что специально отрицалось в момент их формирования ³². Однако нет никаких доказательств, что они играли активную роль в коллективизации или в ликвидации кулачества. Как видно, они сами не пережили этих событий.

САМООБЛОЖЕНИЕ

Земельное общество выполняло освещенную веками функцию сбора налогов на покрытие коммунальных расходов. Органом, ответственным за их раскладку и взимание, являлся сход. Подати с членов домашних хозяйств были принудительными, хотя закон не устанавливал ни подлежащие сбору суммы, ни базиса для их начисления. Подобные обложения могли принимать форму трудовой повинности (различные ремонтные работы, возведение оград и т. п.). Такая неофициальная власть, осуществлявшаяся земельным обществом в полной независимости от Советов и названная сомнительным термином «самообложение»¹, беспокоила первых советских руководителей своей аномальностью. На XII съезде партии в апреле 1923 г. Сокольников объявил о замене самообложения местными бюджетами², а на следующий год XI Всероссийский съезд Советов увязал предполагаемое введение волостных бюджетов с отменой самообложения³. Два ранних постановления СССР настоятельно требовали, чтобы самообложение было строго добровольным — обязательным оно явилось только для тех хозяйств, которые за него проголосовали⁴. Проблемой занималось совещание по вопросам советского строительства, проходившее с января по апрель 1925 г., однако планы Наркомфина — ликвидировать самообложение или ограничить его трудовой повинностью — разбились об упорное сопротивление крестьянских делегатов.

«Сколько ни писал бы отсюда законов тов. Калинин, сколько бы ни издавал декретов, запрещающих самообложение, оно есть, было и будет».

Другой делегат заявил, что «нельзя идти против жизни, а жизнь будет толкать на этот путь»⁵. Совещание приняло неубедительную, компромиссную резолюцию, в которой говорилось о сохранении самообложения при наличии ходатайства большинства «собрания граждан», однако для того, чтобы оно стало обязательным для несогласного меньшинства, требовалось решение уездного или окружного исполкома⁶. Через 18 месяцев сообщалось, что «отношение крестьянства к самообложению скорее благожелательное, потому что оно существенно облегчает повседневную жизнь крестьянина (наем пастухов, ремонт мостов, исправление

колодцев, ремонт школ, содержание пожарного обоза и т. д.)⁷, что крестьяне продолжают протестовать против системы добровольного самообложения, как неприменимой⁸. В некоторых случаях самообложение включалось в бюджет сельсовета, но это рассценивалось как нарушение. Ведь одна из целей создания сельских бюджетов состояла в «проведении революционной законности на селе и ликвидации всевозможных форм самообложения»⁹.

В течение 1927 г. нажим на систему самообложения со стороны партии возрастал. В отличие от сельскохозяйственного налога подати, которые устанавливал сход в порядке самообложения, не были прогрессивными. В 1927 г. бедняки якобы платили по линии самообложения сумму, равную 124% от сельскохозяйственного налога, середняки соответственно — 71,2%, а богачи — 23%¹⁰. Журнал Центрального Комитета партии привлек внимание к «уравнительности, которая наиболее чувствительно бьет по интересам бедноты в части самообложения»¹¹. «Прежнее обычное право» земельного общества, заметил автор одной из статей, — это «право экономически сильного»¹². Собиравшиеся через самообложение средства были внушительными. В 1925—1926 гг. поступления от самообложения в РСФСР оценивались в 45 млн. руб.¹³ В 1927—1928 гг. самообложение, по оценкам, дало в РСФСР уже 66 млн. руб. и 100 млн. руб. — для всего Союза ССР. В эти суммы, очевидно, включили какую-то часть (в перерасчете на деньги) общественных работ¹⁴.

Поскольку претворить в жизнь запрет на принудительное самообложение было невозможно¹⁵, внимание сосредоточили на его легализации и регулировании. ЦИК СССР постановлением от 24 августа 1927 г. разрешил сходу простым большинством (при условии присутствия половины членов, обладающих правом голоса) устанавливать обязательные подати в размере до 35% от сельскохозяйственного налога для покрытия расходов на социально-культурные (но не на административные) нужды, которые определялись властями соответствующих республик. Решения схода утверждались районным или волостным исполкомом, а собранными таким образом средствами распоряжались сельсоветы¹⁶. Официальная цель данных законоположений состояла в обеспечении расходования полученных средств на общественные нужды, а не на пользу земельного общества или его членов¹⁷. В постановлении РСФСР от 7 января 1928 г. перечислялись следующие сферы деятельности, в которые разрешалось вкладывать деньги, собранные в порядке самообложения: хозяйственное строительство, здравоохранение и просвещение, строительство дорог, противопожарные меры, сфера услуг и организация досуга¹⁸.

Вплоть до конца 1927 г. попытки установить контроль над самообложением путем законодательных акций, сопровождавших кампанию, направленную на то, чтобы подчинить земельное общество сельсовету¹⁹, не имели особого успеха. Хлебозаготовитель-

ный кризис января — марта 1928 г. не только ознаменовался введением на селе жестких мер принуждения, но радикально изменил характер самообложения, приравняв его к «чрезвычайным мерам», призванным преодолеть кризис. Функция самообложения, как и других налогов, заключалась в том, чтобы снизить покупательную способность крестьянина и вынудить его вывезти свое зерно на рынок. Если не по названию, то по всем остальным признакам самообложение стало данью правительству, и официальное отношение к нему сразу же стало другим: недоверие сменила горячая приверженность. Постановление от 10 января 1928 г., формально сохранив положение о максимальном уровне самообложения (35% от сельскохозяйственного налога), разрешило предоставлять губернским и окружным исполкомам право превышать этот лимит; кроме того, данным постановлением отменялось условие, согласно которому за самообложение должны голосовать не менее половины правомочных членов схода²⁰.

«Известия» опубликовали заявление ряда крестьян, якобы выступивших в поддержку самообложения, а в редакционной статье говорилось об использовании средств на «строительные работы»²¹. Партийная инструкция от 13 февраля 1928 г. потребовала сделать самообложение прогрессивнее сельскохозяйственного налога за счет «состоятельных, особенно кулацких, слоев деревни». Порядок использования собранных в ходе самообложения денежных сумм следовало обсуждать и утверждать на сходе, а принятые решения проводить в жизнь «под широким общественным контролем»²². Принудительное самообложение, как видно, явилось в первые месяцы 1928 г. наиболее ходовым средством выжимания податей с притавших зерно крестьян²³.

Не удивительно, что эти драконовские меры натолкнулись на упорное сопротивление. Кулаки будто бы называли их «законом против крестьян»²⁴. Журнал Центрального Комитета партии признал наличие широкой крестьянской оппозиции по отношению к новой форме самообложения²⁵. В Смоленской губернии «кулаки и зажиточные крестьяне вели ожесточенную открытую борьбу против самообложения», и ходили упорные слухи, что собиравшиеся таким путем деньги передавали Коминтерну для посылки в Китай и Англию²⁶. Проведенное Рабкрином в 1928 г. в РСФСР обследование обнаружило большое разнообразие в применении самообложения на местах, как по взимавшимся суммам, так и по методам раскладки. Во многих районах продолжалась практика сбора непрогрессивных податей, что объясняли влиянием состоятельных хозяев на деревенских собраниях. В других местах уровень налогообложения богатеев был чрезмерно высоким²⁷. Калинин пообещал, что самообложение не примет опять форму «специальной кампании»²⁸. В РСФСР объявили «твердый запрет» на особые мероприятия по самообложению, хотя в отдельных районах они продолжали иметь место. Во многих районах снизили суммы податей²⁹. Однако хлебозаготовительный кризис

зимы 1928/29 г. был слишком грозным, чтобы позволить любое ослабление давления на крестьян, удерживавших зерно. И высказанное обещание относительно смягчения непопулярных мер предшествовавшего года послужило лишь маскировкой для более радикальных поборов. Статья в «Правде» от 5 января 1929 г., еще раз обращая внимание на катастрофическое положение с хлебозаготовками³⁰ и для видимости осуждая «чрезвычайные» методы, потребовала «решительных мер» против спекулянтов. В то время наиболее распространенным приемом установления принудительных податей являлись так называемый «уральско-сибирский метод» (впервые испробованный в данном регионе) или метод «общественного принуждения», которые, по словам Сталина, сказанным в апреле 1929 г., «проводились по принципу самообложения». Было совершенно ясно, что все эти приемы реквизирования не имели ничего общего с традиционным самообложением по решению земельного общества, что демонтаж старого механизма самообложения являлся этапом в процессе распада земельного общества и ликвидации кулака.

ЖЕНЩИНЫ НА СОВЕТСКОЙ РАБОТЕ

В 1927 г. началась кампания по расширению участия женщин в советской работе. Статистические данные, опубликованные после выборов в Советы 1927 г., показали, что женщины составляли половину всех правомочных избирателей, однако не более одной трети приняло участие в голосовании и лишь 10—12% оказались избранными в сельские Советы. Показатели для городских Советов, прежде всего в РСФСР, выглядели несколько лучше. Здесь голосовало 40% и было избрано 20% женщин. Среди депутатов на Всесоюзный и Всероссийский съезды Советов, проходившие весной 1927 г., избрали соответственно 8,2 и 9% женщин. Больше женщин выбрали в ЦИК СССР и РСФСР, хотя и в этом случае их доля не превысила 10%. Циркулярное письмо президиума ЦИК от 16 июля 1927 г. сетовало на недостаточное внимание к прежним директивам и призвало к более активному участию женщин в работе Советов и в текущих кампаниях¹. В августе 1927 г. объявили о созыве Всесоюзного съезда рабочих и крестьянок, который совпадал с празднованием 10-й годовщины революции². Он собрался в Москве 10 октября 1927 г. С приветственными речами на нем выступили Бухарин, Калинин, Луначарский, Крупская и другие партийные руководители. Работа съезда широко освещалась в печати³. Глубоко укоренившиеся предубеждения, однако, изживались с трудом⁴. Карикатура в «Правде» изображала современного молодого рабочего, ведущего женщину в Совет, и кулака, который тянул ее за юбку назад⁵. Енукидзе рассказывал о том, как мужчины издевались над пришедшими на выборы женщинами, а иногда «просто вытесняли их с собрания»⁶. Согласно другому сообщению, пришедших на собрание женщин встретили насмешками и буквально «задушили табачным дымом»⁷. Как заявил один крестьянин, «мы сделали Октябрьскую революцию не для того, чтобы жен наших выбирали, а мы будем дома сидеть»⁸. Доля женщин в органах Советов постепенно увеличивалась, хотя улучшение, возможно, скорее объяснялось усилением давления из центра, чем местной инициативой. После выборов 1929 г. в прессе широко рекламировался значительно возросший процент женщин-избирателей и избранных депутатами сельсоветов (особенно в среднеазиатских республиках)

и горсоветов, делегатами на районные, окружные и областные (краевые) съезды, выдвинутых в исполкомы⁹. Самых впечатляющих успехов женщины добились в секциях отдельных городских Советов, прежде всего Московской и Ленинградской областей, где они иногда имели большинство¹⁰. Вместе с тем авторы статистических исследований деятельности Советов и хозяйственных институтов конца 20-х годов отмечали низкий процент женщин-служащих, особенно на ответственных постах. Москва, Ленинград, губернские (областные), окружные, уездные города, районы и волости — «такова последовательная лестница, по которой происходит сужение сферы применения женского труда»¹¹.

ТОВАРИЩЕСКИЕ СУДЫ

К концу рассматриваемого периода с целью уменьшения давления на народные суды попытались вновь вдохнуть жизнь в общественный институт, который свидетельствовал о наличии сохранившихся данных идеалистических концепций, касавшихся отправления правосудия. В декабре 1928 г. Ленин в своем начальном проекте переработанной партийной Программы записал: «Введение товарищеских судов (для известных категорий и в армии и среди рабочих)»¹. И хотя для этого предложения не нашлось места в Программе, принятой в марте 1919 г., постановлением от 14 ноября 1919 г. учреждались «рабочие дисциплинарные товарищеские суды». Приданные местным профсоюзным организациям и функционировавшие на промышленных предприятиях, они состояли из представителей (по одному) заводоуправления, профсоюза и рабочих и занимались разбором случаев нарушений дисциплины и другими мелкими правонарушениями. В качестве наказания товарищеские суды могли объявить выговор, уволить или перевести на другую работу, а в случаях крайнего неповиновения — направить в концентрационный лагерь². Во время споров вокруг профсоюзов в 1920—1921 гг. Ленин вновь сослался на эти суды, которые он характеризовал как вклад в «производственную демократию»³; после же введения НЭПа он нетерпеливо спрашивал: «Сколько и когда введены? Сколько дел в месяц разбирают?»⁴ Однако в профсоюзах «товарищеские суды» не пользовались популярностью и продолжали чахнуть до тех пор, пока Рабкрин, помятуя о перегруженности народных судов мелкими делами, не предложил в резолюции от 10 сентября 1927 г. оживить их и учредить аналогичные суды в деревнях⁵. Профсоюзы критиковали фабрично-заводские суды как попытку установить новый судебный орган под надзором прокурора⁶, и отвергли сельские суды как бесполезные⁷. Тем не менее в феврале 1928 г. Наркомюст разработал тщательно продуманную программу для товарищеских судов на предприятиях, в государственных и общественных организациях, получивших право выносить незначительные наказания, а также для примирительных камер при сельсоветах⁸. Программа оказала мощную поддержку резолюции ЦИК и Совнаркома РСФСР от 26 марта 1928 г. относительно каратель-

ной политики, в которой защищался этот метод освобождения народных судов от разбора незначительных правонарушений⁹. И наконец, постановление РСФСР от 27 августа 1928 г. предписало Наркомюсту и профсоюзам совместно создать товарищеские суды на фабриках и заводах, в государственных и общественных учреждениях и на предприятиях для разбора мелких правонарушений или споров, используя такие рычаги, как общественное порицание, примирение споривших, дисциплинарные акции в рамках завода или учреждения, штрафы, не превышающие 10 руб., в пользу какого-либо общественного или социального фонда. «Судьями» являлись избранные для данных целей рабочие, не ограниченные в своей деятельности формальными правовыми нормами¹⁰. Весной 1929 г. на фабриках Москвы, Ленинграда и Иваново-Вознесенска якобы уже действовало 30 судов¹¹. Немного позже разговор шел уже о сотне подобных судов, некоторые из них функционировали вопреки воли профсоюзов, которые настаивали на том, что «профсоюзы не судилище»¹².

Эксперимент с сельскими судами, названными «примерительными камерами», проведенный летом 1928 г. в уездах Московской и Ленинградской губерний, дал повод одному из энтузиастов заявить, что эти суды — «первый этап отмирания государственного суда как аппарата принуждения, это еще один шаг по пути в то общество, которое не нуждается в государственной машине»¹³. Однако подобное отношение к государству и его правовым институтам уже перестало быть модным и вскоре исчезло вовсе. В июне 1929 г. «Правда» вновь привлекла внимание к вопросу о необходимости товарищеских судов в сельской местности, где от ближайшего народного суда отделяло в среднем расстояние в 35 км¹⁴.

ТАБЛИЦЫ

Таблица № 52

Численный состав ВКП(б) (из текущей партийной статистики)

	На 1.01.1926	На 1.01.1927	На 1.01.1928	На 1.01.1929
Число членов	592 133	734 072	854 855	—
Число кандидатов	410 346	397 184	365 981	—
Итого	1 002 489	1 131 256	1 220 836	1 456 696

По социальному положению (в %)

Рабочие	58,1	56,1	57,8	61,2
Крестьяне	24,6	26,3	22,3	21,1
Служащие	15,5	16,2	17,9	16,3
Прочие	1,8	1,4	2,0	1,4

По роду занятий (в %)

Рабочие ^а	46,8	38,1	37,6	39,9
Батраки	1,2	1,1	1,3	2,0
Крестьяне (включая крестьян, занятых только земледелием ^б)	14,8 (11,4)	15,4 (11,7)	14,4 (9,8)	12,5 (9,9)
Младший обслуживающий персонал на производстве ^в	—	—	1,7	1,2
Служащие ^г	32,9	34,2	31,9	32,6
Младший обслуживающий персонал в учреждениях	—	—	2,6	1,4
Военные	—	1,3	—	—
Ремесленники, кустари	0,3	0,3		
Учащиеся	5,6	5,6	10,5	10,4
Безработные	1,7	2,0		
Прочие	2,7	2,0		

^а Определялись как «рабочие заводов и мастерских, транспортные и другие наемные рабочие».

^б К другим категориям крестьян относились те, кто сочетал сельскохозяйственную с административной деятельностью, ремесленничеством или работой по найму.

^в Довольно обширная категория «младший обслуживающий персонал» включала начальников отдельных производственных подразделений, мастеров, заведующих складами, сторожей, швейцаров, пожарных, управляющих домами и т. п. Изданная ЦК партии накануне партийной переписи «новая инструкция» требовала классифицировать их как служащих («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 100; там же. 1962, ч. 2, с. 1627, прим. 87). Более поздним распоряжением от 13 марта 1928 г. (сохранившееся в Смоленских архивах ВКР 213) ЦК партии частично отменил прежнее решение и классифицировал

младший обслуживающий персонал на заводах и фабриках как рабочих, а занятых в учреждениях по-прежнему — как служащих.

г Определялись как «работники советских, партийных, профсоюзных, кооперативных и других учреждений и организаций».

д Циркуляром ЦК партии от 14 августа 1925 г. устанавливалось, что члены партии, находившиеся на военной службе, должны стоять на учете не в тех партийных организациях, из которых они пришли в армию, а в политическом управлении Вооруженных Сил (ПУР) («ВКП(б) в цифрах», М. — Л., 1926, вып. 5, с. 5). Это указание вступило в действие лишь в 1926 г. (там же, 1927, вып. 6, с. 4). Источник: «ВКП(б) в цифрах. М., 1926—1929, вып. 5—9.

В 1930 г. были опубликованы следующие пересмотренные цифры
(на 1 января каждого года)

	1926	1927	1928	1929	1930
Число членов и кандидатов	1 078 185	1 147 074	1 304 471	1 532 362	1 674 910
По социальному положению (%)					
Рабочие	56,8	55,7	56,8	61,4	65,3
Крестьяне	25,9	19,0	22,9	21,7	20,2
Служащие и прочие	17,3	25,3	20,3	16,9	14,5

Источник: «Большая Советская Энциклопедия» М. 1930, т. 11, с. 553—556. Для 1 января 1927 г. приведены данные не текущей статистики, а партийной переписи этого года. Другие небольшие расхождения в официальных статистических данных, касавшихся членов партии, рассматриваются в: *T. H. Rigby. Communist Party Membership in the USSR. 1968, p. 53—54.* На XV съезде партии в декабре 1927 г. признавалось, что расхождения между данными партийной переписи и текущими сведениями произошли потому, что «основной принцип для того, чтобы решить, кого отнести к какой категории или социальной группе, не был разработан» («Пятнадцатый съезд ВКП(б)». М., 1961, ч. 1, с. 133).

Таблица № 53

Национальный состав ВКП(б)

Национальность	% в партии		% от общего населения
	1922	1927	1926
Русские	72,0	65,0	52,9
Украинцы	5,9	11,7	21,2
Белорусы	1,5	3,2	3,2
Поляки, латыши и другие прибалтийские народы	4,6	2,6	0,7
Евреи	5,2	4,3	1,8
Малые народы РСФСР	2,0	2,3	4,3
Народности Закавказья	3,4	3,6	2,5
Народности Средней Азии (включая казахов)	2,5	3,5	7,0
Прочие	2,9	3,8	6,4

Источники: Данная таблица заимствована у *T. H. Rigby. Communist Party Membership in the USSR, 1968, p. 366.* Цифры за 1927 г. взяты из партийной переписи («Социальный и национальный состав ВКП(б)». М. — Л.,

1928, с. 114). Сведения за 1922 г. приведены в: «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1923, № 7—8 (55—56), с. 61. Данные о населении в: *F. Lorimer. The Population of the Soviet Union. Geneva, 1946, p. 55—61.*

Таблица № 54

Прием в ВКП(б)

	1-я половина 1926	2-я половина 1926	1927	Январь— сентябрь 1928
а) Принято кандидатами				
Всего	95 344	71 840	176 180 ^а	186 086 ^б
По соц. полож. (в %)				
Рабочих	41,40	43,70	70,20	71,45
Крестьян	25,50	24,35	23,90	23,34
Батраков	2,97	3,30	—в	—в
Служащих	20,60	19,35	4,70	4,02
Прочих	9,53	9,30	1,20	1,19
б) Принято членами				
Всего	71 043	80 617	149 606	130 837
По соц. полож. (в %)				
Рабочих	59,50	51,51	54,3	63,6
Крестьян	6,98	10,91	28,2	21,5
Батраков	0,83	1,39	—в	—в
Служащих	24,47	21,10	15,5	13,5
Прочих	8,22	8,09	2,0	1,4

^а Более половины в последнем квартале («октябрьский призыв»).

^б Почти половина в первом квартале («октябрьский призыв»).

^в Вероятно, включены в категорию рабочих.

Источник: «ВКП(б) в цифрах», М.—Л., 1927—1929, вып. 9. Процентный состав за 1926 г. вычислен на базе абсолютных цифр. В статье газеты «Правда» (2 сентября 1927 г.) приводились проценты, касавшиеся приема в кандидаты в 1926 г., с указанием социального положения и фактического рода занятий. Классификация по социальному положению давала более высокий, чем указанный выше, процент рабочих и крестьян и более низкий процент служащих. При классификации по фактическому роду занятий проценты рабочих и крестьян (но не служащих) совпадают с приведенными в таблице и связанными с социальным положением. Сказанное может служить примером той путаницы, которая часто наблюдается в подобных статистиках.

Таблица № 55

Состав органов Советской власти по СССР в 1929 г. (в %)

	рабо- чие	кре- стьяне	прочие	чл. и канд. ВКП(б)	чл. и канд. ВЛКСМ	б/п
Сельсоветы	8,7	84,4	6,9	10,0	6,4	83,6
Председатели сельсоветов	8,3	88,3	3,4	32,3	7,3	60,4
Горсоветы	53,4	4,5	42,1	46,1	7,6	46,3
РИК и ВИК ^а	21,7	39,7	38,6	53,4	6,6	40,0
Председатели РИК и ВИК	26,3	41,2	52,5	96,3	0,8	2,9
ОКРИК и УИК ^б	39,4	25,5	35,1	68,4	2,9	28,7
Председатели ОКРИК и УИК	38,8	14,4	46,8	99,7	—	0,3
Областные и краевые исполкомы РСФСР	49,2	12,6	37,9	75,0	0,5	24,5
Губисполкомы РСФСР	55,8	12,2	31,0	69,2	1,0	29,8
Исполкомы автономных областей РСФСР	21,8	33,2	45,0	70,8	1,9	27,3
Исполкомы автон. республик РСФСР	29,1	19,5	51,4	72,3	3,0	24,7
ВЦИК	52,0	121,5	126,5	172,4	1,0	127,6
ЦИК СССР	46,5	120,8	132,7	171,6	10,3	128,1

^а Районные и волостные исполкомы.

^б Окружные и уездные исполкомы.

Источник: «Большая Советская Энциклопедия», М., 1930, т. 11, с. 542. Данные о партийной прослойке в сельсоветах и в волостных исполкомах союзных республик за 1927 г. приводились на XV съезде партии в декабре 1927 г. («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 448—449).

Таблица № 56

Исключено и выбыло^а из ВКП(б)

	1927		1928 (первые три квартала)	
	исключено	выбыло	исключено	выбыло
Всего	16 718	27 340	23 626	8 990
По социальному положению (в %)				
Рабочие	46,2	58,9	44,3	64,5
Крестьяне	29,5	34,2	29,1	16,0
Служащие	22,3	5,1	27,8	6,9
Прочие	2,0	1,8	2,5	2,0
По роду занятий (в %)				
Рабочие	29,9	52,1	26,6	56,0
Крестьяне (занятые только в сельском хозяйстве)	16,7	26,7	13,0	11,0
Прочие крестьяне	5,4	2,9	3,5	0,6
Батраки	0,7	1,5	0,8	1,3
Служащие	33,3	6,5	42,2	9,5
Младший обслуживающий персонал	4,3	2,5	3,2	2,7
Кустари и ремесленники	0,4	0,6	0,8	0,6
Прочие	9,3	7,2	9,6	7,4

^а В данную категорию входили выбывшие «добровольно» и «механически» (не платившие членских взносов или не вставшие на учет). Более высокие показатели за 1927 г. — это, несомненно, результат партийной переписи.

Источник: «ВКП(б) в цифрах», М. — Л., 1928, вып. 8, с. 28—31; там же, 1929, вып. 9, с. 38—41.

Таблица № 57

Комсомол

	VI съезд (март 1926 г.)	V конфе- ренция (март 1927 г.)	VIII съезд (март 1928 г.)
Членов	1 780 000	—	1 960 000
Делегатов (с решающим голо- сом)	1 117	189	656
Делегатов (с совещательным голосом)	285	267	—
В числе делегатов (в %)			
Женщин	6,7	0,6	9,7
Рабочих	61,0	60,3 ^а	71,0 ^а
Крестьян	19,8	15,9	11,0
Членов ВКП(б)	88,0	97,1	94,9
Кандидатов ВКП(б)	9,1	3,0	

^а Включая батраков.

Источник: «ВЛКСМ в резолюциях», М. — Л., 1929, с. 227, 281, 308.

Таблица № 58

Члены ВКП(б) в деревне
(партийная перепись 1927 г.)

	Абс. число	в %
а) По социальному положению		
Рабочие	65 691	24,9
Крестьяне	149 734	56,7
Служащие	41 346	15,6
Прочие	7 284	2,8
	264 055	100,0
б) По роду занятий		
Рабочие (включая батраков и сель- скохозяйств. ра- бочих)	23 964 (13 226)	9,1 (5,0)
Крестьяне (вклю- чая занятых в индивидуал. хо- зяйстве)	111 618 (84 880)	42,3 (32,1)
Служащие	105 229	39,8
Младший обслу- живающий пер- сонал	5 492	2,1
Кустари и ремес- ленники	3 923	1,5
Безработные	9 409	3,5
Прочие	4 420	1,7
	264 055	100,0

Источник: «Социальный и на-
циональный состав ВКП(б)», 1928,
с. 87, 89.

Таблица № 59

Административные единицы СССР
(на 1 января каждого указанного года)

	1926	1927	1928	1929
Автономные республики	15	15	15	15
Автономные области	14	14	14	14
Области и края	3	4	5	8
Округа	114	124	129	176
Районы	1 530	1 641	1 854	2 426
Губернии	47	38	33	16
Уезды	442	419	343	198
Волости	4 428	4 117	3 564	1 597

Источник: «Административно-территориальное деление СССР», 8-е изд., М., 1929, с. 3, 11. Относительно распределения этих единиц по республикам см. там же, с. 12.

Таблица № 60

Местные бюджеты (в млн. руб.)

	1925—1926	1926—1927	1927—1928	1928—1929
а) Доходы (в млн. руб.)				
Местные доходы	500,3	640,9	716,3	877,5
Государственные поступления непосред. в местные бюджеты	316,6	411,9	443,6	121,9 ^а
Отчисления из госбюджета	379,6	534,7	656,3	1 240,3 ^а
Займы местных исполком.	41,3	81,0	105,2	104,2
Остатки от бюдж. прошлых лет	38,1	61,4	75,6	68,0
Всего	1 275,5	1 729,9	1 997,0	2 411,9
б) Расходы (в млн. руб.)				
Народное хозяйство	251,8	456,4	575,1	649,4 ^б
Соц.-культ. мероприятия	467,4	620,4	769,3	992,5
Управление	343,5	364,8	327,6	367,9
Прочие расходы	140,3	211,4	268,6	294,8
Всего	1 203,0	1 653,0	1 940,6	2 304,6

^а Снижение в доходах от «поступлений» и увеличение «отчислений» в 1928/29 финансовом году явились результатом изменений в финансовых процедурах (Э. Карр. Основы плановой экономики, 1926—1929, т. 1, гл. 44).

^б Хозяйственные расходы частично уравнивались поступлениями, включенными в рубрику «местные доходы». В 1925/26 г. эти доходы превысили расходы, но с 1926/27 г. дефицит по данной графе постоянно увеличивался, отражаясь на бюджете.

Источник: «Социалистическое строительство СССР», М., 1934, с. 675.

Таблица № 61

Сельсоветы и селения

	Сельсоветов	В среднем селений на сельсовет	В среднем жителей на сельсовет	В среднем жителей на селение
РСФСР	55 340	9	1 540	180
Украинская ССР	10 621	5	2 300	500 (прим.)
Белорусская ССР	1 419	27	2 900	110
Закавказская СФСР	2 437	5	1 876	368
Включая:				
Азербайджанскую ССР	—	5	1 539	292
Армянскую ССР	—	2	914	387
Грузинскую ССР	—	9	4 100 ¹	454
Узбекскую ССР	1 970	6	2 000	340
Туркменскую ССР	376	6	2 427	440
Всего	72 163	—	—	—

^а Грузинские «теми» почти равнозначны укрупненным Советам.

Источники: «Административно-территориальное деление СССР», 8-е изд., М., 1929, с. 12, 21, 24—25, 28—29, 31.

Таблица № 62

Сельские бюджеты

	РСФСР	УССР	БССР	Уз. ССР	Турк. ССР	СССР
Число сельских бюджетов						
1926/27 г.	1 666	485	13	10	2	2 156
1927/28 г.	3 411	687	34	7	3	4 142
1928/29 г.	7 701	3 442	84	85	—	11 243
1929/30 г.	18 895	9,981	520	75	10	29 846
% к числу сельсоветов						
1926/27 г.	3,0	4,5	0,7	0,5	0,5	3,9
1927/28 г.	6,0	6,4	2,0	0,4	0,7	5,6
1928/29 г.	14,0	32,1	4,8	1,3	—	15,4
1929/30 г.	36,0	93,0	30,0	4,0	2,4	41,5
Средний бюджет (в тыс. руб.)						
1926/27 г.	9,3	—	—	—	—	— ^а
1927/28 г.	7,2	10,3	8,3	10,9	—	7,4
1928/29 г.	7,1	7,9	14,8	16,1	—	—
1929/30 г.	8,5	18,3	—	11,8	26,4	10,2

^а Если согласиться с данными, приведенными Енукидзе, относительно 2300 сельских бюджетов на общую сумму в 16 млн. руб., для 1926/27 г. (см. выше, гл. 49), то это даст средний бюджет в 6—9 тыс.

Источник: «Плановое хозяйство», 1930, № 6, с. 94—95. Данных по Закавказской СФСР, по-видимому, не было, ибо так, как в Узбекской и Туркменской ССР, сельские бюджеты до 1928 г. были практически не известны («Советское строительство», 1928, № 4 (21), с. 37). Количество бюджетов для СССР не являлись суммой указанных республиканских бюджетов.

Таблица № 63

Лица, лишённые избирательных прав
(Группировка по причинам лишения)

	1925—1926		1926—1927	
	Колич.	%	Колич.	%
Наемный труд	7 046	3,2	20 138	3,6
Нетрудовой доход	37 609	17,0	43 388	7,7
Торговля	125 230	50,7	219 015	38,8
Служители куль- тов	13 153	6,0	21 682	3,8
Агенты полиции	6 647	3,0	29 802	5,3
По суду	7 135	3,2	27 574	4,9
Умалишенные	4 402	2,0	14 062	2,5
Иждивенцы	19 651	8,9	188 844	33,4
	220 933	100,0	564 545	100,0

Источник: «Советское строительство», 1928, № 11, с. 101. Относительно распределения этих данных по республикам, городским и сельским Советам см. там же, 1927, № 8—9 (13—14), с. 22.

Таблица № 64

Данные (в %) о выборах в Советы 1929 г. (в скобках цифры за 1927 г.)

	РСФСР	УССР	БССР	Узб. ССР	Туркм. ССР
Лишено избира- тельных прав:					
в селах	4,2(3,6)	4,5(4,6)	1,8(1,3)	6,5(1,9)	—
в городах	6,9(6,0)	11,3(9,0)	13,9(12,8)	16,5(—)	—
в поселках (гор. типа)	—	12,6(13,1)	14,8(14,0)	—	—
Число явившихся на выборы:					
в селах	61,1(47,5)	64,6(51,6)	58,7(46,3)	59,0(46,3)	70,6(40,0)
в городах	79,2(56,1)	75,7(58,0)	72,9(62,4)	58,3(58,8)	62,2(53,4)
в поселках (гор. типа)	—	73,2(59,9)	63,5(49,6)	—	—
Число женщин, явившихся на выборы:					
в селах	47,3(29,8)	—	42,4(24,7)	43,8(15,7)	59,1(2,5)
в городах	69,8(49,7)	—	63,0(59,0)	—	51,4(43,7)

Избрано чл. и
канд. ВКП(б) и
ВЛКСМ:

в селах	14,9(13,0)	16,7(13,0)	16,8 (18,3)	17,6(17,8)	20,9(16,7)
в городах	51,3(51,0)	58,1(52,1)	50,6(50,9)	—	56,4(58,9)
в поселках (гор. типа)	—	38,5(39,1)	34,4)		

Число женщин, из-
бранных в Совет-
ты:

в селах	19,0(11,8)	17,5(9,6)	19,6(7,2)	25,3(12,7)	20,2(6,1)
в городах	26,5(21,1)	19,9(17,6)	22,4(12,7)	26,6(18,0)	22,6(27,8)
в поселках (гор. типа)	—	21,8(14,8)	—		

Источники: «СССР. От съезда к съезду (апрель 1927 г. — май 1929 г.)», М., 1929, с. 127—141. — «СССР. Год работы правительства 1927—1928», М., 1929, с. 32. Эти данные взяты из неполных отчетов, однако сведения достаточно обширны, чтобы дать верную общую картину. Получить соответствующую информацию по Закавказской СФСР не удалось.

Таблица № 65

Состав органов Советской власти в деревнях РСФСР (в %)

	Сель- советы		Предсе- датели сель- советов		Волостные съезды Советов		Волис- полкомы		Предсе- датели ВИКов	
	1926	1927	1926	1927	1926	1927	1926	1927	1926	1927
Крестьяне (в т. ч. освобожд. от налога)	20,1	89,1	94,5	94,5	79,4	77,2	67,9	67,3	48,5	61,0
	8,4	16,1	6,9	15,5	9,3	18,1	8,6	20,6	3,5	25,2
Рабочие и батраки	2,9	4,3	2,2	3,0	4,6	6,3	6,9	9,0	8,4	10,0
Кустари, ремесленники и про- чие	0,8	1,1	0,4	0,4	0,7	1,0	0,8	1,0	0,1	0,4
Служащие	6,2	5,5	2,9	2,1	15,3	15,5	24,4	22,7	43,0	28,6
Чл. и канд. ВКП(б) и ВЛКСМ	10,1	12,9	17,9	23,8	24,7	31,3	48,7	54,7	85,3	90,1
Избрано впервые	51,7	53,9	44,9	37,6	41,9	45,8	50,0	53,5	29,1	29,5

Источник: «Советское строительство», 1927, № 8—9 (13—14), с. 18. Аналогичные таблицы для других республик ничем существенным не отличались, за исключением несколько более высокого процента «рабочих и батраков», а также членов партии и комсомола на всех уровнях (там же, с. 21).

Персонал госучреждений

	1 мая 1925 г.	1 мая 1926 г.	1 января 1927 г.	1 января 1928 г.
I. Административно-судебные учрежд.	596 819	640 473	656 660	632 278
Государствен. аппарат	436 049	469 959	474 556	437 520
Суд и юридическое обслуж. населения	36 724	38 889	39 743	38 899
Охрана обществ. безопасности и порядка	124 046	131 625	142 361	155 859
II. Социально-культурные учреждения	829 935	949 416	1 060 925	1 166 947
Наука и народ, просвещение	528 512	582 861	656 272	720 847
Театры, студии, кино и т. п.	14 668	17 959	24 857	28 394
Издательства	13 001	16 105	15 688	15 169
Здравоохранение (в т. ч. ветеринария)	257 330	312 173	342 239	381 830
Учрежд. соцобеспечения	3 894	3 797	3 892	3 819
Учрежд. соцстраха	12 530	16 521	17 977	16 882
III. Хозяйственные учреждения	185 579	208 808	200 310	185 372
IV. Государств. торговые заведения	119 312	162 000	156 403	131 737
V. Кредитные учрежд.	29 123	38 272	35 554	33 060
VI. Учрежд. связи	82 432	94 191	94 498	94 948
VII. Прочие учрежд.	122 499	118 914	124 151	125 936
Всего по госучреждениям	1 965 699	2 212 074	2 328 501	2 370 278

Источники: «Государственный аппарат СССР», М., 1929, с. 12.

Таблица № 67

Члены ВКП(б) в Красной Армии

	1925		1929	
	абс. ч.	%	абс. ч.	%
Комсостав	18 106	31,4	45 419	48,8
Политсостав	14 115	24,5	11 266	12,1
Курсанты и слушатели вузов	11 909	20,6	10 774	11,6
Красноармейцы	9 412	16,3	21 936	23,6
Остальные	4 165	7,2	3 578	3,9
Всего	57 687	100,0	92 973	100,0

Источники: «Большая Советская Энциклопедия». М., 1930, т. 11, с. 542.

Таблица № 68

Классовый состав населения СССР
(в млн. человек, включая иждивенцев)

	1924— 1925	1925— 1926	1926— 1927
Пролетарское ^а (несельскохозяйственное)	20,4	24,6	26,7
Пролетарское (сельскохозяйственное)	4,9	5,4	5,8
Всего пролетарского населения	25,3	30,0	32,5
Бедняцкое	26,5	23,5	22,4
Средняцкое	74,7	75,2	76,7
Кулацкое	4,5	4,7	4,9
Всего крестьянского	105,7	103,4	104,0
Трудовое непролетарское сельскохозяй- ственное ^б	6,2	6,6	6,8
Несельскохозяйственная буржуазия ^в	3,1	3,4	3,5
Деклассированное несельскохозяйствен- ное население	0,5	0,6	0,6
Всего	140,8	144,0	147,4

^а Получавшие зарплату, включая служащих.

^б Кустари, ремесленники, члены свободных профессий.

^в Используявшие наемный труд, в том числе и кустари.

Источники: *Ларин Ю.* Социальная структура СССР и судьбы аграрного перенаселения. М.— Л., 1928, с. 27.

Таблица № 69

Пролетарское население СССР
(в млн. человек)

	1924—1925	1925—1926	1926—1927
Постоянные сельскохозяй- ственные рабочие	3,6	4,2	4,6
Сезонные сельскохозяй- ственные рабочие	1,0	1,5	1,8
Батраки	2,6	2,9	3,1
Служащие	2,8	3,3	3,5
Всего:			
работающих	10,0	11,9	13,0
иждивенцев	15,3	18,1	19,5
Пролетарские элементы	25,3	30,0	32,5

Источники: *Ларин Ю.* Социальная структура СССР и судьбы аграрного перенаселения. М.— Л., 1928, с. 4, 7, 11.

Народный доход (в млн. руб.)

	1924— 1925	1925— 1926	1926— 1927	1927— 1928 (план)
1) Категории населения				
А. Земледельческое (за вычетом зар- платы, учтенной в разделе «Б»)	8 592	10 375	11 122	11 871
Б. Неземледельческое				
1. Лица наемного труда	3 760	5 607	6 623	7 131
2. Лица свободных профессий	66	76	80	86
3. Кустари, ремесленники	527	569	610	650
4. Буржуазия	861	1 091	1 090	1 075
5. Прочие	570	757	864	896
Итого по «А» и «Б»	14 376	18 475	20 389	21 709
2) Категории хозяйства				
А. Индивидуальное х-во				
1. Земледельческое население	8 592	10 375	11 112	11 871
2. Неземледельческое население (в т. ч. пролетариат)	5 784 3 700	8 100 5 607	9 267 6 623	9 838 7 131
Всего по «А»	14 376	18 475	20 389	21 709
Б. Общественное х-во				
1. Государственные	992	1 415	1 700	1 942
2. Кооперативные	57	172	251	307
3. Коммунальные	164	190	220	250
Итого по «Б»	1 213	1 777	2 171	2 499
Всего по «А» и «Б»	15 589	20 252	22 560	24 208

Источник «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год». М., 1928, с. 494—496.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 39. Объединенная оппозиция

1. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 18; примерная дата возвращения Троцкого установлена по письму от 22 мая 1926 г., явно написанному в Москве (Архивы Троцкого, Т 877).

2. О возражениях Мрачковского в отношении союза см. гл. 18.

3. Источник наиболее подробных сведений об этой фазе — *V. Serge. Le Tougnant Obscure*. 1951, p. 101—102; автор книги, будучи иностранцем, не принадлежал формально к троцкистам, но в Ленинграде был связан с ними.

4. «Вопросы истории КПСС», № 5, 1958, с. 129; № 6, 1959, с. 35.

5. Об этих группах см. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 8.

6. Как утверждал один из делегатов XV партконференции в октябре 1926 г., оппозиция располагала такими организационными формами, как комитеты, членские взносы, инструкторы, шифры и система связи («XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1927, с. 696. Угланов в этой же связи назвал Каменева «кем-то вроде генерального секретаря нелегального ЦК оппозиции» (там же, с. 626).

7. «Вопросы истории КПСС», № 2, 1967, с. 124—125.

8. *А. Бубнов*. Партия и оппозиция. 1926, с. 20; об этом было сообщено на партийном собрании в Ленинграде 29 июля 1926 г.

9. Об этом заявил Рыков в речи 26 июля 1926 г.

10. «ВКП(б) в резолюциях...», 1936, т. II, с. 118—121; в последующих изданиях данной работы этот факт не приводится.

11. Архивы Троцкого, Т 2990.

12. Это письмо находится в архивах Троцкого, Т 804; оно было написано после смерти Ленина примерно в то время, когда в Англии было сформировано правительство лейбористов. Оно никогда не было опубликовано, но цитаты из него появлялись в статьях, критиковавших и осуждавших это письмо, и это вызвало споры по поводу точности цитирования тех или иных частей текста (см. сн. 13) Медведев поддерживал также статью Шляпникова в «Правде» от 19 января 1924 г. (см. «Междущарствие...», гл. 4), которую он характеризовал как «нашу статью».

13. Эти факты взяты из выступления Зиновьева на Пленуме ЦК 19 июля 1926 г. (см. гл. 39) и речи Бухарина 28 июля 1926 г. (см. гл. 39). О собрании 17—19 августа 1924 г. см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 11; остается неясным, было ли это решение действительно принято собранием или же «группой семи» («тайным Политбюро»), сформированной им.

14. Архивы Троцкого, Т 2993.

15. Там же, Т 885. Через два месяца «Большевик» опубликовал статью Шляпникова, которая повторяла суть медведевского протеста, а вслед за ней пространный полемический ответ, подписанный «В. Л.» («Большевик», № 17, 15 сентября 1926 г., с. 62—73, 74—102); В. Л. уверял, что в версии Медведева, представленной им в ЦКК в 1926 г., был опущен ряд важных мест из его письма 1924 г.

16. Т. 1, гл. 8.

17. См. гл. 49; т. 1, гл. 39.

18. Незадолго до этого Троцкий особо выделил и резко ответил на вызывающую речь Угланова о «внутрипартийной демократии» (см. гл. 42).

19. Архивы Троцкого, Т 884; на документе имеется сделанная от руки пометка Троцкого: «Очевидно, написано Зиновьевым». На что бы ни надеялся Зиновьев, Троцкий вряд ли разделял иллюзию, будто столкновения можно избежать.

20. Оба эти заявления были процитированы Сталиным (Соч., т. 8, с. 237); согласно более поздним данным, Зиновьев охарактеризовал свое участие в борьбе против Троцкого как самую большую ошибку в своей жизни, в связи с чем Орджоникидзе воскликнул: «Зачем же Вы дурачите всю партию?» Об «Уроках Октября» Троцкого см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 41.

21. Архивы Троцкого, Т 880; о разделах по сельскому хозяйству, промышленности и рабочей силе см. т. 1, гл. 1 и 12. Это заявление не было включено в официальные отчеты о Пленуме и было роздано членам ЦК только во время XV партконференции тремя месяцами позже («XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1927, с. 624.

22. Архивы Троцкого, Т 886; согласно речи Бухарина от 28 июля 1926 г., Зиновьев заявил: «Поскольку вы направляете огонь против левых, я считал неудобным нападать на „левого“ товарища Медведева».

23. Цитаты из их неопубликованных речей см.: «Вопросы истории КПСС», № 6, 1959, с. 31—32.

24. Архивы Троцкого, Т 883; отчетов об этой дискуссии напечатано не было.

25. «КПСС в резолюциях...», 1954, т. II, с. 280—282; инцидент с Гесслер изложен по материалам партийных архивов в журнале «Вопросы истории КПСС», № 6, 1969, с. 29—30. О Гуральском см. «Междущарствие...», гл. 9; «Социализм в одной стране», т. 3, гл. 28, 30, 35. Вопросы деятельности Коминтерна будут рассмотрены в следующем томе.

26. Архивы Троцкого, Т 880.

27. «Правда», 25 июля 1926 г.

28. Т. 1, гл. 12. Как сообщает Н. Ипатьев. «Жизнь химика» (Стэнфорд, 1946), с. 426, Троцкий к этому времени перестал быть членом ВСНХ, где он занимал пост председателя Научно-технического управления, но уже до того он явно не играл какой-либо роли там по крайней мере последние два года.

29. «Известия», 21 ноября 1926 г. Когда он умер в Харбине в 1928 г. (см. «Правда», 9 сентября 1928 г.), «Правда» опубликовала написанную Уншлихтом небольшую, но весьма хвалебную статью в его память, в которой было и такое место: «В один из сложных и трудных моментов развития нашей революции М. М. проявил колебания и отступил от подлинной большевистской линии, но, к счастью, не надолго. Он честно и искренне признал свои ошибки» (там же, 12 сентября 1928 г.).

30. Цитируется по неопубликованным архивным материалам в «XV съезд ВКП(б)», т. I, 1961, с. XXVII; о решении, принятом в мае 1924 г., см. «Междущарствие...», гл. 14.

31. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. II, 1962, с. 1659; Троцкий критиковал позицию Сталина по национальному вопросу («XV конференция ВКП(б)», 1927, с. 84) и, видимо, ссылаясь на ленинские записки. Об этих «записках» (а это, по существу, три части одного документа) см. «Междущарствие...», гл. 11. Согласно более позднему заявлению Троцкого, Сталин также зачитал письмо Троцкому от 5 марта 1923 г., но при этом неверно воспроизвел концовку письма, заменив слова «с коммунистическим приветом» словами «с самым товарищеским приветом», а Троцкий исправил его («The New International», August 1934, p. 42). Возможно, однако, что Троцкий намеренно спутал этот эпизод с другим случаем; утверждение, будто Сталин зачитывал на этом Пленуме Завещание Ленина, безусловно, ошибочно. О письме Ленина Троцкому от 5 марта 1923 г. см. «Междущарствие...», гл. 11.

32. «Правда», 27 июля 1926 г.; в той же статье шла речь и о фракции Медведева — Шляпникова, охарактеризованной как «ультраправая группировка», которая начала «смердеть настоящим меньшевизмом» («Правда», 30 июля 1926 г. — *Прим. ред.*).

33. Речи Рыкова и Бухарина были опубликованы в «Правде» 1 и 3 августа 1926 г.; обе они были перепечатаны в виде брошюры: А. Рыков и Н. Бухарин. Партия и оппозиционный блок, 1926.

34. «Правда», 27 июля, 6 и 11 августа 1926 г.

35. «КПСС в резолюциях...», 1954, т. II, с. 271—272.

36. «Правда» 30 июля 1926 г.; о заявлении Зиновьева см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 17.

37. «Большевик», № 14, 31 июля 1926 г., с. 59—80; в тексте от редакции, помещенном в заглавной части статьи, а не как обычно вниз на первой странице, говорилось, что мысли и идеи, изложенные в ней, не имеют ничего общего с большевизмом-ленинизмом. О предыдущей статье Оссовского, посвященной политике цен, см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 5.

38. «Правда», 8, 14 августа 1926 г.

39. Архивы Троцкого, Т 2997; «XV конференция ВКП(б)», 1927, с. 500—501.

40. «Правда», 15 августа 1926 г.

41. «Известия», 28 сентября 1926 г.

42. «Вопросы истории КПСС», № 6, 1959, с. 35.

43. Заявление Троцкого явно предназначалось для печати, с тем чтобы свести к минимуму расхождения внутри объединенной оппозиции; оно хранится в архивах Троцкого, Т 3003. Возможно, это та же листовка, которую упоминал Угланов (см. «XV конференция ВКП(б)», 1927, с. 626—627).

44. Т. 1, гл. 18 и 19.

45. Три проекта этого меморандума находятся в архивах Троцкого (Т 891, 3001, 3002).

46. Т. 1, гл. 1.

47. «Вопросы истории КПСС», № 6, 1959, с. 36.

48. «Правда», 3 октября 1926 г. Молотов и Бухарин намеревались присутствовать на этом собрании, но затем решили не делать этого («XV конференция ВКП(б)», 1927, с. 670).

49. «XV конференция ВКП(б)», 1927, с. 625; текст резолюции был опубликован в «Правде» 3 октября 1926 г., в связи с чем решение Московской партийной Контрольной комиссии за фракционную деятельность из партии были исключены еще два человека, а еще двое получили партийные взыскания.

50. «XV конференция ВКП(б)», 1927, с. 497, 625; текст этого документа не был опубликован.

51. «Справочник партийного работника», вып. VI, 1928, т. 1, с. 474.

52. «Большевик», № 19—20, 31 октября 1926 г., с. 21; в последующем Зиновьева упрекали за то, что он «сделал заявление перед Политбюро с предложением о мире», а на следующий день уехал в Ленинград, чтобы агитировать против политики партии («XV конференция ВКП(б)», 1927, с. 691).

53. «Правда» и «Известия», 8 октября 1926 г.; официальная резолюция была принята большинством в 1375 голосов против 25.

54. «Справочник партийного работника», вып. VI, 1928, т. 1, с. 474—475.

55. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. I, 1961, с. 433. «Правда», 8 октября 1926 г. сообщала о нескольких собраниях партийных ячеек на заводах, на которых рабочие принимали резолюции, осуждающие оппозицию; на одном из таких собраний Евдокимову и Николаевой не было дано слово. По официальным партийным данным, на собраниях в Москве 52 950 членов партии голосовали за резолюции, осуждающие оппозицию, 171 — против и 87 воздержались; в Ленинграде соответствующие цифры составили 33 927, 325 и 126 («Правда», 17 октября 1926 г.).

56. Речь Сталина 11 октября 1926 г., см. И. Сталин. Соч., т. 8, с. 209—213 (ее первая публикация); письмо Троцкого было процитировано Сталиным на XV партконференции по неопубликованным стенограммам двух заседаний Политбюро (там же, с. 354).

57. «Правда», 17 октября 1926 г.; заявления тех, кто подписал этот документ, с возражением, что они поставили свои подписи «в порядке партийной дисциплины», хранятся в архивах Троцкого, Т 896, 987. В более поздней записке (с неустановленной датой), направленной против группы «демократическо-

го централизма», Троцкий защищал заявление от 16 октября 1926 г. и утверждал, что каждый, кто не согласен с ним, «не имеет права претендовать на какую бы то ни было солидарность с нами» (там же, Т 961).

58. «Правда», 20 октября 1926 г.

59. О Завещании см.: «Междуцарствие...», гл. 11; о заявлении Троцкого от 1 июля 1925 г. см.: «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 13. По свидетельству самого Истмена, текст, опубликованный в 1926 г., «был скопирован с оригинала, хранящегося у самой Крупской, когда она передала этот документ партии. Эта копия была доставлена во Францию эмиссаром оппозиции и передана Борису Суварину» (неопубликованное письмо И. Дойчеру от 20 апреля 1956 г.). Истмен организовал публикацию в «Нью-Йорк таймс». Гонорар был выплачен Суварину «во имя дела французской оппозиции» («Бюллетень оппозиции», Париж, № 19, март 1931, с. 38—39). Об этом было сказано на 9 пленуме ИККИ в феврале 1928 г. в качестве дополнительного обвинения («Правда», 12 февраля 1928 г.).

60. Насколько известно, тезисы были написаны Сталиным «между 21 и 25 октября» (И. Сталин. Соч., т. 8, с. 384, 399).

61. Этот эпизод изложен по воспоминаниям жены Троцкого в кн.: V. Serge. *Vie et Mort de Trotsky*. 1951, p. 180—181 (выпуск книги неправильно датирован 1927 г.). Что именно вызвало эту вспышку, остается невыясненным, но эта фраза была определенно произнесена, и ее через несколько дней цитировал Бухарин, выступая на конференции («XV конференция ВКП(б)», 1927, с. 578).

62. «Вопросы истории КПСС», № 6, 1959, с. 38.

63. «КПСС в резолюциях...», 1954, т. II, с. 290—291; в то время резолюция не была опубликована, хотя ее смысл и содержание были известны в партии.

64. Тезисы опубликованы в И. Сталин. Соч., т. 8, с. 214—233.

65. Там же, с. 293.

66. Об этой дискуссии см. т. I, гл. I.

67. «XV конференция ВКП(б)», 1927, с. 417—419; «Правда», 31 октября 1926 г.

68. И. Сталин. Соч., т. 8, с. 234—297.

69. Эти выступления см.: «XV конференция ВКП(б)», 1927, с. 463—492, 505—535, 555—577; подготовительные заметки Троцкого к его речи находятся в архивах Троцкого, Т 3014, а более полная разработка его взглядов этого времени содержится в неопубликованной записке, там же, Т 3006.

70. «XV конференция ВКП(б)», 1927, с. 546.

71. Там же, с. 577—604.

72. И. Сталин. Соч., т. 8, с. 298—356.

73. «XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1927, с. 757; из «сотен тысяч» рабочих, которые присутствовали на заводских собраниях в Ленинграде, проходивших после конференции, только 27 голосовали против резолюции и 69 воздержались (см. С. М. Киров. Избранные статьи и речи, 1944, с. 65).

74. «Правда», 5 ноября 1926 г.; он стал также народным комиссаром рабоче-крестьянской инспекции (см. гл. 51).

75. «Правда», 1 февраля 1927 г.

76. «Пути мировой революции», 1927, т. I, с. 14—15.

77. И. Сталин. Соч., т. 9, с. 3—61.

78. «Пути мировой революции», 1927, т. II, с. 44; об отказе Троцкого выступать в 1924 г. см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 11, т. 3, гл. 27.

79. «Пути мировой революции». 1927, т. II, с. 58—83; о продолжительности его речи см. там же, т. II, с. 104. На следующий день «Правда» в передовой статье осудила Зиновьеву за «попытку создать международную платформу для всех оппозиционных и полувраждебных ВКП элементов» как противоречащую обещаниям, данным в заявлении от 16 октября («Правда», 9 декабря 1926 г.).

80. Там же, т. II, с. 94—106; выдержку из непроизнесенной части речи см. Архивы Троцкого, Т 3016.

81. «Пути мировой революции», 1927, т. II, с. 193—205.

82. Там же, т. II, с. 106—121; И. Сталин. Соч., т. 9, с. 62—151.

83. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 680—690. Иностраный коммунист, незадолго до этого прибывший в Москву, изложил свои впечатления от ораторов: Бухарин — «претенциозен», Зиновьев — «многословен», Сталин — «нудный, но внушительный», Троцкий — «исключительно умный и тонкий», но слишком «дипломатичный», Каменев — «ясный и трезвый, но слаб в выводах»; оппозиция все еще казалась безотчетно оптимистичной (A. Ciliga. *Au Pays du Grand Mensonge*, 1938, p. 17—18).

84. И. Сталин. Соч., т. 9, с. 77; «Пути мировой революции», 1927, т. II, с. 341—344.

85. Там же, т. II, с. 352—367; опровержения Зиновьева, Смилги и Федорова (все трое были участниками партийной конференции в апреле 1917 г.) были опубликованы в журнале германской оппозиции («Mitteilungsblatt (Linke Opposition)», № 3, I.II.1927).

86. «Le Temps», 27.VII, 8.VIII.1926.

87. «Documents on British Foreign Policy». Series IA, vol. II, p. 947. London, 1968; о более ранних оценках роли Сталина см. меморандум Форин офис от 16 июня 1926 г. (там же, vol. II, p. 106).

88. Фраза цитируется по: I. Deutscher. Stalin, 1949, p. 295.

89. «Правда», 25 января 1927 г.

90. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. II, с. 1629, прим. 98.1962.

91. Заявление и передовая статья о нем были опубликованы в «Правде» 15 февраля 1927 г.; о заявлении Николаевой см. т. I, гл. 26. Ярославский позднее назвал Крупскую и Залуцкого вместе с Николаевой и Бадаевым в числе тех, кто ушел из оппозиции в это время («Правда», 22 июля 1927 г.). О Крупской см. выше, с. 19. Залуцкий сообщил о своем разрыве с оппозицией в заявлении в ЦК от 11 марта 1927 г. (см. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. II, с. 1646; прим. 200, но к декабрю 1927 г. снова присоединился к ней и был исключен из партии (см. гл. 39). Беленький, один из главных лидеров оппозиции в июле 1926 г. (см. выше, с. 4—5), также раскаялся.

92. Ссылки на этот эпизод, который будет рассмотрен в следующем томе, имеются в архивах Троцкого, Т 912, 913.

93. Там же, Т 924; об ответе Троцкого см. Т 929.

94. Два варианта записки имеются в архивах Троцкого, Т 963, 964, причем последняя единица хранения представляет собой подписанный вариант, датированный 27 июня 1927 г.; в статье, опубликованной в «Правде» 22 июля 1927 г., Ярославский датирует время хождения первого проекта февралем-мартом 1927 г. О представлении записки в Центральный Комитет партии см. выше, с. 26.

95. Китайский вопрос будет рассмотрен в следующем томе.

96. Архивы Троцкого, Т 943, 944.

97. Там же, Т 3059.

98. Текст этой речи не был опубликован, но на нее часто ссылались с существенными разноречиями, например, Орджоникидзе на XV съезде партии («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. I, с. 434 ср. там же, т. II, с. 1652; прим. 244); особая причина, усугублявшая проступок, заключалась в том, что на собрании присутствовали беспартийные.

99. Эти резолюции, вместе с протестами от многих других организаций, были опубликованы в «Правде» 13 мая 1927 г.; бюро Центрального Комитета комсомола выступило с аналогичной резолюцией («Справочник партийного работника», вып. VI, 1928, т. II, с. 151). Крупская, видимо, написала Зиновьеву, упрекая оппозицию во «фракционной бузе»; Троцкий послал ей ответ, защищая точку зрения оппозиции (Архивы Троцкого, Т 951).

100. И. Сталин. Соч., т. 9, с. 282—283; речи Троцкого, не включенные в неопубликованный стенографический отчет под тем предлогом, что они посланы Троцкому для правки и не были возвращены во время, хранятся в архивах Троцкого (Т 958, 3061); они были напечатаны в журнале «Die Fahne des Kommunismus», No. 15, 24.VI.1924.

101. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 745; протест против этой резолюции как «бесспорного и неоспоримого свидетельства правого

уклона от марксизма, от ленинизма» хранится в архивах Троцкого, Т 3060; он также был опубликован в «Die Fahne des Kommunismus», No. 15, 24.VI.1927. О работе Пленума будет рассказано в следующем томе.

102. «Правда», 18 июня 1927 г.; доклад был сделан 4 июня 1927 г. О докладе Мануильского перед партийным активом в Ленинграде см. «Ленинградская правда», 4 июня 1927 г.; Троцкий выражал протест в связи с тем, что, несмотря на запрет публиковать речи, произнесенные на Пленуме, Мануильский цитировал ряд мест из его речи (Архивы Троцкого, Т 959).

103. Заявление и сопроводительное письмо находятся в архивах Троцкого, Т 941, 955; оба документа были опубликованы в немецком переводе в брошюре «Der Kampf um die Kommunistische Internationale», 1927, S. 149—164. Заявление было открыто для подписи на протяжении всего лета; согласно письму оппозиции в Политбюро от 18 октября 1927 г., опубликованном в журнале «Die Fahne des Kommunismus», № 35, 11.XI.1927, под ним было собрано еще 863 подписи. На XV съезде партии в декабре 1927 г. Каменев говорил даже о «примерно 3000 подписей», однако Угланов* возразил ему, что половина подписавших затем сняли свои подписи («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1961, т. I, с. 284).

104. Т. 1, гл. 1 и 26.

105. Троцкий защищал его в письме от 12 августа 1927 г., отправленном неустановленному лицу за границу (возможно, Крестинскому или Антонову-Овсенко), который считал его бессмысленно провокационным (Архивы Троцкого, Т 996); Зиновьев также защищал его в осторожных выражениях (там же, Т 957).

106. Слепков датировал его 2 июня 1927 г.; см. «Правда», 9 июля 1927 г.; окончательный текст датирован 27 июня 1927 г. (копия в архивах Троцкого, см. выше, с. 23).

107. На этот документ ссылался Ярославский в серии статей в «Правде» (см. выше, с. 30) и в последней из них сообщил о передаче его в Центральный Комитет.

108. Т. 1, гл. 27.

109. В записке Троцкого, цитированной выше в сноске 4, названы участники оппозиции, получившие назначения на дипломатическую работу: Крестинский был в Берлине, Раковский, Пятаков, Преображенский и В. Косиор в Париже, Каменев и Глебов-Авилов в Риме, Антонов-Овсенко и Канатчиков в Праге, Уфимцев и Семашко в Вене, Копп в Стокгольме, Мдивани в Париже, Коллонтай в Мексике и Краевский в Аргентине. В письме Зиновьева, Евдокимова и Троцкого от 29 июня 1927 г. в Центральный Комитет партии выражался протест против ряда назначений на дипломатическую работу участников оппозиции (оно цитировалось в «Большевике», № 23—24, 31 декабря 1928 г., с. 15); в письме от 27 августа 1927 г. Зиновьев протестовал против назначения Сафарова в Константинополь (Архивы Троцкого, Т 999).

110. Этот инцидент упоминался в резолюции ЦК партии от 9 августа 1927 г. (см. с. 32—33). В письме от 16 июля 1927 г. одному из своих корреспондентов Троцкий опровергал слухи о том, что он произнес речь с нападками на «диктатуру узурпаторов»; его «речь» ограничивалась следующими словами: «Опасности перед нашей страной велики, времена трудные, и каждый из нас должен быть вдвойне верным сыном революционной партии Ленина» (Архивы Троцкого, Т 980). По данным партийного архива, толпа на вокзале не превышала 300 человек («Вопросы истории КПСС», № 5, 1958, с. 136).

111. «Правда», 22 июня 1927 г. Развернутый ответ Троцкого, данный им от имени оппозиции, подчеркивал, что критика основывалась на «отождествлении социалистического государства со сталинской группой» (Архивы Троцкого, Т 3075); другую копию с поправками Зиновьева и Евдокимова, датированную 1 июля 1927 г., см. там же, Т 970. Нет никаких свидетельств того, что он когда-либо был отправлен.

---

* Согласно документам, М. И. Ульянова. — *Прим. ред.*

112. Выдержки из речи Зиновьева цитировались по неопубликованному стенографическому отчету Пленума в «Правде» 7 сентября 1927 г.
113. Обе речи были опубликованы в резко сокращенном виде в книге: *Л. Троцкий. Сталинская школа фальсификации*. Берлин, 1932, с. 133—164; согласно примечанию Троцкого, были выпущены те места, которые «были бы непонятны иностранному читателю без подробных разъяснений». Более полные тексты по исходному стенографическому отчету хранятся в архивах Троцкого, Т 3160 (хотя Троцкий впоследствии говорил об «огромных пропусках и искажениях» в самом стенографическом отчете — см. там же, Т 967). В стенографическом варианте его первой речи Троцкий утверждал, что существует согласованный план исключения его и Зиновьева из Центрального Комитета; Ярославский трудился над этим задолго до инцидента на Ярославском вокзале.
114. «Правда», 26 июня 1927 г.; в том же номере была опубликована передовая статья «Предостережение», которая обвиняла оппозицию в том, что она обращается с заявлением от 16 октября 1926 г., как с «ключком бумаги».
115. Архивы Троцкого. Т 3074.
116. Там же, Т 965.
117. См., например, «Правда», 6 июля 1927 г.
118. Процитировано в *И. Сталин. Соч.*, т. 10, с. 52.
119. Троцкий пытался ответить на это обвинение в пространной неопубликованной записке от 24 сентября 1927 г. (Архивы Троцкого, Т 3092).
120. О статье и редакционном примечании см. т. 1, гл. 2.
121. «Правда», 9, 12 июля 1927 г.
122. Там же, 22, 23, 24, 26 июля 1927 г.
123. Там же, 24, 29 июля 1927 г.; обещанное продолжение не было опубликовано, возможно, потому, что вопрос уже был достаточно выяснен в Центральном Комитете. О противоречиях по поводу советского термидора см. гл. 56.
124. «Известия», 3 августа 1927 г.
125. Короткую выдержку из речи Зиновьева и его контртезисы см. в архивах Троцкого, Т 987, 988. Речь Троцкого опубликована в *Л. Троцкий. Сталинская школа фальсификации*. Берлин, 1932, с. 165—179 (с пропуском последнего параграфа, который находится в архивах Троцкого, Т 3080), а также *И. Сталин. Соч.*, т. 10, с. 3—59.
126. Ее речь была напечатана на видном месте и, видимо, дословно в «Правде» 3 августа 1927 г.
127. Архивы Троцкого, Т 3083.
128. О протесте 13 участников оппозиции против этого обвинения см. там же, Т 993.
129. «КПСС в резолюциях...», 1954, т. II, с. 359—372.
130. Текста речи Зиновьева не сохранилось; судя по тому, как ее цитировали, он говорил о том, что оппозиция расходится с большинством в области «теоретической, политической, международной, хозяйственной, внутрипартийной, коминтерновской и организационной» («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1961, т. I, с. 195), и обвинял Сталина в проведении неправильной политики в национальном вопросе, а также в «центристской» позиции, балансировании между правыми и левыми («Правда», 7 сентября 1927 г.). Речь Сталина см. *И. Сталин. Соч.*, т. 10, с. 60—84, речь Троцкого — в архивах Троцкого, Т 3085.
131. Заявление было опубликовано вместе с резолюциями Пленума в «Правде» 10 августа 1927 г. Троцкий позднее сравнивал заявление от 8 августа 1927 г. с заявлением от 16 октября 1926 г. (и то и другое — документы, означавшие капитуляцию), считая их поворотными точками в истории объединенной оппозиции (Архивы Троцкого, Т 3109). Дипломатический инцидент, возникавший в связи с тем, что под заявлением поставил свою подпись Раковский, будет рассмотрен в следующем томе.
132. *И. Сталин. Соч.*, т. 10, с. 85—91.
133. Архивы Троцкого, Т 3086.
134. «КПСС в резолюциях...», 1954, т. II, с. 387—394.
135. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1961, т. I, с. 435.

136. «Правда», 12 августа 1927 г.
137. «Оппозиция и комсомол», 1927, с. 133—134.
138. См. проект речи в архивах Троцкого, Т 995; остается неясным, для какого случая она была предназначена и была ли вообще произнесена.
139. Там же, Т 998.
140. Архивы Троцкого, Т 994.
141. Записка «Об итогах августовского пленума»—в архивах Троцкого, Т 998; выдержка из нее была опубликована в: «Бюллетень оппозиции» (Париж), № 3—4, сентябрь 1929 г., с. 35.
142. Эти письма, о которых иных сведений не известно, были процитированы в заявлении Зиновьева и Каменева в «Правде» 27 января 1928 г. (см. гл. 40).
143. «КПСС в резолюциях...», 1954, т. II, с. 394.
144. «Правда», 10 августа 1927 г.
145. Архивы Троцкого, Т 1010; проект «платформы» хранится: там же, Т 1007, а печатная копия, очевидно, пострадавшая от огня,—там же, Т 1008. Платформа была опубликована в английском переводе книги — *L. Trotsky. The Real Situation in Russia*, 1928, p. 23—195. Согласно такому источнику, как «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1962, т. II, с. 1649, прим. 224, она была представлена 3 сентября 1927 г.
146. Архивы Троцкого, Т 1015, 1027; протоколов этого заседания опубликовано не было.
147. Эти сведения взяты из документа протеста, направленного оппозицией в Политбюро 1 октября 1927 г. (см. с. 37); о циничном признании Сталина, что «врангелевский офицер» был агентом ОГПУ см. *И. Сталин. Соч.*, т. 10, с. 187. В той или иной форме оппозиция продолжала выпускать ежедневный бюллетень вплоть до XV съезда партии («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1961, т. I, с. 145, 431).
148. «Правда» и «Известия», 29 сентября 1927 г.; первое упоминание об этой истории в печати.
149. «Правда», 30 сентября 1927 г.
150. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1961, т. I, с. 435.
151. «Правда», 13 октября 1927 г.; не датированный протест Преображенского против его исключения из партии см. в архивах Троцкого, Т 1005.
152. «Социалистический вестник» (Берлин): № 19 (61), 7 октября 1927 г., с. 14.
153. Этот эпизод освещен в книге *J. T. Murphy. New Horizons*. 1941, p. 274—277; речи Троцкого см. в архивах Троцкого, Т 3094, 3095, речь Сталина — *И. Сталин. Соч.*, т. 10, с. 153—167, речь Бухарина — «Коммунистический Интернационал», № 41 (115), 1927, с. 8—17.
154. «Правда», 1 октября 1927 г.; архивы Троцкого, Т 1018.
155. Архивы Троцкого, Т 1096, 1021; письмо в Политбюро и манифест были опубликованы в переводе в «The New International», New York, November 1934, p. 120—124.
156. О других фактах разрыва с оппозицией см. «Правда», 27 сентября, 12 октября 1927 г.; «Известия», 11 октября 1927 г., привели список более чем 20 лиц, подписавших заявление 83-х, которые порвали с ним.
157. Т. I, гл. 18.
158. Этот эпизод освещен в книге — *Л. Троцкий. Моя жизнь*. Берлин, т. II, с. 278; *V. Serge. Le Tournant Obscure*. 1951, p. 112—113.
159. «Правда», 20 октября 1927 г.; сообщалось, что один из тех, кто порвал с оппозицией, привел свидетельства существования на Урале организованной троцкистской группы еще с 1924 г. (там же, 23 ноября 1927 г.).
160. Т. I, гл. 2 и 37.
161. «Сталинская школа фальсификации». Берлин, 1932, с. 13—100; английский перевод в книге *L. Trotsky. The Real Situation in Russia*, 1928, p. 199—315.
162. Т. I, гл. 2.
163. «Вопросы истории КПСС», № 6, 1959, с. 40.
164. *И. Сталин. Соч.*, т. 10, с. 175; о постскрипуме к Завещанию см. «Международные...», гл. 11.

165. Эти инциденты были освещены Троцким в записке, направленной им в Секретариат, с протестом против изъятия каких-либо упоминаний о них в официальных стенограммах (Архивы Троцкого, Т 1032); речи Зиновьева и Троцкого с многочисленными перебивавшими их репликами, но без упоминания о скандальных инцидентах были опубликованы в «Правде» 2 ноября 1927 г. и в «Дискуссионном листке» № 2; речь Троцкого в том виде, как он намеревался ее произнести, хранится в архивах Троцкого, Т 3100, и была опубликована в книге *L. Trotsky. The Real Situation in Russia*, p. 3—19. Кубяк был назначен в Секретариат* после XV съезда партии («Правда», 20 декабря 1927 г., в феврале 1928 г. он стал наркомом сельского хозяйства РСФСР (см. т. 1, гл. 2).

166. О намечавшейся речи Троцкого см. Архивы Троцкого, Т 1042.

167. «КПСС в резолюциях...», 1954, т. II, с. 430—431; о решении от 8 сентября 1927 г. см. выше, с. 35. В «Дискуссионных листках» содержалось ограниченное число материалов оппозиции, основательно уравновешенных официальными статьями; первое такое приложение появилось 30 октября 1927 г.

168. «КПСС в резолюциях...», 1954, т. II, с. 431; протест от 23 октября 1927 г. со стороны девяти оставшихся в ЦК участников оппозиции, включая Каменева, Раковского и Смильгу, против исключения Зиновьева и Троцкого из ЦК и исключения из партии «сотен тех, кто думает так же, как мы», был опубликован в «Die Fahne des Kommunismus», № 35, 11.XI.1927.

169. «Правда» и «Известия», 27 октября 1927 г.

170. Об этих письмах см. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 4. Сталин в своей речи 23 октября 1927 г. заявил, что Центральный Комитет партии принял в июле 1926 г. решение опубликовать эти письма (*И. Сталин. Соч.*, т. 10, с. 175); никаких других свидетельств об этом не имеется, и представляется маловероятным, что было решение, разрешавшее публикацию этих писем до публикации ленинского Завещания, для которой требовалось решение съезда партии (см. выше с. 10). Передовая статья в «Правде» от 4 ноября 1927 г. навязывала прямую аналогию, объявляя «штрейкбрехерами» всех, кто распространял клевету о «термидоре» и «перерождении» партии, пытаясь таким образом помешать делу социалистического строительства в СССР и «деморализовать международный пролетариат».

171. «Правда», 12 ноября 1927 г.

172. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1961, т. I, с. 185—186.

173. Там же, т. I, с. 256.

174. Архивы Троцкого, Т 1034.

175. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1961, т. I, с. 152—153; т. II, с. 1631—1632, примечания 115—117. Вскоре после этого Вуйович был на Украине и собирал там подписи под заявлением протеста против исключения Троцкого и Зиновьева (там же, т. I, с. 190).

176. «Правда», 1 ноября 1927 г.

177. Там же, 6—7 ноября 1927 г.

178. *V. Serge. Mémoires d'un Révolutionnaire*. 1951, p. 243. В речи 19 ноября 1928 г. Сталин сказал, что «около 6000 голосовало против нашей платформы во время дискуссии перед пятнадцатым съездом партии»; его перебили, выкрикнув «10 000», и Сталин добавил, что было, возможно, и 20 000 сочувствующих оппозиции, кто вообще не голосовал. Это место из его речи, опубликованное в «Правде» 24 ноября 1928 г., а также в отдельной публикации речи под заголовком «Об индустриализации страны» (1928, с. 45), было опущено из текста речи, опубликованного в *И. Сталин. Соч.*, т. 11, с. 245. По данным книги *Н. Попов. Очерк истории Коммунистической партии Советского Союза*. Москва, 1934, т. II, с. 323, «оппозиция получила около 6000 голосов против 725 000, голосовавших за тезисы Центрального Комитета»; эти данные отражали, видимо, тот подсчет, который проводился на партийных собраниях. *The History of the CPSU (B): Short Course* (английский перевод 1939 г., p. 285, сократил число несогласных до 400).

179. Архивы Троцкого, Т 3101.

* Согласно документам, не в Секретариат, а в ЦК ВКП(б).— *Прим. ред.*

180. Два из числа запрещенных лозунгов оппозиции гласили: «Против оппортунизма, против раскола — за единство ленинской партии» и «Повернем огонь против правых — против кулака, нэпмана и бюрократа» (Архивы Троцкого, Т 3103); среди прочих лозунгов, выдвинутых оппозицией в это время, были такие: «Долой устряловщину!» и «Долой термидор!» («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1961, т. I, с. 287).

181. Об этих событиях в изложении Каменева, Муралова и Смильги см. архивы Троцкого, Т 1047; в изложении самого Троцкого — там же, Т 1048, 3103. Фотография взломанной двери в квартире Смильги хранится там же, Т 1086. Рассказ об инциденте, происшедшем в начале этого же дня, когда Преображенский и Смильга появились на балконе здания райсовета в центре Москвы, чтобы приветствовать демонстрантов, и были согнаны с балкона милицией, которая ворвалась в здание и сорвала знамена, изложен в документе, хранящемся там же, Т 1050. Преображенский, выступая на XVII съезде партии в 1934 г., вспоминал, что он сам, стоя на балконе, издавал грубые выкрики и, в частности, восклицал: «Да здравствует всемирный вождь пролетарской революции Троцкий!» («XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1934, с. 237).

182. V. Serge. Mémoires d'un Révolutionnaire. 1951, p. 246—247.

183. «Правда», 10 ноября 1927 г.

184. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», № 42—43 (215—216), 15 ноября 1927 г.; в связи с этим, по имеющимся сведениям, было запрещено проводить собрания членов партии по частным квартирам (Архивы Троцкого, Т 3105).

185. «Правда», 11 ноября 1927 г.

186. Там же, 15 ноября 1927 г. Существуют различные датировки этого решения; месяцем позже, выступая на XV съезде партии, Орджоникидзе, цитируя лишь решение об исключении из состава ЦК и ЦКК, датировал его 12 ноября («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1961, т. I, с. 7); резолюция съезда об оппозиции датирует решение об исключении Троцкого и Зиновьева из партии 14 ноября («КПСС в резолюциях...», 1954, т. II, с. 489).

187. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1961, т. I, с. 145; т. II, с. 1630, прим. 109; ни текст этого заявления, ни список подписавших его не известны.

188. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», № 45—46 (218—219), 27 декабря 1927 г.

189. Архивы Троцкого, Т 1053; о выезде Зиновьева (несшего посмертную маску Ленина), Радека, Каменева и Сокольниковых рассказывается в книге V. Serge. Le Tournant Obscur. 1951, p. 139—141. Упоминание Сокольниковых в этой связи, возможно, ошибочно; Сокольников заявил на съезде, что он вышел из оппозиции «несколько месяцев назад», и был вознагражден переизбранием в состав Центрального Комитета («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1962, т. II, с. 1132, 1414; о его разрыве с оппозицией в советской прессе не говорилось, видимо, ничего, но сообщил «Социалистический вестник», № 18 (160), 22 сентября 1927 г., с. 13).

190. За несколько месяцев до этого, 20 января 1927 г., Троцкий письменно запрашивал у Семашко разрешение на поездку Иоффе для лечения (Архивы Троцкого, Т 918); в медицинском заключении его самоубийство объяснялось резким ухудшением здоровья («Известия», 18 ноября 1927 г.).

191. Оригинал письма попал в руки ОГПУ; после протестов фотокопия письма была вручена, но не Троцкому, а Раковскому (Л. Троцкий. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. II, с. 283). Полный текст письма — в архивах Троцкого, Т 1054; он был опубликован в журнале «Большевик», № 23—24, 31 декабря 1927 г., с. 145—151. Перевод несколько сокращенного варианта, распространявшегося оппозицией, см. в книге L. Trotsky. The Real Situation in Russia. 1928, p. 325—332. Ярославский прямо обвинил оппозицию в том, что сокращения в тексте письма были сделаны намеренно, чтобы скрыть пессимизм Иоффе относительно перспектив оппозиции («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1961, т. I, с. 396).

192. «Правда» и «Известия», 20 ноября 1927 г. Обе газеты сообщили о похоронах и поместили фотографию траурного кортежа, но ни в одной из них

не упоминался Троцкий. Описание похорон см. в книге *Л. Троцкий. Моя жизнь*. Берлин, 1930, т. II, с. 284; *L. Fischer. Men and Politics*, 1946, p. 94; речь Троцкого — в архивах Троцкого, Т 3108.

193. Через месяц, выступая на XV съезде партии, Янсон мрачно заметил, что «последний, наиболее вычурный акт политической деятельности оппозиции в Москве происходил на кладбище» («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1961, т. I, с. 530).

194. *Л. Троцкий. Сталинская школа фальсификации*. Берлин, 1932, с. 101—109.

195. Этот эпизод будет рассмотрен в следующем томе.

196. Эти речи, помимо речей Каменева и Раковского, были достаточно полно отражены в «Правде» и «Известиях» 23, 24, 26, 27 ноября 1927 г.; Сталин на XV съезде партии заметил, что Раковский «наглумил по вопросу о войне» (*И. Сталин. Соч.*, т. 10, с. 354).

197. «Правда», 24 ноября 1927 г.

198. Там же.

199. Там же, 23, 26 ноября 1927 г.

200. Т. I, гл. 2.

201. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1962, т. II, с. 1393.

202. Там же, т. I, с. 7—9.

203. Там же, т. II, с. 1596—1598; Ярославский процитировал письмо одного участника оппозиции, свидетельствующее о том, что это решение было компромиссом между группой, желавшей капитулировать, и группой, возглавляемой Троцким, которая хотела продолжать борьбу (там же, т. I, с. 393—394). Оно было опубликовано в «Правде» 20 декабря 1927 г. наряду с другими документами оппозиции.

204. *И. Сталин. Соч.*, т. 10, с. 325—351.

205. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1961, т. I, с. 155, 206—214, 259—262, 279—285; Орджоникидзе процитировал «Бюллетень оппозиции» от 26 ноября 1927 г., где выдвигалось требование освобождения Мрачковского (там же, т. I, с. 431).

206. Там же, т. I, с. 285—296, 333, 530.

207. *И. Сталин. Соч.*, т. 10, с. 368—369.

208. «КПСС в резолюциях...», 1954, т. II, с. 441.

209. Оба заявления были опубликованы в «Правде» 20 декабря 1927 г. и в книге «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1962, т. II, с. 1599—1600. Копии — в архивах Троцкого, Т 1061, обозначенные соответственно «Тезисы Зиновьева» и «Тезисы Троцкого»; но, видимо, в составлении их и Троцкий и Зиновьев приняли обоюдное участие.

210. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. II, с. 1392.

211. Там же, т. II, с. 1393.

212. Там же, т. II, с. 1398—1400; обращение с протестом против исключения, подписанное Троцким, Раковским, Радеком и другими видными троцкистами и направленное президиуму ИККИ и зарубежным коммунистическим партиям, было опубликовано в «Die Fahne des Kommunismus», No. 3. 20.I.1928.

213. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1962, т. II, с. 1395—1397; «КПСС в резолюциях...», 1954, т. II, с. 488—490.

214. Заявление находится в архивах Троцкого, Т 1060; Томский, один из немногих, кто сказал об этом на съезде, заметил, что «здесь с трибуны не говорил никто, да и не стоит говорить, ибо эта группа является группой остервенелых, потерявших всякую перспективу людей» («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1961, т. I, с. 331).

215. Число рядовых членов партии, исключенных в это время, было, видимо, весьма незначительно. По данным московского партийного архива, большинство участников оппозиции «отказалось от антипартийной деятельности и освободилось от троцкистских взглядов»; такое наказание, как исключение из партии, применялось лишь в исключительных случаях («Вопросы истории КПСС», № 2, 1967, с. 127).

216. Там же, т. II, с. 1417—1419; «КПСС в резолюциях...», 1954, т. II, с. 491.

217. См. выше, с. 10.
218. *И. Сталин*. Соч., т. 10, с. 176.
219. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1961, т. I, с. 610, 623.
220. Там же, т. II, с. 1659; прим. 310; сам бюллетень остался недоступен.
221. См. выше, с. 10; первая реальная публикация всех этих документов имела место в 1956 г.
222. «Правда», 20 декабря 1927 г.
223. По сообщению Пауля Шеффера для газеты «Берлинер тагеблатт» за 6 января 1928 г., «30 видных лидеров оппозиции» были извещены ОГПУ об этом решении 3 января, а на следующий день самым главным из них — Троцкому, Муралову, Раковскому и Радеку наряду с Каменевым и Зиновьевым — было «предложено от имени партии уехать из Москвы» (*P. Scheffer. 7 Years in the Soviet Union* — английский перевод с немецкого, 1931 г., с. 192); Шеффер взял интервью у Троцкого 15 января 1928 г. (там же, с. 204—205).
224. В письме к незадававшему корреспонденту Троцкий сообщал позднее, что за день или два до его отъезда из Москвы к нему пришла «группа сановников», которые сказали ему, что, хотя политика партии правильна, «партийный режим не свободен от недостатков» и, «хотя мы осуждаем оппозицию, мы недовольны депортациями» (Архивы Троцкого, Т 3161); по сообщению из Москвы Сталин якобы голосовал в Политбюро против высылки Троцкого, которая была произведена после того, как он, Сталин, отправился в поездку по Сибири (там же, Т 1588; о поездке Сталина по Сибири см. т. I, гл. 2).
225. Многие из высланных получили фактически официальные назначения; Раковский в Астрахани работал в качестве «специалиста-экономиста» в губплане, получая партаксимум (хотя и не будучи уже членом партии), составлявший для этой зоны 180 руб. в месяц («Бюллетень оппозиции», Париж, № 85, июль 1933 г., с. 24—25). Сосновский работал в местной плановой комиссии в Барнауле (архивы Троцкого, Т 1119), Штикгольд — в качестве «специалиста» в Вологде (там же, Т 1127). Позднее, однако, некоторые участники оппозиции, по ряду свидетельств, зарабатывали на жизнь в качестве строительных рабочих («Бюллетень оппозиции», Париж, № 6, октябрь 1929 г., с. 27).
226. Эти события были подробно освещены в записке, написанной, судя по всему, самим Троцким и направленной Орджоникидзе и в Политбюро с копией в ИККИ (Архивы Троцкого, Т 1092).
227. О том, как происходила высылка, рассказывается в циркулярном письме, направленном Троцким его сторонникам, от 28 февраля 1928 г. (Архивы Троцкого, Т 1161) и в изложении его жены, приведенном в книге *Л. Троцкий. Моя жизнь*. Берлин, 1930, т. II, с. 285—287.
228. «Правда», 19 января 1928 г.
229. Перечень мест пребывания главных лиц, подвергнутых высылке, см. в архивах Троцкого, Т 1079, 1081.
230. Согласно заявлению Калинина, сделанному шестью месяцами позже, они «формально жили в Калуге, но очень часто в Москве» («Беднота», 9 июня 1928 г.); в июле 1928 г. Каменев, только что восстановленный в партии, жил уже в московской квартире (см. гл. 40).

Глава 40. Перестройка 1928 года

1. «Правда», 27 января 1928 г.
2. «Архивы Троцкого, Т 1179; презрительный комментарий Маслова и Рут Фишер в Берлине был напечатан в «Правде» 11 февраля 1928 г.
3. Если Р. Фишер (см. *R. Fisher. Stalin and German Communism Harvard, 1948, p. 604*) приводит достоверный факт, сообщая, что «20 русских товарищей из различных посольств и миссий» присутствовали на собрании оппозиции в Берлине в начале декабря 1927 г., то советский дипломатический корпус был питательной почвой оппозиции, что является, видимо, вполне естественным результатом практики использования назначений на работу за границу как способа избавиться от смутьянов (см. гл. 39).

4. «Правда», 29 февраля 1928 г.; случайно или намеренно это письмо было опубликовано под заголовком «Заявление товарища Пятакова», хотя он в действительности уже был исключен из партии.

5. Архивы Троцкого, Т 3112.

6. Там же, Т 1232; выдержка из этого письма была опубликована в «Правде» 8 апреля 1928 г.

7. Там же, 8 апреля 1928 г.; о поддержке Антоновым-Овсеенко Троцкого в более ранний период см. «Междущарствие...», гл. 13. Об отходе Антонова-Овсеенко от оппозиции сообщается в письме Троцкого от 26 мая 1928 г. (Архивы Троцкого, Т 1530).

8. См. гл. 39.

9. *L. Trotsky. The Real Situation in Russia*, 1928, p. 122—124; о более ранней версии этого предсказания см. гл. 39.

10. См. гл. 39.

11. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1961, т. I, с. 728, 729—730.

12. Там же, с. 835—839.

13. Там же, 1962, т. II, с. 1593—1596.

14. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 746; краткое изложение доклада Бухарина было опубликовано в «Правде» 17 февраля 1928 г.

15. «Правда», 19 апреля 1928 г.; о Кондратьеве см. т. 1, гл. 1.

16. См. т. 1, гл. 2. Троцкий в записке, написанной в начале 1928 г. (цитируемой в сноске 18), упоминает о «борьбе Сталина — Рыкова» и, отдавая известную дань собственному воображению, рассматривает ее как «борьбу между двумя аппаратами» — партии и государства, считая, что в последнем преобладает влияние правых. В июне 1928 г. он пишет о «фракции Рыкова» (Архивы Троцкого, Т 1588), а 12 сентября 1928 г., обращаясь к неназванному стороннику правой оппозиции, называет его «рыковцем» (там же, Т 3161). «Социалистический вестник» (Берлин), № 20 (186), 28 октября 1928 г., с. 3, сообщал, так сказать, задним числом, что новая правая оппозиция состоит из Рыкова, Калинин и Томского и — «по данным некоторых лиц» — Бухарина.

17. Т. 1, гл. 3.

18. Архивы Троцкого, Т 3019; она была опубликована в «Die Fahne des Kommunismus», No. 51, 21.XII.1928, No. 52, 28.XII.1928.

19. Архивы Троцкого, Т 1179; в сентябре письмо из Парижа дошло до Раковского в Астрахань за десять дней («Cahiers du Monde Russe et Soviétique», vol. 1, No. 4, July — December 1960, p. 625). В это время стали раздаваться жалобы на то, что письма вообще не доходят (архивы Троцкого, Т 1613); о последующих ограничениях см. гл. 41.

20. Архивы Троцкого, Т 1249. Как пишет Троцкий, Сафаров, прибыв из Берлина в Константинополь в ноябре 1927 г., громогласно «объявил о наступлении термидора» и, прибыв в Москву и услышав «осторожно-капитулянтскую речь» Зиновьева, пришел в ярость от него; Сафаров, однако, был поразительно неустойчив — «карикатурная разновидность бухаринского типа» (там же, Т 1530). О заявлениях Тарханова и Вардина см. там же, Т 1355, 1599. О Тарханове см. «Социализм в одной стране», т. 2, гл. 15; о Вардине см. там же, т. 2, гл. 14; об отречении Саркиса, еще одного зиновьевца, сообщалось в «Правде» 13 мая 1928 г.

21. Там же, Т 1262 (о сопроводительной записке для Троцкого от 23 апреля 1928 г. см. там же, Т 1349); о переписке по китайскому вопросу см. там же, Т 1189.

22. Вторая точка зрения была выражена в недатированном отчете, полученном Троцким из Москвы весной 1928 г. (архивы Троцкого, Т 1175); Троцкий полагал, что на Пленуме Центрального Комитета в апреле 1928 г. (см. т. 1, гл. 2) правые сумели организовать отпор Сталину, и считал, что Бухарин в частных разговорах характеризовал Сталина как представителя «троцкистской угрозы» (архивы Троцкого, Т 1588).

23. Мануильский решительно выступил против этой посылки на VI конгресс-

се Коминтерна в июле 1928 г. («Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», 1929, т. I, с. 56—57).

24. «Правда», 7 июня 1928 г.; согласно письму в архивах Троцкого (Т 1985), Вардин был, однако, амнистирован и вернулся в Москву в середине июля 1928 г.

25. «Правда», 8 июня 1928 г.

26. Там же, 29 июня 1928 г.; Зиновьев отметил свое возвращение написанием не вызывавшей полемики статьи об австро-марксизме, которая была опубликована в журнале «Большевик», № 16, 31 августа 1928 г., с. 15—28.

27. Там же, № 4, 28 февраля 1929 г., с. 28—29.

28. См. гл. 39.

29. По некоторым сведениям, Калинин сказал Зиновьеву в январе 1929 г., что «он (Сталин) говорит о левых действиях, но очень скоро будет вынужден проводить мою политику в трехкратном размере... вот почему я его поддерживаю» («Бюллетень оппозиции» (Париж), № 1—2, июль 1929 г., с. 16); Калинин был благожелательным человеком, склонным принимать желаемое за действительное.

30. Об этом выступлении см. т. 1, гл. 3; путаный и тенденциозный рассказ об этой встрече одного из присутствующих на ней см. А. *Avtokhanov*. *Stalin and the Soviet Communist Party*, 1959, p. 1—10.

31. «Правда», 4 июля 1928 г. (заявление Молотова) 5, 6 июля (письма Слепкова и Молотова, относящиеся к их прежним заявлениям перед Московским комитетом партии); Центральная контрольная комиссия, объявив через несколько дней об инциденте Молотова — Слепкова, пришла к выводу, что Молотов, находясь вне Москвы, не имел возможности сделать какие-либо замечания по статье Слепкова, и вынесла порицание Слепкову за то, что тот не сумел подтвердить фактами свои утверждения («Известия Центрального Комитета ВКП(б)», № 23 (244), 31 июля 1928 г., с. 13). Согласно сведениям, дошедшим до Троцкого (архивы Троцкого, Т 1588), Слепков пытался подорвать положение Кирова в Ленинграде.

32. «Большевик», № 11, 15 июня 1928 г., с. 8—20.

33. См. т. 1, гл. 3; в «Правде» за 7 июля 1928 г. вслед за статьей Крицмана, которая целиком одобряла чрезвычайные меры и приводила их в качестве примера провозглашенного XV съездом партии наступления на кулака, был опубликован пространный и аргументированный редакционный комментарий — возможно, написанный Астровым, — где говорилось о «многочисленных письмах, полученных редакцией и несомненно отражающих голос масс», как свидетельство того, что чрезвычайные меры ослабили союз с крестьянством в целом.

34. Отчет об этом был напечатан позднее в «Правде» 4 августа 1929 г.; сплошная чистка партийной ячейки была проведена в июле 1929 г., в результате которой 15 человек были переведены на менее ответственную работу. Другие свидетельства о перетряске в «Правде» летом 1928 г. содержатся в документе, хранящемся в архивах Троцкого (Т 2442), а также приводятся в журнале «Вопросы истории КПСС», № 4, 1960, с. 68; по сведениям, дошедшим в то время до Троцкого, Ярославский был направлен в «Правду», чтобы присматривать за Бухариным, а Слепков был назначен руководителем отдела агитации и пропаганды в партийном комитете в Якутске (архивы Троцкого, Т 1558).

35. В каждом номере «Большевика» печатался список членов редакционной коллегии, однако изменения в ее составе отражались с запозданием и не отвечали ситуации в каждый конкретный момент. Так, Астров формально оставался членом коллегии до июня 1929 г., а Бухарин на протяжении всего периода своей опалы. О Криничком см. гл. 55.

36. Об этом заявил Бухарин Каменеву во время их беседы 11 июля 1928 г. (см. с. 65—66); о переписке Фрумкина — Сталина см. т. 1, гл. 3.

37. В последующем Томский относил начало своих ошибок к этому Пленуму, когда он считал необходимым «смягчить борьбу, которая возникла в деревне, посредством уступок середняку» («XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1931, с. 143).

38. Т. 1, гл. 3.

39. Архивы Троцкого, Т 2442; согласно этим сведениям, Ломинадзе выступил против этого решения — возможно, для того, чтобы подчеркнуть свою поддержку Сталину.

40. «КПСС в резолюциях...», 1954, т. II, с. 558—559.

41. «Правда», 13 июля 1928 г.; о том, как объяснил это перемещение Бухарин, см. с. 66.

42. Архивы Троцкого, Т 2442; согласно заявлению, сделанному спустя три месяца в Московском областном комитете партии, вопрос о снятии Угланова впервые был поставлен Сталиным в июле 1928 г. (там же, Т 2811).

43. Т. I, гл. 3.

44. Там же.

45. Относящиеся к этому материалы в архивах Троцкого (Т 1897) включают в себя: 1) письмо Сокольников; 2) запись беседы с Сокольниковым; 3) запись беседы с Бухариным; 4) дополнительные заметки к последней записи. Этот материал представляет собой плохо отпечатанный на машинке документ, неряшливый по стилю изложения и местами беспорядочный по содержанию; часть записи беседы с Бухариным (немного более пространная, чем все остальные) помечена словами: «копия с копии». На основной части материалов стоит пометка «6 часов 11 июля», но материал 4 (дополнительные заметки) датирован «в ночь с 11 на 12 июля». Различные варианты материала 3 (запись беседы с Бухариным) были опубликованы в «Социалистическом вестнике», Берлин, № 6 (196), 22 марта 1929 г., с. 10—11, а материалов 2 и 4 — там же, № 9 (199), 4 мая 1929 г. Эти варианты были неполными и не совсем точными; некоторые исправления, очевидно, предназначенные для того, чтобы прояснить некоторые путаные и невнятные места в тексте оригинала, судя по всему, извращали его смысл.

46. Согласно записи, путано освещающей этот момент, Сокольников «ушел перед окончанием» беседы. Представляется, однако, очевидным, что Каменев и Бухарин были одни на протяжении всей беседы, а Бухарин, судя по имеющимся данным, сказал: «Я договорился с Сокольниковым, чтобы он вернулся перед моим уходом».

47. Андреев был назначен секретарем крайкома на Северном Кавказе в апреле 1928 г., когда на его место в Оргбюро ЦК пришел Бауман.

48. Архивы Троцкого, Т 1494.

49. Там же, Т 1780; в написанном от руки письме Троцкому от 24 июня 1928 г. Радек пытался оправдаться за самостоятельно предпринятую им акцию (там же, Т 2046). Троцкий тотчас же направил циркулярное письмо своим сторонникам, выдержанное в строго критическом духе в отношении «тезисов товарища Радека» («Бюллетень оппозиции», Париж, № 1—2, июня 1929 г., с. 11—14).

50. Русский текст — в архивах Троцкого, Т 3123; в английском переводе он известен в виде брошюры: *L. Trotsky. The Third International after Lenin*. N. Y., 1936.

51. Радек разъяснил это в записке, распространенной среди участников оппозиции в сентябре 1928 г. (архивы Троцкого, Т 2441).

52. Расхождения между Троцким и Радеком засвидетельствованы невероятно длинной запиской, составленной Радеком летом 1928 г. по вопросу теории диктатуры пролетариата; она была посвящена критическому разбору взглядов Троцкого начиная с 1905 г. и завершалась выражением опасений, что продолжающееся исключение оппозиции из партии «лишит ее влияния на политику Советского правительства» (архивы Троцкого, Т 2324). Троцкий написал Радеку 20 октября 1928 г., напомнив о его же недавних высказываниях совершенно иного звучания (там же, Т 2820); на следующий день он направил пространное циркулярное письмо своим сторонникам, в котором вновь попытался, хотя и не столь убедительно, сформировать общую платформу для оппозиции (там же, Т 3146; «Die Fahne des Kommunismus», No. 1, 4.I.1929).

53. Иностраный коммунист, живший в это время в Москве, писал позднее, что, «когда в 1928 году группа Сталина и с нею вся партия объявили войну частнособственническому капитализму, я решил вначале, что это означает про-

летарское и революционное возрождение коммунистической партии» (*A. Ciliga. Au Pays du Grand Mensonge*, 1938, p. 82).

54. Архивы Троцкого, Т 3126, 2480.

55. Там же, Т 2630.

56. Непрономерованная и недатированная записка на французском языке в архивах Эмбер-Дро, озаглавленная «Мои отношения с группой правых и примиренцев», была написана, судя по ее содержанию, после VII конгресса Коминтерна 1935 г.; события и проблемы, связанные с Коминтерном, будут рассмотрены в следующем томе.

57. О том, как освещает этот эпизод Сталин, см. *И. Сталин. Соч.*, т. 12, с. 19—23; его основные обвинения против Бухарина состояли в том, что тот не сумел объяснить непрочность нынешней стабилизации капитализма и выдвинуть перспективу «нового революционного подъема», а также в том, что, говоря об опасности правого уклона, Бухарин ничего не сказал об опасности примиренчества с правыми уклонистами.

58. См. записку Эмбер-Дро, названную выше, см. 56.

59. *B. Gillo. I Confess*. N. Y., 1940, p. 503, 507.

60. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», 1920, т. I, с. 58, 610.

61. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 792.

62. Осенью 1928 г. Бухарин выступил против официальной линии и поддержал правых по двум вопросам, связанным с германской компартией: о предложенных санкциях против Тельмана в связи с делом Витторфа и об исключении Брандлера и Тальгеймера из партии; обе эти акции были составными частями сталинского плана, направленного против Бухарина (*И. Сталин. Соч.*, т. 12, с. 23—26). Эти вопросы будут рассмотрены в следующем томе.

63. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», 1929, т. I, с. 3—53, 55—85.

64. Там же, с. 86—96.

65. Там же, с. 135—136; «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 870—874.

66. «Правда», 12 сентября 1928 г.

67. Архивы Троцкого, Т 3129, Т 3146.

68. В это время Сталин находился, видимо, в отпуске; он возвратился в Москву 3 октября 1928 г. («Известия», 5 октября 1928 г.).

69. В письме (не имеющем точной даты) от августа или сентября 1928 г., отправленном из Москвы одним из сторонников Троцкого, сообщалось, что «под флагом самокритики Сталин завоевал Институт красной профессуры» (архив Троцкого, Т 2442); в результате перевыборов в парторганизации института были устранены сторонники Угланова, и «школа Бухарина была изгнана из стен института» («Борьба классов», № 8—9, 1931, с. 28).

70. Архивы Троцкого, Т 2533; о компании в «Комсомольской правде» против профсоюзом см. т. I, гл. 20.

71. Т. I, гл. 3.

72. Речь Молотова была помещена в «Правде» 26 сентября 1928 г., а резолюция — там же, 3 октября 1928 г.

73. Архивы Троцкого, Т 2442 (безымянное сообщение из Москвы от сентября 1928 г.).

74. Там же, Т 2534, 2535, 2560.

75. Там же, Т 2630. Запись этой беседы существует, видимо, в партийных архивах; Каменев будто бы посоветовал своим собеседникам вступить в партию, занять государственные или профсоюзные посты и дожидаться, когда «кризис созреет» («Вопросы истории КПСС», № 3, 1968, с. 49).

76. Там же, Т 2854, 2897.

77. О плохо напечатанных на машинке манифестах оппозиции, датированных октябрём 1928 г. и 7 ноября 1928 г., см. там же, Т 2698, 2865; второй документ был отпечатан типографским способом в тысяче экземпляров.

78. Архивы Троцкого, Т 2674.

79. Там же, Т 2829, 2849, 2850.

80. «Большевик», № 2, 31 января 1929 г., с. 23.

Глава 41. Правый уклон

1. Т. 1, гл. 3 и 12.

2. Архивы Троцкого, Т 3146.

3. О записке Смильги от 23 октября 1928 г. см. т. 1, гл. 3; против статьи Бухарина, хотя и не называя ее прямо, резко выступил экономист Леонтьев в «Правде» от 4 ноября 1928 г. В беседе с Таска Бухарин упомянул о двух отзывах на его «Записки экономиста» — Смильги и Преображенского, о первом — как враждебном по тону, а о втором — как «единственном интересном с точки зрения доктрины» («Annali, 1966», Milan, 1966, p. 656). Отзыв Преображенского выявить не удалось.

4. Упоминание об этих слухах содержится в циркулярном письме Троцкого своим сторонникам от 21 октября 1928 г. (Архивы Троцкого, Т 3146).

5. См. записку из архивов Эмбер-Дро (гл. 40).

6. Изложение этих фактов, приведенных Бухариным в беседе с Каменевым в январе 1929 г., было опубликовано в виде заметки, подписанной «Г. Г.», в «Бюллетене оппозиции», Париж, № 1—2, июль 1929 г., с. 15—17. Поскольку опубликованный документ представляет собой запись, сделанную безымянным сторонником Троцкого, каменевского рассказа об этой беседе, возможность ошибок здесь (не говоря уже о том, насколько беспечным в своей откровенности мог быть сам Бухарин) очень велика, и к данному источнику приходится относиться с настороженностью. Бухарин написал свои «Заметки экономиста» в последнюю неделю сентября 1928 г.; самая поздняя достоверная ссылка на это — статья в газете «Экономическая жизнь» от 21 сентября 1928 г. Он, вероятно, уехал из Москвы примерно в то время, когда «Заметки» были опубликованы — 30 сентября 1928 г. Написанная им статья в честь юбилея Покровского, опубликованная в «Правде» 25 октября 1928 г., датирована «Кисловодск, 21 октября». Он возвратился в Москву в первую неделю ноября 1928 г. (см. гл. 42).

7. Об этих событиях см. т. 1, гл. 3.

8. И. Сталин. Соч., т. 11, с. 235—236.

9. Речь идет, видимо, о том эпизоде, когда, по свидетельству очевидца, Угланов «бил себя в грудь и каялся в своих грехах, слезно обещая строго следовать впредь линии партии, восхвалял прозорливость Сталина и пустил в ход весь набор дежурных словопрений (A. Barmine. One Who Survived. 1965, p. 170).

10. «Правда», 20 октября 1928 г.

11. Там же, 23, 24 октября 1928 г.

12. Архивы Троцкого, Т 2850; о лозунгах 1927 г. см. фл. 39.

13. См. источник, указанный в сноске 6; Бухарин возвратился в Москву как раз к тому времени, когда он должен был выступать на праздновании 7 ноября («Правда», 10 ноября 1928 г.). Он не намеревался придавать своему докладу остро полемичный характер и говорил об индустриализации как о «центре всей нашей работы», добавив, однако, что наша страна — страна мелкобуржуазная и будет оставаться такой еще долгое время.

14. Т. 1, гл. 3 и 12.

15. Эти сведения почерпнуты из источника, указанного выше в сноске 6. Таска сообщает, что, по словам Бухарина, он сам написал проект всей резолюции «от первой до последней строчки» («Annali, 1966», Milan, 1966, p. 656), но здесь, очевидно, явное недоразумение. Орджоникидзе, выступая в 1939 г. на XVI съезде партии, напомнил о бухаринских «семи пунктах требований, имевших характер ультиматума», включая его требование опровержения слухов о расхождении в Политбюро («XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1931, с. 326). Говорилось также о том, что Бухарин потребовал призвать к порядку руководителя КППГ Тельмана за то, что тот критиковал его тезисы на VI конгрессе Коминтерна, и отозвать из Берлина делегата ИККИ Наймана, который поддерживал Тельмана (И. Сталин. Соч., т. 12, с. 25). Все источники сходятся на том, что Бухарин и Томский вручили свои заявления об отставке, а затем взяли их назад; как свидетельствует резолюция от 9 февраля 1929 г. (см. сноску 47), Рыков также подал в отставку. Бухарин, видимо, сказал Таска, что он пошел на попятную, поскольку Томский и Рыков оставили его в одиночестве («Annali, 1966», Milan, 1966, p. 658). О рыковском проекте резолюции см.

- т. 1, гл. 3 и 12; заключительный раздел резолюции об уклонах — в «КПСС в резолюциях...», 1954, т. II, с. 538—540.
16. *И. Сталин*. Соч., т. 11, с. 270, 286—287. Месяцем позже, когда делегаты германской компартии в президиуме ИККИ процитировали эту его речь в качестве довода против применения санкций в отношении германских правых, Сталин повторил, что «правые в ВКП(б) не представляют еще фракции, и они, бесспорно, лояльно выполняют решения ЦК ВКП(б)»; это, однако, не относится к правым в Германии (там же, т. 11, с. 307).
17. *И. Сталин*. Соч., т. 11, с. 321; передовая статья в «Правде» от 25 ноября 1928 г. подчеркивала, что эта резолюция была единогласно предложена Политбюро и единогласно принята Центральным Комитетом.
18. Доклады Молотова и Рыкова были помещены в «Правде» 4 декабря 1928 г.
19. «Правда», 28 ноября 1928 г.; «Правда» писала затем по поводу этих событий, что «партийные массы выправили линию партии и дисциплинировали ее отдельных руководителей» (там же, 12 января 1929 г.). О назначении Угланова наркомом труда см. т. 1, гл. 20.
20. «Правда», 1 декабря 1928 г.; о докладе Молотова см. выше, с. 80.
21. Т. 1, гл. 20.
22. Каменев, как бы демонстрируя свою лояльность, написал статью о восстановлении промышленности, озаглавленную «По-новому, по-деловому», которая была опубликована в «Правде» 16 ноября 1928 г.; согласно сведениям, приведенным выше в сноске 6, Зиновьев и Каменев имели беседы с Орджоникидзе в декабре 1928 г., вероятно, с целью возвращения их на партийную или государственную работу, но никакого результата они не дали.
23. *И. Сталин*. Соч., т. 11, с. 317. Эта записка ориентировочно датируется тем же временем, что и циркулярное письмо Троцкого от 21 октября 1928 г. (см. выше, сноска 4); она явно предшествовала решению о высылке Троцкого из СССР.
24. «Большевик», № 23—24, 21 декабря 1928 г., с. 13—24; № 2, 31 января 1929 г., с. 14—31; № 4, 28 февраля 1929 г., с. 18—28.
25. Архивы Троцкого, Т 2850, 2912.
26. Это письмо опубликовано в кн.: *Л. Троцкий*. Что и как произошло. Париж, 1929, с. 57—65. Скорее всего, оно не дошло ни до одного из адресатов. Изложение этих событий было вновь дано в книге: *Л. Троцкий*. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. II, с. 308—313.
27. «Бюллетень оппозиции», Париж, № 1—2, июнь-июль 1929 г., с. 3; тот факт, что Бухарин, Рыков и Томский голосовали против, подтверждается письмом из архивов Таска («Anpali, 1966», Milan, 1966, p. 648).
28. Некоторые участники оппозиции были настолько поражены этим решением, что подозревали за ним заговор с целью убийства Троцкого либо во время переезда либо по прибытии в Турцию (см. письма Паскаля и Нина в архивах Таска; там же, p. 648—649).
29. «Anpali, 1966», Milan, 1966, p. 648).
30. *Л. Троцкий*. Что и как произошло. Париж, 1929, с. 16—17; его же. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. II, с. 313—317.
31. «Бюллетень оппозиции», Париж, № 1—2, июнь 1929, с. 5—8.
32. Об авторстве Сталина свидетельствует факт включения этой статьи в Сочинения (см. т. 11, с. 313—317), где редакторы тома необъяснимым образом сопроводили ее пометкой «Печатается впервые»; за исключением двух или трех незначущих словесных поправок тексты обеих публикаций идентичны.
33. «Правда», 2 марта 1929 г.; речь была произнесена 26 февраля 1929 г.
34. «Правда», 8 марта 1929 г.; «Большевик», № 5, 15 марта 1928 г., с. 60—69.
35. «Правда», 22 марта 1929 г.; как утверждалось в статье Ярославского в «Правде» от 30 мая 1929 г., Радек и Смилга выразили неодобрение публикациями Троцкого в буржуазной прессе, а Муранов возражал им, говоря, что Маркс и Энгельс оправдывали и использовали подобную практику. Сам Троцкий сравнивал свои действия с обращением Ленина к посредничеству Германии в целях

своего возвращения в Россию в 1917 г. и заявлял, что он всего лишь «использовал plombированный вагон буржуазной прессы, чтобы сказать правду всему миру» («Бюллетень оппозиции», Париж, № 1—2, июль 1929 г., с. 4). Сообщалось о том, что Троцкий намерен использовать свои гонорары для публикации работ Ленина, равно как материалов партийных съездов и конференций и других документов партии («Правда», 12 мая 1929 г.). Этот замысел был осуществлен лишь частично в книге Л. Троцкий. Сталинская школа фальсификации. Берлин, 1932.

36. Обе встречи были кратко описаны Бухариным в ходе судебного процесса над ним в 1938 г. («Отчет о судебном процессе по делу об антисоветском правотроцкистском блоке». Москва, 1938, с. 386—387). Это — единственный источник сведений о первой встрече; о второй более подробно рассказывается в приведенном выше источнике (сноска 6), в котором упоминается «несколько встреч» между Каменевым, Бухариным и Пятаковым, имевших место в это время.

37. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 84.

38. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 4.

39. Об этих заявлениях см. т. 1, гл. 8; среди многочисленных материалов, посвященных памяти Ленина, которые опубликовала «Правда» 20 и 21 января 1929 г., были не вызывавшие полемики статьи Пятакова, Каменева и Зиновьева — своего рода дань их отречению от оппозиции.

40. «Бюллетень оппозиции», Париж, № 1—2, июль 1929 г., с. 17.

41. По сведениям А. Авторханова (*Avtorkhanov. Op. cit.*, p. 115), четвермя членами ЦКК, присутствовавшими на заседании, были Орджоникидзе, Ярославский, Шкирятов и Сольц — все четверо сталинисты, к которым по просьбе Бухарина был добавлен Енукидзе.

42. «XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1931, с. 325.

43. Там же, с. 201—202.

44. Сведения о том, что происходило на заседании, приходится собирать по частям из речей Сталина и текста резолюции (см. две следующие сноски).

45. «Краткая запись», помещенная в 11-м (у автора ошибочно — в 12-м) томе Сочинений И. Сталина — это явно объединенный текст двух или более его выступлений. Ленинскую характеристику Бухарина см. В. И. Ленин. Сочинения (2-ое изд.) т. XXIX, с. 229; о прегрешениях Шляпникова и Томского см. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 8, т. 2, гл. 19.

46. Эта компромиссная формула была приведена Сталиным на Пленуме ЦК в апреле 1929 г. (*И. Сталин. Соч.*, т. 12, с. 6—7).

47. Есть мнение, что Рыков присоединился к совместной декларации и подписал ее не без колебаний и только лишь после «ультиматума» Бухарина, Томского и Угланова (*А. Avtorkhanov. Op. cit.*, p. 121).

48. Впервые эта резолюция была опубликована в сборнике «ВКП(б) в резолюциях...», 4-е изд., 1933, т. II, с. 521—530, но при этом был опущен один параграф, осуждающий Бухарина за то, что он в публичном выступлении назвал советскую валютную позицию безнадежной; полный текст резолюции впервые помещен в сборнике «КПСС в резолюциях...», 1954, т. II, с. 556—557.

49. Доклад Молотова был опубликован в «Правде» 26 и 27 февраля 1929 г. и в виде отдельной брошюры под заголовком «Об успехах и трудностях социалистического строительства»; текст резолюции см. «Правда», 27 февраля 1929 г. «Бюллетень оппозиции», Париж, № 1—2, июль 1929 г., писал о том, что ораторы, выступавшие на конференции с критикой в адрес Бухарина, Рыкова и Томского, называли их по фамилиям, но из опубликованного отчета фамилии были убраны.

50. «Правда», 2 марта 1929 г.

51. «Правда», 9, 10 марта 1929 г.; выступление Ворошилова было перепечатано в: К. Ворошилов. Статьи и речи. 1937, с. 287—325.

52. Т. 1, гл. 11. 30 марта 1929 г. 10 годовщина назначения Калинина как преемника Свердлова на пост председателя ЦИК и формального главы государства широко отмечалась в прессе с публикацией фотографий, воспоминаний и массы поздравлений; на собрании, где в качестве почетных гостей фигурировали Сталин, Микоян и Молотов, Петровский предложил учредить в честь этого

юбилея 100 стипендий для рабочих, батраков и крестьян-бедняков, обучающихся в сельскохозяйственных и технических вузах («Правда», 30 марта, 2 апреля 1929 г.; «Беднота», 30, 31 марта 1929 г.).

53. *И. Сталин*. Соч., т. 12, с. 6.

54. Т. 1, гл. 11.

55. *И. Сталин*. Соч., т. 12, с. 1—2, 69—79, 99—101; о речи Сталина см. т. 1, гл. 11.

56. «КПСС в резолюциях...», 1954, т. II, с. 549—566; эта резолюция, как и предшествовавшая ей (см. сноску 48), была впервые опубликована в сборнике «ВКП(б) в резолюциях...», 4-е изд., 1933, т. 11, с. 515—521.

57. Т. 1, гл. 11 и 37.

58. Резолюцию см. в сборнике «КПСС в резолюциях...», 1954, т. II, с. 614—615; краткое изложение доклада Молотова см. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», 1962, с. 584. Те места в выступлениях делегатов, где Бухарина критиковали по имени, впервые были опубликованы там же, с. 305 (Шлихтер), 319 (Ломинадзе), 352—353 (Рошаль), 371—373 (Стрельцов), с. 383—385 (Любченко); эти материалы были опущены либо изменены в издании 1929 г. «XVI конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б)». Обращавшее на себя внимание отсутствие на конференции открытых нападок на Бухарина, Рыкова и Томского породило в некоторых кругах за рубежом (см., например, статью в «Die Fahne des Kommunismus», N 19, 24.V.1929) ошибочное мнение о том, будто бы был достигнут компромисс.

59. Так, статья в «Правде» от 21 мая 1929 г., завуалированно и искусно составленная, обвиняла неких безымянных правых уклонистов в ереси, опираясь при этом на цитаты из прежних выступлений Рыкова и Томского.

60. «Правда», 30 апреля 1929 г.

61. Там же, 12 июня 1929 г.; о самом конгрессе см. гл. 54.

62. *И. Сталин*. Соч., т. 12, с. 96.

63. Он появился в заголовке статьи в «Правде» от 25 апреля 1929 г., но в это время он использовался еще в исключительных случаях. Томский в своей покаянной речи на XVI съезде партии в июне 1930 г., заметил, что «параллель с троцкистами и зиновьевцами тут совершенно неуместна, и, конечно, не случайно т. Сталин такой параллели не проводил» («XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1931, с. 144).

64. Рыков заверял позднее, что он реагировал на беседу Каменева — Бухарина «с величайшим порицанием и заявил об этом немедленно», однако он не уточнил, когда именно и кому» («XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1931, с. 149).

65. *И. Сталин*. Соч., т. 12, с. 107.

66. По сообщению, имеющемуся в архивах Троцкого, правая оппозиция находила менее массовый отклик, чем троцкисты, но пользовалась определенной поддержкой «особенно среди рабочих текстильной промышленности и тех, кто был связан с деревней» (архивы Троцкого, Т 2852).

67. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», 1962, с. 300—303; о поддержке, которой пользовался Бухарин в партии, и попытках квалифицировать ее как поддержку со стороны «кулацкого слоя в деревне», см. гл. 46. Крупская, отошедшая от объединенной оппозиции (см. гл. 39), несомненно, была среди тех, кто симпатизировал Бухарину. Выступая в «Правде» 20 января 1929 г. со статьей о колхозах, она подчеркивала, что Ленин был против использования насилия по отношению к крестьянину-середняку. Бухарин со своей стороны написал первую из нескольких статей, посвященных празднованию 60-летия Крупской (там же, 27 февраля 1929 г.). Она не выступала на XVI партконференции в апреле 1929 г. На XVI съезде партии в 1930 г. она назвала правый уклон «главной опасностью», однако в ответ на неоднократные призывы высказаться в отношении Бухарина, Томского и Рыкова она лишь чрезвычайно мягко критиковала двух последних и вообще не упомянула Бухарина («XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1930, с. 211, 213—214).

68. Статья в «Известиях Центрального Комитета ВКП(б)», № 1 (260), 16 января 1929 г., подписанная инициалами Н. Б., жаловалась на то, что

местные организации не принимают всерьез правого уклона и не предпринимают шагов для борьбы против него; в статье подчеркивалась необходимость «развертывать борьбу против правой опасности». Старые члены партии не могли не заметить пикантного совпадения с тем, что раньше статьи Бухарина 1915 и 1916 гг. также были подписаны инициалами Н. Б.

69. «Protokoll: 10 Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale». 1929, S. 442—423, 435; обзорная статья о Пленуме была опубликована в «Правде» 30 июня 1929 г.

70. Там же, S. 576—578, 627—631.

71. «Protokoll: 10 Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale». 1929, S. 876—877; «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 911—913.

72. «Правда», 21 июля 1929 г.

73. Эта резолюция была опубликована там же, 22 августа 1929 г.

74. Там же, 24 августа 1929 г.; статья признавала «огромные заслуги т. Бухарина, много лет сражавшегося в наших рядах бок о бок с В. И. Лениным», но вместе с тем обращала внимание на его «тяжелые ошибки», когда в компании с Троцким он выступал против Ленина.

75. Там же, 27 августа 1929 г.; об этой рецензии и критике Молотова см. выше, с. 95. Леонтьев еще за год до этого выступал с опровержением бухаринских «Заметок экономиста».

76. «КПСС в резолюциях...», 1954, т. II, с. 662—663; сообщение об этих мерах, принятых 12 ноября 1929 г., было опубликовано в «Правде» 29 ноября 1929 г.

77. «Бюллетень оппозиции», Париж, № 1—2, июль 1929 г., с. 17—18.

78. «Правда», 28 апреля 1929 г.; последующие списки приблизительно еще 30 «возвращенцев» из оппозиции были опубликованы там же, 17 мая 1929 г.

79. Там же, 28, 30 июня 1929 г.

80. См. гл. 40.

81. «Правда», 30 мая 1929 г.

82. «Бюллетень оппозиции», Париж, № 6, октябрь 1929 г., с. 25.

83. «Правда», 13 июля 1929 г.; списки других участников оппозиции, присоединившихся к заявлению трех, насчитывали соответственно 32 и 125 фамилий; они были опубликованы там же, 21 и 28 июля 1929 г.

84. «Бюллетень оппозиции», Париж, № 3—4, сентябрь 1929 г., с. 5—11; статья, датированная 27 июля 1929 г., была впервые опубликована в «Die Fahne des Kommunismus», Nos. 30, 31, 32; August 16, 23, 30, 1929.

85. «Бюллетень оппозиции», Париж, № 6, октябрь 1929 г., с. 3—8. Заявление было написано из Саратова, куда из Астрахани был переведен Раковский. В качестве наказания за это заявление «саратовская группа» была разбита, а Раковский отправлен в Барнаул (там же, № 7, ноябрь-декабрь 1929 г., с. 13).

86. V. Serge. Mémoires d'un révolutionnaire. 1951, p. 274.

87. См. выше, с. 79.

88. A. Barmine. One Who Survived. 1945, p. 173.

Глава 42. Структура партии

1. «Социализм в одной стране...», М., т. 2, гл. 19.

2. См. табл. 52.

3. «Справочник партийного работника», М. — Л., 1928, вып. 6, ч. 1, с. 601—602. О переписи населения см. гл. 56.

4. Там же, с. 547.

5. «К XV съезду ВКП(б)», М. — Л., 1927, с. 330.

6. Обе операции уравнивались в статье 13-й разработанных в 1920 г. условий приема в Коминтерн, которые обязывали партию «проводить периодические чистки (переписи) индивидуальных членов партийных организаций, чтобы систематически очищать партию от мелкобуржуазных элементов, которые неизбежно к ней примазываются». Относительно 21 условия приема см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 25.

7. «Правда», 22 декабря 1926 г.
8. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 8.
9. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1927, № 10—11 (183—184), с. 2; там же, 1927, № 13 (186), с. 4.
10. «Справочник партийного работника», М. — Л., 1928, вып. 6, ч. 1, с. 665.
11. «Социальный и национальный состав ВКП(б)», М. — Л., 1928, с. 4—5.
- Из 45 тыс. примерно $\frac{2}{3}$ были из рабочих, $\frac{1}{3}$ — из крестьян; доля служащих была ничтожной. Эта цифра превышала уровень обычного ежегодного отсева. В 1924 г. из партии вышел лишь 1%, а в 1926 г. — 1,97% членов («Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1927, № 24—25 (197—198), с. 7; там же, 1927, № 32—33 (205—206), с. 13—14). Доля членов партии, не прошедших перепись, варьировалась от 2,2 (в московской организации) до 12% (в Сталино). В постановлении Центрального Комитета от 28 марта 1927 г. значительный процент не прошедших переписи на некоторых предприятиях текстильных и горнопромышленных районов объяснялся недостаточно внимательным отбором кандидатов и применением методов массового набора в прошлом («Правда», 1 апреля 1927 г.).
12. «Социальный и национальный состав ВКП(б)», М. — Л., 1928, с. 36. Указанная итоговая сумма ошибочна.
13. Партийные ячейки классифицировались как **рабочие, деревенские и** не связанные с производством (то есть учрежденческие), красноармейские и национальные (Е. Ярославский. Чистка партии. М. — Л., 1929, с. 10—25). Средняя по величине деревенская партийная ячейка состояла из 14, а заводская — из 67 человек («Большая Советская Энциклопедия», М., 1930, с. 535). Некоторые заводские ячейки включали до 1500 членов партии (Е. Ярославский. Цит. соч., с. 10).
14. «Социальный и национальный состав ВКП(б)», М.-Л., 1928, с. 18. Относительно термина «городской» см. гл. 49. Лишь 23% членов были отнесены к деревенской категории (см. гл. 46).
15. «Социальный и национальный состав ВКП(б)», М. — Л., 1928, с. 22.
16. Там же, с. 20.
17. «Вопросы истории КПСС», 1967, № 2, с. 126.
18. См. таблицу № 53.
19. «Социальный и национальный состав ВКП(б)», М. — Л., 1928, с. 118.
20. Там же, с. 138—139.
21. Е. С. Смиттен. Состав ВКП(б). М. — Л., 1928, с. 19—20.
22. Там же, с. 23, 26.
23. Е. С. Смиттен. Цит. соч., с. 59—65. В Казахстане, Киргизии, Узбекистане и Туркменистане доля неграмотных составляла от 27 до 45% («Социальный и национальный состав ВКП(б)», М. — Л., 1928, с. 14). Относительно образовательного уровня членов партии см. выше, с. 157.
24. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 19.
25. И. Сталин. Соч., т. 8, с. 347.
26. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1926 г., № 14 (135), с. 3. Об аналогичном увеличении доли служащих в местной партийной организации сообщалось из Архангельска («Справочник партийного работника», М. — Л., 1928, вып. 6, т. 2, с. 220).
27. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1926 г., № 16—17 (137—138), с. 4—5.
28. Там же, 1927 г., № 24—25 (197—198), с. 8.
29. «Социальный и национальный состав ВКП(б)», М. — Л., 1928, с. 85.
30. Относительно данных за 1925 г. см.: «ВКП(б) в цифрах», М. — Л., 1926, т. 5, с. 6, 8; данные за 1926 г. см. таблицу № 54.
31. «Междущаствие...», гл. 14; «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 16.
32. Там же, т. 2, с. 115—116.
33. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, т. 2, с. 201.
34. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1926, № 47—48 (168—169), с. 1—2.
35. Там же, 1927 г., № 1 (174), с. 2—3.

36. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 19.
37. «К XV съезду ВКП(б)», М. — Л., 1927, с. 7.
38. См. таблицу № 52. Несколько упрощенная классификация по «роду занятий» использовалась при приеме в партию в 1925 г. («ВКП(б) в цифрах», М. — Л., 1926, вып. 5, с. 7, 9. Относительно некоторых неточностей, отмеченных в 1925 г., см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 2.
39. См. таблицу № 52. Партийная перепись 1927 г. выявила еще большее несоответствие, указав 30% рабочих (по роду занятий), 8,4% крестьян, непосредственно занятых в сельском хозяйстве, и 42,8% профессиональных служащих («Социальный и национальный состав ВКП(б)», М. — Л., 1928, с. 9). Из числа членов партии, отнесенных по «социальному положению» к категории рабочих, менее половины занимались ручным трудом, 29% являлись служащими и общественными работниками, а остальные относились к различным мелким группам: 7% — военнослужащие, 5 — учащиеся, 2,5% — младший обслуживающий персонал (там же, с. 45). Расхождения между данными переписи и текущей партийной статистики очевидно явились результатом изменений в классификации (см. таблицу 52).
40. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 4.
41. Относительно голосования см. гл. 39.
42. «Беднота», 7 октября 1926 г. Относительно заявления см. гл. 39.
43. Относительно контртерзисов см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 2.
44. *Е. С. Смиттен*. Цит. соч., с. 47. Относительно Всеработзема см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 4; «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 5.
45. «На аграрном фронте», 1929, № 10, с. 165. На Урале доля неграмотных батраков возросла с 51,7% (в 1926 г.) до 55,8% (в 1928 г.). У женщин неграмотных было больше, чем у мужчин; меньше всего — среди молодых работников (там же, 1929, № 9, с. 90. В данную категорию включили много детей).
46. «Беднота», 11 ноября 1927 г.
47. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1927 г., № 26—27 (199—200), с. 4. Пробная проверка в 1926 г. показала, что даже в деревенских партийных ячейках батраки составляли всего лишь 2,3% общего количества членов («Справочник партийного работника», М. — Л., 1928, вып. 6, т. 2, с. 343).
48. «Социальный и национальный состав ВКП(б)», М. — Л., 1928, с. 97.
49. «Правда», 3 марта 1927 г. Как говорили, большинство принятых в партию батраков являлись совхозными рабочими («Большевик», 1929, № 9—10, с. 78).
50. «Социальный и национальный состав ВКП(б)», М. — Л., 1928, с. 51. Примерно одна четверть рабочих — членов партии трудилась на транспорте (там же, с. 61). Подробные данные о распределении в 1929 г. членов партии по различным отраслям промышленности см. «Состав фабрично-заводского пролетариата СССР», М., 1930, с. 88—100.
51. «Социальный и национальный состав ВКП(б)», М. — Л., 1928, с. 65.
52. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, т. 2, с. 201.
53. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 18 июня 1926 г., № 24—25, с. 11. Маленков, который в то время являлся работником Центрального Комитета партии, заметил, что малокавалифицированные рабочие теперь обеспечивали партию наиболее надежными новыми кадрами, и предостерег против «прослойки либеральных рабочих» из числа высококвалифицированных рабочих (см. «Большевик», 1926, № 21—22, с. 48).
54. Относительно резолюции см. гл. 42.
55. «Социальный и национальный состав ВКП(б)», М. — Л., 1928, с. 77. Предперерегистрационная статистика указывала на еще большее расхождение («Большевик», 1926, № 12, с. 62—63).
56. *Е. Ярославский*. Цит. соч., с. 6.
57. «Советское строительство», 1927, № 5—6, с. 6.
58. *L. Trotsky*. The Real Situation in Russia. 1928, p. 123, 127—128. Шляпников, руководитель бывшей «рабочей оппозиции», также требовал, чтобы в

партию принимали больше рабочих («Правда», 22 ноября 1927 г., дискуссионный листок № 6).

59. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1927, № 39 (212), с. 5—6.

60. Там же, 1927, № 41 (214), с. 11. 5 ноября 1927 г. «Правда» сообщила о том, что отдельные группы рабочих различных предприятий заявили о своем желании вступить в партию.

61. «Большая Советская Энциклопедия». М., 1930, т. 11, с. 538.

62. «XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», М., 1931, с. 599. На XVI съезде в 1930 г. лишь 13,6% делегатов являлись «рабочими с производства» и 1,3% — «крестьянами от плуга».

63. «К XV съезду ВКП(б)», М.-Л., 1962, т. I, с. 110—111, 375—376, 405. Бакаев возобновил нереалистическое, выдвинутое двумя годами ранее предложение ленинградской оппозиции о том, чтобы 90% членов партии были бы «рабочими от станка» (Социализм в одной стране..., т. 2, гл. 16).

64. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1927, с. 15.

65. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, т. 2, с. 440.

66. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1928 г., № 3 (224), с. 6.

67. «Большая Советская Энциклопедия». М., 1930, т. 11, с. 538. С другой стороны, вплоть до XV съезда партии, состоявшегося в декабре 1927 г., менее 10% избранных в Центральный Комитет, вступило в партию после 1917 г.

68. L. Trotsky. Ibid., p. 116.

69. Ibid., p. 121.

70. «Междоусарствие...», гл. 13.

71. «ВКП(б) в цифрах», М.—Л., 1928, т. 8, с. 24—26; там же 1929, т. 9, с. 36.

72. Там же, т. 9, с. 26—29. Предполагалось, что некоторые из кандидатов являлись студентами из семей служащих, которые и намеревались стать служащими, но, желая приобрести статус «рабочего от станка», устраивались на три месяца на какой-либо завод («VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ», М., 1928, с. 84).

73. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1928, № 32, с. 2—3. В аналогичной записке, посланной в мае 1928 г. из кременчугского вагонного депо, говорилось об апатии рабочих по отношению к партии. В октябре 1927 г. из 3000 рабочих только 12 подали заявления о вступлении в партию и 6 из них отклонили (Архивы Троцкого, Т 1390).

74. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1927, № 32—33 (205—206), с. 12. Этим объясняется, почему так мало служащих отказалось пройти партийную перерегистрацию (см. гл. 3).

75. Об этом Пленуме см. гл. 40.

76. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1928, № 24 (245), с. 1—3.

77. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, т. 2, с. 545—547. Когда принималось данное решение, наиболее свежие цифры относились к 1 июля 1928 г. В третьем квартале 1928 г. доля рабочих с производства, вновь принятых в партию, составила 68,6%. Партийные статистики вычислили, что для того, чтобы к 1 января 1931 г. достичь 50-процентного уровня, потребуется до этого срока принять в партию по меньшей мере 360 тыс. рабочих и ограничить другие категории 90 тысячами («Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 2—3 (261—262), с. 23).

78. «Правда», 5 февраля 1929 г.; «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 4 (263), с. 8—10. Несколько недель спустя, однако, постановление смягчили характерным предостережением против движения по «линии наименьшего сопротивления» и против погони за количеством за счет качества (там же, 1929, № 10 (289), с. 1—2).

79. Относительно чистки см. гл. 43.

80. См. табл. № 52. На XVI съезде в мае 1930 г. Каганович сообщил следующие данные о процентном составе в партии «рабочих с производства»: к XIV съезду — 35,7; к XV съезду — 40,8; к XVI съезду — 48,6% («XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», М., 1931, с. 83). На Украине (где доля индустриальных рабочих в партии всегда была высокой) 50-процентный

уровень будто бы достигли к 1 января 1930 г. («Вопросы истории КПСС», 1960, № 5, с. 123). В Харьковской области, где 93,9% принятых в 1928 г. являлись рабочими с производства, надеялись к 1 января 1931 г. достичь 55-процентного уровня («Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 7 (266), с. 10).

81. О предшествовавшей истории этих учреждений см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 19. Указанные выше данные относительно количества членов партии отличаются от официальных цифр, приведенных в протоколах XIV и XV съездов. Приведенные в них цифры превосходят те, которые внесены в нынешнюю партийную статистику (см. табл. 52).

82. Относительно местных контрольных комиссий см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 19. В октябре 1926 г. общее количество членов этих комиссий достигло 3619 человек («Правда», 26 октября 1926 г.).

83. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 9; «Международные...», гл. 11.

84. «Справочник партийного работника», М.—Л., 1928, вып. 6, т. 2, с. 295—297.

85. Согласно измененному в январе 1926 г. партийному Уставу «для рассмотрения дел по нарушению партэтики» образовывалась «партколлегия» («КПСС в резолюциях...», М., 1954, т. 2, с. 252).

86. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 8.

87. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, т. 2, с. 106, 173.

88. Там же, т. 2, с. 258.

89. Там же, т. 2, с. 268.

90. Относительно истории этих совместных заседаний см. «Вопросы истории КПСС», 1965, № 10, с. 73—79.

91. См. гл. 39.

92. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 19.

93. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, т. 2, с. 491. Первоначальный текст: там же, т. 2, с. 252—253.

94. Относительно поименных списков см. «ВКП(б) в резолюциях...», М., 1936, т. 2, с. 81—82, 267—269. Они не вошли в более поздние издания данного труда. Из членов Центрального Комитета не переизбрали лишь десятерых. В их числе были умершие Держинский и Красин и несколько исключенных из партии руководящих участников оппозиции.

95. Последним «независимым» членом Секретариата был Евдокимов, назначенный после XIV партийного съезда в январе 1926 г. в целях умиротворения ленинградской оппозиции и отстраненный в апреле того же года («Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 17 и 18).

96. «Правда», 4 июня 1926 г.

97. Архивы Троцкого, Т 2986. Относительно отказа Сталина от «диктатуры партии» см. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 9.

98. Относительно данного процесса см. гл. 52.

99. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 4 (263), с. 1.

100. Там же, 1927, № 13 (186), с. 4—5; № 14—15 (187—188), с. 9—10.

101. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, т. I, с. 127—128. Приведенные сведения о том, что в течение одного года 20 инструкторов ушли и 23 назначили вновь, говорят о небольших размерах данного института.

102. Выдержки из доклада в «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 4 (263), с. 2—4. Выдержки из выступлений там же, 1929, № 5—6 (264—265), с. 8—10.

103. Там же, 1929, № 4 (263), с. 8.

104. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1926, № 39 (160), с. 1, 5. Относительно режима экономии см. «Основы плановой экономики...», т. I, гл. 13.

105. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, т. I, 123. Цифра в 767 служащих приводилась двумя годами ранее на XIV съезде партии («Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 19). Текучесть кадров оказалась неожиданно значительной. С 1925 г. было сделано 441 новое назначение и 446 служащих перевели на другую работу («К XV съезду ВКП(б)», М.—Л., 1927, с. 354).

106. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, т. I, с. 124—125.
107. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1928, № 27 (248), с. 6—8.
108. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 19.
109. «Справочник партийного работника», М. — Л., 1928, вып. 6, ч. 1, с. 527—533. В то время Орграспред использовал «машину Пауэрса» (перфораторный табулятор раннего периода) для учета членов партии («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 128).
110. Там же, ч. 1, с. 126. Сравнение с прежними цифрами («Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 19) свидетельствует о том, что принимались какие-то меры для рационализации и децентрализации механизма назначений.
111. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 19.
112. *L. Trotsky. Ibid.*, p. 115—116.
113. «Бюллетень оппозиции», Париж, июль 1929, № 1—2, с. 11. О заседании см. гл. 41.
114. «Съезды Советов в документах», М., 1960, т. 3, с. 68, 111, 149. Снижение доли членов партии среди делегатов в 1929 г., несомненно, явилось результатом политического решения.
115. См. табл. № 55.
116. Относительно установленных президиумом ЦИК РСФСР правил оплаты поездок делегатов на съезды Советов, заседания ЦИК и конференции по вызову правительственных органов см. «Советское строительство», 1927, № 12 (17), с. 126—127.
117. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 19.
118. «Большевик», 1928, № 8, с. 67—68.
119. «Большая Советская Энциклопедия». М., 1930, т. 11, с. 543. На XVI съезде Каганович заявил, что в июне 1930 г. 85% лиц, занимавших руководящие позиции в промышленности, и 36% их заместителей являлись членами партии («XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)», М., 1931, с. 79). Доля членов партии среди управляющих синдикатами, значение которых в то время возросло («Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 14, 24), увеличилась с 72,2% (в 1926 г.) до 84,2% (в 1928 г.). В 1926 г. из 770 директоров государственных предприятий 167 были беспартийными, а в 1928 г. из 766 директоров в партии не состояли лишь 82 (см. «Большевик», 1928, № 8, с. 61, 64).
120. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 446—447. Орджоникидзе не повторил предостерегающих слов Молотова, высказанных двумя годами ранее, о том, что, хотя доля членов партии в советской администрации постоянно увеличивается, необходимо учитывать «качество самих работников госаппарата и наличие у них необходимых знаний» («XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», М. — Л., 1926, с. 72—73).
121. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», М., 1962, с. 458—459. По-видимому, в эту статистику вошли как члены, так и кандидаты в члены партии. Таблица, в которой эти категории различаются («Коммунисты в составе аппарата госучреждений и общественных организаций», М., 1929, с. 55, табл. № 1), дает представление относительно престижности и значения различных видов деятельности в партийных кругах. Больше членов партии, чем кандидатов, занимались партийной (9,1 и 3,2%) и профсоюзной работой (8,0 и 6,7%), работали в промышленности (14,8 и 9,7%); меньше — в сфере культуры и образования (9,0 и 17,1%) и в административных органах Советов (11,8 и 17,9%).
122. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 21.
123. «Первый Всесоюзный съезд советских писателей», М., 1934, с. 663.
124. В порядке экономии средств предполагалось сократить число платных работников партийного аппарата и заменить их «бесплатной работой партийного актива» («КПСС в резолюциях...», М., 1954, т. 2, с. 603). Аналогичный актив комсомола называли «тем костяком, тем хребтом, на который опирается и на котором держится вся организация» («Оппозиция и комсомол». М., 1927, с. 39).
125. «К XV съезду ВКП(б)». М. — Л., 1927, с. 14.
126. «Советское строительство», 1928, № 12 (29), с. 9—10.
127. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22.

128. «Правда», 24 июня 1926 г. Относительно более ранних обращений к беспартийным см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22.
129. «III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва». М., 1926, с. 515.
130. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)». М., 1962, т. 2.
131. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, т. 2, с. 486.
132. «Советское строительство», 1928, № 12 (29), — «СССР. От съезда к съезду (апрель 1927 г. — май 1929 г.)». М., 1929, с. 170; «Вопросы истории КПСС», 1964, № 6, с. 58. Последний источник указывает для 1928 г. цифру в 2 млн. Все эти оценки в высшей степени предположительные.
133. «Власть Советов», 1927, № 28—29, с. 5—6.
134. «Советское строительство», 1928, № 12 (29), с. 10; там же, 1929, № 6 (35), с. 78. Один партийный журналист обнаружил в сельской местности два актива — один сгруппировался вокруг сельского Совета, а другой, настроенный враждебно к Советам, — вокруг земельного общества и деревенского схода («Большевик», 1928, № 9, с. 79—80).
135. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 7 (266), с. 28.
136. «К XV съезду ВКП(б)», М. — Л., 1927, с. 34.
137. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, т. 1, с. 105.
138. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22, а также см. с. 123.
139. «Правда», 20 февраля 1927 г.
140. Там же, 24 сентября 1927 г.
141. «Советское строительство», 1928, № 12 (29), с. 16.
142. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, т. 2, с. 312. В это же время Енукидзе предложил вовлекать «неорганизованных трудящихся города», чье усердие якобы было выше, чем у «передового слоя городского пролетариата, организованного в профсоюзы» («Советское строительство», 1926, № 2, с. 21).
143. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 20.
144. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 94, 161. Накануне 10-й годовщины революции Центральный Комитет партии издал постановление относительно вовлечения в партию прежде всего «рабочих-активистов, работающих по линии профессиональных союзов, советских и др. общественных организаций» («Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1927, № 39 (212), с. 5—6).
145. «Большевик», 1928, № 15, с. 24.
146. См. выше, с. 116.
147. Относительно заявления см.: «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 13.

Глава 43. Партийная дисциплина

1. См. табл. № 56. Соответствующие сведения за 1926 г. не публиковались. 1925 г. — это самый ранний период, за который можно отличить исключенных от тех, кто оставил партию «добровольно» или «автоматически». В то время последние две категории составили 71,5% выбывших («ВКП(б) в цифрах», М. — Л., 1926, вып. 5, с. 12). Данные за 1927 г. свидетельствуют о растущем стремлении прибегать к формальному исключению; однако, возможно, что процедура или классификация тогда была иной. Наказание в виде временной отставки на конкретный период отменили решением Центральной контрольной комиссии 9 декабря 1926 г. («Справочник партийного работника», М. — Л., 1928, вып. 6, ч. 2, с. 371—374).
2. «ВКП(б) в цифрах», М. — Л., 1928, вып. 8, с. 28—29. 6 мая 1926 г. Центральная контрольная комиссия установила правила приема в партию рабочих, исключенных ранее за незначительные проступки. Резолюция от 27 августа 1927 г. ограничила такую возможность «рабочими от станка» («Справочник партийного работника», М. — Л., 1928, вып. 6, ч. 2, с. 371—374).
3. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 8. Исключение сторонников оппозиции в первые месяцы 1924 г. не обрело размеров чистки («Междущаствие...», гл. 14).

4. А. И. Рыков, Н. Бухарин. Партия и оппозиционный блок. М. — Л., 1926, с. 17.
5. L. Trotsky. Ibid., p. 129.
6. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, т. I, с. 536. Статистика Ярославского была явно не полной. Доля членов партии, исключенных в 1927 г., равнялась примерно 1,5%.
7. Там же, т. I, с. 550—553.
8. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 440.
9. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 2.
10. Незначительная, но знаменательная перемена произошла в это время. До самого конца 1927 г. списки исключенных членов партии с указанием причины исключения регулярно публиковались в журнале Центрального Комитета партии. В первой половине 1928 г. списки исключенных Центральной контрольной комиссией появлялись в редких приложениях. В июле 1928 г. журнал объявил, что впредь будет каждые три месяца печатать списки исключенных Центральной контрольной комиссией, а фамилии исключенных местными комиссиями будут публиковаться на местах («Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1928, № 23 (244), с. 13). Однако никаких центральных списков больше не появлялось, если периферийные списки и печатались, то обнаружить их не удалось.
11. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 21.
12. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 141.
13. Там же, т. 2, с. 209.
14. И. Маслов, КПСС в борьбе за укрепление единства своих рядов (1925—1927 гг.), М., 1955, с. 126—127.
15. О состоянии партии в сельской местности см. гл. 46.
16. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 3.
17. И. Сталин. Соч., т. 11, с. 235.
18. Автор статьи, опубликованной в журнале Центрального Комитета партии в августе 1927 г., подчеркивал, что в высшей степени коммерческая и зависящая от трудовых культур экономика особенно доступна для злоупотреблений, и жаловался на слабость партийных и кооперативных организаций в Крыму («Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1927, № 30—31 (203—204), с. 7). В широких масштабах практиковалась аренда земли зажиточными крестьянами (Я. Яковлев. К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства. Л. — М., 1928, с. 35). С другой стороны, 46,6% крестьян не имели рабочего скота и 68,5% — сельскохозяйственного инвентаря (там же, с. 51). Комиссия, созданная в июне 1927 г. Совнаркомом Крыма, вскрыла много нарушений («На аграрном фронте», 1928, № 3, с. 111).
19. «На аграрном фронте», 1928, № 3, с. 23. 10 августа 1928 г. «Правда» опубликовала резолюцию Оргбюро от 8 августа 1928 г., в которой содержались намеки на эти события. 14 февраля 1928 г. Крымский областной партийный комитет издал директиву о пересмотре размеров земельных участков после консультаций с техническими специалистами в течение последующих пяти месяцев («На аграрном фронте», 1928, № 5—6, с. 52—53). Летом 1929 г. объявили, что в Крыму проходит «земельная реформа» («Беднота», 15 июня 1929 г.).
20. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, т. 2, с. 501.
21. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», М., 1962, с. 592.
22. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 1.
23. «Смоленские архивы, WKP 33», цит. в: O. Narkiewicz. Soviet Studies. XX, 1968, No 2, p. 237—239. Доступность архивов позволяет дать более полную картину этого эпизода (чем аналогичных других), хотя свидетельства являются косвенными и не всегда надежными.
24. Там же, с. 238.
25. Единственным свидетельством проступков Покална является статья в журнале «Большевик» (1928, № 10, с. 14—22). В Смоленских архивах обнаружить его фамилию не удалось.
26. Изучение Смоленских архивов подтверждает правдоподобность подобного предположения («Soviet Studies», XX, 1968, No 2, p. 238, note 28).
27. «Правда», 18 мая 1928 г. — «Большевик», 1928, № 10, с. 20.

28. Протокол заседания 28 апреля и резолюция от 30 апреля 1928 г. в: «Смоленские архивы, ВКР 33».
29. «Правда», 18 мая 1928 г. — «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1928, № 16—17 (237—238), с. 15—16. Полные негодования статьи по этому делу появились в «Правде» 9, 16, 20 мая и в «Бедноте» 18, 24, 26 мая 1928 г. О дополнительных материалах из архивов см. *M. Fainsod. Smolensk Under Soviet Rule*. 1959, р. 48—52. Одним из виновных был председатель губернского отдела профсоюза деревообделочников («Шестнадцатая конференция ВКП(б)», М., 1962, с. 813, прим. 276).
30. «Правда», 16 мая 1928 г.
31. Относительно статьи в журнале «Большевик» см. выше, с. 137. На XVI партийной конференции в апреле 1929 г. Яковлев объяснил скандалы, подобные смоленскому, тем, что местные партийные руководители «срастались с классово-враждебными элементами» («Шестнадцатая конференция ВКП(б)», М., 1926, с. 446—447).
32. «Правда», 20 мая 1928 г., «Известия», 22 мая 1928 г.
33. Там же, 25 мая 1928 г.
34. *M. Fainsod. Ibid.*, р. 49—52. Относительно 3-сменной системы в текстильной промышленности см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 18.
35. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1928, № 24 (245), с. 20.
36. Там же, 1928, № 25 (246), с. 7. На XVI партийной конференции в апреле 1929 г. Яковлев критиковал участие беспартийных в партийных чистках как опасное новшество («Шестнадцатая конференция ВКП(б)», М., 1929, с. 607—608). В результате прецедент не получил продолжения во время чистки 1929 г. (см. выше, с. 145).
37. «Правда», 9 февраля 1929 г. — «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 5—6 (264—265), с. 17—19. Журнал Центрального Комитета партии продолжал толковать о недостатках в сельскохозяйственном производстве Смоленской области, о сопротивлении крестьян коллективному возделыванию земли и о низком уровне партийной и комсомольской работы (там же, 1929, № 8—9 (267—268), с. 10—11).
38. По докладу Бубнова Центральный Комитет партии рассмотрел недостатки в Артемовской партийной организации и принял соответствующие меры в постановлении от 5 марта 1928 г. В ней местные партийные организации обвинялись в том, что они оторвались от масс, слабо боролись с «болезненными явлениями в части советского и хозяйственного аппарата» и «нездоровыми явлениями» формирования обывательской групповщины среди некоторых ответственных работников, потакали «некоторым разложившимся элементам». Было дано указание — «пересмотреть состав руководящих работников» («Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1928, № 8 (229), с. 4—5). Одним из грехов, как видно, была неспособность покончить с прогулами и «антиспек»-демонстрациями на предприятиях «Югосталь» и «Донуголь» (там же, 1929, № 20—21 (279—280), с. 21—22). Относительно доклада Бубнова см. «Правда», 21 марта 1928 г. Беда приключилась и в юридическом ведомстве. Председателя окружного суда исключили из партии за пьянство и «насильственные действия» («Известия», 8 февраля 1928 г.), а четыре других юридических работника предстали перед Верховным судом Украины (там же, 25 мая 1928 г.).
39. «Правда», 2 сентября 1928 г.
40. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 541—542. Относительно критики в адрес профсоюзов см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 20.
41. «Советское строительство», 1928, № 11/28, с. 7.
42. «Правда», 28 декабря 1928 г. Относительно сообщений о попытках сдерживать критику в других партийных организациях см. там же, 9, 18 января 1929 г.
43. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 2—3 (261—262), с. 4—6.
44. «Бюллетень оппозиции», Париж, 1929, № 3—4, с. 7.
45. См. гл. 43.
46. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», М., 1962, с. 592.

47. См. с. 135.

48. Эти высказывания цитировались в «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 2—3 (261—262), с. 1—2. Речь не публиковалась. О выступлении Молотова в Московском областном партийном комитете сообщалось в «Правде» 28 ноября 1928 г., но чистка не упоминалась.

49. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 546.

50. «Правда», 6 февраля 1929 г. — «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 4 (263), с. 16.

51. «Правда», 3 февраля 1929 г.

52. Там же, 2 и 7 марта 1929 г. См. также статьи Ярославского, упоминавшиеся выше, гл. 42.

53. *Е. Ярославский*. Цит. соч., с. 13—14. Брошюра содержит текст доклада и тезисов Ярославского.

54. Там же, с. 29, 33.

55. «Правда», 31 марта 1929 г.

56. См. с. 140.

57. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 2—3 (261—262), с. 1. В 1921 г. Ленин писал, что чистку в том году проводили, «опираясь, главным образом, на опыт, на указания беспартийных рабочих», и заметил, что «чистить партию, считаясь с указаниями беспартийных трудящихся, — дело великое» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 44, с. 122—123. Это высказывание цитировалось в тезисах).

58. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», М., 1962, с. 589—611. Инструкция с подробным изложением процедуры была опубликована в «Правде» 17 мая 1929 г. В последующей инструкции Центральной контрольной комиссии относительно чистки сельских партийных ячеек подчеркивалось, что важным мерлом является «четкое проведение ими классовой линии» («Правда», 1 июня 1929 г.).

59. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)». М., 1962, с. 611. — «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 605—614. В тот период много говорили о позорных явлениях в Астраханской партийной организации, которые имели давний характер, обуславливались наличием остатков частного капитала в рыбной промышленности и в местной торговле и были связаны с коррупцией и попустительством партийных и советских работников. Весной 1929 г. привлекли к суду 200 человек, в том числе 90 служащих и 40 членов партии («Правда», 29 мая 1929 г.). В постановлении Нижневолжского крайкома шла речь «о полном сращивании частного капитала» и местной партийной организации, а также «о росте троцкистских настроений». Центральный Комитет партии своим постановлением от 27 мая 1929 г. потребовал широкой чистки, направленной не только против «элементов прямого морального разложения, но и неправильной политической линии» («Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 16 (275), с. 13—15). По сообщениям «Бедноты» (31 мая 1929 г.) и «Известий» (22 августа 1929 г.) астраханское дело было прежде всего связано с правым уклоном. Разоблачения продолжали появляться в печати в течение нескольких недель («Правда», 1 и 23 июня, 30 и 31 августа 1929 г.). На XVI партийной конференции Ярославский рассказывал о скандалах в партийных организациях Смоленска, Сочи, Артемовска, Астрахани и ряда других мест («Шестнадцатая конференция ВКП(б)», М., 1962, с. 338).

60. «Известия», 31 мая 1929 г.

61. Эти сведения взяты из неопубликованных партийных архивов и процитированы в «Вопросы истории КПСС», 1967, № 6, с. 69. См. также отчеты Ярославского, опубликованные в «Правде» 23 апреля и 22 мая 1930 г.

62. «Красная звезда», 18 октября 1929 г.

63. *М. И. Калинин*. Вопросы советского строительства. М., 1958, с. 441.

64. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 28 (287), с. 4, 7.

65. «XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии(б)», М., 1930, с. 340. — «Вопросы истории КПСС», 1964, № 6, с. 70. Официально об окончании чистки не объявлялось, и представленные съезду цифры могут быть неполными. В книге

С. Трапезникова «Коммунистическая партия в период наступления социализма» (М., 1961, с. 38—39) указывается общее количество в 170 000 человек.

Глава 44. Партийная учеба

1. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 19. Об Академии наук, которая существовала как беспартийный соперник Коммунистической академии, см. Приложение «Е».

2. «Вестник Коммунистической академии», 1927, вып. 19, с. 269—276. В приведенной ниже таблице указаны суммы ассигнований различным высшим учебным заведениям в бюджете СССР на 1926—1927 гг. (в рублях):

Коммунистическая Академия	1 138 285
Институт К. Маркса и Ф. Энгельса	667 562
Коммунистический университет трудящихся Востока	1 592 376
Коммунистический университет им. Свердлова	1 076 148
Средне-Азиатский коммунистический университет	753 368
Средне-Азиатский государственный университет	2 101 959

(«Советское строительство», 1927, № 4 (9), с. 121. Все цифры показывают увеличение ассигнований в сравнении с 1925—1926 гг.).

3. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 1.

4. «Вестник Коммунистической академии», 1927, вып. 20, с. 295.

5. «Справочник партийного работника», М. — Л., 1928, вып. 6, ч. 1, с. 687.

6. «Правда», 4 августа 1927 г. Эта концепция была не нова. В первые дни существования Академии Преображенскому предложили сделать ее своего рода «Госпланом в области идеологии» («Вестник Социалистической академии», 1922, вып. 1, с. 9). На XVI съезде партии Покровский более скромно назвал академию «теоретическим подцентром» партии и «теоретическим аппаратом» партии. Центром являлся Центральный Комитет партии («XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», М., 1931, с. 248).

7. «Вестник Коммунистической академии», 1928, вып. 26, с. 214.

8. Там же, 1928, вып. 26, с. 216. Позже Милютин ссылаясь на исключение некоторых «за низкую активность», а других — по принципиальным соображениям (там же, вып. 26 (2), с. 246). В то время Академия имела около 70 членов.

9. Конференция проходила под эгидой Российской ассоциации научных институтов общественных наук (РАНИОН), которая сформировалась в 1922 или 1923 г. при Московском университете. Одна из задач конференции очевидно состояла в том, чтобы теснее связать РАНИОН с Коммунистической академией (там же, вып. 26 (ч. 2), с. 257—260). Среди представленных в РАНИОНЕ институтов были также Институт К. Маркса и Ф. Энгельса и Институт им. В. И. Ленина.

10. Там же, вып. 26 (2), с. 240. Об акциях химиков и техников см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 21.

11. «Вестник Коммунистической академии», вып. 26 (2), с. 286.

12. Там же, вып. 26 (2), с. 241. Позже говорили, что Покровский будто бы сказал: «Индивидуальное творчество в области истории, как и во всякой другой области, оканчивается, оно заменяется коллективным творчеством... Мы приучаемся работать коллективно. Буржуазным ученым так работать трудно...» (там же, 1932, № 4—5, с. 58).

13. Там же, 1932, № 3, с. 41.

14. Относительно списка публикаций в 1926 г. см. там же. 1926, вып. 17.

15. Там же, 1928, вып. 26 (2), с. 245, 273. Относительно комвузов см. с. 153.
16. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 19.
17. «Справочник партийного работника», М. — Л., 1928, вып. 6, ч. 1, с. 687.
18. «Вестник Коммунистической академии», 1927, вып. 20, с. 289—290, 310.
19. «Справочник партийного работника», М. — Л., 1928, вып. 6, ч. 1, с. 688.
20. См. гл. 45.
21. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 19.
22. «Правда», 2 июня 1926 г.
23. «Справочник партийного работника», М. — Л., 1928, вып. 6, ч. 1, с. 711—712.
24. Там же, 1928, вып. 6, ч. 1, с. 711—712. Позже институт будто бы «начал готовить уже кадры и для социалистического хозяйства, для государственного аппарата» («Партийное строительство», 1931, № 24, с. 2—3).
25. «К XV съезду ВКП(б)», М. — Л., 1927, с. 159.
26. «Коммунистическое просвещение», 1930, № 1, с. 61—62.
27. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1928, № 5 (226), с. 4—5; там же, 1928, № 9—10 (230—231), с. 7.
28. См. гл. 40.
29. «Партийное строительство», 1930, № 2, с. 25.
30. «Известия», 25 октября 1928 г. Относительно неприятностей в Московском комитете партии см. гл. 40—41. Пожалуй, примечательно, что незадолго до этого Рютин в партийном журнале выступил с протестом против перегруженности научных и технических институтов партийцами, которые иногда оказывались дилетантами и «всезнайками» («Большевик», 1928, № 15, с. 28—29). О Криницком см. гл. 55.
31. «Вопросы истории», 1969, № 6, с. 42.
32. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 13 (272), с. 25—26. Относительно резолюции см. «Справочник партийного работника». М. — Л., 1928, вып. 6, ч. 1, с. 688.
33. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 19. В мае 1926 г. «Правда» опубликовала условия приема на 1926—1927 гг. в университеты Я. М. Свердлова и Зиновьева, а также в университет Мархлевского для национальных меньшинств Запада («Правда», 13, 19, 20 мая 1926 г.). С созданием между 1925 и 1927 гг. двух новых Комвузов — Северокавказского и Белорусского — их число достигло 17; к ним, правда, принадлежали такие специализированные учебные заведения, как Военно-политическая академия им. Толмачева и Государственный институт журналистики («К XV съезду ВКП(б)», М. — Л., 1927, с. 153). Количество коммунистических университетов увеличилось с 21 (5380 студентов) в 1926—1927 гг. до 62 (15 667 студентов) в 1927—1928 гг., а других комвузов — с 18, или 7775 студентов, до 27, или 8835 студентов («СССР. Год работы правительства, 1927—1928». М., 1929, с. 474).
34. «Справочник партийного работника». М. — Л., 1928, вып. 6, ч. 1, с. 673—675.
35. «Правда», 29 марта 1927 г.
36. «Справочник партийного работника». М. — Л., 1928, вып. 6, ч. 1, с. 673—675.
37. Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи. М., 1957, т. 2, с. 119. Этими цифрами, представленными Центральным статистическим управлением, заменили неверные данные, которые указал Орджоникидзе в своей речи, опубликованной в «Правде» 28 марта 1928 г.
38. Указывался следующий процентный состав населения (по социальному происхождению) на 1 января каждого года:

	1927	1928	1929
Рабочих	24,2	25,4	30,3
Крестьян	23,3	23,9	22,4
Служащих	52,5	50,7	47,3

(N. Dewitt. Soviet Professional Manpower. 1955, p. 315).

39. «Коммунистическое просвещение», 1928, № 5, с. 33—37. Статью назвали дискуссионной.
40. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 19.
41. «Справочник партийного работника», М. — Л., 1928, вып. 6, ч. 1, с. 684.
42. Там же, с. 686. Это в сравнении с ограничением в 25%, установленным в 1925 г. («Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 19).
43. «Социалистическое строительство СССР», М., 1934, с. 406.
44. «Советское строительство», 1928, № 12 (29), с. 129.
45. Там же, с. 20—24. В сообщении вместе с тем выражалось недовольство тем, что «какой-нибудь системы в работе по подготовке и устойчивости ее форм пока нет».
46. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 19.
47. «Известия», 5 октября 1926 г.
48. «Справочник партийного работника», М. — Л., 1928, вып. 6, ч. 1, с. 691—694.
49. «СССР. Год работы правительства, 1927—1928». М., 1929, с. 484.
50. «Коммунистическое просвещение», 1928, № 4, с. 69.
51. Там же, 1928, № 5, с. 30.
52. «Правда», 7 сентября 1928 г. — «Коммунистическое просвещение» (октябрь — ноябрь 1928, № 5, с. 30) отмечало, что «на долю совпартшкол выпала задача подготовки квалифицированных низовых работников деревни на фронте культурной революции».
53. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 20—21 (279—280), с. 22. На XVI съезде партии Каганович назвал оба постановления (от августа 1928 г. и июля 1929 г.) вехами в развитии этих школ («XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», М., 1931, с. 85).
54. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1927, № 32—33 (205—206), с. 2. О неграмотности в партии см. с. 103. Проблема неграмотности населения все еще привлекала внимание. В 1927—1928 гг. для неграмотных и полуграмотных взрослых было создано 42 177 школ, в которых обучалось 1 318 043 человек («Основные итоги работы правительства СССР. К переизбору Советов 1928—1929», М., 1928, с. 151).
55. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1927, № 19 (192), с. 12. О докладе Оргбюро, на котором основывалось постановление, см. там же, с. 1—3.
56. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 116—117.
57. «Правда», 23 декабря 1927 г. Относительно «октябрьского призыва» см. гл. 42. Лишь 22,9% вновь принятых прошли курс политграмоты («Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1928, № 8 (229), с. 7).
58. «Партийное строительство», 1930, № 11—12, с. 48—49. Несколько иные цифры для 1927—1928 гг. проводились в другом отчете: 21 516 школ с 678 860 слушателями в городах и 19 415 сельских школ с 252 618 слушателями. 70,3% слушателей городских и 49,5% сельских школ являлись членами партии или кандидатами («ВКП(б) в цифрах», М. — Л., 1928, вып. 8, с. 36—37). Уменьшавшаяся доля членов партии объяснялась отчасти более увеличенным количеством школ в сельской местности и отчасти политикой поощрения на учебу беспартийных. По словам Кагановича, лишь от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ поступивших действительно учились («XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», М., 1930, с. 35).
59. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 19.
60. Относительно этого постановления см. с. 155.
61. «К XV съезду ВКП(б)», М. — Л., 1927, с. 146—148. — «ВКП(б) в цифрах», М. — Л., 1928, вып. 8, с. 36—37.
62. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 19.
63. «Партийное строительство», 1930, № 11—12, с. 52.
64. «Большевик», 1929, № 20, с. 15.
65. «XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», М., 1931, с. 93, 341.
66. «Правда», 11 августа 1928 г.
67. «Советское строительство», 1928, № 12 (29), с. 22.

68. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 20—21 (279—280), с. 19—20.

Глава 45. Комсомол

1. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 18.
2. См. табл. № 57.
3. См. гл. 42.
4. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 15.
5. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 237.
6. «ВЛКСМ в резолюциях...», М. — Л., 1929, с. 235, 257.
7. «Справочник партийного работника», М. — Л., 1928, вып. 6, ч. 2, с. 75—76.
8. «ВЛКСМ в резолюциях...», М. — Л., 1929, с. 284—285.
9. «Справочник партийного работника», М. — Л., 1928, вып. 6, ч. 2, с. 147—148.
10. Там же, вып. 6, т. 2, с. 158.
11. *L. Trotsky*. Ibid., p. 135—136.
12. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1927, № 41 (214), с. 11—12.
13. См. с. 174.
14. «VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ», М., 1928, с. 252. Проведенная в конце того же года выборочная проверка дала следующие цифры: бедных крестьян и батраков — 28,7; середняков — 52,1; зажиточных крестьян — 15,6 и кулаков — 3,6%. («Правда», 1 июня 1929 г.).
15. «VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ», М., 1928, с. 272—273. Относительно аналогичных тенденций в партии см. гл. 42.
16. «ВЛКСМ в резолюциях», М. — Л., 1929, с. 313, 339—340.
17. «Большая Советская Энциклопедия», М., 1930, т. 11, с. 541.
18. *Е. С. Смиттен*. Цит. соч., с. 70—72. Быстрый рост партийных рядов в последующие два года снизил к концу 1928 г. долю комсомольцев в партии примерно до 10% («Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 5—6 (264—265), с. 8. Общее число осталось примерно на прежнем уровне в 210 945 человек).
19. Подробные цифры в *А. Шохин*. Краткая история ВЛКСМ. М., 1928, с. 120. — «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 7 (260), с. 9. На XV съезде партии в декабре 1927 г. Чаплин утверждал, что до того момента комсомол направил в партию 300 тыс. своих членов («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 256).
20. «Справочник партийного работника», М. — Л., 1928, вып. 6, ч. 2, с. 114. Из 28 431 комсомольца, принятых в партию в 1927 г. по «октябрьскому призыву», 79,7% являлись фабрично-заводскими рабочими («ВКП(б) в цифрах», М. — Л., 1928, вып. 8, с. 22).
21. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 7 (266), с. 10.
22. «ВЛКСМ в резолюциях...», М. — Л., 1929, с. 285—286.
23. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 109.
24. «VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ», М., 1929, с. 197.
25. См. гл. 42. 28 февраля 1929 г. журнал «Известия Центрального Комитета ВКП(б)» (№ 5—6, с. 25—26) опубликовал жалобу «марксиста-экономиста», который, будучи в комсомоле с 1920 г., не смог добиться приема в партию из-за ограничений, введенных в ноябре 1928 г., а также расхолаживавший ответ властей.
26. Там же, 1929, № 7 (260), с. 10.
27. «VII съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи», М. — Л., 1926, с. 490. — «VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ», М., 1928, с. 547. Относительно делегатов — членов партии см. табл. № 57.
28. «ВЛКСМ в резолюциях...», М. — Л., 1929, с. 312. На XIV съезде партии Бухарин заметил, что с января по август 1925 г. было принято в комсомол 565 тыс., а убыло — 110 тыс. человек, и связал это с «безусловным падением дисциплины в их рядах» («XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», М. — Л., 1926, с. 815).

29. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 13.
30. *И. Сталин*. Соч., т. 9, с. 193—202. События в Китае будут рассмотрены в последующем томе.
31. «ВЛКСМ в резолюциях...», М. — Л., 1929, с. 284.
32. «Основы плановой экономики...», т. 1, с. 552—553.
33. «ВЛКСМ в резолюциях...», М. — Л., 1929, с. 287—296. О борьбе с бюрократизмом см. гл. 51.
34. «Малая Советская Энциклопедия», М., 1934, т. 2, с. 550.
35. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 467.
36. «XIV съезд Всероссийской Коммунистической партии (б)», М. — Л., 1926, с. 818—819.
37. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 235. Характеристика резолюции XIII съезда (там же, т. 2, с. 84), как кажется, вряд ли оправдана.
38. «ВЛКСМ в резолюциях...», М. — Л., 1929, с. 234.
39. «Справочник партийного работника», М. — Л., 1928, вып. 6, ч. 2, с. 194.
40. «VII съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи», М. — Л., 1926, с. 36. — «Справочник партийного работника», М. — Л., 1928, вып. 6, ч. 2, с. 167—168. В 1929 г. 7,6% членов городских Советов, 6,6% членов сельских Советов и 7,3% председателей сельсоветов являлись членами комсомола. Их доля в исполкомах была значительно ниже («Большая Советская Энциклопедия», М., 1930, т. 11, с. 542).
41. «Оппозиция и комсомол», М., 1927, с. 72.
42. «Советское строительство», 1927, № 12 (17), с. 78.
43. «Правда», 19 мая 1928 г.
44. «XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», М. — Л., 1926, с. 824.
45. «Справочник партийного работника». М. — Л., 1928, вып. 6, ч. 2, с. 160.
46. *И. Бобрышев*. Мелкобуржуазное влияние среди молодежи. 2-е изд., М. — Л., 1928, с. 96—97.
47. «Правда», 19 сентября 1926 г. Маяковский, ранее подвергавшийся нападкам со стороны Сосновского, считал, что сама статья «окажет больше влияния на распространение хулиганских стихов Есенина, чем все книжки вместе взятые» («Литературное наследство», 1958, № 65, с. 38).
48. «Известия», 22 декабря 1928 г.
49. «Правда», 12 января 1927 г.
50. «Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина». М., 1927, с. 57, 69—70, 88—89. Книга содержит записи выступлений на собрании. Сокращенный текст выступления Луначарского в *А. Луначарский*. Собр. соч., т. 2, с. 342—347. Личные впечатления Воронского нашли отражение в неопубликованном письме Горькому в Сорренто от 16 февраля 1927 г. Он, в частности, писал: «Против Есенина объявлен поход. Не одобряю. Нехорошо. Прошлый год превозносили, а сегодня хаот. Всегда у нас так» (Цит. по: *В. Перцов*. «Маяковский. Жизнь и творчество в последние годы». М., 1965, с. 114).
51. *В. Маяковский*. Полн. собр. соч., М., 1959, т. 12, с. 312—320. В 1926 г. Маяковский написал известную поэму «Сергею Есенину», а в одной из своих статей обнаружил у Есенина в последние годы «явную тягу к новому», «эволюцию от имажинизма к ВАППу и «очевидную симпатию к нам (лефавцам)» (там же, т. 12, с. 94—95. Эта часть статьи впервые появилась в тифлисской газете «Заря Востока», 5 июня 1926 г.).
52. «ВЛКСМ в резолюциях...», М. — Л., 1929, с. 283. Относительно «эгалитаризма» см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 19. Об отношении к специалистам см. гл. 21.
53. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 538. В феврале 1928 г. Центральный Комитет партии постановлением запретил членам партии и комсомола посещать игорные дома или играть на деньги в азартные игры («Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1928, № 5 (226), с. 6).
54. *И. Бобрышев*. Цит. соч., с. 74—75.
55. «VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ», М., 1928, с. 25, 72.

56. И. Бобрышев. Цит. соч., Эта книга, которая широко цитировалась в то время, была полна подобных историй, но почти ничего не содержала в подтверждение тезиса о «мелкобуржуазном влиянии». В мае 1928 г. широкую известность приобрела грязная история с самоубийством молодой женщины после оргии в гостиничном номере. Главный виновник являлся членом Союза советских писателей («Известия», 23 мая 1928 г.).

57. Два наиболее знаменитых литературных отражения этого настроения — роман Малашкина «Луна с правой стороны» и рассказ Романова «Без черемухи», написанные в 1927 г. Полонский, редактор журнала «Новый мир», в котором появилось большинство рассказов Романова, порицая его чрезмерное увлечение сексом, соглашался, что «половые темы» — ныне самые модные темы («Известия», 3 апреля 1927 г.). В другой статье он сожалел, что эти проблемы не разбирались во взаимосвязи с вопросом о разрушении старой семьи и о полном освобождении женщины, а стали просто фотографическими изображениями эротических анекдотов (там же, 7 апреля 1927 г.).

58. Относительно заявления см. гл. 39. О ссылках на комсомол см. «XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б)», М. — Л., 1927, с. 686—687. — «Оппозиция и комсомол», М., 1927, с. 31—32.

59. См. гл. 39.

60. «Оппозиция и комсомол», М., 1927, с. 3—15. Относительно трудностей в Харькове см. там же, с. 84. Грузинская организация упоминалась в статье Чаплина («Правда», 20 августа 1927 г.), в которой также говорилось о нападениях «оппозиционных группировок» в комсомоле на такие вопросы, как гарантируемый минимум для подростков и особая тарифная сетка для учеников («Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 17). Эти нападки нашли отражение в «отсталых, консервативных настроениях среди отдельных прослоек рабочего класса и рабочей молодежи», которые выступали против рационализации и утверждали, что рабочие эксплуатируются.

61. L. Trotsky. Ibid., p. 134—139. Примечательно, что в течение этого периода почти все делегаты комсомольских съездов и конференций являлись членами партии или кандидатами (см. табл. № 57) и имели, следовательно, двойное обязательство по отношению к линии партии.

62. «Оппозиция и комсомол», М., 1927, с. 58—59. Относительно заявления см. гл. 39.

63. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 256—257.

64. «VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ», М., 1928, с. 2—3.

65. Там же, с. 18—41.

66. Там же, с. 344—369.

67. «ВЛКСМ в резолюциях...», М. — Л., 1929, с. 312. Чаплин в своем докладе настаивал на соединении принципа добровольности с идеей обязательных поручений («VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ», М., 1928, с. 46—47).

68. Там же, с. 319—330. Соответствующая резолюция о комсомольской работе на селе (там же, с. 330—340) открыто не обсуждалась, а была подготовлена комиссией и официально утверждена съездом (там же, с. 544). Относительно недостатков комсомола в сельской местности см. гл. 46.

69. «VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ», М., 1928, с. 73.

70. Там же, с. 250—251, 599—600.

71. «ВЛКСМ в резолюциях...», М. — Л., 1929, с. 308. Программа Коминтерна будет рассмотрена в последующем томе.

72. См. гл. 40.

73. И. Сталин. Соч., т. 11, с. 66—79. А. Бармайн считает «One Who Survived», (1945, p. 170) поощрительное послание «Комсомольской правде» первым шагом Сталина, имеющим целью противодействовать контролю Бухарина над «Правдой». О вытеснении Бухарина из «Правды» см. гл. 40.

74. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 20.

75. И. Сталин. Соч., т. 11, с. 136.

76. Там же, с. 242—243.

77. «Правда», 1 июня 1929 г.

78. «Деятельность Коммунистической академии, 1918—1928», 1928, с. 117.

В 1929 г. число слушателей увеличилось до 50 человек («Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 7 (226), с. 15).

79. См. с. 164.

80. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 5—6 (264—265), с. 6.

81. Там же, 1929, № 8—9 (267—268), с. 15—17.

82. Там же, 1929, № 16 (275), с. 2—4.

83. «VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ», М., 1928, с. 554—555. — «IX Всесоюзный съезд ВЛКСМ», М., 1931, с. 439—440.

84. «Пятый Всесоюзный съезд РКСМ», М. — Л., 1927, с. 346—348.

85. «VII съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи», М. — Л., 1926, с. 4, 43—45, 455—456.

86. Там же, с. 43—45, 455, 468.

87. «VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ», М., 1928, с. 40, 64, 496—497. Любое уменьшение количества членов было временным явлением, поскольку уже на 1 января 1929 г. числилось 1792 тыс. пионеров, а позже эта цифра достигла нескольких миллионов («IX Всесоюзный съезд ВЛКСМ», М., 1931, с. 362).

88. «ВЛКСМ в резолюциях...», М. — Л., 1929, с. 340—347.

89. «Правда», 14 июля 1928 г. Свой первый «Всесоюзный сбор» пионеры провели в августе 1929 г., во время которого 7 тыс. участвовало в параде на стадионе «Динамо» (Известия, 19 августа 1929 г.).

Глава 46. Партия в деревне

1. Е. С. Смиттен. Цит. соч., с. 12—13.

2. См. гл. 42.

3. «Социальный и национальный состав ВКП(б)», М. — Л., 1928, с. 79—81.

4. «Сельское хозяйство СССР, 1925—1928», М., 1929, с. 134—135.

5. «Деревенский коммунист», 1928, № 8 (80), с. 18—19.

6. См. табл. № 58. Относительно классификации рабочих, крестьян и служащих по роду занятий см. «Социальный и национальный состав ВКП(б)», М. — Л., 1928, с. 93, 101, 104. Впоследствии особо подчеркивалась слабость партийного представительства в колхозах («Большевик», 1928, № 9, с. 37. — «На аграрном фронте», 1929, № 8, с. 62—68). См. также с. 187).

7. Е. С. Смиттен. Цит. соч., с. 46—47.

8. «Социальный и национальный состав ВКП(б)», М. — Л., 1928, с. 78.

9. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 11—12 (270—271), с. 14.

10. См. гл. 42.

11. См. гл. 43.

12. «На аграрном фронте», 1928, № 10, с. 82—83.

13. «Большевик», 1929, № 9—10, с. 75—76, 82—89.

14. «5 съезд Советов СССР», М., 1929, № 16, с. 6. Между тем из работников в то время в сельской местности 31 400 сельскохозяйственных специалистов лишь 4,3% являлись членами партии и 3,3% — комсомольцами («Деревенский коммунист», 1928, № 14 (86), с. 16—17).

15. «На аграрном фронте», 1928, № 10, с. 81.

16. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 178.

17. Партийная перепись зарегистрировала в сельской местности почти 49 тыс. комсомольских ячеек с 1100 тыс. членами («Социальный и национальный состав ВКП(б)», М. — Л., 1928, с. 81). Значительный успех комсомола в рекрутировании новых членов на селе свидетельствует о том, что организация, возможно, привлекала молодое поколение крестьян, бунтовавших против старших.

18. «На аграрном фронте», 1928, № 10, с. 83.

19. L. Trotsky. Ibid., p. 136.

20. «VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ», М., 1928, с. 66—67. В резолюции съезда выражалось сожаление по поводу того, что комсомол, выполняя указание о привлечении «лучших середняков», истолковал определение «лучших» не с классовой, а с общекультурной точки зрения, и допустил в свои ряды «соци-

ально чуждые Союзу кулацкие и другие элементы» («ВЛКСМ в резолюциях...», М. — Л., 1929, с. 332).

21. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 8—9 (267—268), с. 15—17.

22. *И. Сталин*. Соч., т. 11, с. 4.

23. Относительно инструкции и статьи см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 2 и выше, гл. 43. В то время полагали, что оба документа написаны Сталиным.

24. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1928, № 12—13 (233—234), с. 1—4.

25. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 265.

26. *И. Сталин*. Соч., т. 11, с. 235. Красочное описание разлагающего влияния «чуждых элементов» в партии см. в «Деревенский коммунист», 1929, № 18, с. 3—4.

27. «Архивы Троцкого», Т 1230.

28. *М. Fainsod*. Op. cit., p. 47. Относительно предполагаемого сращивания с кулаком, как одной из причин известного «смоленского скандала» см. гл. 43.

29. «XIV Всероссийский съезд Советов». М., 1929, № 15, с. 7.

30. См. Приложение «Ж».

31. См. Приложение «З».

32. «Правда», 13 января 1927 г. Относительно истории «шефства» см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22.

33. «Правда», 2 августа 1928 г. Относительно других призывов см. там же, 15 ноября 1928 г.

34. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 11—12, с. 9—13. Относительно рабочих бригад см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 11.

35. *Г. Конюхов*. КПСС в борьбе с хлебными затруднениями. М., 1960, с. 10. О подобной тенденции см. «Основы плановой экономики...», т. 1, с. 516.

36. «СССР. От съезда к съезду (апрель 1927 — май 1929)», М., 1929, с. 131.

37. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, т. 2, с. 546—547.

38. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1928, № 24 (255), с. 5. 10. Вторая цитата заимствована из статьи, специально посвященной Украине.

39. «Правда», 19 декабря 1928 г. Народный комиссар сельского хозяйства Украины Шлихтер, выступая в декабре 1928 г. на местной партийной конференции, процитировал письма многочисленных деревенских членов партии по данному вопросу. В них, например, говорилось следующее: «С кулаком борьба... окончена. Кулак на деревне маленький человек» (с Урала). «Ярко выраженного кулака в селе нет. Кулак не страшен» (из Молдавской АССР). «Кулака почти уже нет, а где он есть, то влияние его маленькое» (с Украины). (*А. Шлихтер*. К итогам ноябрьских пленумов ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У, М., 1929, с. 42—43). В общих чертах так говорил Бухарин в Центральном Комитете партии в июле 1928 г. («Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 3).

40. *М. Fainsod*. (Op. cit., p. 211—212) ссылается на содержащееся в архивах местной партийной организации выступление члена партии, который заявил: «Я согласен с линией Бухарина в вопросе развития сельского хозяйства».

41. «Правда», 9 марта 1929 г. Редакционная статья (там же, 1 июня 1929 г.) отнесла слабости с хлебозаготовками на счет правых уклонистов. И Андреев, докладывая Центральному Комитету партии о положении дел на Северном Кавказе, признал, что «не всюду обеспечен еще в достаточной степени нажим на кулака так, как этого требует линия партии» (там же, 7 июля 1929 г.).

42. О слабости партийных рядов в колхозах см. гл. 42. Относительно ранних взглядов Бухарина см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 5.

43. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 1 (260), с. 5—8; там же, 1929, № 5—6 (264—265), с. 21. Автором первой статьи был Варейкис, бывший бухаринец, явно желавший заявить о своей приверженности официальной линии. Вторая статья критиковала первую как чересчур мягкую и половинчатую.

44. «Беднота», 24 марта 1929 г. По-видимому, это явилось основанием для обвинения, что в Казахстане «специалистами проводится кулацкая идеология»

(«Труды первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов», М., 1930, т. 1, с. 141).

45. «Правда», 1 июня 1929 г. — «Беднота», 27 июня 1929 г. Другие примеры в *M. Fainsod*. *Op. cit.*, p. 214—215.

46. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 6.

47. Выборочная проверка в 1928 г. колхозов Сибири, Поволжья и Северного Кавказа показала, что 18% членов коммун, 4,9% членов артелей и 6,1% членов ТОЗ состояли в партии («На аграрном фронте», 1929, № 10, с. 113). Партийная прослойка в органах управления коллективных хозяйств также была выше, чем среди всех их членов: в коммунах — 41,5%, в артелях — 13,8, в ТОЗ — 11,4% («Колхозы СССР. Статистический справочник». М., 1929, с. 41, табл. № 17). К лету 1929 г. 18,3% деревенских членов партии вступили в колхозы («Деревенский коммунист», 1929, № 18, с. 2), на Украине — 20%. Однако, по разговорам, они принадлежали к зажиточному слою («На аграрном фронте», 1929, № 8, с. 66).

48. «На аграрном фронте», 1929, № 8, с. 72. Чтобы сделать партийное влияние в колхозах более действенным, Центральный Комитет 12 апреля 1929 г. издал постановление, согласно которому партийные работники в колхозах должны оставаться на своих постах не менее трех лет («Беднота», 21 апреля 1929 г.).

49. См. гл. 43.

50. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 11—12, с. 14.

51. «Бюллетень оппозиции», Париж, сентябрь 1929, № 3—4, с. 18. Автором был Сосновский.

52. М. И. Калинин. Вопросы советского строительства. М., 1958, с. 349.

53. «5 съезд Советов СССР», М., 1929, № 16, с. 4.

54. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)». М., 1962, с. 299. Относительно высказываний Бухарина на данную тему см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 17.

55. «Правда», 20 июля 1929 г.

Глава 47. Союз и республики

1. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 20. Таджикская автономная республика, входившая с 1925 г. в Узбекскую ССР, стала седьмой союзной республикой в 1931 г.

2. Скрипник жаловался, что в ЦИК СССР почти не говорят по-украински, а когда говорят, то стенографистки испытывают трудности с записью («4 сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4-го созыва», 1928, № 7, с. 22). В редких случаях использование других языков переводчиками, очевидно, обеспечивали.

3. «Власть Советов», 1927, № 15, с. 1. Относительно ситуации в 1925 г. см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 20.

4. «XIV Всероссийский съезд Советов». М., 1929, № 4, с. 2.

5. «Известия», 19 мая 1929 г.

6. «XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», М., 1931, с. 221. Поводом послужило выдвинутое на XVI съезде партии в июне 1930 г., но не осуществленное предложение о слиянии наркоматов РСФСР и СССР (там же, с. 165). Как видно, учреждения РСФСР, включая народные комиссариаты, административные органы, тресты и синдикаты, обычно для целей статистики классифицировались подобно аналогичным учреждениям СССР как «центральные учреждения» («Коммунисты в составе аппарата госучреждений и общественных организаций», М., 1929, с. 95).

7. А. Вышинский (ред.). Советское государственное право. М., 1938, с. 110.

8. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 20.

9. См. заявление Скрипника в газете «Известия» от 14 ноября 1926 г. Относительно Конституции РСФСР 1925 г. см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 20.

10. «Съезды Советов в документах». М., 1964, т. 5, с. 198—199.

11. Там же, с. 227—242. Историю Украины тех лет еще предстоит написать.

Тенденциозные материалы с обеих сторон слишком упрощали сложную ситуацию.

12. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 20.
13. Там же.
14. «Съезды Советов в документах», М., 1965, т. 7, с. 118—139, 533—547.
15. «Советское строительство», 1928, № 8 (25), с. 60, 62. Предложение об упразднении Наркомвнудела РСФСР много обсуждалось в ведомственном журнале и на представительной конференции в 1924 г. (см. «Власть Советов», 1924, № 2, с. 62—77; там же, 1924, № 5, с. 84—99), но вперед не продвинулось.
16. «Советское строительство», 1928, № 7 (24), с. 99—101.
17. Там же, 1928, № 12 (29), с. 164—165.
18. «Съезды Советов в документах», М., 1965, т. 7, с. 200—202.
19. «III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва», М., 1926, с. 66—71, 151, 839—840.
20. «Съезды Советов в документах», М., 1963, вып. 4, т. 2, с. 456—657.
21. «Собрание узаконений», 1927, № 31, статья 205. — «Съезды Советов в документах», М., 1962, вып. 4, т. 1, с. 81—82.
22. «Собрание узаконений», 1928, № 49, статья 371. Относительно Северокавказского края см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 21. См. также гл. 49.
23. «Административно-территориальное деление СССР», 8-е изд., М., 1929, с. 3.
24. «Власть Советов», 1926, № 16, с. 3—5.
25. Ни книги «Съезды Советов в документах», ни официальные сборники конституционных постановлений не содержат документов этой республики.
26. «Съезды Советов в документах», М., 1962, вып. 6, т. 2, с. 57—58, 244, 336, 372, 553—554.
27. Там же, т. 1, с. 1031—1048.
28. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 20.
29. «Съезды Советов в документах», М., 1964, т. 6, с. 335—343. Относительно статьи, разъясняющей исторические причины создания этой маленькой автономной республики с населением всего лишь в 105 тыс. человек и конституционными отношениями с Азербайджанской ССР см. «Советское строительство», 1929, № 3 (32), с. 106—114.
30. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 20. Аджарская АССР (в составе Грузинской ССР), как видно, не имела конституции до 1937 г.
31. «Съезды Советов в документах», М., 1965, т. 7, с. 363—384.
32. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 20.
33. «Советское строительство», 1928, № 9 (26), с. 17—18.
34. «Всесоюзное совещание по вопросам перевыборной кампании Советов 1929 года», М., 1928, с. 201.
35. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 6.
36. «Советское строительство», 1928, № 5—6 (22—23), с. 22.
37. Там же, 1929, № 7 (36), с. 83—84.
38. «Собрание законов», 1925, № 7, с. 57.
39. «Советское строительство», 1928, № 9 (26), с. 15; там же, 1929, № 6 (35), с. 23.
40. «Собрание узаконений», 1926, № 72, ст. 567.
41. «Собрание законов», 1928, № 27, арт. 245.
42. Там же, 1926, № 6, ст. 37. — «Собрание узаконений», 1928, № 47, ст. 355. Относительно других примеров законодательной деятельности Союза в вопросах гражданского права см. «Советское строительство», 1928, № 7 (24), с. 131—132.
43. Там же, 1926, № 66, ст. 500. Прецедентом служили предыдущие выборы, назначенные указом в январе 1925 г. («Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22).
44. «Советское строительство», 1927, № 1 (6), с. 114—115. Расхождения в избирательных законодательствах Украины, Белоруссии и Закавказских республик рассматривались в статье газеты «Известия» 30 октября 1926 г.

45. «Советское строительство», 1929, № 6 (35), с. 26.
46. «Собрание законов», 1925, № 8, ст. 75.
47. «Еженедельник советской юстиции», 1928, № 44—45, с. 1138—1141.
48. «Советское строительство», 1929, № 7 (36), с. 78—79. Там же упоминается тяжба с РСФСР относительно авторских прав (см. с. 200). О постановлениях, касающихся военных и государственных преступлений, см. гл. 53.
49. См., например, декрет СССР от 8 февраля 1928 г. о сельских Советах («Собрание законов», 1928, № 10, ст. 86). Такая же формула была использована РСФСР в инструкциях автономным республикам и областям (см. «Собрание узаконений», 1928, № 47, ст. 356).
50. «Собрание законов», 1927, № 32, ст. 326. Поводом для декрета якобы послужил спор с Украинской ССР («Советское строительство», 1929, № 6 (35), с. 23—24).
51. «Советское строительство», 1928, № 9 (26), с. 14. Закон о горных разработках СССР от 3 ноября 1927 г. («Собрание законов», 1927, № 68, ст. 687, 688) был повторен РСФСР («Собрание узаконений», 1928, № 133, ст. 871) и Украинской ССР, но не остальными союзными республиками, которые, очевидно, приняли Закон СССР как имеющий полную юридическую силу.
52. Там же, № 7 (24), с. 115—117. Относительно примеров с задержками исполнения см. там же, с. 103—115.
53. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», М., 1929, с. 268.
54. Даже в тех случаях, когда интерпретацию формулировал сам прокурор Верховного Суда, она не имела силы без утверждения Президиума ЦК (см. гл. 53).
55. «Советское строительство», 1928, № 9 (26), с. 13.
56. Там же, 1929, № 6 (35), с. 24—25.
57. «Большевистская революция...», т. 1, с. 126—140.
58. «Советское строительство», 1929, № 6 (35), с. 26.
59. Относительно землепользования см.: «Основы плановой экономики...», т. 1, с. 106—109. Относительно двух других сфер см. гл. 53.
60. «Советское строительство», 1928, № 2 (19), с. 36—37. Относительно конституционных неопределенностей при подобных решениях см. там же, 1928, № 5—6 (22—23), с. 172—173.
61. О президиуме ЦИК см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 20.
62. Назначенный на сессии ЦИК в апреле 1926 г. президиум в мае—июле того же года провел 12 заседаний и разобрал 315 вопросов, из них 65 финансовых («Советское строительство», 1926, № 1, с. 126). Но даже такие скупые сообщения о совершенных действиях были редким явлением.
63. «Социализм в одной стране...», т. 2, Приложение «А».
64. «Пленум бюджетной комиссии ЦИК Союза ССР», М., 1927, с. 28. — «Вестник финансов», 1927, № 8, с. 5.
65. «Собрание законов», 1927, № 27, ст. 286.
66. «3 сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 созыва», М., 1928, с. 118—123.
67. Там же, с. 709, 712—714.
68. Там же.
69. «4 сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 созыва», М., 1928, № 1, с. 6; там же, № 33, с. 17—19.
70. «Известия», 3 января 1928.
71. «3 сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 созыва», М., 1928, с. 705—706. Нормальная процедура исключения самим ЦИК была видна на примере исключения в ноябре 1926 г. за злоупотребление служебным положением некоего Рогачева («III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва. Постановления», М., 1926, с. 270).
72. «Известия», 3 января 1928 г.
73. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 20.
74. По словам Скрыпника, он никогда не собирался («4 сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 созыва», М., 1928, № 7, с. 28).
75. «Советское строительство», 1927, № 7 (12), с. 123—127.

76. Б. Кульбешеров. Деятельность Совета Национальностей и его Президиума. М., 1929, с. 24—25.
77. «СССР. От съезда к съезду (апрель 1927 г. — май 1929 г.)», М., 1929, с. 143. Относительно дискуссии по кооперативам см. «Советское строительство», 1928, № 12 (29), с. 170—173.
78. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 20.
79. Там же, т. 1, гл. 8.
80. «Собрание законов», 1926, № 48, статья 347. Двойной статус Наркомторга СССР как союзного и объединенного комиссариата сохранялся, потому что требовалось внести изменение в Конституцию. Поправку приняли на IV съезде Советов Союза ССР в апреле 1927 г. («Съезды Советов в документах», М., 1960, т. 3, с. 142).
81. «Собрание законов», 1927, № 44, статья 442.
82. См. с. 196.
83. «Вестник Коммунистической академии», 1928, вып. 26 (ч. 2), с. 253, 291.
84. «Советское строительство», 1927, № 2 (7), с. 35—36.
85. «Известия», 25 января 1927 г.
86. «Советское строительство», 1928, № 2 (9), с. 38—40. В этой же статье указывается, что аналогичные конференции провели и другие необъединенные республиканские комиссариаты, но за рамками сельского хозяйства эта система не получила должного развития. О конференции наркомземов в ноябре 1926 г. см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 1.
87. «Собрание законов», 1927, № 45, статья 459.
88. Относительно в какой-то степени чисто теоретических дискуссий, касающихся взаимоотношений между необъединенными народными комиссариатами РСФСР и такими же учреждениями автономных республик см. «Советское строительство», 1927, № 1 (6), с. 92—106.
89. «Еженедельник советской юстиции», 1927, № 25, с. 754. Предложение повторил год спустя в журнале Наркомюста председатель Верховного Суда Дагестанской АССР и получил отпор со стороны члена коллегии Наркомюста республики Немцев Поволжья (там же, 1928, № 29, с. 808—810; там же, 1928, № 49—50, с. 1238—1242).
90. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 20.
91. В книге «Советское государственное право», опубликованной в Москве в 1938 г. под редакцией А. Я. Вышинского, говорилось, что если закон «определял общие нормы политической и экономической жизни», то он опубликовывался таким путем. Однако не все законы следовали этому правилу.
92. М. И. Калинин. Вопросы советского строительства. М., 1958, с. 360—361.
93. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 13.
94. «Правда», 7 января 1927 г. — «Советское строительство», 1927, № 1 (6), — «Власть Советов», 1927, № 12, с. 6. Довольно вялые возражения появились в «Советское строительство», 1927, № 2—3 (7—8), с. 130—132. — «Власть Советов», 1927, № 17—18, с. 30—31. Примеры учрежденческих излишеств в автономных республиках указывались в: «Советское строительство», 1927, № 2—3 (7—8), с. 133; там же, 1928, № 5—6 (22—23), с. 51. Статья 47 Конституции РСФСР от 11 мая 1925 г. специально признала за автономными республиками право на ограничение количества своих народных комиссариатов.
95. «Советское строительство», 1927, № 2—3 (7—8), с. 137. Относительно резолюции, принятой в июле 1926 г., см. гл. 50. Абзац цитируется по: «КПСС в резолюциях...», М., 1954, т. 2, с. 278.
96. «XIII Всероссийский съезд Советов», М., 1927, с. 38.
97. «Советское строительство», 1927, № 7 (12), с. 42—47.
98. В 1928 г. в отчете администрации небольшой автономной области Нагорного Карабаха Азербайджанской ССР указывалось, что областной Совнарком «сосредоточил у себя все дело управления области и наделен правами президиума ЦИК». Поскольку председатель ЦИК являлся одновременно и председателем Совнаркома, оба учреждения, по существу, срослись («Советское строительство», 1928, № 10 (27), с. 105—106). Представляли ли собой изложенные в отчете детали, касающиеся региональных наркоматов, выражением планировав-

шихся или фактических перемен и насколько данная область была типичной для остальных, установить не удалось).

99. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 459. Цифры для отдельных областей не всегда подходят для точного сравнения. Процесс сокращения якобы был еще не завершен (там же, т. 1, с. 526).

100. «Советское строительство», 1927, № 12 (17), с. 118.

Глава 48. Районирование

1. Относительно этих событий см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 21.

2. «Известия», 1 апреля 1927 г.

3. «Собрание узаконений», 1927, № 80, ст. 536; там же, № 82, ст. 547. Полная картина районирования вплоть до указанного времени, включая наименования, количество населения в округах и районах в: «Советское строительство», 1928, № 2(19), с. 61—81.

4. «КПСС в резолюциях...», М., 1964, ч. 2, с. 465.

5. «Собрание узаконений», 1928, № 54, ст. 406. Относительно дальнейших постановлений, определивших границы отдельных округов и районов см. там же, № 96, ст. 616, 617. Первая областная партийная конференция и первый областной съезд Советов состоялись в августе 1928 г. («Исторические записки», 1955, вып. 51, с. 199).

6. Там же, ст. 407. Относительно постановлений, определивших границы см. там же, № 118, ст. 744. Сообщение о первом съезде Советов Средневолжского края поместила «Беднота» 11 сентября 1928 г.

7. Там же, ст. 421. Постановления, определившие границы и административно-территориальное деление, см. там же, № 96, ст. 615, 618. Созданию этого края предшествовали длительные споры, поскольку отстаивались по меньшей мере четыре различные схемы. Они обсуждались в серии статей журнала «Плановое хозяйство», 1928, № 4, с. 247—286.

8. Там же, 1929, № 10, ст. 116. Относительно постановления, определившего границы см. там же, № 41, ст. 438. Центрально-промышленную область переименовали в Московскую область (там же, № 41, ст. 437). На первом съезде Советов Иваново-Вознесенской области 15 июля 1929 г. выступил Калинин (М. И. Калинин. Вопросы советского строительства. М., 1958, с. 440—445).

9. Г. М. Кржижановский (ред.). Вопросы экономического районирования СССР. М., 1957, с. 241.

10. См. табл. № 58.

11. «Собрание узаконений», 1928, № 70, ст. 503.

12. «III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва», М., 1926, с. 262.

13. Там же, с. 264, 879.

14. «Плановое хозяйство», 1926, № 5, с. 194.

15. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 20.

16. «Пятый съезд Советов Татарской АССР» (Казань, 1925, с. 24—25) в W. L. Batsell. Soviet Rule in Russia. N. Y., 1929, p. 648. Чувашская АССР только получила республиканский статус («Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 20).

17. Г. М. Кржижановский (ред.). Цит. соч., с. 312, 322.

18. «Советское строительство», 1928, № 10 (27), с. 14.

19. «Собрание узаконений», 1928, № 79, ст. 544; там же, № 80, ст. 550. Включение автономных республик (края/области) продолжало порождать споры и бралось под защиту на том основании, что «формальная самостоятельность малых, в особенности культурно отсталых республик отнюдь не могла способствовать выявлению всех возможностей их хозяйственного и социально-культурного развития» («Советское строительство», 1929, № 11 (40), с. 85). Но один из критиков возразил, что подобная формулировка «противопоставляет нашей теории диалектического сочетания экономического районирование с разрешением национальной проблемы» (там же, 1930, № 1 (42), с. 64). Авторы 5-летнего

плана утверждали, что «национальный момент... и принцип экономического районирования лишь дополняют друг друга» («Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР», М., 1929, т. 3, с. 11).

20. «Собрание узаконений», 1928, № 137, ст. 889.

21. Относительно данного декрета см. с. 214.

22. «XV лет Советского строительства», М., 1932, с. 158.

23. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1928—1929 год», М., 1929, с. 22.

24. «Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР», М., 1929, т. 3, с. 9.

25. М. Вольф. Пути реконструкции сельского хозяйства. 4-е изд. М., 1929, с. 89.

26. «XIV Всероссийский съезд Советов», М., 1929, № 4, с. 5.

27. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, т. 3, с. 13—14.

Глава 49. Местная администрация

1. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22.

2. «Съезды Советов в документах», М., 1960, т. 3, с. 77.

3. «Советское строительство», 1927, № 1 (6), с. 27—28.

4. Относительно данного положения см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22.

5. «Советское строительство», 1927, № 1 (6), с. 6—7.

6. «Всесоюзное совещание по вопросам перевыборной кампании Советов 1929 г.», М., 1928, с. 10.

7. Это явилось темой пространной статьи, опубликованной в «Советском строительстве» (1926, № 2, с. 122—141).

8. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22.

9. «III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва», М., 1926, с. 4.

10. «Правда», 15 ноября 1927 г. («Дискуссионный листок», № 4). Относительно контртезисов см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 2.

11. «3 сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 созыва», М., 1928, с. 694.

12. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 21.

13. «III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва», М., 1926, с. 267. Указывалось, что если на 1 июля 1923 г. (в тексте ошибочно напечатано «1926». — *Ред.*) в РСФСР имелось 462 уезда, то к 10 ноября 1926 г. их число сократилось до 228 (там же, с. 443).

14. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», М., 1927, с. 460.

15. «Советское строительство», 1927, № 2—3 (7—8), с. 76. Относительно аналогичной жалобы крестьянина во время дискуссии, организованной «Крестьянской газетой» осенью 1927 г., см. «Крестьяне о Советской власти», М. — Л., 1929, с. 172—173.

16. «III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва», М., 1926, с. 370—372.

17. Там же, с. 255, 283. См. также «Советское строительство», 1927, № 1 (6), с. 31; там же, 1927, № 8—9 (13—14), с. 28—30.

18. «Съезды Советов в документах», М., 1960, т. 3, с. 140—141. Енукидзе заметил, что таким путем «сохраняется связь верховного органа Союза ССР с низовыми съездами Советов», но воздержался от дальнейших разъяснений («СССР. 4 съезд Советов», М., 1927, с. 582—583).

19. «Правда», 25 сентября 1927 г.

20. «II сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XIII созыва», М., 1928, с. 527—528.

21. «III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XIII созыва», М., 1928, № 18, с. 8—9.

22. Г. М. Кржижановский (ред.). Цит. соч., с. 328—329. «Местный бюджет» представлял собой сумму всех бюджетов ниже республиканского уровня.

23. «Социализм в одной стране...», т. 2, Приложение «А».
24. Там же, т. 2. В ноябре 1926 г. РСФСР издало аналогичное постановление («Собрание узаконений», 1926, № 92, ст. 668). Относительно давления в пользу бюджетов сельских Советов см. с. 256—259.
25. «Известия», 30 октября 1926 г.
26. См. табл. № 60.
27. Относительно данных постановлений см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 24. Позднее Рыков объяснял дефицит местных бюджетов уменьшением облагавшейся налогом частной торговли (см. «XLI собрание уполномоченных Центросоюза», 1928, с. 280—281).
28. «Собрание узаконений», 1926, № 39, ст. 304.
29. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22.
30. Критики продолжали сетовать на то, что постановления местных властей часто бывали непродуманными и неосуществимыми и не «соответствовали задаче текущей политики» («Советское строительство», 1929, № 6 (35), с. 69).
31. «III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва», М., 1926, с. 267.
32. См. с. 256—258.
33. «Известия», 15 мая 1927 г.
34. «Собрание узаконений», 1927, № 79, ст. 533. — «Советское строительство», 1927, № 12 (17), с. 68. Постановление якобы не являлось законодательным актом, но носило директивный характер (там же, с. 58).
35. «Собрание узаконений», 1927, № 120, ст. 812. Указ датирован 21 ноября 1927 г., однако, по данным журнала «Советское строительство» (1927, № 12 (17), с. 130), президиум ЦИК утвердил его 24 октября 1927 г. Обсуждался же Указ с июня 1926 г. (там же, 1928, № 1 (18), с. 45). Последующие постановления СССР от 4 января 1928 г. («Собрание законов», 1928, № 5, ст. 42) и РСФСР от 30 апреля 1928 г. («Собрание узаконений», 1928, № 50, ст. 379) содержали сложные и, вероятно, довольно нереальные детали данного законодательного акта.
36. «Собрание узаконений», 1928, № 70, ст. 503; там же, № 94, ст. 606. Относительно обсуждения Указа см. «II сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XIII созыва», М., 1928, с. 360—452. В одном случае Указ исправил ошибочное положение в Конституции РСФСР, которое предписывало городским Советам выбирать одного делегата от 1 тыс. жителей (вместо 1 тыс. избирателей). Выборы городских Советов всегда проходили по месту работы, а не жительства.
37. «Известия», 30 марта 1928 г.
38. О. Константинов. СССР по районам. Северный Кавказ. М. — Л., 1928, с. 36—37. — С. Трапезников. Исторический опыт КПСС. М., 1965, с. 67. — «XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», М., 1931, с. 116—117.
39. «Советское строительство», 1927, № 5—6 (10—11), с. 28—29.
40. Г. М. Кржижановский (ред.). Цит. соч., с. 322.
41. См. с. 267—269.
42. «Известия», 23 мая 1928 г.
43. На 1 января 1929 г. были зарегистрированы следующие промежуточные административные звенья:

	РСФСР	УССР	БССР	ЗСФСР	Узб. ССР	Турк. ССР
Округа	115	40	8	—	10	3
Районы	1 618	584	101	—	89	34
Уезды	143	—	—	49	6	—
Волости	1 405	—	—	150	40	—

В тот период число жителей в округе РСФСР составляло в среднем 583 888, а в районе — 44 814 человек. Вместе с тем эти цифры варьировались в зависимости от плотности населения соответственно от 1 013 340 и 62 622 человек в

Центрально-Черноземной области, до 230 799 и 26 759 человек в Дальневосточном крае («Административно-территориальное деление СССР». 8-е изд. М., 1929, с. 12, 21). В 1930 г. округа в РСФСР упразднили, определив район главной административной единицей в рамках края или области. Другие республики, где округа никогда не являлись активной административно-территориальной единицей, последовали этому примеру.

44. «СССР. От съезда к съезду (апрель 1927 г. — май 1929 г.)». М., 1929, с. 16.

45. «III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва», М., 1926, с. 265—266.

46. Там же, с. 294—297. Большая станица могла насчитывать 10—15 тыс. жителей (там же, с. 267).

47. «Съезды Советов в документах», М., 1962, т. 4, ч. 1, с. 138—139.

48. «СССР. Год работы правительства, 1927—1928», М., 1928, с. 35.

49. «СССР. От съезда к съезду (апрель 1927 г. — май 1929 г.)», М., 1929, с. 120.

50. См. гл. 54.

51. Цит. по еврейским источникам в *S. Schwartz. The Jews in the Soviet Union*. Syracuse, 1951, p. 122—128. О евреях см. гл. 54.

52. «Известия», 25 ноября 1927 г.

53. Ссылки на неполные еврейские записи: *S. Schwartz. Op. cit.*, p. 122—128.

54. Согласно опубликованному год спустя сообщению он насчитывал 16 тыс. жителей, из которых 85% были евреи, и включал 4 старых еврейских поселения и 22 поселения новых иммигрантов. В него входило 7 сельских Советов (6 еврейских и 1 украинский), и он имел не только районный исполком (РИК), но и районный съезд Советов. Число членов партии и кандидатов возросло с 20 до 54 человек (31 член и 23 кандидата). Комсомольцев насчитывалось 204 человека. Преобладали аренда земли и наемный труд, однако были приняты меры, чтобы воспрепятствовать «сильным» поселенцам и кулакам монополизировать свободную землю. Из 17 колхозов 3 представляли собой артели, 9 являлись машинно-тракторными сообществами и 5 были ТОЗами. 65% членов колхозов принадлежали к комитетам бедноты. Рисовалась картина довольно преуспевающей общины с растущим поголовьем свиней и крупного рогатого скота и хозяйствами, специализирующимися на выращивании фруктов, где с антисемитизмом было почти покончено («Советское строительство», 1928, № 10 (27), с. 107—118).

55. *S. Schwartz. Op. cit.*, 1951, p. 174—175. Относительно Комзета см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 16. План, должно быть, обсуждался еще в 1926 г., когда Сидович, председатель Комзета, сказал посетителям из Америки еврейской национальности, что, по его мнению, Сибирь слишком далека для еврейского поселения (*J. N. Rosenberg. On the Steppes*. N. Y., 1927, p. 24).

56. «Основы плановой экономики...», т. 1, Приложение «С».

57. «Советское строительство», 1928, № 4 (21), с. 63—64.

58. Цит. по: *S. Baron. The Russian Jews under Tsars and Soviets*. N. Y., 1964, p. 231.

59. Катастрофические условия 1928—1929 гг. описывались в статье журнала «Советское строительство», 1930, № 5 (46), с. 117—123.

60. «Собрание узаконений», 1934, № 19, ст. 114.

61. Относительно трудностей с созданием советского аппарата в других отсталых районах см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22.

62. Перечень малых северных народов, основанный на переписи 1926 г., см. *F. Lorimer. The Population of the Soviet Union*. Geneva, 1946, p. 60. Более поздний список см. *М. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера*. М., 1955, с. 227—228.

63. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 10.

64. «Собрание узаконений», 1924, № 57, ст. 556. Полное название: «Комитет по сотрудничеству с народностями северных приграничных земель». Его не следует путать с Комитетом по Северному морскому пути, который занимался прокладкой арктического маршрута и развитием торговли.

65. «Собрание узаконений», 1925, № 12, ст. 79; там же, № 18, ст. 113.

66. *М. Сергеев*. Цит. соч., с. 227.
67. «Собрание узаконений», 1926, № 73, ст. 575.
68. Постановлением от 1 октября 1926 г. правительство СССР потребовало, чтобы ЦИК союзных республик наделили землю цыган, «желающих перейти к оседлому образу жизни» («Собрание законов», 1926, № 67, ст. 507). Однако только 20 февраля 1928 г. РСФСР издала соответствующее постановление с аналогичным требованием к автономным республикам («Собрание узаконений», 1928, № 28, ст. 203).
69. «Советское строительство», 1928, № 10 (27), с. 5—13.
70. *М. Сергеев*. Цит. соч., с. 231—232, 237—239. Данное изложение базируется на большом количестве доступных опубликованных и неопубликованных материалов. В постановлении от 14 октября 1927 г. (см. с. 235) упоминаются «тундровые и островные Советы» в качестве альтернативы родовым Советам.
71. Там же, с. 245.
72. Там же, с. 235—237.
73. «Советское строительство», 1927, № 8—9 (13—14), с. 112—113.
74. «Собрание законов», 1927, № 32, ст. 330.
75. «Собрание узаконений», 1927, № 111, ст. 746.
76. «Известия», 2 апреля 1929 г.
77. «Советское строительство», 1929, № 9 (38), с. 106—118. Более поздний и общий отчет см. *М. Сергеев*. Цит. соч., с. 241—245.
78. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 4.
79. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22.
80. Относительно других функций общества см. *Брокгауз — Эфрон* (ред.). Энциклопедический словарь, т. 24 (1898), с. 216—221. Там же (т. 29, с. 377—385) см. относительно деревенской общины, которая обычно, но не всегда, совпадала с обществом в более широком смысле. Одной из постоянных тем писателя Степняка («The Russian Peasantry», 1888) являлось посягательство центрального правительства на традиционное самоуправление или мир.
81. См. Приложение «И».
82. В 1905 г. почти 40% доходов перечислялось на волостной бюджет («Вестник финансов», 1927, № 4, с. 58—60).
83. Этот процесс детально описан в *П. Першин*. Аграрная революция в России. М., 1966, т. 2, с. 221—337.
84. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.
85. «Власть Советов», 1925, № 44, с. 17.
86. «IV сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва», 1922, № 2, с. 3.
87. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22.
88. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1927, № 29 (202), с. 3. Надзор со стороны волостей за земельными обществами представлял собой невыполнимое условие (*М. Резунов*. Сельские Советы и земельные общества. М., 1928, с. 47) и было аннулировано в 1927 г. (см. с. 255).
89. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 21.
90. «3 сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 созыва», М., 1928, с. 751; «4 сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 созыва», М., 1928, № 12, с. 22.
91. «Власть Советов», 1928, № 23—24, с. 40—41.
92. «Советское строительство», 1928, № 4 (21), с. 35.
93. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22.
94. Сообщение о проекте появилось в газете «Беднота» 13 августа 1926 г., а опубликовали его 29 августа того же года.
95. «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 42.
96. «На аграрном фронте», 1928, № 5, с. 68. Другое заявление Наркомзема в том же духе приводится в *М. Резунов*. Цит. соч., с. 52—53.
97. «Беднота», 11 сентября 1926 г.
98. «Власть Советов», 1926, № 32—33, с. 3—4.
99. Там же, 1926, № 39, с. 3—6; № 42, с. 4; № 48, с. 18.
100. Там же, 1926, № 47, с. 3—4; № 48, с. 19.

101. «Советское строительство», 1926, № 5, с. 47.
102. «Собрание законов», 1927, № 51, ст. 333. Относительно данного постановления см. также «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22.
103. «Известия», 15 декабря 1927 г. (статья Карпа). Эти слова были процитированы без ссылки на источник в «Советском строительстве» (1928, № 5—6 (22—23), с. 69).
104. «Деревенский коммунист», 1928, № 5—6 (77—78), с. 28.
105. *М. Резунов*. Цит. соч., с. 24. Признавалось, что и новый закон «не внес радикального изменения в данном направлении» («На аграрном фронте», 1928, № 5, с. 68). Журнал Наркомюста, сетуя в двух статьях на неспособность установить на селе «революционную законность», рисовал мрачную картину административного хаоса («Еженедельник советской юстиции», 1927, № 25, с. 758—761; № 26, с. 787—790). Наблюдалось «систематическое вторжение в компетенцию сельсоветов и общественных сходов» со стороны земельных обществ, решение ими «ряда административных, хозяйственных и иных вопросов, совершенно не связанных с вопросами землепользования и землеустройства». Сходы занимались в свою очередь вопросами, подлежащими ведению земельных обществ или сельсоветов. «Особенно не стесняются насчет дачи директив сельсовету, порой рассматривая таковой как свой подсобный технический аппарат». Все три органа, подчас, присваивали себе судебные функции (там же, 1927, № 26, с. 760).
106. «Известия», 15 декабря 1927 г. — «На аграрном фронте», 1928, № 5, с. 64 — *М. Резунов*. Цит. соч., с. 41. Последний пришел к выводу, что «в большинстве случаев состав схода есть собрание глав домохозяев» и что «молодежь и женщины очень редко бывают на сходах».
107. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22; см. также гл. 50.
108. В одной из статей журнала «Власть Советов» (1926, № 21, с. 5) высказывалась точка зрения, что любое увеличение числа лишенцев лишь подчеркивало различие между сельским Советом и сходом.
109. «На аграрном фронте», 1926, № 11—12, с. 127—130.
110. «4 сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 созыва», М., 1928, № 12, с. 73—77. Относительно принципов см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 4.
111. Относительно директив см. там же, т. 1, гл. 4.
112. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 487.
113. «Беднота», 21 августа 1926 г.
114. «Власть Советов», 1928, № 21, с. 28.
115. См. Приложение «И».
116. «На аграрном фронте», 1926, № 9, с. 96, 106.
117. «Власть Советов», 1928, № 21, с. 29. Примеры господствующего положения зажиточных крестьян в земельном обществе и на сходе см. *М. Резунов*. Цит. соч., с. 35—40.
118. «Власть Советов», 1928, № 18, с. 21. Как видно, данное обстоятельство лежало в основе постоянных жалоб относительно слабой посещаемости сходов; число участников иногда падало до 10—15% от имеющих на то право («СССР. 4 съезд Советов», М., 1927, с. 466—467. — «III сессия Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета XII созыва», М., 1926, с. 298). Статистика посещаемости, составленная Рабкрином РСФСР, в *М. Резунов*. Цит. соч., с. 42.
119. Там же, № 22, с. 12—13. Относительно групп бедняков см. Приложение «З».
120. «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР», М., 1963, с. 319.
121. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1962, ч. 2, с. 1217.
122. В Белоруссии земельные общества были «в сравнении с РСФСР молодыми» и не угрожали «стать препятствием для работы советов» («Советское строительство», 1928, № 8 (25), с. 74).
123. Там же, 1928, № 2 (19), с. 28; 1928, № 8 (25), с. 73. В сообщении с Украины приводились «примеры подрыва, а иногда и срыва земельными обще-

ствами, подпадавшими под влияние кулаков, мероприятий сельсоветов, защищающих интересы маломощного бедняцкого крестьянства» (там же, 1927, № 12 (17), с. 19).

124. М. Резунов. Цит. соч., с. 9—22. Книга, опираясь на факты, в большинстве своем подчерпнутые из местных источников, дает правдивое описание запутанной и совершенно не одинаковой финансовой ситуации земельных обществ. Аренда земли и самообложение являлись двумя наиболее крупными источниками доходов земельного общества (там же, с. 12), хотя, как говорили, самообложение представляло собой главный источник во всех обществах, за исключением самых больших («Власть Советов», 1928, № 22, с. 21).

125. «Советское строительство», 1928, № 5—6 (22—23), с. 155.

126. «Известия», 30 октября 1926 г. (статья Круглова).

127. «Социализм в одной стране...», т. 2, Приложение «А».

128. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1962, ч. 2, с. 1246. Относительно сумм, собранных в результате «самообложения», см. Приложение «И». О бюджетах сельских Советов см. с. 256—258 и табл. № 52.

129. «Власть Советов», 1926, № 37, с. 24. — «Советское строительство», 1927, № 2—3, с. 107.

130. «Вестник финансов», 1927, № 4, с. 60—61.

131. «Советское строительство», 1928, № 5—6 (22—23), с. 10. Постановлением республик от 21 июля 1926 г. доход от свободных земель передавался в бюджет сельского Совета («На аграрном фронте», 1928, № 5, с. 75—76). Представитель республиканских властей с удовлетворением приветствовал передачу местных доходов не земельному обществу, а сельскому Совету («Власть Советов», 1927, № 30, с. 9).

132. «Советское строительство», 1928, № 5—6 (22—23), с. 159.

133. М. Резунов. Цит. соч., с. 22.

134. «XIV Всероссийский съезд Советов», М., 1929, № 25, с. 14.

135. «Власть Советов», 1926, № 48, с. 19.

136. М. Резунов. Цит. соч., с. 33—34.

137. «Советское строительство», 1928, № 9 (26), с. 39; там же, 1929, № 5 (34), с. 107.

138. Там же, 1928, № 5—6 (22—23), с. 158.

139. Там же, 1928, № 12 (29), с. 100. Относительно избирательных комиссий см. гл. 50.

140. М. Резунов. Цит. соч., с. 31. Для сравнения см. примеры повестки дня сельских Советов и земельных обществ (там же, с. 28—29).

141. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 100.

142. «Власть Советов», 1928, № 18, с. 21; «Деревенский коммунист», № 5—6 (77—78), 14 марта 1928 г.

143. «Большевик», 1928, № 9, с. 80—81.

144. «Известия», 15 декабря 1927 г., с. 3 (статья Карпа).

145. «Власть Советов», 1928, № 21, с. 28.

146. «Советское строительство», 1928, № 12 (29), с. 73.

147. «3 сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 созыва», М., 1928, с. 729; «4 сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 созыва», М., 1928, № 12, с. 22.

148. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 4.

149. «Большевик», 1928, № 13—14, с. 101.

150. М. Резунов. Цит. соч., с. 54.

151. «На аграрном фронте», 1929, № 4, с. 10.

152. «Известия», 16 февраля 1929 г.

153. «Собрание законов», 1930, № 16, ст. 172. «Собрание узаконений», 1930, № 51, ст. 621.

154. «Социализм в одной стране...», т. 2, Приложение «А».

155. См. табл. № 61. О количестве земельных обществ в одном сельском Совете (4 : 1) см. гл. 49.

156. «Советское строительство», 1928, № 12 (29), с. 17.
157. Там же, 1929, № 6 (35), с. 80. Как рассказывали, в 1928 г. сельские Советы собирались, чтобы избрать председателя и секретаря и затем больше не созывались в течение года (там же, 1928, № 8 (25), с. 71).
158. Л. М. Казанович. Партия и Советы. М. — Л., 1928, с. 78. По словам М. Розницкого (Лицо деревни, 1926, с. 30), обычный сельский Совет состоял просто из председателя и секретаря, из которых последний иногда был более важен. Доклад Рабкриня подтверждал, что «всю работу в основном ведут председатель и секретарь... Президиумы сельсоветов подменяют собой пленумы» («Советское строительство», 1928, № 12 (29), с. 86).
159. Там же, 1927, № 2—3 (7—8), с. 96—97; «Власть Советов», 1927, № 27, с. 15—16. Отдельные сельские Советы назначали «сельских исполнителей», которые выполняли некоторые функции деревенских полицейских, но, поскольку часто для этих целей выбирали пожилых людей, не способных выполнять тяжелую сельскохозяйственную работу, вряд ли они могли поймать конокрада («Еженедельник советской юстиции», 1927, № 33, с. 1028).
160. «Собрание узаконений», 1927, № 27, ст. 284.
161. «Советское строительство», 1928, № 12 (29), с. 27—28. В 1927 г. ежемесячная зарплата председателя волисполкома составляла 71,8 руб., секретаря — 53,8 руб. В 1929 г. средняя ежемесячная заработная плата председателей сельских Советов в РСФСР поднялась лишь до 23,5 руб., а секретарей — до 22,7 (там же, 1929, № 5 (34), с. 116). Относительно заработков промышленных рабочих в тот период см. «Основы плановой экономики...», т. 1, табл. № 25. В 1928 г. 50% сельских Советов якобы имели платных секретарей, которые не являлись депутатами Советов («Советское строительство», 1928, № 12 (29), с. 17).
162. Там же, 1928, № 5—6 (22—23), с. 164. Ежегодная смена «основных работников» сельских Советов варьировалась в пределах от 45 до 100% («XIV Всероссийский съезд Советов», М., 1929, № 15, с. 7).
163. «III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва», М., 1926, с. 298.
164. «Советское строительство», 1927, № 12 (17), с. 83.
165. Там же, 1926, № 2, с. 15.
166. «Государственный аппарат СССР. 1924—1928 гг.», М., 1929, с. 22.
167. «Власть Советов», 1926, № 21, с. 31; там же, 1926, № 27, с. 6—7. — «XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (6)», М., 1931, с. 165.
168. «Советское строительство», 1926, № 3—4, с. 127—128, 130.
169. Там же, 1927, № 12 (17), с. 81. В целом по СССР неграмотными были 12,7% членов сельских Советов и 2,8% их председателей (там же, 1928, № 12 (29), с. 19, 23). Для РСФСР (не включая автономные республики) эти цифры составляли 10 и 1,6%, а для автономных республик — 24 и 6,1% (там же, 1929, № 5 (34), с. 110).
170. «Еженедельник советской юстиции», 1927, № 25, с. 760.
171. М. Резунов. Цит. соч., с. 30. Довольно мягкое заключение.
172. «Большевик», 1928, № 6, с. 46.
173. Там же, 1927, № 7 (9), с. 53.
174. «Власть Советов», 1927, № 22, с. 11—12.
175. «Государственный аппарат СССР. 1924—1928 гг.» М., 1929, с. 5.
176. «Советское строительство», 1928, № 9 (26), с. 39—54. Относительно партийных инструкторов см. с. 119—120.
177. «Известия», 6 июня 1928 г.
178. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 604.
179. «Советское строительство», 1929, № 5 (34), с. 110.
180. Там же, 1929, № 5 (34), с. 109, 114.
181. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 357.
182. См. с. 240—241.
183. «Съезды Советов в документах», М., 1964, т. 5, с. 179—180. См. также с. 257.

184. «Власть Советов», 1927, № 24—25, с. 21.
185. «Беднота», 16 июня 1927 г. Относительно прежнего заявления см. с. 240.
186. «Собрание узаконений», 1927, № 105, ст. 706. Относительно данного положения кодекса см. с. 238.
187. «Збірник узаконень та распоряжень», 1927, № 47, ст. 58. Соответствующая глава в *М. Резунов*. Цит. соч., с. 74—76.
188. Относительно этих директив см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 17.
189. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1962, ч. 2, с. 1281.
190. Там же, ч. 2, с. 1242, 1245. Один журналист назвал украинское постановление от 12 октября 1927 г. «новизной для всех остальных Союзных Республик» («Советское строительство», 1927, № 12 (17), с. 21).
191. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 486—487.
192. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 100.
193. *Л. М. Казанович*. Цит. соч., с. 78—79.
194. См. с. 247—248.
195. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 9.
196. «Собрание узаконений», 1926, № 92, ст. 668.
197. «Всесоюзное совещание по вопросам перевыборной кампании Советов 1929 г.», М., 1928, с. 66. Относительно возражений Наркомфина см. с. 225. Опасения, что через местные бюджеты сельсоветы попадут в «прямую зависимость от воли населения» и что это было бы несовместимо с диктатурой пролетариата, возможно, чаще ощущались, чем высказывались вслух («Советское строительство», 1928, № 4 (21), с. 44).
198. См. табл. № 62. Относительно сельских бюджетов до 1926 г. см. «Социализм в одной стране...», т. 2, с. 461. В 1926—1927 гг. общее число сельских бюджетов возросло на 65% («Советское строительство», 1928, № 4, с. 38). Приведенный в 1926 г. анализ вновь введенных бюджетов сельских Советов в Костромском уезде показал, что их суммы варьировались от 700 до 4 тыс. рублей, что около 70% (а в некоторых случаях все сто) доходов поступали от налогов (сельскохозяйственных и других), что 68% расходов шли на оклады работникам и служащим Советов (коммунальные услуги финансировались главным образом земельным обществом), что некоторые из этих якобы самостоятельных бюджетов в действительности составлялись волостными исполкомами («Известия», 30 октября 1926 г.).
199. «Собрание узаконений», 1927, № 26, ст. 172.
200. Относительно данной резолюции см. с. 257.
201. «Собрание узаконений», 1927, № 73, ст. 500. Для окончательного утверждения, как видно, пришлось подождать еще одного постановления («Собрание узаконений», 1928, № 99, ст. 625).
202. См. с. 246.
203. «Известия», 15 декабря 1927 г. (статья Карпа).
204. «Советское строительство», 1928, № 4(21), с. 39.
205. Там же, 1928, № 5—6 (22—23), с. 69.
206. «Правда», 4 июля 1928 г. В это время приняли решение увеличить в Белорусской ССР на 20% число сельских Советов с собственными бюджетами («Советское строительство», 1929, № 1 (30), с. 37).
207. «Власть Советов», 1928, № 8, с. 8; там же, 1928, № 22, с. 6—7.
208. См. табл. № 62.
209. «Советское строительство», 1928, 9 (26), с. 139, 142—144.
210. «Съезды Советов в документах», М., 1962, т. 4, ч. 1, с. 134.
211. Относительно данного положения см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22.
212. «Совещание по вопросам советского строительства, 1925». М., 1925, с. 171. Относительно совещания см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22.

213. «Правда», 27 сентября 1927 г.; «Советское строительство», 1928, № 12 (29), с. 52—53.
214. «Собрание узаконений», 1927, № 39, ст. 250. Это постановление последовало сразу же за постановлением СССР по сходу (см. с. 240) и являлось, по всем признакам, частью общего движения, направленного на создание в деревне действенной советской администрации.
215. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1927, № 29 (202), с. 4.
216. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 100; там же, 1962, ч. 2, с. 1246.
217. «Большевик», 1928, № 13—14, с. 102.
218. «Советское строительство», 1928, № 12 (29), с. 90. Создание секций городских Советов было предписано постановлением, принятым в октябре 1925 г. (см. с. 263).
219. «Советское строительство», 1928, № 8 (25), с. 32, 71 («некоторые... действительно работают», «совсем не ведут никакой работы и существуют только на бумаге»); там же, 1928, № 9 (26), с. 39 («абсолютное бездействие секций советов»).
220. Там же, 1928, № 12 (29), с. 57.
221. См. Приложение «З».
222. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 11—12 (270—271), с. 13—14. В 1928 г. в партийных кругах постоянно слышались жалобы на недостаточное руководство земельными обществами (см., например, «Деревенский коммунист», 1928, № 5—6 (77—78), с. 28—30; «Большевик», 1928, № 13—14, с. 104—105).
223. «Большевик», 1928, № 9, с. 79—81. Относительно столкновения двух активов см. гл. 42.
224. «Известия», 6 июня 1928 г.
225. «Деятельность органов партийно-государственного контроля. Сборник документов». М., 1967, с. 134—137.
226. Об основных принципах см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 4. По сообщению газеты «Беднота» 2 ноября 1928 г., статья относительно подчинения земельного общества сельскому Совету (ст. 51) была усилена по инициативе Совнаркома РСФСР.
227. «Известия», 26 января 1929 г. (статья Рыскулова).
228. См. таблицу в: «Сельское хозяйство в СССР, 1925—1928», М., 1929, с. 134—135. Она показывает, что представительство в сельском Совете было прямо увязано с благосостоянием, измерявшимся наличием в собственности средств производства.
229. «СССР. 5 съезд Советов». М., 1929, № 16, с. 10. Проведенная в 1928 г. проверка 27 сельских Советов Нижневолжского края показала, что из 386 членов 112 были бедняками, 158 — середняками и 116 — зажиточными крестьянами, но что если 45% зажиточных крестьян и 40,5% середняков регулярно посещали собрания, то так поступало лишь 14,4% бедняков («Советское строительство», 1929, № 2 (31), с. 130—131).
230. См. с. 248.
231. «XIV Всероссийский съезд Советов», М., 1929, № 15, с. 16. Относительно ККОВ см. Приложение «Ж».
232. «Съезды Советов в документах», М., 1962, т. 4, ч. 1, с. 132—134, 136.
233. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22.
234. См. с. 271.
235. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 278.
236. «Советское строительство», 1927, № 8—9 (13—14), с. 8.
237. Там же, 1928, № 5—6 (22—23), с. 124.
238. Там же, с. 183.
239. Там же, 1929, № 4 (33), с. 123—124.
240. См. с. 265.
241. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 269, 276. Относительно

высказываний Молотова, содержавшихся в его докладе Центральному Комитету, см. «Советское строительство», 1926, № 2, с. 19.

242. Там же, 1926, № 5, с. 10—17. Выборочная проверка городских Советов РСФСР, проведенная в 1928 г., выявила 47% депутатов-рабочих по социальному положению и 37,9% депутатов-рабочих с производства («Известия», 23 мая 1928 г.).

243. «Советское строительство», 1928, № 5—6 (22—23), с. 186. Закавказская СФСР опубликовала положение о городских Советах 20 февраля 1928 г. (там же, 1928, № 5—6 (22—23), с. 118).

244. «Съезды Советов в документах», М., т. 5, с. 181. Относительно секций см. с. 268—271.

245. «Власть Советов», 1927, № 14, с. 4—5.

246. «Справочник партийного работника», М.—Л., 1928, вып. 6. ч. 1, с. 634—635. Первоначально резолюцию опубликовали в «Правде» 19 июля 1927 г. Некоторое давление при составлении резолюции оказал Северо-Кавказский край с его тремя окружными городами: Ростовом, Краснодаром и Новороссийском («Известия», 20 июля 1927 г.).

247. «Собрание законов», 1928, № 10, ст. 86, 87. Как говорилось в одной из статей, опубликованных в «Советском строительстве» (1928, № 2 (19), с. 10), постановление впервые предоставило Советам «доходные источники, способные обеспечить бесдефицитное сведение городского бюджета».

248. «Власть Советов», 1928, Приложение № 1.

249. Там же, 1926, № 24—25, с. 1; там же, 1926, № 32—33, с. 24—25. Из Сибири сообщали, что окружные исполкомы «смотрят на горсоветы как на ненужный орган, всячески стараются его обойти» («Советское строительство», 1929, № 3 (32), с. 99).

250. «Власть Советов», 1926, № 24—25, с. 4.

251. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 98.

252. «Всесоюзное совещание по вопросам перевыборной кампании Советов 1929 г.», М., 1928, с. 200.

253. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22.

254. «Советское строительство», 1928, № 5—6 (22—23), с. 121—125, 133.

255. Там же, 1928, № 5—6 (22—23), с. 124—125, 186. Особое положение Бакинского совета, возможно, объяснялось тем, что ему удавалось получать доход от налога на добываемую на его территории нефть в размере 0,5 коп. за пуд (там же, с. 125). Большинство городских Советов, даже получивших самостоятельные бюджеты, нуждались для их сбалансирования в финансовой помощи вышестоящих властей.

256. Там же, 1927, № 12 (17), с. 17.

257. Там же, 1928, № 9 (26), с. 117. В других местах Туркменистана вновь сформированные Советы якобы не имели исполнительной власти и полностью подчинялись окружным властям (там же, 1927, № 5—6 (10—11), с. 20).

258. «Советское строительство», 1928, № 5—6 (22—23), с. 189—190.

259. Там же, 1928, № 5—6 (22—23), с. 186—188.

260. В 1926 г. среднее число членов городского Совета РСФСР составляло 117 человек против 84 в 1924—1925 гг. («Правда», 26 октября 1926 г.). Вместе с тем крупные и важные городские Советы могли иметь тысячу и более членов. В 1926—1927 гг. в Бакинском совете было 1208 членов и 349 кандидатов («Советское строительство», 1928, № 5—6 (22—23), с. 127).

261. Там же, 1928, № 12 (29), с. 85. Приводились примеры (за пределами РСФСР) Одессы, Днепропетровска, Кременчуга, Ташкента и Баку. Около половины вопросов, обсуждавшихся на 15 пленарных заседаниях Одесского совета между мартом 1927 г. и мартом 1928 г., были «общеполитическими», а не «деловыми». Последними занимался Президиум (там же, 1928, № 10 (27), с. 123).

262. В этом была причина быстрой смены членского состава, повторное избрание представляло собой скорее исключение, чем правило. В 1927 г. в Москве 73% членов городского Совета являлись вновь избранными, в Ленин-

граде — от 74 до 80% и в Брянске — 96%. Такая практика критиковалась как препятствовавшая созданию крепкого актива («Известия», 23 мая 1918 г.). В первое десятилетие нового строя депутатами Московского городского Совета в разное время будто бы являлись 500 тыс. человек («Советское строительство», 1927, № 5—6, с. 15). См. также гл. 50.

263. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22.

264. «Власть Советов», 1926, № 44—45, с. 35—36.

265. «Советское строительство», 1928, № 12 (29), с. 5—6. В Ленинграде 66% кооптированных являлись рабочими, в Иваново-Вознесенске — 80%. В подборе работников секций иногда помогали профсоюзы (там же, 1928, № 5—6 (22—23), с. 139). По словам Крупской, в 1925—1926 гг. в секциях Москвы работало 12 300 человек («Правда», 12 апреля 1927 г.). Очевидно, имелись в виду Московский городской Совет и районные Советы города.

266. «Власть Советов», 1927, № 35—36, с. 27.

267. «Советское строительство», 1928, № 10 (27), с. 122.

268. Там же, 1928, № 5—6 (22—23), с. 130.

269. «Правда», 12 апреля 1927 г. В целом наименее популярными были финансовая и торгово-кооперативная секции.

270. «Еженедельник советской юстиции», 1928, № 7, с. 193; там же, 1928, № 8, с. 255—256.

271. «Собрание законов», 1929, № 13, ст. 111.

272. «Советское строительство», 1928, № 8 (25), с. 31.

273. Там же, 1928, № 10 (27), с. 123—124.

274. «Известия», 23 мая 1928 г.

275. «Советское строительство», 1928, № 12 (29), с. 8.

276. Там же, с. 89.

277. «Известия», 23 мая 1928 г.

278. Журнал «Экономическое обозрение» (1928, № 8, с. 140) классифицировал 730 городских населенных пунктов европейских губерний РСФСР по 13 различным категориям.

279. «Собрание узаконений», 1924, № 73, ст. 726.

280. Там же, 1926, № 65, ст. 509; там же, 1927, № 56, ст. 384; там же, 1928, № 8, ст. 70. Осенью 1926 г. в РСФСР было 206 поселков городского типа («Советское строительство», 1926, № 3—4, с. 121, 126—127). В 1928 г. Московская губерния имела 38 рабочих поселковых Советов (там же, 1929, № 2, (31), с. 27). Относительно довольно туманного термина «поселок» см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 10.

281. «Збірник узаконень та распоряжень», 1924, № 9, ст. 87.

282. «Советское строительство», 1928, № 10 (27), с. 34.

283. «Сборник узаконений и распоряжений БССР», 1925, № 31, ст. 293.

284. «Административно-территориальное деление СССР», 8-е изд., М., 1929, с. 12. В эту категорию не включены некоторые более мелкие поселения (например, фабричные и дачные поселки), классифицированные в других местах как населенные пункты городского типа.

285. Относительно резолюции и постановления см. с. 264.

286. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 509. Относительно резолюции см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 21.

287. «Всесоюзное совещание по вопросам перевыборной кампании Советов 1929 г.», М., 1928, с. 124.

288. «Советское строительство», 1928, № 10 (27), с. 33—34; там же, 1928, № 11 (28), с. 37.

289. Там же, 1929, № 5 (34), с. 111, 173.

Глава 50. Избирательная процедура

1. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 268—280. См. также «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22.

2. В ноябре 1926 г. докладчик на заседании ЦИК РСФСР в порядке эксперимента предложил (при сохранении ежегодных выборов в Советы) выбо-

ры в исполкомы Советов более высокого уровня проводить один раз в два года («III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва», М., 1926, с. 547—548).

3. «Собрание законов», 1926, № 66, ст. 500, 501. Относительно постановления РСФСР от 4 ноября 1926 г., разъясняющего эту инструкцию, см. «Собрание узаконений», 1926, № 75, ст. 577.

4. «Советское строительство», 1926, № 3—4, с. 154.

5. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1926, № 49 (170), с. 2—3.

6. «Собрание законов», 1926, № 75, ст. 594.

7. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1926, № 50—51 (171—172), с. 1—2. Циркуляр также опубликован в «Правде» 28 декабря 1926 г.

8. «Справочник партийного работника», М.—Л., 1928, вып. 6, ч. 1, с. 631—634.

9. «Известия», 18 декабря 1926 г.

10. «Правда», 1 января 1927 г.

11. «Советское строительство», 1926, № 5, с. 142.

12. Там же, 1927, № 4 (9), с. 64—68.

13. Там же, 1926, № 5, с. 6—7.

14. Там же, 1927, № 7 (12), с. 71—73. Это сообщение поступило с Украины, где выборы в сельских районах были организованы более умело, чем в других республиках.

15. Там же, 1926, № 5, с. 8. Позднее сообщалось, что нэпманы и кулаки якобы устраивали свои «нелегальные предвыборные собрания», где планировалась тактика и обсуждались кандидаты (там же, 1928, № 8 (25), с. 6). Оппозиция вела себя, однако, не так шумно, как на предыдущих выборах (там же, 1927, № 4 (9), с. 5).

16. Согласно одному оптимистическому сообщению с Украины, «выборы проходили без какого-либо нажима и командования, что в прошлые кампании не было изжито в полной мере» (там же, 1927, № 7 (12), с. 73). Каганович хвастал, что «со старыми методами командования, администрирования, с методами военного периода почти было покончено» (Л. М. Каганович. Цит. соч., с. 70).

17. «Правда», 30 января и 4 февраля 1927 г.

18. Там же, 18 февраля 1927 г.

19. «Справочник партийного работника», М.—Л., 1928, вып. 6, ч. 1, с. 629.

20. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22.

21. Относительно этих заявлений см. с. 275.

22. «Беднота», 5 февраля 1927 г.

23. М. И. Калинин. Цит. соч., с. 332—347.

24. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 355—356.

25. «Правда», 17 февраля 1927 г. Согласно более позднему сообщению, в одном из уездов 30% всех учителей лишили избирательных прав на том основании, что они являлись детьми священников или поддерживали отношения с кулаками («Советское строительство», 1928, № 8 (25), с. 10).

26. «Известия», 19 февраля 1927 г.

27. «Беднота», 10 марта 1927 г.

28. «III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва», М., 1926, с. 523.

29. «Советское строительство», 1927, № 4 (9), с. 12—21; «Власть Советов», 1927, № 19, с. 22.

30. «Правда», 19 февраля 1927 г. Как видно, главная трудность при решении вопроса о лишении или предоставлении избирательных прав была связана с проблемой использования наемного труда. Автор одной из статей, опубликованной в журнале «Власть Советов» (1926, № 42, с. 1—4), сетовал на неясности первоначальной инструкции от 28 сентября 1926 г. в данном вопросе.

31. См. табл. № 63. В РСФСР почти 40%, а на Украине около 50% исключенных лишили избирательных прав, как членов семей лишенцев. Высказывались сомнения относительно правомерности отдельных исключений, кото-

рые, как видно, впервые имели место на этих выборах («Советское строительство», 1927, № 4 (9), с. 6, 12, 70).

32. «Правда», 20 марта 1927 г.

33. «Советское строительство», 1927, № 4 (9), с. 75, 82—83.

34. См. табл. № 64. Наивысший процент участников в выборах 1927 г. был якобы отмечен среди красноармейцев (77) и профсоюзных работников (70) («Основные итоги работы правительства СССР. К перевыборам Советов 1928—1929 г.», М., 1928, с. 25). Важную роль военнослужащих Красной Армии на выборах подчеркнул позднее Енукидзе («Всесоюзное совещание по вопросам перевыборной кампании Советов 1929 г.», М., 1928, с. 45—46).

35. «Советское строительство», 1927, № 8—9 (13—14), с. 9, 17. На XV съезде партии в декабре 1927 г. Косиор говорил, вероятно, сопоставляя с городами, о «сравнительно медленном» росте крестьянской активности на выборах («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 100).

36. См. табл. № 65.

37. Л. М. Каганович. Цит. соч., с. 72.

38. «Советское строительство», 1928, № 5—6 (22—23), с. 163.

39. «Справочник партийного работника», М.—Л., 1928, вып. 6, ч. 2, с. 634.

40. «Советское строительство», 1927, № 12 (17), с. 104.

41. «Правда», 1 декабря 1927 г.

42. О внезапности свидетельствует тот факт, что «Беднота», объявившая 6 января 1928 г. об этом решении на последней странице, поместила на первой странице большую статью о предстоящих выборах. Относительно обстоятельств переноса сроков см. «Советское строительство», 1928, № 11 (18) с. 41—43.

43. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1927, № 34—35 (207—208), с. 1—2, 5.

44. Предложение о проведении выборов летом («Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22) ЦИК РСФСР рассматривал и отверг в ноябре 1927 г., вероятно, на том основании, что крестьяне не смогут оставить полевые работы. Тогда 15 губерний желали выборы летом, 26 — осенью и 14 — зимой («III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва», М., 1926, с. 524; «Советское строительство», 1927, № 8—9 (13—14), с. 63).

45. Доклады и заключительные слова Кагановича и Енукидзе, а также несколько других выступлений вошли в книгу «Всесоюзное совещание по вопросам перевыборной кампании Советов 1929 г.» (М., 1928), которая, по-видимому, и была разослана в качестве документа. Отчет о совещании см. «Советское строительство», 1928, № 11 (28), с. 105—109. Текст доклада Кагановича в отдельных местах расходится с вариантом, опубликованном в «Правде» 24 октября 1928 г.

46. «Всесоюзное совещание по вопросам перевыборной кампании Советов 1929 г.», М., 1928, с. 20—21, 32—33, 41.

47. «Еженедельник советской юстиции», 1928, № 36—37, с. 1008.

48. «Советское строительство», 1928, № 11 (28), с. 5—14. Этот номер журнала ЦИК был целиком посвящен предстоящим выборам.

49. «4 сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 созыва», М., 1928, № 27, с. 4, 7.

50. «Правда», 1 января 1929 г.

51. «Советское строительство», 1928, № 12 (29), с. 96—97.

52. См. гл. 51.

53. Л. М. Каганович. Цит. соч., с. 60—61.

54. «Советское строительство», 1927, № 12 (17), с. 105.

55. Там же, 1928, № 1 (18), с. 44.

56. «Собрание узаконений», 1928, № 104, ст. 657.

57. «Всесоюзное совещание по вопросам перевыборной кампании Советов 1929 года», М.—Л., 1928, № 19, 103.

58. «СССР. От съезда к съезду (апрель 1927 г.—май 1929 г.)», М., 1929,

- с. 124. Данные по Самарканду и Ташкенту см. в «Советское строительство», 1928, № 5—6 (22—23), с. 198—199.
59. «Советское строительство», 1929, № 4 (33), с. 100.
60. «Власть Советов», 1929, приложение № 1, с. 12.
61. «Советское строительство», 1929, № 12 (41), с. 3. Здесь же дан анализ окончательного состава комиссий по четырем республикам.
62. «СССР. От съезда к съезду (апрель 1927 г.— май 1929 г.)». М., 1929.
63. «Советское строительство», 1928, № 12 (29), с. 111—114.
64. «Всесоюзное совещание по вопросам перевыборной кампании Советов 1929 года», М.—Л., 1928, с. 54—55.
65. «СССР. От съезда к съезду (апрель 1927 г.— май 1929 г.)», М., 1929.
66. «Советское строительство», 1929, № 5 (34), с. 133.
67. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1928, № 36 (257), с. 1. В Узбекистане, Туркменистане и Сибири среди членов избирательных комиссий было много кулаков и подобных лиц («Советское строительство», 1929, № 4, (33), с. 98). В некоторых районах Закавказской СФСР незамужних женщин старше 20 лет классифицировали как «монахинь» и отстранили от голосования (там же, 1929, № 5 (34), с. 134).
68. «СССР. От съезда к съезду (апрель 1927 г.— май 1929 г.)», М., 1929, с. 131—132.
69. «Еженедельник советской юстиции», 1929, № 4, с. 95—96.
70. «Известия», 3 апреля 1929 г.
71. «Еженедельник советской юстиции», 1929, № 5, с. 97—98.
72. «Советское строительство», 1929, № 5 (34), с. 134—136; «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 17—18 (276—277). В архивных материалах зарегистрировано «144 террористических акта», совершенных кулаками в Центрально-Черноземной области в период выборов («Исторические записки», М., 1952, вып. 41, с. 225).
73. См. табл. № 65.
74. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 2—3 (261—262), с. 2—4. Каганович уже упоминал случай, когда советские официальные работники районных исполкомов «приезжают на село, селятся к кулаку, с ним пьянствуют, а после, естественно, делают для него его же дела» («Всесоюзное совещание по вопросам перевыборной кампании Советов 1929 года», М.—Л., 1928, с. 10).
75. «Правда», 1 марта 1929 г. В этом же номере сообщалось о случаях, когда результаты выборов аннулировались из-за чрезвычайно низкого процента избранных женщин. Подобную практику осудили как «механическое руководство».
76. «Известия», 9 января 1929 г.
77. Там же, 5 марта 1929 г. Основанное на положениях постановления циркулярное письмо разослали 13 марта 1929 г. (там же, 14 марта 1929 г.). В циркуляре имелась также ссылка на постановление СССР от 4 марта 1929 г., однако последнее обнаружить не удалось. Возможно, что произошла ошибка и имелось в виду постановление РСФСР.
78. «Советское строительство», 1930, № 3 (44), с. 81.
79. «Съезды Советов в документах», М., 1960, т. 3, с. 155.
80. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 14—15 (273—274), с. 1—3. Статья появилась также в «Правде» 16 июня 1929 г.
81. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 17—18 (276—277), с. 12—13.

Глава 51. Советская бюрократия

1. Эту идею вновь высказал руководитель комсомола, который заявил: «Сегодня ты кузнец, а завтра — председатель сельсовета. Сегодня ты молодой токаренок или слесаренок, а завтра — секретарь комсомольского комитета» («IX Всесоюзный съезд ВЛКСМ», М., 1931, с. 57—58). Это напоминает

знаменитое высказывание из «Немецкой идеологии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 32).

2. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 384—385.

3. Там же, т. 34, с. 318.

4. Большевицкая революция..., т. 2, гл. 17.

5. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 3.

6. Л. Троцкий. Как вооружалась революция. М., 1923, т. 1, с. 170—172.

Много времени спустя Троцкий утверждал, что демобилизованные командиры Красной Армии внесли в управление авторитарные методы (L. Trotsky. The Revolution Betrayed. 1937, p. 90).

7. «Протокол четвертого конгресса Коммунистического Интернационала», М., 1922, бюллетень № 14—15, с. 10.

8. Относительно данной проблемы см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 14.

9. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 312.

10. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 297—298.

11. «2 сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 3 созыва. Постановления». М., 1926, с. 13.

12. Относительно обращения см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 13.

13. Относительно постановления и заявления см. там же, т. 1, гл. 13.

14. «Собрание законов», 1926, № 54, ст. 345, 396.

15. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 3.

16. «Плановое хозяйство», 1926, № 7, с. 12. Автор статьи — Базаров.

17. «Правда», 23 сентября 1926 г. Это было основной темой статьи о бюрократизме в «Большой Советской Энциклопедии» (М., 1927, т. 8, с. 480—489) и «Малой Советской Энциклопедии» (М., 1928, с. 936—939).

18. L. Trotsky. The Real Situation in Russia. 1928, p. 124, 130. Стремясь усилить впечатление, Троцкий утверждал, что «одна четверть руководителей партийного аппарата — это бывшие эсеры и меньшевики» (там же, p. 114).

19. См. гл. 39. Относительно слияния обеих организаций см. гл. 42.

20. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1926, № 49 (170), с. 2—3. Оно было опубликовано в «Правде» 9 декабря 1926 г.

21. Там же, 3 декабря 1926 г. В последующие дни и недели в «Правде» появились статьи на эту тему.

22. «Седьмой съезд профессиональных союзов», М., 1927, с. 447—462. Относительно высказывания см. гл. 51.

23. И. Сталин. Соч., т. 9, с. 158. Относительно высказываний Ленина см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 110—116. Доклад Орджоникидзе на Московском совещании см. С. Орджоникидзе. Статьи и речи. М., 1957, т. 2, с. 23—52. Проблема гарантий своевременного выполнения решений оставалась острой в продолжении всего этого периода. 19 мая 1928 г. Президиум ЦИК принял резолюцию, которая требовала устанавливать сроки исполнения всех его решений. Если Совнарком или ЦИК какой-либо республики полагал, что срок слишком короткий, он мог ходатайствовать о его продлении в течение трех дней с момента получения решения («Советское строительство», 1928, № 7 (24), с. 115—117. Относительно списка решений 1925—1927 гг., которые не были выполнены в сроки, см. так же, с. 104—115).

24. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР». М., 1929, с. 267.

25. О заседании полностью сообщала «Правда» 5 и 6 февраля 1927 г. Доклад Орджоникидзе также появился в: «Советское строительство», 1927, № 2 (7), с. 68—70. Меморандум Ленина по Рабкрину см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 127—132. Ошибочно указано, что его впервые опубликовали в: «Ленинский сборник», М., 1929, т. 8, с. 42—48. Письма Курскому и Ежову см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, с. 164—165, 217—218. Относительно ленинского предложения об оплате работников аппарата см. там же, т. 31, с. 198.

26. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 13.

27. «Собрание законов», 1927, № 53, ст. 542.

28. «Правда», 1 октября 1927 г.

29. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 105.
30. Там же, 1962, ч. 2, с. 1171—1172.
31. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 443, 445.
32. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22.
33. С началом кампании Центральная контрольная комиссия и Рабкрин 9 июня 1926 г. направили контрольным комиссиям циркулярное письмо, обязав докладывать результаты обследований «рабоче-крестьянским массам» («Справочник партийного работника». М.—Л., 1928, вып. 6, ч. 2, с. 389), но это было совсем другое дело, и указание, по-видимому, не выполнялось.
34. «Правда», 1 января 1927 г.
35. «ВЛКСМ в резолюциях...», М.—Л., 1929, с. 284, 287—290.
36. «Правда», 15 мая 1927 г.
37. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 466.
38. «Деятельность органов партийно-государственного контроля. Сборник документов». М., 1964, с. 269—270.
39. Там же, с. 282—296; «Вопросы истории КПСС», 1964, № 12, с. 88—89. Призыв к рабочим, студентам и служащим идти добровольцами на эту работу появился в «Правде» 16 июня 1928 г.
40. «Деятельность органов партийно-государственного контроля. Сборник документов». М., 1964, с. 122, 125. Другое сообщение об этом бюро, сделанное в январе 1929 г., там же, с. 282—296.
41. «Правда», 15 марта 1928 г.
42. Там же, 13 апреля 1928 г.
43. «ВЛКСМ в резолюциях...», М.—Л., 1929, с. 335.
44. «Деятельность органов партийно-государственного контроля. Сборник документов». М., 1964, с. 143—144, 151. Термин «легкая кавалерия» употребил (возможно, придумал) Бухарин на VIII съезде комсомола в мае 1928 г. («VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ», М., 1928, с. 34), и его повторил Яковлев на XVI партийной конференции в апреле 1929 г. («XVI конференция ВКП(б)», М., 1962, с. 486).
45. «Восьмой съезд профессиональных союзов». М., 1929, с. 315. Относительно временных контрольных комиссий см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 20.
46. «Деятельность органов партийно-государственного контроля. Сборник документов». М., 1964, с. 142—143.
47. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)». М., 1962, ч. 2, с. 1169.
48. «VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ», М., 1928, с. 40.
49. Там же, с. 81; *И. Сталин*, Соч., т. 11, с. 73.
50. Там же, т. 11, с. 139. Статья появилась в «Правде» 26 июня 1928 г.
51. Сообщения о Пленуме публиковались в «Правде» 28, 29, 30 и 31 августа 1928 г. Резолюция относительно самокритики там же, 1 сентября 1928 г. Протокол пленума, опубликованный в 1928 г. под названием «III пленум ЦКК созыва XV съезда ВКП(б)», обнаружить не удалось.
52. «Правда», 9 сентября 1928 г.
53. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР». М., 1929, с. 275.
54. Доклады Лебеда и Яковлева (оба заместителя наркома рабоче-крестьянской инспекции), опубликованные в «Правде» 16 апреля и 4 мая 1927 г.
55. «Торгово-промышленная газета», 29 августа 1926 г.
56. «Правда», 12 мая 1927 г. Как сообщали на XV съезде партии, данный профсоюз охватывал 963 тыс. служащих («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 519). Он не включал служащих транспортных и промышленных учреждений.
57. «Известия», 30 июня 1927 г.
58. «Советское строительство», 1927, № 5—6 (10—11), с. 27.
59. «XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б)», М.—Л., 1927, с. 239.
60. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», М., 1927, с. 239. аналогичное соотношение между сокращением и увеличением штатов обнаружилось во всех союзных республиках, за исключением РСФСР, где несомнен-

но за счет передачи ряда функций органам СССР количество ликвидированных должностей (25 тыс.) превосходило число вновь созданных (менее 20 тыс.). Эти цифры, которые Орджоникидзе первоначально привел на VII съезде профсоюзов в декабре 1926 г., он повторил месяц спустя на Московской партийной конференции (Г. К. Орджоникидзе. Цит. соч., т. 2, с. 23—24).

61. «Советское строительство», 1928, № 5—6 (22—23), с. 60—61. Относительно постановления см. там же, 1927, № 5—6 (10—11), с. 150.

62. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 466, 594. Два года спустя Орджоникидзе все еще жаловался на то, что в Рабкрин посылают не лучших партийных работников, а «людей только с допотопным партийным стажем» (Г. К. Орджоникидзе. Цит. соч., т. 2, с. 180).

63. «Собрание узаконений», 1926, № 57, ст. 445; «Советское строительство», 1928, № 5—6 (22—23), с. 54.

64. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 461.

65. «Собрание законов», 1928, № 28, ст. 257.

66. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», М., 1929, с. 261.

67. См. табл. № 66.

68. «XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», М., 1931, с. 317. Были сделаны специальные выкладки, чтобы доказать, что районирование, заманившее мелкие административно-территориальные единицы более крупными, позволит сократить служебный персонал. Однако данные с Урала и Северного Кавказа, где в первую очередь провели районирование, показали, что этот процесс проходил неравномерно и что там, где штаты временно уменьшились, они скоро вновь начали увеличиваться («Советское строительство», 1927, № 4 (9), с. 115); там же, 1927, № 5—6 (10—11), с. 48—49).

69. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», М., 1929, с. 262.

70. «Основы плановой экономики...», т. 1, табл. № 41. Приведенная ниже таблица административных расходов на душу населения в бюджетах союзных республик и Союза СССР, показывает сокращения, достигнутые в 1927—1928 гг., и различие в расходах отдельных республик,

	1926—1927		1927—1928	
	рублей	копеек	рублей	копеек
РСФСР	1	19	0	95
Украинская ССР	1	52	1	21
Белорусская ССР	1	30	1	41
ЗСФСР	2	42	1	95
Узбекская ССР	1	96	1	56
Туркменская ССР	1	26	2	45
СССР	1	35	1	07

«Советское строительство», 1928, № 5—6, с. 30.

71. См. гл. 52.

72. «Правда», 31 марта 1927 г.

73. «Государственный аппарат СССР. 1924—1928 гг.», М., 1929, с. 59—60.

Эти статистические данные точно не датированы. Но поскольку некоторые из них приводились на XV съезде партии в декабре 1927 г., можно предположить, что они были составлены в том году («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 519).

74. «Всесоюзное совещание по вопросам перевыборной кампании Советов 1929 года», М., 1928, с. 208.

75. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР». М., 1929, с. 269—270. Относительно автономных республик см. там же, с. 314—315. Много возмущения вызвал бывший управляющий железными дорогами Сибири при Колчаке, затем работавший ядром в Рабкрине. По словам Орджоникидзе, он работал в Наркомфине (там же, с. 314).

76. «Правда», 1 марта 1929 г.

77. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 200—202.

78. Там же, т. 40, с. 127.

79. «III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва», М., 1926, с. 515.

80. М. И. Калинин. Вопросы советского строительства. М., 1958, с. 20. Восемнадцать месяцев спустя, в мае 1928 г., Калинин выступил с прямо противоположной речью, защищая ядро «узких специалистов» в советской администрации. «У нас,— сказал он,— все знают и ничего не знают». Имелась, несомненно, в виду «буржуазная структура» управления, но «мы все лучшее должны взять из этой буржуазной структуры» (там же, с. 363—364). По-видимому, этот выпад имел целью смягчить ведущуюся кампанию против специалистов («Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 22).

81. «Правда», 27 марта 1927 г.

82. «Известия», 4 октября 1927 г.

83. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 22.

84. «Известия», 23 мая 1928 г.

85. «Известия», 2 августа 1928 г. Относительно лозунга см. гл. 56.

86. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», М., 1929, с. 6—8.

87. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 11—12 (270—271), с. 6—8.

88. А. Фабричный. Частный капитал на пороге пятилетки. М., 1930, с. 53.

89. И. Сталин. Соч., т. 11, с. 71.

90. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», М., 1962, с. 459, 492—501.

91. «Правда», 12 сентября 1928 г. Относительно прежнего выступления см. с. 292.

92. Относительно «Записок экономиста» и «Политического завещания» см. с. 75, 87. В апреле 1929 г. Сталин критиковал взгляд Бухарина на государство, как анархистский и «полуанархистский» (И. Сталин. Соч., т. 12, с. 70—76).

93. «Правда», 27 ноября 1928 г.

94. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 21.

95. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», М., 1929, с. 269, 271.

96. «Правда», 12 апреля 1929 г.

97. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», М., 1962, с. 469, 582.

98. Там же, с. 613—615. Окончательный текст резолюции см. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 590—605. Другая резолюция о партийной чистке (см. гл. 43) обращала особое внимание на партийные ячейки служащих, работавших в советских, торговых и профсоюзных учреждениях. В ней говорилось: «От состава этих ячеек, от качества их работы, от степени их партийной выдержанности, от их связи с массами зависит доверие широких масс партийных и беспартийных рабочих и крестьян к аппарату Советского государства» («КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 610).

99. «Правда», 2 июня 1929 г.

100. М. И. Калинин. Цит. соч., с. 378.

101. «Правда», 8 июня 1929 г.

102. «КПСС в резолюциях...», М., 1957, ч. 2, с. 592.

Глава 52. Красная Армия

1. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 16.

2. «Известия», 10 февраля 1927 г.

3. «СССР. 4 съезд Советов», М., 1927, бюллетень № 17, с. 3, 10.

4. «Коммунистический Интернационал в документах», М., 1933, с. 699—717.
5. «Правда», 1 июня 1927 г.
6. «Известия», 8 и 10 июля 1928 г. Лозунги к «Неделе обороны» были опубликованы в «Правде» 29 июня 1927 г.
7. Там же, 19 июля 1927 г.
8. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 359—364. Относительно Пленума см. гл. 39.
9. «Известия», 24, 25 и 30 сентября 1927 г.
10. Там же, 23 февраля 1928 г. О большой статье Ворошилова в связи с этим событием см. с. 317, 326.
11. *Е. Горев* (ред.). Война и военное искусство. М., 1927, с. 135. Публикация данного сборника статей была характерной для вновь пробудившегося интереса к военным делам.
12. «СССР. 4 съезд Советов», М., 1927, бюллетень № 17. О развитии военной промышленности см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 16.
13. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», М., 1928, с. 15.
14. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1962, ч. 2, с. 974—992. Относительно других выдержек из этой речи см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 16.
15. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 457.
16. «Правда», 11 февраля 1928 г.
17. *К. Е. Ворошилов*. Статьи и речи. М., 1937, с. 561.
18. «Собрание законов», 1928, № 51, ст. 448, 449. Относительно постановления 1925 г. см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 23. Налог с «нетрудящихся» был введен постановлениями от 6 ноября 1925 г. и 31 декабря 1926 г. («Собрание законов», 1925, № 76, ст. 577; там же, 1927, № 3, ст. 31).
19. «СССР. Год работы правительства, 1927—1928». М., 1928, с. 43—44, 47.
20. «Известия», 21 и 22 сентября 1926 г.
21. Там же, 3 июля 1927 г.
22. «Съезды Советов в документах», М., 1960, т. 3, с. 138.
23. «Известия», 22 мая 1927 г.
24. «Правда», 23 февраля 1928 г.; «Основные итоги работы правительства СССР. К перевыборам Советов 1928—1929», М., 1928, с. 19.
25. «СССР. Год работы правительства, 1927—1928», М., 1928, с. 50.
26. См. доклад Бломберга в архивах министерства иностранных дел Германии (9480/276226). Неполный английский перевод доклада см. «Slavonic and East European Review», 1962, vol. 40, p. 218—241. В 1929 г. в Кронштадте один из двух клубов Красной Армии был отведен для командиров и рядовых «активистов» («Красная звезда», 9 октября 1929 г.).
27. «Положение о прохождении службы средним, старшим и высшим начальствующим составом», 1928 г. Его основные статьи изложены в *Н. Пятницкий*. Военная организация государственной обороны СССР. Париж, 1931, с. 88—90, 93.
28. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 23.
29. *М. Фрунзе*. Собрание соч., М., 1927, т. 3, с. 359.
30. *К. Е. Ворошилов*. Оборона СССР. М., 2-е изд., 1927, с. 76—77.
31. В 1930 г. в Красной Армии оставались лишь 4500 бывших царских офицеров — $\frac{1}{10}$ от всего командного состава (см. *Н. Пятницкий*. Цит. соч., с. 116). Прошедшей осенью, когда чистка советских учреждений шла полным ходом (см. гл. 51), Уншлихт издал приказ, резко осуждавший любое широкое движение за исключением бывших царских офицеров (*М. Fainsod*. Op. cit., p. 219).
32. Цифры для сравнения в *Н. Пятницкий*. Цит. соч., с. 113—114.
33. *L. Trotsky*. Op. cit., p. 172.
34. «Правда», 23 февраля 1928 г.
35. Там же, 6 апреля 1928 г.
36. «Красная звезда», 6 марта 1928 г.

37. Там же, 28 июня 1927 г.
38. Там же, 25 марта, 7 апреля 1927 г.
39. «Известия», 25 августа 1928 г.
40. «Красная звезда», 13 февраля 1919 г.
41. «СССР. От съезда к съезду (апрель 1927 г. — май 1929 г.)», М., 1929, с. 170. В юбилейной статье Ворошилова, опубликованной в «Правде» 23 февраля 1928 г., указывалось, что доля в Красной Армии рабочих, крестьян и других составляла соответственно 22, 50 и 28%.
42. «Красная звезда», 3 и 23 апреля 1929 г.
43. «СССР. От съезда к съезду (апрель 1927 г. — май 1929 г.)», М., 1929, с. 170.
44. «КПСС о вооруженных силах Советского Союза», М., 1969, с. 264—266.
45. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 23.
46. О назначении сообщила «Известия» 6 мая 1928 г., опубликовав биографию и фотографии.
47. «Большевицкая революция...», т. 3, гл. 25.
48. Там же.
49. «Большая Советская Энциклопедия», М., 1928, с. 576—598. Хотя статья не публиковалась до 1928 г., она, по-видимому, была написана еще в бытность Тухачевского начальником Генерального штаба. Относительно наступательной доктрины см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 23.
50. В речи по поводу 10-ой годовщины Красной Армии Сталин назвал ее «армией освобождения трудящихся» и заявил, что она «воспитывалась в духе интернационализма, в духе единства интересов рабочих всех стран» (*И. Сталин*. Соч., т. 11, с. 21—26). На конференции рабселькоров в декабре 1928 г. Ворошилов назвал Красную Армию «передовым вооруженным отрядом мирового пролетариата» («Известия», 9 декабря 1928 г.). В преднамеренно смягченной форме международная революционная традиция сохранилась и в Полевом наставлении 1929 г. «Красная Армия защищает СССР, самим фактом своего существования участвует в борьбе угнетенных трудящихся масс всего мира за их освобождение» (*Н. Пятницкий*. Цит. соч., с. 6).
51. На IV съезде Советов СССР в апреле 1927 г., используя подходящие высказывания Энгельса, он говорил о важном значении индустриальной базы для военной мощи («СССР. 4 съезд Советов», М., 1927, с. 574—575).
52. «Auswärtiges Amt», 9480/276 224—4.
53. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 23.
54. «Большая Советская Энциклопедия», М., 1930, т. 11, с. 542. Более низкие цифры и проценты в: *T. Rigby. Communist Party Membership in the USSR*, 1968, p. 241. Данные по Красной Армии обычно включали сведения, касающиеся Военно-Воздушных Сил и Военно-Морского флота. В апреле 1927 г. Ворошилов сообщил следующий процентный состав частей Красного Флота: партийцев — 20,36%; комсомольцев — 21,48; беспартийных — 58,16% (*К. Е. Ворошилов*. Оборона СССР. М., 1927, с. 131—132). В 1927 г. 71% начальствующего состава Балтийского флота и 90% всех капитанов кораблей являлись «бывшими дворянами» («Вопросы истории», 1967, № 12, с. 29).
55. «Социальный и национальный состав ВКП(б)», М. — Л., 1928, с. 38—40.
56. «Справочник партийного работника», М. — Л., 1928, вып. 6, ч. 2, с. 189—191.
57. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1927, № 13 (186), с. 8.
58. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 23.
59. «Справочник партийного работника», М. — Л., 1928, вып. 6, ч. 2, с. 180.
60. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 441—442. По словам Ворошилова, в феврале 1928 г. 78,1% начсостава являлись членами партии 4,8% — комсомольцами («Правда», 23 февраля 1928 г.).
61. «К XV съезду ВКП(б)», М. — Л., 1927, с. 241.
62. См. табл. № 67.
63. «Красная звезда», 29 апреля 1927 г. Примерно 80% партийных ячеек

- Красной Армии насчитывали 15 и менее членов, почти во всех из них офицеры составляли 50 и более процентов (*Н. Пятницкий*. Цит. соч., с. 38—39).
64. «Красная звезда», 26 февраля 1927 г. Относительно аналогичных заверений Фрунзе в 1925 г. см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 23.
65. «Красная звезда», 12 апреля 1929 г.
66. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)». 1925, № 4 (79), с. 11—14.
67. Там же, 1927, № 90 (182), с. 1—4.
68. См. гл. 39.
69. «К XV съезду ВКП(б)», М.—Л., 1927, с. 244, 246. Как писала «Красная звезда» 1 декабря 1927 г., в Красной Армии за оппозицию проголосовало 0,19% членов партии, 0,2% воздержались от голосования, то есть меньше, чем в целом по партии.
70. «Красная звезда», 12 февраля 1928 г. Случаи трений между партийными и беспартийными командирами, возникавшие в результате попыток первых отменить решения вторых, неვიраая на воинские звания, продолжали осложнять обстановку (там же, 25 сентября, 11 и 31 октября, 1 декабря 1929 г.).
71. «К XV съезду ВКП(б)», М.—Л., 1927, с. 238—239.
72. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 23.
73. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 254—255.
74. *Н. Пятницкий*. Цит. соч., с. 32.
75. «Справочник партийного работника», М.—Л., 1928, вып. 6, ч. 2, с. 201—208.
76. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1928, № 33 (254), с. 6—10. Как писала «Красная звезда» 12 февраля 1928 г. выборы разрешались «только в низовых звеньях парторганизации (рота, полк) и парткомиссий». Остальной партийный аппарат «назначался».
77. *Н. Харитонов*. Политический аппарат Красной Армии. М.—Л., 1929, с. 73.
78. «Красная звезда», 12 мая 1929 г.
79. «Правда», 23 февраля 1928 г.
80. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 23.
81. «Вопросы истории КПСС», 1964, № 12, с. 332—333; «КПСС и строительство Вооруженных сил», М., 1965, с. 155. Текст директивы обнаружить не удалось.
82. «Вопросы истории КПСС», 1964, № 12, с. 33. Как обычно, относительно дискуссий по военным вопросам мало что просачивалось на поверхность. О положении на флоте см. с. 321.
83. «Правда», 23 февраля 1928 г. Относительно начала перемен в этих обязанностях см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 23.
84. «КПСС и строительство советских Вооруженных сил», М., 1965, с. 229—230.—«Правда», 6 апреля 1928 г.
85. *Н. Харитонов*. Цит. соч., с. 60; «КПСС и строительство советских вооруженных сил», М., 1965, с. 230.
86. См. с. 330.
87. «Вопросы истории КПСС», 1964, № 12, с. 34—35. По-видимому, директива Бубнова — это документ, цитированный в «КПСС и строительство советских Вооруженных сил», М., 1965, с. 231.
88. «Красная звезда», 24 октября 1928 г.
89. Изложение этих событий с ссылкой на неопубликованные архивные документы в «Вопросы истории КПСС», 1964, № 12, с. 33—36. Выдержка из решения ЦК партии от 30 октября 1928 г. в «КПСС о Вооруженных силах Советского Союза», М., 1969, с. 252—254. Относительно временного Положения от 30 июля 1925 г. см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 23.
90. *Н. Харитонов*. Цит. соч., с. 52.
91. «Красная звезда», 15 ноября 1928 г.
92. «Правда», 23 февраля 1929 г. Относительно двух моделей см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 23.
93. «Вопросы истории КПСС», 1964, № 12, с. 36.

94. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1928, № 37—38 (258—259), с. 1—2, 8—9.
95. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 8—9 (267—268), с. 13—14; «КПСС о Вооруженных силах Советского Союза», М., 1969, с. 258—261. Первоначально ее опубликовали в «Известиях» 22 марта 1929 г.
96. Некоторые из них восемь лет спустя стали жертвами чистки за прежние действия; их осудили как «белорусско-толмачевскую антипартийную группировку», обвинили в троцкизме и правом уклоне («Вопросы истории КПСС», 1964, № 12, с. 36—37).
97. «Известия», 12 мая 1928 г.
98. «Красная звезда», 9 марта 1928 г.
99. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 2.
100. «Красная звезда», 29 марта 1928 г.
101. Там же, 10 августа 1928 г.
102. Там же, 15 октября 1928 г.
103. Там же, 15 ноября 1928 г.
104. Там же, 18 апреля 1929 г.
105. «К XV съезду ВКП(б)», М.—Л., 1927, с. 250.
106. *M. Fainsod*. *Op. cit.*, p. 339.
107. Относительно лозунгов см. с. 314.
108. «К XV съезду ВКП(б)», М.—Л., 1927, с. 257—258.
109. «КПСС в резолюциях...», М., 1914, ч. 2, с. 56.
110. «Красная звезда», 16 августа 1928 г.
111. Там же, 22 января 1929 г.
112. «Советское строительство», 1928, № 12 (29), с. 101—102.
113. «Справочник партийного работника», М.—Л., 1928, вып. 6, ч. 2, с. 181.
114. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1927, № 39 (212), с. 6—7.
115. «К XV съезду ВКП(б)», М.—Л., 1927, с. 258.
116. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 103.
117. «Правда», 24 ноября 1927 г.
118. «Советское строительство», 1928, № 12 (29), с. 15.
119. «КПСС о Вооруженных силах Советского Союза», М., 1969, с. 262—263.
120. Относительно проявления в Красной Армии религиозных чувств и о необходимости им противодействовать, см. с. 389—390.
121. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 23.
122. «Известия», 20 января 1927 г.
123. Там же, 27 января 1927 г.
124. «Съезды Советов в документах», М., 1960, т. 3, с. 140.
125. «Труд», 27 апреля 1927 г.
126. «К XV съезду ВКП(б)», М.—Л., 1927, с. 267—286; «Вопросы истории», 1965, № 6, с. 47.
127. «League of Nations: Armaments Year-Book», 1929, vol. 5, p. 829—830. По социальному положению 37,2% были рабочими, 21 — крестьянами, 26,5 — служащими, 6,7 — студентами, 7,1 — военнослужащими, 1,5% — остальные. Через два года количество членов превысило 5 млн. человек (*D. Fedotoff White*. *The Growth of the Red Army*. Princeton, 1944, p. 289).
128. Там же, р. 830; «Правда», 23 февраля 1928 г. (статья Ворошилова). В 1930 г. вступительный взнос равнялся 20 копейкам, а ежегодные сборы составляли от 20 копеек до 3 рублей, в зависимости от зарплаты («Красная звезда», 15 мая 1930 г.).
129. «Auswärtiges Amt», 9480/276 233—4.
130. «Правда», 23 апреля 1928 г.
131. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 11. Относительно других примеров работы в данном направлении см. «Вопросы истории», 1965, № 6, с. 46—48.

132. «Известия», 21 июня 1927 г.
133. «Правда», 4 апреля 1928 г.
134. «Известия», 20 ноября 1928 г.

Глава 53. Власть закона

1. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 14; «История Советской Конституции», М., 1957, с. 228.
2. Обзор различий между гражданскими кодексами пяти союзных республик и автономных республик, входивших в Закавказскую СФСР, которая не имела собственного кодекса, см. «Советское строительство», 1928, № 7 (24), с. 131—134.
3. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 20.
4. «Собрание законов», 1924, № 23, ст. 203; № 24, ст. 205, 206.
5. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 2; т. 2, гл. 20.
6. Там же, т. 2, Приложение «В».
7. Там же, т. 1, гл. 2.
8. В 1927 г. было избрано 540 108 народных заседателей, в том числе 309 525 крестьян и 98 604 рабочих («Основные итоги работы правительства СССР. К перевыборам Советов 1928—1929 г.», М., 1929, с. 164).
9. «Еженедельник советской юстиции», 1929, № 9—10, с. 207. О Янсоне см. с. 364.
10. «III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва. Постановления». М., 1926, с. 72—122; «Собрание узаконений», 1926, № 85, ст. 624. О процессе районирования см. гл. 48. Автономные республики также имели верховные суды, статус которых соответствовал статусу краевых (областных) судов. Вместе с тем в небольших автономных республиках, входивших в состав краев (см. гл. 48), между Верховным Судом и народными судами промежуточных судов не было.
11. Относительно выключения областей (краев) из процесса выборов на съезд Советов Союза ССР см. гл. 49.
12. «Еженедельник советской юстиции», 1929, № 9—10, с. 202.
13. См. гл. 49.
14. Состоявшийся в мае 1925 г. III съезд Советов Союза ССР увеличил число судей с 11 (как было указано в Конституции) до 15, чтобы иметь возможность включить по одному судье от каждой союзной республики («Съезды Советов в документах», М., 1960, т. 3, с. 77).
15. Относительно «Основ» и Положений о Верховном Суде см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 2. Отчет о деятельности Верховного Суда в 1928 г. см.: «СССР. Год работы правительства, 1927—1928», М., 1929, с. 463—467. В том году суд провел четыре пленарных заседания и рассмотрел 63 вопроса, из которых 33 были связаны с нормативными документами (соответствие административных или законодательных постановлений действующему закону или Конституции), 23 — с пересмотром дел и 5 — с организационными проблемами. Кроме того, пятью делами, включая «шахтинский процесс», занималась коллегия по уголовным делам, двумя — коллегия по гражданским и четырнадцать — коллегия по военным делам.
16. См. дискуссию в: «Еженедельник советской юстиции», 1928, № 20, с. 591—593. С другой стороны, автор дискуссионной статьи в «Известиях» (2 июня 1928 г.) предложил Верховный суд ликвидировать. Из всех его рудиментарных функций он считал важным лишь разбирательство коллегией по военным делам апелляций по решениям военных трибуналов, которое могло быть обеспечено и другими путями.
17. «Собрание законов», 1929, № 50, ст. 445.
18. В 1922—1928 гг. эти две должности совмещал Курский. Заместитель наркома юстиции и первый помощник прокурора фактически выполнял обязанности прокурора. Последующее замечание Янсона в том смысле, что Курский «как-то сторонился... судов» и что вся коллегия Наркомюста находи-

лась под «засилием прокурора», по-видимому, представляла собой скрытую атаку на авторитет Крыленко («Еженедельник советской юстиции», 1929, № 9—10, с. 202). Вплоть до 1928 г. растущая власть прокуратуры тесно ассоциировалась с Крыленко.

19. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 2.

20. В мае 1926 г. Совнарком РСФСР запросил разрешения на «дальнейшее плановое увеличение штатов прокуратуры», с тем чтобы в каждом уезде было по крайней мере два помощника прокурора, в том числе один по «общему надзору» («Еженедельник советской юстиции», 1926, № 31, с. 915). В 1926 г. прокурор РСФСР рассмотрел 10 тыс., а в 1927 г.— 16 тыс. нормативных документов различных ведомств («Советское строительство», 1928, № 9 (26), с. 11).

21. Там же, 1926, № 2, с. 59—62.

22. Там же, 1927, № 4 (9), с. 97—102.

23. Относительно этих обязанностей с. 354—358.

24. «Власть Советов», 1926, № 44—45, с. 23—24.

25. См. гл. 52.

26. «Еженедельник советской юстиции», 1927, № 20, с. 598—600. Относительно этой кампании см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 26.

27. Там же, 1926, № 26, с. 802.

28. «Советское строительство», 1926, № 2, с. 61. Об этой статье см. с. 342, Солц готовил резолюцию о революционной законности на XIV съезде партии в апреле 1925 г. («Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 24).

29. «Советское строительство», 1926, № 2, с. 60.

30. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 527.

31. Там же, ч. 1, с. 577—578.

32. Там же, ч. 1, с. 591—593, 603—604. Подобный же аргумент выдвинул и журнал Наркомюста. В то время когда один автор критиковал как «пораженцев» и «ликвидаторов» тех, кто стремился ограничить законом прокурорский надзор, другой протестовал против «сплошных обследований» прокуратурой волостных исполкомов и утверждал, что подобная деятельность может только ослабить фактические правовые обязанности прокурора («Еженедельник советской юстиции», 1927, № 45, с. 1393—1396; там же, 1927, № 51, с. 1590—1593). Крайняя позиция в вопросе расширения функций прокуратуры была изложена в дискуссионной статье газеты «Известия» (26 мая 1928 г.), в которой всякое различие между практическими задачами Рабкрина и правовыми функциями прокурора отмечалось как «схоластическое» и высказывалось пожелание, чтобы прокурор взял на себя обязанности наркома юстиции.

33. «Еженедельник советской юстиции», 1928, № 24, с. 685.

34. «Социализм в одной стране...», т. 2, Приложение «В».

35. «Правда», 23 мая 1926 г.

36. «Еженедельник советской юстиции», 1926, № 18, с. 559.

37. Там же, 1928, № 23, с. 668—669. Это подтверждалось сообщением из Вятской губернии (там же, 1928, № 4, с. 110). Относительно случая преследования двух рабкоров заводскими руководителями, в отношении которых они сообщали нелицеприятные факты, см. Смоленские архивы, КР 22 (доклад бюро Бельского укома партии от 28—29 сентября 1926 г.).

38. Там же, 1929, № 2, с. 25—26.

39. «Советское строительство», 1928, № 12 (29), с. 13. Рабкоровы вели на заводах и фабриках кампанию против пьянства и прогулов, а селькоры писали о хлебозаготовках, севе, самообложении и участии в государственных займах. В качестве печатного органа иногда использовались стенгазеты (там же, 1929, № 2, (31), с. 93—94).

40. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 445.

41. «Социализм в одной стране...», т. 2, Приложение «В». 3 мая 1927 г. Наркомюст издал директиву о порядке рассмотрения обвинений в клевете, выдвигаемых против рабселькоров отдельными лицами или организациями, упоминавшимися в сообщениях («Еженедельник советской юстиции», 1927, № 19, с. 591). Как видно, это случалось нередко.

42. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 3. Пример скрытого преследования рабселькоров см. «Еженедельник советской юстиции», 1928, № 31, с. 860—863.

43. Там же, 1928, № 42—43, с. 1097—1100.

44. «Правда», 28 ноября 1928 г.

45. Там же, 29 ноября, 4, 7, 8, 9 декабря 1928 г.

46. «Собрание узаконений», 1928, № 46, ст. 343.

47. Относительно данного кодекса см. с. 338.

48. «Еженедельник советской юстиции», 1927, № 23, с. 689—690.

49. Там же, 1928, № 14, с. 420—422.

50. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 2.

51. «Под знаменем марксизма», 1926, № 7—8, с. 77. Статья, из которой взяты эти цитаты, представляла собой попытку двух ведущих сторонников рефлексологии примирить ее с диалектическим материализмом.

52. Этот взгляд защищал в свое время в фундаментальной работе Е. Пашуканис («Общая теория права и марксизм», М., 1924, с. 19). Об этом аспекте «Основ» см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 24.

53. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 20.

54. Информации по другим республикам получить не удалось, однако можно предположить, что они отставали еще больше.

55. Проект опубликовали под названием «Проект Уголовного кодекса РСФСР с объяснительной к нему запиской» (М., 1925).

56. «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет XII созыва. Вторая сессия». М., 1925, с. 404—411; там же, «Постановления», М., 1025, с. 65.

57. «Собрание законов», 1925, № 52, ст. 390. Дело получило дальнейшее развитие в Постановлении от 27 апреля 1926 г., в котором давался перечень секретной информации, подпадавшей под действие Постановления. Список имел три раздела; второй был посвящен хозяйственным секретам, касавшимся валюты, экспортных и импортных программ, промышленных изобретений («Известия», 9 октября 1926 г.).

58. «Собрание законов», 1926, № 30, ст. 194. Термин «государственные преступления» фигурировал в названии и преамбуле Положения, но не в тексте статей.

59. В одной из статей «Еженедельника советской юстиции» (1926, № 36, с. 1057) говорилось, что данная акция Союза задержала обнародование кодекса РСФСР.

60. «Собрание узаконений», 1926, № 80, ст. 600.

61. Употребление термина «возмездие», возможно, являлось ударом по взглядам Пашуканиса («Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 2). Высокопарное слово «кара» избрали, вероятно, потому что привычное слово «наказание» уже использовалось в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. (см. с. 349).

62. Первоначально в феврале 1925 г. это положение приняло формуправки к Уголовному кодексу 1922 г., которая предписывала прокурору и суду не возбуждать или не продолжать уголовного преследования, если предполагаемые поступки, хотя технически и подпадающие под действия закона, могут с учетом их последствий рассматриваться, как общественно не опасные («Собрание узаконений», 1925, № 9, ст. 68).

63. «Известия», 31 декабря 1926 г. Автором статьи был Ширвиндт (см. с. 367).

64. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 3 созыва. 3 сессия», М., 1927, с. 118—145.

65. «Собрание законов», 1927, № 12, ст. 122, 123.

66. «Собрание узаконений», 1927, № 49, ст. 335.

67. Обзор основных различий см. «40 лет советского права», М., 1957, т. I, с. 555—556.

68. «Собрание узаконений», 1920, № 21, ст. 112; там же, № 54, ст. 236. Военно-транспортные трибуналы ликвидированы в 1923 г. («Собрание узаконений», 1923, № 1, ст. 1).

нений», 1924, № 13, ст. 119). Транспортные трибуналы восстановлены в 1930 г. («Собрание законов», 1930, № 57, ст. 611).

69. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 23.

70. Относительно постановления см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 24. Существовавшие в 1925 г. 69 военных трибуналов сократили в 1926 г. до 36 («Советское строительство», 1927, № 1 (6), с. 113), но это явилось следствием реорганизации, а не ограничения их власти.

71. «Советское строительство», 1927, № 2—3 (7—8), с. 52—53.

72. «Собрание законов», 1926, № 57, ст. 413. Согласно принятой через три месяца поправки, военнослужащие Красной Армии могли вводиться в состав трибуналов на правах временных членов (там же, № 74, ст. 577).

73. Относительно данного Кодекса см. с. 351. В январе 1928 г. главу о военных преступлениях переработали и расширили («Собрание узаконений», 1928, № 12, ст. 108).

74. «Советское строительство», 1927, № 8—9 (13—14), с. 110.

75. «Собрание узаконений», 1924, № 79, ст. 787. В 1925 г. добавили главы по Бурят-Монгольской и Казахской АССР (там же, 1925, № 29, ст. 212; № 70, ст. 554).

76. «Вторая сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва. Постановления». М., 1925, с. 66.

77. «Советское строительство», 1927, № 8—9 (13—14), с. 110—111.

78. «Вторая сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XIII созыва. Постановления». М., 1928, с. 31—35; «Собрание узаконений», 1928, № 47, ст. 336.

79. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 7.

80. Относительно статуса и функций см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 24.

81. «Ивестия», 9 июня 1927 г.

82. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 12.

83. «Правда», 10 июня 1927 г.

84. Там же, 16, 21—25 сентября 1927 г. Коммюнике ОГПУ в связи с этими обвинениями было опубликовано в «Правде» 2 сентября 1927 г.

85. Относительно примеров двойственной позиции даже в рамках ОГПУ см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 24.

86. «Известия», 18, 20 декабря 1927 г.

87. Относительно первых симптомов этого процесса см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 19. О дальнейших событиях см. гл. 39, 43.

88. Постепенно слово «тюрьма» вновь вошло в употребление, хотя официально и не использовалось. Народный комиссар внутренних дел РСФСР Толмачев в 1928 г. без особого энтузиазма извинялся за использование «старой терминологии» («Еженедельник советской юстиции», 1928, № 22, с. 646).

89. Достоевский в «Записках из мертвого дома» высказывал мнение, что русская система массовой ссылки человечнее западной системы одиночного тюремного заключения. «Советская исправительно-трудовая политика,— говорилось в «Большой Советской Энциклопедии»,— ничего общего не имеет с буржуазной тюремной политикой, направленной на моральное и физическое калечение и уничтожение» («Большая Советская Энциклопедия», М., 1935, т. 29, с. 600).

90. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 24.

91. М. Исаев. Основы пенитенциарной политики. М.—Л., 1927, с. 159.

92. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 24.

93. Ссылка означала переселение в отдаленную местность под надзор ОГПУ. Сосланные лица, как правило, были обязаны работать, чтобы содержать самих себя.

94. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 24.

95. «Международство...», гл. 2.

96. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 24.

97. Относительно этих проблем см. «Еженедельник советской юстиции», 1926, № 18, с. 557—558.

98. Там же, 1927, № 16, с. 477.
99. «Собрание узаконений», 1926, № 60, ст. 462.
100. «Еженедельник советской юстиции», 1927, № 34, с. 1050.
101. Там же, 1928, № 21, с. 620. Нарком внутренних дел сетовал на «чересчур большую лояльность и большой либерализм» в применении принудительного труда, который якобы является привилегией, а не наказанием (там же, 1928, № 22, с. 646).
102. О. Иоффе (ред.). «40 лет советского права», М., 1957, т. I, с. 517.
103. «Еженедельник советской юстиции», 1927, № 24, с. 734—736.
104. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 24.
105. «Известия», 2 ноября 1927 г.; «Еженедельник советской юстиции», 1927, № 46, с. 1428—1430.
106. «Советское строительство», 1927, № 4 (9), с. 98.
107. «Собрание законов», 1927, № 61, ст. 620. В предпраздничном постановлении об амнистии от 15 октября 1927 г. («Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 2 и 18) содержалось предложение «снизить меру социальной защиты всем осужденным, за исключением активных членов политических партий, имеющих целью свержение советского строя, злостных растратчиков и взяточников».
108. «Советское строительство», 1929, № 3 (32), с. 155—157.
109. «Еженедельник советской юстиции», 1929, № 46—47, с. 1176—1177.
110. Там же, 1929, № 8, с. 170—171. Высказывалось также недовольство тем, что множество дел о мелких нарушениях передают в военные трибуналы («Красная звезда», 16 ноября 1929 г.).
111. «Еженедельник советской юстиции», 1929, № 9—10, с. 195.
112. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 603—605. Относительно других высказываний Сольца во время дискуссии см. с. 344.
113. Курский являлся наркомом юстиции РСФСР с 1918 г. и в январе 1928 г. был назначен советским представителем в Риме. Как и Сольц, Янсон являлся членом Центральной контрольной комиссии и ответственным работником Наркомюста.
114. «Еженедельник советской юстиции», 1928, № 14, с. 417—419.
115. М. И. Калинин. Цит. соч., с. 352.
116. «Правда», 18 декабря 1927 г. Относительно данного события см. с. 357.
117. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 21.
118. «Еженедельник советской юстиции», 1929, № 9—10, с. 197.
119. Сотрудник Наркомюста Файнблит, который 2 ноября 1927 г. писал в «Известиях» в защиту смягчения уголовных наказаний (см. с. 369), выступил в марте 1928 г. в журнале Наркомюста со статьей, доказывая, что предпочтение досрочного освобождения может возникать только на основе ошибочной теории исправления, как единственной цели нашей карательной политики («Еженедельник советской юстиции», 1928, № 11, с. 326). Позже он критиковал работников Наркомюста поименно и осудил вредную болтовню либералов, якобы защищавших чистоту марксистских принципов (там же, 1928, № 35, с. 955—956). Подобные поспешные превращения, вероятно, были тогда обычным явлением.
120. Там же, 1928, № 40—41, с. 1077—1079.
121. «Собрание узаконений», 1928, № 57, ст. 426. В сельской местности ответственность за организацию принудительных работ без лишения свободы возлагалась на исполкомы Советов (см. с. 367). Постановлением от 23 мая 1929 г. (см. с. 371) областным (краевым) властям предписывалось более энергично применять постановление от 21 мая 1928 г.
122. «Еженедельник советской юстиции», 1928, № 33, с. 919. В сообщении из сельской местности говорилось об «инертности наших судебных и прокурорских органов в деле своевременного проведения директив правительства об изменении карательной политики» (там же, 1929, № 8, с. 170).
123. Там же, 1929, № 8—10, с. 223—238.
124. Там же, 1928, № 48, с. 1224—1225.

125. Как видно, последнее открытое выступление сторонников этих принципов имело место на совещании работников исправительно-трудовых учреждений, состоявшемся в ноябре 1928 г. На нем приняли резолюцию по докладу Ширвиндта, в которой выражалось мнение о том, что доказала свою рациональность идея «исправления» и что требовалось лишь «дальнейшее усовершенствование и углубление этих методов и сочетание их с действительным проведением индивидуализации мер социальной защиты». Резолюция от 26 марта 1928 г. по всем признакам не упоминалась. О совещании подробно не сообщалось. Единственная информация о нем почерпнута из критического отчета, опубликованного в «Еженедельнике советской юстиции» (1929, № 7, с. 155—158).

126. Там же, 1929, № 2, с. 48. Некоторые члены партии протестовали против «хулиганского языка» этой директивы. Янсон защищал ее на том основании, что «прокуроры... должны быть людьми с крепкими нервами» (там же, 1929, № 9—10, с. 209).

127. Там же, 1928, № 1, с. 25. О V съезде в 1924 г. см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 24.

128. «Еженедельник советской юстиции», 1928, № 36—37, с. 973.

129. Там же, 1928, № 48, с. 1226.

130. «Правда», 20 февраля 1929 г. Относительно гражданского права см. гл. 54.

131. «Еженедельник советской юстиции», 1928, № 44—45, с. 1133—1137. Доклад там же, 1929, № 9—10, с. 193—212.

132. Там же, 1929, № 9—10, с. 230—231.

133. Там же, 1927, № 47, с. 1457.

134. Там же, 1928, № 22, с. 641—643; там же, 1928, № 23, с. 661—664.

135. Там же, 1928, № 47—47, с. 1176—1180. Разъясняющая статья «Еженедельника советской юстиции» (1929, № 7, с. 146—152) будто бы содержала суть доклада Крыленко на съезде, который не был включен в stenotечет (там же, 1929, № 9—10, с. 219). Он повторил свои взгляды в статье, опубликованной в газете «Известия» 20 и 24 февраля 1929 г. в период работы съезда.

136. «Еженедельник советской юстиции», 1929, № 9—10, с. 219—221, 231—232. Крыленко обрисовал Солнца как человека, который хвастает тем, что «ему вообще на теорию наплевать» (там же, 1929, № 7, с. 149).

137. Там же, 1928, № 46—47, с. 1194—1197; там же, 1929, № 7, с. 152—155. В этих документах якобы изложена суть доклада Трасковича на съезде (там же, 1929, № 9—10, с. 227).

138. Там же, 1929, № 9—10, с. 210.

139. «Собрание узаконений», 1929, № 37, с. 388.

140. В одном из докладов на V съезде Советов Союза ССР в мае 1929 г. говорилось о недавнем обследовании прокурором «мест лишения свободы, находящихся в ведении ОГПУ» («СССР. От съезда к съезду (апрель 1927 г.—май 1929 г.)», М., 1929, с. 184). В Основых судеустройства 1924 г. (ст. 20) указывалось, что исправительно-трудовые учреждения, находящиеся в ведении республиканских ГПУ, проверяются прокурорами республик, а вопрос о проверке учреждений, которыми ведают ОГПУ, должен был решать ЦИК СССР.

141. *П. Стучка*. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М., 1931, с. 196—197. Первоначально статья появилась в «Революция права», 1929, № 2.

142. «Еженедельник советской юстиции», 1929, № 8, с. 174.

143. По данным одного специалиста, в 1928 г. в концентрационных лагерях содержалось 30 тыс. заключенных; он же передал перечень шести лагерей (пять на севере и один в Казахстане), которые функционировали в 1930 г. (*D. Dallin, B. Nikolaevsky. Forced Labour in Soviet Russia*. 1948, p. 52).

144. О Пашуканисе см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 2.

145. «КПСС в резолюциях...», М., 1957, ч. 2, с. 293.

146. *П. И. Стучка*. Избранные произведения. Рига, 1964, с. 563—564. Два года спустя Стучка открыто критиковал Пашуканиса за утверждение, что «закон и право это, мол, штучки буржуазные, нам не нужные» (*П. И. Стучка*. Цит. соч., с. 189).

147. А. А. Пионтовский. Марксизм и уголовное право. 2-е изд., М., 1929, с. 45, 49—50.

148. См. с. 364.

149. Эти взгляды А. А. Пионтовский изложил в Цит. соч., с. 7, 37. О «стихийности» и «хвостизме» см. «Большевистская революция...», т. 1, с. 15. 18. Еще в 1925 г. Адоратский свел проблему к решению вопроса о том, «как использовать и буржуазные правовые формы для создания коммунистического общества» («Энциклопедия государства и права», М., 1925, т. 1, с. 926, статья «Диалектика и право»).

150. Первый рецензент книги Пашуканиса «Общая теория права и марксизм» в журнале Коммунистической академии подчеркнул, что, поскольку имущественные владения отражали отношения господства — подчинения, частное право должно вытекать из публичного права, а не наоборот («Вестник Коммунистической академии», 1924, вып. 8, с. 363—364).

151. «Энциклопедия государства и права», М., 1927, т. 3, с. 148, статья «Цель в праве».

152. Там же, т. 3, с. 922, статья «Советское право».

153. А. Стальгевич. Пути развития советской правовой мысли. М., 1928, с. 72.

154. «Революция права», 1929, № 4, с. 37.

155. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 4.

156. См. гл. 41.

157. Как видно, открытая попытка связать Пашуканиса с бухаринцами имела место в статье газеты «Известия» 6 октября 1930 г., в которой его обвинили в «замазывании ошибок Бухарина в теории о государстве» и в поведении классового сотрудничества в ущерб классовой борьбе. Пашуканис частично покаялся в ноябре 1930 г. (перевод в *H. Babb* (ed.), *J. Hazard. Soviet Legal Philosophy*, 1961, p. 237—238) и в конце концов был в 1937 г. репрессирован.

158. 19 февраля 1926 г. в газете «Известия» Курский привел статистические данные, свидетельствовавшие о быстром росте после 1921 г. количества поступающих в суды гражданских дел.

159. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 4.

160. Отчет одного из членов комиссии о первоначальных этапах ее работы в: «Еженедельник советской юстиции», 1927, № 26, с. 785—786.

161. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 2.

162. «Вторая сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета X созыва», М., 1923, с. 48. См. также неопределенный ответ докладчика (там же, с. 248). Аналогичную точку зрения отстаивал известный юрист в феврале 1924 г. на V Всероссийском съезде судебных работников («Еженедельник советской юстиции», 1924, № 12—13, с. 284—285).

163. «III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва», М., 1926, с. 252.

164. «Еженедельник советской юстиции», 1926, № 22, с. 701. Текст решения в: «Сборник действующих разъяснений Верховного Суда РСФСР» (М., 1930, с. 166).

165. Там же, 1927, № 10, с. 298—302.

166. «Правда», 8, 15 января 1928 г.

167. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 14.

168. «Еженедельник советской юстиции», 1929, № 9—10, с. 222—227.

169. Там же, 1929, № 9—10, с. 232. Резолюцию к съезду подготовили заблаговременно (там же, 1929, № 6, с. 122—123).

170. «Резолюция права», 1929, № 5, с. 33—34.

171. См. гл. 47.

172. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 2.

173. Там же. О расхождениях в кодексах о браке РСФСР, Украинской и Белорусской ССР см. «Еженедельник советской юстиции», 1927, № 22, с. 664—666.

1. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 2.
2. «Известия», 15 ноября 1925 г.
3. W. C. Emhardt. Religion in Soviet Russia, 1929, p. 320.
4. Текст послания опубликован на французском языке в: Russie et Chrétienté, 1947, vol. 2, p. 38—41.
5. W. C. Emhardt. Op. cit., p. 151—153. Как видно, этот шаг преследовал двоякую цель: более активно противодействовать притязаниям синодальной церкви и создать Сергию видимость большей власти над духовенством и пастырей за рубежом. Он не имел заметного успеха ни в том, ни в другом.
6. «Известия», 19 августа 1927 г. На французском языке декларация была опубликована в Russie et Chrétienté, (1947, vol. 2, p. 41—44) вместе с письменным протестом (от 27 сентября 1927 г.) ряда сосланных на Соловки православных священнослужителей, которые согласились принять обязательство в политической лояльности к Советскому правительству, но возражали против других положений декларации (там же, vol. 2, p. 45—57). Ряд православных священников, сохранивших верность Тихону и критически настроенных по отношению к Сергию, провели в Москве с 15 по 19 ноября 1927 г. встречу и выпустили манифест (см. Orientalia Christiana, Rome, 1928, No 46, p. 65—68).
7. А. В. Луначарский. Почему нельзя верить в бога. М., 1965, с. 67—96, 97—116. Взгляды Луначарского на религию всегда были в партийных кругах под подозрением из-за его связи еще в дореволюционный период с Богдановым и Горьким. Их критиковал Скворцов-Степанов в одной из статей, опубликованной в журнале «Большевик» (1924, № 1, с. 48—55).
8. «Правда», 10 сентября 1927 г.—А. В. Луначарский. Собр. соч., М., 1965, т. 5, с. 508—510.
9. Протокол диспута не публиковался. Выдержки из выступления Луначарского см. там же, т. 5, с. 714—716. Впоследствии Луначарский записал, что Введенский «защитил» Барбюса (там же, т. 6, с. 281). См. также А. В. Луначарский. Силуэты. М., 1965, с. 324—325.
10. В. Д. Бонч-Бруевич. Из мира сектантов. М., 1922, с. 142. Автор утверждал, что многие сектанты стали коммунистами.
11. «Восьмой Всероссийский съезд Советов», 1921, с. 226—228.
12. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 52.
13. И. Т. Бобрышев. Мелкобуржуазные влияния среди молодежи. 2-е изд., М.—Л., 1928, с. 41.
14. Ф. М. Питинцев. Политическая роль сектантства. М., 1928, с. 246. Одна из сектантских коммун возражала против введения заработной платы (там же, с. 392). Посещение в 1926 г. одной из евангелических коммун на прежней государственной ферме описан в: K. Borders. Village Life under the Soviets. N. Y., 1927, p. 58. О религиозных общинах, создававших артели строительных рабочих, см. «Основы плановой экономики...», т. 1, с. 460. прим. 1.
15. И. Т. Бобрышев. Цит. соч., с. 47—48.
16. «Междущарствие...», гл. 1; «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22.
17. «Собрание узаконений», 1927, № 105, ст. 707.
18. «ВЛКСМ в резолюциях...», М.—Л., 1929, с. 285.
19. «Правда», апрель 1927 г. В конце года в докладе ЦК партии шла речь об оживлении «антисоветской деятельности поповщины всех вероисповеданий и сект» («К XV съезду ВКП(б)», М.—Л., 1927, с. 161). Позднее Сергий упоминал 30 тыс. православных церквей («Известия», 19 февраля 1930 г.).
20. И. Т. Бобрышев. Цит. соч., с. 15—16.
21. Там же, с. 53.
22. И. Сталин. Соч., т. 10, с. 132—133.
23. Там же, т. 10, с. 324.
24. «VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ», М., 1928, с. 581.
25. А. Ангаров. Классовая борьба в советской деревне. 1929, с. 23—24.
26. «Советское строительство», 1929, № 5 (34), с. 124—125, 141—142, 154.
27. «На аграрном фронте», 1928, № 11, с. 69. Относительно кампаний свя-

щенников и баптистов против тракторов и коллективизации см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 8.

28. И. Т. Бобрышев. Цит. соч., с. 38.
29. «Труд», 7 февраля 1929 г.
30. «Известия», 3 апреля 1929 г.
31. Там же, 26 марта 1929 г.
32. См. об этом с. 383.
33. Декрет был опубликован в газете «Известия» 26, 27 и 28 апреля 1929 г.
34. «Съезды Советов в документах», М., 1962, т. 4, ч. 1, с. 140. Относительно Конституции 1925 г. см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 20.
35. «Правда», 19 июня 1927 г.
36. И. Т. Бобрышев. Цит. соч., с. 15. Автор особенно подчеркивает влияние сектантов на молодых девушек (там же, с. 50).
37. А. Ангаров. Цит. соч., с. 32.
38. «Советское строительство», 1929, № 5 (34), с. 142.
39. «VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ», М., 1928, с. 22, 25.
40. М. Fainsod. Op. cit., p. 432.
41. А. Ангаров. Цит. соч., с. 32—35.
42. «Труд», 17 января 1929 г.
43. «Красная звезда», 1 июня 1928 г.
44. Там же, 15 июня 1928 г.
45. Там же, 15 декабря 1928 г.
46. Относительно данной работы см. гл. 53.
47. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 2.
48. Сокращенный текст доклада в А. В. Луначарский. Почему нельзя верить в бога. М., 1965, с. 234—244.
49. Цит. по: М. Fainsod. Op. cit., 1959, p. 432.
50. «Правда», 13 апреля 1928 г.
51. «ВЛКСМ в резолюциях...», М.—Л., 1929, с. 313, 335—336.
52. «Правда», 25 декабря 1928 г.
53. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 2—3 (261—262), с. 2—4.
54. «Правда», 18 апреля 1929 г.
55. Там же, 26 марта 1929 г.
56. Там же, 6 мая 1929 г.
57. Вступительная речь Луначарского, его основной доклад и заключительное слово в А. В. Луначарский. Почему нельзя верить в бога. М., 1965, с. 329—343.
58. «Правда», 12 июня 1929 г. В докладе, подготовленном к XV съезду партии в декабре 1927 г., указывали для этого года две совершенно разные цифры. В одном случае речь шла о 140 тыс. человек, включая 30% крестьян, в другом же говорилось о 250 тыс. человек, включая 40% беспартийных крестьян («К XV съезду ВКП(б)», М.—Л., 1927, с. 126, 162). Ни одна из этих цифр не внушает доверия.
59. Съезд подробно освещался в «Правде» (12, 15 июня 1929 г.), «Известиях» (12, 13 июня 1929 г.) и в «Бедноте» (14, 19 июня 1929 г.).
60. Два знаменитых документа первых лет советского строя представляли собой декрет Совнаркома, объявивший погромщиков и подстрекателей к погромам «вне закона» («Известия», 9 августа 1918 г.), и осуждение Лениным антисемитизма в речи, записанной на граммофонную пластинку в 1919 г. или примерно в это время (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 242—243).
61. Данные переписи, касавшиеся евреев, см. «Большая Советская Энциклопедия», М., 1932, т. 24, с. 337. В «Советском строительстве» (1928, № 4 (21), с. 55) приведены несколько иные общие цифры.
62. Доля евреев среди членов партии снизилась с 5,2% (в 1922 г.) до 4,3% (в 1927 г.). В 1927 г. только 3 тыс. евреев-партийцев раньше состояли членами других партий («Социальный и национальный состав ВКП(б)», М.—Л., 1928, с. 113). Доля евреев среди населения равнялась 1,8% (F. Lorimer. The Populations of the Soviet Union. Geneva, 1946, p. 53).

63. Относительно истории евсекций см. S. Schwarz. Op. cit., p. 97—103. Их не распускали до 1930 г., но уже начиная с 1926 г. они утратили свою действенность. Каменев якобы заявил в 1925 г. группе евреев, что евсекция — злейший враг евреев (цит. по еврейскому источнику в: L. Kochan (ed.). The Jews in Soviet Russia. 1970, p. 66), по-видимому, на том основании, что это препятствовало их ассимиляции с остальным населением. Согласно одному из сообщений в Смоленских архивах местная евсекция превратилась в орган расследования жалоб относительно проявлений антисемитизма (M. Fainsod. Op. cit., p. 445).
64. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1927, № 13 (186), с. 6—7.
65. Относительно его проявления в первые годы нового строя см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 2.
66. M. Fainsod. Op. cit., p. 441.
67. «Советское строительство», 1927, № 8—9 (13—14), с. 72. Доля лишенцев в РСФСР не превышала 6% (см. табл. № 64).
68. В 1929 г. 80% лишенных избирательных прав в одной из деревень Белорусской ССР (несомненно, как торговцы или использовавшие наемный труд) были евреями (M. Fainsod. Op. cit., p. 444).
69. A. Noe. Golden Days of Soviet Russia. Chicago, 1931, p. 152.
70. «Советское строительство», 1929, № 2 (31), с. 138.
71. «Пятнадцатый съезд ВКП (б)», М., 1961, ч. 1, с. 443—444.
72. Об этом выступлении см. гл. 49.
73. «Еженедельник советской юстиции», 1929, № 4, с. 83—85.
74. Как и в партии, в первые годы что-то было предпринято, чтобы смягчить непропорционально большое представительство евреев в комсомоле. На IV съезде в 1921 г. 18,3% делегатов с решающим голосом были евреями, на VI съезде в 1924 г. — уже 13,8%, а на VII съезде в 1926 г. — лишь 7% (см. таблицу в R. T. Fisher. Pattern for Soviet Youth. N. Y., 1959, p. 417). Данных по VIII съезду, который состоялся в 1928 г., обнаружить не удалось.
75. «ВЛКСМ в резолюциях...», М.—Л., 1929, с. 283.
76. И. Т. Бобрышев. Цит. соч., с. 15, 18—36.
77. Там же, с. 12—13.
78. «Красная звезда», 29 ноября 1929 г.
79. «Правда», 19 февраля 1929 г.
80. Архивы Троцкого, Т. 868.
81. Там же, Т. 1006.
82. «Правда», 17 марта 1927 г.
83. Архивы Троцкого, Т. 1001.
84. О письме см. с. 432—433.
85. И. Сталин. Соч., т. 10, с. 324.
86. «VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ», М., 1928, с. 24, 90, 452.
87. «Коммунистическое просвещение», 1928, № 6 (42), с. 79.
88. Е. Ярославский. Цит. соч., с. 42—44.
89. «Правда», 19 февраля 1929 г.
90. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 5—6 (264—265).
- с. 20.
91. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 611.

Глава 55. Политика в области литературы

1. В 1926 г. при обсуждении оперы Римского-Корсакова «Сказание о граде Китеже» он заявил, что «даже контрреволюционные и мистические произведения в тех случаях, когда они высокохудожественны и культурны, крайне характерны, не должны быть запрещаемы» («Известия», 27 июля 1926 г.).
2. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 14.
3. На титульном листе журнала «На посту» было указано: «журнал литературной критики». Его преемник назвался «журналом марксистской критики», изменив тем самым лишь литературную форму, но не содержание.

4. «Литературная энциклопедия», М., 1935, т. 9, с. 673—674. После партийной резолюции от 18 июня 1925 г. («Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 14) несколько литературных групп, включая ВАПП, опубликовали в августе 1925 г. совместное заявление о том, что «наступило время для создания федерации советских писателей» («Литературные манифесты», М., 1929, с. 286—289; «Октябрь», август 1925, с. 163—164). Иногда этот момент ошибочно называют временем основания ФОСП. По словам Луначарского («Известия», 1 октября 1927 г.), создание ФОСП было связано с кампанией по улучшению материальных условий писателей. Постановлением от 30 сентября 1927 г. писателям предоставили в вопросах жилья такие же привилегии, как рабочим и служащим («Собрание законов», 1927, № 58, ст. 580). Намечались поправки к закону об авторских правах (относительно постановления по данному вопросу см. гл. 47).

5. О выступлении Луначарского см. с. 405.

6. «Журналист» (1926, № 1, с. 16) привел следующие данные о количестве членов (по состоянию на 1 октября 1925 г.): ВАПП — 2898; ВОКП — 709; ВСП — 360 человек. Все другие были значительно меньше. В 1927 г. Гусев указал, что в ВСП числилось 800 членов («Правда», 30 апреля 1927 г.). В 1928 г. ВАПП утверждал, что включает 4800 членов, сгруппированных в 30 национальных секциях («Известия», 6 мая 1928 г.). В это число, по-видимому, вошли члены 80 региональных и местных АПП (И. Н. Розанов. Путеводитель по современной русской литературе, М., 1929, с. 335). Центральный Совет ВОКП провел 15—17 мая 1928 г. «расширенный пленум» и опубликовал, по всем признакам, первый манифест («Литературные манифесты», М., 1929, с. 265—271).

7. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 14.

8. «Известия», 25, 27 февраля 1927 г. Статьи вызвали публичную дискуссию, в которой участвовали Полонский, Маяковский и другие известные литераторы («Литературное наследство», 1958, № 65, с. 47).

9. «Красная новь», 1925, № 3, с. 248—257.

10. Полное описание этой группы см.: B. Erlich. Russian Formalism. The Hague, 1953.

11. «Красная новь», 1927, № 2, с. 233—236.

12. Заявление, опубликованное в начале 1928 г. в «Литературные манифесты», М., 1929, с. 262—264. В 1929 г. они провели симпозиум под названием «Бизнес» («На литературном посту», 1929, № 9, с. 20).

13. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 14.

14. «Красная новь», 1926, № 5, с. 195—203. Авербах обладал способностью возбуждать к себе сильную антипатию. Троцкий, первоначально один из покровителей («Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 14), позже говорил об «остроумных ничтожествах, подобных Авербаху», которого «объявили Белинским пролетарской (!) литературы» («Бюллетень оппозиции», Париж, 1830, № 11, с. 40). Авербах развернул кампанию и против Полонского, редактора эклектического «Нового мира», которого он назвал «старым alter ego А. Воронского» (Л. Л. Авербах. Наши литературные разногласия. Л., 1927, с. 38). Полонский со своей стороны критиковал журнал «На литературном посту» за «оппортунизм и кружковщину, низкий уровень литературной грамотности... неряшливую, временами, нечестную полемику» (В. П. Полонский. Очерки литературного движения революционной эпохи. 2-е изд., М.—Л., 1929, с. 286).

15. Л. Л. Авербах. Цит. соч., с. 252—259. Подлинный доклад, возможно, переделан специально для включения в данную книгу.

16. «Известия», 30 ноября 1926 г. О Пролеткульте см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 2. Термин «комчанство» — это известное изобретение Ленина.

17. «Правда», 1 декабря 1926 г.; Л. Троцкий. Соч., т. 21, с. 469—470; В. П. Полонский. Цит. соч., с. 222, 284—285.

18. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 14. В «Литературной энциклопедии» (М., 1930, т. 2, с. 313) указано, что Воронский примкнул к оппозиции в 1925 г. Он был одним из подписавших «платформу 46» в октябре

1923 г. («Междущарствие...», Приложение «А»); разделял скептическое отношение Троцкого к пролетарской литературе, и Троцкий в своей автобиографии назвал Воронского «нашим лучшим литературным критиком» (Л. Троцкий. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. 2, с. 316). Он едва избежал компрометации, когда Пильняк посвятил ему рассказ, основанный на факте смерти Фрунзе («Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 16) и был арестован как троцкист в январе 1929 г. (об этом см. гл. 56).

19. В этом смысле писали Горькому и Гладков, и Воронский («Литературное наследство», 1963, № 70, с. 90). Архив А. М. Горького, М., 1965, т. 10, ч. 2, с. 51. 7 апреля 1927 г. Гладков сообщил, что вопрос о снятии Воронского отложен («Литературное наследство», 1963, № 70, с. 93).

20. «Красная новь», 1927, № 4, с. 214—221.

21. Протокол совещания не публиковался, однако ссылки на него имеются в письме присутствовавшего на совещании Гладкова к Горькому («Литературное наследство», 1963, № 70, с. 90, 93—94, прим. 1) и в статье Воронского (см. гл. 56).

22. Цит. по С. И. Шешуков. Неистовые ревнители. М., 1970, с. 208—209.

23. «Правда», 30 апреля 1927 г.

24. «Красная новь», 1927, № 6, с. 238—249.

25. Архив А. М. Горького. М., 1965, т. 10, ч. 2, с. 67.

26. Четыре серии воспоминаний Воронского из дореволюционного периода появились в: «Красная новь» (1928, № 9—12) и затем прервались, несомненно, в связи с его арестом (см. гл. 56).

27. «На литературном посту», 1927, № 17—18, с. 56—65.

28. Л. Л. Авербах. Цит. соч., с. 31.

29. «На литературном посту», 1927, № 20, с. 1—5; там же, 1927, № 22—23, с. 21—22.

30. «Литературное наследство», 1958, № 65, с. 322. Автор одной из статей в журнале «На литературном посту», воздавая слегка обычную хвалу Маяковскому, назвал его «газетчиком» (1927, № 22—23, с. 61—73).

31. А. В. Луначарский. Собр. соч., М., 1964, т. 2, с. 362—367, 646.

32. «Литературные манифесты», М., 1929, с. 289—291.

33. «К XV съезду ВКП(б)», М.—Л., 1927, с. 224.

34. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1962, ч. 2, с. 1321—1327. Описание карьеры Криницкого см. «Вопросы истории КПСС», 1964, № 12, с. 96—99.

35. «Правда», 27 января 1928 г. Относительно выступления см. Приложения «Е».

36. «На литературном посту», 1928, № 8, с. 2—6. Относительно высказываний Сталина см. И. Сталин. Соч., т. 1, с. 36—38.

37. А. В. Луначарский. Собр. соч., М., 1964, т. 2, с. 371—373. Впервые она была опубликована в журнале «На литературном посту» (1928, № 9).

38. «Правда», 5 мая 1928 г.—«Известия», 6 мая 1928 г. Отчеты о съезде, который продолжался до 8 мая 1928 г., печатались в «Правде» 5 и 9 мая, в «Известиях» 6 и 8 мая, в журнале «На литературном посту» (1928, № 10, с. 74—80; № 11—12, 118—124; № 13, с. 5). Однако все они слишком отрывочны, чтобы дать ясную картину о происходившем. Некоторые доклады, включая выступления Авербаха и Фадеева, были опубликованы в: «Творческие пути пролетарской литературы», М.—Л., 1929.

39. Цит. по В. Перцов. Маяковский. Жизнь и творчество в последние годы. М., 1965, с. 226. «Хорошо!» уже критиковали в журнале «На литературном посту» (1928, № 2, с. 21; 1928, № 5, с. 54). Брик, сторонник Маяковского, ответил едкой рецензией на роман Фадеева «Разгром», напечатанный в журнале «Новый ЛЕФ» (1928, № 5, с. 5—7).

40. Опубликованы в журнале «Новый мир» (1928, № 6, с. 188—192).

41. «Известия», 6 мая 1928 г.

42. О решении сообщил журнал «На литературном посту» (1928, № 6, с. 1—3), которое, по-видимому, не сразу вступило в силу. Впервые Совет ВОАПП собрался лишь в январе 1929 г. (там же, 1929, № 1, с. 7—12).

43. Там же, 1928, № 10, с. 1—5. «Малая Советская Энциклопедия» (М., 1930, т. 7, с. 175) называет это временем основания РАПП. Другие авторитетные источники («Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 14) указывают январь 1925 г. Однако в 1925—1928 гг. обычно использовалось сокращенное название «ВАПП».

44. «Литературные манифесты», М., 1929, с. 219—227.

45. Статьи Горького, посвященные 10-й годовщине революции, появились в «Известиях» (23 и 30 октября 1927 г.) и в «Правде» (6—7 ноября 1927 г.).

46. Там же, 29 марта 1928 г.

47. В феврале 1927 г. Горький, узнав о кампании против Воронского (см. с. 403), написал ему, восхваляя его «заслугу перед новой русской литературой» и его «отличный журнал» (Архив А. М. Горького, М., 1965, т. 10, кн. 2, с. 45).

48. «На литературном посту», 1928, № 4, с. 94.

49. «Правда» и «Известия» 21 апреля 1928 г.; «Известия», 1 мая 1928 г. Критика Авербаха появилась в «Комсомольской правде» 2 октября 1927 г.

50. «На литературном посту», 1928, № 10, с. 11—14.

51. Группа, которую возглавлял Скворцов-Степанов, редактор газеты «Известия», встретила его на границе («Известия», 29 мая 1928 г.).

52. «Правда», 27 и 30 мая, 1 и 2 июня 1928 г. Текст выступления Луначарского в А. В. Луначарский. Силуэты. М., 1965, с. 229—244.

53. Карикатура того времени изображала Авербаха, не особенно заметного, в группе известных писателей, которых Луначарский ведет встречать Горького («Литературное наследство», 1950, № 65, с. 88—89).

54. «Правда», 3 июня 1928 г. Луначарский подготовил статью в поддержку взглядов Астрова и с откровенным осуждением критических приемов Авербаха, о котором он писал: «Но редко встречал я человека, у которого было бы столько врагов». Проект статьи сохранился среди других бумаг Луначарского. На нем имелась пометка: «Известия, 6 июня 1928 года». Это свидетельствует о том, что публикация планировалась (А. В. Луначарский. Собр. соч., М., 1964, т. 2, с. 374—378). Но статья не публиковалась. Это был напряженный момент в партийной борьбе, отчасти и вокруг контроля партии над печатью (см. с. 61—62). Публикация статьи в поддержку Астрова против откровенного защитника левых могла бы быть воспринята как вызов.

55. Отчет о встрече и выступлении опубликован в «Правде» 13 июня 1928 г. Показания Рыкова во время его судебного процесса в 1938 г., касавшиеся бесед с Авербахом о Горьком «примерно с 1928 по 1930 год», свидетельствовали о неприязни к Горькому («Судебный отчет по делу антисоветского право-троцкистского блока». М., 1938, с. 627). Вывод Е. Замятина в его «Лицах» (Нью-Йорк, 1955, с. 96), отрывок из которого впервые был опубликован в 1936 г., о том, что Горький был виноват в падении РАПП, хотя и не подкреплён фактами, все же знаменателен для оценки отношений между ними.

56. «На литературном посту», 1928, № 13—14, с. 4.

57. Л. Л. Авербах. Культурная революция и вопросы современной литературы. М.—Л., 1928, с. 62—64; «Творческие пути пролетарской литературы», М.—Л., 1928, с. 9—10.

58. Статья была напечатана в первом номере журнала «На посту» в 1923 г. и перепечатана в «Литературных манифестах» (М., 1929, с. 189—193). Либединский опроверг содержащиеся в ней положения в своей «платформе», подготовленной для пленума РАПП в октябре 1928 г. (см. с. 414).

59. «Октябрь», 1929, № 4, с. 182; «Печать и революция» (1929, № 1—2, с. 19—75) опубликовала серию статей различных авторов относительно «социального заказа». Открывший полемику Полонский пронизательно заметил, что этот термин является лозунгом «деклассированной интеллигенции», которая стремилась отделиться от рабочего класса, и что он не может служить образцом рабоче-крестьянским писателям.

60. См. с. 402.

61. В результате перемены «Новый мир», до того чисто литературный журнал, стал публиковать статьи и на такие темы, как химическая промышленность, разоружение, Днепрострой и японский империализм. Двумя другими, по-видимому, пассивными членами редакционного совета являлись Луначарский и Скворцов-Степанов. Вскоре Полонский реабилитировал себя, и его фамилия начиная с № 9 (сентябрь 1928 г.) вновь стала печататься на обложке журнала.

62. Незадолго до этого Третьяков опубликовал статью, в которой критиковал «пафос» и сентиментализм в литературе и требовал писателей-«деловиков» («На литературном посту», 1928, № 4, с. 93—94).

63. В. Маяковский. Полн. собр. соч., М., 1959, т. 12, с. 503—506.

64. Там же, т. 12, с. 183.

65. Любопытная и знаменательная полемика имела место в начале этого года. Старый большевик и член редакционного совета журнала «На литературном посту» Ольминский написал для «Огонька» статью, критикуя чрезмерную льстивость по отношению к Толстому, которую проявили, помимо других, Крупская и Луначарский. Статью опубликовали с припиской, в которой указали, что Ленин в своих работах с похвалой отзывался о Толстом. Ольминский вернулся к проблеме в статье, напечатанной в «Правде» 31 января 1928 г., в которой в ответ заметил, что если прочитать статьи Ленина полностью, то они показывают его глубокие расхождения с Толстым. 2 февраля 1928 г. «Правда» на последней странице напечатала объявление (для советской прессы необычно большое по размерам) о предстоящем юбилейном издании произведений Толстого и нескольких книг о нем. Два дня спустя «Правда» опубликовала статью Ольминского, озаглавленную «Ленин или Лев Толстой?», в которой он протестовал против «американского» стиля и «неприличия» объявления. По его словам, к трудам Ленина относились не так. Луначарский, являвшийся председателем комиссии по подготовке юбилейного издания, выступил 10 февраля 1928 г. в «Правде», протестуя против попытки сравнивать величие Ленина с величием Толстого. Ольминский ответил другой статьей в «Правде» (16 февраля 1928 г.), в которой советовал на то, что Луначарский обошел стороной фундаментальное различие между Лениным и Толстым, и объявил, что «На литературном посту» начнет кампанию протеста. Однако, очевидно, Ольминский в редакционном совете остался в то время в одиночестве либо кампания так и не состоялась.

66. В ноябре 1927 г. он писал Горькому: «Когда я думал и думаю о литературе наших дней, я всегда держу в памяти Вас — Толстого и Вас» (Архив А. М. Горького. М., 1965, т. 10, ч. 2, с. 60).

67. «На литературном фронте», 1827, № 10, с. 16. Писатели из РАППа избрали своим девизом слова Ленина, которыми он описал метод Толстого («срывая маски со всех и вся»). Однако впоследствии этот девиз осудили, как побуждающий к чрезмерному самокопанию.

68. Относительно данной платформы см. с. 414.

69. О собрании подробно сообщили 12 сентября 1928 г. «Правда» и «Известия». Основной доклад сделал Луначарский, но текст выступления, как видно, не публиковался. Многие зарубежные гости также отдали дань уважения, и собрание, которое включило концерт из произведений Бетховена, длилось с 6 часов вечера до 1 часа ночи. Одновременно объявили («Правда», 6 сентября 1928 г.) о предстоящем юбилейном издании произведений Толстого в 90-х томах (см. гл. 56). Текст лекций Луначарского на тему «Толстой и наша современность», прочитанной 30 сентября 1928 г., см. «Литературное наследство», 1961, № 69, кн. 2, с. 406—426).

70. Дискредитация Бухарина, по-видимому, особенно отразилась на литературных кругах. В книге, написанной летом 1928 г. (предисловие датировано 1 сентября 1928 г.), указывалось: «Громадным авторитетом в делах партийной литературной политики пользуется мало и редко выступающий в печати в качестве литературоведа Н. Бухарин» (И. Н. Розанов. Путеводитель по современной русской литературе. М., 1929, с. 28).

71. «На литературном посту», 1928, № 15—16, с. 1—3; там же, 1928, № 17, с. 2—4.

72. Там же, 1928, 19, с. 1—3; там же, 1928, № 20—21; с. 140—142.

73. Платформа была опубликована в: «На литературном посту», 1928, № 19, с. 9—19; № 20—21, с. 6—14. Заключительное слово напечатано там же (1929, 1, с. 26—29).

74. «На литературном посту», 1928, № 20—21, с. 1—5. Относительно речи Сталина см. гл. 41.

75. «На литературном посту», 1928, № 22, с. 23; там же, 1928, № 24, с. 25.

76. «Справочник партийного работника», М.—Л., 1930, вып. 7, с. 410—422. Относительно имевшей место в то время озабоченности, связанной с дисциплинированным поведением и мелкобуржуазными настроениями среди молодежи, см. гл. 45. В одном из тогдашних работ указывалось, что «богема в среде литературной смены должна получить свирепый отпор» (И. Т. Бобрывев. Цит. соч., с. 131). О резолюции от 18 июня 1925 г. см. гл. 56.

77. «Литературное наследство», М., 1958, т. 65, с. 83. Как видно, из произнесенных речей опубликовали только речь Маяковского. Он хвалил Керженцева за то, что тот в журнале «На литературном посту» осудил статью, требовавшую «уничтожения» ЛЕФа (это свидетельствует о том, что партийная позиция не исключала элементы примирительного характера). Маяковский заявил, что нужно быть вместе с Авербахом, вместе с Фединым, с товарищами из ВАПП, с товарищами из ЛЕФа, отмечая правое попутничество и стоя за всех левовских попутчиков». Однако он критиковал идею, согласно которой «безработные анархисты из «На посту» должны исправлять коммунистическую идеологию ЛЕФа» (В. Маяковский. Полн. собр. соч., М., 1959, т. 12, с. 365—373).

78. «Правда», 25 декабря 1928 г.

79. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 2—3 (261—262), с. 10—11. Партия уделяла значительно меньше внимания, чем литературе, различным видам визуального искусства. Однако в это время Агитпром получил сообщение от партийной фракции Ассоциации художников революции и изложил свой взгляд на политику в данной области. По мнению отдела, художники уделяли слишком много внимания деревенской жизни и гражданской войне и недостаточно — труду и пролетариату. Город «изображался исключительно в праздничные моменты». Художники должны были больше интересоваться такими темами, как индустриализация, реконструкция сельского хозяйства, антирелигиозными и антиалкогольными кампаниями (там же, 1929, № 4 (263), с. 14—15). Движение ЛЕФ рассчитывало заменить живопись фотографированием («Литературные манифесты», М., 1929, с. 256).

80. Когда в 1932 г. распустили РАПП, то утверждали, что вместо «наибольшей мобилизации советских писателей и художников вокруг задач социалистического строительства» эта организация культивировала «кружковую замкнутость» и «отрывала от политических задач современности» («Правда», 24 апреля 1932 г.).

81. «Литературная энциклопедия». М., 1932, т. 6, с. 341.

82. «Новый ЛЕФ», 1928, № 12, с. 36—37.

83. «Annali», 1966, Milan, 1966, p. 648—649. Относительно преследования троцкистов см. гл. 41.

84. «На литературном посту», 1929, № 1, с. 1—6. В апреле 1929 г. ФОСП приступил к изданию журнала «Литературная газета», который в одном из первых номеров (27 мая 1929 г., с. 1—2) объявил конкурс на очерк о социалистическом соревновании («Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 18). Первый Всероссийский съезд крестьянских писателей состоялся 3—8 июня 1929 г.; на нем выступил Луначарский в качестве представителя ЦК партии (А. В. Луначарский. Собр. соч., М., 1964, т. 2, с. 412—425). Между тем это была наименее жизненная из всех литературных групп.

85. «Правда», 22 февраля 1929 г.

86. А. В. Луначарский. Собр. соч., М., 1967, т. 8, с. 53—54.

87. «Правда», 4 декабря 1929 г.

Глава 56. Новое советское общество

1. «Собрание законов», 1926, № 59, ст. 4—38.

2. «Правда», 10 декабря 1926. На некоторых азиатских территориях СССР (в Таджикской АССР, в отдельных частях Туркменистана, Казахской АССР и в отдельных районах Сибири, среди кочевых народов далекого Севера и в одном уезде Бурят-Монгольской АССР) оказалось невозможным провести перепись раньше лета 1927 г. («Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Предварительные итоги». М., 1927, вып. 3, с. 3).

3. «Правда», 17 декабря 1926 г. Лозунг на пятой странице гласил: «Кто хочет содействовать подъему СССР и успехам социалистического строительства — помогайте переписи!».

4. Относительно численности населения шести союзных республик см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 20. О населении автономных республик и областей см. F. Lorimer. Op. cit., p. 63—64.

5. Там же, табл. № 51.

6. Там же.

7. «СССР. Год работы правительства, 1927—1928». М., 1929, с. 481—481.

8. В 1922 г. Горький писал: «Почти весь резерв интеллектуальной энергии, накопленной в России в течение XIX столетия, оказался израсходованным во время революции и растворен в крестьянских массах... Русские крестьяне вновь поднялись за счет интеллигенции и рабочего класса» (M. Gorky. Lénine et le Paysan Russe. 1924. p. 182—183). Относительно его последующих надежд — в союзе рабочего класса с интеллигенцией преодолеть «неграмотную деревню» см. «Социализм в одной стране...», т. 1 и 3. Об Устрялове см. там же, гл. 2.

9. См. табл. № 68.

10. Статья Ларина вместе со статьей о сельском перенаселении вошла в брошюру: Ю. Ларин. Социальная структура СССР и судьбы аграрного перенаселения. М. — Л., 1928.

11. Классификация «белых воротничков» и других прямо незанятых в производстве как пролетариев была бы в капиталистическом обществе недопустимой. Маркс в «Капитале» проводил резкое различие между «торговым рабочим», то есть работниками торговых предприятий, которых по мере развития промышленности становится все больше, и производственными рабочими, которые только и создают прибавочную стоимость (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, с. 321). А Энгельс в 1872 г. писал, что прибавочная стоимость «распределяется между всем классом капиталистов и землевладельцев, вместе с их оплачиваемыми слугами, начиная от Папы и императора и кончая ночными сторожами и прочими» (там же, т. 18, с. 208).

12. См. табл. № 68, в которой также даны соответствующие цифры за 1924—1925 и 1925—1926 гг.

13. См. табл. № 69, в которой также приведены соответствующие цифры за 1924—1925 и 1925—1926 гг.

14. Ю. Ларин. Цит. соч., с. 4.

15. «Основы плановой экономики...», т. 1, табл. № 21.

16. «Вестник Коммунистической академии», 1926, вып. 17, с. 197.

17. См. табл. № 70. Книга контрольных цифр на 1927—1928 гг. датирована 1928 г., однако приведенные в ней цифры относились к осени 1927 г.

18. L. Trotsky. Op. cit., p. 29—30.

19. См. статьи Кона («Правда», 30 октября 1927 г., «Дискуссионный листок № 1»), Лифшица и Кона (там же, 1 декабря 1927 г., «Дискуссионный листок № 10»). Относительно «Дискуссионных листков» см. гл. 40.

20. «Основы плановой экономики...», т. 1, с. 686—688, 748—750.

21. «На аграрном фронте», 1928, № 4, с. 116.

22. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», М., 1928, с. 497.
23. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, с. 424—427.
24. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 3.
25. М. И. Калинин. Вопросы советского строительства. М., 1958, с. 363.
26. О заявлении см. гл. 39. Впоследствии большинство обвинило Бухарина в игнорировании классового деления крестьянства («Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 11).
27. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 2.
28. L. Trotsky. Between Red and White. CPGB, 1922, p. 77. Подлинник на русском языке не обнаружен. Ленин в своих заметках к докладу на X партконференции в мае 1921 г. по вопросу о продналоге записал: «Термидор? Трезво, может быть, да? Будет? Увидим». (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 403). Но эти рассуждения не зафиксированы в стенограмме выступления. Впоследствии на VII пленуме ЦККИ в декабре 1926 г. Бухарин приписал употребление Мартову («Пути мировой революции», 1927, т. 1, с. 118), и заметил, что «термидор» был невозможен там, где основные средства производства находились под государственным контролем (там же, т. 2, с. 607—608).
29. «Правда», 24 июля 1927 г. Намеченная третья часть, по-видимому, напечатана не была. Анонимный комментарий к статье в архивах Троцкого (Т 878).
30. См. гл. 39.
31. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 380.
32. Относительно письма см. гл. 39.
33. «Всесоюзное совещание по вопросам перевыборной кампании Советов 1929 года», М., 1928, с. 23—24.
34. «Советское строительство», 1928, № 11 (28), с. 11—12.
35. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 3.
36. См. гл. 42.
37. Е. С. Смиттен. Цит. соч., с. 18. Из 319 051 члена партии, работавших в 1927 г., в момент партийной переписи в советских, хозяйственных, кооперативных, профсоюзных и других общественных организациях 50% являлись рабочими по социальному положению, 10,7 — крестьянами и 39,3% служащими. Из работавших в этих же организациях кандидатов 61,1% были служащими («Коммунисты в составе аппарата госучреждений и общественных организаций», М., 1929, с. 11).
38. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 17.
39. «Правда», 24 ноября 1927 г. Относительно мнения Бухарина о влиянии на этот процесс Красной Армии см. гл. 52. Оппозиция придерживалась менее оптимистической точки зрения. Она считала, что приток крестьян в промышленность «нисколько не означал пролетаризации крестьянства», а представлял собой «окрестьянивание пролетариата» («Бюллетень оппозиции». Париж, 1930, № 11, с. 23).
40. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 3.
41. Об этом меморандуме см. гл. 39.
42. Архивы Троцкого, Т 3029. 3 апреля 1927 г. «Правда» привела выдержки из этого письма «виднейшего... представителя» оппозиции в качестве примера «утраты оппозицией веры».
43. Письмо Валентинова и ответное письмо Раковского приводится в архивах Троцкого (Т 2206, 1895). Последнее было опубликовано в «Бюллетене оппозиции» (Париж, 1929, № 6, с. 14—20).
44. «Бюллетень оппозиции», Париж, 1929, № 1—2, с. 20.
45. Можно утверждать, что давняя гипертрофия русского государства, обусловленная слабостью сословий в феодальный период и слабостью нарождавшейся бжуазии в XIX в., после революции сохранились благодаря слабости пролетариата. Троцкий писал о советской бюрократии, как о «поднявшейся над классом, который едва выходит из нищеты и темноты и не рас-

полагает традиций господства или руководства» (*L. Trotsky. The Revolution Betrayed*, 1937, p. 235).

46. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, с. 417; там же, т. 39, с. 206.

47. «Социализм в одной стране...», т. 1, с. 130—131. Молотов в 1937 г. разъяснил, что «социализм победил полностью в политической области еще в октябрьские дни 1917 года» (Цит. по *А. Вышинский* (ред.). Советское государственное право. М., 1938, с. 91).

48. *L. Trotsky. The Revolution Betrayed*, 1937, p. 237.

49. См. гл. 43 и 53. Относительно умаления классового принципа в Конституции РСФСР 1925 г. и о последующих обсуждениях украинской Конституции см. гл. 45.

50. Представляя в ноябре 1936 г. новую Конституцию СССР, Сталин разъяснил, что «эксплуатация человека человеком» уничтожена, изменилась и «классовая структура» советского общества, что советские рабочие и крестьяне — это совершенно новые классы, которые до тех пор не знала история, что «границы между рабочим классом и крестьянством, равно как между этими классами и интеллигенцией — стираются, а старая классовая исключительность — исчезает» (*И. Сталин*. Соч., Стэнфорд, 1967, с. 141—146; «Правда», 26 ноября 1936 г.).

51. О разногласиях по поводу диктатуры партии см. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 9.; «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 11.

52. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 12, с. 74.

53. Там же, т. 49, с. 346.

54. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 4.

55. Там же, т. 2, гл. 16. О спорах, касавшихся вопроса, являлся ли НЭП одной из форм государственного капитализма, см. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 13.

56. О двойственном характере революции см. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 5.

57. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 35, с. 189.

58. Там же, т. 36, с. 78—79, 82.

59. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16.

60. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 44, с. 147.

61. Там же, т. 43, с. 305; там же, т. 44, с. 147.

62. «Большевистская революция...», т. 2, Приложение «В».

63. *Л. Каменев*. Статьи и речи. М., 1926, с. 12, с. 510.

64. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, с. 342; т. 25, с. 422.

65. Там же, т. 17, с. 553.

66. Там же, т. 19, с. 113.

67. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 251.

68. Там же, т. 45, с. 377.

69. Там же, т. 45, с. 404.

70. На IV конгрессе Коминтерна в 1922 г. Бухарин провел резкое различие между «созреванием капитализма... и созреванием социализма» и критиковал нелепую идею созревания социализма в лоне капиталистического общества таким же путем, как и капитализма в феодальном обществе («IV конгресс Коммунистического Интернационала», М., 1922, бюллетень № 14—15, с. 8).

71. «Бюллетень оппозиции», Париж, 1933, № 36—37, с. 2—3.

72. В 1931 г., защищая различия в тарифных ставках, Сталин заявил, что «уравниловка не имеет ничего общего с марксистским социализмом» (*И. Сталин*. Соч., т. 13, с. 119).

73. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 19.

74. Обнаруживались даже некоторые странные аналогии в их эстетических взглядах: нравственно-поучающая литература, строго избирательное искусство и помпезная архитектура.

75. См. с. 441. Подобное условие редко обсуждалось в советский период. Однако, выступая в 1928 г. на VI конгрессе Коминтерна, Мануильский заявил, что отомрут только политические функции государства, а «функции общест-

венного планирования и контроля», не имеющие аналогов в капиталистических государствах, сохраняются («Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», М.—Л., 1929, вып. 5, с. 75).

76. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, т. 3, с. 195. Это подготовило почву для знаменитой сталинской новой теории об отмирании государства, представленной на XVI съезде партии в 1930 г. Относительно срастания государственных и партийных институтов см. гл. 42.

77. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 1.

78. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 432. Энгельс заметил, что «те самые люди, которые ее подавили, стали—как любил говорить Карл Маркс—ее душеприказчиками» (там же, т. 21, с. 201). В другом контексте Маркс следующим образом развил идею о революции сверху: «Вызывая социальную революцию в Индостане, Англия, правда, руководствовалась самыми низменными целями и проявила тупость в тех способах, при помощи которых она их добивалась. Но не в этом дело. Вопрос заключается в том, может ли человечество выполнить свое назначение без коренной революции в социальных условиях Азии? Если нет, то Англия, несмотря на все свои преступления, была бессознательным орудием истории, вызывая эту революцию» (там же, т. 9, с. 136; эта мысль повторилась там же, т. 9, с. 230).

79. Там же, т. 35, с. 219—220.

80. Там же, т. 22, с. 239.

81. Там же, т. 22, с. 536.

82. Там же, т. 17, с. 341.

83. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 72.

84. Обозначение коллективизации как «революции сверху» впервые появилось в «Истории Коммунистической партии Советского Союза. Краткий курс» (М., 1939, с. 305, англ. яз.). Его Сталин повторил в 1950 г. в очерке по вопросам языкознания. (И. Сталин. Соч., Стэнфорд, 1967, т. 16, с. 142).

85. Признание революционной роли Сталина явилось тем вопросом, по которому оппозиция раскололась в 1928 г. (см. гл. 40). Когда Троцкий в 1926 г. назвал Сталина «могильщиком революции» (см. гл. 39), он, вероятно, забыл высказывание Энгельса о том, что могильщики революции стали «исполнителями ее воли». Однако в письме от 9 мая 1928 г. к своим сторонникам в ссылке Троцкий сравнил Сталина с врагами революции, которые тем не менее обязаны претворять в жизнь часть революционной программы (Архивы Троцкого, Т 3112).

86. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», М.—Л., 1929, вып. 5, с. 3—4.

87. См. с. 427.

88. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 37.

89. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, с. 129.

Приложение «Е». Академия наук

1. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 20.

2. «Собрание законов», 1925, № 48, ст. 351. В соответствии с принятым в Европе употреблением, «наука» включает все научные области.

3. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 3.

4. «Большая Советская Энциклопедия». М., 1926, т. 1, с. 783—790. Статья Олденбурга с перечислением услуг, оказанных Академией Советскому Союзу в: «Известия», 22 октября 1927 г.

5. «Новый мир», 1925, № 10, с. 110.

6. «Собрание законов», 1927, № 35, ст. 367. Относительно событий, приведших к одобрению, см.: L. Graham. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party. 1967, p. 82—85 (описание, основанное на неопубликованных материалах). Благосклонное отношение к Академии наук, проявленное в то время в виде выделения 1 млн. рублей на научные исследования в Казахстане и Якутии, вызвало ревнивый комментарий Рязанова, выступившего

от имени Коммунистической академии («Вестник Коммунистической академии», 1928, № 26 (2), с. 253—254).

7. «Собрание законов», 1928, № 22, ст. 197, 198.

8. «Известия», 6 мая 1920 г.

9. Там же, 25 мая 1928 г. Относительно Варнитсо см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 21.

10. Там же, 14 апреля и 21 июля 1928 г.

11. «Правда», 18 октября 1928 г.

12. 3 июня 1928 г. «Известия» опубликовала список кандидатов, включавший Бухарина, Покровского, марксистского философа Деборина, литературного критика-марксиста Фриче, химика Баха, генетика Вавилова, Рязанова, специалистов-плановиков Кржижановского и Осадчего.

13. «Известия», 23 октября 1928 г. Описание этих событий, основанное главным образом на неопубликованных документах в: *L. Graham. Op. cit.*, p. 89—103. Председателем комиссии Совнаркома по делам Академии был Енукидзе, который в этой должности посетил Ленинград 1 октября 1928 г. («Известия», 2 октября 1928 г.). Партию на этих переговорах представлял Бухарин. В речи «Ленинизм и проблема культурной революции» в связи с 4 годовщиной со дня смерти Ленина он, выдавая желаемое за действительное, позволил себе следующий любопытный экскурс в область настроений среди старых академиков: «У нас есть уже крупные биологи из старых ученых, которые с азартом обсуждают вопрос о марксистской диалектике в области биологии. Физика, химия, физиология — захвачены тем же потоком. То же нужно сказать и о рефлексологии, психологии, педагогике. Есть даже общество математиков, которое обсуждает вопрос о методах марксизма в математике» («Правда», 27 января 1928 г.). В сообщении о научной деятельности Академии наук («СССР. Год работы правительства 1927—1928». М., с. 484—487) лишь очень коротко упоминались «выборы новых членов Академии, которые к концу 1928 г. еще не были закончены».

14. «Известия», 25 января 1929 г.

15. Там же, 14 февраля 1929 г. *L. Graham. Op. cit.*, p. 110—114. Текст петиции и решение Совнаркома, ее одоблившее, были опубликованы в «Правде» 6 февраля 1929 г. Относительно статьи, выражавшей негодование по поводу неспособности Академии идти в ногу с современными науками и предупреждавшей о необходимости «перестать быть государством в государстве» см. там же, 1 февраля 1929 г.

16. *L. Graham. Op. cit.*, p. 121—127.

Приложение «Ж». Крестьянские комитеты бедноты

1. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 4; «Социализм в одной стране...», т. 2, Приложение «Б».

2. «Собрание узаконений», 1926, № 28, ст. 219.

3. «Известия», 1 июня 1928 г.; «Беднота» 10 июня 1926 г.; «На аграрном фронте», 1926, № 7—8, с. 77—78, 84; «Советское строительство», 1928, № 8 (25), с. 78.

4. «На аграрном фронте», 1926, № 7—8, с. 72—97.

5. «III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва», М., 1926, с. 385—386.

6. «Собрание узаконений», 1927, № 62, ст. 429; «Справочник партийного работника», М.—Л., 1928, вып. 6, ч. 1, с. 667—668.

7. «Собрание узаконений», 1927, № 124, ст. 832.

8. «Правда», 15 ноября 1927 г. Дискуссионный листок № 4.

9. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)». М., 1961, ч. 1, с. 101.

10. «КПСС в резолюциях...», 1954, т. 2, с. 486.

11. «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет XIII созыва 2 сессия», М., 1928, с. 18—20.

12. «Правда», 7 апреля 1928 г.

13. «Советское строительство», 1929, № 1 (30), с. 31—32.

14. Там же, 1929, № 9 (38), с. 122.
15. «Правда» и «Беднота», 3 июня 1928 г. О первом заседании съезда сообщила «Беднота», 7 июня 1928 г. Аналогичные данные приведены в «Известиях Центрального Комитета ВКП(б)» (1928, № 25 (246), с. 3—5), где содержится также признание относительно слабого партийного руководства и недостаточных финансовых ресурсов.
16. «Правда», 6 июля 1928 г.
17. «Советское строительство», 1928, № 8 (25), с. 84.
18. Там же, 1928, № 5—6 (22—23), с. 159.
19. Там же, 1929, № 9 (38), с. 120.
20. «Беднота», 8 февраля 1929 г.; там же, 3 ноября 1929 г. 6 сентября 1929 г. Центральный Комитет партии принял резолюцию, в которой утверждалось, что не предпринималось никаких серьезных мер к проведению в жизнь директив XV съезда партии об укреплении кресткомов. Во многих районах выборные органы кресткомов были «засорены кулацким элементом», а батраки в них совершенно отсутствовали. Заключительный призыв к улучшению работы в будущем прозвучал не особенно убедительно («Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 26—27 (285—286), с. 29).

Приложение «З». Группы бедноты

1. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 5; там же, т. 2, гл. 22.
2. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 199. Относительно комбедов см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16.
3. «Справочник партийного работника», М.—Л., 1928, вып. 6, ч. 1, с. 624—626. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1926, № 26 (147), с. 3. О выступлении Молотова в Оргбюро, очевидно, в связи с принятием указанной резолюции, см. там же, 1926, № 29—30 (150—151), с. 1—2.
4. «Правда», 26 июня 1926 г.
5. Там же, 13 августа 1926 г.
6. «Власть Советов», 1927, № 7, с. 18; там же, 1927, № 19, с. 23—24.
7. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 5.
8. «Советское строительство», 1929, № 1 (30), с. 55.
9. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1928, № 4 (225), с. 6. К июню 1928 г. число членов увеличилось до 1,5 млн. человек. Из них 89,1% украинцев и 91,5% крестьян (плюс незначительных 2,2% батраков). Из числа крестьян-членов комитетов 32% являлись середняками и 3% (или больше) зажиточными крестьянами («Советское строительство», 1929, № 1 (30), с. 55—56; «На аграрном фронте», 1928, № 10, с. 79—80).
10. «Коммунистическая партия Украины в резолюциях», М., 1958, с. 414. О наступлении на кулака см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 2.
11. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», М., 1961, ч. 1, с. 102.
12. Там же, 1962, ч. 2, с. 1377—1378. В сентябре 1927 г. член президиума ЦИК РСФСР Кисилев посетил г. Фрунзе, чтобы председательствовать на съезде кошки Киргизии и призвал их работать в согласии с местными крестьянскими комитетами взаимопомощи («Известия», 27 октября 1927 г.).
13. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 488.
14. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1928, № 3 (224), с. 1—3.
15. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 2.
16. Г. Конюхов. КПСС в борьбе с хлебными затруднениями. М., 1960, с. 135—137.
17. «Беднота», 10 апреля 1928 г.
18. «Правда», 25 октября 1928 г.; «Исторические записки», 1952, № 41, с. 224.
19. «Правда», 2 ноября 1928 г.
20. «Правда», 7 апреля 1928 г. В тот период на страницах «Известий Центрального Комитета ВКП(б)» (1928, № 8 (229), с. 1—3; 1928, № 33 (254), с. 4—6) появлялось множество жалоб относительно неэффективности групп.

21. «Деревенский коммунист», 1928, № 23; «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1929, № 7 (266), с. 21—23.
22. «На аграрном фронте», 1928, № 10, с. 79.
23. Архивы Троцкого, Т 1230. Там, однако, где беднота не была организована, кулак действовал через подкулачников путем спаивания, лицемерной защиты «бедняцких интересов» (А. И. Ангаров, Цит. соч., с. 42).
24. Архивы Троцкого, Т 2534.
25. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1928, № 34 (255), с. 9—10.
26. Там же, 1929, № 5—6 (264—265), с. 21.
27. Там же, 1929, № 7 (266), с. 21—23. Еще более мрачные сообщения из конкретных районов см. «Деревенский коммунист», 1929, № 9 (105), с. 21—23.
28. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», М., 1962, с. 311.
29. Там же, с. 802, прим. 210. О дополнении Ломинадзе, касавшегося кулаков, см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 6.
30. «КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 589.
31. «Деревенский коммунист», 1929, № 23—24 (119—120), с. 28—31.
32. См. Приложение «И».

Приложение «И». Самообложение

1. Русское понятие «самообложение» говорит о собственной инициативе общества, а слово «налог» указывает на сборы по распоряжению правительства.
2. «Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большеви-ков)», М., 1932, с. 423—425.
3. «Съезды Советов в документах», М., 1962, вып. 4, ч. 1, с. 23.
4. «Собрание законов», 1924, № 6, ст. 60; там же, № 8, ст. 81.
5. «Советское строительство», М., 1925, с. 103, 107, 119.
6. Там же, с. 184.
7. «Известия», 30 октября 1926 г. (статья Круглова).
8. «Власть Советов», 1926, № 39, с. 5.
9. «Известия», 30 октября 1926 г. (статья Тадеуша).
10. М. Резунов. Сельские Советы и земельные общества. М., 1928, с. 13.
11. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1927, № 29 (202) с. 4.
12. «Советское строительство», 1928, № 9 (26), с. 40.
13. «Вестник финансов», 1927, № 4, с. 58—60, 64.
14. Там же, 1929, № 7, с. 87, 90. В 1905 г. доходы земельных обществ европейской России якобы составили 78 млн. руб. («Власть Советов», 1927, № 48, с. 6).
15. Указывалось, что запрет лишь нарушит связь Советов «с наиболее жизненными вопросами своего села» («Известия», 11 октября 1927 г.).
16. «Собрание законов», 1927, № 51, ст. 509.
17. «Власть Советов», 1927, № 48, с. 7.
18. «Собрание узаконений», 1928, № 8, ст. 73. Такое же постановление издала Украинская ССР 2 января 1928 г. («Советское строительство», 1928, № 1 (18), с. 69).
19. См. гл. 49.
20. «Собрание законов», 1928, № 2, ст. 29. В 1927—1928 гг. в среднем по РСФСР сборы в порядке самообложения составили 36,4% от уровня сельскохозяйственных налогов («Советское строительство», 1928, № 9 (26), с. 55—56; «Власть Советов», 1928, № 33, с. 6—7). В январе 1929 г. сходам разрешили поднять уровень самообложения до 50% от общей суммы сельскохозяйственного налога («Правда», 10 января и 24 февраля 1929 г.).
21. «Известия», 31 января, 10 февраля 1928 г.
22. И. Сталин. Соч., т. 11, с. 18—19. Относительно данной инструкции см. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 2. Упомянув сход, инструкция

имела в виду «общее собрание граждан», как указано в постановлении от 14 марта 1927 г. (см. гл. 49).

23. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 2.

24. «Беднота», 11 января и 14 февраля 1928 г.

25. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», 1928, № 12—13 (233—234), с. 4.

26. См. отчет о собрании губернского комитета партии 28 апреля 1928 г. в: Смоленские архивы.

27. «Вестник финансов», 1929, № 7, с. 85—87. Относительно жалобы на чрезмерное принудительное обложение налогом зажиточного крестьянина см. «Известия», 3 июля 1928 г.

28. «Правда», 23 сентября 1928 г.

29. «Вестник финансов», 1929, № 7, с. 88, 90.

30. «Основы плановой экономики...», т. 1, гл. 3.

31. *И. Сталин*. Соч., т. 12, с. 88. Отдельные туманные упоминания на XVI партийной конференции в апреле 1929 г. прервали официальную сдержанность относительно «уральско-сибирского метода».

Приложение «К». Женщины на советской работе

1. «Советское строительство», 1927, № 8—9 (13—14), с. 116—117.

2. «Собрание законов», 1927, № 49, ст. 503.

3. «Правда», 11—18 октября 1927 г. «Советское строительство», 1927, № 10—11 (15—16), с. 217—220. ЦИК также созвал Всесоюзное совещание «комиссий по улучшению условий труда и быта женщин Востока» с целью устранения юридической дискриминации женщин и вовлечения их в хозяйственную и политическую жизнь («СССР. От съезда к съезду» (апрель 1927 г.—май 1929 г.), М., 1929, с. 150—151).

4. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 22.

5. «Правда», 1 февраля 1927 г.

6. «Всесоюзное совещание по вопросам переизборной кампании Советов 1929 года», М., 1928, с. 47.

7. «Советское строительство», 1928, № 12 (29), с. 68—69.

8. Там же, 1928, № 12 (29), с. 61.

9. Там же, 1929, № 12 (41), с. 9, 11, 15, 17. См. также с. 487.

10. «Советское строительство», 1928, № 12 (29), с. 68—69. В отдельных секциях Тверского Совета доля женщин достигала 84% (там же, с. 15).

11. «Государственный аппарат СССР», М., 1929, с. 7, 50—51.

Приложение «Л». Товарищеские суды

1. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 38, с. 408.

2. «Собрание узаконений», 1919, № 56, ст. 537.

3. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 42, с. 225.

4. Там же, т. 43, с. 286. Такие же «дисциплинарные суды» для рассмотрения мелких правонарушений, случаев халатности со стороны служащих и незначительных споров учредили в 1923 г. в государственных и общественных организациях РСФСР («Собрание узаконений», 1923, № 54, ст. 531); переработанное Положение опубликовали в 1926 г. (там же, 1926, № 36, ст. 294). Однако их критиковали за снисходительность к нарушителям и ликвидировали решением XV съезда партии в декабре 1927 г. («КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 2, с. 445). Отчет об их работе см. «Еженедельник советской юстиции», 1926, № 31, с. 941—943.

5. «Еженедельник советской юстиции», 1928, № 10, с. 289.

6. «Труд», 4, 5 февраля 1928 г.

7. «Еженедельник советской юстиции», 1928, № 1, с. 14—15.

8. Там же, 1928, № 9, с. 277—278.

9. Об этой резолюции см. гл. 53.

10. «Собрание узаконений», 1928, № 114, ст. 707. По словам Янсона, первоначальное предложение было отклонено в Совнаркоме РСФСР профсоюзной оппозицией, которая рекомендовала ЦИК РСФСР аннулировать положение резолюции от 26 марта 1928 г. относительно товарищеских судов. Рекомендацию, однако, быстро сняли и постановление утвердили («Еженедельник советской юстиции», 1929, № 9—10, с. 198).

11. Там же, 1929, № 17, с. 377.

12. «Правда», 22 июня 1929 г.

13. «Еженедельник советской юстиции», 1928, № 28, с. 788; там же, 1929, № 11, с. 246. Янсон заметил, что товарищеские суды «в деревне пока... называются примирительными камерами» (там же, 1929, № 9—10, с. 197). Казахская АССР «в виде опыта» учредила в селах и аулах «примирительные комиссии» для разбора дел, связанных с имущественными спорами на сумму не более 15 руб., и некоторых случаев, касавшихся наследования («Советское строительство», 1929, 2 (31), с. 156).

14. «Правда», 22 июня 1922 г. Лишь в сентябре 1930 г. вышло постановление СССР об организации «сельских судов» («Собрание законов», 1930, № 51, ст. 531).

Э. КАРР
ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

11

ОСНОВЫ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ
1926—1929

Том 2

Художник *Ю. Н. Егоров*

Технический редактор *Л. Н. Шупейко*

Корректор *Н. И. Петраченкова*

Сдано в набор 25.05.1989 г.

Подписано в печать 29.11.1989 г.

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Гарнитура литературная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 27,0. Уч.-изд. л. 32,94.

Усл. кр.-оттиски 32,94.

Изд. № 24/44513. Заказ 3060дсп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Прогресс»

Государственного комитета СССР по печати
119847, Зубовский бульвар, 17.

